

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 2(27)/2021

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)

КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАНЬШИНА Наталия Петровна, д.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филол.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемориальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, и. о. директора Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

DOI 10.31754/2409-6105-2021-2

Издатель

ООО «Нестор-История»

197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

тел. (499) 270 73 00

Тираж 300 экз.

Заказ № 2482

Дата подписания в печать 17.06.2021

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

- 9 *«Необходимо признать, что “мемориальные законы” являются западноевропейским изобретением». Интервью с Пером Рудлингом*

Национальная память

- 21 *«Князю Александру удалось выстроить относительно сносную систему, позволявшую жить и развиваться под монголо-татарским игом» К 800-летию со дня рождения Александра Невского. Интервью с В. В. Долговым*
- 38 *«Это была перспективная попытка вывести российскую революцию из колеи, которая вела страну к тоталитаризму». К 100-летию Кронштадтского восстания. Интервью с А. В. Шубиным*
- 44 **ПЕР АНДЕРС РУДЛИНГ** *Лукашенко и «красно-коричневые»: Национальная идеология, коммеморация и политическая принадлежность*

Актуальные проблемы исторической памяти зарубежных стран

- 78 *Итальянская левая традиция в истории XX в. К 100-летию ИКП. Интервью с В. П. Любиным*

Память о Второй мировой войне

- 101 **М. В. КИРЧАНОВ** *«Свои» предатели «чужой» войны: особенности исторической политики и памяти о Второй мировой войне в Ирландии*
- 113 **М. В. НОВИКОВА** *Тема «потерянной родины» и проблема национальной травмы в коллективной памяти немцев ГДР (на материалах дневников и автобиографичных текстов Кристи Вольф)*
- 129 **Б. Л. ХАВКИН** *Советско-германские документы 1939–1941 гг. в исторической памяти*
- 158 **А. ФАЙН** *Малоизвестные аспекты нацистской пропаганды и актуальные условия их изучения. Письмо из Германии*

Память о Катыни

- 178 **С. В. РОМАНОВ** *Об одной недобросовестной публикации о катынском преступлении*
- 198 *«Расстрел военнопленных — это вопиющее преступление». Интервью с А. Э. Гурьяновым*

Ф. М. Достоевский в европейской исторической и культурной памяти нового времени. К 200-летию со дня рождения

211 Л. ЛЮКС

«Еврейский вопрос» в публицистике Ф. М. Достоевского и Г. фон Трейчке

230 А. Т. БЕЗАРОВ

Еще раз о позиции Федора Михайловича Достоевского в еврейском вопросе (в свете непрекращающихся споров)

Корпоративная память

254 Л. А. РОГОВАЯ, П. М. ПОЛЯН,
Г. В. НОХОВИЧ

Архивист. Памяти Дины Николаевны Нохотович

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

257 В. Э. МОЛОДЯКОВ

«Только Франция сейчас может и должна помочь Франко»: несостоявшаяся миссия Шарля Морраса в Мадрид, осень 1939

267 А. А. РЫБАЛКА

Воевода Комаров: от гектографа к револьверу

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обобщающие исследования

282 Н. С. ЖИРОВА

Время Коминтерна. Рец.: Время Коминтерна: материалы междунар. научных конференций к 100-летию Коммунистического Интернационала / Гос. публ. ист. биб-ка России, ист. фак. МГУ им. В. М. Ломоносова; науч. ред.: О. С. Поршнева; сост.: Е. Н. Струкова, К. Б. Харитонов. М., 2020. 352 с.

Мир

287 А. А. АГАПОВА

Рец.: Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / под ред. В. С. Ржеуцкого и др. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 492 с. (Серия: Historia Rossica)

292 Т. Г. БИТКОВА

Советское присутствие в послевоенной Румынии: выводы историков и память общества

309 Г. ГЕЧЕ

Рец.: Tefner Zoltán. Nyelvtanítás a bécsi Keleti Akadémián 1754–1918 [Sprachunterricht an der Orientalischen Akademie von Wien 1745–1918; Преподавание языков в венской Восточной Академии 1754–1918]. GlobEdit, Riga, 2018

314 В. СОЛОНАРЬ

Рец.: Омер Бартов. Анатолия геноцида: жизнь и смерть города, называемого Бучач / Omer Bartov. Anatomy of a Genocide: The Life and Death of a Town Called Buczacz. New York: Simon and Schuster, 2018. xv + 399 p.

322 Ю. А. ЩЕРБАКОВА

Словацкое государство 1939–1945 гг.: Интерпретации современных словацких историков и политиков

Российская империя

- 331 А. А. ТЕСЛЯ *Заметки на полях: «Мои литературные и нравственные скитания»* Ап. Григорьева
- 340 М. А. ДЕВЛИН *Рец.: Ульянова Л. В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб.: Алетейя, 2020. 358 с., илл.*
- 345 Л. А. ЮЗЕФОВИЧ *Извлеченные из небытия. Книга о командармах-изменниках Гражданской войны. Рец.: Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Пятый Рим, 2020*

СССР

- 351 А. А. КУЗНЕЦОВ *Рец.: Соломонов В. А., Зайцева Н. Н. Павел Григорьевич Любомиров: превратности судьбы историка. М.: Новый хронограф, 2019. 240 с.*
- 358 А. И. РУПАСОВ *Рец.: Сабин Дюллен. Уплотнение границ: К истокам советской политики. 1920–1940-е / пер. с французского Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 416 с.*

Учебники

- 366 В. Б. СТОЛОВ *Россия двадцатого века в школьных учебниках истории за 10-й класс*

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ**

- 386 *«Мне кажется, не надо испытывать иллюзий насчет высшего образования в России». Интервью с К. К. Мартыновым*
- 403 *COVID в нашей жизни и профессиональной деятельности. Анкета историков*

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

- 420 Д. В. ПАНЧЕНКО *К 150-летию М. И. Ростовцева (1870–1952)*

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

- 423 М. Ю. ЭДЕЛЬШТЕЙН *«Матвеев — не исключение, а правило, лишь чуть гротескно заостренное»*

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- 426 Н. П. ТАНЬШИНА *Школа молодых ученых — 2020*
- 432 *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global Memory

- 9 *"It is a sobering thought that 'memory laws' was originally a West European invention". Interview with Per Rudling*

National memory

- 21 *"Prince Alexander managed to build a relatively tolerable system that allowed him to live and develop under the Mongol-Tatar yoke". Interview with V.V. Dolgov*

- 38 *"It was a promising attempt to take the Russian revolution out of the rut that led the country to totalitarianism". To the 100th anniversary of the Kronstadt uprising. Interview with A. V. Shubin*

- 44 **PER ANDERS RUDLING** *Lukashenka and the "Red-Browns": National Ideology, Commemoration of the Past and Political Belonging*

Actual problems of national memory of foreign countries

- 78 *Italian left-wing tradition in the history of the twentieth century (to the 100th anniversary of the IKP). Interview with V.P. Liubin*

Memory of the Second World War

- 101 **M. V. KYRCHANOFF** *"Own" traitors of "alien" war: features of historical politics and memory of World War II in Ireland*

- 113 **M. V. NOVIKOVA** *The theme of the "lost motherland" and the problem of national trauma in the collective memory of the Germans of the GDR (based on the materials of the diaries and autobiographical texts of Christa Wolf)*

- 129 **B. L. KHAVKIN** *Soviet-German Documents of 1939–1941 in Historical Memory*

- 158 **A. FAYN** *Little-known aspects of Nazi propaganda and current conditions for their study. Letter from Germany*

Memory of Katyn

- 178 **S. V. ROMANOV** *Some remarks concerning one unscrupulous publication about the Katyn crime*

- 198 *"The shooting of POWs is extraordinary crime". Interview with A. E. Guryanov*

F. M. Dostoevsky in the European historical and Cultural memory of the New Time. On the 200th anniversary of his birth

- 211 L. LUKS *"The Jewish Question" in journalism F. M. Dostoevsky and H. von Treitschke*
- 230 A. T. BEZAROV *Fyodor Mikhailovich Dostoevsky's position on jewish question*

Corporate memory

- 254 L. A. ROGOVAYA, P. M. POLYAN, G. V. NOXOTOVICH *Archivist. In memory of Dina Nikolaevna Nokhotovich*

AS IT ACTUALLY WAS

- 257 V. E. MOLODYAKOV *"Now Only France Can and Must Help Franco": Charles Maurras's unaccomplished mission to Spain, Fall 1939*
- 267 A. A. RYBALKA *Voivode Komarov: from hectograph to revolver*

REVIEWS

Generalizing studies

- 282 N. S. ZHIROVA *The time of Comintern. Rev.: Vremia Kominterna: materialy mezhdunar. nauchnykh konferentsii k 100-letiiu Kommunisticheskogo Internatsionala, Gos. publ. ist. bibka Rossii, ist. fak. MGU im. V. M. Lomonosova; nauch. red.: O. S. Porshneva; sost.: E. N. Strukova, K. B. Khartonoov. Moscow, 2020. 352 p.*

The world

- 287 A. A. AGAPOVA *Rev.: Ideal vospitaniia dvorianstva v Evrope: XVII–XIX veka, pod red. V. S. Rzhetskogo i dr. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 492 p. (Serii: Historia Rossica)*
- 292 T. G. BITKOVA *Soviet presence in post-war Romania: Conclusions of historians and the memory of society*
- 309 G. GECSE *Rev.: Tefner Zoltán. Nyelvtanítás a bécsi Keleti Akadémián 1754–1918 [Sprachunterricht an der Orientalischen Akademie von Wien 1745–1918]. GlobEdit, Riga, 2018*
- 314 V. A. SOLONARI *Rev.: Omer Bartov, Anatomiya genocida: zhizn' i smert' goroda, nazyvaemogo Buchach / Omer Bartov, Anatomy of a Genocide: The Life and Death of a Town Called Buczac. New York: Simon and Schuster, 2018. xv + 399p.*
- 322 Yu. A. SHCHERBAKOVA *The Slovak State 1939–1945: Interpretations of Modern Slovak Historians and Politicians*

The Russian Empire

331 A. A. TESLYA

Notes on the margins: "My literary and moral wandering" of Apollon Grigoriev

340 M. A. DEVLIN

Rev.: Ul'yanova L. V. Politicheskaya policiya i liberal'noe dvizhenie v Rossijskoj imperii: vlast' igry, igra vlast' yu. 1880-1905. SPb.: Aletejya, 2020. 358 p., ill.

345 L. A. YUZEFOVICH

Extracted from nothingness. A book about the traitorous commanders of the Civil War. Rev.: Ganin A. V. Izmena komandarmov. Predstaviteli vysshego komandnogo sostava Krasnoj armii, pereshedshie na storonu protivnika v gody Grazhdanskoj voiny v Rossii 1917–1922 gg. Moscow: Piatyi Rim, 2020.

USSR

351 A. A. KOUZNETSOV

Rev.: Solomonov V.A., Zaitseva N.N. Pavel Grigor'evich Liubomirov: prevratnosti sud'by istorika. Moscow: Novyi khronograf, 2019. 240 p.

358 A. I. RUPASOV

Rev.: Sabin Diullen. Uplotnenie granits: K istokam sovetskoj politiki. 1920–1940-e, per. s frantsuzskogo E. Kustovoi. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 416 p.

Textbooks

366 V. B. STOLOV

Russia of the 20th century in school history textbooks for the 10th grade

---

SOCIAL PROBLEMS OF THE HUMANITIES

386

"I suppose, that we should not be under any illusion about higher education in Russia". Interview with K. K. Martynov

403

COVID in our lives and professional activities. Questionnaire of historians

---

RE-READING THE CLASSICS

420 D. V. PANCHENKO

To the 150th anniversary of M. I. Rostovtzeff (1870–1952)

FROM THE EDITORIAL MAIL

423 M. Yu. EDELSHTEJN

"Matveev is not an exception, but a rule, only slightly grotesquely pointed"

SCHOOL OF YOUNG SCIENTISTS

426 N. P. TANSHINA

School of Young Scientists – 2020

432

Requirements for publication of articles and documents

«НЕОБХОДИМО ПРИЗНАТЬ, ЧТО “МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ” ЯВЛЯЮТСЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМ ИЗОБРЕТЕНИЕМ» Интервью с Пером Рудлингом

В своем интервью профессор Рудлинг рассказывает, сколь глубока его семейная память, о причинах, побудивших его заниматься историей Восточной Европы, о своих студентах, о доносах, которые на него пишут украинские националисты из Канады, и о своих обширных творческих планах.

Ключевые слова: семейная память, Центральная и Восточная Европа, национализм, Холокост.

Сведения об авторе: Рудлинг Пер Андерс, профессор Лундского университета (Швеция). С 2019 по 2024 г. является стипендиатом Академии Валленберга, финансируемой фондом Кнута и Алисы Валленбергов. В 2015–2019 гг. был приглашенным стипендиатом Национального университета Сингапура, в 2015 г. — приглашенным профессором Венского университета, стажером-исследователем (post-doctoral fellow) Лундского университета в 2012–2014 гг. и Университета Грейфсвальда (Германия) 2010–2011 гг. Защитил докторскую диссертацию в Университете Альберты (Канада, 2009). Магистерские степени получил в Государственном университете Сан-Диего (США, 2003) и в Упсальском университете (Швеция, 1998).

Контактная информация: per_anders.rudling@hist.lu.se.

“IT IS A SOBERING THOUGHT THAT ‘MEMORY LAWS’ WAS ORIGINALLY A WEST EUROPEAN INVENTION”. INTERVIEW WITH PER RUDLING

In his interview prof. Rudling tells how deep is his family memory, why he was involved in East European studies, about his pupils, how the Ukrainian nationalists from Canada try to blackmail him and about his extensive academic plans.

Key words: Family memory, Central and Eastern Europe, nationalism, Holocaust.

About the author: Rudling Per Anders, Wallenberg Academy Fellow, funded by the Knut and Alice Wallenberg Foundation, between 2019–2024. He is an associate professor of history at Lund University. In 2015–2019 he was Visiting Senior Fellow at the National University of Singapore, in 2015 Visting Professor for Eastern European History at the University of Vienna, Austria. He was a post-doctoral fellow at Lund University 2012–2014 and at the University of Greifswald 2010–2011. He holds a Ph.D. from the University of Alberta (2009), MA degrees from San Diego State University (2003) and Uppsala University (1998).
Contact information: per_anders.rudling@hist.lu.se.

Среди работ Пера Рудлинга: *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015. 436 p. (Pitt Series in Russian and East European Studies). The book received the Kulczycki prize in Polish history from AS-EEES in 2015; *The OUN, the UPA and the Holocaust: A Study in the Manufacturing of Historical Myths*. Pittsburgh, PA: University Center for Russian and East European Studies, 2011. 71 p. (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies; vol. 2107); “Long-Distance Nationalism: Ukrainian Monuments and Historical Memory in Multicultural Canada”. In: *Public Memory*

in the Context of Transnational Migration and Displacement: *Migrants and Monuments*. Marschall, S. (ed.). Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2020. P. 95–126. (Palgrave Macmillan Memory Studies Series); “Eugenics and Racial Anthropology in the Ukrainian Radical Nationalist Tradition”. In: *Science in Context*. 2019. 32, 1. P. 67–91; “The Khatyn Massacre in Belorussia: A Historical Controversy Revisited”. In: *Holocaust and Genocide Studies*. 2012. 26, 1. P. 29–58; “‘They Defended Ukraine’: The 14. Waffen-Grenadier-Division der SS (Galizische Nr. 1) Revisited”. In: *Journal of Slavic Military Studies*. 2012. 25, 3. P. 329–368.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Дорогой профессор Рудлинг, чтобы убедиться в справедливости концепции Яна Ассмана о глубине семейной памяти (три поколения, или 80–100 лет), мы часто спрашиваем авторов нашего журнала, как далеко простирается их семейная память. Самые глубокие семейные корни обнаружил известный славист Ричард Темпест, чьи вероятные предки прибыли на Британские острова в составе дружины Вильгельма Завоевателя в 1066 г.¹ Большинство интервьюируемых

прослеживают свою родословную до XIX в., и лишь несколько человек подтвердили справедливость концепции Ассмана. Как глубоки ваши семейные корни?

П. Р. Я думаю, что ответ зависит от того, что понимается под семейной памятью. Двоюродный брат моего прадеда был страстным генеалогом, и мой собственный двоюродный брат также увлечен этим занятием. В 1985 г. члены нашего рода специально собрались, чтобы отметить

¹ URL: https://istorex.ru/richard_tempest_perviy_tempest_pribil_v_angliyu_vmeste_s_druzhinoy_vtorzheniya_vilgelma_zavoeatelya.

окончание работы по составлению истории нашей семьи, которая прослеживается до 1632 г. Швеция это истинный рай для любителей генеалогии. В этом смысле ее превосходит только Исландия. Многие шведы могут проследить свою родословную по церковным записям вплоть до Реформации, т.е. до XVI в. Мои родственники сумели сделать это и обнаружить нашего предка Мартина Рудлинга (Martin Rüdling), который проживал в 1632 г. в Саксонии, т.е. на территории нынешней Германии. Представители этой линии нашей семьи перебрались в Швецию в начале XVIII в. Мой далекий предок (между нами 9 поколений) Иоганн Георг Рудлинг (Johann Georg Rüdling) приехал в Швецию в 1722 г., когда страна перестала быть великой державой и настала так называемая Эпоха свободы (*Frihetstiden*, 1718–1772). Он был ученым-гуманитарием, и три его книги хранятся в библиотеке Лундского университета². Первая из них вышла на шведском в 1731 г. под названием «Прцветающий Стокгольм, или Краткое авторизованное описание ныне повсюду прославленного города Стокгольма, который является местом королевской резиденции, столицей и торговым центром, от его основания до наших дней, составленное для любителей истории и древностей на основании изучения нескольких надежных исторических книг и старинных памятников со всем тщанием и усердными трудами их покорным слугой Иоганном Георгом Рудлингом, благодаря милостивому позволению его королевского величества»

(Stockholm: Joh. Laur. Högstr, 1731). Потом еще последовала биография короля шведского и курфюрста гессенского Фридриха I, вышедшая в 1742 г. на немецком. Сын Иоганна Георга Андерс изменил написание фамилии на шведский лад, убрав из нее «умляют» (ü). Я предполагаю, что Иоганн Георг прибыл в Стокгольм через шведскую Померанию. До 1814 г. Швеция была полиэтничным государством, где жители говорили на нескольких языках. До Ништадтского мира 1721 г. Рига была самым большим шведским городом. Грейфсвальд до Кильского мира 1814 г. был городом с нашим старейшим университетом. Шведский король Фридрих I (правил 1720–1751) едва ли знал хоть слово по-шведски. Книги моего предка хранятся в библиотеке Лундского университета буквально через дорогу от места, где я читаю лекции. Я только еще собираюсь их прочитать. Это то, что касается документированной истории. Что же относится как бы к «живой» семейной памяти, то она, вероятно, захватывает двух прадедов моего деда, родившихся соответственно в 1806 и 1825 гг. Я слышал истории о том, что они делали, где работали и как жили, от моих деда и бабки. В нашей гостиной находятся напольные часы и комод, на которых указаны годы их создания — 1796 и 1809. Это мебель моих предков, которая перейдет моим детям. Хотя мебель сохраняется, сведения о предках, родившихся в первой половине XIX в., воспоминания о периоде до 1850 г. являются смутными. Поэтому «живая» память, а не просто антиквар-

² URL: <https://lubcat.lub.lu.se/cgi-bin/koha/opac-search.pl?q=au:%22Rüdling%2C%20Johann%20Georg%2C%22>.

ный интерес, в нашей семье простирается не более чем на четыре-пять поколений.

С.Э. Сфера ваших научных интересов включает бывший Советский Союз. Из интервью со многими западными славистами я заметил, что их выбор области научной специализации был связан с двумя яркими событиями советской истории. Те из поколения «бумеров», кто получал университетское образование на рубеже 1950-х и 1960-х, были впечатлены запуском первого спутника и полетом Гагарина. Так называемое поколение «X» и отчасти поколение «Y» восхищались Горбачевым и перестройкой. Чем был обусловлен ваш профессиональный выбор? Что повлияло на вас: семья, школьные учителя, товарищи, книги и т. д.?

П.Р. Не могу припомнить, какой литерой обозначается мое поколение. Вроде бы «X»? (Только не спрашивайте, пожалуйста, что это «X» означает!) Я родился во времена Брежнева и Никсона, в последние годы действия шведской конституции 1809 г. Вы абсолютно правы в том, что мой выбор русского языка, сама возможность изучать русский язык были обусловлены той эпохой. Я рос в небольшом городе Карлстад, расположенном в Западной Швеции, и мне посчастливилось учиться в единственной в лене (области) Верmland средней школе, где преподавался русский язык, по крайней мере теоретически. В конце застоя после 1979 г. никакой русский в средних школах уже не мог преподаваться. Вторжение в Афганистан, бойкот Олимпийских игр в Москве в 1980-м, история

с советской подводной лодкой U137 (S-363, на Западе подводные лодки этого типа именовались Whiskey-class submarine), которая в 1981 г. налетела на скалу в территориальных водах Швеции вблизи от военно-морской базы Карлскрона — это были мои первые политические воспоминания. Советский Союз, мягко говоря, был не особенно популярен в Швеции в это время. Мне запомнились брови Брежнева, бледный Андропов и астматик Черненко. Все это не выглядело как олицетворение чего-то *крутого* (cool). В то же время этот чуждый мир меня завораживал. Моя бабушка была страстной разгадывательницей кроссвордов. Помню, когда мне было восемь или девять лет, она произнесла вслух упоминавшееся в кроссворде слово «Эстония». Поскольку к тому времени я знал все флаги и столицы Европы, то спросил ее ошарашенно: «Бабушка, что это за страна такая?» Вдруг к моему недоумению выяснилось, что есть страна, о которой я не знаю. Бабушка ответила: «Была такая страна, когда я была молодой». Я стал возражать: «Как это была? Что с ней произошло? Страна не может просто так исчезнуть». Но она настаивала: «Да, была такая страна, пока ее не захватили русские, и больше она не существует». Я был озадачен. Я представлял себе что-то вроде Атлантиды или Помпеи, о которых я читал и смотрел документальные фильмы по телевизору. В старой энциклопедии, которая хранилась в гостиной, мы с бабушкой читали статью об Эстонии. Ревель, Пярну, Дерпт, Нарва и остров Ормсо (Вормси). Там даже шведы жили раньше. Илон Виклунд, которая иллюстрировала книги моей любимой Астрид Линдгрен, выросла

в эстонском городе Хаапсалу. «Еще было две страны, которые захватили русские, — Латвия и Литва». После этих слов я начал думать, что бабушка надо мной издевается (pulling my leg). Эстония (Estland) и Латвия (Lettland) — это похоже на названия стран. Но Литва (Litauen)? Это даже не звучит как имя страны, и флаг, изображенный в старой энциклопедии, больше напоминает флаги африканских стран! Для меня открылся новый мир! Почему я никогда не слышал об этом прежде? В школе первым моим иностранным языком был английский, а вторым — немецкий. Если на начальной ступени средней школы вы выбирали немецкий вторым, то на второй ступени обычно в качестве третьего языка добавлялся французский. Я предложил одноклассникам выбрать русский. Если собиралась группа из девяти человек, то нам обязаны были преподавать язык три года. Вначале нас было девятеро, вскоре трое отсыялись, но нам шестерым три года преподавали русский язык. Вместе с политическими науками, немецким и историей это был мой любимый предмет. Только что рухнула Берлинская стена, Варшавский договор находился при последнем издыхании (on its last leg), в ГДР начала циркулировать западногерманская марка. Начались интереснейшие дискуссии по поводу сталинизма. Я читал все, что мог найти. Я хотел тогда стать школьным учителем истории, политических наук, русского и немецкого. После школы я поступил в Упсальский университет, где на замечательной кафедре славянских языков преподавали не только русский, но также украинский, польский, чешский, сербский, хорватский, боснийский

и болгарский. Я получил степень бакалавра по специализации «русский язык и литература» с дополнительными украинским и сербским языками. Магистерскую диссертацию писал на тему насильственного разгона парламента и смены конституции Ельциным, для чего работал в Москве в 1994 и 1995 гг. Я был сертифицирован в качестве учителя русского языка, истории и политических наук. Потом получил вторую магистерскую степень, по теме истории восточноевропейского еврейства в Калифорнийском университете в Сан-Диего. Я был увлечен культурой ашкеназов, особенно советского еврейства, и польско-украинско-еврейскими отношениями в раннесоветскую эпоху. Я был поставлен в тупик «черной дырой» в исследовании этих пограничных территорий, особенно Белоруссии. В конце 1990-х была буквально горсть книг о Белоруссии на английском языке, в том числе стандартный учебник, написанный еще в 1956-м. Один-два исследователя тогда специально занимались Белоруссией, и те лишь позднесоветским периодом. Фактически это было почти неизученное пространство. Для меня этот угол Европы представлял наибольший интерес как место встречи западного и восточного христианства, пространство геополитических столкновений Польши, Швеции, Германии и России, сердцевина территории высокой ашкеназской культуры, так называемых миснагедов, и эпицентр (ground zero) трагедии Холокоста. Последняя тема в то время не привлекала большого внимания именно в тех местах, где эта трагедия происходила. (Это было еще до выхода книги Яна Гросса «Соседи», где описывается,

как жители польского местечка Едвабне сожгли своих еврейских соседей, и драматизации (histrionic) истории адептами Ющенко.) Возможно, эти мои занятия были в какой-то мере вызваны разгадыванием вместе с бабушкой того кроссворда в начале 1980-х, когда у меня открылись глаза на историю этого региона. Для меня было загадкой: почему в историографии эти территории представляют черную дыру? Эти соображения подтолкнули меня к изучению данной темы. Когда мне была предложена стипендия для написания диссертации от кафедры истории и классических языков университета Альберты, я переехал в канадские прерии и написал диссертацию под руководством Дэвида Марпла, а внешними консультантами (the external on my committee) были Джон-Пол Химка и Тимоти Снайдер.

Самыми красивыми языками для меня до сих пор остаются русский, норвежский и итальянский. Именно в таком порядке.

С. Э. В университете вы преподаете будущим исследователям. Что вы можете сказать об их мотивации? Что общего между молодыми учеными и их старшими коллегами, и чем они отличаются друг от друга?

П. Р. Парадокс состоит в том, что мир сегодня открыт и взаимосвязан в гораздо большей мере в сравнении со временами моего университетского обучения. Нам тогда требовались визы, чтобы попасть, скажем, в Эстонию (до 1997) или на Украину (2005). Перелеты тогда были очень дорогими. Я добирался до Москвы на пароме и поездом и стоял в оче-

реди в эстонское консульство, чтобы получить транзитную визу. Сейчас (по крайней мере до пандемии) перелет из Мальмё во Вроцлав стоит 5 евро, автобус до аэропорта обходится дороже. В начале 1990-х, когда я начинал свои исследования, Интернет только зарождался. Я заказывал билеты через Интурист и получал документы по *телексу* в туристическом агентстве. Свои работы я сохранял на дискете. Первые статьи я писал еще на электронной печатной машинке. Сейчас все гораздо доступнее. Я слежу за белорусскими протестами в реальном времени через Телеграм-канал. В то же время в Лундском университете из всех славянских языков преподают только русский, даже польский не изучается. Сегодня вы можете слетать в Польшу по цене одного обеда в кафе, польская речь слышна в каждом магазине и на любой стройке, но наши студенты не знают других языков, кроме английского. Сегодня пишутся умные и изысканные диссертации о дискурсе венгерских СМИ или «антисионистской» кампании Гомулки 1967 г., но их авторы не читают на венгерском и польском. Мои двадцатилетние студенты, оказавшись в Копенгагене, это 40 км от Лунда, говорят исключительно на английском. Я постоянно встречаюсь с их саркастическими шутками, когда задаю им для чтения публикации на датском и норвежском: «А что если я не понимаю датский? Ха-ха». Двадцать пять — тридцать лет назад молодые ученые моего поколения жили в другом мире. Шведский соотносится с датским и норвежским примерно как чешский со словацким и русский с украинским и белорусским. Для Скандинавии нормой

является трехязычие. (Или, как это временами ощущается, все уже в прошлом?) Для моего поколения ответ датчанина шведу на английском воспринимался едва ли не как оскорбление. Для двадцатилетних это часто уже норма. Это то же самое, если бы белорусы в Гродно и украинцы в Житомире отвечали русскому на английском. Студенты считают, что это «интернационализация», на мой взгляд, докторанты, которые занимаются европейской историей без знания немецкого, — это провинциалы и *glubokaia derevnia*. При этом у меня много блестящих учеников. Но сегодня студенческая масса весьма неоднородна, уровень базовых знаний в целом значительно снизился, и то, что раньше входило в обязательный набор эрудиции студента, сегодня, к моему прискорбию, таковым не является. Разумеется, «западный» мир разнообразен. Когда я преподавал в 2015–2019 гг. в Сингапуре, мои студенты в сравнении со сверстниками из Швеции, Канады или Австрии работали с гораздо большим усердием. Мои бакалавры из Национального университета Сингапура в целом знали гораздо больше о Наполеоне, Бисмарке и Сталине, чем их шведские коллеги.

С. Э. В годы холодной войны американское правительство вкладывало значительные средства в изучение языка и культуры вероятного противника. Быстрый рост восточноевропейских и славянских исследований, в которых были задействованы несколько тысяч исследователей, явился позитивным побочным эффектом «русской угрозы». Сейчас мы переживаем своего рода повторение холодной войны. Как, по ва-

шему мнению, эта политика влияет на славистику?

П. Р. Мое поколение росло, не чувствуя большой озабоченности «русской угрозой». Горбачев в целом воспринимался как разумный политик. Я провел более двух лет в ельцинской России. Мне было трудно представить Российскую Федерацию того времени как угрозу. Если и существовали тогда российские угрозы, то это были развал государства, коррупция и преступность. Моя магистерская диссертация была посвящена государственному перевороту, совершенному Ельциным в 1993-м, когда танки обстреливали парламент. Новая Дума была известна, прежде всего, благодаря скандальным выступлениям лидера ЛДПР Жириновского. В ходе государственного визита в Швецию в 1997 г. большой Ельцин едва держался на ногах и с трудом взобрался на трибуну в Риксдаге. Сельская Россия была тогда в удручающем состоянии. Я не принадлежу к поколению «холодной войны». Мои профессиональные проблемы были в целом противоположного характера. Я получил вторую магистерскую степень в 1998-м, как раз когда обвалился российский рубль. В Швеции и Европе в целом шел процесс разоружения, и слависты были мало кому нужны. Финансирование славянской филологии было урезано. Советские исследования находились в упадке, попытки реформативной дисциплины «изнутри» не приносили особо успешных результатов. Оставалось лишь несколько направлений исследований. Для Швеции это были балтийские соседи, прежде всего Эстония и Латвия. Интерес к Украине

и всему, что оказалось за пределами расширившегося Евросоюза, был невелик. Это было одной из причин того, что я писал свою докторскую диссертацию в Западной Канаде. С приходом Путина и особенно после российской агрессии в отношении Украины ситуация изменилась, но на меня это повлияло лишь косвенным образом. Я не занимался напрямую русскими исследованиями, но разумеется, инструментализация истории, нарратив «двойного геноцида» (имеется в виду ревизионистская концепция, популярная в ряде восточноевропейских стран, согласно которой на смену нацистскому Холокосту пришел геноцид местного населения со стороны Советского Союза. — С.Э.), реабилитация Бандеры и Шухевича на Украине, «новая идеология» Лукашенко — все это должно рассматриваться в широком контексте напористой политики Российской Федерации, которая пренебрежительно относится к суверенитету своих соседей и нарушает их границы. Но все это никак не повлияло на финансирование моих исследований. Я был приглашенным профессором восточноевропейской истории в Вене и Осло и координатором европейских исследований в Национальном университете Сингапура. Российско-грузинский и российско-украинский кризисы никак не сказались на занятии мной тех или иных должностей и их оплате. Так, в Сингапуре я в основном преподавал историю Германии, Польши, Австрии и Османской империи, в значительной мере в период XIX в. Мои исследования затрагивают Россию в незначительной степени, хотя я изучаю украинский национализм 1930–1940-х. Да, после российского

вторжения на Украину произошла резкая поляризация и политизация данного направления исследований. Давление было столь сильным, что те из нас, кто активно занимался украинской тематикой, были вынуждены принять сторону «Майдана» и громко протестовать против российского вмешательства. Я вижу свою роль в том, чтобы предоставить читателям и студентам инструменты и фактическую базу, которые позволили бы им самостоятельно формировать свое мнение и понимать события прошлого в их историческом контексте. Мои работы по проблеме Холокоста на Украине никогда не были популярны среди украинской диаспоры, но до недавних пор никто не рассматривал их с точки зрения инструментализации истории. Тем не менее отношения с рядом коллег, и даже некоторых приятелей, были прерваны по причине моей научной позиции. Я никогда не относил себя к сообществу украинских исследований. Но ряд моих коллег, кто считал себя частью этого сообщества, были подвергнуты остракизму и потеряли многих долговременных друзей. Мое научное поле включает украинские, польские, белорусские и еврейские исследования. У меня хорошие отношения с польскими коллегами, исследователи белорусской и еврейской проблематики также всегда привечали меня и включали в свои сообщества. Я считаю, что лучше не входить в близкие отношения ни с одной из таких групп и не отождествляться с проводимой их членами политикой. Единственное, что, по моему мнению, должно сближать научных работников — это объект исследования. Может, было бы и неплохо, если бы «возобновление»

холодной войны приводило к росту финансирования и возрастанию ресурсной базы исследований. Но лично на мне это никак не сказывается. Я счастлив и считаю за честь получать щедрое финансирование от фонда Кнута и Алисы Валленбергов. Это позволяет мне как привлекать к работе аспирантов и молодых докторов, так и заниматься собственными исследованиями. Но фонд Валленбергов — это частная организация, щедрым грантом которой распоряжается Лундский университет. Поэтому между финансированием моего нынешнего исследовательского проекта и «новой холодной войной» если и есть связь, то лишь косвенная. Этот проект посвящен украинским эмигрантам времен холодной войны, а именно тому, как они использовали историю в политических целях. Российская Федерация периода после 1991 г. играет незначительную и лишь косвенную роль в моих нынешних исследованиях.

С.Э. Во многих случаях историческая политика искажает результаты исторических исследований ради достижения прагматических целей правительств. Но существует редкий и, возможно, уникальный случай войн памяти между Россией и ее ближайшими европейскими соседями, когда российская пропаганда основывается на архивных документах. Прославляя нацистских коллаборационистов, политики и общественные активисты стран Балтии и Украина сдают козырные карты пропагандистам Российской Федерации. В этой противоречивой ситуации многие серьезные исследователи восточноевропейских националистических движений, сотруд-

ничавших с нацистами, обвиняются как местными националистическими активистами, так и представителями диаспор в том, что льют воду на мельницу Путина. Каким образом международное академическое сообщество может совладать с этим идеологическим давлением, которое представляет явную угрозу независимым научным исследованиям?

П.Р. Хороший вопрос. Думаю, что одним из результатов этого давления станет отказ многих исследователей писать на эту чувствительную тему. Это минное поле, по которому небезопасно ходить. С другой стороны, если вы занимаете постоянную должность в университете в стране, где нет мемориальных законов и где нет правила навешивать на ученого ярлык «иностранный агент», то долг историка воспользоваться этой драгоценной свободой. Существует длинный список историков, которые подвергаются различным формам давления и цензуры: в России преследуют Юрия Дмитриева, в Польше недавно был процесс против Яна Грабовского и Барбары Энгелькиной, в Литве оказывается давление на Руту Ванагайте, в Венгрии с подобной ситуацией столкнулся Центрально-Европейский университет. На Украине принят ряд мемориальных законов, вроде 2538-1, которые политизируют память и предписывают, о чем можно и о чем нельзя говорить. Опыт работы в несвободной стране с серьезными ограничениями свободы слова причудил меня к тому, что политические свободы не являются чем-то само собой разумеющимся. Одна из проблем мемориальных законов состоит в том, что они, как, например, украинский закон

2538-1, распространяются не только на украинцев, работающих на Украине, но и на граждан всех государств. Украинский случай мне известен лучше других. Здесь по «экспертному заключению» комитета по делам СМИ, который возглавляет глава так называемого мельниковского крыла ОУН, были запрещены книги англичанина Энтони Бивора и шведского писателя Андерса Риделла. Недавно активисты бандеровского крыла ОУН из Канады снова обратились с письмами к ректору моего университета и к правительству Швеции, намекая, что не только я, но и мой работодатель Лундский университет являемся участниками «гибридной войны», кампании по распространению клеветы и разжиганию ненависти в отношении Украины, тем самым подвергая опасности жизни украинских националистов, проживающих в Канаде. Письма последовали после того, как в Эдмонтоне был осквернен мемориал Романа Шухевича, сооруженный на средства канадских налогоплательщиков. Кроме того, в Оуквилле (провинция Онтарио) кенотаф ветеранам дивизии Ваффен СС Галичина был разрисован граффити: «Памятник нацистам». Лига украинских канадцев — ведущая организация канадских бандеровцев, возлагает ответственность за эти происшествия на мои публикации в рецензируемых научных журналах и на меня лично. Я предполагаю, что настоящее интервью русскому коллеге только подтвердит убеждение этих радикалов в том, что я являюсь «иностранным агентом». Но я знаю, что нахожусь в привилегированном положении. Сейчас не 1937 г., да и в сравнении с моими белорусскими и россий-

скими коллегами я — счастливчик. Я рассматриваю это давление как организованную попытку уничтожить меня как исследователя, при этом воспринимаю ее не более как досадную помеху. Я считаю, что лучшая реакция в данном случае — относиться к организаторам этой травли как к объекту изучения. Чем я собственно сейчас и занимаюсь. Такие исследования, кроме прочего, доказывают, что занятия историей и в целом гуманитарными науками имеют смысл. Это также возможность подтвердить приверженность свободе научного исследования и призыв к повсеместному пересмотру мемориальных законов. Необходимо трезво признать, что исторические законы являются западноевропейским изобретением. Франция первой в 1990 г. ввела запрет на отрицание Холокоста. За ней в 1994-м последовали Германия, Бельгия, Швейцария, Австрия, а потом еще ряд государств. Потом Франция пошла дальше и запретила отрицание геноцида армян. Таким образом, Литва, Украина и Россия со своими мемориальными законами лишь присоединились к тренду, инициированному «старыми» членами ЕС. Недавно министр внутренних дел Швеции заявил, что наша страна также собирается ввести закон, запрещающий отрицание Холокоста. В то же время несколько дней спустя после признания Байденом геноцида армян министр иностранных дел Швеции отказался применять понятие «геноцид» для описания того, что случилось в 1915 г. с армянами, ассирийцами, халдеями (ассирийцами-униатами), понтийскими греками. Считаю, что политики должны оставить эти вопросы историкам, обеспечив им свободу исследования,

без ограничения его мемориальными законами. Это, по моему мнению, было бы лучшим решением. К сожалению, во многих странах нарастает разрыв между тем, что знают историки, и тем, что политики и их агенты памяти считают необходимым сообщать публике.

С.Э. Секретарь редакции нашего журнала Елена Качанова живет в Швеции. Она рассказала, что в вашей стране недавно вышла книга Хенрика Берггрена «Посторонняя страна. Швеция и война» (Henrik Berggren. Landet utanför. Sverige och kriget), которая вызвала большой резонанс. Если вы уже читали книгу, можете рассказать о ней? Может, она как-то изменила ваши представления о вовлеченности Швеции во Вторую мировую войну?

П.Р. У меня уже есть эта книга, точнее, ее первый том. Пока я имел возможность прочесть только несколько глав. Хенрик Берггрен — один из лучших наших историков, и я собираюсь внимательно прочесть его работу. Не очень хочется говорить о книге, которую только просмотрел. По моему впечатлению, в ней не так много нового фактического материала для профессионального историка. Ее новизна скорее заключается в целостном взгляде на этот период истории. Швеция проводила крайне двусмысленную политику в отношении держав оси, которая, прежде всего, определялась тем, как шведские власти в тот или иной момент оценивали возможный исход войны.

С.Э. И последний вопрос: о ваших научных планах.

П.Р. С 2019 по 2024 г. я являюсь стипендиатом Академии Валленберга, финансируемой фондом Кнута и Алисы Валленбергов. Их щедрое финансирование позволило мне нанять на полную ставку одного аспиранта и помогло привлекать двух и более молодых исследователей к работе над моим проектом о памяти, миграции и исторической продукции. Мое собственное исследование сосредоточено на канадской общине украинских националистов, особенно на представителях крупнейшей политической группы националистической эмиграции, на крайне правом (бандеровском) крыле Организации украинских националистов. С 1948 г. в Северную Америку прибыли десятки тысяч активистов ОУН, и они приобрели особенно большое влияние в Канаде, где проникли и захватили руководство в организациях украинской общины. После введения в 1971 г. в Канаде политики мультикультурализма значительные суммы стали оседать на счетах этих организаций, которые начали оказывать существенное влияние на политику Канады в отношении Украины. Я уделяю особое внимание их культуре памяти, в центре которой, как описывает этот нарратив истории Украины один из коллег, стоит «Голодомор» — ОУН — УПА. Согласно этому нарративу, определяющими чертами современной украинской истории являются, с одной стороны, задуманный в Москве геноцид украинского народа, в результате которого, по мнению украинских националистов, погибло от семи до десяти миллионов украинцев, а с другой — героическое сопротивление бандеровских ОУН и УПА «вечным врагам» украинского народа. Я уделяю

особое внимание конкурирующему с Холокостом виктимному нарративу Голодомора, который сочетается с замалчиванием ответственности ООН и УПА за Холокост, а также Волынскую резню 1943 г. Кроме того, важно рассмотреть, каким образом этот нарратив был реэкспортирован из Канады на Украину. И как отсутствие, используя немецкий термин, *Aufarbeitung* (проработка прошлого) открыло многочисленные пути для инструментализации этого нарратива усилиями Ющенко, Порошенко и легитимирующих их историческую политику ученых. Эта политика дала возможность таким российским активистам, как Александр Дюков, активно использовать прошлое с целью легитимировать российское вторже-

ние. Мое исследование — это такая метаистория или «метаисториография», помещающая инструментальное использование истории в более широкий контекст. Кроме того, я задаюсь вопросами о нормативном мультикультурализме, эмиграции и «удаленном» (*long-distance*) национализме, генерируемом диаспорой. В рамках этого проекта я также собираюсь предоставить мое исследование украинской «декоммунизации» и деятельности Украинского института национальной памяти, а также хочу завершить работу над биографией Микола Лебеда, активного деятеля бандеровского крыла ООН в период Второй мировой войны.

С. Э. Спасибо большое за интервью!

«КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ УДАЛОСЬ ВЫСТРОИТЬ ОТНОСИТЕЛЬНО СНОСНУЮ СИСТЕМУ, ПОЗВОЛЯВШУЮ ЖИТЬ И РАЗВИВАТЬСЯ ПОД МОНГОЛО- ТАТАРСКИМ ИГОМ» К 800-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО Интервью с В. В. Долговым

800-летие со дня рождения князя Александра Невского дает новый повод поговорить о его роли и месте в русской истории. Тема беседы — князь Александр как реальная историческая фигура, а также связанные с ним устойчивые исторические мифы.

Ключевые слова: князь Александр Невский, средневековая Русь, западные соседи средневековой Руси, Великий Новгород, монгольское нашествие XIII в., Золотая Орда, дипломатия средневековой Руси, историческая мифология, история в киноискусстве, С. М. Эйзенштейн.

Сведения об авторе: Долгов Вадим Викторович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Удмуртского государственного университета (Ижевск).

Контактная информация: dolgov@udm.ru.

"PRINCE ALEXANDER MANAGED TO BUILD A RELATIVELY TOLERABLE SYSTEM THAT ALLOWED HIM TO LIVE AND DEVELOP UNDER THE MONGOL-TATAR YOKE". INTERVIEW WITH V. V. DOLGOV

The 800th anniversary of the birth of Prince Alexander Nevsky gives a new reason to talk about his role and place in Russian history. The topic of the

conversation is Prince Alexander as a real historical figure, as well as stable historical myths associated with him.

Key words: Prince Alexander Nevsky, medieval Russia, western neighbors of medieval Russia, Veliky Novgorod, Mongol invasion of the 13th century, Golden Horde, diplomacy of medieval Russia, historical mythology, history in cinema, S. M. Eisenstein.

About the author: Dolgov Vadim V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Faculty of History of Udmurt State University (Izhevsk).

Contact information: dolgov@udm.ru.

Наступивший 2021 г. — год 800-летия со дня рождения князя Александра Невского, который, по утвердившимся в современной науке представлениям, родился в 1221 г. О князе Александре как об исторической личности, о его роли в отечественной истории и сопровождавшем его фигуру на протяжении нескольких столетий мифотворчестве рассуждает один из лучших знатоков эпохи доктор исторических наук профессор Владимир Викторович Долгов, автор мно-

гих работ по истории средневековой Руси, исторической антропологии, истории повседневности, в том числе монографий «Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв.» (2004), «Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII в.» (2007, 2017), «Клию и Огюст: очерки исторической социологии» (2020), «Феномен Александра Невского. Русь XIII века между Западом и Востоком» (2020) и др.

Беседовал А. Стыкалин.

А. С. Многие наши соотечественники, тем более если они не профессиональные историки, судят об Александре Невском по кинообразу, созданному Н. К. Черкасовым в знаменитом фильме С. М. Эйзенштейна 1938 г. в сопровождении гениальной музыки С. С. Прокофьева. Кому-то вспомнится и изображение князя на картине П. Д. Корина, созданной в годы Великой Отечественной войны. Кто-то вспомнит более ранние церковные изображения Александра Невского как святого, канонизированного РПЦ. А какие источники (в том числе летописи) позволяют реконструировать его внешний облик и — шире — реальный образ? Известно ли

что-то о его грамотности, уровне образованности?

В. Д. В «Житии Александра Невского», написанном младшим современником князя, есть весьма подробное описание его внешности. Там он представлен именно таким, каким мы привыкли представлять Александра в исполнении Н. К. Черкасова: громогласным красавцем и силачом. При этом, по словам автора жития, он сам видел князя в зрелые годы и судил о нем не по рассказам, но по личным впечатлениям. Тем не менее в ученой среде не принято всецело доверять этому описанию ввиду его явно панегирического характера. Автор «Жития» сравнивает своего героя с це-

лым рядом библейских персонажей: лицом как Иосиф, силой как Самсон и пр. Меж тем правдоподобный портрет, конечно, должен иметь какие-нибудь негативные черты. Скажем, в достоверности описаний портретов деятелей конца XVI в., сделанных князем Иваном Михайловичем Катыревым-Ростовским, никто не сомневается именно потому, что они напоминают, скорее, карикатуры: «царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп...». Подобными критическими описаниями внешности князя Александра мы не располагаем. Есть только этот панегирический «портрет», больше похожий на словесную икону.

Проверить данные «Жития» антропологическими методами мы возможности не имеем. Увы, останки Александра не сохранились. Случилось это, парадоксальным образом, во многом именно потому, что их особенно старались сохранить. В 1380 г. они были «обретены» как святыя мощи и положены в Рождественском монастыре города Владимира для почитания и сохранения. Однако монастырский храм, в котором хранились останки, в 1491 г. сгорел. Сгорели и мощи. Поначалу летописцы прямо сообщали об этом. Но позже была сочинена красивая легенда, что мощи уцелели. Очевидно, что-то действительно уцелело. Это «что-то» и было оставлено для почитания. Но и это не конец истории. Есть легенда, что при перевозке мощей в Петербург гробница будто бы упала в реку. И даже от того, что осталось после пожара, часть была утрачена.

При вскрытии раки в советское время там было найдено лишь не-

большое количество разрозненных костей. Без черепа. Так что воссоздать внешность князя по методу Михаила Михайловича Герасимова, увы, невозможно.

То есть все, чем мы располагаем, — это именно житийный словесный портрет. С научной точки зрения, мы должны понимать его условность. Но если какой-нибудь режиссер изобразил бы князя щуплым карликом, это было бы странно.

А. С. Александр Ярославич родился в семье переславского князя Ярослава Всеволодича, будущего великого князя владимирского и великого князя киевского. Родившись на владимирской земле, он, однако, с детства жил и воспитывался в Новгороде, где существовали совсем иные, чем в его родном княжестве, государственные традиции, или, выражаясь современным языком, политическая культура. Насколько легко молодой князь адаптировался в среде новгородской знати?

В. Д. Существенные отличия новгородских порядков от общерусских проявились уже после монгольского вторжения. Тогда новгородским князем считался великий князь владимирский, а затем и московский. Но княжение это со временем стало номинальным, титульным. Новгородцы жили фактически без князя, предоставленные сами себе. Для того чтобы вернуть себе реальную власть, Ивану III в XV в. пришлось немало постараться.

Но при Александре порядки были еще старье. Новгородская вольница еще не имела возможности

разгуляться в полную силу. Князь лично присутствовал в городе, лично управлял в мирное время и лично возглавлял боевые походы. Поэтому приспособливаться приходилось не князьям, а новгородцам. Бурным нравом и свободолобием новгородцы отличались всегда. Однако и Ярослав, отец Александра, и он сам мастерски владели умением вводить новгородцев в чувство. Собственно, потому их княжеская ветвь и удерживала власть в северной столице на протяжении столь долгого периода: это был их семейный стиль.

Да, новгородцы с упоением буйствовали. Но буйство их развивалось до той лишь грани, до которой допускал князь. Так, например, в 1255 г. новгородцы выгнали с княжеского престола его сына Василия. И переизбрали посадника: вместо княжеского ставленника Михалки Степановича на посадническую должность народным вечем был возведен Онанья Феофилатович. Однако стоило Александру подойти с войском к городу, новгородцы после недолгих внутренних «разборок» восстановили status quo. Причем, главным защитником Михалки выступил Онанья. Онанья понимал, что с ним сделает князь, если разгневется. Быстрое и точное исполнение княжеской воли избавило город от беды. Да и Онанья лишился только посадничества, но не головы. А вот в 1257 г. получилось хуже. Тут уже новгородцам пришлось расплачиваться за ослушание горше: «овому носа урезаша, а иному очи выимаша». Непослушания князь Александр не терпел.

А. С. Первым заметным событием, с которым связано его имя, была

Невская битва 1240 г. Из русских летописей ведь мы знаем о ней мало, так что на основании русских летописей трудно судить о конкретно-историческом контексте этого события, что, собственно говоря, и создает питательную почву для возникновения мифов. А говорят ли нам что-то о Невской битве западные (в частности, шведские) хроники? Каково было историческое значение этого события, приостановило ли оно продвижение Швеции на восток? И когда и почему за Александром закрепился именно этот титул, Невский?

В. Д. О Невской битве сообщает Новгородская летопись. Достаточно развернуто сообщает. Кроме того, подробный рассказ есть в Житии князя, написанном, как явствует из некоторых оговорок автора, выходцем из суздальской земли. Современные событию летописи других русских земель и иностранные источники об этом событии не сообщают.

Много это или мало? Современная критически мыслящая личность может счесть, что очень мало. Ведь мы привыкли даже сообщения СМИ проверять по нескольким источникам. И если сведения, сообщенные в программе «Время», не дублируются CNN, многие отказываются им верить, и не без причины.

Однако следует понимать, что работа со сведениями средневековых источников должна вестись иначе. Во-первых, мы имеем дело с информацией в неинформационном обществе. Нельзя относиться к средневековым летописям как к каким-то средневековым СМИ. Летописи —

не средство информирования масс, а средство фиксации фактов, важных для жизни конкретного социума. Во-вторых, до нас дошла лишь небольшая доля текстов, осколки большой мозаики, по которым приходится восстанавливать картину в целом. Поэтому если в нашем распоряжении есть сообщение Новгородской летописи (вполне стандартное, без риторической или мистической нагрузки), нет серьезных причин сомневаться в том, что событие это произошло в реальности.

Другой вопрос — масштаб события. Он может быть оценен по-разному. Если оценивать масштаб по количеству участников, то битва может считаться относительно небольшой. Оборона Новгорода была проведена силами в основном княжеской дружины, без привлечения широких народных масс. Ее масштаб уступает, например, монголо-татарскому нашествию как историческому событию.

Однако помимо количественных характеристик есть еще и качественные. Для средневековых новгородцев случившееся было очень важно. Их отношение к произошедшему зафиксировано в источниках. Битва рассматривалась как молниеносный, точный удар, который пресек шведскую интервенцию, цели которой, по мнению новгородского летописца, были весьма амбициозны: они собирались захватить Ладугу. Конечно, летописец, охваченный эмоцией момента, мог переоценить опасность. Но нужно принять во внимание, что успех битвы был развит в целой серии успешных операций против шведов. Это надолго ликвидировало

шведскую угрозу. Нападения шведов в новгородской земле возобновились только в 90-х гг. XIII в. То есть полвека спустя после Невской битвы. До этого летопись не содержит сведений о столкновениях шведов с Русью, в которых шведы бы выступали активной стороной. Вновь устроить военный поход на Русь решились даже не дети, а внуки тех шведов, которые были разгромлены в 1240 г. Это уже объективно.

Есть еще один важный аспект, о котором часто забывают. Значение события — это вовсе не константа. Ему свойственно изменяться со временем. Это нам известно даже на примере отдельно взятой биографии: мимолетное происшествие в юности может оцениваться как судьбоносное событие по прошествии лет. С Невской битвой произошло именно так: для новгородского летописца, сделавшего запись об этой битве, это было событие значительное, но не грандиозное. А для автора жития, писавшего через несколько десятилетий, — уже гораздо более важное историческое явление, явление мирового масштаба. И то, что мы раз за разом продолжаем возвращаться к теме Невской битвы — тоже показатель ее важности для отечественной истории.

Интересная проблема, тоже косвенно связанная с проблемой «значения» битвы: действительно ли шведское войско возглавлял знаменитый ярл Биргер, памятник которому установлен в Стокгольме? Читатели наверняка знают, что факт этот подвергается сомнению на том основании, что информация об этом содержится в относительно позднем источнике:

в так называемом «Рукописании Магнуша, короля свейского», которое было написано в конце XIV — начале XV в. Более ранние источники не называют предводителя шведского войска по имени. Причем существуют расхождения в титуловании предводителя шведов. В летописной записи (Новгородская первая летопись старшего извода) он именуется князем, а в Житии — уже королем. Эта разноголосица тоже рассматривается как признак некоторой ненадежности сведений.

Меж тем, на мой взгляд, именно эта деталь весьма важна и интересна. Дело в том, что, когда писалась летопись, Биргер был всего лишь юным сыном ярла, т.е. как раз князем по русским меркам. А когда писалось Житие, Биргер уже сильно возвысился и стал фактическим (хотя и не титулованным) королем Швеции. Этим, кстати, могло объясняться повышенное значение Невской битвы со временем. Ее значение росло вместе с карьерным ростом побежденного врага. Возможно, если бы Биргер не сделал такой блестящей карьеры, Невская битва не обрела бы такого грандиозного значения.

А. С. Обратимся теперь к Ледовому побоищу. Ливонский орден был образован в 1237 г. и вскоре после своего создания снарядил посольство в Новгород в стремлении установить отношения. Но вскоре тактика изменилась. С чем это было связано? Может быть, вести о разрушениях Руси в результате нашествия Батыя привели ливонцев к убеждению в том, что поход на восток будет не столь уж трудным? Захват Ливонским орденом Изборска и Пско-

ва делал неотвратимым его столкновение с войском Великого Новгорода. А имела ли победа в Ледовом побоище долгосрочное значение, предотвратив дальнейшую экспансию Ливонского ордена на восток? И не преувеличивалось ли в советской историографии значение этого события? Ведь, насколько мне известно, В. О. Ключевский его вообще почти не упоминал в своих работах. В отличие от склонного к мифотворчеству Д. И. Иловайского.

О Ледовом побоище у нас опять-таки судят прежде всего по фильму Эйзенштейна. А насколько расходится реальность с тем, как изобразил события великий мастер? И установлено ли, кстати говоря, само место, где происходило Ледовое побоище?

В. Д. Начну с вопроса о том, почему В. О. Ключевский не уделил внимания битвам Александра Невского, а Д. И. Иловайский уделил. Тут, как я думаю, дело простое: у этих историков была разная аудитория. Иловайский, как автор гимназических учебников, адресовал свои труды читателям, осваивающим азы. А Ключевский читал свои лекции студентам, подразумевая, что гимназический курс ими освоен в полном объеме. Кроме того, Ключевского, по преимуществу, интересовали, говоря языком Броделя, «структуры большой длительности», не столько битвы, сколько социальные и экономические реалии.

Важно также учесть, что дореволюционная историческая наука времен Ключевского существовала в фазе, когда гиперкритицизм после трудов

скептической школы стал на некоторое время неинтересен. Поэтому препарировать незамысловатые в общем-то конструкты было скучно. Вот мы и не находим там ни хлестких разоблачений, ни «альтернативных» версий.

Если говорить о Ледовом побоище предметно, то с ним дело обстоит существенно проще, чем с Невской битвой. Прежде всего потому, что о нем рассказывается не только в русских источниках, но и в немецких.

Это хорошо по нескольким причинам. Во-первых, что ни делай с отечественным любителем истории, но отучить его с недоверием относиться к информации, не имеющей подтверждения «с той стороны», невозможно. Это, быть может, даже и положительное качество, хотя иногда и выглядит комичным. По крайней мере, дурные дискуссии на любительском уровне наличием зарубежных источников купируются успешно: «а вот, смотрите, немцы подтверждают». Во-вторых, для профессиональных историков наличие письменных свидетельств с обеих противоборствующих сторон позволяет взглянуть на произошедшее бинокулярным зрением: картина становится по-настоящему объемной.

Чем было вызвано ухудшение отношений с Орденом, приведшее к столкновению? Если говорить в общем, то главная причина — соперничество за сферы влияния в Прибалтийском регионе. На начало XIII в. католические немецкие организации (Ливонский орден, прибалтийские епископства) стали заходить на территории, которые новгородцы

традиционно считали своими. Был захвачен Изборск. С Псковом дело получилось сложнее: город взят не был, но опасность немецкой оккупации привела к власти в городе про-немецкую партию, рассчитывавшую на «мирное добрососедство» с вероятным агрессором. Столкновения было не избежать.

Если взять масштаб поменьше и приглядеться к событиям, непосредственно предшествовавшим 1242 г., то повод дали, конечно, сами новгородцы под руководством Александра. Князь повел активную контратаку. Был возвращен под руку новгородского князя Псков. Затем начались грабительские походы, жертвами которых стали местные финские и балтские племена. Туземное население было наказано «за измену», за то, что оказались вынуждены платить дань не русскому князю, как это было ранее, а новым немецким господам. Понятно, что такой ход воспринимается нами как жестокий и несправедливый. В этом смысле, конечно, Александр Невский не соответствует образу, созданному Эйзенштейном. Однако логика средневековой войны была такова: грабеж населения был ее обычной частью.

В чем еще фильм Эйзенштейна отходит от исторической реальности (если взять ее с буквальной точностью)? Самым, пожалуй, главным ударом для массового сознания можно считать то, что немецкие рыцари, скорее всего, во время Ледового побоища не проваливались под лед. В этот раз не проваливались. Подобного рода неприятность с ними произошла во время битвы на Омовеже в 1234 г., когда русскими войсками

командовал отец Александра — князь Ярослав Всеволодич. Что же касается Ледового побоища, то об утоплении рыцарей нам сообщает одна только Псковская 3-я летопись XVI в. Близкие к событию по времени источники о таком факте ничего не сообщают. Надо полагать, Эйзенштейн соединил в фильме события 1234 и 1242 гг. для пущего драматического эффекта.

Что касается места битвы, то твердо можно утверждать лишь то, что оно происходило на льду Чудского озера. Есть несколько версий, где располагалось это самое место «на Узмени, у Воронья камени». Есть как минимум три вполне аргументированные гипотезы. Я их весьма детально и критически разобрал в своей книге «Феномен Александра Невского». Само озеро было весьма скрупулезно изучено с применением технических средств (впрочем, исследование это происходило в 1958–1959 гг. Быть может, с тех пор было изобретено что-нибудь новенькое). Интересных находок было немало. Но самых ожидаемых, т. е. рыцарских лат, не случилось.

Впрочем, даже в том случае, если рыцари при полной амуниции опускались на дно озера, как это показано в фильме Эйзенштейна, добыть со дна доспехи сейчас вряд ли было бы возможно. Прежде всего потому, что дно озера чрезвычайно илистое. И если допустить, что некий закованный в латы рыцарь в XIII в. опустился бы в его пучину, к настоящему моменту он оказался бы: а) погребен под толщей ила; б) совсем в другом месте, поскольку ил имеет свойство медленно двигаться по ложу более

твердых осадочных пород. Вместе с тем, по словам профессионалов-гидрологов, в толще ила среда анаэробная и щелочная. Она способствует сохранению металла. Если бы туда попал гипотетический рыцарь, что-то из его доспехов должно было сохраниться. Поэтому было бы интересно вновь изучить дно водоема с применением уже современных технических средств.

А. С. В продолжение уже заданного чуть раньше вопроса, в котором мы коснулись особых политических традиций Великого Новгорода, ограничивавших полномочия князя. Известно, что незадолго до Ледового побоища князь Александр изгнан из города. А после двух замечательных побед (Невской битвы и Ледового побоища) укрепились ли его власть в Новгороде, и как складывались его дальнейшие отношения с новгородской «элитой»?

В. Д. Не изгнан, а вышел, потому что разругался. Так об этом говорится в летописи. Здесь есть тонкая разница. Это больше похоже на отъезд Ивана Грозного в Александровскую слободу, чем на изгнание. То есть уход Александра — это, как показало дальнейшее развитие событий, скорее своеобразная угроза, чем бегство. Недаром уже год спустя новгородцам пришлось просить его вернуться. Так, видимо, и было рассчитано.

А. С. Переключимся теперь на отношения Александра с Ордой. Насколько активно он прибегал к помощи Орды в междоусобной борьбе, в том числе со своими братьями и другими близкими родственниками, в целях укрепления своей лич-

ной власти? И как бы вы прокомментировали встречающиеся в литературе утверждения о том, что деятельность Александра Невского способствовала усилению влияния Орды на Руси, иными словами, «монгольского ига» (а по мнению Л. Н. Гумилева и его единомышленников, продуктивного русско-ордынского альянса)?

В. Д. Сложность рассуждений об Александре в том, что очень трудно бывает избавиться от обвинений в «защите» князя или, напротив, его «очернении». Выстраивая ту или иную цепочку аргументов, историк неизменно оказывается по ту или иную сторону этой воображаемой «баррикады». Я, право, так и не придумал, как избавиться от этой дурной альтернативы. Единственный вариант: указать на важные, с моей точки зрения, факты и предоставить читателю возможность сделать выводы самостоятельно.

Каковы же эти факты?

1. В момент Батыева нашествия Александр Невский был далеко не первым в ряду русских князей. Он представлял молодое поколение, которому еще только предстояло занять ключевые позиции в федерации русских княжеств. На вершине княжеской пирамиды, а значит, и на переднем крае политической и военной деятельности в тот момент находилось поколение «отцов»: Ярослав Всеволодич и его братья — сыновья Всеволода III Большое Гнездо. Именно это поколение приняло основной удар и заложило основы русско-татарских отношений на долгие годы. На этом поколении лежит

ответственность за военное поражение. На нем же ответственность и за выстраивание системы монголо-татарского ига. Кстати сказать, со второй частью задачи они справились лучше, чем с первой, военной, сумев сохранить некоторые элементы политической и хозяйственной автономии. Александр в то время был еще подростком, на пороге юности.

2. Александр был далеко не первым князем, поехавшим в Орду за ханской инвеститурой. И не вторым, и даже не пятым.

3. Александр, как сын великого князя владимирского, имел право на великокняжеский престол. Напомню, что на Руси действовала «лестничная» система наследования, согласно которой старшему брату наследовал не сын, а следующий по старшинству брат. В итоге князья выстраивались в длинную очередь.

Не все князья успевали дожидаться своей, ибо срок ожидания иногда был больше, чем жизнь. Поэтому очередь эта была весьма нервной: постоянно кто-то делал попытку влезть без очереди. На кону стояло многое: князь, очереди не дождавшийся, не только сам лишался власти, но и лишал перспектив всех своих потомков до скончания мира. Поэтому борьба шла чрезвычайно ожесточенно.

Учитывая этот контекст, важно принять во внимание, что именно Александр без очереди ни разу влезть не пытался. После гибели его отца Ярослава он был приглашен в Орду. Казалось бы, прекрасная возможность договориться с ханом и обеспечить себе наследование. Однако

Александр не поехал. И поэтому на престол взшел тот, кто и должен был взойти: его дядя Святослав Всеволодич.

Однако Святослав пробыл князем недолго. Он был свергнут своим племянником. Александром? Вовсе нет. Это сделал младший брат Александра — Михаил Ярославич Хоробрит. То есть очередь уже явственным образом стала нарушаться. Александр уже оказался в числе тех, кого оттеснили. Подвигло ли это его к активным попыткам тоже поучаствовать в общей толкотне? Отнюдь нет.

Меж тем в Орду устремляется целое сонмище русских князей, в том числе его младший брат Андрей. И вот только тогда, в 1247 г. в Орду едет и Александр. В Орде он получает ярлык на киевское княжение, толку от которого нет, ибо Киев разрушен войсками Батые. Александр возвращается в Новгород.

Настоящее значение имел титул великого князя владимирского. По текущему порядку его должен был получить Александр. Но не получил. Он достался его младшему брату Андрею. Стал ли Александр возражать? Нет.

Титул и княжение Александру Невскому в итоге достались лишь после того, как Андрей взбунтовался против ордынской власти и был за это ярлыка лишен. Только тогда правильная очередь наследования была восстановлена.

Поскольку из этих событий Александр вышел с очевидной прибылью — титулом великого князя, то

историки, начиная с В. Н. Татищева, предполагают, что именно он и был тайным автором всех этих событий. Однако такой вывод, как всякое предположение о тайных действиях и мотивах, невозможно ни до конца доказать, ни до конца опровергнуть. Можно лишь усомниться, поскольку на протяжении многих лет до этого события Александр не проявлял никакого особенного властолюбия и пропустил целый ряд возможностей получить титул гораздо раньше.

Важно также и то, что Андрей в ходе этих событий остался жив и в дальнейшем вполне мирно контактировал со старшим братом. Могло ли это случиться после предполагаемой историками чудовищной измены? Теоретически могло (братья могли помириться). Но сомнительно все-таки.

А. С. Можно ли считать Александра Невского крупным дипломатом средневековой Руси? Каковы его успехи именно на дипломатическом поприще? И что нам известно о его связях и в том числе переписке с Ватиканом? И можно ли говорить о реальной роли Александра Невского в политическом объединении Руси? А может быть, он был в этом куда менее удачлив, чем его, пожалуй, более выдающийся современник Даниил Галицкий?

В. Д. Пожалуй, политическая игра Даниила Романовича была сложнее. Александр Ярославич западное направление «закрывал» практически одними только военными средствами. Даниил Романович действовал разнообразней. Этим объясняется и разный итог их сношения с пап-

ской курией. Александр Ярославич прекратил контакты, когда стало понятно, что реальной военной помощи от папы Иннокентия IV не дожидаться. А Даниил Романович довел дело до официального венчания королевской короной, принятой из рук папских легатов. Ни тот, ни другой реальной помощи не получили. Однако Даниил, судя по всему, уже понимая, что именно на католический крестовый поход против монголов рассчитывать не приходится, все-таки принял корону, чтобы выглядеть авантажней в глазах своих европейских контрагентов.

Дипломатические старания Александра были проще: его главной задачей была минимизация вредоносных последствий ордынского ига. Задача эта была непростой, поскольку ордынская элита была весьма многочисленна и разнообразна по своим устремлениям. «Подружившись» с одним чингизидом, можно было рассориться с несколькими другими. А ссоры такие отзывались весьма тяжелыми последствиями не только лично для князей, но и для населения их волостей. Дипломатическая работа в Орде напоминала работу сапера: в случае удачи ничего не происходило, тогда как любая неосторожность грозила повторением Неврюевой рати. В итоге Александру удалось выстроить относительно сносную систему, позволявшую жить и развиваться под монголо-татарским игом.

Для этого пришлось немало поработать не только с ордынскими властями, но и с собственным населением. Прежде всего, с новгородцами. Прямо скажем, князю пришлось заставить новгородцев подчиниться

ханским численникам во избежание тотального уничтожения (надо сказать, тотальное истребление населения целых городов было у монголов в обычае). Это ему тоже нередко ставят в вину. Мог бы, кажется, и воспользоваться патриотическим подъемом, сделать попытку побороться с монгольскими завоевателями. Пусть бы они все погибли, но не уронили достоинства!

Впрочем, я не уверен, что идея героической гибели так же вдохновила бы самих средневековых новгородцев, как она вдохновляет читателей исторической литературы. Желая побить ордынских численников, они не имели в виду погибнуть. Просто в условиях отсутствия доступной информации у них не было возможности оценить, насколько большую опасность представляют монголы. Ни соцсетей, ни гугла не было, запрос: «как уничтожить баскака: плюсы, минусы, подводные камни» задать было некому. К 1238 г. у монголов был большой опыт уничтожения целых городов целиком. Новгородцам о нем было неведомо. Пришлось князю вразумлять свободолюбивых новгородцев. Он знал больше и видел дальше.

Проблема в том, что координаты восприятия истории в голове усредненного «обычного человека» задаются отнюдь не исторической наукой. Гораздо больший вклад в нее вносит приключенческая литература, кинематограф и компьютерные игры (прежде всего, тактические шутеры и стратегии). Причем, это даже далеко не всегда литература, кинематограф или игры, посвященные исторической проблематике. В контексте

приключенческого «геймплея» герой обязательно должен действовать. Шевалье д'Артаньян обязательно должен отправиться за подвесками королевы, шотландец Уильям Уоллес обязательно должен вонзить нож в сердце английского шерифа, вожди Альянса вселенной Warcraft обязательно должны нападать на гоблинов Орды. Иначе не будет книги, фильма, игры. Реальные исторические фигуры по сложившемуся стереотипу оцениваются так же: если историческое лицо не доставило потомкам удовольствия историей своей романтической гибели, оно эмоционально воспринимается как «скучное», а с моральной точки зрения «недостаточно смелое, решительное, благородное и пр.».

Это, безусловно, ошибка восприятия. Потомкам, возможно, тоже будет скучно узнать, что уважаемый читатель проводил время, читая умные статьи и книги по истории, а не воевал с оружием в руках в горячих точках, не искал сказочные сокровища, а просто каждый день ходил на работу. Однако и им нужно будет вспомнить, что логика реальной жизни и логика реальной политики от логики романа отличаются. Проживая жизнь, невозможно сделать save. Это обстоятельство вредит занимательности ее сюжета и яркости приключений. Но история — не роман. Князь Александр действовал не для того, чтобы сделать нам «интересно», а для того, чтобы сохранить жизни своих людей. И в этом отношении современники считали его деятельность успешной.

У ордынских властей на новых подданных были большие планы.

Дань — это еще было полбеды. Хуже была заявленная монголо-татарскими властями обязанность поставлять людей для военных действий. Так из населения захваченных монголо-татарами Галича и Волыни были сформированы передовые отряды для завоевания Польши и Венгрии. Согласно Житию, в походах должны были участвовать и жители северо-восточной Руси. Это и было причиной последней поездки князя в Орду: «Бѣ же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, веляще с собою воинствовати. Князь же великий Александръ поиде к цареви, дабы отмолити людии от бѣды тоя». В итоге населению удалось избежать такой напасти. Значит, дипломатические поездки Александра в Орду были вполне результативны.

А. С. Что можно сказать об отношениях Александра Невского с Православной церковью? В силу каких обстоятельств и по чьей инициативе он был канонизирован в XVI в. в качестве святого? Менялось ли на протяжении веков отношение Православной церкви к человеку, который в 2016 г. был объявлен патриархом Кириллом небесным покровителем Сухопутных войск Российской Федерации?

В. Д. Церковь на Руси всегда так или иначе подчинялась государству. Причем, как понимает читатель, это не проявление ее слабости и не результат случайного стечения обстоятельств, а доктрина, унаследованная от византийской государственно-церковной организации. Противоположное положение вещей, когда церковь стоит выше светских властей,

у нас традиционно осуждалось как «папокесаризм». Поэтому почитание Александра Невского как святого — результат совместных усилий государства и церкви. Важным фактором было то, что Александр — непосредственный предок династии московских князей.

Александр был канонизирован на Соборе 1547 г. как общерусский святой по инициативе митрополита Макария, видного церковного деятеля и члена «Избранной рады» юного тогда еще Ивана Грозного.

Эта канонизация была частью масштабных церковных реформ и усовершенствований, проведенных Макарием. Иногда она вызывает удивление людей, мало знакомых с церковными порядками. Как могло получиться, что Житие князя было написано еще в XIII в., а святым он стал только в XVI? На самом деле ничего странного или удивительного в этом нет. Канонизация — это финальный, а не начальный пункт становления культа. Официальное признание сложившегося почитания. К тому моменту должно накопиться достаточное количество фактов «чудотворения», должно быть написано Житие и пр.

Впрочем, пока потомки Александра находились у власти, его культ (и в религиозном смысле, и в фигуральном) имел весьма скромные масштабы и развивался неспешно. Показательно, что от допетровского времени до нас не дошло сведений ни об одном александроневском храме. Во всяком случае, мне не удалось найти такой информации. Кроме того, мощи святого продолжали хра-

ниться во Владимире, не были перенесены в Москву, что тоже является показателем того, что «градус почитания» был не особенно велик.

Ситуация изменилась при Петре. Для него, построившего новую столицу «на берегах Невы», святой князь, активно действовавший именно в этом регионе, стал своеобразным «гением места». Это предопределило выбор царя. Отсутствие развитого церковного культа в допетровское время тоже сыграло положительную роль. Петр был религиозным человеком, но, как известно, не питавшим особой симпатии к древнерусскому наследию. В фигуре святого князя Александра Невского удачно сошлось несколько важных для Петра факторов: 1) привязка к балтийским и невским территориям, на которые царь возлагал особые надежды, успехи в борьбе со шведами; 2) безупречная православная репутация боевого князя, а не, например, страстотерпца (это как нельзя лучше соответствовало деятельной натуре Петра); 3) возможность формировать культ практически «с чистого листа», без тяжелого шлейфа древнерусских реминисценций.

При этом, как понимает уважаемый читатель, Петр не был «антизападником». Совсем наоборот. Однако его отношение к Западу весьма существенно отличалось от привычного нам, современного. Петр ценил культурные, технические и социальные достижения западной цивилизации, стремился учиться, перенимать. Однако конечной целью его была возможность успешно воевать с западными соседями, а не втереться в условный «Евросоюз» на правах

хиленькой периферии. Он ликвидировал патриаршество как угрозу светскому государству, но не подвергал сомнению необходимость «православных скреп», вызывающих сегодня столько иронии. То есть конфигурация убеждений царя была довольно сложной. Для построения новой государственной идеологии Александр Невский был вполне подходящей фигурой.

Таковой он остается и по сей день. Что же касается «назначения» святого князя на «должность» покровителя Сухопутных войск, то оно вполне вписывается в существующую культурную и религиозную традицию. Хотя обеспечение этой церковной инициативы соответствующим гуманитарным сопровождением, на мой взгляд, слабовато. Однако само по себе это решение вполне логично и понятно.

А. С. Поговорим и об Александре Невском как мифе, а о Ледовом побоище как одном из главных национальных мифов нашей отечественной истории. Разумеется, это мифотворчество не сводится к фильму Эйзенштейна, образу актера Черкасова и ордену Александра Невского времен Великой Отечественной войны. Когда началось создание мифов об Александре? Каковы были основные этапы в процессе мифологизации этой исторической фигуры? Мы уже коснулись вопроса о том, почему фигура Александра Невского была значима для Петра, приказавшего заложить в Петербурге Александро-Невский монастырь (позже лавра), куда были уже в 1724 г. перенесены мощи князя, ставшие объектом поклонения. А как представляла Невского

официальная историография начала XIX в., в частности, Н. М. Карамзин? И часто ли мифотворчество вокруг Александра Невского имело не просто патриотическую направленность, но и выраженный антизападный оттенок? Какие мифы стали особенно живучими и имеют широкое хождение и сегодня?

В. Д. «Миф Александра» прошел в своем развитии три основных стадии: 1) древнерусскую, 2) петровскую и 3) советскую. Каждая следующая была по широте охвата и накалу более значительна, чем предыдущая. Высшей точки развития этот миф (если понимать миф как системообразующий компонент коллективного культурно обусловленного мировосприятия) достиг в советское время. Безусловно решающую роль в этом процессе сыграл фильм гениального Сергея Эйзенштейна.

Именно фильм сделал князя столь популярным среди современных жителей России. Он вышел на экраны еще в 1938 г. Теперь уже этот фильм смотрят только любители и историки кино. Но еще в пору моего детства фильм воспринимался не как экзотичная киноклассика, а как вполне «нормальное кино», которое с интересом смотрели и взрослые, и дети. Такова была сила гениальной режиссуры, что фильм сохранял актуальность и спустя пятьдесят лет после выхода. Мальчишки делали мечи из дерева, пытались сделать рыцарские топфхелмы из ведер и самозабвенно играли в «Ледовое побоище». «Ледовым побоищем» иногда назывались и массовые потасовки возле школы, если им случалось прозойти зимой. Вместе с тем фильм

очень многослойный. Наряду с понятной детям остросюжетной канвой в нем есть и второй, и третий план, сложные реминисценции и неявные смыслы. Фильм стал явлением не только мирового кинематографа, но и важной вехой в формировании коллективной исторической памяти. Особую выразительность фильму придала музыка С. С. Прокофьева.

Самый мощный, поистине кумулятивный, эффект имела сцена фильма, в которой рыцари тонут, исчезая подо льдом Чудского озера. Эти кадры воспринимались почти как документальные (этому, как ни смешно, способствовало и то, что фильм был черно-белый). Поэтому несколько поколений школьных учителей истории рассказывали на уроках, посвященных борьбе против крестоносной и католической экспансии, о «тонком весеннем льде», который не выдержал «тяжелую рыцарскую конницу». Как было уже сказано, указанный сюжет не является полностью выдуманной Эйзенштейна: рыцари проваливались под лед, но только не в 1242-м, а в 1234 г. Для создания художественного эффекта такая режиссерская вольность была вполне позволительна. Но именно эта сцена обычно выставляется как главный козырь при «развенчании» образа князя Александра: «Не тонули рыцари!» Наверняка великий режиссер был бы немало поражен, если бы узнал, какой разрушительный эффект оказали запоминающиеся кадры его фильма на не слишком крепкий интеллект «любителей истории».

Меж тем фильм был результатом большой работы и явился проявлением важных исторических процессов.

Начнем именно с процессов. 20-е гг. XX в. ознаменовались становлением марксистской науки. Ведущую роль в этом процессе сыграла школа акад. М. Н. Покровского. Академик и его ученики стали препарировать отечественную историю «с классовых позиций» при соблюдении выведенного В. И. Лениным «принципа партийности». Понятно, что большая часть героев древнерусской истории оказалась во враждебном молодому пролетарскому государству стане «феодалов-эксплуататоров». Историки, впрочем, производили свою научную работу вполне деликатно, а вот читатели исторических работ правильные выводы могли сделать не всегда. Результатом неправильно понятого «марксистского подхода» стала пьеса «Богатыри», написанная пролетарским поэтом Демьяном Бедным. Пьеса была поставлена в 1936 г. на сцене московского Камерного театра известным режиссером А. Я. Таировым. Пьеса была остросатирическая. Казалось, «классово чуждые» древнерусские персонажи — отличный материал, над которым можно безопасно посмеяться в весьма непростые 30-е гг. Однако постановка была расценена партийными органами (да и коллегами Таирова) как глумление над русской историей. Постановку раскритиковали в «Правде» и закрыли.

Однако проблема «реабилитации» отечественной истории осталась актуальной. Нужно было как-то объяснить простому зрителю, что те средневековые феодалы, и строившие, и защищавшие русское государство, — не то же самое, что «помещики и буржуи», свергнутые в 1917 г. В такой обстановке перед С. М. Эйзен-

штейном была поставлена задача съемки исторического фильма.

Нужно понимать, что С. М. Эйзенштейн — режиссер-авангардист, создатель специфического киноязыка, нового для своего времени. То, что фильм поручили именно ему — весьма характерная черта эпохи. Требовалось создать именно масштабное художественное произведение о русской старине, а не просто развлекательную или «воспитательную» киноленту. Эйзенштейн подошел к делу творчески и обстоятельно. Н. И. Клейман, советский и российский киновед и историк кино, рассказывал в интервью такую байку, которая, впрочем, похожа на правду. Смысл ее в том, что режиссеру было дано задание снять историческое кино. На выбор было предложено два сценария: один о Минине и Пожарском, другой об Александре Невском. Эйзенштейн спросил совета у Михаила Ромма, какой сценарий выбрать? Ромм ответил, что он бы выбрал сценарий о событиях XVII в., поскольку об этом времени больше известно: как выглядели люди, что происходило, а об эпохе Александра Невского мало-де что известно. «Вот поэтому, — ответил Эйзенштейн, — мне и надо брать “Александра Невского”. Как я сделаю, так оно и будет!»

Впрочем, без участия серьезных ученых великому режиссеру обойтись не удалось. Оказалось, что об эпохе Александра известно немало. Первоначальный вариант сценария был весьма саркастически раскритикован академиком М. Н. Тихомировым. Его критический отзыв интересен сам по себе и является самостоятельным научно-публицистическим про-

изведением. Он был опубликован в 1937 г. в журнале «Историк-марксист» и назывался весьма показательно: «Издавка над историей».

В отзыве Тихомирова есть серьезные концептуальные замечания, сдерживавшие полет фантазии авторов сценария П. А. Павленко и С. М. Эйзенштейна. Историк указал, что князь Александр не умирал на Куликовом поле (а как было бы эффектно), Новгород не был центром борьбы против монголо-татарского ига (тоже красивый был бы момент) и пр. Но занимательней всего выглядят пассажи, которые академик не считал нужным критиковать серьезно в силу их смехотворности, но прошелся по ним в юмористическом ключе.

Например, блестяще разобрана тема, которая и до сих пор живо обсуждается среди любителей исторической прозы: как следует передавать в современном тексте древнерусскую речь. Аутентичный древнерусский язык может быть непонятен, а стилизация часто бывает неумелой. Именно это сначала и произошло со сценаристами фильма. Тихомиров раскритиковал пошлую стилизацию, которой был наполнен первоначальный сценарий. В итоге герои фильма говорят на нормальном русском языке.

Кстати, сцена с проваливанием рыцарей под лед была в сценарии. Однако академик М. Н. Тихомиров, хорошо знавший древнерусские источники по этой теме, понимал, что это кинематографический образ, призванный наглядно показать «провал» немецкого нападения. Придираться к художественному ходу не считал нужным.

Увы, многие современные «специалисты» этого понять не могут.

Вообще, фильм снят с неплохим знанием бытовых деталей: оружия, построек и костюмов, и с этой точки зрения находится вполне на уровне научных знаний той эпохи. Таким образом, фильм был создан в сочетании передового художественного языка, научных знаний и четкой идейной задачи. И, как ни странно, эти разнонаправленные тенденции отнюдь не мешали друг другу, а гармонично дополняли. В этом, собственно, и заключался гений режиссера, сумевшего «впрячь в одну телегу» «коня и трепетную лань». Ничего подобного в отечественном кинематографе создано не было. Если говорить о кинематографе мировом, то многие исследователи отмечали сходство визуального ряда «Александра Невского» и «Нибелунгов», снятых Фрицем Лангом в 1924 г. Однако сами фильмы не похожи. Имеющаяся переключка — это, скорее, элемент художественного диалога. Можно сказать, инфернальные тевтоны Эйзенштейна — это русский взгляд на идеальных тевтонов Ланга.

Важно, что изначально финал фильма был существенно менее жизнеутверждающим. В фильме предполагалось показать вторую половину жизни Александра Невского, половину существенно более тягостную — ту, которая была связана с поездками в Орду. Эйзенштейна как большого художника интересовала драма исторической личности в ее полярных проявлениях. Однако Сталин тоже обладал неплохим художественным чутьем. По его указанию фильм был закончен на позитивном моменте победы русских над немца-

ми. С одной стороны, это обеднило художественное содержание картины. С другой — усилило ее идеологический посыл и сделало более «детской», что тоже было важно, поскольку на протяжении пятидесяти лет главным зрителем картины оставались, безусловно, именно дети.

Увы (для меня — именно «увы») современным детям фильм Эйзенштейна практически неизвестен. У них иные приоритеты и совсем другие интересы. Интернет наполнен гораздо более ярким и привлекательным для детского восприятия контентом. Сам по себе фильм еще воспринимается нормально. Я провел эксперимент: усадил своих собственных детей, тогда еще учеников начальной школы, смотреть этот фильм. Они посмотрели с большим воодушевлением. Однако никто из их одноклассников этого кино не видел.

Новые фильмы снимаются. Но, к сожалению, они не обладают главным для исторического кино качеством — увлекательностью. Фильмы, как и фильм Эйзенштейна, сняты на государственные деньги. Но чего-то этим фильмам не хватает. Возможно, «госприемки» во главе с «корифеем всех наук». Главная эмоция, возникающая при просмотре — скука. А значит, дни «мифа Александра» сочтены. Он, конечно, не исчезнет полностью. Скорее всего, произойдет возвращение ко второму этапу: Александр Невский как фигура, важная для государственной идеологии, останется. Но популярность его как «народного героя» уйдет вместе с тем поколением, которое делало деревянные мечи и, посмотрев фильм, разыгрывало «Ледовое побоище» на школьном дворе.

«ЭТО БЫЛА ПЕРСПЕКТИВНАЯ ПОПЫТКА ВЫВЕСТИ РОССИЙСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ ИЗ КОЛЕИ, КОТОРАЯ ВЕЛА СТРАНУ К ТОТАЛИТАРИЗМУ». К 100-ЛЕТИЮ КРОНШТАДТСКОГО ВОССТАНИЯ.

Интервью с А. В. Шубиным

О природе, нереализованном потенциале и историческом значении Кронштадтского восстания 1921 г. размышляет А. В. Шубин, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Ключевые слова: Кронштадтское восстание 1921 г., русская революция 1917–1922 гг., Советы, В. И. Ленин, НЭП, независимое рабочее движение.

Сведения об авторе: Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва).

Контактная информация: historian905@gmail.com.

“IT WAS A PROMISING ATTEMPT TO TAKE THE RUSSIAN REVOLUTION OUT OF THE RUT THAT LED THE COUNTRY TO TOTALITARIANISM”. TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE KRONSTADT UPRISING.

Interview with A. V. Shubin

The well-known historian Alexander Shubin reflects on the nature, unrealized potential and historical significance of the Kronstadt uprising of 1921.

Key words: Kronstadt uprising of 1921, Russian revolution of 1917–1922, Soviets, V. I. Lenin, NEP, independent labor movement.

About the author: Shubin Aleksandr V., doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow).

Contact information: historian905@gmail.com.

Беседовали В. Ведерников и А. Стыкалин

В. В., А. С. Какова была природа Кронштадтского восстания? Что сближало его с движением рос-

сийского крестьянства, которое в 1920–1921 гг. тоже активно выступало против большевистской власти

(достаточно вспомнить об Антоновском восстании на Тамбовщине)? А может быть, было и то, что разъединяло эти движения и объективно не позволило им слиться в едином потоке?

А. Ш. Кронштадтское восстание стало кульминацией завершающего этапа Великой российской революции 1917–1922 гг. Этот этап начинается осенью 1920 г. Широкомасштабная Гражданская война остается в прошлом, белое движение отходит на второй план. Против коммунистического режима выступают массы под революционными лозунгами. Ленин считал эту угрозу более страшной, чем белое движение. В борьбе против белых мобилизационный потенциал красных оказался высоким, но теперь Красная армия состоит из родственников восставших крестьян, из той же самой социальной среды, которая питает восстания. Кронштадт как раз это и продемонстрировал — он был серьезным военным восстанием, которое угрожало столице. И во главе этого восстания стояли сторонники власти Советов в собственном смысле слова. В случае цепной реакции антибольшевистские силы могли перехватить и социальную базу, и основные лозунги большевиков, сделав их более убедительными, чем у коммунистов.

Кронштадтское восстание не смогло объединиться с другими антибольшевистскими силами физически. Но если бы ему сопутствовал успех и антибольшевистские движения встретились, конечно, между ними были бы противоречия. Тамбовские повстанцы выступали в основном за Учредительное собрание, т. е.

за парламентскую демократию, а не советскую. Но в практическом воплощении парламентский и советский принципы были совместимы. В случае занятия Петрограда кронштадтцами и притока новых сторонников взгляды инициаторов восстания неизбежно размывались бы. Так что принципиальных препятствий для объединения антибольшевистских сил в европейской части страны не было. Это было общедемократическое социально ориентированное движение, объединенное стремлением избавиться от коммунистического режима и навязанной им системы военного коммунизма.

В. В., А. С. Был ли Кронштадт альтернативой или естественным продолжением Октября 1917 г.? И был ли хотя бы гипотетический шанс у реализации этой, условно говоря, «кронштадтской альтернативы», очевидно, не сводившейся только лишь к кронштадтскому мятежу, в случае, если бы исторические условия позволили лучше синхронизировать действия кронштадтцев с выступлениями других левых сил, недовольных большевистской властью? И стала бы в этом случае (позволим себе немного пофантазировать) возможная победа восстания неизбежным «откатом» от Октября к дооктябрьским порядкам, к ситуации конца лета — начала осени 1917 г., или это все-таки был бы прорыв к некоему новому, иному качеству?

А. Ш. В случае занятия флотом Петрограда перспективы восстания могли быть оптимистичными. Очевидно, что в старой столице было большое недовольство коммунистическим

режимом, можно было получить поддержку и от крестьян, и со стороны Финляндии. Конечно, это еще совсем не гарантировало объединения с Тамбовским, Украинским и Сибирским очагами восстаний — расстояния слишком велики. Но могли «детонировать» и другие части Красной армии. Солдат Красной армии, рабочих и крестьян убеждали, что после разгрома белых будут осуществлены демократические принципы советской власти. Белые разбиты, а тяготы военного коммунизма сохраняются. Коммунисты отказывались «платить по счетам», и это вызывало недовольство. Массы рабочих не решались на восстание, но если бы восстали воинские части и заняли какие-то города — они могли получить поддержку.

Это не мог быть откат к дооктябрьскому периоду — тогда революция еще углублялась, продолжался поиск решения основных вопросов революции, массы были полны энергии. В 1921 г. потенциал революции был почти исчерпан, все устали от войны. Скорее можно было бы говорить о возвращении к началу 1918 г., когда еще была возможность избежать ширококомасштабной гражданской войны, завершив революцию через Учредительное собрание на основе компромисса идей Февраля и Октября. В 1921 г. альтернатива была, на мой взгляд, такой — либо быстрый коллапс коммунистического режима с последующим подведением итогов революции на основе левоцентристского компромисса Учредительным собранием или съездом многопартийных Советов, либо — сохранение коммунистического режима с отказом от военного коммунизма

и подавлением очагов антикоммунистических восстаний. Реализовалась вторая альтернатива, но Ленин опасался Кронштадта именно потому, что тот мог привести к детонации, цепной реакции в городах и военных частях. С крестьянскими восстаниями он не без оснований рассчитывал справиться, отказавшись от военного коммунизма.

В. В., А. С. Насколько вообще изучен сегодня вопрос о том, как отреагировали на Кронштадтское восстание небольшевицкие политические силы тогдашней России (от монархистов до анархистов)? Внушало ли кому-то это восстание какие-либо надежды, и какие именно надежды?

А. Ш. Да, надежды возбудились у многих. Конечно, и у анархистов, и у социалистов. Да и сторонники белого движения понимали, что раскол среди красных дает им шанс. Эмигрантские лидеры рассчитывали, что если в Петрограде возникнет центр антибольшевистского сопротивления, можно будет туда прибыть и убедить восставших в своей правоте, формально даже подстраиваясь под лозунги Советов — лишь бы без коммунистов. Впрочем, пока такие лидеры, как Виктор Чернов, готовились оказать поддержку восстанию, все и кончилось.

В. В., А. С. Давайте попытаемся реконструировать (насколько это возможно) позитивную, созидательную программу кронштадтцев. Чего они хотели? Какие принципы лежали в основе их программы? И как они относились к такой форме самоорганизации, как Советы?

А. Ш. Они довольно ясно изложили свои требования в резолюции митинга моряков и населения 1 марта 1921 г.: «Ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать выборы Советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян». Резолюция требовала также свободы слова для левых эсеров и анархистов (не более того), восстановления других гражданских свобод, освобождения политзаключенных-социалистов и пересмотр дел других, ликвидации привилегий коммунистов, структур большевистской экономической диктатуры. Главное экономическое требование: «дать полное право действия крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержаться должен и управляться своими силами, т.е. не пользуясь наемным трудом»¹. То есть — режим многопартийных Советов и экономические свободы, аналогичные НЭПу. В руководство восстанием входили бывшие большевики, меньшевик-интернационалист, эсер-максималист, энес и анархист. Знаменитый лозунг «Власть Советам, а не партиям!» не был общепринятой позицией.

В. В., А. С. Французский левый политолог Эдгар Морен в одной из работ, отмечая, что среди венгерских повстанцев осени 1956 г. преобладали именно рабочие, заметил, что партаппаратчики в странах советского блока зачастую питали особую ненависть к этим венгер-

ских повстанцам именно потому, что на борьбу с коммунистической диктатурой поднялся весомо, грубо и зримо рабочий класс, который тем самым «порочил» своими «неправильными» действиями тот идеальный пролетариат, который должен всегда и при любых обстоятельствах всецело подчинить себя направляющей воле правящей компартии². А какие другие аналогии из истории XX в. и какие переключки с другими историческими событиями приходят вам в голову, когда вы размышляете над значимостью исторического опыта кронштадтцев, восставших против власти, позиционировавшей себя защитницей интересов пролетариата? Можно ли, например, провести параллели между кронштадтским выступлением 1921 г. и деятельностью независимых профсоюзов Польши периода «Солидарности» (1980–1981)? Ведь и в том, и в другом случае против «пролетарского» государства выступила, казалось бы, его (государства) социальная опора.

А. Ш. Нужно все же оговорить, что Кронштадтское восстание — прежде всего военное. Хотя местные рабочие его и поддержали, но лидировали матросы. Поводом для восстания стали рабочие волнения в Петрограде, но в ходе самого восстания петроградские рабочие прекратили «бузить», заняли выжидательную позицию. Однако по своим идеям, апелляции именно к трудовым классам и стремлению соединить леворадикальный самоуправленческий проект с политическим плюрализмом Кронштадт

¹ Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М., 1997. С. 50–51.

² Морен Эдгар. О природе СССР. Тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995. С. 67.

находится в ряду таких восстаний и движений, как Парижская коммуна 1871 г., Махновское движение 1917–1921 гг., синдикализм во время гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг., рабочие Советы в Венгрии в 1956 г., левое крыло «Солидарности» в 1980–1981 гг. Интересно, что в СССР проводилась аналогия между Кронштадтским восстанием и маоизмом, направленная на взаимную компрометацию этих совершенно разных движений.

В. В., А. С. Понятна прямая связь между Кронштадтом и НЭПом. Но в литературе о В. И. Ленине часто можно встретить (со ссылками на последние ленинские, продиктованные им статьи и письма) рассуждения о том, что в самые последние примерно полтора года своей жизни он значительно пересмотрел свои общие взгляды на социализм. Так ли это, а если так, то в какой мере повлиял на это Кронштадт? И если подойти к той же проблеме с несколько иного ракурса: вынудил ли Кронштадт большевиков к тактическому отступлению или открыл возможности для пересмотра стратегии, хотя и не реализованные в силу исторических условий?

А. Ш. Мероприятия НЭПа продумывались до Кронштадтского восстания, так что Ленина заставили отказаться от военного коммунизма скорее крестьянские восстания конца 1920 — начала 1921 г. Кронштадт покончил с колебаниями, помог обосновать необходимость кардинальных перемен на съезде, а заодно прихлопнуть дискуссию о профсоюзах, «неуместную» в такой критической ситуации. Характерно, что в РКП(б)

было немало сторонников взглядов, близких кронштадтцам, но партийное единство оказалось важнее. Да и повстанцы не собирались разбираться в нюансах внутрипартийных разногласий большевиков.

Мне думается, что эволюция взглядов Ленина в 1921–1923 гг. была тактической и представляла собой частичное признание правоты меньшевиков и эсеров (разумеется, без публичного признания, что свои идеи он заимствует именно у них). Это и эволюционное строительство социализма в одной стране на основе кооперации сельского хозяйства (народники), и важность культурных предпосылок социализма (меньшевики). Но Ленин не стал ни меньшевиком, ни эсером, т.к. сохранил главное, что отличало его от обоих направлений — авторитарно-технократический путь к некапиталистическому обществу. Именно на фоне восстания в Кронштадте он выступает за превращение организации рабочего класса в приводной ремень к монолитной коммунистической партии, управляемой сверху. Отсюда такая важность расстановки кадров в правящей верхушке РКП(б), которой Ленин уделяет большое внимание в своих последних письмах. Судьба социализма зависит не от мнений широких масс, а от личных качеств Сталина и Троцкого. Взгляд на революцию и социализм кронштадтских повстанцев был прямо противоположен и вряд ли мог повлиять на теории Ленина.

В. В., А. С. Что сделано историками в области изучения кронштадтского мятежа? Какие работы вы бы отметили? Какие принципиального

значения источники еще ждут ввода в научный оборот? И какие еще задачи стоят перед историками, обращающимися к этой теме в широком контексте? Что еще предстоит сделать?

А. Ш. В 90-е гг. Кронштадт оказался в центре юпитеров исторической славы. Вышли документальные сборники, множество статей, описаний и трактовок восстания в монографиях на более широкие темы. Здесь есть и мой небольшой вклад. Если раньше, даже в известной работе С. Н. Семанова, преобладал обвинительный уклон, то в 90-е и нулевые неизбежно вышел на первый план «оправдательный». Правда, и здесь не было полного единства — одним авторам Кронштадт нравился за то, что бросил вызов коммунистам и показал ложность их идей. Другие с симпатией относились к той альтернативе революции, которую надеялись провести в жизнь лидеры восстания. Не было недостатка и в скептических оценках по поводу того, что восстание «не имело будущего» или имело смысл лишь как фасад для серьезных белых сил, стоявших за спиной наивных матросов. В короткий срок были «вычерпаны» значительные массивы источников, которые позволяют подробно и объемно представить себе фактическую сторону дела. Признаться, листая недавно описи архивных фондов РГВА с документами о восстании, я поймал себя на мысли, что встречаю уже очень мало для себя нового, скорее любопытные штрихи, нежели какие-то важные факты,

способные изменить точку зрения на Кронштадтское восстание.

В 90-е гг. на эту тему вышло как минимум две диссертации. В 2017 г. вышла подробная книга о восстании В. Я. Крестьянинова. Насколько я знаю, книгу о Кронштадте готовит Л. Г. Прайсман. Хочется надеяться, что там будут новые подробности из зарубежных архивов.

В. В., А. С. Весной 2021 г. нас ждут два юбилея — 150-летие Парижской коммуны и 100-летие Кронштадта. Видите ли вы какую-то связь между этими историческими событиями?

А. Ш. Как я упомянул выше, это события одного ряда. Парижская коммуна стала первым относительно устойчивым режимом с преобладанием социалистов, который пытался реализовать на практике свою модель преобразований. Коммуна выступала за общество, основанное на федерализме и самоуправлении, начала передачу предприятий в руки рабочих организаций. Коммуна — семя этого дерева. Правда, и марксисты-ленинцы ее, как правило, чтят, критикуя «ошибки», а не суть проекта Коммуны. Кронштадт — это все-таки эпизод, хотя и важный, «побег дерева», слишком быстро отсеченный, чтобы можно было судить о возможных результатах. Но он, конечно, остается в пантеоне левых демократов и анархистов как перспективная попытка вывести российскую революцию из колеи, которая вела страну к тоталитаризму.

ЛУКАШЕНКО И «КРАСНО-КОРИЧНЕВЫЕ»: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ, КОММЕМОРАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Политическое развитие Белоруссии заметно отличается от ее западных соседей. Авторитарный популистский режим был установлен в 1994 г. под лозунгами борьбы с коррупцией, ностальгии по СССР и объединения восточнославянских народов в одно государство. На протяжении всего своего долгого правления Александр Лукашенко продемонстрировал умение ловко приспосабливаться к меняющейся геополитической ситуации. Поскольку вначале он опирался на группы, оппозирующие реформам Горбачева и Ельцина, то Лукашенко даже относили к «красно-коричневым» в связи с его сеговыми по поводу развала Советского Союза и за продвигаемую им повестку объединения восточных славян. Отсылки к советским временам продолжают играть центральную роль в идентичности и официальной памяти, формируемой режимом Лукашенко. Нарастающее давление путинской России изменило геополитическую ситуацию и заставило поменять риторику, теперь на первый план выдвигается белорусская государственность.

Ключевые слова: Белоруссия, память, Александр Лукашенко, Вторая мировая война, политика памяти.

Сведения об авторе: Рудлинг Пер Андерс, профессор Лундского университета (Швеция). С 2019 по 2024 г. является стипендиатом Академии Валленберга, финансируемой фондом Кнута и Алисы Валленбергов. В 2015–2019 гг. был приглашенным стипендиатом Национального университета Сингапура, в 2015 г. — приглашенным профессором Венского университета, стажером-исследователем (post-doctoral fellow) Лундского университета в 2012–2014 гг. и Университета Грейфсвальда (Германия) 2010–2011 гг. Защитил докторскую диссертацию в Университете Альберты (Канада, 2009). Магистерские степени получил в Государственном университете Сан-Диего (США, 2003) и в Уппсальском университете (Швеция, 1998).

Контактная информация: per_anders.rudling@hist.lu.se.

Per Anders Rudling

LUKASHENKA AND THE "RED-BROWNS": NATIONAL IDEOLOGY, COMMEMORATION OF THE PAST AND POLITICAL BELONGING

The political development in Belarus differs significantly from that of its western neighbors. An authoritarian, populist regime was established in 1994 on a platform of anti-corruption, Soviet nostalgia, and a rhetorical commitment to the reunification of the east Slavic lands into one state. Over his long rule, Aliaksandr Lukashenka has showed considerable aptitude in adjusting to a changing geopolitical situation. Initially catering to groups opposed to Gorbachev and Yeltsin's reforms, somewhat reductively have been referred to as "red-browns" Lukashenka lamented the break-up of the Soviet Union and advanced an agenda of East Slavic re-unification. While Soviet references remain central to the identity of the Lukashenka regime, the changed geopolitical situation under Putin's increasingly assertive Russia has forced him to modify its rhetoric, stressing Belarusian statehood, while retaining an official memory centred on Soviet references.

Key words: Belarus, Memory, Aliaksandr Lukashenka, World War II, Politics of Memory.

About the author: Rudling Per Anders, Wallenberg Academy Fellow, funded by the Knut and Alice Wallenberg Foundation, between 2019–2024. He is an associate professor of history at Lund University. In 2015–2019 he was Visiting Senior Fellow at the National University of Singapore, in 2015 Visting Professor for Eastern European History at the University of Vienna, Austria. He was a post-doctoral fellow at Lund University 2012–2014 and at the University of Greifswald 2010–2011. He holds a Ph.D. from the University of Alberta (2009), MA degrees from San Diego State University (2003) and Uppsala University (1998).
Contact information: per_anders.rudling@hist.lu.se.

Впервые опубликовано: *Rudling P.A.* Lukashenka and the "Red-Browns": National Ideology, Commemoration of the Past and Political Belonging // Forum für Osteuropäische. Ideen- und Zeitgeschichte. 2011. 15. Jahrgang. Heft 1. P. 95–126.

С 1994 г. Белоруссия идет путем, который заметно отличает ее от соседей. Скатывание к авторитаризму присуще ряду бывших советских республик, но в случае Белоруссии речь идет об особенностях, которые придают ей уникальность среди других государств Европы. Данная статья посвящена проблемам государственного строительства и идентичности. В ней очерчивается политическая традиция, с которой идентифицирует себя белорусский режим, и указывается, с помощью каких отсылок к прошлому, каким языком и с помощью каких символов осуществляется

национальное строительство. С 1994 до 2002 г. белорусский режим проводил политику, нацеленную на объединение с Россией. В 2003 г. фокус сместился в сторону белорусского суверенитета, который с тех пор рассматривается как основа идентичности. Этот процесс сопровождается целенаправленным конструированием мифов, способствующих государственной консолидации. Производство национальной мифологии осуществляется в духе советской традиции в форме государственной «идеологии». Белорусский режим столь гибко меняет «идеологию»

в политических целях, что некоторые исследователи задаются вопросом, идет ли в данном случае речь об идеологии в истинном смысле этого слова, или же это просто инструмент популиста, чья цель состоит в удержании власти?¹ Для обозначения специфики режима Лукашенко используются различные ярлыки². Стивен Эке и Тарас Кузио именуют его «султанизмом», сравнивая Лукашенко с Чаушеску и Ким Ир Сенном. Эти авторы считают, что «султанистские режимы не нуждаются в идеологии. <...> Поэтому режим Лукашенко обходится без какой-либо отчетливой идеологии» (*Eke, Kuzio* 2000: 531). Подобный подход предлагает Дэвид Марплс, который пишет о политике «Лукашизма — длительного пребывания на посту руководителя без каких-либо значительных идей, что с точки зрения социального и экономического развития приводит к движению без ясной цели» (*Marples* б.г.: 66). Марплс приходит к выводу, что «при взгляде на режим Лукашенко в нем сложно найти что-либо позитивное». Он задается вопросом: «Занимается ли администрация Лукашенко тем, что можно назвать политикой»? Марплс описывает политику белорусского президента как «национальный нигилизм с единственной заметной целью — длить до бесконечности личную власть одного индивида, Александра Лукашенко» (*Ibid.*: 65).

Григорий Иоффе считает, что «Белоруссия страна незавершенного национального строительства» и что

¹ См., например: (*Leshchenko* 2008; Ioffe — Marples exchange in *Eurasian Geography and Economics*: Ioffe б.д. 2; *Marples* б.д.; *Ioffe* б.д.).

² Среди них: «султанизм», «диктатура», «демократический централизм» и «лукашизм». См.: (*Marples* 2006: 351–364, 355; *Eke, Kuzio* 2000; *Ioffe* 2003а; *Leshchenko* 2004, *Lindner* 2002: 99).

Лукашенко «воплощает то направление белорусского национализма, которое совпадает с самовосприятием, ментальностью и устремлениями многих рядовых белорусов» (*Ioffe* б.г. 2: 54, 55). Наталья Лещенко сходным образом отмечает, что «Лукашенко никогда ясно не формулировал свое видение государственного развития», но в отличие от националистической оппозиции, которая отрицает весь советский период, оценивая его как трагическую ошибку, Лукашенко построил свою «идеологию» вокруг коммеморации «золотого прошлого» БССР (*Leshchenko* 2004: 337, 339, 340). Если даже у Лукашенко есть «идеология», то она не обладает цельностью и особенно невыразительна в плане предначертания будущего. Лукашенко, именующий себя «православным атеистом», отождествляет «государственную идеологию Белоруссии» с панславизмом (*Mikhailisko* 1997: 259), а свою экономическую программу характеризует как «рыночный социализм» (*Marples* 2006: 356). Определяющей чертой режима Лукашенко является сочетание эмоциональных призывов к славным достижениям прошлого с политическими репрессиями и запугиванием (*Ibid.*: 356–357; *Rudling* 2009б).

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В БЕЛОРУССИИ

Октябрьская революция была не слишком подходящим мифом основания Советской Белоруссии. Советская власть в Белоруссии бы-

ла установлена в рекордно короткие сроки, но при незначительном участии самих белорусов, чье политическое и национальное самосознание было развито тогда в незначительной степени. Среди большевистских лидеров было лишь несколько этнических белорусов. Белорусская политическая элита того времени в большой мере была близка к народнической традиции социалистов-революционеров (*Недасек* 1954: 64). Несмотря на то, что в Западной Белоруссии, находившейся в межвоенный период в составе Польши, существовала значительная поддержка населением коммунистов, даже в просоветских белорусских газетах этого региона ссылки на Октябрьскую революцию встречались достаточно редко (*Snyder* 2005: 75).

Вторая мировая война является естественным центром строительства белорусской идентичности. Вероятно, ни одно другое историческое событие не оказало такого серьезного влияния на современную Белоруссию, чем в высшей степени травматичная Великая Отечественная война. Республика потеряла до одной трети населения. В начале войны в ней проживало 9,2 млн, к концу 1945 г. население уменьшилось до 6,3 млн, в 1947 г. оно составило 7,22 млн³. Необходимо также упомянуть жертв политического террора 1930-х, от которого пострадали до 500 тыс., или порядка 10% населения Белоруссии в границах до 1939 г. (*Касцюк* 2000)⁴, в том числе до 90% национальной

интеллигенции (*Платонаў, Коршук* 2001: 24). Еще примерно 300 тыс. были депортированы в 1939–1941 гг., порядка 100 тыс. были подвергнуты депортациям после войны в период до 1947 г. Примерно 50 тыс. коллаборационистов ушли вместе с отступающей германской армией (*Gerlach* 1999: 1159).

Великая Отечественная война была выбрана советскими властями в качестве маркера белорусской идентичности. Концентрация внимания на героических подвигах имела много преимуществ с точки зрения руководства Советской Белоруссии. Это позволяло учредить героический миф, который был одновременно и советским, и национальным. Поэтому советская пропаганда уделяла большое внимание военным подвигам белорусов. Общие страдания, сопротивление и искупительная победа представлялись в качестве события, которое обновляло и укрепляло связи белорусского и «братского» русского народа и всей великой советской семьи народов (*Ioffe* 2007). В то же время в советской интерпретации, особенно при Сталине, преуменьшалась роль поляков и евреев в сопротивлении Гитлеру (*Kostyrchenko* 1995; *Weiner* 2001: 191–235; 350).

Ряд аналитиков считают, что искупительная победа над нацистской Германией стала для белорусов своего рода светской религией, укорененной в мифологическом нарративе победы добра над злом⁵. Это

³ По оценкам Кристиана Герлаха, во время войны на территории БССР было убито от 2,3 до 2,4 млн человек (*Gerlach* 1999).

⁴ Цит по: (*Дзярновіч* 2001: 17).

⁵ Интерпретация Великой Отечественной войны как борьбы добра со злом также является частью дискурса в России и на Украине (*Kostenko et al.* 2004: 291).

историческое событие представляется в едва не манихейских религиозных терминах победы света над тьмой и жизни над смертью. Такие интерпретации были обусловлены соображениями политической целесообразности. Так как руководство БССР послевоенного периода в значительной мере состояло из людей с партизанским прошлым, то почитание военных подвигов повышало доверие населения и, следовательно, легитимность политической элиты. Государство предпринимало значительные усилия для официальной коммеморации войны. Культ войны пронизал все сферы общественной жизни. Мемориалы для поминовения павших и чествования победы были сооружены практически во всех населенных пунктах Белоруссии.

Национальная мобилизация является относительно недавним феноменом для Белоруссии. Модерная «национальная» идентичность все еще не стала общепризнанной, во многом в связи с тем, что начиная с 1930-х белорусское национальное движение подавлялось с двух сторон польско-советской границы⁶.

После войны БССР, бывшая одним из довольно отсталых регионов

Российской империи, стала одним из наиболее развитых промышленных центров СССР (*Ioffe* 2004)⁷. Сегодня многие представители старшего поколения поминают добрым словом Петра Машерова, который руководил Белоруссией с 1965 по 1980 г. и превратил ее в одну из наиболее процветающих советских республик.

Военные потери населения возмещались широким притоком рабочих и специалистов из других частей СССР, что усилило «интернационалистский», т.е. советский характер республики (*Мауцзана* 2005). В экономике преобладал гигантский военно-промышленный комплекс, к моменту обретения независимости примерно половина промышленной продукции имела оборонное назначение (*Umbach* 1993: 6). В периоды правления Хрущева и Брежнева Минск был относительно процветающим городом со стабильным снабжением продуктами питания. Высокие стандарты жизни привлекали в Белоруссию многих военных пенсионеров, из-за чего республика превратилась в «советскую Флориду» (*Федута* 2005: 107; *Зенькович* 2005: 17–18, 134). Материальное благосостояние обеспечивало политическую стабильность. Алесь Адамович

⁶ В 1920-е не только белорусские националисты, но и советские организаторы переписи населения были поражены отсутствием «национального сознания» у белорусских крестьян, которые давали «неверные» ответы на вопрос о своей национальной принадлежности. Они не делали различия между белорусами, русскими и украинцами и либо относили всех восточных славян к «русским», либо использовали региональные идентичности. Многие из них различали католичество и православие как «польскую» и «русскую» религии. Белорусские крестьяне часто были противниками «коренизации», отрицая белорусский язык как искусственный, намеренно суженный национальной интеллигенцией, неприемлемый за пределами сельской местности, и именовали его «хлопский язык» и «сабачая мова». В 1929 г. многие белорусские крестьяне на белорусском языке объясняли советским представителям, что они говорят исключительно на русском (*Rudling* 2009a: 40, 162, 228; *Hirsch* 2005: 11).

⁷ См. также: (*Marples* 2005).

сравнивал советскую Белоруссию с Вандеей. Подобно Вандее, бывшей наиболее промонархической провинцией Франции, Белоруссия была самой «советской» из всех союзных республик (*Зенькович* 2005: 23). Белоруссия до сих пор имеет самый высокий уровень военных пенсионеров среди других постсоветских государств. Вместе с членами семей эта группа насчитывает порядка 600 тыс. и оказывает значительное влияние на политический климат республики (*Eke, Kuzio* 2000: 537; *Ioffe* 2003a).

До конца 1980-х в БССР не было явных признаков гражданского общества. Сталинские чистки, наследие Великой Отечественной войны и ускоренная послевоенная урбанизация — все это позволило сформировать образцовую республику, чрезвычайно советизированную в политическом смысле и русифицированную в языковом отношении. В конце 1980-х 69% жителей Белоруссии, это больше, чем в других республиках СССР, описали себя в качестве советских людей (*Rudling* 2008: 61). Белорусская идентичность не противопоставлялась, а совпадала с «советской» идентичностью. Представление о белорусской нации, которая является обособленной частью восточнославянского, православного и советского сообществ, разделяется относительно небольшой националистической элитой, объединяющей не более 20% белорусов (*Ioffe* 2008: xiv). В марте 1991 г. 82,7% белорусского электората (т.е., не считая Средней Азии, — самая высокая доля проголосовавших «за») голосовали за сохранение обновленного СССР (*Ковкель, Ярмусик* 2000: 576; *Eke, Kuzio* 2000: 527). Вопреки это-

му менее чем полгода спустя на республику свалилась независимость (*Фурман* 1998: 4). В первые годы независимости многие белорусы находились в замешательстве, одним из результатов которого стали дебаты, где даже ставилась под сомнение реальность белорусского языка. В. Булгаков с горечью вспоминает об этих спорах «существует ли отдельный белорусский язык» и «русский или белорусский является нашим национальным языком», которые свидетельствуют, что за последние 150 лет мышление белорусских национальных элит продолжало носить маргинальный характер. Выяснилось, что идеи, вошедшие в канон великорусского национализма, такие как клише объединения «младшего» и «старшего» братьев, «мертвый белорусский язык» и подобные им, могут принести внушительный электоральный успех (*Булгаков* 2006: 323).

Билл Клинтон, посетивший Белоруссию в 1994 г., был поражен вездесущностью советской символики и назвал ее самой консервативной из всех республик бывшего СССР (*Зенькович* 2005: 134; 251).

ЛУКАШЕНКО И «КРАСНО-КОРИЧНЕВЫЕ» ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ

Судорожная оппозиция горбачевской перестройке воплотилась в разнонаправленные движения, среди которых были тоскующие по советской стабильности, монархисты, милитаристы и националисты-«славянофилы». Эти движения, которые возникли в качестве реакции на экономическую шокотерапию

и исчезновение советского строя, отличались отсутствием последовательных идеологических программ. Иногда их совокупность обозначали термином «красно-коричневые»⁸. В 1990 г. русский писатель Юрий Бондарев инициировал создание движения «Единство», выступавшее за сохранение советского строя. При поддержке милитаристов, в том числе Александра Проханова, эта группа объединилась вокруг газеты «День» (с 1994 г. «Завтра»), чтобы противостоять проперестроечной «Литературной газете» (*Ljunggren* 1992: 15–23, 18). Это движение стало заметной силой в политической жизни России начала 1990-х. Оно привлекло к себе ряд политиков, среди которых были вице-президент РФ Александр Руцкой, руководитель КПРФ Геннадий Зюганов, консервативный националист Сергей Бабурин и другие.

Они превозносили советское государство, армию и КПСС как воплощения русской мощи и славы. На их митингах и демонстрациях соседствовали портреты Сталина и Николая II. Советские знамена часто были окаймлены черно-желто-белыми «имперскими» флагами в качестве преемственности русской доблести и славы. Открыто враждебные резким переменам национально-патриотические «красно-коричневые» силы одинаково негативно относились к Октябрьской революции и перестройке как

последствиям действий разрушительных сил. При этом они рассматривали сталинский Советский Союз законным наследником Российской империи, в их интерпретации оба периода представляли в качестве воплощения идеи единой и неделимой России (*Ibid.*: 20–21). «Красно-коричневые», или националисты-«большевики», были не столько движением с ясными политическими целями, сколько выражением широкого протеста против капитализма, либерализма, НАТО и Запада (*Dahl* 2006: 217). Присущая им сталинская концепция построения социализма в одной стране, прославление армии и Великой Отечественной войны в сочетании с «антисоцинистской» риторикой не позволяют однозначно определить это движение согласно традиционной лево-правой шкале (*Ibid.*: 212). Консерваторы, фашисты, фундаменталисты и прочие ярлыки не позволяют описать эту пеструю по составу группу, принадлежавшую одновременно к двум крайностям политического спектра (*Ljunggren* 1992: 16)⁹.

В Белоруссии русские националисты группировались вокруг газет «Славянские ведомости», «Русь Белая», «Личность» и «Славянский набат». Некоторые видные представители этой группы, такие как Лев Кришгапович и Эдуард Скобелев, поддерживали Лукашенко на разных этапах его политической карьеры и занимали

⁸ «Красно-коричневые» ни в коей мере не является аналитическим термином. Это идеологическое клише, «слово-ярлык» (см.: *Дуличенко* 1994: 185 и далее), внедренное в политический дискурс пропагандистской машиной режима Ельцина в 1992 г. и направленное на дискредитацию его политических оппонентов. Я употребляю его в закавыченном виде, как исторически сложившееся обозначение оппонентов «демократических реформ».

⁹ Несмотря на то, что война между нацистской Германией и СССР, завершившаяся победой над национал-социализмом в 1945 г., породила общепринятое представление, что гитлеровский и сталинский режимы являлись антиподами, во многих случаях эти политические крайности «сходились» между собой.

важные должности в его администрации (*Ластойски* 2010). Как и их «красно-коричневые» единомышленники из РФ, они были крайне враждебны Западу. Важную роль в их взглядах занимали дуалистический манихейский взгляд на мир, теории заговора и эсхатологические воззрения. Они противопоставляли целомудренную, духовную, коллективистскую Россию или восточное славянство развращенному, материалистическому, поверхностному и бездуховному Западу, часто ассоциируемому с сионистским или масонским заговорами установления мирового господства. «Русоцентристы» идеализировали Лукашенко как человека из народа, харизматического лидера, выразителя народных чаяний. Лукашенко явился, чтобы воплотить лучшие качества восточных славян. Они изображали его как спасителя и обновителя всего восточнославянского мира, бросившего вызов западным заговорам против Белоруссии и славянства. Националисты, ориентированные на Россию, именовали Белорусский национальный фронт «национал-предателями», ассоциировали его с пятой колонной и нацистскими коллаборационистами, выступали против присущего белорусским националистам почитания наследия Великого княжества Литовского и взамен подчеркивали общий восточнославянский характер Киевской Руси и призывали к реабилитации Сталина (Там же).

Лукашенко строил свое популистское политическое «послание» на ностальгии по советским временам,

используя формы и символы антиперестроечного движения. С начала своей политической карьеры он повторствовал «красно-коричневым»¹⁰. В свою очередь участники этого движения поддерживали планы Лукашенко по созданию союза с Россией, нацеленного на реставрацию в той или иной форме СССР (*Шушкевич* 2002: 56). Лукашенко был одним из основателей так называемого Народного движения Белоруссии, объединявшего просоветские и коммунистические силы в их противостоянии с Белорусским народным фронтом. Как организация Народное движение Белоруссии не оставило заметных следов, но оно стало платформой, с которой стартовал Лукашенко-политик. Осенью 1993 г. движение организовало в Минске так называемый Конгресс народов СССР, где собрались знаковые фигуры антиперестройки со всех концов Советского Союза. Самыми значимыми были Нина Андреева и Егор Лигачев¹¹. Лукашенко, назвавший себя «советским белорусом» (*Федута* 2005: 174), произнес пламенную речь, в которой осудил Беловежское соглашение по ликвидации Советского Союза и призвал отдать под суд его подписантов — Ельцина, Кравчука и Шушкевича. Это был первый случай, когда Лукашенко нашел большую отзывчивую аудиторию. Ностальгирующие по СССР нашли молодого, энергичного выразителя своих чаяний (Там же: 87–88), который сформулировал эту линию еще в интервью газете «Правда» в августе 1993 г.: «Мы нуждаемся

¹⁰ По поводу дискуссии об идеологии «красно-коричневых» российских писателей и публицистов см.: (*Ljunggren* 1992: 15–23; *Laqueur* 1993).

¹¹ В марте 1988 г. Нина Андреева опубликовала статью в защиту Сталина и с осуждением перестройки. См.: (*Андреева* 1988).

в едином государстве бывших республик [Советского] Союза, больше чем нуждаемся в кислороде. <...> Люди понимают, что [Беловежское] соглашение было преступлением. И виновными являются президенты и бывшие лидеры России, Украины и Беларуси»¹².

В мае 1994 г. Лукашенко добрался со своим посланием до Москвы, где по приглашению парламентской группы Русский путь, куда входили телеведущий Александр Невзоров¹³ и упомянутый Сергей Бабурин, выступил в Государственной думе, призывая к созданию общего парламента трех «братских» славянских народов: «Предлагаю трем парламентам, я имею в виду и парламент братской Украины, немедленно создать официальные депутатские группы для проведения переговоров о выработке механизма объединения братских республик! Надеюсь, что это решение поддержат президент и правительство России. Ушло время разрушения, пришло время созидания. Собраться нужно обязательно, и сделать это желательно в Беловежской пуще, в Вискулях. Это было бы символично» (*Федута* 2005: 148).

В марте 1994 г. в Белоруссии была принята новая конституция, согласно которой молодое государство было объявлено президентской республикой. В гонке за президентское кресло националисты были раздроблены между радикальными и умеренными кандидатами, в то время как представи-

тели советской *номенклатуры* поддерживали лишённого харизмы Вячеслава Кебича. Лукашенко, который вначале рассматривался в качестве аутсайдера президентской гонки, позиционировал себя в качестве защитника традиционных семейных ценностей. Его успеху способствовал раскол в рядах националистов и паралич дезориентированной номенклатуры. Лукашенко удачно соединил советскую и реставрационную риторику с популистской антикоррупционной кампанией, представляя себя как простого и честного человека из народа (Там же: 102–108). Его популистское послание попало в резонанс с устремлениями значительной части белорусского электората. При явке избирателей 69,9% Лукашенко получил во втором туре 80,1% голосов (*Екадумай* 2001; Президентские выборы... 1994). Русская «национал-патриотическая» пресса торжествовала. В газете «Завтра» Александр Невзоров отождествил Лукашенко с антизападными силами: «Лукашенко наш человек. <...> В Думе он немедленно выбрал сторону, сторону, как говорят наши оппоненты, “красно-коричневых”. Я считаю, что в итоге Лукашенко будет делать то, что необходимо народу. <...> Легко представить Лукашенко в простой рубашке, работающего в поле или занимающегося военными упражнениями. Дух Лукашенко — это дух воина или работника. И я надеюсь, что его борьба и труд пойдут на благо Беларуси и всей нашей Родины» (*Невзоров* 1994).

В редакционной статье подчеркивалось, что пришел конец духу бе-

¹² Цит по: (*Степаненко* 1994).

¹³ Александр Невзоров — популярный журналист и политик «национал-патриотического» направления из Петербурга. Заявив о себе во время перестройки как критик советского истеблишмента, Невзоров в то время эволюционировал от антикоммунистического монархизма к «национал-большевизму» (*Laqueur* 1993: 269).

ловежских соглашений и началась новая политическая эра: «Демократы, коммунисты, националисты и сторонники тесных отношений с РФ вместе голосовали за первого президента Беларуси во втором туре [президентских выборов]. Голосование за социальную справедливость оказалось важнее идеологических различий. <...> Если бы Лукашенко выдвигался на Украине, он бы там тоже одержал победу. Но украинцам пришлось выбирать между Кравчуком и Кучмой. Кучма получил более половины голосов. Кучма также является противником беловежских соглашений» (Киев и Минск... 1994).

Другие «национал-патриотические» журналисты приветствовали избрание Лукашенко как «освобождение от мытарств рыночной экономикой и радикальных реформ» и одобряли восстановление «ведущей роли национальных ценностей в жизни народа» (Володин 1994)¹⁴. Лукашенко провозгласили спасителем «славянофильской» традиции: «На Беларусь смотрят как на спасителя славянской цивилизации, и мы должны эту цивилизацию спасти», — заявил он в 1995 г.¹⁵

НЕЕВРОПЕЙСКИЙ ХАРАКТЕР РЕЖИМА ЛУКАШЕНКО

Джингоистская форма политической ностальгии, тоска по порядку и стабильности и стремление вос-

становить Советский Союз эффективно использовались Лукашенко для консолидации общества и поддержки своей власти. Он успешно воскрешал память о славном прошлом и строил свою власть вокруг избирательной коммеморации прошлого. Лукашенко скорее использовал, чем формировал представления значительной доли населения Белоруссии (Eke, Kuzio 2000). Со времени выборов 1994 г. он заявлял, что главное противодействие объединению славянских народов исходит от «правящих классов Запада и международного финансового капитала. Мы должны служить не им, а нашему народу»¹⁶.

Многим недемократическим режимам, которые не могут удержать власть путем честных выборов, присуще обоснование политической легитимности ссылками на историю (Karlsson 1999: 37). Успеху Лукашенко также способствовала разобщенность местного националистического движения, что затрудняло эффективное противодействие его власти (Федута 2005: 75). Белорусский национальный фронт, который короткое время после провального путча августа 1991 г. был ведущей политической силой страны, был открыто антикоммунистическим и противостоял дальнейшей русификации. Радикализм и элитизм лидеров фронта играли на руку Лукашенко. Яростное противодействие двуязычию не соответствовало предпочтениям большинства

¹⁴ Володин — известный правый журналист, один из ведущих оппонентов перестройки (Laqueur 1993: 248).

¹⁵ Цит. по: (Народная газета 1995).

¹⁶ Цит по: (Степаненко 1994).

населения и помогло Лукашенко узаконить статус двух государственных языков¹⁷.

АВТОРИТАРИЗМ

Несколько упрощая, можно выделить три фазы развития Белоруссии с момента обретения независимости. Первая фаза (1991–1994) — это время независимости, либерализации и учреждения демократических институтов; второй период (1994–1996) — период конфликта между президентом и парламентом, усиление президентской власти за счет демократических институтов. С 1997 г. Белоруссия отличается все возрастающей деспотической властью авторитарного правителя (*Abrahamson* 1999: 85).

Новое направление движения страны сопровождалось сменой государственных символов. Сразу после прихода к власти Лукашенко начал медиа-кампанию по дискредитации Погони — государственного герба и бело-красно-белого флага, принятых после 1991 г., ассоциируя их с символами нацистских коллаборационистов 1941–1944 гг. (*Kotljarchuk* 2004: 41–72, 61). В 1995 г. Лукашенко ввел слегка измененную советскую символику. Прежние символы были преданы позору, разорваны и затем проданы по 10 долларов за кусок

в ходе прямой телевизионной трансляции (*Eke, Kuzio* 2000: 527)¹⁸.

Стивен Эке и Тарас Кузио подчеркивают, что тоталитаризм имеет в Белоруссии достаточно глубокие корни. Опрос общественного мнения 1997 г. показал, что, отвечая на вопрос, политический деятель какого типа лучшего всего справился бы с нынешней кризисной ситуацией, 30,4% предпочли политика типа Юрия Андропова и 18% высказались в пользу деятеля типа Иосифа Сталина (*Eke, Kuzio* 2000: 536). Ш. Фитцпатрик пишет, что «в отличие от нацистов советские коммунисты не исповедовали принцип вождизма, но советская практика носила в высшей мере вождистский характер» (*Fitzpatrick* 1999: 15). Политическая практика Лукашенко носит антипарламентский характер и строится вокруг лидера, рассматриваемого как воплощение государственной идеи. Партии, законодатели, судебная система являются заложниками системы управления, созданной Лукашенко. Вся власть исходит от вождя, сама персона которого воплощает в себе государственность. На пропагандистских плакатах, в телевизионных трансляциях и в государственных учреждениях изображения Лукашенко обязательно соседствуют с учрежденными им флагом и гербом (*Leshchenko* 2004: 338, 342). Преподавание истории снова находится под

¹⁷ В мае 1995 г. 83,1% голосовавших поддержали предложение Лукашенко о придании русскому языку статуса второго официального языка. (Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. Протокол Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. <http://www.rec.gov.by/refer/ref1995respr.html>. Accessed May 19, 2010).

¹⁸ В то время как Узбекистан и Таджикистан также вернули советские гербы, Белоруссия была единственной из бывших советских республик, не считая непризнанной Приднестровской Молдавской Республики, где был возвращен и герб, и флаг советского периода.

строгим политическим контролем. Власти запретили учебники по истории, изданные между 1991 и 1995 гг., и заменили их советскими, написанными на русском языке (*Kotljarchuk* 2004: 69; Republic of Belarus... 1999: 12, 16). Президент, который короткое время работал учителем истории, вникает в детали преподавания этого предмета. Особенное внимание он уделяет истории Великой Отечественной войны и эпохе Сталина. Риторика белорусского лидера во многом перекликается со сталинизмом. Нынешний режим то и дело мобилизует население на основе поляризации общества и заклинаний по поводу внешней угрозы материи родине. Лукашенко представляет себя как жертву заговоров и в качестве защитника народа от внешних и внутренних врагов. Оппозиция подавляется под предлогом угрозы национальной безопасности. Образ осажденной крепости является центральным для упрочения стабильности и для выживания режима (*Коктыш* 2003: 39). Западная критика режима часто сравнивается с военной агрессией нацистов (*Leshchenko* 2008). Сходная риторика используется в борьбе с националистической оппозицией внутри страны, которая часто сравнивается с нацистами, фашистами и врагами народа¹⁹. Лукашенко заимствовал ее у коммунистического руководства БССР, которое постоянно и довольно успешно обличало подобным образом местных националистов (*Marples* 1996: 120–121).

РУССКАЯ УГРОЗА: РАЗВОРОТ ПОЛИТИКИ ПУТИНА И НОВАЯ ИПОСТАСЬ ЛУКАШЕНКО

Ключевым пунктом политической программы Лукашенко было восстановление Советского Союза. Как президент Белоруссии он вскоре стал движущей силой реинтеграции республик бывшего СССР. 2 апреля 1996 г. было объявлено создание союза России и Белоруссии. 2 апреля 1997 г. был подписан союзный договор. Идея союзного государства предусматривала общую валюту, президентскую власть, исполняемую «по кругу», общее правительство и парламент, делегируемый национальными парламентами (*Marples* 2005: 43; *Timmermann* 2002: 277–302, 283–286). Ничего из этих планов не было реализовано, союз России и Белоруссии всегда имел лишь символическое значение. Многие годы после подписания договора страны сохраняют свои собственные валюты. Очевидно также, что это союз неравных партнеров. Экономика, влияние и мощь России значительно превосходят возможности Белоруссии.

Приход к власти Владимира Путина стал поворотным пунктом в белорусско-российских отношениях. Путин стремился усилить русское влияние в Белоруссии, не делая значительных уступок эксцентричному и непредсказуемому белорусскому коллеге. В Путине Лукашенко нашел соперника за место лидера интеграционных процессов. Для Бориса

¹⁹ Это свойственно не только Белоруссии. Владимир Путин также использует подобную риторику. Выступая на праздновании 62-й годовщины победы над нацистской Германией, он высказался по поводу США: «Эти новые угрозы подобны исходившим от Третьего рейха, им свойственно то же самое презрение к человеческой жизни и те же претензии на исключительность и диктат остальному миру» (*Verbatim* 2007: 10).

Ельцина проект союзного государства имел немалое риторическое значение, поскольку многие видели в нем могильщика Советского Союза. Союз с Лукашенко виделся Ельцину безопасным и ни к чему не обязывающим политическим предприятием, способствующим улучшению его имиджа накануне президентских выборов 1996 г. Путин, не находившийся под давлением политического багажа Ельцина, показывал, что ему этот проект не особенно интересен. В августе 2002 г. Путин внезапно объявил новую политику в отношении Белоруссии, изменившую природу отношений двух государств. Российский президент шокировал Лукашенко, предложив распустить белорусское государство и включить шесть белорусских областей «в семью субъектов федерации», т. е. РФ, область за областью (Шевцов 2005: 66). По мнению Григория Иоффе, «это был наиболее тревожный звонок для Лукашенко за все время его нахождения на посту президента» (Ioffe 2007: 353). Ситуация резко изменилась. Путин не только украл у Лукашенко его политическую платформу. Он, по всей видимости, превзошел белорусского лидера в его энтузиазме на пути реинтеграции. План Путина должен был ликвидировать политическую повестку Лукашенко и устранить его как политического соперника. План объединения умер, и будущее белорусского президента лишилось определенности. Некоторые русские газеты предрекали, что его дни у власти сочтены (Winiarski 2002). Сразу после августа 2002 г. общественная

поддержка Лукашенко достигла низшей точки²⁰. Кризис 2002 г. стал катализатором новой политической линии Минска и запуска новой политики национального строительства (Ioffe 2007: 353). Весной 2003 г. президент организовал семинар, на котором был объявлен проект по учреждению новой государственной идеологии (Лукашенко 2003). Лукашенко объяснил потребность в идеологии следующим образом: «Белорусы жили в составе Советского Союза с хорошо разработанной марксистско-ленинской идеологией. Она, с одной стороны, признавала право наций на самоопределение, а с другой — считала, что это право для белорусов реализовано в виде Белорусской Советской Социалистической Республики (как для русских, украинцев и других народов в форме союзных республик). Мы действительно признаем, что именно с этого момента — с образования в составе СССР Белорусской Советской Социалистической Республики (да мы и учредителями Советского Союза были) начинается наша государственность. Давайте честно скажем, что эти годы, проведенные в составе Союза, нам очень ценны. Они нам дали столько, сколько не мог дать до этого ни один период существования белорусских земель в составе того или иного государства. Но сформировать идеологические основы суверенного независимого государства в этот период мы не смогли. Мы были частью великого, огромного государства, и вся идеология была в рамках того государства. Идеология того государства была нашей бе-

²⁰ В 2002 г. его поддержка составляла 27 %, в сентябре 2005 г. она возросла до 47,3 %. (Быковский 2006; цит. по: Ioffe б.д. 2: 40).

лорусской идеологией. Фундамент коммунистической идеологии начал рушиться задолго до зримой дезинтеграции Советского Союза. К 90-м годам государство утеряло нити управления идеологической сферой, средствами массовой информации» (Там же).

Лукашенко описал Белоруссию и СССР в виде биологического организма. Перестройка была представлена им в качестве инфекции, направленной на убийство великой страны. Проникновение инфекции и последующий физический упадок страны он объяснил отсутствием созидательной идеологической рамки: «Если иммунитет ослабевает, любая, даже самая незначительная, инфекция становится смертельной. Точно так же с государством: когда разрушается идеологическая основа общества, его гибель становится только делом времени, каким бы внешне государство ни казалось сильным и грозным. Это мы уже пережили, прочувствовали, что называется, на собственной шкуре. На закате советской эры инфекции национализма, бездуховности, потребительства разъели идеалы единой великой державы. Имунная система не сработала. Советского Союза больше нет. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если мы хотим видеть Беларусь сильной, процветающей державой, то должны прежде всего думать об идеологическом фундаменте белорусского общества» (Там же).

После запуска в 2003 г. новой «идеологии» политический язык режима изменился. На смену прежним призывам Лукашенко интегрироваться

с Россией пришло почитание белорусской государственности и независимости. В 2004 г. во время кампании по выборам в Национальный сход (парламент) был запущен патриотический лозунг «За Беларусь!» (Казакевич 2005). Лукашенко переопределил себя как патриота и стойкого защитника независимости и суверенитета Белоруссии. Переизобретение политической платформы не привело к отказу от советского стиля риторики. Обычные обвинения в нелояльности и предательстве в адрес внутренней оппозиции и Запада были переработаны и переупакованы ради мобилизации противостояния Путину.

А. Казакевич считает, что в контексте «белорусской государственной идеологии» культурная идентичность занимает периферийное положение. Она гибко заимствуется у соперничающих политических и исторических традиций (Там же). В отличие от авторитарных проектов в других бывших советских республиках, провозглашенных Ниязовым, Назарбаевым, Алиевым и Кучмой, Лукашенко еще не опубликовал «канонического» текста государственной «идеологии». Тем не менее это продукт политической традиции с глубокими корнями. Он является попыткой Лукашенко присвоить наследие и политическую культуру привычного языка, символов и исторических отсылок для консолидации своеобразной формы политического популизма. Казакевич рассматривает идеологию Лукашенко в качестве «проекта идентичности» и как попытку создать новое чувство национального единства, увеличив тем самым поддержку режима и обеспечив

его будущее. «Идеология» введена в качестве обязательного предмета университетского образования. В курсе подчеркивается, что «только любовь к Родине может сделать человека воистину счастливым. <...> Так же как у человека может быть только одна мать, у него может быть только одна Родина» (Князев, Решетников 2004: 80). Подобно другим национализмам, в «белорусской идеологии» Лукашенко эмоции преобладают над интеллектуальной составляющей. Она предназначена для придания легитимности проекту национального строительства²¹. В ходе своей политической карьеры Лукашенко не раз менял собственную позицию. При этом он последовательно использовал советскую риторику, исторические отсылки и символы (Marples, Rudling б.г.). Почтительное отношение к Великой Отечественной войне является краеугольным камнем «идеологии» Лукашенко, где эмоции преобладают над интеллектом и форма над содержанием (Marples 2006: 362).

²¹ Риторика сталинского времени, особенно в годы войны, имела много неявных отсылок к «национальной идеологии». В середине 1930-х «Правда» описывала советский патриотизм следующим образом: «Советский патриотизм — это пламенное чувство безграничной любви, безоговорочной преданности своей родине, глубокой ответственности за ее судьбу и защиту — рождается из недр нашего народа» (Brandenberger 2002: 28).

²² Выступление президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на торжественном собрании, посвященном 60-й годовщине освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков и Дню Независимости Республики Беларусь (Дню Республики). <https://president.gov.by/ru/events/vystuplenie-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-na-torzhestvennom-sobranii-posvjaschennom-60-j-5835> <https://president.gov.by/ru/events/vystuplenie-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-na-torzhestvennom-sobranii-posvjaschennom-60-j-5835> (Accessed April 17, 2007). Благодарю Наталью Лещенко за эту ссылку.

²³ На задней стороне обложки содержится следующая аннотация: «О формировании характера будущего неумного революционера Иосифа Джугашвили, который еще романтически настроенным юношей принял имя Кобы, былинного защитника обездоленных, а впоследствии могущественного лидера мирового коммунистического движения Сталина; о его безоглядной борьбе за практическое осуществление идей справедливого социального устройства общества; титанических усилиях для освобождения своего народа и всей Европы от коричневой чумы фашизма; вожде, литераторе, дипломате, христианине, отце, товарище; последних днях жизни и погребении великого государственного и политического деятеля СССР рассказывается в этой книге. Адресуется руководителям, политикам, историкам, широкому кругу читателей» (Гумениук 2004).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ ЛУКАШЕНКО ПОСЛЕ 2002 Г.

Режим часто обращается к образу войны. В 2004 г., в речи по поводу 60-й годовщины освобождения Белоруссии Красной армией Лукашенко назвал представителей оппозиции «идейными потомками фашистских пособников»²². 9 мая 2005 г. в ходе празднования Дня Победы в передаче белорусского телевидения говорилось, что ветераны — солдаты и партизаны — Великой Отечественной войны являются «гордостью и совестью нашей нации» и что долг военнослужащих нынешней белорусской армии состоит в том, чтобы «жить духом героев Великой Отечественной войны» (Торжественный праздник... 2005). Празднование сопровождалось слухами о грядущей политической реабилитации Сталина. В государственных книжных магазинах появилась 700-страничная книга «Сталину, Европа, поклонись» (Скобла 2005; Maksymiuk 2005)²³. 9 декабря 2005 г.

на государственном телевидении был показан документальный фильм «Генералиссимус», приуроченный ко дню рождения Сталина, где о нем говорилось преимущественно в положительном ключе, хотя осуждался политический террор против этнических меньшинств, включая евреев (Stalin's Return 2005).

Лукашенко, который любит представляться историком и экономистом²⁴, не раз выражал беспокойство по поводу искажения образа Сталина: «Перестаньте клеймить руководителей страны тех времен, начиная от руководителя главного нашего Сталина и заканчивая другими! Прекратите это делать! Нас в то время не было, и мы не знаем, как было на самом деле. Я только могу предполагать, занимая примерно аналогичную должность [как Сталин], как это всегда делается» (Лукашенко 2005).

В июне 2006 г. Лукашенко развил свой тезис о том, что постсоветские описания Сталина основаны на лжи: «Сейчас я читаю мало книг. После того, когда познакомился с тем, как они пишутся, особенно то, что я любил — историческую литературу. Раньше я думал, что там пишут правду, но выяснилось, что, например, о главах государств, исторических личностях сегодня написано 80% вранья. То, что я знаю о советских руководителях, начиная от Владимира Ильича Ленина, Иосифа Сталина, и до нынешних руководителей, сегодня вранье доходит до 100%. Нам навязывают, чтобы мы забыли все великое, то, что сделали эти лю-

ди, а ведь это — символы нашего народа. Не следовало бы забывать этих лидеров и делать из них идиотов. <...> А нам сегодня нужна правда, потому что она возвышает наш народ» (Belarus president... 2006).

В октябре 2006 г. была опубликована история КГБ Беларуси, под названием «Щит и меч Отечества». В ней много рассказывается о героизме сотрудников спецслужб, но практически игнорируется роль НКВД в репрессиях 1930-х (Мазуркевич 2006; Кузнецов 2006)²⁵. На презентации книги в клубе имени Дзержинского руководители КГБ с восторгом заявляли, что «ее хочется читать и читать» (Мазуркевич 2006). Тем не менее Сталин не был реабилитирован и его почитание не стало частью официальной идеологии. Сталин не критикуется открыто, но и не прославляется на официальном уровне. Вместе с тем героические свершения советского режима, особенно победа в Великой Отечественной войне, являются главными составляющими ностальгии по советским временам, которая образует сердцевину официальной идеологии.

ПОЛЬСКАЯ «УГРОЗА»

Риторика Лукашенко эволюционировала от призывов восстановить Советский Союз к белорусскому патриотизму советского типа с акцентом на культурных ценностях и политических традициях, которые отличают Белоруссию от России. Его белорусский патриотизм является

²⁴ <http://www.president.gov.by/en/press10003.html> (Accessed Jan. 11, 2008).

²⁵ См. дискуссию об этой книге: (Лунский 2007).

в большей мере гражданским, чем этническим, в нем подчеркивается проживание на общей территории (*Казакевич* 2005: 132–146). Тем не менее такой подход, основанный на советской политической традиции, не чужд этнических компонентов. «Национальный» политический нарратив Лукашенко в большей мере подчеркивает восточнославянское единство, чем белорусскую национальную специфику.

В этом контексте польское меньшинство представляется в качестве «другого», как часть чуждой цивилизации и потенциальный враг режима (*Radzik* 2005: 166). Представление о польской культуре как «чуждой» обнаруживается еще у русских националистов XIX в. Образ враждебного польского государства, а также поляков, которые культурно и социально чужды восточным славянам, постоянно присутствовал в сталинской пропаганде и отражал хорошо документированную неприязнь Сталина к Польше. Этнические поляки были исключены из нарратива воображаемого сообщества советских людей и в сравнении с представителями большинства советских народов гораздо чаще подвергались политическим репрессиям (*Martin* 2001: 321, 339)²⁶.

Власти жестоко преследуют независимые польские культурные объединения, порой сопровождая гонения риторикой польской угрозы национальному единству и общественному порядку, напоминая о ста-

линских временах (*Bordering...* 2005: 7). В августе 2005 г. министр иностранных дел Белоруссии обвинил польские организации в создании «шпионского центра», якобы осуществляющего «вмешательство во внутренние дела суверенного государства». Лукашенко обвинял Польшу в планах внедрения католицизма и подчинения Белоруссии своему влиянию (*Radzik* 2005: 164; *Mironiowicz* 1997). В вечерних новостях контролируемого государством телеканала был показан разъяренный пенсионер, который выкрикивал: «Польша — шлюха!» В то же время пролукашенковская газета «Республика» обвинила Польшу в заговоре с целью изменить границу и включить в свой состав территории со значительной долей польского населения (ТТ-АФР 2005). Белорусский президент снова обратился к риторике внешней угрозы: «Мы столкнулись с очень опасной конфронтацией. Разумеется, Запад, американцы стремятся дестабилизировать ситуацию любым доступным способом. Они используют разные тактики и не исключают даже вторжения в нашу страну». Лукашенко также заявил: «Я хочу предупредить, что мы знаем об этом и знаем, как противостоять интервенции» (*Maunk* 2005). Образ поляка как чужака вышел на поверхность в ходе президентской кампании 2006 г., когда пролукашенковские СМИ изображали оппозиционного кандидата Александра Милинкевича как католика «польского типа», открыто поддерживающего тесные связи с поляками²⁷.

²⁶ О советском мифе «дружбы народов» как о воображаемом советском сообществе см.: (*Martin* 2001: 461).

²⁷ Сам Милинкевич утверждал, что он из православной семьи (*Ioffe* б.д. 2: 39).

ТРЕТИЙ СРОК ЛУКАШЕНКО: ЭНЕРГЕТИКА И ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ

Несмотря на устранение политической конкуренции и грубые нарушения прав человека, даже представители оппозиции вынуждены признать, что Лукашенко поддерживает примерно половина населения и что он намного опережает всех потенциальных соперников (*Forbrig et al.* 2006: 11; *Ioffe* 2003б: 1009; *Marples* 2005: 896). Ядро группы его поддержки составляют пенсионеры, тогда как среди молодежи электорат Лукашенко представлен в гораздо меньшей степени. Среди сторонников президента велика доля женщин, людей с невысоким уровнем образования, жителей села и восточных областей Белоруссии (*Манаев* 1998: 278–293, 280). Политическая поддержка со стороны пенсионеров объясняется относительно комфортным уровнем их жизни. В 2007 г. было опубликовано исследование, описывающее Белоруссию как «общество довольных пенсионеров» (*Вардомацкий, Николок* 2007). Существуют различные оценки экономической эффективности режима Лукашенко. Часть обозревателей подчеркивают, что массовая поддержка основана на экономических успехах «наиболее быстро растущей экономики Европы» (*Ioffe* б.г.: 69) и на том, что Лукашенко начиная с 2001 г. «сумел обеспечить 8–11-процентный годовой рост экономики и значительный рост доходов» (*Ioffe* б.г. 2: 49). Действительно, в нулевые годы экономика Белоруссии развивалась быстрее российской и занимала по этому показателю третье место среди стран СНГ. Так, в 2009 г. рост составил 9,9% (CIS Statistics). Другие обозре-

ватели связывают нарастание авторитарных тенденций с неспособностью режима обеспечить устойчивое развитие в нынешних политических рамках (*Манаев* 2006: 46). Критики подчеркивают, что официальная экономическая статистика не соответствует действительности, и указывают, что в 2002 г., когда Путин резко изменил политику в отношении Белоруссии, ее экономика составляла 3% от российской, тогда как население Республики Беларусь насчитывало примерно 7% от числа жителей Российской Федерации (*Winiarski* 2002). Также соотношение ВВП на душу по покупательной способности Белоруссии и России в 2006 г. было USD \$8,100 против 12,200 (*The CIA World...*). Одним из важных факторов поддержки Лукашенко являлось то обстоятельство, что Белоруссии удавалось долгое время занимать первое место среди стран СНГ в Индексе человеческого развития. Так, в 2007/2008 г. Белоруссия была на 64-м месте, поднявшись вверх на две ступеньки, а Россия на 67-м, опустившись на два места (*Human Development Report 2007/2008*).

Последние годы Россия и Белоруссия движутся в сторону авторитарного правления (*Kekic* 2007; *Economist...* 2008). Как заметила Н. Лещенко, белорусское телевидение во все возрастающей мере становится «национальным», в его передачах постоянно проводится мысль, что белорусско-российская граница является границей между двумя независимыми государствами — это серьезное изменение в сравнении с советскими временами. Суверенитет является «защитной оболочкой» Белоруссии. Начиная с 2002 г.

передачи российского телевидения подвергаются цензуре под предлогом «очернения белорусского правительства» (*Leshchenko* 2004: 346). Сфальсифицированные президентские выборы в марте 2006 г., когда Лукашенко, по официальным данным, получил 82,6% голосов, сопровождалась жестким подавлением протестов, в ходе которого сотни оппозиционеров были арестованы и десятки неправительственных организаций закрыты (*Forbrig et al.* 2006: 12). Несмотря на изменения политики в отношениях с Белоруссией путинский режим был единственным европейским правительством, признавшим законность выборов. В то же время Лукашенко сохранил поддержку российских «национал-патриотов». После третьей «элегантной» победы Лукашенко на выборах «красно-коричневые» писатели во главе с Юрием Бондаревым в числе первых поздравили белорусского лидера (*Бондарев и др.* 2006).

2006 г., который был первым годом третьего президентского срока Лукашенко, стал для него годом многочисленных политических вызовов. Одним из последствий ухудшения отношений с Россией стала напряженная дискуссия по поводу поставки энергоносителей. Поскольку Белоруссия почти полностью зависит от внешних поставок, газовый кризис зимы 2006/2007 г. поставил страну на грань экономического коллапса. Давлению России Лукашенко вновь противопоставил риторику Великой

Отечественной войны: «Но знаете, какую нам предложили цену на газ? Больше, чем Германии», — воскликнул белорусский лидер на конференции для российских журналистов 29 сентября 2006 г. «Пятьдесят лет назад это было немыслимо. Но поколение, которое сражалось в тех же окопах [вместе с русскими], еще не полностью ушло» (*Alyksandr Lukashenka* 2006). В ходе нарастания кризиса Лукашенко вновь прибег к риторике партизанского сопротивления: «Я сегодня поручил премьеру связаться с правительством России и сказать: в землянки пойдем, но на шантаж мы не поддадимся» (*Лукашенко* 2006).

Лишь в последний момент удалось избежать остановки подачи российского газа, но компромисс был достигнут ценой двойного увеличения цен на газ для Белоруссии с USD \$45 до 100 за тысячу кубометров и с уведомлением, что в течение пяти лет цены будут подняты до международного уровня²⁸. Путин проводит подобную политику давления на ряд государств СНГ, используя их зависимость от поставки энергоносителей из России (*Follath, Scheppe* 2007).

Во время российско-белорусского энергетического кризиса ряд давних сторонников Лукашенко, среди них Сергей Бабурин, который в то время занимал пост заместителя председателя Государственной думы и заместителя председателя Парламентской ассамблеи России и Белорус-

²⁸ Рыночные цены, т.е. те, по которым покупали газ страны ЕС, составляли в то время порядка 250 долларов США. Если бы это решение было принято, то Белоруссия лишилась бы возможности зарабатывать на реэкспорте переработанной сырой российской нефти, получаемой по заниженным ценам. В 2006 г. Белоруссия заработала на этом 7 млрд долларов, или 20% своего ВВП (*TT-AFP* 2007).

сии, прибегли в своих рассуждениях в отношении будущего Союза России и Белоруссии к риторике, используемой Путиным. 13 декабря 2006 г. Бабурин признал, что «процесс образования Союзного государства находится в жесточайшем кризисе». Для придания нового импульса процессу интеграции Бабурин предложил новую концепцию и новое название для союзного государства: «Союзное государство России и Беларуси необходимо назвать “российским союзом”» (Леонов 2006)²⁹. Использование этой риторики давним сторонником Лукашенко демонстрирует, что белорусский лидер утратил инициативу в рамках союзного государства. Вместе с тем после того как Путин предложил проект включения Белоруссии в состав России, его популярность среди белорусских граждан резко снизилась (Ioffe б.г. 2: 41–42).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крах советской системы привел в замешательство. Белоруссия оказалась не готова к независимости, частью из-за слабого национального сознания, в котором преобладала советская идентичность. Лукашенко пришел к власти в 1994 г. на волне борьбы с коррупцией, опираясь на советскую ностальгию, поскольку потворствовал настроениям тех слоев белорусского общества, которые проиграли в ходе болезненного перехода к рыночной экономике. Первые восемь лет его правления эта ностальгия подпитывалась надеждой

на восстановление союза с Россией. При Путине это направление политики перестало работать.

Несмотря на изменение политической ситуации после отставки Ельцина, Лукашенко сохранил ряд прежних тем и понятий. В центре своего политического дискурса он поставил ряд белорусских советских традиций, символов и ценностей. Коллективизм, патриотизм, героизм и самопожертвование являются ключевыми добродетелями риторики Лукашенко. Президент заявляет о готовности восстановить советское прошлое и признает русский язык частью советской и постсоветской идентичности белорусов. Лукашенко предпочитает язык масс языку интеллигенции, риторика и форма его режима носит скорее советский, чем национальный характер, несмотря на то, что в своей политике он во все большей мере использует понятия «нация» и «национальные интересы». Благодаря контролю над СМИ, Лукашенко сумел создать политическую нишу, притягивающую значительную часть белорусского общества, особенно женщин, сельское население и старшее поколение, воспитанное в советских условиях. Использование знакомого языка и отсылки к советскому времени порождают чувство преемственности и образуют основу политической мобилизации. «Идеология» Лукашенко направлена на удержание власти и консолидацию государственной машины. С 2002 г. акцент сместился с восстановления Советского Союза

²⁹ В русском языке отчетливо различаются слова «русский» и «российский». Первое обозначает этнического русского, «российский» — имеющий отношение к Российской Федерации. Название, использованное Бабуриным, четко указывает, что подразумевалась интеграция Белоруссии в состав Российской Федерации.

на национальную консолидацию. Белоруссия во все большей мере изображается государством белорусов, т. е. этничность становится ядром общественного устройства. Это помогает размежевать белорусов и их соседей, укрепить политические и этнические границы в тех сферах, где они раньше были слабы. Несмотря на включение разных этносов в состав белорусской нации, в структуре формируемого Лукашенко национализма присутствует образ враждебного «другого»: Польша, Запад и во все возрастающей мере — Россия, причем для этого используется риторика, напоминающая сталинские времена.

Все большее значение приобретает понятие независимости белорусского государства. Опросы общественного мнения показывают, что белорусы гордятся своим гражданством больше, чем представители соседних стран СНГ (Водолажская 2006; Löwenhardt 2005: 143–160, 147). Лукашенко посылает сигналы, что он все более открыт традициям националистической оппозиции, белорусский лидер намеренно описывает национальное строительство как процесс наследования БССР. Его советская и даже «национал-большевистская» риторика позволяет успешно осуществлять мобилизацию большинства представителей просоветских общественных слоев не только в Белоруссии, но и в России и в других государствах СНГ³⁰. Его проект национального строительства содержит многие ингредиенты классического национализма: национальную мобилизацию, национальные памят-

ные даты, ритуализацию прошлого. Отсылки к советскому прошлому, которые были частью повестки Лукашенко по восстановлению союза с Россией, сохранились даже после того, как этот проект застопорился. После 2002 г. ссылки на советский опыт используются с противоположной целью — отмежеваться от России, но на основе знакомых исторических примеров и понятного языка. Постепенно в общественном сознании формируется отчетливая граница между Белоруссией и Россией. Большую часть XX в. модернизация и социальная мобилизация осуществлялись на основе российских или советских установок. Только сейчас, благодаря улучшению материальных условий жизни и знакомому символизму государственной власти, мобилизация в рамках белорусской нации начинает получать растущее общественное признание. Непохоже, что возможное отлучение Лукашенко от власти способно развернуть процесс национальной консолидации и мобилизации, даже если при этом будут оспорены учрежденные им национальные символы (Lalkou 2010; Kotljarchuk 2004).

При этом, несмотря на растущую идентификацию с белорусским государством, советская и постсоветская идентичности сохраняют свое влияние. Вместо попыток преодолеть семьдесят лет советского наследия Лукашенко использует его в своих политических целях. Вместо отказа от русского языка режим присваивает его в качестве собственной традиции и символа, как это было принято в БССР. Военный героизм, образ

³⁰ См., например, интернет-форум: <http://lukashenko2008.ru/> (Accessed March 21, 2010).

«Родина в опасности» и советская ностальгия образуют риторическую рамку, внутри которой формулируется «национальная идеология» этого все более анахроничного правления. Советская ностальгия существует во всех бывших советских республиках, но Лукашенко использует ее намного эффективнее других постсоветских лидеров. Несмотря на беспрецедентные нарушения персональной, интеллектуальной и политической свободы, Лукашенко, по всей видимости, движется к консолидации белорусской коллективной идентичности на основе национального государства. Белорусское национальное строительство представляет собой еще незавершенный процесс. Ирония судьбы, но Лукашенко, избранный с целью реинтеграции Белоруссии с Россией, скорее всего, будет вспоминаться своим нацистроительством, чем застопорившимся проектом союзного государства.

ПОСТСКРИПТУМ, МАРТ 2011

С тех пор как этот текст был написан в мае 2010 г., Лукашенко получил свой четвертый мандат в результате выборов, которые, по данным западных наблюдателей, не соответствовали минимальным демократическим стандартам ОБСЕ и ЕС. Репрессии властей в отношении протестующих превзошли жестокостью прежние стандарты Лукашенко. Последовало несколько волн арестов, включая главных оппозиционных кандидатов. По свидетельствам демократических активистов, арестованные подвергались пыткам и содержались в нечеловеческих услови-

ях. Все надежды на либерализацию при Лукашенко закончились, также резко уменьшились шансы на мирную передачу власти. Изменения в конституции, внесенные в 2006 г., позволяют Лукашенко находиться у власти бесконечно. Белорусский лидер неоднократно намекал, что собирается передать власть младшему сыну. С уменьшением числа друзей и ухудшением отношений с ЕС возросла зависимость Лукашенко от России. Взаимодействие с Москвой не всегда идет гладко, и популярность Лукашенко во многом основана на экономической стабильности, которая в значительной мере зависит от поставок российских нефти и газа по льготным ценам. Во время своей четвертой инаугурации, которую бойкотировали ЕС и США, Лукашенко заявил: «Мы одержали убедительную победу. На этих выборах решалось не только, кто будет президентом. Страна в принципе выбирала свою судьбу: будем ли мы сильными и независимыми или нас будут держать в оковах» (Nya utfall 2011). Он также обвинил Польшу и Германию в попытках разжечь беспорядки (Lukasjenko 2011). Можно предположить, что режим столкнется с новыми вызовами, что возрастет роль пропаганды и идеологии. Если прошлое дает нам какое-либо руководство к будущему, можно ожидать, что роль государственной идеологии как инструмента легитимизации, скорее всего, возрастет.

ПОСТСКРИПТУМ, МАЙ 2021

Протесты, последовавшие после президентских выборов в Белоруссии в августе 2020 г., были одной

из причин, по которым Сергей Эрлих обратился ко мне с предложением перевести мою статью об исторической политике Лукашенко. С тех пор как был написан предыдущий постскрипtum к моей статье, Лукашенко позволил себе занимать президентский пост в пятый и теперь в шестой раз. За истекшее десятилетие основы режимы не изменились. Но после российского вторжения на Украину и аннексии Крыма изменилась геополитическая ситуация. В этих условиях Лукашенко стремится балансировать между нарастающим напором со стороны России и давлением Евросоюза, который не признает законность нынешнего белорусского режима (Belarus 2020).

Режим продолжает использовать в качестве «щита» несоветский патриотический нарратив. Миф «Великой Отечественной войны» остается в центре официальной памяти. Советская эпоха изображается преимущественно в положительном свете как время стабильности, прогресса и роста благосостояния. За исключением, возможно, непризнанного Приднестровья Белоруссия пошла дальше всех постсоветских республик в возрождении советских традиций и советской идентичности. В то же время «славное прошлое», на котором режим основывает свой нарратив, все больше и больше отдаляется от наших современников. К 76-му году Победы в живых остается лишь незначительное число ветеранов. Эпоха Машерова закончилась более сорока лет назад, да и с момента развала Советского Союза уже прошло почти тридцать лет. С учетом того, что средний возраст белору-

сов сегодня 40,9 лет, люди с советским опытом составляют на сегодня меньшинство. Для постсоветского поколения, которое в большинстве своем не помнит иного лидера, чем Лукашенко, отсылки к советскому прошлому, которые белорусский президент успешно использовал в начале своего правления, теряют свое значение. С 2007 г. власти частично реабилитируют Белорусскую народную республику, которую прежде именовали «фашистской». День ее провозглашения — 25 марта 1918 г. становится темой семинаров, а также статей в ведущем пропагандистском издании режима «Советская Белоруссия — Беларусь сегодня» (Rudling 2017: 91). С тех пор интерес власти к этой части истории возрос. Кульминацией стали столетие БНР в марте 2018 г. и выставка «1918 — Идея. Земля. Государство. Шаги к независимости», открытая в Белорусском национальном музее в Минске. Экспозиция была организована вокруг государственных символов БНР: флага, паспортов, форменной одежды, почтовых марок, печатей, медалей и правительственных документов (У Нацыянальным... 2018). Выставка не стала прямым признанием наследия БНР, но это эфемерное государство характеризовалось как «шаг к независимости», что сделало возможным включение этой части истории в белорусский мастер-нарратив, в котором Советская Белоруссия в ее различных воплощениях между 1918–1991 гг. остается *лейтмотивом*. Таким образом, происходит присвоение двух традиций — советской и националистической антисоветской, включающее их в одну «всеобъемлю-

щую» (all-inclusive) национальную мифологию³¹. В то же время в историографии, в публичной сфере и в гражданском обществе растет интерес к изучению БНР, советской национальной политики и инструментального подхода к прошлому. В этом процессе альтернативные нарративы оппозиции сосуществуют с официальными версиями белорусской истории³².

При этом белорусский «неосоветский» нарратив все больше расходится с официальным нарративом Российской Федерации. В обоих государствах обновленные версии брежневского культа Великой Отечественной войны играют роль *raison d'être* (смысла существования) режимов (*Kucharmenko* 2011). При этом в Белоруссии создаются собственные символы. Если в России Победу символизирует георгиевская ленточка, то белорусские власти настоятельно советуют использовать взамен собственную символику — цветок яблони на красно-зеленой ленте, «данный природой нации-победительнице как символ возрождения и общенационального торжества» (*Belarus President... 2015*). Знакомые советские политические мотивы помещаются в данном случае в национальный контекст. Основанная на советском опыте государственная мобилизация в ходе празднования Дня Победы носит в целом пассивный характер, гражданам просто предписывается участвовать в коммеморации, которая «является связующей функцией общественной жизни» (*Rohava* 2020: 898).

Намеки на электоральные махинации и экономические трудности уже приводили к массовым протестам летом 2011 г. Протесты, которые прошли вслед за выборами 2020 г., были наиболее масштабными за всю историю страны. В какой-то момент казалось, что режим вот-вот рухнет. В августе 2020 г. Лукашенко, пытавшийся перехватить инициативу, был освистан при попытке выступить с импровизированной речью на Минском тракторном заводе. В ходе жесткого подавления протестов бело-красно-белый флаг вновь выступал символом оппозиции. В связи с этим министр обороны Белоруссии Виктор Хренин 23 августа 2020 г. прибег к старому риторическому приему связывания этого флага с фашизмом: ««Мы не можем спокойно смотреть, как под [бело-красно-белыми] флагами, под которыми фашисты организовывали массовые убийства белорусов, русских, евреев, представителей других национальностей, сегодня организуются акции в этих священных местах [мемориалах Великой Отечественной войны]. Мы этого допустить не можем! Поэтому с сегодняшнего дня мы берем их под нашу охрану и защиту. Категорически предупреждаем: в случае нарушения порядка и спокойствия в этих местах — вы будете иметь дело уже не с милицией, а с армией» (*Kotljarchuk* 2020: 52). 6 декабря 2020 г. «Советская Белоруссия — Беларусь сегодня» организовала круглые столы, в ходе которых лояльные режиму историки пришли к выводу,

³¹ Термин «всеобъемлющий» я заимствовал из работы Маттиаса Кальтенбруннера, посвященной аналогичным процессам на Западной Украине. См.: (*Kaltenbrunner* 2015: 447).

³² См. новейшие работы по истории Белоруссии: (*Ackermann* 2011; *Маркава* 2016; *Michaluk* 2010; *Rudling* 2014). On the post-Soviet instrumentalization of history, см. (*Ganzer* 2020; *Lewis* 2019; *Marples* 2014).

что бело-красно-белый флаг должен рассматриваться как «экстремистский» символ, требующий немедленной реакции властей. Через четыре дня государственный прокурор заявил, что флаг оппозиции «должен быть приравнен к свастике и другим нацистским символам». На этом основании минская милиция объявила, что выставление этого флага в окнах будет караться арестом на срок пятнадцать суток (Ibid.: 53). Столкнувшись с серьезным вызовом, «всеобъемлющая» (all-inclusive) модель памяти была отброшена и заменена советской по своей сути памятью родины, сражающейся в окопах против фашистской угрозы. Жесткие репрессии осуществляются под красно-зелеными государственными символами, которые в глазах многих молодых протестующих ассоциируются не с неведомым им советским прошлым, а с выборными махинациями, беззаконием и злоупотреблением властью.

В момент написания этих строк правительство Лукашенко, по всей видимости, восстановило контроль над ситуацией, по меньшей мере на ближайшее время. Тем не менее доверие к режиму значительно снизилось, возможно, навсегда. Нынешние государственные символы в момент их учреждения в 1995 г. ассоциировались со знакомой, стабильной и комфортной советской жизнью. Сейчас они во все большей степени воспринимаются как символы подавления, в то время как демократические массовые протесты 2020 г. привели к возростанию популярности бело-красно-белого флага. Поэтому будущее государственных символов образца 1995 г. представляется неясным.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Андреева 1988 — *Андреева Н.* Не могу поступиться принципами // Советская Россия. 13 марта. 1988.

Бондарев и др. 2006 — *Бондарев Ю. и др.* Президенту Республики Беларусь Александру Григорьевичу Лукашенко // Лад: белорусско-российская газета. Совместный проект Постоянного Комитета Союзного государства и «Литературной газеты». 2006. Вып. 37. 22–28 марта.

Быковский 2006 — *Быковский П.* Рейтинг Лукашенко и его конкурентов. 2006. URL: <http://ru.belaruselctions.onfo/current/2006/sociology/0022756>.

Володин 1994 — *Володин Э.* Победа // Аль-Кодс, святой город: Русско-палестинский голос. 1994, Июль. № 22 (43).

Дзярновіч 2001 — *Дзярновіч А.* (ред.) Рэабілітацыя: Зборнік дакументаў і нарматыўных актаў па рэабілітацыі ахвяраў палітычных рэпрэсіяў 1920–1980-х гадоў у Беларусі. Мн. : Athenæum, Калекцыя «Архіў Найноўшае Гісторыі», 2001.

Екадумаў 2001 — *Екадумаў А.* Палітычная сістэма Беларусі з 1990 па 1996 год // Беларуская палітычная сістэма і прэзідэнцкія выбары 2001. Зборнік аналітычных артыкулаў. Менск; Варшава, 2001. URL: <http://kamunikat.org/download.php?item=1815.html&pubref=1811> (дата обращения: Мау 17, 2010).

Киев и Минск... 1994 — Киев и Минск отвергают предателей. Черед за Москвой // Завтра: Газета духовной оппозиции. 1994. Июль. № 27 (32).

Кузнецов 2006 — *Кузнецов И.* «Щит и меч Отечества» — несчастное явление // Хартия 97/Charter 97. 2006. 9 сентября. URL: <http://www.charter97.org/bel/news/2006/09/12/igor> (дата обращения: October 15, 2006).

Леонов 2006 — *Леонов А.* Акценты взаимодействия // Лад: Белорусско-Российская газета. Совместный проект «Литературной газеты» и Постоянного коми-

тета союзного государства. 2006. № 46. 20–26 декабря.

Лукашенко 2003 — Лукашенко А. Доклад на семинаре руководящих работников по идеологической работе. 27.03.2003 (дата обращения: Май 19, 2010).

Лукашенко 2005 — Лукашенко в разрезе: по частям тела // Московский Комсомолец. 2005. 30 апреля.

Лукашенко 2006 — Лукашенко: В землянки пойдем, но на шантаж не поддадимся // Белорусские новости. 2006. 29 декабря http://www.naviny.by/gubrics/economic/2006/12/29/ic_news_113_264742/ (дата обращения: Jan. 9, 2008).

Мазуркевич 2006 — Мазуркевич М. КГБ Беларуси издал книгу по истории спецслужб // Deutsche Welle. 14.10.2006. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,2170947,00.html> (дата обращения: October 15, 2006).

Народная газета 1995 — Народная газета. 1995. 12 апреля.

Невзоров 1994 — Невзоров А. Славяне подтверждают волю к единству: президент Беларуси — Александр Лукашенко // Завтра: газета духовной оппозиции. 1994, по. 27 (32), июль.

Платонаў, Коршук 2001 — Платонаў Р.П., Коршук У.К. (рэд.) Беларусізацыя ў 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. Мн. : Беларускі Дзяржаўны Універсітэт, 2001.

Президентские выборы... 1994 — Президентские выборы в Белоруссии и на Украине: Александр Лукашенко // Советская Россия. № 67 (11056). 1994. 12 июля.

Скобла 2005 — Скобла М. Алекс Дзярновіч: Рыхтуецца грамадская реабілітацыя Сталіна. Радыё Свабода. 2005. 28 марта. URL: <http://www.svaboda.org/articlesprograms/openstudio/2005/3/8159f6ac-16bd-40b5-be9c-79a9ef79fe1f.html> (дата обращения: October 14, 2006).

Степаненко 1994 — Степаненко О. Выбор народа // Советская Россия. 1994. № 67 (11056). 12 июля.

Торжественный праздник... 2005 — Торжественный праздник советского народа. 2005. 9 мая. http://www.vunet.org/videos/video_belarus_military-185.html (дата обращения: September 20, 2006).

У Нацыянальным... 2018 — У Нацыянальным гістарычным адкрываецца выстава пра БНР. Сярод дакументаў — пасведчанне Ганны Макей, зямлячкі міністра. Наша ніва, 14 сакавіка, 2018. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=206247> (дата обращения: March 17, 2018).

Alyaksandr Lukashenka 2006 — Alyaksandr Lukashenka, Press Conference for Russia's Provincial Media, September 29, 2006. <http://www.president.gov.by/press31104.html> (дата обращения: Jan. 9, 2008).

Belarus 2020 — Belarus: Declaration by the High Representative on behalf of the European Union on the so-called 'inauguration' of Aleksandr Lukashenko. European Council, Press release, 24 September 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/24/belarus-declaration-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-european-union-on-the-so-called-inauguration-of-aleksandr-lukashenko/> (дата обращения: May 3, 2021).

Belarus President... 2015 — Belarus President backs BRSM projects Flowers of the Great Victory! Belarus: Official Website of the Republic of Belarus, 20 January 2015. URL: https://www.belarus.by/en/government/events/belarus-president-backs-brsm-project-flowers-of-the-great-victory_i_18495.html (дата обращения: May 3, 2021).

CIS Statistics — CIS Statistics Committee reveals average GDP growth, News Online, RosBuisnessConsulting. URL: <http://www.rbcnews.com/free/20070403193147.shtml> (дата обращения: Jan. 11, 2008).

Economist... 2008 — Economist Intelligence Unit democracy index 2006. The World in 2008, 3–5. URL: <http://graphics.eiu.com/>

PDF/Democracy%20Index%202008.pdf (дата обращения: March 15, 2010).

Follath, Schepp 2007 — *Follath E., Schepp M.* Der Konzern des Zaren in: Der Spiegel, No. 10, (2007), p. 120–137.

Kekic 2007 — *Kekic L.* A pause in democracy's march. From The World in 2007 print edition. URL: http://www.economist.com/the-world-in-international/displayStory.cfm?story_id=8166790&d=2007 (дата обращения: Jan. 5, 2006).

Kościński 2005 — *Kościński P.* Co wymyśli Łukaszenko. Rzeczpospolita, 11 August, 2005.

Lalkou 2010 — *Lalkou I.* National Symbols in Belarus: the Past and Present. Belarus Digest, March 6, 2010. URL: <http://belarusdigest.com/2010/03/06/national-symbols-in-belarus-the-past-and-present/> (дата обращения: March 21, 2010).

Lukasjenko 2011 — *Lukasjenko* hotar med hårda åtgärder. TT, Dagens Nyheter, January, 20, 2011. URL: <http://www.dn.se/nyheter/varlden/lukasjenko-hotar-med-harda-atgarder> (дата обращения: March 22, 2011).

Maksymiuk 2005 — *Maksymiuk J.* Analysis: Stuck in a Rut. RFE/RL Reports, February 18, 2005, Volume 7, No. 7. URL: <http://www.rferl.org/reports/rbureport/2005/02/7-180205.asp> (дата обращения: October 14, 2006).

Maunk 2005 — *Maunk A.* Lukashenko's War on Poles, 8 August 2005. Axis Information and Analysis. URL: <http://www.axis-globe.com/article.asp?article=294> (дата обращения: April 4, 2007).

Mironiweicz 1997 — *Mironiweicz E.* Dwa światy. Rzeczpospolita, February 10, 1997.

Nya utfall 2011 — *Nya utfall från insvuren Lukasjenko.* TT, Dagens Nyheter, January 21, 2011. URL: <http://www.dn.se/nyheter/varlden/nya-utfall-fran-insvuren-lukasjenko> (дата обращения: March 22, 2011).

Stalin's Return 2005 — “Stalin's Return. BT Shows Film “Generalissimo” citing Belarusian historian Ihor Kuznyat-

sou. Khartyia '97/Charter 97 News, Dec. 21, 2005. URL: <http://www.charter97.org/eng/news/2005/12/21/stalin> (дата обращения: October 14, 2006).

The CIA World... — The CIA World Fact Book. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-worldfactbook/geos/bo.html#Econ> (дата обращения: Jan. 11, 2008).

TT-AFP 2007 — TT-AFP “Dyrare gas och olja kan fälla Vitryssland. Dagens Nyheter January 2, 2007. URL: <http://dagensnyheter.se/DNet/jsp/polopoly.jsp?d=148&a=601822> (дата обращения: Jan. 5, 2007).

Verbatim 2007 — Verbatim. Time, Canadian Edition, Vol. 169, no. 22, May 28, 2007.

Winiarski 2002 — *Winiarski M.* Putins utspel svårt bakslag för Łukasjenko. Dagens Nyheter, August 18, 2002.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Булгаков 2006 — *Булгаков В.* История белорусского национализма. Вильнюс, 2006.

Вардомацкий, Николок 2007 — *Вардомацкий А., Николок С.* Государство удовлетворенных пенсионеров // Вестник общественного мнения. Данные, Анализ, Дискуссии. 2007. № 4 (90). Июль — август. С. 52–58.

Водолажская 2006 — *Водолажская Т.* Представление жителей Беларуси о понятии «гражданин» // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 72–82. URL: <http://palityka.org/pdf/06/0608.pdf> (дата обращения: May 19, 2010).

Гуменюк 2004 — *Гуменюк Ю.Н.* (ред.). Сталину, Европа, поклонись: Сборник статей, материалов, документов о руководителе СССР в 1924–1953 годы Иосифе Виссарионовиче Сталине. Минск, ФУАинформ, 2004.

Дуличенко 1994 — *Дуличенко А.Д.* Русский язык конца XX столетия. München: Otto Sagner, 1994.

Зенькович 2005 — *Зенькович Н.* Тайны ушедшего века: Границы, споры, обиды. Досье. М.: Олма-Пресс, 2005.

Казакевич 2005 — *Казакевич А.* Культурны фон беларускай палітыкі // Найноўшая гісторыя беларускага парламентарызму. Менск: Аналітычны грудок, 2005. URL: <http://www.kamunikat.org/download.php?item=3398.html&pubref=3390> (дата обращения: Мау 13, 2010).

Касцюк 2000 — *Касцюк М.* Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Минск, 2000.

Князев, Решетников 2004 — *Князев С.Н., Решетников С.В.* (ред.) Основы идеологии белорусского государства. Учебное пособие для вузов. Минск: Академия управления при президенте Республики Беларусь, 2004.

Ковкель, Ярмусик 2000 — *Ковкель И.И., Ярмусик Е.С.* История Беларуси: С древнейших времен до нашего времени. Минск: Аверсев, 2000.

Коктыш 2003 — *Коктыш К.* Белоруссия в европейском контексте // Мошес А., Коктыш К. Между востоком и западом: Украина и Белоруссия на европейском пространстве. М.: Гендальф, Московский центр Карнеги, 2003.

Ластоўскі 2010 — *Ластоўскі А.* Русацэнтрызм як ідэалагічны праект беларускай ідэнтычнасці // Палітычная сфера. 2010. № 14. С. 58–79.

Липский 2007 — *Липский Д.* «Не отрекаемся от прошлого...» // Палітычная сфера. 2007. №8. С. 108–118. URL: <http://palityka.org/pdf/08/0814.pdf> (дата обращения: Мау 19, 2010).

Манаев 1998 — *Манаев О.* Электорат Александра Лукашенко // Фурман Д.Е. (ред.). Белоруссия и Россия: общества и государства. 2-е издание. М.: Издательство «Права человека», 1998.

Маркава 2016 — *Маркава А.* Шлях да савецкай нацыі. Палітыка беларусізацыі 1924–1929. Мінск: БГА, 2016.

Мацузата 2005 — *Мацузата К.* Рэжым Лукашэнкі як выспа папулізму ў акіяне

кланавай палітыкі // ARCHE. 2005. № 4. URL: <http://arche.bymedia.net/2005-4/matzuzato405.htm> (дата обращения: July 14, 2011).

Недасек 1954 — *Недасек Н.* Большевизм на путях к установлению контроля над Белоруссией. Очерки истории большевизма в Белоруссии. Исследования и Материалы. Серия 1-я, вып. 18. Munich: Institute for the Study of the History and Culture of the USSR, 1954.

Федута 2005 — *Федута А.* Лукашенко: политическая биография. М.: Референдум, 2005.

Фурман 1998 — *Фурман Д.Е.* Белоруссия и Россия — странные союзники // Фурман Д.Е. (ред.) Белоруссия и Россия: общества и государства. 2-е издание. М.: Издательство «Права человека», 1998.

Шевцов 2005 — *Шевцов Ю.* Объединенная нация: Феномен Беларуси. М.: Издательство «Европа», 2005.

Шушкевич 2002 — *Шушкевич С.* Неоконмунизм в Беларуси: идеология, практика, перспективы. Смоленск: Скиф, 2002.

Abrahamson 1999 — *Abrahamson K.-A.* Vitryssland — 89 millimeter från Europa. Stockholm, 1999.

Ackermann 2011 — *Ackermann F.* Palimpsest Grodno: Nationalisierung, Nivellierung und Sowjetisierung einer mitteleuropäischen Stadt 1919–1991. Wiesbaden: Harasowitz Verlag, 2011.

Belarus president... 2006 — Belarus president says history books full of “lies” about Stalin. Interfax-Ukraine news agency, Minsk, June 16, 2006.

Bordering... 2005 — Bordering on Madness: Belarus Mistreats its Polish Minority. The Economist, 16 June, 2005.

Brandenberger 2002 — *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, MA, London, 2002.

Dahl 2006 — *Dahl G.* Radikalare än Hitler? De esoteriska och gröna nazisterna.

Inspirationskällorna. Pionjärer. Förvaltare. Ättlingar. Stockholm 2006.

Eke, Kuzio 2000 — *Eke S.M., Kuzio T.* Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus in: *Europe-Asia Studies*, vol. 52, no. 3 (May, 2000), p. 523–547.

Fitzpatrick 1999 — *Fitzpatrick S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 1999.

Forbrig et al. 2006 — *Forbrig J., Marples D. R., Demeš P.* (eds.) Prospects for Democracy in Belarus. Washington, DC, 2006.

Ganzer 2020 — *Ganzer C.* Kampf um die Brester Festung 1941: Ereignis — Narrativ — Erinnerungsort. Schöningh, 2020.

Gerlach 1999 — *Gerlach C.* Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999, p. 1158–1159.

Hirsch 2005 — *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, NY, 2005.

Human Development Report 2007/2008 — Human Development Report 2007/2008. Fighting Climate Change: Human solidarity in a divided world. (New York: Palgrave Macmillan, 2007), 245. URL: http://hdr.undp.org/en/media/hdr_20072008_en_complete.pdf (Accessed Jan. 8, 2008).

Ioffe 2003a — *Ioffe G.* Understanding Belarus: Belarusian identity. *Europe-Asia Studies*, vol. 55, no. 8, (December, 2003), p. 1009–1047.

Ioffe 2003b — *Ioffe G.* Understanding Belarus: Questions of Language in: *Europe-Asia Studies* Vol. 55, No. 7, (2003).

Ioffe 2004 — *Ioffe G.* Understanding Belarus: Economy and Political Landscape, in: *Europe-Asia Studies*, Vol. 56, no. 1 (January 2004), p. 85–118.

Ioffe 2007 — *Ioffe G.* Culture Wars, Soul-Searching, and Belarusian Identity in: *East European Politics and Societies*, vol. 21, no. 2 (2007), p. 366–367.

Ioffe 2008 — *Ioffe G.* Understanding Belarus and How Western Foreign Policy Misses the Mark, Lanham, M, 2008.

Ioffe б.г. — *Ioffe G.* Nation-Building in Belarus: A Rebuttal. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 48, no. 1, p. 68–72.

Ioffe б.г. 2 — *Ioffe G.* Unfinished Nation-Building in Belarus and the 2006 Presidential Election in: *Eurasian Geography and Economics*, no. 48, no. 1, p. 37–58.

Kaltenbrunner 2015 — *Kaltenbrunner M.* Das global vernetzte Dorf: Migrationsprozesse und ihre Auswirkungen am Beispiel von sechs Dörfern in der Westukraine im 20. Jahrhundert (Ph.D. Dissertation, University of Vienna, 2015).

Karlsson 1999 — *Karlsson K.-G.* Historia som vapen: Historiebruk och Sovjetunionens upplösning 1985–1995. Stockholm, 1999.

Kostenko et al. 2004 — *Kostenko N., Androschenko T., Males L.* In Search of Holidays: The Case of Ukraine in: Linda K. Fuller (ed.) *National Days/National Ways: Historical, Political, and Religious Celebrations around the World*. Westport, CT and London 2004.

Kostyrchenko 1995 — *Kostyrchenko G.* Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Soviet Russia. Amherst, NY, 1995, p. 13–29.

Kotljarchuk 2004 — *Kotljarchuk A.* The Tradition of Belarusian Statehood: Conflicts about the Past of Belarus in: Egle Rindzeviciute (ed.), *Contemporary Change in Belarus, Baltic and East European Studies 2* (Huddinge: Baltic & East European Graduate School, Södertörns Högskola, 2004).

Kotljarchuk 2020 — *Kotljarchuk A.* The Flag Revolution: Understanding the Political Symbols of Belarus in Ninna Mörner (ed.), *Constructions and Instrumentalization of the Past: A Comparative Study on Memory Management in the Region*. CBEEES State of the Region Report 2020. Huddinge: Centre for Baltic and East European Studies, 2020, p. 45–54.

Kucharnenko 2011 — *Kucharnenko O.* That'll Teach'em to Love Their Motherland!: Russian Youth Revisit the Battles of World War II. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, issue 12 (2011). URL: <https://journals.openedition.org/pipss/3866#quotation> (Accessed May 3, 2021)

Laqueur 1993 — *Laqueur W.* *Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia.* New York, 1993.

Leshchenko 2004 — *Leshchenko N.* A Fine Instrument: Two Nation-Building Strategies in Post-Soviet Belarus in: *Nations and Nationalism*, vol. 10, no. 3 (2004), p. 333–351.

Leshchenko 2008 — *Leshchenko N.* The National Ideology and the Basis of the Lukashenka Regime in Belarus in: *Europe-Asia Studies*, vol. 60, no. 8 (October, 2008), p. 1419–1433.

Lewis 2019 — *Lewis S.* *Belarus — Alternative Visions: Nation, Memory and Cosmopolitanism.* New York and London: Routledge, 2019.

Lindner 2002 — *Lindner R.* The Lukashenka Phenomenon in: Margarita M. Balmaceda, James I. Clem and Lisbeth L. Tarlow (eds.) *Independent Belarus: Domestic Determinants, Regional Dynamics, and Implications for the West.* Cambridge 2002.

Ljunggren 1992 — *Ljunggren M.* Rysslands rödbruna författare in: *Internationella Studier*, vol. 2 (1992).

Löwenhardt 2005 — *Löwenhardt J.* Belarus and the West in: Stephen White Elena Korosteleva and John Löwenhardt (eds.) *Postcommunist Belarus.* Lanham, Boulder, New York, Toronto, Oxford, 2005.

Manaev 2006 — *Manaev O.* Recent Trends in Belarusian Public Opinion in: Forbrig, Marples and Demeš (eds.), *Prospects for Democracy in Belarus.* Washington, DC, 2006.

Marples 1996 — *Marples D.R.* *Belarus: From Soviet Rule to Nuclear Catastrophe.* Edmonton, 1996.

Marples 2005 — *Marples D.R.* Europe's Last Dictatorship: The Roots and Perspectives of Authoritarianism in 'White Russia' in: *Europe-Asia Studies*, vol. 57, no. 6 (September 2005), p. 895–908.

Marples 2006 — *Marples D.* Color Revolutions: The Belarus Case. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 39, (2006).

Marples 2014 — *Marples D.R.* "Our glorious past": Lukashenka's Belarus and the Great Patriotic War. Stuttgart: Ibidem Press, 2014.

Marples 6.r. — *Marples D.R.* Elections and Nation-Building in Belarus: A Comment on Ioffe in: *Eurasian Geography and Economics*, vol. 48, no. 1, p. 59–67.

Marples, Rudling 6.r. — *Marples D.R., Rudling P.A.* War and memory in Belarus: The Annexation of the western borderlands and the myth of the Brest Fortress, 1939–1941 in: *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, Vol. 32, p. 225–244.

Martin 2001 — *Martin T.* *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca, New York, 2001.

Michaluk 2010 — *Michaluk D.* *Białoruska Republika Ludowa 1918–1920: U podstaw białoruskiej państwowości.* Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010.

Mikhailisko 1997 — *Mikhailisko K.* Belarus: Retreat to Authoritarianism in: Karen Dawisha and Bruce Parrott (eds.), *Democratic Change and Authoritarian Reaction in Russia, Ukraine, Belarus.* Cambridge, 1997.

Radzik 2005 — *Radzik R.* Białorusini i Polacy. Świadomość społeczna mieszkańców Białorusi w XX stuleciu in: Eugeniusz Mironowicz, Siarhiej Tokć and Ryszard Radzik. *Zmiana Struktury Narodowościowej na pograniczu polsko-białoruskim w XX wieku,* Białystok, 2005.

Republic of Belarus... 1999 — Republic of Belarus Violations of Academic Freedom, Human Rights Watch Report Vol. 11, No. 7, July 1999. Washington, DC, Human Rights Watch, 1999.

Rohava 2020 — *Rohava M.* The Politics of State Celebrations in Belarus. *Nations and Nationalism* vol. 26 (2020), p. 883–901.

Rudling 2008 — *Rudling P.A.* Belarus in the Lukashenka Era: National Identity and Relations with Russia in: Oliver Schmidtke and Serhy Yekelchuk (eds.), *Europe's Last Frontier?: Belarus, Moldova, and Ukraine between Russia and the European Union*, Houndmills, Basingstoke, 2008.

Rudling 2009a — *Rudling P.A.* The Battle Over Belarus: The Rise and Fall of the Belarusian National Movement, 1906–1931: Ph.D. Dissertation, University of Alberta. Edmonton, 2009.

Rudling 2009b — *Rudling P.A.* The Great Patriotic War and National Identity in Belarus in: Tomasz Kamusella and Krzysztof Jaskulowski (eds.) *Nationalisms Today*, Vol. 1 of *Nationalisms Across the Globe*. Bern, 2009, p. 199–226.

Rudling 2014 — *Rudling P.A.* The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2014.

Rudling 2017 — *Rudling P.A.* 'Unhappy is the Person Who Has No Motherland': National Ideology and History Writing in Lukashenka's Belarus in Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila, and Tatiana Zhurzhenko (eds.) *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Cham, Switzerland: Palgrave MacMillan, 2017, p. 71–105.

Snyder 2005 — *Snyder T.* *Sketches From a Secret War: a Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine*, New Haven and London, 2005.

Timmermann 2002 — *Timmermann H.* The Union of Belarus and Russia in the European Context in: Ann Lewis (ed.) *The EU & Belarus: Between Moscow & Brussels*. London, 2002.

TT-AFP 2005 — TT-AFP, "Vitrysk hets mot polacker inför val". *Dagens Nyheter*, August 10, 2005.

Umbach 1993 — *Umbach F.* Back to the Future? Belarus and its security Policy in the

Shadow of Russia. *Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien*, no. 10 (1993).

Weiner 2001 — *Weiner A.* *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001.

REFERENCES

Abrahamson K.-A. *Vitryssland — 89 millimeter från Europa*. Stockholm, 1999.

Ackermann F. *Palimpsest Grodno: Nationalisierung, Nivellierung und Sowjetisierung einer mitteleuropäischen Stadt 1919–1991*. Wiesbaden: Harassowitz Verlag, 2011.

Belarus president says history books full of "lies" about Stalin. *Interfax-Ukraine news agency*, Minsk, June 16, 2006.

Bordering on Madness: Belarus Mistreats its Polish Minority. *The Economist*, 16 June, 2005.

Brandenberger D. *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge, MA, London, 2002.

Bulgakov V. *Istoriia belorusskogo natsionalizma*. Vil'nius, 2006.

Dahl G. *Radikalare än Hitler? De esoteriska och gröna nazisterna. Inspirationskällorna. Pionjärer. Förvaltare. Ättlingar*. Stockholm 2006.

Dulichenko A.D. *Russkii iazyk kontsa XX stoletia*. München: Otto Sagner, 1994.

Eke S.M., Kuzio T. Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus in: *Europe-Asia Studies*, vol. 52, no. 3 (May, 2000), p. 523–547.

Feduta A. *Lukashenko: politicheskaia biografiia*. Moscow: Referendum, 2005.

Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, 1999.

Forbrig J., Marples D.R., Demeš P. (eds.) *Prospects for Democracy in Belarus*. Washington, DC, 2006.

- Furman D. E. Belorussia i Rossiia — stran-nye soiuzniki in Furman D. E. (red.) *Belarussia i Rossiia: obshchestva i gosudarstva*. 2-e izdanie. Moscow: Izdatel'stvo "Prava cheloveka", 1998.
- Ganzer C. *Kampf um die Brester Festung 1941: Ereignis — Narrativ — Erinnerungsort*. Schöningh, 2020.
- Gerlach C. *Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944*. Hamburg, 1999, p. 1158–1159.
- Gumeniuk Iu. N. (red.). *Stalinu, Evropa, poklonis': Sbornik statei, materialov, dokumentov o rukovoditele SSSR v 1924–1953 gody Iosife Vissarionoviche Staline*. Minsk, FUAinform, 2004.
- Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, NY, 2005.
- Human Development Report 2007/2008. Fighting Climate Change: Human solidarity in a divided world*. (New York: Palgrave Macmillan, 2007), 245. URL: http://hdr.undp.org/en/media/hdr_20072008_en_complete.pdf (Accessed Jan. 8, 2008).
- Ioffe G. Culture Wars, Soul-Searching, and Belarusian Identity in: *East European Politics and Societies*, vol. 21, no. 2 (2007), p. 366–367.
- Ioffe G. Nation-Building in Belarus: A Rebuttal. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 48, no. 1, p. 68–72.
- Ioffe G. *Understanding Belarus and How Western Foreign Policy Misses the Mark*, Lanham, M, 2008.
- Ioffe G. Understanding Belarus: Belarusian identity. *Europe-Asia Studies*, vol. 55, no. 8, (December, 2003), p. 1009–1047.
- Ioffe G. Understanding Belarus: Economy and Political Landscape, in: *Europe-Asia Studies*, Vol. 56, no. 1 (January 2004), p. 85–118.
- Ioffe G. Understanding Belarus: Questions of Language in: *Europe-Asia Studies* Vol. 55, No. 7, (2003).
- Ioffe G. Unfinished Nation-Building in Belarus and the 2006 Presidential Election in: *Eurasian Geography and Economics*, no. 48, no. 1, p. 37–58.
- Kaltenbrunner M. Das global vernetzte Dorf: Migrationsprozesse und ihre Auswirkungen am Beispiel von sechs Dörfern in der Westukraine im 20. Jahrhundert (Ph.D. Dissertation, University of Vienna, 2015).
- Karlsson K.-G. *Historia som vapen: Historiebruk och Sovjetunionens upplösning 1985–1995*. Stockholm, 1999.
- Kastsjuk M. *Bal'shavitskaia sistema ulady na Belarusi*. Minsk, 2000.
- Kazakevich A. Kul'turny fon belaruskai palityki. *Nainoushaia gistoryia belaruskaga parlamentaryzmu*. Mensk.: Analitychnyia grudok, 2005, p. 132–146.
- Kazakevich, A. Kul'turny fon belaruskai palityki. *Nainoushaia gistoryia belaruskaga parlamentaryzmu*. Mensk.: Analitychnyia grudok, 2005, p. 132–146.
- Kniazev S. N., Reshetnikov S. V. (red.) *Osnovy ideologii belorusskogo gosudarstva. Uchebnoe posobie dlia vuzov*. Minsk: Akademiia upravleniia pri prezidente Respubliki Belarus', 2004.
- Koktysh K. Belorussia v evropeiskom kontekste in Moshes A., Koktysh K. *Mezhdvu vostokom i zapadom: Ukraina i Belorussia na evropeiskom prostranstve*. Moscow: Gendal'f, Moskovskii tsentr Karnegi, 2003.
- Kostenko N., Androshenko T., Males L. In Search of Holidays: The Case of Ukraine in: Linda K. Fuller (ed.) *National Days/ National Ways: Historical, Political, and Religious Celebrations around the World*. Westport, CT and London 2004.
- Kostyrchenko G. *Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Soviet Russia*. Amherst, NY, 1995, p. 13–29.
- Kotljarchuk A. The Flag Revolution: Understanding the Political Symbols of Belarus in Ninna Mörner (ed.), *Constructions and Instrumentalization of the Past: A Comparative Study on Memory Management in the Region. CBEES State of the Region Report 2020*. Huddinge: Centre for Baltic and East European Studies, 2020, p. 45–54.

- Kotljarchuk A. The Tradition of Belarusian Statehood: Conflicts about the Past of Belarus in: Egle Rindzeviciute (ed.), *Contemporary Change in Belarus, Baltic and East European Studies 2* (Huddinge: Baltic & East European Graduate School, Södertörns Högskola, 2004).
- Kovkel' I. I., Iarmusik E. S. *Istoriia Belarusi: S drevneishikh vremen do nashego vremeni*. Minsk: Aversev, 2000.
- Kucharnenko O. That'll Teach'em to Love Their Motherland!: Russian Youth Revisit the Battles of World War II. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, issue 12 (2011). URL: <https://journals.openedition.org/pipss/3866#quotation> (Accessed May 3, 2021)
- Laqueur W. *Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia*. New York, 1993.
- Lastouski A. Rusatsentryzm iak idealgichny praekt belaruskai identychnasti. *Palitychnaia sfera*, 2010, no. 14, p. 58–79.
- Leshchenko N. A Fine Instrument: Two Nation-Building Strategies in Post-Soviet Belarus in: *Nations and Nationalism*, vol. 10, no. 3 (2004), p. 333–351.
- Leshchenko N. The National Ideology and the Basis of the Lukashenka Regime in Belarus in: *Europe-Asia Studies*, vol. 60, no. 8 (October, 2008), p. 1419–1433.
- Lewis S. *Belarus – Alternative Visions: Nation, Memory and Cosmopolitanism*. New York and London: Routledge, 2019.
- Lindner R. The Lukashenka Phenomenon in: Margarita M. Balmaceda, James I. Clem and Lisbeth L. Tarlow (eds.) *Independent Belarus: Domestic Determinants, Regional Dynamics, and Implications for the West*. Cambridge 2002.
- Lipskii D. "Ne otrekaemsia ot proshlogo..." *Palitychnaia sfera*, 2007, no. 8, p. 108–118. URL: <http://palityka.org/pdf/08/0814.pdf> (Accessed May 19, 2010).
- Ljunggren M. Rysslands rödbruna författare in: *Internationella Studier*, vol. 2 (1992).
- Löwenhardt J. Belarus and the West in: Stephen White Elena Korosteleva and John Löwenhardt (eds.) *Postcommunist Belarus*. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Oxford, 2005.
- Manaev O. Elektorat Aleksandra Lukashenka in Furman D. E. (red.). *Belorussia i Rossiia: obshchestva i gosudarstva*. 2-e izdanie. M.: Izdatel'stvo "Prava cheloveka", 1998.
- Manaev O. Recent Trends in Belarusian Public Opinion in: Forbrig, Marples and Demeš (eds.), *Prospects for Democracy in Belarus*. Washington, DC, 2006.
- Markava A. *Shliakh da savetskai natsyi. Palityka belarusizatsyi 1924–1929*. Minsk: BGA, 2016.
- Marples D. Color Revolutions: The Belarus Case. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 39, (2006).
- Marples D. R. "Our glorious past": *Lukashenka's Belarus and the Great Patriotic War*. Stuttgart: Ibidem Press, 2014.
- Marples D. R. *Belarus: From Soviet Rule to Nuclear Catastrophe*. Edmonton, 1996.
- Marples D. R. Elections and Nation-Building in Belarus: A Comment on Ioffe in: *Eurasian Geography and Economics*, vol. 48, no. 1, p. 59–67.
- Marples D. R. Europe's Last Dictatorship: The Roots and Perspectives of Authoritarianism in 'White Russia' in: *Europe-Asia Studies*, vol. 57, no. 6 (September 2005), p. 895–908.
- Marples D. R., Rudling P. A. War and memory in Belarus: The Annexation of the western borderlands and the myth of the Brest Fortress, 1939–1941 in: *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, Vol. 32, p. 225–244.
- Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, New York, 2001.
- Matsuzata K. Rezhym Lukashenki iak vypsapa pulizmu u akiiiane klanavai palityki. *ARCHE*, 2005, no. 4. URL: <http://arche.bymedia.net/2005-4/matzuzato405.htm> (accessed July 14, 2011).
- Michaluk D. *Białoruska Republika Ludowa 1918–1920: U podstaw białoruskiej*

państwowości. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010.

Mikhailisko K. Belarus: Retreat to Authoritarianism in: Karen Dawisha and Bruce Parrott (eds.), *Democratic Change and Authoritarian Reaction in Russia, Ukraine, Belarus*. Cambridge, 1997.

Nedasek N. *Bol'shevizm na putiakh k ustanovleniiu kontroliia nad Belorussiei. Ocherki istorii bol'shevizma v Belorussii*. Issledovaniia i Materialy. Seriia 1-ia, vyp. 18. Munich: Institute for the Study of the History and Culture of the USSR, 1954.

Prezidentskie vybory v Belorussii i na Ukraine: Aleksandr Lukashenko. *Sovetskaia Rossiia*, no. 67 (11056), 1994, 12 iuliia.

Radzik R. Białorusini i Polacy. Świadomość społeczna mieszkańców Białorusi w XX stuleciu in: Eugeniusz Mironowicz, Siarhiej Tokć and Ryszard Radzik. *Zmiana Struktury Narodowościowej na pograniczu polsko-białoruskim w XX wieku*, Białystok, 2005.

Republic of Belarus Violations of Academic Freedom, Human Rights Watch Report Vol. 11, No. 7, July 1999. Washington, DC, Human Rights Watch, 1999.

Rohava M. The Politics of State Celebrations in Belarus. *Nations and Nationalism* vol. 26 (2020), p. 883–901.

Rudling P.A. 'Unhappy is the Person Who Has No Motherland': National Ideology and History Writing in Lukashenka's Belarus in Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila, and Tatiana Zhurzhenko (eds.) *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Cham, Switzerland: Palgrave MacMillan, 2017, p. 71–105.

Rudling P.A. Belarus in the Lukashenka Era: National Identity and Relations with Russia in: Oliver Schmidtke and Serhy Yekelchuk (eds.), *Europe's Last Frontier?: Belarus, Moldova, and Ukraine between Russia and the European Union*, Houndmills, Basingstoke, 2008.

Rudling P.A. The Battle Over Belarus: The Rise and Fall of the Belarusian National

Movement, 1906–1931: Ph.D. Dissertation, University of Alberta. Edmonton, 2009.

Rudling P.A. The Great Patriotic War and National Identity in Belarus in: Tomasz Kamusella and Krzysztof Jaskułowski (eds.) *Nationalisms Today, Vol. 1 of Nationalisms Across the Globe*. Bern, 2009, p. 199–226.

Rudling P.A. *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2014.

Shevtsov Iu. *Ob "edinennaia natsiia: Fenomen Belarusi*. Moscow: Izdatel'stvo "Evropa", 2005.

Shushkevich S. *Neokommunizm v Belarusi: ideologiia, praktika, perspektivy*. Smolensk: Skif, 2002.

Snyder T. *Sketches From a Secret War: a Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine*, New Haven and London, 2005.

Timmermann H. The Union of Belarus and Russia in the European Context in: Ann Lewis (ed.) *The EU & Belarus: Between Moscow & Brussels*. London, 2002.

TT-AFP, "Vitrysk hets mot polacker inför val". *Dagens Nyheter*, August 10, 2005.

Umbach F. Back to the Future? Belarus and its security Policy in the Shadow of Russia. *Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien*, no. 10 (1993).

Vardomatskii A., Nikoliiuk S. Gosudarstvo udovletvorenykh pensionerov. *Vestnik obshchestvennogo mneniia*. Dannye, Analiz, Diskussii, 2007, no. 4 (90). Iiul' — avgust, p. 52–58.

Vodolazhskaia T. Predstavlenie zhitelei Belarusi o poniatii "grazhdanin". *Palitychnaia sfera*, 2006, no. 6, p. 72–82. URL: <http://palityka.org/pdf/06/0608.pdf> (Accessed May 19, 2010).

Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001.

Zen'kovich N. *Tainy ushedshego veka: Granitsy, spory, obidy*. Dos'e. Moscow: Olma-Press, 2005.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЕВАЯ ТРАДИЦИЯ В ИСТОРИИ XX В. К 100-ЛЕТИЮ ИКП. Интервью с В. П. Любиным

Тема беседы, приуроченной к 100-летию со дня основания Итальянской компартии: роль левых политических и идейных традиций в новейшей истории Италии.

Ключевые слова: новейшая история Италии, мировое коммунистическое движение, компартия Италии, социал-демократия, режим Муссолини, Пальмиро Тольятти, еврокоммунизм, современное левое движение и его перспективы.

Сведения об авторе: Любин Валерий Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва).

Контактная информация: valerij.ljubin@gmail.com.

ITALIAN LEFT-WING TRADITION IN THE HISTORY OF THE TWENTIETH CENTURY
(TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE IKP).

Interview with V. P. Liubin

The topic of the conversation, timed to coincide with the 100th anniversary of the founding of the Italian Communist Party, is the role of left-wing political and ideological traditions in the modern history of Italy.

Key words: recent history of Italy, world communist movement, Italian Communist Party, social democracy, Mussolini's regime, Palmiro Togliatti, Eurocommunism, modern leftist movement and its prospects.

About the author: Ljubin Valerij P., doctor of historical sciences, leading researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION)(Moscow).

Contact information: valerij.ljubin@gmail.com.

Интервью с В.П. Любиным, д.и.н., в.н.с. ИНИОН РАН, виднейшим отечественным экспертом по истории Италии новейшего времени, автором многих десятков научных работ по проблемам истории Италии,

Беседовала Наталья Терехова.

Н. Т. Валерий Петрович, ровно сто лет назад, в январе 1921 г., была основана Коммунистическая партия Италии. В своей фундаментальной монографии «Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники 1892–2006 гг.», вышедшей в 2007 г., вы подробно рассказываете об этом событии. Напомните нашим читателям, как это произошло, в силу каких причин и процессов.

В. Л. Здесь надо учитывать особенности времени, в которое это произошло. И событий, это обусловивших. Закончилась Первая мировая война, из которой Италия вышла «побежденной среди победителей» с огромными для страны людскими и материальными потерями. В стране разразился острый послевоенный кризис. Рабочее и социалистическое движение, которое до войны представлял II Социалистический интернационал, в самом начале войны из-за того, что большинство из входивших в него партий встали на урапатриотические позиции защиты собственной родины, раскололось. Активность проявили левые, стоявшие на антивоенных позициях. Такие позиции среди западноевропейских партий занимала, скорее как исключение, ИСП, сильно укрепившаяся в первые послевоенные годы. Созванные в ходе войны кон-

Германии, европейской социал-демократии, приглашенным профессором ряда европейских университетов (включая Мюнстерский, Боннский и Кельнский).

ференции в швейцарских Циммервальде и Кинтале с участием представителей левого крыла социал-демократических и социалистических партий II Интернационала (а в них активно участвовали деятели ИСП и большевики) стали отправной точкой создания в 1919 г. III, или Коммунистического, Интернационала. Он не случайно появился в Москве, столице нового государства Советов, победившего царский режим и его временного наследника в лице Временного правительства в ходе «пролетарской» революции Октября 1917 г. Такая революция предвиделась Марксом и Энгельсом прежде всего для стран развитого капитализма в Европе, но произошла и победила в полукапиталистической и полуфеодальной России.

Левые силы в мировом и европейском социалистическом и рабочем движении находились под сильным впечатлением этой победы и горели энтузиазмом, мечтали о скорой мировой революции, которая, им казалось, уже не за горами. В ИСП по традиции были представлены различные по своим подходам к предлагаемым общественным преобразованиям фракции, главными были три из них, если сказать упрощая, это были реформисты (т.е. правые) во главе с основателем партии Ф. Турати,

максималисты (их возглавил Дж.М. Серрати), пытавшиеся добиться примирения двух крайних флангов центристы, и, наконец, левые. Понятно, что в послевоенные годы партия пережила расколы. Результатом одного из них стал выход из нее левого крыла на съезде в Ливорно и образование 21.01.1921 самостоятельной партии. Она была названа Коммунистическая партия Италии — КПИ, потом, уже много лет спустя, это название сменилось на более известное — ИКП. Партия сразу же вошла в Коминтерн и была во все время его существования одним из его самых активных «отрядов». Ей было суждено сыграть очень заметную роль в мировом и коммунистическом рабочем движении. Но главным образом стать заметной силой внутри самой Италии. В ходе Второй мировой войны коммунисты Италии (как, впрочем, и других стран) сражались в партизанских отрядах, стали признанными героями Сопротивления, в результате сразу после войны число членов ИКП поднялось почти до 2 млн. Партия входила в состав итальянских правительств первых послевоенных лет. Многие десятилетия после окончания Второй мировой войны партия занимала на выборах второе место после ХДП, в течение сорока лет начиная с 1947 г. правившей как одна или в коалициях под своей эгидой с другими небольшими партиями, не допуская ИКП к правлению в стране.

К самому вопросу об образовании ИКП особенно активно возвращались итальянские историки в 1970–1980-е гг. Не все из них принимали сложившуюся официальную версию. Она представлена, например, в пе-

реведенной на русский солидной книге «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». Она вышла в Москве в 1953 г., год спустя после ее выхода в Италии в издательстве при теоретическом журнале ИКП «Ринаши-та», возглавлявшемся П. Тольятти. Вышла с фотопортретами Ленина, Сталина, а также Грамши и Тольятти, названных основателями партии. Эта концепция была несколько смягчена и пересмотрена в капитальном многотомнике П. Сприано «История Итальянской коммунистической партии», выходявшем в 1960–1970-е гг., и в других трудах. Первый том эпопеи Сприано получил подзаголовок «От Бордиги до Грамши», чем отчасти восстанавливалась историческая правда, согласно которой у истоков создания партии стоял все-таки обвиненный позже в троцкизме Амадео Бордига, а не Грамши и Тольятти, которые взяли на себя руководство уже на Лионском съезде ИКП в 1926 г.

Мне вспоминаются встречи и беседы с миланской исследовательницей Лилианой Грилли, ученицей известного историка и политолога Джорджо Галли, мы все троем встречались у нее дома в Милане, а потом я с ней в Москве, когда она приезжала в момент начала «архивной революции», чтобы поискать оригинальные материалы о пребывании Бордиги в Москве. Помню, она рассказала, что за немногие минуты документального фильма, в котором Бордига был запечатлен вместе с медведем, по-видимому, помещенным для забавы на одной из площадей Кремля, в Архиве кинофотодокументов с нее запросили сто долларов.

Книга Грилли о Бордиге отражает факты, замалчивавшиеся в официальных версиях истории ИКП, в которых осуждалась «контрреволюционная природа бордигианства». Как, например, в том же сборнике о тридцатилетии ИКП, статью о Бордиге там написал известный историк Дж. Берти.

Н.Т. Волна переименований населенных пунктов в нашей стране не коснулась «автомобильной столицы Советского Союза», даже несмотря на усилия А.И. Солженицына, приехавшего убеждать жителей накануне референдума. На карте России до сих пор есть город, носящий имя генерального секретаря ИКП Пальмиро Тольятти. Какова роль этого деятеля в том, что со временем ИКП стала самой массовой компартией на Западе?

В.Л. Его роль в этом, выражаясь советским, коммунистическим языком, присущим газете «Правда», невозможно переоценить. Он яркая фигура мировой истории XX в. И если в Италии нет географических названий, связанных с этим именем, то не удивительно, что они существуют в других странах. В СССР он провел часть своей жизни и был одним из лидеров Коминтерна, с позицией которого считались и вожди большевиков. Уезжая в освободившуюся от 22-летнего фашистского режима Италию в 1944 г., он вез четко сформулированные и одобренные Сталиным тезисы программы действий ИКП в сложившихся условиях, которые положили начало так называемому повороту Салерно. Это была программа максимально возможных действий итальянских коммунистов

с учетом того, что Италия, по результатам договоренностей глав государств трех держав-победительниц на конференциях в Тегеране, а потом в Ялте и Потсдаме, отходила в сферу влияния западных союзников. В чем суть программы? Никакой революции (!), а по возможности завоевание власти мирным путем, через достижение своего преобладания в разных сферах общества и культуры. Эту линию с самого начала последовательно осуществляла ИКП.

Тутгодились и поднятые на щит опубликованные после войны при участии Тольятти работы А. Грамши, его понятия о позиционной войне, которую шаг за шагом надлежит выигрывать левым силам. Политический опыт Тольятти и отличное знание им особенностей международной обстановки, как и личное знакомство с советскими лидерами (и прежде всего со Сталиным) оченьгодились для невиданного укрепления позиций коммунистов в стране, его заслуга во всем этом очень велика. Позже, когда само время после XX съезда КПСС, с учетом опыта венгерских событий 1956 г., потребовало корректировки позиций ИКП (как и других компартий), Тольятти смог разработать и провести в жизнь новую тактику, исходившую из необходимости углубления хрущевской критики сталинского наследия, тормозившего развитие мирового коммунистического движения. При этом авторитет Тольятти в этом движении оставался непоколебимым, а его произведения издавались большими тиражами в Советском Союзе. Его неожиданная кончина в августе 1964 г. во время пребывания в Ялте в СССР за два месяца до отставки Хрущева

(Тольятти приехал выяснить, какую политику намерено проводить руководство КПСС в условиях углублявшегося советско-китайского раскола) стала для ИКП большой потерей. Приход многих тысяч итальянцев на его похороны в Риме показал, насколько он был уважаем, как сейчас принято говорить, «глубинным» народом, т.е. трудящимися, простыми людьми, но также и представителями интеллигенции. Сменившие Тольятти у руководства партии Л. Лонго и другие руководители ИКП продолжали разработанную им линию. Впоследствии ее модифицировал, учитывая новые сложившиеся (особенно после 1968 г.) реалии и стремления к новым подходам в рамках еврокоммунизма, Э. Берлингуэр, сумевший укрепить авторитет и влияние партии. Попытки дискредитировать в Италии имя Тольятти, ставшие особенно заметными с конца 1980-х, оказались не столь успешны, как хотелось бы приложившим к этому большие усилия его недоброжелателям и противникам. Как, впрочем, и попытки вернуть городу Тольятти его прежнее имя Ставрополь-на-Волге, которое вспоминают разве что люди, там жившие до переименования, а их остается уже все меньше...

Н. Т. В период «Двадцатилетия» (так итальянцы называют режим Б. Муссолини) многие итальянские антифашисты, в том числе коммунисты, были вынуждены покинуть свою Родину, эмигрировав вместе с семьями в основном во Францию и в СССР. Так, дочь знаменитого Франческо Мизиано, первым из итальянских левых познакомившегося с В.И. Лениным еще

в 1916 г., была вашим научным руководителем в МГУ. Расскажите, пожалуйста, об этом «кусочке Италии» на улице Горького, который вам довелось застать.

В. Л. Каролину Франческовну Мизиано по праву можно считать основательницей советской школы итальянистики, с послевоенных лет она преподавала на историческом факультете МГУ, подготовив немало учеников. Ее научный кругозор был широк, она занималась историей Италии как XIX, так и XX в. Когда я пришел в октябре 1969 г. в аспирантуру в незадолго до этого созданный Институт всеобщей истории АН СССР (возникший в 1968 г. в результате разделения Института истории АН на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории), именно она стала моей научной руководительницей. Она пришла туда после долгих лет преподавания в МГУ. Немного скажу о представителях ее школы, ведь некоторые из ее учеников тоже были моими учителями в МГУ, это И. В. Григорьева и В. С. Бондарчук, под руководством которого я написал дипломную работу об итальянском интервенционизме (вокруг него тогда шла острая дискуссия среди историков в Италии). Это была работа объемом в более чем 200 страниц на машинке, она мне пригодилась при написании кандидатской диссертации о вступлении Италии в Первую мировую войну и его последствиях. Кстати, мне предлагали остаться в МГУ, на моей кафедре новой и новейшей истории, но я предпочел аспирантуру ИВИ РАН, увидев там для себя больше возможностей заняться темами по истории Италии, которые меня интересова-

ли. Было известно, что собравшиеся в ИВИ РАН исследователи экспериментируют с новыми подходами к изучению всемирной истории. Среди них была и К. Ф. Мизиано. Говорили, что именно из-за несогласия университетского руководства с ее подходами, в том числе по поводу возросшей роли средних слоев в западных обществах, ей и пришлось покинуть университет. В ИВИ она участвовала в методологическом семинаре под руководством М. Я. Гефтера. Они вместе пытались привнести новое в изучение истории, уйти от сложившейся еще в сталинские времена догматики, старались быть в курсе интересных новых тенденций в исследованиях в мировой исторической науке. За это им крепко досталось от тогдашних партийных властей...

Мизиано удалось создать творческую атмосферу в возглавлявшейся ею Группе по изучению истории Италии. Сотрудники, многие из которых ранее были ее учениками в МГУ, выступали с докладами, отражавшими результаты их исследований, на научных семинарах, участвовали в оживленных дискуссиях. Это были Н. П. Комолова, М. И. Ковальская, О. В. Серова, М. А. Додолев, В. Е. Невлер, Н. Д. Смирнова и др. Они все обсуждали и мою диссертацию, когда она была готова в 1972 г.

Отмечу, что с Каролиной Франческовной мы познакомились еще за полтора года до моего поступления в аспирантуру, в мае 1968 г., когда меня, студента четвертого курса, попросили быть переводчиком-сопровождающим на конференции советских и итальянских историков

в Москве. Я уже достаточно владел итальянским языком и охотно согласился. Видимо, уже тогда она обратила на меня внимание, и когда появилась «вакансия», пригласила поступить в аспирантуру. Но мое предложение выбрать темой диссертации происхождение фашизма было ею сразу же отвергнуто из-за «непроеходимости» такой темы по тем временам, и мы решили, что я займусь особенностями вступления страны в Первую мировую войну, так как тематикой кануна войны я занимался и в студенческие годы.

Именно в дни конференции мая 1968 г. я познакомился с известными итальянскими историками и общественными деятелями. Некоторые из них состояли в ИКП или были интеллектуально близки к ней, например П. Алатри, тогдашний руководитель Общества «Италия — СССР». Скажу, что с помощью членов этого общества (а они были искренними друзьями нашей страны) позже мне удавалось получать нужную для исследований литературу, в советское время обычно глубоко упрятанную в спецхраны. Тогда же довелось познакомиться и с учеными иных идейных направлений, например, с потомственными историками братьями Розарио и Лучо Виллари, а также с учеником Б. Кроче Розарио Ромео. А из коммунистов можно назвать еще считавшегося «официальным» историком ИКП Эрнесто Раджоньери, издателя полного собрания сочинений Тольятти, с ним и его другом медиевистом Коррадо Виванти у нас сразу же возникли теплые отношения. Виванти работал в знаменитом издательстве Эйнауди, издания которого, например первую

книгу биографии дуче, «Муссолини — революционер, 1883–1920», написанную Ренцо Де Феличе, он мне присылал на домашний адрес сразу после их выхода. Эта и другие книги из полученных мной не могли бы выйти в то время в переводе в СССР, не позволила бы цензура.

Вспоминаются встречи с Э. Раджоньери, К. Виванти и их другом, английским итальянистом Стюартом Вульфом на проходившем в августе 1970 г. в главном здании МГУ Международном конгрессе исторических наук. Я занимался приемом итальянской делегации, помогая Б. Р. Лопухову, автору первых в СССР работ по истории фашизма. У него с К. Ф. Мизиано были непростые отношения (что не помешало ему, впрочем, дать неплохой отзыв на мою кандидатскую диссертацию). С Борисом Рэмовичем мы потом тесно общались, его работы о неофашизме я смог издать в ИНИОНе. На конгрессе представилась возможность пообщаться не только с ведущими итальянскими историками, например с Лео Вальяни, ранее близким к ИКП, но потом отошедшим от нее (его давно знала К. Ф. Мизиано). Удалось познакомиться и с западногерманскими историками. Среди них с Эрнстом Нольте, осмелившимся первым в 1963 г. бросить вызов традиционной историографии своей известной книгой «Фашизм в его эпохе», капитальной работой, написанной на материале итальянского фашизма, германского нацизма и «Аксьон франсез». Эта книга была встречена в штыки историками-марксистами, объявившими Нольте ревизионистом. И выступая на московском конгрессе в секции, посвященной из-

учению фашизма, он получил резкий отпор от ее председателя академика В. М. Хвостова, в семинаре которого о внешней политике СССР в 1939–1941 гг. я в бытность студентом МГУ участвовал, и мне были известны его взгляды. Вспоминаю наш диалог с Нольте в кулуарах конгресса: «Ну как я выступил, *ziemlich marxistisch*? Достаточно по-марксистски?», на что пришлось ответить: «Подождите, пожалуйста, сейчас Вам это разъяснит председатель секции», от которого, конечно же, не приходилось ожидать ничего кроме жесткого отпора. На русском языке эта книга Нольте вышла у нас только в 2003 г. Изучение истории фашизма тогда у нас не приветствовалось, хотя именно на 1960-е гг. пришлось новаторские исследования: в Италии — Р. Де Феличе, в Германии — Э. Нольте, в СССР — Б. Р. Лопухов и А. А. Галкин. Со всеми ними мне довелось общаться, нередко переписываться (в том числе и с Э. Нольте).

Таким образом, итальянскими левыми движениями приходилось заниматься параллельно и в тесной увязке с изучением феноменов фашизма, нацизма, «тоталитаризма». Что касается итальянских историков, с которыми я познакомился и сблизился благодаря К. Ф. Мизиано, то Эрнесто Раджоньери, к сожалению, довольно рано ушел из жизни, в 49 лет. С Коррадо Виванти наше общение длилось долгие годы, последний раз мы смогли пообщаться в его родном Турине, когда я оказался там в составе российской делегации (Россия была почетным гостем) на книжной ярмарке 2011 г. в 150-летний юбилей Объединения Италии. В Турине оно было отмечено более широко, чем в других

частях страны. А у нас об этой дате чуть не «забыли», в отличие от столетия Объединения, широко отмеченного в СССР в 1961 г. по инициативе историков, той же К. Ф. Мизиано. И вот мне пришлось о 150-летнем юбилее напомнить, подготовив специальный номер иллюстрированного исторического журнала «Родина». В этом деле очень помог Итальянский институт культуры в Москве. В номере, вышедшем с краткими предисловиями тогдашних президентов двух стран — Д. Медведева и Дж. Наполитано, удалось собрать статьи ряда известных итальянских и наших историков. Вот этот номер «Родины» мы и представили на Туринской «фьера» 2011 г. (Она вторая по значению в Европе после Франкфуртской книжной ярмарки.)

Я несколько отвлекся от нашей главной темы — истории ИКП и столетия со дня ее основания, но на деле в изучении Италии Нового и Новейшего времени все взаимосвязано. Что же касается «кусочка Италии» на улице Горького в доме 46, расположенном неподалеку от станций метро «Маяковская» и «Белорусская», где проживала семья К. Ф. Мизиано, могу сказать, что ее отец Франческо Мизиано был одним из тех, кто создавал ИКП. Бежав из Италии от фашистской диктатуры, он жил с семьей сначала в Германии, в Баварии, где Каролина Франческовна прекрасно овладела немецким в его баварском диалекте. Помню, как мы шли однажды с нею по улице Горького, ныне ставшей снова Тверской, и встретившиеся нам западногерманские туристы что-то у нее спросили и после моментального ответа удивленно отреагировали: «Sind Sie aus Bayern?»

(«Вы из Баварии?»). Франческо Мизиано возглавил вместе с известным немецким коммунистом Вилли Мюнценбергом сильную коминтерновскую организацию Межрабпом, и они вместе создавали под эгидой Коминтерна «пролетарское кино», и в СССР на студии «Межрабпом-Русь» был снят, как известно, ряд великолепных художественных фильмов. Позже семья приехала в СССР, Мизиано был видным деятелем Коминтерна. Умер он в Москве в 1936 г. С Тольятти они были не очень близки. Когда Мизиано тяжело заболел и было очевидно, что дни его сочтены, Тольятти не приехал попрощаться, а прислал для этого своего охранника, об этом как об обиде их семьи рассказывала Каролина Франческовна.

Я часто бывал дома у К. Ф. Мизиано как в годы аспирантуры, так и позже (чашка крепкого кофе эспрессо предлагалась в этом «уголке Италии» на Тверской любому гостю). Эти моменты незабываемы не только из-за всегда интереснейшего общения с ней и ее рассказов, например, о совместной работе на радио (вещании на фашистскую Италию) с тем же Пальмиро Тольятти и других моментах ее насыщенной событиями жизни. Но и благодаря тому, что в ее доме часто можно было встретить интересных гостей итальянцев, поговорить с ними о животрепещущих проблемах. Там бывали не только известные ученые (однажды довелось встретиться со знаменитым физиком Бруно Понтекорво, тайно вывезенным в свое время из Италии и проработавшим потом большую часть жизни в СССР) или политики, видные руководители ИКП. Как, например,

влиятельный идеолог партии и публицист Джанкарло Пайетта, с которым она очень дружила. Но и многие видные деятели итальянской и мировой науки и культуры. На стенах квартиры висели фотографии или рисунки, подаренные самими авторами, таких знаменитостей мира кино и искусства, как Марсель Марсо или Джина Лоллобриджида.

Однажды, когда я пришел к ней, К. Ф. Мизиано сказала: «Садитесь, пожалуйста, в это кресло, вчера в нем сидел Энрико». Э. Берлингуэр уже был главой ИКП и заехал однажды ее навестить после своих встреч в Кремле. Я ответил: «Ну что Вы, Каролина Франческовна, не надо, посижу на стуле, а до кресла лучше не дотрагиваться, теперь это музейная редкость». Юмор и ирония вообще были присущи как обитателям этого дома, так и гостям. Она рассказывала, например, как однажды Дж. К. Пайетта из-за того, что ему пришлось подниматься к ним на шестой этаж пешком из-за неработающего лифта, ворчал: «Ничего-то у вас в стране не работает». Когда в ИКП в период советской перестройки шла оживленная дискуссия о смене подходов и ее застрельщиками выступали Барка, Амендола, Педжо, появилась основанная на игре слов шутка, услышанная мною в этом доме: «*Ci barcamendoliamo al peggio*» («Мы плывем к худшему»). Она воспроизведена в моей книге по истории ИСП. Дом Мизиано был действительно кусочком Италии в Москве. Там можно было погрузиться в атмосферу Италии, ее левых сил, с ее своеобразием и юмором.

Об этом вспоминали на устроенном в Доме ученых РАН в Москве

на Пречистенке (д. 16) вечере памяти к 100-летию со дня рождения К. Ф. Мизиано осенью 2013 г. (она родилась в 1913 и скончалась в 1994 г.). Я много лет был председателем секции истории в ДУ, и мне удалось убедить руководство предоставить нам для вечера Большой зал. На вечер в ДУ пришли и поделились своими воспоминаниями об этом необычном, ярком человеке ее ученики, почитатели, люди, знакомые с нею по жизни и по работе в МГУ и в ИВИ РАН. На сцене в президиуме были видные историки, в том числе нынешний и.о. декана истфака МГУ итальянист Л. С. Белоусов, деятели культуры, с которыми ее связывали многолетние усилия в деле развития многогранных культурных связей между нашими странами, был и ее сын, известный искусствовед Виктор Мизиано, и ее племянник Александр Мизиано. Состоялся и прекрасный, запоминающийся концерт любимой многими у нас классической и народной итальянской музыки, горячо встреченный слушателями...

Помню, как еще студентом, перед началом киносеанса в тогдашнем кинотеатре «Россия» на Пушкинской площади (показывали итальянский фильм) слушал неаполитанские песни в проникновенном исполнении Вальтера Мизиано, брата Каролины Франческовны. Бережно храню изданную фирмой «Мелодия» его большую пластинку с неаполитанскими песнями, подаренную мне К. Ф. Мизиано. Все четверо детей Франческо Мизиано, одного из основателей ИКП в 1921 г., стали советскими гражданами, и каждый получил признание в избранной им сфере деятельности. Все они похо-

ронены на Донском кладбище в Москве (не так давно мы вместе с Виктором Мизиано поклонились им, посетив кладбище), а прах их отца, Ф. Мизиано, был перевезен и перезахоронен в Италии. На том же кладбище имеется целая стена, в которой хранятся урны с прахом скончавшихся во время работы в Москве в Коминтерне коммунистов из разных стран (в ней был первоначально захоронен и прах Ф. Мизиано). Преобладают немецкие имена и фамилии, ведь, как известно, немецкий был вторым официальным языком Коминтерна. Стена и памятные доски с именами коминтерновцев предстали нашим глазам в таком запущенном плачевном состоянии, что я вынужден был поднять вопрос о приведении их в порядок силами исторического сообщества и городских властей на крупной международной конференции к 100-летию Коминтерна в РГАСПИ в 2019 г. (сборник статей по ее итогам вышел в прошлом году, в нем осмысляются судьбы «левой альтернативы» в XX в.).

Н.Т. Говоря об итальянской левой традиции, нельзя не упомянуть о феномене еврокоммунизма 1970-х, о роли Энрико Берлингуэра как крупного в европейском масштабе левого политика. Была ли ИКП носителем более демократической, антибюрократической альтернативы советской модели социализма, возникла ли острая потребность в такой альтернативе после августа 1968 г., и в чем заключались суть ее идеологии и предмет основных расхождений с КПСС?

мунистических сил было два ключевых момента потрясений. Один из них — венгерское восстание и его подавление в октябре 1956 г., когда из Итальянской компартии вышли в знак протеста более 200 тыс. ее членов, и лидеру партии П. Тольятти пришлось принимать срочные меры, чтобы остановить этот отток (восстание в столице ГДР Восточном Берлине в июне 1953 г. такого воздействия по разным причинам не оказало). Второй — Пражская весна и ввод войск СССР и стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г., когда был нанесен новый удар по устоям комдвижения, последствия которого пришлось смягчать вплоть до перехода ИКП к новому курсу. Под воздействием все более уходившей вправо ИСП, некогда состоявшей с ИКП в общем Народном фронте, сложившемся во время борьбы против фашизма, в самой компартии в 1970-е гг. начали происходить процессы пересмотра прежнего курса.

О том, что события 1968 г. в Чехословакии вызвали острый кризис в мировом коммунистическом движении, написано и сказано немало на основе опыта разных стран, и в том числе на конференции, которую я уже упомянул. В свете нашего разговора важно то, что ИКП начала более открыто критиковать застывшие порядки в СССР и выработать собственную, автономную линию. К этому ее побуждали и заметные перемены ситуации в Италии и в других странах Запада, прежде всего, Западной Европы, входивших в ЕЭС и НАТО. Новый период жизни итальянской компартии связан с возглавившим ее в 1972 г.

Э. Берлингуэром. В истории ИКП начался этап, когда она полностью встала на путь самостоятельного развития, «оторвавшись от “пуповины” посткоминтерновских подходов», чтобы превратиться в мощную общенациональную силу, выражающую интересы большинства населения. В самой ИКП приобретали влияние различные фракции — правые (во главе с Амендола, Дж. Наполитано), левые (во главе с П. Инграо), центр (примиряющей крайности фигурой обычно был лидер партии, в 1972–1984 гг. это Энрико Берлингуэр, прошедший путь от руководителя молодежной организации ИКП до поста первого человека в партии). В этот период линия Москвы и линия ИКП все больше расходятся. Берлингуэр совместно с лидерами испанской и французской компартий С. Каррильо и Ж. Марше вырабатывают подходы, которые получают, как известно, название «еврокоммунизм». Речь шла о перспективе социалистического переустройства в странах Западной Европы на основе признания того, что социализм неотделим от полного осуществления демократии. Это действительно звучало в те годы как вызов застывшему догматизму и бюрократизму советской системы периода застоя. Все более дистанцируясь от КПСС, ИКП в 1982 г. разорвала прежние тесные отношения с ней, поскольку в Москве предпочитали оставаться на старых позициях и ничего не менять.

ИКП при Берлингуэре постепенно отказывалась от традиционных догм о диктатуре пролетариата, классовой борьбе и т. п., т. е. от главных установок марксизма-ленинизма, настаивая на том, что развитие событий

в странах Западной Европы требует других подходов: признания существующих правил демократии и мирных, парламентских методов завоевания власти. Кроме того, если при прежнем руководстве ИКП роль, например, ЕЭС и европейской интеграции для Италии отрицалась, то при Берлингуэре это было пересмотрено, поскольку польза европейской интеграции для Италии к концу 1960-х гг. стала очевидной, и ИКП выступила в поддержку участия Италии в существующих экономических и политических объединениях (это вызвало особенно негативную реакцию в руководящих структурах КПСС).

Роль Энрико Берлингуэра как новатора заключается в том, что он выступил с предложением «исторического компромисса», позволившего бы партии занять давно заслуженную ею ведущую позицию в управлении страной (ведь ИКП в послевоенные десятилетия постоянно занимала второе место на парламентских выборах). В проведении необходимых для этого внутрипартийных реформ его заслуга очень велика, как и в создании и продвижении еврокоммунизма совместно с лидерами двух других крупнейших компартий Западной Европы — Французской и Испанской.

Н. Т. Был ли у ИКП в конце 70-х шанс оказаться во главе правящей коалиции, и почему этим шансом не воспользовались?

Совершенный Берлингуэром поворот в линии партии, несомненно, привел к укреплению позиций ИКП в итальянском обществе. Но оказаться во главе правящей на нацио-

нальном уровне коалиции — такая задача в то время руководством ИКП не ставилась. Задача ставилась иная — приобрести ключевые посты в коалиционном с ХДП (правившей в течение десятилетий в послевоенной Италии) правительстве и разблокировать тем самым «итальянскую аномалию», не характерную для других стран Западной Европы, в которых шла постоянная ротация находившихся у власти то левых, то правых сил.

На выборах 1976 г. ИКП получила самое высокое в своей истории и вообще в истории западноевропейского коммунистического движения число голосов — 33,4% (а позже на выборах в Европейский парламент 1984 г. — 33,3%). После этого своего успеха 1976 г. партия пыталась наладить сотрудничество с ХДП в рамках концепции «исторического компромисса». Она была сформулирована Берлингуэром еще в сентябре 1973 г., по свежим следам трагических событий в Чили. По его замыслу, это должно было стать стратегической линией ИКП в условиях Италии, рассчитанной на длительный период, на постепенный переход к социализму, на утверждение новых тенденций, способствующих этому переходу. Данная стратегия была направлена на внедрение элементов социализма в итальянское общество на основе сотрудничества между коммунистами, социалистами и католиками (т.е. с партией ХДП) с целью преобразований в социалистическом направлении, осуществляемых мирным путем. Однако похищение и последовавшее за ним убийство «Красными бригадами» лидера ХДП А. Моро в 1978 г. не дало осуще-

ствиться такому компромиссу. Тем самым был поставлен барьер на пути ИКП к власти на национальном уровне (на местном уровне, однако, ИКП в коалиции с другими левыми силами нередко по многу лет была у власти).

Конечно, вызывает много вопросов, для чего и кем была задумана и осуществлена в марте — мае 1978 г. операция по устранению Моро так называемыми Красными бригадами и теми, кто стоял за ними. В изданной ИНИОН осенью 2020 г. коллективной монографии «Феномен Трампа» — в ней освещается и политика США в отношении своих европейских союзников по НАТО — в главе, посвященной развитию отношений США и Италии, мне пришлось проанализировать сведения из разных (в том числе ставших доступными в последнее время) открытых источников об этом драматическом эпизоде, обобщить существующие гипотезы о том, кому было выгодно, чтобы с помощью таких действий преградить путь ИКП к власти и устранить угрозу осуществления «исторического компромисса». Трагедия с похищением и убийством Альдо Моро, неоднократного премьер-министра страны, склонявшегося после результатов выборов 1976 г. к сотрудничеству в правительстве с коммунистами, резко изменила ситуацию в обществе, и об «историческом компромиссе», теоретически обоснованном Берлингуэром и ИКП, пришлось забыть.

Н. Т. За десятилетия работы в итальянистике вы беседовали с большим количеством представителей итальянских левых. Что сближало

представителей ИКП и ИСП, в чем состояли отличия, ведь не секрет, что порой разногласия были весьма острыми и конфликтными?

В. Л. Да, это так, беседы и контакты были со многими из них. Однажды одна моя студентка из МГЛУ, т.е. московского иняза, в котором я долго преподавал будущим лингвистам и переводчикам, спросила меня о моей книге об истории итальянских социалистов (или «итальянского социализма», как сказали бы в Италии): «Как долго Вы ее писали?», и я ответил, что «всю жизнь», встретив очень удивленный взгляд. Я, конечно, не стал объяснять, почему это действительно так, было бы слишком длинно и вряд ли ей интересно. Но на самом деле это так. Меня всегда привлекала история и современная деятельность левых сил Италии. Среди двух главных левых итальянских партий (ИСП и ИКП) мой интерес лежал больше к ИСП и ее истории и современности. Это совпадало и с направлением моей работы в ИНИОН, где в отделе Западной Европы и Северной Америки я при поступлении в отдел в 1973 г. выбрал для себя место работы в секторе по изучению социал-демократии, руководил им Б. С. Орлов, специалист по Германии и СДПГ. Позже, в 1993 г., я сменил его в руководстве сектором, и по моей инициативе он был переименован в сектор изучения политических партий и движений. Б. С. Орлов поручил мне широкое направление: социалистические партии Южной Европы, т.е. это были партии Португалии, Испании, Франции, Италии, также ПАСОК в Греции. Конечно, мои знания, касавшиеся левых сил в Италии, тут очень

пригодились. В изданиях ИНИОН было опубликовано немало моих работ, в том числе о современной ИСП, о ее лидере Беттино Кракси (эта работа вызвала определенный резонанс).

Во время моих командировок в Италию, первая из них была в декабре 1980 г., мне удавалось встретиться с интересными представителями социалистов и коммунистов. Я посетил ведущие университеты, институты, много работал в архивах, где хранятся документы социалистического и рабочего движения. Это Институт Фельтринелли в Милане, Институт Лелио и Лизли Бассо в Риме, Фонд Турати во Флоренции, Фонд Ненни в Риме, ряд фондов в Турине и многие университетские и национальные библиотеки — в Риме, Флоренции, Милане, Турине, Неаполе, Болонье, Венеции, Триесте и т.п. Поводы для поездок в Италию были разные, в том числе, например, командировки, связанные с подготовкой выставок АН СССР и РАН «Голография в СССР» в Болонье, Флоренции, Неаполе в 1987–1988 гг., «Сокровища Средней Азии» в Палаццо Венеция в Риме в 1993 г., однако я всегда находил время для сбора материалов по социалистическому движению.

Из тех встреч, что особенно ярко запечатлелись в памяти, могу назвать, например, беседы в Милане с видным итальянским историком и политологом Джорджо Галли, великолепным знатоком итальянской партийной системы, написавшим много книг обо всех главных итальянских партиях: ИКП, ИСП, ХДП, и шире — обо всех партиях Европы. Назову некоторые его книги: «Storia

del socialismo italiano» (1980) — это глубокий анализ истории итальянских социалистов, она была мне подарена им с пожеланием в автографе успехов в изучении итальянского социалистического движения; «Storia dei partiti politici europei» (1990); а вот монография из другой сферы — «Hitler e nazismo magico. Le componenti esoteriche del Reich millenario» (1989), можно и дальше перечислять. Его книги, хранящиеся в моей личной библиотеке, помогали мне углубиться в изучение истории итальянских левых. Что же касается исследования истории фашизма и нацизма, Галли не побоялся осуществить в Италии в 2002 г. комментированное научное издание совершенно неприемлемой для общества, но необходимой для научного изучения нацизма книги Гитлера, итальянское издание называется: «Il Mein Kampf di Adolf Hitler. Le radici della barbarie nazista» (отмечу, что в Германии научное издание той же книги с комментариями осуществлено мюнхенским Институтом современной истории лишь совсем недавно, в 2016 г.). На меня произвела впечатление монография Галли 1996 г. «Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del socialismo italiano» (я опубликовал в свое время и рецензию на нее). В противовес распространенным взглядам о тяжелейшем кризисе левых сил, социалистической идеи, он утверждает, что нет, «идея не умирает», левые силы имеют перспективы возрождения. В политологии Галли создал теорию «несовершенной двухпартийности» для объяснения «итальянской аномалии». Она полемизирует с подходами другого известного политолога, профессора факультета политиче-

ских наук во Флоренции Джованни Сартори, работавшего долго в США и более известного по своим публикациям на английском языке. (С ним я контактировал, когда он вернулся из Америки во Флоренцию.) О соперничестве этих ярких интеллектуалов и выдвинутых каждым из них теоретических объяснениях «итальянской аномалии» я впервые написал еще в 1970-е гг. в статье о новых веяниях в итальянской политологии. Сейчас, когда пишутся эти строки, пришла печальная весть о том, что Джорджо Галли, ему было 92 года, скончался. Теперь уже и в статье о нем в «Википедии» можно прочитать, что он ушел 27 декабря 2020 г., там же дан список его многочисленных трудов. По ним еще долго будут учиться те, кто хочет глубже постичь нюансы недавней итальянской истории, метаморфоз итальянской политики XX и XXI вв.

В ходе упомянутой поездки декабря 1980 г. ввиду пред рождественского времени мне пришлось встречаться со многими интересовавшими меня историками левого направления у них дома. Номера телефонов многих из них я получил от К. Ф. Мизияно. Например, в Риме я тогда смог встретиться с близким к ИКП замечательным историком Энцо Сантарелли. Он дружил с К. Ф. Мизияно и подарил мне свои книги по истории фашизма и неофашизма. Он, как и его жена кубинка, сочувственно относился к эксперименту «советского социализма» XX в.

Тогда же другой коллега, профессор Джорджо Петракки, автор замечательных книг об итало-российских дипломатических связях

и отношениях XIX–XX вв., пригласил меня выступить с лекцией во Флоренции на факультете политологии на виа Лаура. Так, в декабре 1980 г. я стал, вероятно, первым из советских историков, прочитавшим лекцию на этом факультете Флорентийского университета. Потом уже, в 1990–2010-е гг., были другие лекции и выступления: в Риме, Милане, Флоренции, Турине, Венеции, Неаполе, Триесте, Удине, Горичии и т. д. Вспоминаю, как поступило предложение выступить на английском языке с курсом лекций в Европейском институте во Фьезоле близ Флоренции — преподаватели СССР там никогда ранее с лекциями не выступали. Приглашение исходило от давно мне знакомого англичанина профессора Стюарта Вульфа, одного из основателей Европейского университета, где работает над диссертациями молодежь из разных стран Евросоюза. Хотя на дворе был уже 1990 г., это предложение было отвергнуто моим институтским начальством, как и более раннее, 1974 г., поступившее от того же Вульфа — о годичной стажировке в Англию в Ридингский университет. Но Фьезоле, где располагается и Архив Европейского сообщества, я часто посещал, подружился с его тогдашним директором медиевистом немцем Клаусом Яйтнером и его заместителем французом. В этом архиве на рубеже 1980–1990-х гг. мне удалось изучить только что поступившие туда документы и материалы от Альтьеро Спинелли, считающегося одним из главных итальянских разработчиков проекта объединения Европы, он создал в ссылке еще во времена фашизма знаменитый «Манифест Вентотенне», призвав к интеграции

и единению всех европейцев. Тематику европейской интеграции мы начали разрабатывать в ИНИОН одними из первых в стране под руководством зав. отделом Ю. А. Борко. И конечно, эти проблемы довелось обсуждать с представителями ИКП и ИСП, общаясь с ними и в Италии, и в Москве.

Эта тематика — Италия и объединенная Европа, будущее итальянских и европейских левых сил, окончание холодной войны и кризис коммунистических сил в Европе — была затронута в полученном мною в 1990 г. интервью видного историка и известного политика, главы Итальянской республиканской партии Джованни Спадолини. Он стал в начале 1980-х гг. первым премьер-министром Италии, не принадлежавшим к ХДП, а потом занял пост председателя Сената. Его очень интересные ответы были опубликованы в выходившем тогда еще итальянском варианте советского журнала «Новое время» («Tempi nuovi») и в журнале «МЭиМО». Потом мне довелось написать предисловие к его книге «Европейская идея в период между Просвещением и романтизмом», она вышла в 1993 г. в издательстве «Петербург — XXI век». Мы договаривались, что, когда он придет на ее презентацию, можно будет взять у него новое интервью. К сожалению, из-за болезни он не смог приехать, но презентация в декабре 1993 г. успешно прошла на филологическом факультете СПбГУ.

Возвращаясь во Флоренцию декабря 1980 г., скажу, что после моей лекции, организованной Джорджо Петракки, я познакомился с истори-

ком Этторе Чинелла, профессором Пизанской высшей школы. Он стал автором капитальных монографий по истории российских революций 1905 и 1917 гг., дарил их мне, и я их рецензировал. Петракки в конце 80-х сблизился с социалистами, Чинелла стоял скорее на антикоммунистических позициях, тем интереснее мне было знать мнение и критику противника ИКП. Петракки говорил мне, а я нередко бывал у него дома в Пистойе, о необходимости для России вернуться к православию, чего он очень желал и что, собственно говоря, и произошло после распада СССР. В Пистойе жил и еще один историк, Ренато Ризалити, он учился в МГУ в 1950-е гг., был потом мэром небольшого города в Тоскане (став им при поддержке компартии), у Ренато я тоже бывал в гостях, а в ноябре 2020 г. мне сообщили, что он скончался. Эти упомянутые мною тосканцы, изучавшие левые идеи на родине, глубоко интересовались историей России.

Во Флоренции же мне представилась возможность в 1980–1990-е гг. работать в архиве и библиотеке Фонда Ф. Турати, основателя социалистической партии. В нем сконцентрированы великолепные фонды по истории ИСП, рабочего и социалистического движения Италии. У меня установились хорошие «коллегиальные» отношения с руководителем Фонда Маурицио Дельи Инноченти и директором библиотеки Стефано Карретти, автором книги о революции 1917 г. в России и ее восприятии в Италии. Когда в 1992 г. отмечалось столетие ИСП и в стране проходили научные конференции по этому поводу, Маурицио пригласил

меня выступить на одной из них, в Сиенском университете, где он до сих пор работает как ординарный профессор. Через год я пригласил их двоих в Санкт-Петербург в Дом Плеханова. Возникла идея начать работу над совместным проектом по изданию в Италии переписки Плеханова с итальянскими демократами и социалистами. К сожалению, проект был потом отложен итальянцами до неизвестных времен и не осуществлен до сих пор, т.к. в Италии произошли немалые политические потрясения и ИСП как таковая исчезла с политического горизонта, что лишило Фонд Турати главного источника финансирования подобных проектов.

Однажды, когда я работал в стенах Фонда, собирая материалы для книги по истории ИСП, туда приехала известная деятельница левых сил, и было видно, что она полна энергии. Это была Карла Вольгалина, жена пробывшего семь лет, с 1978 по 1985 г., президентом Италии социалиста Сандро Пертини, прославленного партизана Сопrotивления («*е un partigiano come Presidente*», как поется о нем в знаменитом шлягере Тото Кутуньо «*Sono un italiano, un italiano vero*»), ставшего после войны одним из ведущих деятелей ИСП. Она привезла документы мужа, к тому времени уже покойного, для передачи их в архив Фонда Турати. И когда ей сказали, что вот тут присутствует сейчас русский историк из Москвы, она подошла ко мне, порывисто обняла и расцеловала. Это была, конечно, дань признания Советскому Союзу и советским людям, которых многие итальянские левые считали своими самыми близкими

союзниками и единомышленниками. Позднее она создала во Флоренции, где окончила университет, Фонд Пертини.

Конечно, знакомств и сотрудничества с коллегами, относившимися к ИСП и ИКП, хватало не только в голосовавшей всегда в основном за левых Тоскане, но и в других местах. Например, в «красной» Болонье, прозванной так потому, что там в течение более сорока послевоенных лет избирали джунту, т.е. городское самоуправление, из коммунистов и социалистов. В Болонье во время проведения выставки АН СССР в 1987 г., т.е. в перестройку, я познакомился со многими из тех, кто симпатизировал СССР, в особенности с активистами общества «Италия — СССР». Местом проведения выставки был Палаццо Ре Энцо, своего рода болонский Кремль, а в университете Болоньи работало много преподавателей левых взглядов, среди них и дочь Луиджи Лонго, сменившего Тольятти на посту руководителя ИКП, и мы с ней в ходе выставки нередко общались. Выставка была приурочена к 900-летию юбилею старейшего в мире Болонского университета, основанного в 1088 г.

Организационную силу ИКП мне доводилось воочию увидеть на организованных партией в сентябрьские дни праздниках, по сути дела месячниках, газеты «Унита». В них участвовали десятки тысяч коммунистов и симпатизантов. Организаторы и участники трудились на этих праздниках бесплатно. Мне повезло побывать на некоторых из них в Болонье, причем в 1994 г. я встретил там моего давнего немец-

кого друга Хайнца Тиммерманна, политолога из кельнского федерального института БИОСТ, с которым ИНИОН с конца 1970-х гг. развивал партнерские отношения. Он был причастен, еще со времен Вилли Брандта, к налаживанию отношений между немецкими социал-демократами и итальянскими коммунистами. В тот раз он был приглашен бывшими коммунистами и выступал на празднике вместе с видными представителями образованной после переименований ИКП Демократической партии левых сил. В эти дни и недели на празднике «Униты» в большом городском парке собиралась вся Болонья. Приходили и члены той же ХДП, других антифашистских партий, а не только коммунисты или социалисты. В Болонье это был на деле праздник всех жителей, независимо от политических пристрастий. Такой же праздник всегда к радости организаторов и гостей становился заметным событием и в других городах. Однажды в Риме во время моего участия по приглашению друзей в празднике «Унита» к нам заглянул Пьетро Инграо, один из прославленных руководителей ИКП, и меня ему представили. Удалось побеседовать с ним о положении дел в левых силах Италии, а он интересовался, как идут дела в СССР — это было во время перестройки. На празднике «Унита» лидеры партии встречались с рядовыми членами, узнавали настроения партийной бонзы.

В Неаполе во время проведения той же выставки «Голография в СССР» на территории похожего на комплекс зданий ВДНХ выставочного комплекса, выстроенного во времена Муссолини, «Ольтре маре» мне

довелось познакомиться с университетским профессором физиком Витторио Сильвестрини. Впоследствии еще долгие годы мы поддерживали отношения и обменивались письмами, он дарил мне свои работы, касающиеся экологического будущего человечества, он бил в них тревогу (как мы знаем, эта тревога в настоящее время вылилась в мощное движение за спасение планеты от экологической катастрофы). Витторио состоял в ИКП, был дружен со ставшим потом мэром Неаполя коммунистом А. Бассолино, который помогал ему осуществить замечательный проект — создать в здании заброшенного металлургического завода на берегу Неаполитанского залива ставший достопримечательностью «Город науки» («Citta' della scienza»). Интересен и тот факт, что дядя Витторио, убежденного коммуниста, — кардинал Сильвестрини, занимающий видную позицию в Ватикане.

Созданный Витторио «Город науки», в котором работало больше ста сотрудников, и это были в том числе его ученики, выпускники университета, несколько лет назад был полностью уничтожен огнем. (Это сходно с трагедией ИНИОН и его библиотеки, частично погибшей от пожара в ночь с пятницы на субботу 30 января 2015 г. в здании института у метро «Профсоюзная» в Москве: оно пришло в полную непригодность и отстраивается заново с перспективой вселения института в восстановленное здание в 2021 г.) В случае с неаполитанской трагедией были подозрения, что это дело рук каморры. Я откликнулся одним из первых на эту беду в Неаполе и написал Витторио и коллегам слова сочувствия,

их можно до сих пор увидеть в Интернете в подборке подобных отзывов неравнодушных друзей «Города науки» из всех стран. С помощью неаполитанских властей и спонсоров здание было отстроено заново, и его деятельность и мероприятия для широкой публики продолжают притягивать тех, кто неравнодушен к достижениям современной науки. Это все говорится к тому, чтобы показать, что влияние компартии осуществлялось на всех возможных направлениях, она занимала разные ниши в обществе, включая и науку.

Что касается упомянутой «аномалии» семейства Сильвестрини — племянник, университетский профессор, состоящий в рядах ИКП, а дядя — кардинал в Ватикане, это не такой уж атипичный факт для итальянских семей. Таких фактов хватает. Будучи в первой командировке в Риме в дни Рождества 1980 г., я не преминул сходить в вечер сочельника на площадь перед собором Святого Петра. И послушать речь тогдашнего «польского» папы Иоанна Павла II с его сердечными поздравлениями верующих, прозвучавшими на как минимум двух десятках языков, в том числе на русском. А позднее, вечером того же дня я пришел по приглашению в гости к моей давней знакомой римлянке, учившейся в конце 1970-х в МГУ. Выяснилось, что ее бабушка, его к тому времени уже не было на свете, симпатизировал партии ИСД, отец состоял в Республиканской партии, мама — в ИСП, а сама она с молодых лет примкнула к ИКП (потом она меня познакомила со своими друзьями из римской секции партии). И все мирно уживались в этой семье.

Ее мама, социалистка, спросила, как я отношусь к Кракси, и запомнила, как потом говорила, мой ответ на всю жизнь: «Кракси такой же социалист, как кофе без кофеина». Эта его натура начинала все больше сказываться, и, как я пытался показать в моей книге об ИСП, его политическая линия привела к исчезновению партии, которая сто лет, вплоть до 1992 г., оставалась одной из главных политических сил страны.

В Неаполе мне довелось познакомиться и с профессорами университета Ориентале, они придерживались левых взглядов. Это были римляне Рита Ди Лео и Фабио Беттанин, посвящавшие свои работы «советскому коммунизму». С ними мы могли обсуждать острые проблемы в свете проходивших в стране дебатов о тогдашнем состоянии и будущем итальянских левых сил.

Среди других запомнившихся встреч было и знакомство (и последующая переписка) с близким тогда к ИСП крупнейшим философом и политологом Норберто Боббио, мои беседы с ним проходили в его заставленном от пола до потолка книгами рабочем кабинете у него дома в Турине. (В одной из многих отрецензированных мною книг по истории Италии и Европы XX в. ее автор написал, что левые в 1970-е гг. сменили изображения Маркса на портреты Р. Дарендорфа и Н. Боббио, именно они, в его глазах, олицетворяли новые подходы в либеральной и социалистической мысли.) Часть высказанных тогда Боббио идей вошла в мою книгу об истории ИСП, краткое интервью с ним было опубликовано в 1992 г. в журнале «Вопросы философии».

В Турине, как и в других крупных итальянских центрах науки и образования, мне удалось собрать интересные материалы по истории левых сил в Фондах и институтах, носящих имена Сальвемини, Эйнауди, Гобетти, Аньелли.

В Милане кроме общения с сотрудниками и руководителем Фонда Фельтринелли, возглавившим Фонд в 80-е гг. историком коммунистом Джулиано Прокаччи, с которым я был давно знаком по советско-итальянским конференциям историков в Москве, мне очень помогли в изучении истории итальянских левых беседы и с другими коллегами. Это были профессора Миланского государственного университета, кроме упомянутого Джорджо Галли, также глава кафедры истории Восточной Европы Бьянка Валота-Йорга и ее ассистентка, сейчас сменившая ее в должности руководителя кафедры профессор Джулия Лами.

Вспоминаю мои попытки взять интервью у самого Кракси, пришедшего к руководству ИСП в 1976 г. и занимавшего в 1983–1987 гг. пост премьер-министра Италии. Встречу пытались мне устроить знакомые журналисты из изданий ИСП, газеты «Аванти» и теоретического журнала «Мондоперайо», но это не увенчалось успехом. Однажды мне все же довелось Кракси увидеть, когда он прибыл на предвыборный митинг ИСП в Неаполе и проследовал с группой телохранителей мимо публики, в которой случайно оказался и я, в стоящий отдельно от города неаполитанский Каstell Ово. Он выделялся своим почти двухметровым ростом и был заметен. Не знаю

почему, но мне кажется, он опасался контактов с советскими журналистами или учеными, считая, видимо, что это его скомпрометирует — это были годы, когда он активно выступал против ИКП, намереваясь отбирать у нее голоса в пользу социалистов и вернуть влияние, утерянное при П. Ненни, хотя его политическую линию на автономность ИСП от коммунистов он почитал и пытался продолжить.

Как-то в римском Фонде П. Ненни, расположенном напротив здания руководства ИСП, мы встретились в присутствии видного историка Гаэтано Арфе, автора многих книг по истории ИСП, с американским историком итальянского происхождения Спенсером Ди Скала, он приехал из Бостона, где работал в университете. Разговор проходил в июне 1990 г., у него уже в 1988 г. была издана в Оксфорде монография «Renewing Italian Socialism. Nenni to Craxi». Ее собирались издать на итальянском и выпустило в 1991 г. близкое к социалистам миланское издательство «SugarCo» под названием «Da Nenni a Craxi. Il socialismo italiano visto dagli U.S.A.» («От Ненни до Кракси. Итальянский социализм, увиденный из США»; у меня имеется ее переиздание с автографом Ди Скала и датой: Boston 28 gennaio 1992). Он ждал выхода моей книги по истории ИСП, была надежда на перевод и издание ее на итальянском, ведь в нее было включено немало ценных и ранее неизвестных документов из архивов разных стран. Но обстоятельства сложились так, что сама тема книги была сочтена в 1990-е гг. неактуальной и она была на долгое время отправлена «на полку», вышла лишь

в 2000-е гг., причем с урезанием издательства «Наука» важного справочного аппарата — якобы из экономии бумаги. Издать ее на итальянском, несмотря на хлопоты тогдашнего посла Италии Серджо Романо, так и не удалось.

Могу здесь лишь перечислить некоторых из тех, у кого мне удалось взять интервью, частично воспроизведенные в книге. Это видные политики ИКП и ИСП или деятели, близкие к этим партиям, в том числе сподвижники Кракси, а также связанные с партией представители гуманитарных наук: Джорджо Бенвенуто, Уго Интини, Феличе Карло Безостри, Уго Финетти, Пия Локателли, Джузеппе Фьори, Норберто Боббио, Гастоне Манакорда, Гаэтано Арфе, Энцо Сантарелли, Джорджо Галли, Лучано Пелликани, Антонио Ландольфи, Джулиано Прокаччи, Луиджи Кортези, Сильвио Понс, Лелио Лагорио, Жанкарло Ленер, Антонелло Вентури, Валерио Рива, Витторио Страда, Паола Карриди и др. Всех трудно перечислить... В этой книге более шестисот наименований источников, литературы.

Интересно, что мне пришлось все-таки столкнуться с Кракси (или, точнее, сохранившимся духом времени), когда я попал в его кабинет, из которого он управлял партией и вершил другие дела в политике. На стене в кабинете висел огромный, известный по фотоснимкам, попадавшим в прессу, портрет национального героя Италии Джузеппе Гарибальди. Вся мебель сохранялась в прежнем виде. Как и запасы книг, некоторые из них в особых подарочных картонных подборках. В этот кабинет на пятом, кажется, эта-

же здания Руководства ИСП на виа дель Корсо я попал совершенно случайно, когда, будучи приглашенным выступить с докладом в составе российской делегации на международной конференции в Риме на социологическом факультете университета Сапьенца 8–10 мая 1997 г. (она была посвящена положению в тогдашней России), в свободное время решил заглянуть в Фонд Ненни. И не найдя никого в том месте, где он располагался, я решил зайти для выяснения в находящееся напротив солидное, капитальное здание. Ранее в нем находилось Руководство ИСП, уже переставшей существовать. Охранники некоей фирмы, которая собиралась занять это здание, но еще в него не переехала, выслушав меня, любезно предоставили мне возможность пройти внутрь. И провели как раз к кабинету бывшего главы партии Б. Кракси, предложив забрать без всякой оплаты столько сохранявшейся в кабинете и рядом с ним литературы, сколько я смогу унести. Все это казалось настоящей сказкой, ведь тому, кто всю жизнь собирал все возможные издания об ИСП и ее истории, случайно достался столь бесценный клад. Разумеется, я воспользовался этим заманчивым предложением и унес с собой все, что только смог. Я все это использовал в работе, а на обложке моей монографии по истории ИСП воспроизведены изображения ежегодно менявшихся партийных членских билетов, эта красивая подарочная подборка, приготовленная к столетию партии, была найдена мною среди другой печатной продукции, оставшейся бесхозной в кабинете Кракси и в комнатах рядом с ним. Грустно думать о том, что всего через несколько дней все эти издания, аб-

солютно не нужные новым хозяевам здания, которые собирались вскоре туда заселиться, скорее всего отправились бы в макулатуру.

Отвечая на ваш вопрос о разнице подходов, можно сказать, что если сравнивать различие во взглядах представителей ИКП и ИСП, с которыми мне довелось общаться, то, конечно, эта разница постоянно ощущалась, в какие-то периоды больше, в какие-то меньше. И все же чувствовалось всегда в разговорах с теми и другими, что они ведут происхождение из общего корня, а в своей эволюции социалисты уходят от коммунистов все дальше и дальше в том, что касается отказа от марксизма (не говоря уже о ленинизме) как единственно верного учения, которого надо придерживаться. Проходило время, 10–15 лет, и коммунисты становились в сущности на те же позиции, хотя и с некоторым запозданием. Обе партии ревниво смотрели друг на друга как соперники, борющиеся за обретение большего влияния в обществе и в правящих структурах страны. ИКП закончила свой путь, отказавшись от названия «коммунистическая» в 1991 г., она была переименована в Демократическую партию левых сил. Этот своевременно предпринятый маневр позволил ей сохранить большую часть позиций и влияния. ИСП после потрясшего страну глубочайшего политического кризиса в ходе операции «Чистые руки» 1992 г. так и не восстановилась, несмотря на попытки переименоваться и сохранить сторонников, и исчезла из итальянской политики.

Отношения между ИКП и ИСП часто бывали очень конфликтными

в 1970–1980-е гг., особенно после прихода к руководству ИСП в 1976 г. Б. Кракси, а еще раньше (в 1972 г.) к руководству ИКП Э. Берлингуэра. Кракси стремился их обострить, Берлингуэр же, мне кажется, верил в восстановление в конечном счете рано или поздно прежнего единства левых сил. Но этого так и не произошло.

Н. Т. Падение Берлинской стены в 1989 г., затем крах СССР и советского блока, всей биполярной системы — эти тектонические сдвиги спровоцировали также резкое смещение европейского политического спектра вправо, что коснулось и Италии. Складывается впечатление, что левые, скажем, поправили. Не является ли подтверждением этому тот факт, что в Италии сегодня нет больше ни Социалистической, ни Коммунистической партий? Каковы перспективы левой итальянской мысли, развивается ли она? И в целом, насколько левая традиция в Италии актуальна и жизнеспособна?

В. Л. 1989–1991 гг. — рубежные годы европейской и мировой истории. Они затронули и Италию. Но в национальной истории важен и 1992-й — год антикоррупционной операции «Чистые руки». Она полностью изменила политическую панораму, и многие партии, которые были несущей осью социально-политической системы, утвердившейся в годы так называемой Первой республики, именно с 1992 г. исчезнув как таковые, ушли в историю. Все эти деления в Италии на Первую, Вторую и даже Третью якобы теперь республики, в отличие от Франции, весьма

условны, потому что Конституция, вступившая в силу в 1948 г., фактически не менялась. Она считается одной из самых демократичных в мире, и к ее выработке и принятию Учредительным собранием были во многом причастны левые силы, включая коммунистов и социалистов. Они по праву могли считать эту Конституцию своим завоеванием. Тогда, сразу после войны, с левыми силами, значительно укрепившимися в ходе Соппротивления с их решающей ролью в свержении диктатуры фашизма, были вынуждены считаться и все их противники. Благодаря поддержке не только изнутри, но и извне, ХДП удавалось вплоть до 1992 г. сохранять фактическую монополию на власть в главных правящих структурах государства. В последнее время в Италии обсуждается вопрос: кто был заинтересован в проведении и финансировал названную операцию «Чистые руки», кому прежде всего это было выгодно, какие последствия организаторы этой акции планировали и в чем реальные последствия отличаются от разработанных планов. Видимо, ответ на все эти вопросы последует не скоро. Даже когда через положенное время откроются архивы. Мы с вами хорошо знаем, что и в архивах удастся заметить следы того, что нежелательно для раскрытия перед обществом.

Положение левых в Италии отражает и общую ситуацию с состоянием левого движения в Европе, которое начиная с 1991 г. все более сдавало свои завоеванные ранее позиции. Они действительно «поправили», а многие, и не только в Италии, утратили свой прежний политический вес. Посмотрите, например, на нынешнее

состояние ранее очень сильной СДПГ, сделавшейся лишь послушным младшим партнером в коалиционном правительстве во главе с А. Меркель, представляющей ХДС/ХСС. В результате чего поддержка социал-демократов у населения Германии сократилась с набиравших на парламентских выборах как минимум трети голосов избирателей до 10–12% в последние годы. И СДПГ не мечтает в ближайшие годы возглавить правительство, как это было ранее, последние такие кабинеты во главе с Г. Шредером остались, хотя и в недалеком, но прошлом, в 1998–2005 гг. А что происходило в это же время в Италии? Маятник качался то вправо, то влево, в 1990–2000-е гг. правящие правительства С. Берлускони сменялись левоцентристскими: Р. Проди (бывший левый христианский демократ), М. Д'Алема (бывший коммунист), Дж. Амато (бывший социалист) и т. д. и т. п. Затем снова правые во главе с Берлускони были у власти.

В последние годы, когда «Движение 5 звезд», претендующее на то, что перехватило эстафету у левых и умеренных, вышло на первое место по результатам парламентских выборов, оно согласилось создать коалицию с национально-патриотической и в общем правой «Лигой» (ранее «Лига Севера») во главе с М. Сальвини — ее представителей кто-то называет популистами, кто-то «совранистами» (вокруг «совранизма» развернулась острая дискуссия,

издаются работы о нем, например, книга того же С. Романо). Эта коалиция оказалась неестественной и скоро распалась. Теперь у власти новая комбинация политических сил, «Движение 5 звезд» создало коалицию с Демократической партией, она по идее наследница ИКП и ИСП. Пока что эта комбинация держится, но, возможно, еще и потому, что страна, как и все государства Европы и мира, оказалась под воздействием мощного кризиса, обусловленного разразившейся в 2020 г. пандемией Ковид-19. Первоочередная задача — справиться с ее последствиями, и сейчас всем не до политических перемен, тем более не до внеочередных парламентских выборов.

Левая традиция в Италии, в том числе и в философской, в общественной мысли, конечно, никуда не делась, она глубоко укоренена в обществе. У ее представителей сейчас, вероятно, меньше возможностей, чем это было раньше, охватить своим влиянием большие слои общества. Безусловно, эта традиция остается актуальной и жизнеспособной. Наследие ИКП и ИСП не так легко устранить, и оно еще долгое время будет оставаться в общественной жизни Италии. И только от самих левых сил зависит, сумеют ли они создать такую партию, за которой, как когда-то за ИКП, пойдут широчайшие массы, и, опираясь на них, можно будет выстроить страну и жизнь в ней так, чтобы она соответствовала вызовам XXI в.

М. В. Кирчанов

«СВОИ» ПРЕДАТЕЛИ «ЧУЖОЙ» ВОЙНЫ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ПАМЯТИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ИРЛАНДИИ¹

Автор анализирует особенности восприятия истории Второй мировой войны в современной ирландской исторической памяти. Ирландия в период войны была нейтральным государством, и нейтралитет стал фактором, определявшим то, как ирландские интеллектуалы формировали память о войне. В отличие от Великобритании, опыт войны в Ирландии не стал фактором консолидации. Известно, что ирландские власти крайне негативно отнеслись к тем гражданам Ирландии, которые в период войны воевали в британской армии. Ветераны, которые после 1945 г. вернулись в Ирландию, стали жертвами репрессивной политики, отправляясь властями в лагерь и тюрьмы, а после освобождения они были ограничены в гражданских правах. Во второй половине XX в. ирландская политика памяти игнорировала войну, а интеллектуалы воображали ее как чужой европейский конфликт, актуализируя негативные образы Великобритании. Ирландская политика памяти также не формировала негативный образ Германии. Тенденции ревизии памяти о войне стали заметны только в 2000-е и 2010-е гг., но националистический канон, основанный на мифологизированном нейтралитете, продолжает до сих пор определять основные векторы трансформации исторической памяти о Второй мировой войне в Ирландии.

Ключевые слова: Ирландия, Вторая мировая война, нейтралитет, национализм, историческая память.

Сведения об авторе: Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений Воронежского государственного университета (Воронеж).

Контактная информация: maksymkyrchanoff@gmail.com.

M. V. Kyrchanoff

"OWN" TRAITORS OF "ALIEN" WAR: FEATURES OF HISTORICAL POLITICS AND MEMORY OF WORLD WAR II IN IRELAND

The author analyzes the peculiarities of perception of the history of the Second World War in Irish historical memory. Ireland was a neutral country during the war and neutrality was the factor that determined how Irish intellectuals formed the memory of the war. Unlike Great Britain, the experience of the war in Ireland did not become a factor of consolidation. It is known that the Irish authorities reacted extremely negatively to those Irish citizens who fought in the British army during the war. The veterans who returned to Ireland after 1945 became victims of repressive policies: they were sent to camps and prisons by the authorities, and after release their civil rights were restricted. In the second half of the 20th century, Irish memory politics ignored the war, and intellectuals imagined it as alien European conflict, preferring to actualize negative images of Great Britain. As for Irish memory policy it doesn't form a negative image of Germany. The trends in revising the memory of the war became noticeable in the 2000s and 2010s only, but the nationalist canon, based on mythologized neutrality, continues to determine the main vectors of the transformation of the historical memory of the Second World War in Ireland.

Key words: Ireland, World War II, neutrality, nationalism, historical memory.

About the author: Kyrchanoff Maksym V., doctor of historical sciences, associate professor, Department of the regional studies and economics of foreign countries, Faculty of international relations, Voronezh State University (Voronezh).

Contact information: maksymkyrchanoff@gmail.com.

ФОРМУЛИРОВКА ПРОБЛЕМЫ

2020 г. в национальной и исторической памяти России стал, прежде всего, годом 75-летия победы в Великой Отечественной войне, что выразилось в проведении целого ряда мероприятий коммеморативно-мемориального характера — от традиционного парада до появления новых кинопроектов и организации научных конференций, посвященных военной тематике в целом и Победе в войне в частности. В русле российской политики исторической памяти в отношении войны, вероятно, на постсоветском пространстве следовали только Республика Беларусь и Республика Казахстан, в то время как другие государства, ранее во-

дившие в состав СССР, актуализировали свои собственные версии исторической памяти о войне, которые все больше начинают соотноситься с этноцентричными канонами исторического воображения и написания истории именно как национальной, постепенно отдаляясь при этом от российской версии восприятия войны. Страны Западной Европы также по-разному отреагировали на 75-летие завершения Второй мировой войны. Особое место в современных коммеморативных практиках и мемориальных стратегиях принадлежит Ирландии.

Цель настоящей статьи — анализ особенностей современных стратегий развития исторической поли-

тики в Ирландии в связи с памятью о Второй мировой войне. В круг наших задач входит изучение восприятия войны как места национальной памяти в современном ирландском обществе, а также анализ образов войны в контекстах различных версий исторической памяти, актуализируемой в современной ирландской массовой культуре.

«НЕЙТРАЛИТЕТ». ПРОТИВ КОГО? (НЕЙТРАЛЬНАЯ ИРЛАНДИЯ ВО ВТОРОЙ МИРВОЙ ВОЙНЕ)

Рассматривая событийную сторону ирландской истории в период Второй мировой, следует принимать во внимание то, что Ирландия в лице ее правящих элит стремилась придерживаться политики нейтралитета. Вместе с тем необходимо учесть ряд факторов.

Во-первых, Ирландия появилась на политической карте Европы как фактически независимая страна в 1922 г., получив полный суверенитет в 1937 г. от Великобритании, которая не только добилась разделения острова, но и не воспринимала Ирландию как полноправного партнера в период между двумя мировыми войнами, что оказывало существенное влияние на восприятие Лондона со стороны ирландского общества. Во-вторых, важным фактором в политической и культурной жизни страны оставался ирландский национализм, идеологи которого прилагали значительные усилия по формированию негативного образа Великобритании. В-третьих, среди ирландских националистов существовали прогерманские симпатии,

генетически связанные с романтическим национализмом XIX в. — его идеологи стремились найти в Европе этнических (и в плане культуры) «родственников», которые, желательно, отличались бы от англичан, и в этой ситуации немцы оказались наилучшими кандидатами на подобный статус, причем напряженные германо-британские отношения стимулировали развитие позитивных германских образов в ирландском историческом воображении.

В подобной интеллектуальной атмосфере к началу Второй мировой войны Ирландия фактически получила свои собственные атрибуты независимого государства — от наличия собственных вооруженных сил (англ. Defence Forces, ирл. Fórsaí Cosanta или Óglaigh na hÉireann) до установления дипломатических отношений с зарубежными государствами, среди которых была и Германия, посольство которой на протяжении войны функционировало в Дублине. К 1939 г. политический опыт Ирландии в качестве независимого государства оставался непродолжительным, а британское наследие было визуально заметно в культурной, социальной и политической жизни страны. Процессы ассимиляции привели к тому, что определенный процент граждан не воспринимал Ирландию в качестве полноценного государства, что имело разнообразные проявления.

Одной из форм отрицания ирландской государственности стали случаи дезертирства из вооруженных сил: за период Второй мировой войны дезертировало 4983 военнослужащих с целью дальнейшего присоединения

к силам антигитлеровской коалиции, в первую очередь — к британской армии. Подобные факты в стране, которая пережила подавление в 1916 г. антибританского восстания, вооруженный конфликт с Лондоном с 1919 по 1921 г., британские попытки вмешательства во внутренние дела Ирландии, что проявилось в разделении острова, не могли быть встречены позитивно. К тому же часть националистов настаивала на том, что гипотетическое поражение Великобритании позволит объединить Ирландию.

После объявления Великобританией войны Германии в ряде городов острова прошли антибританские митинги, которые сопровождались сожжениями чучел британских политиков. Политическими и культурными элитами Ирландии война воспринималась как чуждый, европейский континентальный конфликт. Подчеркивая нейтралитет, власти вообще избегали использование слова «война», применяя вместо него другое слово — «the emergency» или «чрезвычайное положение». В рамках политики нейтралитета Ирландия ограничила использование своих портов для британских судов, а британские летчики, сбитые над территорией острова, подлежали интернированию в лагерь. Имон де Валера 2 мая 1945 г. посетил посольство Германии в Дублине, где оставил запись, выражавшую соболезнование в связи со... смертью Адольфа Гитлера, что вызвало непонимание в странах антигитлеровской коалиции. Проведение подобной политики нейтралитета в период Второй мировой войны означало и то, что по ее завершении власти и интеллектуалы

стали проводить и соответствующую политику памяти, направленную на формирование и продвижение политически и идеологически мотивированного канона памяти о войне.

ВОЙНА В ИРЛАНДСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПОЛИТИКЕ: ОТ МАРГИНАЛИЗАЦИИ ВЕТЕРАНОВ И ИХ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ДО РИТУАЛЬНЫХ ИЗВИНЕНИЙ ВЛАСТЕЙ

После завершения Второй мировой войны проблемы нейтралитета периодически оказывались в центре внимания ирландской, британской и американской историографий. Интерпретации нейтралитета были в значительной степени отягощены как ирландскими националистическими мифами, так и обидой Лондона на то, что Ирландия подчеркнуто не поддержала англичан в войне (Dwyer 2009). Если в рамках британской исторической памяти нейтралитет Ирландии воспринимается как месть (Kimball 2019), то ирландские историки склонны воспроизводить националистические нарративы, что вполне понятно, ибо английские интеллектуалы настаивают на том, что оптимальным вариантом развития событий в период войны было присоединение Ирландии к Великобритании (Kimball 2019).

Дискриминационные меры в отношении ветеранов ирландского происхождения, которые дезертировали для участия в войне на стороне Великобритании, принимались в соответствии с Указом о чрезвычайных полномочиях №362, опубликованным 8 августа 1945 г. (ЕРО 362). Этот указ в целом фиксировал значитель-

ный уровень как антибританских настроений, так и консенсус в ирландском обществе относительно необходимости поиска, преследования и осуждения тех, кто в годы войны оказался в рядах британской армии (Canny 1998; Kelly 2012). Первыми объектами ирландской политики памяти в отношении войны стали именно те 4983 военнослужащих, которые дезертировали из ирландской армии с целью вступления в британскую, хотя сами ирландские авторы полагают, что от послевоенных репрессий могло пострадать до 12 тыс. ирландцев, которые сотрудничали с британскими вооруженными силами (Spain 2012). После завершения Второй мировой войны правительство Ирландии не только заключало ветеранов в тюрьмы, но и предпринимало в их отношении различные дискриминационные меры, направленные на ограничение доступа к государственной службе, запретив им занимать должности, а также лишив права на получение пенсии. Официально Ирландия отказалась от проведения дискриминационной политики в отношении собственных граждан, которые во Второй мировой войне принимали участие в рядах британской армии, только в 2013 г. (O'Brien 2013), признав, что после войны ветеранов «презирали, игнорировали и безразлично относились к тому, через что им пришлось пройти. Во многих случаях они сталкивались с открытой враждебностью. Их служба в британских войсках воспринималась как антинародная, избражаясь как почти предательство» (Spain 2012).

В этой ситуации на фоне общего отношения к памяти о войне, кото-

рое варьировалось от нейтрального до прохладного (Quinn 2019), ирландские СМИ робко и осторожно начали писать о пронацистских симпатиях политических элит Ирландии (O'Driscoll 2017), что стало попыткой ревизии компромиссного канона исторической политики. Эти попытки не имели продолжительного эффекта на функционирование ирландской исторической памяти в силу того, что большинство подобных публикаций были для Ирландии ситуативны и конъюнктурны, выходя исключительно в первых числах мая и имитируя солидарность с историческими памятями стран, которые воевали на стороне антигитлеровской коалиции. Если речь заходит о точке зрения Лондона, то она вызывает неприятие со стороны ирландских СМИ как акторов политики памяти — особое раздражение вызывает стремление английских авторов (O'Connor 2014) доказать, что проект независимой Ирландии был принят не всеми ее гражданами и что многие из них не соотносили себя с ирландской нацией в политическом, этническом и религиозном плане, разделяя британскую идентичность (O'Connor 2015).

Именно такие ирландцы на протяжении длительного времени в рамках политики памяти позиционировались как предатели и маргиналы, и только в 2012 г. (Kelly 2012) были впервые введены в научный оборот опубликованные воспоминания ирландцев, воевавших в британской армии, причем эта попытка не привела к радикальным переменам в исторической политике Ирландии. Несмотря на начало обсуждения проблем нейтралитета в СМИ, ирландская

версия исторической памяти так и не была интегрирована в общеевропейские контексты, основанные на глобификации союзников и осуждении Германии и «стран оси». Вместо этого актуализируются нарративы опасности Великобритании для Ирландии: как нейтралитет в период войны, так и послевоенное преследование ирландских граждан, воевавших на стороне стран антигитлеровской коалиции, оправдывается тем, что подлинные цели Лондона варьировались от получения контроля над экономикой до попыток организации очередного голода (*Evans 2019*).

НЕ НАША ВОЙНА, А «ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ», ИЛИ ПОЧЕМУ ДРУГИЕ ВОЙНЫ БОЛЕЕ ВАЖНЫ ДЛЯ ИРЛАНДСКОЙ ПАМЯТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В рамках ирландского исторического воображения и исторической памяти, которые, вероятно, могут восприниматься как частные случаи развития националистического дискурса, образы двух других войн имеют большее символическое и эмоциональное значение, чем Вторая мировая война. Речь идет о Войне за независимость (1919–1921) и гражданской войне (1922–1923) (*Cottrell 2006; Hopkinson 2002; 2004; Townshend 2014; Dolan 2006*). Если первая принципиально важна для функционирования ирландского национального мифа, позиционируясь и «воображаясь» в нем как *Cogadh na Saoirse* или *Cogadh Angla-Éireannach*, то *Cogadh Cathartha na hÉireann* (гражданская война) присутствует в исторической памяти как часть истории ирландского национализма,

точнее — борьбы между различными течениями националистов за определение векторов развития Ирландии как независимого государства. Концепты «*Cogadh na Saoirse*» и «*Cogadh Angla-Éireannach*» в одинаковой степени актуализируют ценности и принципы как гражданского, так и этнического ирландского национализма. «*Cogadh na Saoirse*» апеллирует именно к политическому противостоянию, борьбе за «свободу», понимаемой как достижение «независимости». «*Cogadh Angla-Éireannach*», в свою очередь, актуализирует этнический уровень военного конфликта, позиционируясь как именно война против Англии.

Оба эти конфликта в ирландской исторической памяти в значительной степени мифологизированы, успев стать объектом манипуляций со стороны современной массовой культуры. Фильм 2006 г. «Ветер, что колыхает ячмень» («*An Ghaoth i nGort na hEornan*» / «*The Wind That Shakes the Barley*»), несмотря на его противоречивое восприятие (*Hanley 2006; Meehan 2006*), одинаково актуализирует и мифологизирует негативный образ англичан (пытки англичанами ирландских патриотов, лингвистический геноцид ирландцев, вплоть до расстрела за использование гэльского языка), героизм ирландских националистов (убийство британских офицеров) и трагедию раскола националистического движения (гражданская война и казнь проигравших).

«Ветер, что колыхает ячмень» стал элементом исторической политики, проработки прошлого и формой функционирования исторической памяти в контекстах формирования

образов Другого и продвижения героизированных концептов самости. Сюжеты, связанные с войной за независимость или с гражданской войной, в историческом воображении воспринимаются как более перспективные (в отличие от Второй мировой войны) в плане их использования в целях национальной консолидации через политически и идеологически мотивированные «проработки истории» и манипуляции с прошлым в рамках того, что определяется как «историческая политика».

Выводы

Подводя итоги статьи, следует принимать во внимание ряд факторов, которые определяют основные векторы и траектории развития исторической памяти о Второй мировой войне в современной Ирландии.

Функционирование исторической памяти о войне в современном ирландском обществе самым тесным образом связано с ирландским национализмом, который традиционно формировал и продвигал негативные образы Великобритании как врага, периодически актуализируя при этом положительные или привлекательные образы Германии, которая ирландскими националистами могла восприниматься в качестве потенциального союзника в борьбе с англичанами. Именно наследие ирландского национализма, отягощенного антибританскими и частично прогерманскими настроениями и симпатиями, на протяжении длительного времени определяло то, как в ирландской культуре памяти и повседневности были представлены образы войны.

Политика ирландских властей после завершения Второй мировой войны в отношении ее ветеранов, которые принимали участие в боевых действиях на стороне антигитлеровской коалиции, не вписывалась в те стратегии, которыми руководствовались элиты других европейских государств. Если другие страны предпочитали организовывать коммеморативные мероприятия, связанные с завершением войны, которые в различных национальных памятниках могли описываться и интерпретироваться в категориях «победы», то ирландские элиты в своей политике исторической памяти предпочитали обходить события войны молчанием, актуализируя в памяти роль и значение других событий, связанных в первую очередь с историей ирландского национализма и его борьбой против британского господства.

Подобная стратегия определяла функционирование ирландской исторической политики на протяжении нескольких десятилетий до начала 2010-х гг., когда общество предприняло попытки ревизии и переоценки восприятия войны в культурной памяти. В целом националистический канон, доминирующий в ирландской исторической памяти, и сегодня остается определяющим фактором в функционировании памяти о войне. Официальный канон доминирует как в ирландской историографии, так и в современной массовой культуре, воспроизводящей националистический дискурс, основанный на нейтральной презентации немецкого и критическом восприятии британского фактора. Попытки ревизии этого канона имеют место, но в пересмотре ирландской версии

истории войны в первую очередь заинтересованы внешние силы, стремящиеся интегрировать ирландские коммеморативные практики в обще-европейские контексты.

В качестве инициаторов ревизии выступают СМИ, но векторы их развития крайне редко совпадают с траекториями развития академической ирландской историографии, представители которой предпочитают воспроизводить ранее сложившийся компромиссный дискурс, в большей степени основанный на национализме, чем на во многом мифической идее единства стран антигитлеровской коалиции в борьбе с Германией и ее союзниками. В этой ситуации ирландская и другие европейские (французская, британская, польская, российская, чешская и др.) версии исторической памяти о войне и в дальнейшем будут развиваться параллельно, сосуществуя в различных системах координат: если, например, британская, российская и французская будут воспроизводить (хотя и по-разному) нарративы антифашистского и антитоталитарного плана, актуализирующие роль соответствующих стран в разгроме фашизма, то ирландская историческая память формирует качественно другой образ войны как чуждого Ирландии европейского континентального конфликта, в который была втянута Великобритания как страна, ответственная за несколько столетий политической, культурной, религиозной и языковой дискриминации ирландцев.

Ирландская историческая память как память страны, которая во Второй мировой войне подчеркнута актуализировала свой нейтралитет, вряд

ли сможет подвергнуть радикальной ревизии исторические нарративы, связанные с доминированием или во всяком случае присутствием националистического в историческом воображении. Несмотря на то, что критика фашизма как формы отрицания демократии в формируемой и искусственно поддерживаемой европейской исторической памяти стала проявлением принятия принципов толерантности, ирландская историческая политика и в дальнейшем будет в значительной степени развиваться обособленно, отличаясь от европейских практик, форм и стратегий «проработки прошлого», будучи в этом смысле уникальным случаем неофициального, но фактически позитивного восприятия антибританской позиции, занимаемой в период Второй мировой войны Германией.

В целом опыт исторической политики и политики памяти Ирландии свидетельствует о том, что национализм и коллективные культурные травмы прошлого, связанные с британским доминированием, господством и угнетением, останутся факторами, определяющими восприятие Второй мировой войны как чуждого конфликта, а симпатии ирландских интеллектуалов (пусть не столь выражены, но иносказательно) будут и далее находиться на стороне противников стран антигитлеровской коалиции.

ВОЗМОЖНАЯ ДАЛЬНЕЙШАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПОВЕСТКА

Автор полагает, что проблемы исторической политики и «проработки прошлого» в отношении памяти

о Второй мировой войне в Ирландии не ограничиваются только теми сюжетами, которые описаны в настоящей статье. По мнению автора, с одной стороны, представляется интересным и перспективным сравнительный анализ репрессивных моделей исторической политики в отношении ветеранов, которые практиковались в Ирландии после Второй мировой войны и в странах Балтии в постсоветский период. Изучение ирландского опыта свидетельствует о том, что политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии в проведении политики, основанной на дискриминации, в отношении ветеранов одной из стран антигитлеровской коалиции были не оригинальны, но вопрос об их знакомстве с ирландским опытом и его применении в балтийских реалиях представляется дискуссионным. С другой стороны, анализ проблем прогерманских настроений в нейтральных государствах и «странах оси» как в военный, так и в послевоенный период в контекстах исторических памятей, различных форм исторической политики, а также ревизионизма и академической историографии также представляется перспективным для изучения.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ЕРО 362 – Emergency Powers (No. 362) Order 1945. Department of the Taoiseach (8 August 1945). URL: <https://ptfs-oireachtas.s3.amazonaws.com/DriveH/AWDData/Library3/Library2/DL052121.pdf>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Canny 1998 – *Canny L.* Pariah Dogs: Deserters from the Irish Defence Forces Who Joined the British Armed Forces during

“The Emergency” // *Studia Hibernica*. 1998. No 30. P. 231–249.

Cottrell 2006 – *Cottrell P.* The Anglo-Irish War, The Troubles, 1913–1923. Oxford: Osprey Publishing, 2006. 96 p.

Dolan 2006 – *Dolan A.* Commemorating the Irish Civil War: History and Memory, 1923–2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 256 p.

Dwyer 2009 – *Dwyer T.* Behind The Green curtain. Ireland’s phoney neutrality during World War II. L.: Gill & Macmillan, 2009. 352 p.

Evans 2019 – *Evans B.* How Guinness saved Ireland in World War II // *Irish Central*. 2019. October 9. URL: <https://www.irish-central.com/roots/history/how-guinness-saved-ireland-in-world-war-ii>.

Hanley 2006 – *Hanley B.* Film Eye: The Wind that Shakes the Barley // *History Ireland*. 2006. Vol. 14. No. 5. URL: <http://www.historyireland.com/volumes/volume14/issue5/>.

Hopkinson 2002 – *Hopkinson M.* The Irish War of Independence. L.: Gill & Macmillan, 2002. 336 p.

Hopkinson 2004 – *Hopkinson M.* Green against Green, the Irish Civil War. L.: Gill & Macmillan, 2004. 274 p.

Kelly 2012 – *Kelly B.* Returning Home: Irish Ex-Servicemen after the Second World War. Dublin: Merrion Press, 2012. 248 p.

Kelly 2012 – *Kelly B.* “True Citizens” and “Pariah Dogs”: demobilisation, deserters and the de Valera government, 1945 // *The Irish Sword*. 2012. Vol. XXVIII. No. 114. P. 455–470.

Kimball 2019 – *Kimball W.F.* “That Neutral Island”: Ireland in World War II (with apologies to Clair Wills) // *The Churchill Project*. 2019. August 16. URL: <https://winstonchurchill.hillsdale.edu/ireland-ww2/>.

Meehan 2006 – *Meehan N.* Ireland’s Freedom Struggle and the Foster School of Falsification // *Counter Punch*. 2006. November 11. URL: <https://www.counterpunch.com>.

org/2006/11/11/ireland-s-freedom-struggle-and-the-foster-school-of-falsification/.

O'Brien 2013 — O'Brien T. Government apologises to WWII veterans: some 5,000 who deserted the Defence Forces to join the fight against Nazism get pardon // The Irish Times. 2013. May 7. URL: <https://www.irishtimes.com/news/government-apologises-to-wwii-veterans-1.1384900>.

O'Connor 2014 — O'Connor S. Why did the Irish volunteer as British officers in WWII? // The Irish Times. 2014. June 27. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/books/why-did-the-irish-volunteer-as-british-officers-in-wwii-1.1846436>.

O'Connor 2015 — O'Connor S. Why did they fight for Britain? Irish recruits to the British forces, 1939–1945 // Études irlandaises. 2015. No. 1. P. 59–70.

O'Driscoll 2017 — O'Driscoll M. Ireland and the Nazis: a troubled history // The Irish Times. 2017. May 9. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/books/ireland-and-the-nazis-a-troubled-history-1.3076579>.

Quinn 2019 — Quinn J. Why Ireland's second World War veterans matter. They may not have known it but they served the cause of neutral Éire // The Irish Times. 2019. June 7. URL: <https://www.irishtimes.com/opinion/why-ireland-s-second-world-war-veterans-matter-1.3918163>.

Spain 2012 — Spain J. The Irish World War II shame — Irish soldiers faced hostility after arriving home // Irish Central. 2012. May 24. URL: <https://www.irishcentral.com/opinion/others/the-irish-world-war-ii-shame-irish-soldiers-faced-hostility-after-arriving-home-153574625-238132961>.

Townshend 2014 — Townshend Ch. The Republic: The Fight For Irish Independence. L.: Penguin UK, 2014. 560 p.

REFERENCES

Canny L. Pariah Dogs: Deserters from the Irish Defence Forces Who Joined the Brit-

ish Armed Forces during “The Emergency”, *Studia Hibernica*, 1998, no. 30, p. 231–249.

Cottrell P. *The Anglo-Irish War, The Troubles, 1913–1923*. Oxford: Osprey Publishing, 2006. 96 p.

Dolan A. *Commemorating the Irish Civil War: History and Memory, 1923–2000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 256 p.

Dwyer T. *Behind The Green curtain. Ireland's phoney neutrality during World War II*. L.: Gill & Macmillan, 2009. 352 p.

Evans B. How Guinness saved Ireland in World War II, *Irish Central*. 2019. October 9. URL: <https://www.irishcentral.com/roots/history/how-guinness-saved-ireland-in-world-war-ii>.

Hanley B. Film Eye: The Wind that Shakes the Barley, *History Ireland*, 2006, vol. 14, no. 5. URL: <http://www.historyireland.com/volumes/volume14/issue5/>.

Hopkinson M. *Green against Green, the Irish Civil War*. L.: Gill & Macmillan, 2004. 274 p.

Hopkinson M. *The Irish War of Independence*. L.: Gill & Macmillan, 2002. 336 p.

Kelly B. “True Citizens” and “Pariah Dogs”: demobilisation, deserters and the de Valera government, 1945, *The Irish Sword*, 2012, vol. XXVIII, no 114, p. 455–470.

Kelly B. *Returning Home: Irish Ex-Service-men after the Second World War*. Dublin: Merrion Press, 2012. 248 p.

Kimball W.F. “That Neutral Island”: Ireland in World War II (with apologies to Clair Wills), *The Churchill Project*, 2019, august 16. URL: <https://winstonchurchill.hillsdale.edu/ireland-ww2/>.

Meehan N. Ireland's Freedom Struggle and the Foster School of Falsification, *Counter Punch*, 2006, november 11. URL: <https://www.counterpunch.org/2006/11/11/ireland-s-freedom-struggle-and-the-foster-school-of-falsification/>.

O'Brien T. Government apologises to WWII veterans: some 5,000 who deserted the Defence Forces to join the fight against

Nazism get pardon, *The Irish Times*, 2013, may 7. URL: <https://www.irishtimes.com/news/government-apologises-to-wwii-veterans-1.1384900>.

O'Connor S. Why did the Irish volunteer as British officers in WWII?, *The Irish Times*, 2014, June 27. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/books/why-did-the-irish-volunteer-as-british-officers-in-wwii-1.1846436>.

O'Connor S. Why did they fight for Britain? Irish recruits to the British forces, 1939–1945, *Études irlandaises*, 2015, no 1, p. 59–70.

O'Driscoll M. Ireland and the Nazis: a troubled history, *The Irish Times*, 2017, May 9. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/books/ireland-and-the-nazis-a-troubled-history-1.3076579>.

Quinn J. Why Ireland's second World War veterans matter. They may not have known it but they served the cause of neutral Éire, *The Irish Times*, 2019, June 7. URL: <https://www.irishtimes.com/opinion/why-ireland-s-second-world-war-veterans-matter-1.3918163>

Spain J. The Irish World War II shame — Irish soldiers faced hostility after arriving home, *Irish Central*, 2012, May 24. URL: <https://www.irishcentral.com/opinion/others/the-irish-world-war-ii-shame-irish-soldiers-faced-hostility-after-arriving-home-153574625-238132961>.

Townshend Ch. *The Republic: The Fight For Irish Independence*. L.: Penguin UK, 2014. 560 p.

Приложение

ИРЛАНДСКАЯ ВЕРСИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ В ЕВРОПЕЙСКИХ КОНТЕКСТАХ

Ирландская версия исторической политики или политики памяти в отношении Второй мировой войны в значительной степени отличается от тех тактик и стратегий, которые используются европейскими интеллектуалами для формирования как национальных памятей о войне, так и компромиссных канонов, которые

при помощи актуализации и визуализации военного опыта используются для консолидации обществ. Суммируя и систематизируя особенности «проработки» памяти о войне в ирландской и других исторических политиках, мы можем систематизировать их следующим образом:

Национальные модели исторической памяти о войне			
Ирландия		Великобритания	Россия
компонент / сюжет исторической памяти; стратегия / форма проработки памяти о войне			
1	Германия позиционируется как страна, принимавшая участие в войне, которая не касалась Ирландии непосредственно и проходила преимущественно на территории континентальной Европы	Германия воображается и позиционируется как страна-агрессор, ответственная за начало войны — образ отрицательный	Германия позиционируется как страна-агрессор, которая несет ответственность за начало войны при попустительстве западных государств — образ отрицательный

Национальные модели исторической памяти о войне			
Ирландия		Великобритания	Россия
компонент / сюжет исторической памяти; стратегия / форма проработки памяти о войне			
2	Формируется негативный образ Великобритании как страны, ответственной за угнетение ирландцев, и как страны, не только ответственной за территориальный раскол Ирландии, но и как государства в период Второй мировой войны, представлявшего угрозу независимости Ирландии	Английскими интеллектуалами формируется и продвигается положительный концепт «самости» с приписыванием «себе» наибольшего вклада в победу над Германией при помощи США и западных союзников	Формируется в целом положительный образ Великобритании как государства-союзника при акцентировании внимания на затягивании открытия второго фронта и антисоветизме элит
3	Формируется положительный образ Ирландии как «недавно» освободившейся нации, которая могла стать жертвой британской агрессии		Формируется образ страны, которая внесла основной вклад в победу
4	На национальном уровне государственная стратегия развития и сохранения памяти о войне отсутствует — имеющиеся мероприятия проводятся в рамках солидарности с другими государствами, входящими в ЕС	Государство участвует в коммеморации событий и опыта, связанных с войной	Проводится политика сохранения памяти о войне на государственном уровне через реализацию специальных программ в сфере культуры и образования
5	Репрессии в отношении ветеранов британской армии ирландского происхождения, которые после войны вернулись в Ирландию, имели место во второй половине 1940-х и в начале 1950-х гг., что автоматически исключало положительные и позитивные оценки и интерпретации их деятельности, табуируя тему службы ирландцев в рядах армий антигитлеровской коалиции в период Второй мировой войны в силу того, что они казались маргиналами и предателями, пребывая при этом в тени более популярных и востребованных в культуре исторической памяти образов деятелей ирландского националистического движения	Коллаборационисты были повергнуты суду и осуждены в соответствии с законодательством стран-победительниц. Поэтому факты коллаборационизма и сотрудничества с оккупационными властями маргинализируются в исторической памяти и современном историческом воображении, вытесняясь на периферию исторического воображения и поддерживаясь неакадемической историографией или историками ревизионистской направленности	
6	На национальном уровне механизмы продвижения памяти о войне отсутствуют — имеющиеся мероприятия проводятся в рамках солидарности с другими государствами, входящими в ЕС, или представителями национальных групп, выходяцы из которых участвовали в войне и чьи потомки проживают на территории Ирландии	Присутствуют как государственные, так и частные инициативы коммеморации событий войны; особая роль в коммеморации принадлежит массовой культуре	Присутствуют как государственные, так и частные инициативы коммеморации событий войны при численном преобладании первых

1 — Образ Германии; 2 — Образ Великобритании; 3 — Образ себя (концепт самости в условиях памяти о войне); 4 — Наличие / отсутствие государственно поддерживаемой стратегии развития памяти о войне; 5 — Наличие механизмов репрессий / вытеснения / маргинализации определенных сюжетов в памяти о войне; 6 — Наличие механизмов продвижения памяти о войне.

М. В. Новикова

ТЕМА «ПОТЕРЯННОЙ РОДИНЫ» И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАВМЫ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ НЕМЦЕВ ГДР (НА МАТЕРИАЛАХ ДНЕВНИКОВ И АВТОБИОГРАФИЧНЫХ ТЕКСТОВ КРИСТЫ ВОЛЬФ)

В статье анализируется память о национальной травме в художественной культуре и публичном пространстве ГДР, индивидуальной и семейной памяти восточногерманских немцев. Проблема страданий мирного населения на последнем этапе Второй мировой войны латентно всегда присутствовала в коллективной памяти немцев. В ФРГ тема изгнания и память о «потерянной родине» выходила за пределы семейной памяти, присутствовала в культурной повестке, а также использовалась в политических целях. В ГДР эта тематика оставалась частью приватной истории, в художественной литературе ее впервые актуализировала Криста Вольф. В объединенной Германии происходит слияние двух проектов памяти, сформированных за многие годы по разные стороны Берлинской стены. Источниковую основу статьи составляют автобиографические произведения, интервью, выступления, дневники и письма восточногерманской писательницы Кристи Вольф, анализируются публикации в СМИ.

Ключевые слова: Криста Вольф, национальная травма, историческая память в ГДР, Красная армия в Восточной Пруссии, «потерянная родина» немцев.

Сведения об авторе: Новикова Марина Валентиновна, кандидат исторических наук, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского, преподаватель.

Контактная информация: marina.novikova@mail.ru.

M. V. Novikova

THE THEME OF THE "LOST MOTHERLAND" AND THE PROBLEM OF NATIONAL TRAUMA IN THE COLLECTIVE MEMORY OF THE GERMANS OF THE GDR (BASED ON THE MATERIALS OF THE DIARIES AND AUTOBIOGRAPHICAL TEXTS OF CHRISTA WOLF)

The article analyzes the memory of national trauma in the artistic culture and public space of the GDR, individual and family memory of Eastern Germans. The problem of the suffering of civilians at the last stage of World War II was always latently present in the collective memory of the Germans. In Western Germany, the theme of exile and the memory of the "lost homeland" went beyond family memory, was present in the cultural agenda and was also used for political purposes. In the GDR, this topic remained part of private history, in fiction it was first updated by Christa Wolf. In the united Germany, there is a merger of two memory projects formed over the years on opposite sides of the Berlin Wall. The source of the article is composed of autobiographical works, interviews, speeches, diaries and letters of the East German writer Christa Wolf; publications in the media are analyzed.

Key words: Christa Wolf, national trauma, historical memory in the GDR, the Red Army in East Prussia, the "lost homeland" of the Germans.

About the author: Novikova Marina V., Candidate of Historical Sciences, Institute of International Relations and World History N.I. Lobachevsky Städte University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), Educator.

Contact information: marina.novikova@mail.ru.

ВЛИЯНИЕ РУССКИХ СОЛДАТ НА ТВОРЧЕСТВО КРИСТЫ ВОЛЬФ

Проблема «преодоления прошлого» в Германии, изучение исторической памяти немцев не обойдены вниманием исследователей. Эта тема находится в фокусе исследований А. Ассман (Ассман 2018; 2019), Х. Кенига (Кениг 2012), ее анализировали А. Борозняк (Борозняк 2014) и другие авторы. В основном эти работы рассматривают состояние общественного сознания западногерманского общества и выстраиваются вокруг категории вины: ее признания или отрицания. В социалистической ГДР сложились иные практики обращения с прошлым, которые представляют самостоятельный исследовательский интерес. Тем более что в объединенной Германии встала

проблема уравнивания двух проектов памяти — «бывшей ФРГ» и «бывшей ГДР». В качестве источниковой базы для данной статьи послужили дневники, письма и автобиографические книги известной восточногерманской писательницы, или, как называл ее Гюнтер Грасс, «первой леди ГДР», Кристи Вольф.

Дневники Кристи Вольф стали знакомы русскоязычным читателям не так давно. «Московские дневники: кто мы и откуда...», в которые вошли путевые заметки, сделанные писательницей во время ее приездов в Советский Союз, а также тексты, письма, документы 1957–1989 гг. вышли на русском языке в 2017 г. И только в 2019 г. был переведен еще один сборник дневниковых записей

«Один день года (1960–2000)». Эта книга имеет такую предысторию: в 1960 г. газета «Известия» решает возобновить акцию, инициированную в 1935 г. Максимом Горьким, «День мира», и обращается с призывом к писателям всего мира описать подробно один свой день, 27 сентября. Криста Вольф откликнулась на эту акцию, а затем не захотела отказываться от этой идеи вплоть до окончания века, ежегодно описывала 27 сентября до 2000 года. Эти записи хороши тем, что показывают не только личные переживания писательницы и ее творческие поиски. По каким-то обмолвкам, обрывкам бесед с окружающими, цитатам из газетных публикаций или радиопрограмм, услышанной где-то фразы, зафиксированной на бумаге, как из пазлов, складывается история ГДР, а затем и объединенной Германии. Записи дневниковые, а значит, и более объективные. Как сама она в одной из записей 1965 г. обмолвилась, «возможно, что в ближайшее время — мы с Гердом спорим в ближайшем ли году, или в ближайшие несколько лет, или когда-либо вообще — дневник станет единственной художественной формой, где еще можно будет оставаться честным, где можно будет избегать компромиссов, которые во всех других случаях становятся необходимыми или неизбежными» (Вольф 2019: 68). Оба дневника подготовлены супругом Герхардом Вольфом, и его примечания представляют особый интерес.

В качестве еще одного источника выбрана художественная литература, и это неслучайно. Во-первых, в случае с Кристой Вольф ее произведения, а в данном случае мы рас-

сматриваем книгу «Образы детства», автобиографичны, или, как говорила сама писательница, аутентичны, она выбрала «своим эстетическим кредо “субъективную аутентичность”» (Воротникова б.г.). А во-вторых, художественная литература наравне с кинематографом оказывает наибольшее влияние на формирование исторической памяти. Литература может задавать социальные рамки воспоминаниям, актуализировать различные аспекты воспоминаний, не позволять предавать забвению. Самый близкий для нас пример — эпоха перестройки, когда именно литература задала векторы переосмысления советского прошлого раньше, чем такую задачу поставил генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в своем знаменитом докладе к 70-летию Октября, и гораздо раньше профессиональных историков. В Германии подобная ситуация произошла с новеллой Гюнтера Грасса «Траектория краба», выход которой открыл шлюзы для многочисленных дискуссий о травматичном прошлом немцев и ознаменовал поворот в «эмоциональной и мемориальной культуре»; «память о трагедиях, пережитых немцами... вновь заявила о себе с неожиданной и неведомой ранее силой» (Ассман 2018: 205), — констатировала Алейда Ассман.

Жертвенный дискурс в Германии имеет три компонента: память о бомбовой войне союзников, насилие по отношению к немецким женщинам со стороны армий победителей, в первую очередь Красной армии, бегство и принудительная депортация с бывших земель Третьего рейха, отошедших к странам Восточного блока. Все три компонента

предавались забвению или актуализировались в ГДР и ФРГ в зависимости от собственной политической конъюнктуры. Так, например, самым страшным опытом для большинства немцев были авиационные обстрелы немецких городов. Однако по политическим причинам в ФРГ этой теме касались очень сдержанно, она изредка появлялась на страницах художественной литературы, но не становилась предметом жарких дискуссий, на что в своих лекциях «Воздушная война и литература» в 1997 г. обратил внимание поэт и историк литературы В. Г. Зебальд. «Беспрецедентное национальное унижение, выпавшее в последние годы войны на долю миллионов, никогда по-настоящему не находило словесного выражения и люди, непосредственно его изведавшие, не делились пережитым ни друг с другом, ни с теми, кто родился позже» (Зебальд 2019: 8), — заявил он после исследования творчества наиболее значительных писателей послевоенного времени в ФРГ.

В ГДР тема бомбовой войны, в первую очередь ковровых бомбардировок Дрездена, присутствовала и в литературе, и в мемориальной культуре. Так, например, Криста Вольф в рассказе «Изменение взгляда», написанном в мае 1970 г., описывает, как их семья попадает под авианалет союзников и впервые она так близко видит смерть, когда штурмовик попадает в живот спасающемуся рядом мужчине. А у входа в возрожденный дворец Цвингер была установлена мемориальная доска, на которой события Второй мировой войны были отражены следующим образом: «Разрушение центра Дрездена» англо-американскими ВВС в феврале

1945 г., «Освобождение Дрездена» от фашистов советскими войсками в мае 1945 г. В историографии эта проблематика также не была табуирована. Историк из ГДР Олаф Грелер работал над крупным исследованием, посвященным этой теме; когда его книга «Бомбовая война против Германии» наконец вышла в 1990 г., его государства уже не было, поэтому солидное исследование осталось почти незамеченным (Хазе 2005). Тема изнасилования немецких женщин по различным причинам (в ГДР по политическим, в ФРГ в том числе из-за неоднозначного к ней отношения) не была популярна ни там, ни там и оказалась в центре внимания только уже в объединенной Германии. В самый разгар травматичных воспоминаний, в 2003 г. развернулись дебаты вокруг книги «Безымянная. Одна женщина в Берлине», более 8 недель возглавлявшей список бестселлеров новостного издания «Шпигель» (Новикова 2020).

Гюнтер Грасс заговорил о жертвах среди гражданского немецкого населения во время бегства от наступающей Красной армии на лайнере «Вильгельм Густлофф». «Беженцы... Белая смерть... О таких страданиях нельзя было молчать все эти годы только потому, что важнее казались признание собственной огромной вины и горячее покаяние, нельзя было отдавать то, что замалчивалось, на откуп правым и реваншистам. Это упущение безмерно...» — говорит устами своего героя Гюнтер Грасс и признает, что именно его поколение должно было поведать гораздо раньше о страданиях гражданского немецкого населения (Грасс 2013: 106). Для Гюнтера Грасса тема бег-

ства хоть и имела автобиографич- ный характер, ведь в числе беженцев из Данцига были его родители и се- стра, но тем не менее сам он в это время носил форму солдата СС и не был живым свидетелем событий, а восстанавливал их по воспомина- ниям и рассказам близких. Криста Вольф, уроженка Ландсберга-на- Варте, после войны ставшего Го- жув-Велькопольски (Польша), в 16 лет лично пережила этот опыт. И за четверть века до бума воспоминаний в объединенной Германии она сумела в стране, где эта тема была табуи- рована, рассказать о пережитом в ав- тобиографической книге «Образы детства». Замысел написать книгу о 1945 г. родился у Кристи Вольф еще в 1964 г. В дневнике, в своих планах до 1970 г. она записала «Моя книга о 1945-м годе» (1966) (Вольф 2019: 66). Правда, писательница от- давала себе отчет, что у нее не по- лучится во всей полноте рассказать о том, что происходило в 45-м в Гер- мании. «Что еще могу я написать, оставаясь честной? Книгу о 45-м? вряд ли» (Там же: 74). Воплотить эту идею в жизнь оказалось невозможно, поэтому в книге появляется большой пласт о детстве в нацистской Герма- нии. Криста Вольф воссоздает ат- мосферу, царившую в Третьем рей- хе. Вплетая в ткань повествования строчки песен, которые тогда «знали поголовно все», писательница помо- гает читателям представить, в какой обстановке формировалось сознание немцев: «Головы жидовские, голо- вы жидовские, // головы жидовские лежат на мостовой // кровь, кровь, кро-о-о-овь // пусть вовсю течет ре- кой, // долой вашу свободу и совет- ский строй» (Вольф 1989: 157). А вот что поют под постоянную муштру

в гитлерюгенде: «Вперед, вперед, опасность юным не страшна. Герма- ния, ты будешь жить в сиянье славы, пусть даже нам погибнуть суждено» (Там же: 212). Слова песни для мно- гих оказались пророческими, многие из тех, кто их распевал, действитель- но сложили свои головы, и большин- ство на Востоке, к походу на который и призывали в песнях подрастающую Германию: «Скачут кони на восток», «Ты видишь, заря занялась на восто- ке», «Восточному ветру подставьте знамена». Сразу отметим, что по- вествование о детстве в нацист- ском рейхе мы оставим за скобками данной статьи, сосредоточившись на том моменте, когда «восток» уже был на пороге Германии.

Война практически проиграна. Стре- мительное наступление Красной армии. Немцы, живущие на терри- тории Восточной Пруссии, выну- ждены сорваться с насиженных мест и бежать от русских. «В четыре часа на окраине (со стороны городской больницы) грянули первые выстре- лы — к этому времени портрет фю- рера из хозяйского кабинета был благополучно сожжен в печи котель- ной центрального отопления» (Там же: 46), — начинает описание бег- ства Криста Вольф, вспоминая как ее, «неповоротливую и неуклюжую в платьях и пальто, надетых одно поверх другого, в два-три слоя, под- саживают на грузовик, чтобы увезти прочь от родных пенатов, так глу- боко связанных с немецкой литера- турой и немецким духом» (Там же: 304). От летевших «уже даже среди белого дня» на Берлин бомбардиро- вщиков приходилось прятаться в убе- жищах, и только страшное слово АЗИЯ поднимало на ноги ее бабушку

и заставляло бежать дальше. «Кто-то толкнул дверь убежища и в солнечном треугольнике у входа, в трех шагах от болтающихся башмачков моей бабушки, встали два высоких черных сапога вместе с офицером войск СС... нет-нет, отсюда вам меня не выманить, пусть меня лучше прикончат, такую старуху ничуть не жаль.

— Что? — рявкнул эсэсовец. — Жить надоело? В лапы азиатских дикарей захотелось? Да ведь русские отрезают груди всем женщинам!» (Вольф 1975: 111).

Бабушка кряхтя поднялась. А дальше во время всей дороги повторяла, что главное это не попасть в лапы русских. Вспоминая себя юную, Криста Вольф размышляет: «О чем она думала, говоря “русские”? Что себе представляла? Кровожадное чудовище с переплета “Преданного социализма”. Кинокадры с толпами советских военнопленных — наголо стриженные головы, изможденные, равнодушные лица, одежда в лохмотьях, драные портянки, шаркающая походка, — они вроде и сделаны-то были из иного теста, чем бравые немцы-конвоиры? Или она вообще ничего себе не представляла? Может, ее готовности к страху было достаточно того смутного ужаса, каким веяло от мрачно-загадочного слова “насиловать”? <...> Девушка, которая не в состоянии сохранить свою невинность. Темный клубок тел и наверняка — боль и позор, а затем неизбежная смерть. Немецкая женщина такого не переживет» (Вольф 1989: 340).

Про себя говорит, что ей повезло. «Она не отсиживается ни в подвале,

ни в гостиной среди стильной мебели, ей некуда забиться, не спрятать голову в песок. Хочешь — не хочешь, а она идет, смотрит своими глазами, слушает своими ушами. Хочешь — не хочешь, видит солдата, который раздевшись до пояса, моется у колонки возле одного из деревенских домов в Мекленбурге, хочешь — не хочешь, слышит, как он беспечно окликает бегущих мимо беженцев: “Эй, вы уже знаете? Гитлер помер”» (Там же).

До Кристи Вольф в ГДР трагические страницы бегства и проблема «потерянной родины» никак не были отрефлексированы в литературе. Сама она на этот вопрос отвечала так: «На мой взгляд “бегство”, “драп” пока не отражены в литературе потому, как молодые мужчины были тогда на фронте, а пишущих женщин, наверно, не столь уж много» (Там же: 339).

Но почему она вообще решила об этом вспоминать? И как ни странно, рассказать о том, что произошло в Германии в 1945-м, ее побудили друзья-фронтовики из СССР. «Советские люди были первыми из не-немцев, кому я вообще рассказывала о том времени, и о своей тогдашней жизни, и о первых послевоенных месяцах, и о встрече с советскими войсками. Они самые первые захотели услышать об этом, первые сказали: ты должна все записать!» (Вольф 1990: 305).

СССР занимал особое место в биографии писательницы. Начиная с 1957 года, когда Криста Вольф как научный сотрудник Союза писателей ГДР, посетила с писательской

делегацией Москву, где был подписан договор о дружбе между Союзом писателей СССР и ГДР (Вольф 2017: 23), она побывала в Советском Союзе 10 раз (1957, 1959, 1963, 1966, 1968, 1970, 1973, 1981, 1987, 1989). Познакомилась со многими писателями и журналистами, чиновниками от литературы, прошедшими фронт. Тема войны была неизменным спутником встреч и бесед, на которых постепенно таял лед в отношениях недавних противников. Эрвин Штриттматер, поднимая в 1959 г. тост в Союзе писателей, говорил о том, что немцы испытывают противоречивые чувства, путешествуя по Советскому Союзу (Там же: 35). Сама Криста Вольф тоже испытывала большое напряжение вначале, а затем уже в дневниках стали появляться записи: «Судорожная напряженность в отношениях между немцами и русскими начинает ослабевать. Говорят куда более открыто» (Там же: 48). «Думаю, тесное общение с этими людьми мало-помалу избавило меня от чувства стыда за то, что я немка», — призналась она во время одной из читательских встреч в Швейцарии в семидесятые годы, после того, как один из слушателей заговорил о том, что до сих пор стыдится своей принадлежности к немецкой нации: «Не могу вырвать это из себя, особенно за границей. Иной раз за рубежом, где-нибудь в трамвае, заговорит с тобой кто-нибудь по-немецки и скажет, мол, во время войны был переводчиком. А на деле-то говорит: “Я на вас зла не держу”. Ужасно сознавать, что в него стрелял мой отец» (Вольф 1990: 305). В ответ Криста Вольф призналась, что проблема «быть немцем» ей очень знакома, но сейчас она начисто утратила

это ощущение. «Нет его больше, нет чувства стыда, что я немка. Я поняла это вот сию минуту, когда начала говорить, и сию же минуту догадалась, почему оно исчезло: благодаря моим советским друзьям, которые все были на войне — офицерами или фронтовыми журналистами» (Там же).

Во время первой же поездки Криста Вольф познакомилась с Владимиром Стеженским, германистом и переводчиком книг Франца Фюмана, Макса фон дер Грюна, Вольфганга Кеппена и др. Как она призналась, Стеженский становился ей все более симпатичен после того, как она узнала, что после 1945 г. он был в Берлине «культур-офицером» (Вольф 2017: 1). В дальнейшем они будут переписываться и встречаться каждый приезд. Советская историография и литература придерживались стратегии вытеснения «неудобных воспоминаний», поэтому проблема неоднозначных поступков советских солдат в Германии на последнем этапе войны не поднималась в официальном дискурсе, но в личных разговорах бывшие фронтовики оказались гораздо откровеннее. Так, например, Стеженский сам первый заговорил с Кристой Вольф о поведении бойцов Красной армии в Восточной Пруссии. «Ст[еженский] часами рассказывает о своих женщинах, в том числе немках. Спрашивает: “Как тебе тогда удалось спрятаться от наших?”» (Там же: 48). Кстати, именно Владимир Стеженский в своих дневниках, которые он вел на протяжении войны и которые увидели свет уже в современной России, написал об «иванах, продолжающих свирепствовать и насиловать женщин, несмотря на самые грозные приказы

и предупреждения» (*Стеженский* 2005: 211).

Тема взаимоотношений советских солдат и немецких женщин, гражданского населения будет неоднократно всплывать в беседах. Так, еще один бывший «культур-офицер», Александр Дымщиц откровенничал с Кристиной Вольф о своих чувствах, с которыми он ехал из Латвии (где закончил войну) в Германию — где должен был работать. В дневнике она напишет про него: «Потерял в Ленинграде 14 родственников. Воевал с огромной ненавистью. Но когда увидел первых гражданских немцев, изголодавшихся, измученных женщин и детей в битком набитых вагонах, его чувства резко изменились: в нем ожило сострадание, и в Берлине он смог без труда работать с немцами» (*Вольф* 2017: 101).

Как писал Герхард Вольф, супруг писательницы, поездки в СССР значительно усилили ее интерес к русской литературе и ее современным авторам. Она встречалась с Юрием Казаковым, Юрием Трифоновым, Львом Копелевым. Очень заинтересовали ее романы Юрия Бондарева о войне и послевоенном времени — такие как «Тишина», «Последние залпы», представлявшие события тех лет в новом критическом свете. Супруги Вольф пригласили Бондарева к себе в ГДР, где он и навестил их в 1968 г. в Кляйнмахнове (Там же: 105). А с 1970 по 1974 г. Юрий Бондарев работает над романом «Берег», увидевшим свет в 1975 г. По сюжету в последние дни войны взвод молоденького лейтенанта Никитина размещается в добротном и удобном немецком доме в Кенигсдорфе,

в дачном городке под Берлином, где осталась дочка хозяев 18-летняя Эмма. Лейтенант вырывает ее от пытавшегося изнасиловать сержанта, а на следующий день спасенная немка соблазняет своего спасителя. Русские солдаты находятся в доме всего несколько дней, около недели. А Эмма помнит потом о своем офицере всю жизнь, и когда спустя 26 лет она встречается с ним в Гамбурге, с уже ставшим известным писателем, она признается ему: «Знаете, о чем я молилась? Мне страшно вспомнить, о чем я думала после войны. Господи, молилась я, пусть снова будет война, пусть снова стреляют, пусть меня насилюют, но только чтобы вернулся русский лейтенант...» (*Бондарев* 1986: 366). Для советского читателя рассуждения о насилии со стороны Красной армии были вновь, тем смелее казались некоторые страницы романа Бондарева. «Тогда ответьте мне, господа русские, почему ваши солдаты насиловали немку, когда вошли в Германию?

— Насиловали? Вы убеждены? — удивился Никитин.

— Я знаю, господин Никитин. И не один случай.

— Но может быть в некоторых случаях немки хотели сами испытать этого восточного Тамерлана? Возможно считать и так? — ответил Никитин, сохраняя меру светской вежливости» (Там же: 68).

Даже в таком коротком диалоге можно проследить мысль автора, что в том военном бедламе рядом могли соседствовать и насилие, и искренние чувства. Это замечала и немец-

кая писательница во время общения с бывшими фронтовиками в СССР. Так, в 1968 г. Криста Вольф в составе большой писательской делегации приезжала в город Горький на мероприятия, приуроченные к 100-летию Максима Горького. И там малознакомый местный журналист за бокалом шампанского пытался узнать у нее об одной жительнице Мекленбурга, у которой, как он уверен, «от него с 45-го года есть ребенок» (Вольф 2017: 45). Писательница настолько прониклась рассказом и тем, что память о пережитом не отпускает бывшего фронтовика даже спустя 23 года после войны, что вызвалась помочь ему с поисками. Когда вернулась домой, не забыла и действительно делала запросы, чтобы найти эту женщину, но, увы. В «Образях детства» она также подчеркивала, что со стороны русских было всякое: и насилие, и грабежи, но были и «советские солдаты, раздающие суп, спасающие детей, отвозящие роже-ниц в больницу» (Вольф 1989: 377).

И все же, несмотря на эти выводы, книга, вышедшая в ГДР в 1976 г., в Советском Союзе в то время не была опубликована. «С русской стороны ей был предложен список сокращений, касавшихся всех фрагментов, где речь шла о Советском Союзе, Сталине и одичании Красной Армии. Автор не хотела согласиться на цензурирование текста, потому публикация и оказалась невозможна» (Валенски б.г.). В СССР «Образы детства» как могли пытались предать забвению. «В “Вопросах литературы”, где я работаю, мы неоднократно писали о литературе ГДР, и, конечно же, каждый раз упоминалось имя Кристи Вольф. Но странным обра-

зом мы почти не писали об “Образях детства”, не потому, что так хотелось авторам, а потому что мы хитрили. Ведь иначе возник бы вопрос: раз вы так хорошо пишете об этой книге, почему же она не опубликована? Так что лучше о ней вообще помалкивать», — в беседе с другими переводчиками рассказывала в 1988 г. переводчик, бывший культур-офицер в Германии, Евгения Кацева.

«Образы детства» вышли в свет в СССР только в 1989 г., уже на излете перестройки. В открывавшем издание напутственном слове критика ГДР, в роли которого выступил Клаус Хепке, он поделился своим опытом, пережитым в 1945-м. Как прятался в собачьей конуре, чтобы его не забрали на обязательные сборы юнгфолька (детской нацистской организации). Как после 1945 г. самостоятельно выучил русский язык и смог вести несложные беседы с советскими солдатами. «Некоторые из их воспоминаний, услышанные мной, были подлинно “воспоминаниями с обратным знаком”. Поэтому к имевшим место фактам злоупотреблений со стороны отдельных советских солдат, о чем рассказывается и в романе Кристи Вольф, у меня выработалось уже тогда особое отношение. Когда я его формулировал, некоторым казалось, что я считал, что такие случаи можно и должно оправдать. На самом деле я так не думал. Но ведь ужас этих фактов — а с сегодняшней точки зрения они кажутся еще более ужасными — необходимо, как мне кажется, воспринять, сопоставив со священной ненавистью советских воинов к преступным агрессорам, с их неизмеримыми страданиями, пронесенными сквозь тысячи

километров, с бессмертным историческим подвигом, совершенным ими вместе с другими участниками антигитлеровской коалиции — освобождением народов Европы, среди них нашего немецкого народа, от фашистского варварства. Пониманием этого и проникнута книга Кристы Вольф» (Хенке 1989: 8).

ДВАЖДЫ «ПОТЕРЯННАЯ РОДИНА»

Как мы уже отметили выше, «Образы детства» — многослойный роман. Кроме страниц о детстве в нацистской Германии, опыта «бегства», значительное место в ней занимают страницы современной истории, в которых среди прочего Криста Вольф поднимает проблему «потерянной родины». Писательница рассказывает о своей поездке с семьей в начале 1970-х гг. на свою прежнюю родину, которая теперь находится в другой стране. Эти страницы проникнуты тоской по родине, нотками ностальгии. «Бессонной ночью в чужом городе с его иноязычными шумами и шорохами ты осознаешь, что чувства, которые человек сам себе запрещает, берут реванш, и до тонкости уясняешь их стратегию: как бы отступая, ретируясь на задний план, они прихватывают с собой и смежные ощущения. И вот под запретом уже не только печаль, не только скорбь — недопустимо сожаление, а главное, запретным становится воспоминание. Воспоминание о тоске по родине, о печали, о скорби, о сожалении. Топором под корень» (Вольф 1989: 294).

В Западной Германии тоска по родине находила выход. Миллионы

«беженцев» и «изгнанных» объединялись в землячества, имели представительство во всех партиях, самое крупное из которых — в ХДС. В 1950 г. приняли «Хартию изгнанных». У «изгнанных» даже сложилась собственная песенная культура, которая включала приличный перечень произведений о страданиях, пережитых депортированными немцами. Их исполняли хоры «Союза лишенных родины и прав», пели на Днях родины: «Мы должны покинуть нашу родину / И мы хорошо знаем, почему; / Все народы вокруг только ненавидят нас, / Виновата в этом только наша кровь» (Хольгер 2010: 662). Как отмечает Хольгер Бенинг, обязательное место в этих песнях занимает образ врага, вину за все беды несут партизаны, коммунисты и большевистская Россия: «Красная Армия победила, — говорится в песне дунайских швабов. — И поэтому мы должны страдать» (Там же). Нередко «союзы изгнанных» до сегодняшнего дня используются в политических целях различными партиями, что приводит к проблемам во внешней политике (Новикова 2020).

В ГДР даже терминология была другой, здесь речь велась только о «переселенцах» и никаких организованных землячеств и союзов. Но тем не менее тема «потерянной родины» присутствовала в риторике восточных немцев. Вот, например, Криста Вольф пишет в своем дневнике, как обычная бытовая деталь вызывает целый поток воспоминаний о пережитой травме. Ее муж Герд приготовил на обед кенигсбергские клопсы, одно из немногих блюд бранденбургской кухни, которым он у нее научил-

ся, и дальше Криста пишет: «Каждый раз, когда заходит речь о кенигсбергских клопсах, силезских маковках, кровяной колбасе с кислой капустой или о кудрявой капусте, я вижу воочию, свою бабушку в кухонном фартуке, стоящую у плиты» (Вольф 2019: 34). И дальше, после воспоминаний о бабушке выстраивается привычная цепочка мыслей: фашизм, война, бегство, чужбина. «О другой бабушке, которая умерла от голода во время скитаний, разговор не заходит». Год спустя, в записи от 27 сентября 1962 г., по обмолвкам в дневнике Кристи Вольф совсем по другому случаю можно опять проследить мысль о потерянной родине. «Пока я в очередной раз готовлю кенигсбергские клопсы, фрау Г. орудует на кухне. “Скоро их уже нельзя будет называть кенигсбергскими, — замечает она. — Потому что Кенигсберг уже не Кенигсберг. Даже не верится. Скоро эти клопсы будут называть русскими”» (Там же: 45).

После объединения Германии в 1990 г., когда часть восточных немцев опять испытала это чувство «потерянной родины», «местами памяти» снова оказывались самые привычные повседневные бытовые вещи. В фильме «Гуд бай, Ленин» это, например, шпревальдские огурчики, банки из-под которых главный герой ищет по мусорным контейнерам, чтобы переложить в них еду для своей больной матери, которая не должна была догадаться, что за окном уже не время Хонеккера.

Что касается Кристи Вольф, то в первые годы объединенной Германии ей снова предстоит пережить на себе травматичный опыт, оказать-

ся в роли изгнанника. В это время в общественно-политических дискуссиях о прошлом концепт «преодоления прошлого» расширяется, теперь он вбирает в себя не только нацистский период, но и историю ГДР, а порой даже уступает последнему место. «В начале 1990-х гг. прошлое ГДР, казалось, действительно затмило все остальное — особенно деятельность Штази долгое время находилась в центре общественного и политического внимания» (Кениг 2012: 124), — констатирует Хельмут Кениг. Интеллектуалов из ГДР обвинили в пособничестве режиму Э. Хонеккера и развернули против них информационную кампанию, в том числе и против популярной писательницы. Швейцарский писатель Макс Фриш ей в то время говорил: «Кумиров либо боготворят, либо низвергают. Тебя сейчас низвергают. Берегитесь, чтобы вас не заставили отречься от своего прошлого» (Вольф 2019: 414). Кристу заставляли делать именно это. Сначала ее обвинили из-за автобиографичной повести «Что остается», в которой она поднимает проблему отношений писательницы и органов госбезопасности. Суть претензий заключалась в том, что, написав в 1979 г. это злободневное произведение, она не опубликовала его тогда якобы из-за трусости и соглашательства с режимом ГДР. И сделала это только после падения Стены. В это же время открывались архивы, и была обнаружена информация о том, что писательница сотрудничала со Штази в 1959–1961 гг. И хотя Вольф подготовила отзывы о своих коллегах, носившие исключительно благожелательный характер, она, несмотря на то, что до объединения Германии на Западе в ней

видели оппозиционерку, теперь подверглась неоправданно жесткой критике. «Это было в тот жуткий день, когда все средства массовой информации — не только газеты — начали, словно по команде, обсуждать мое “дело” под заголовками, от которых, если так можно выразиться, “кровь ударяла в голову” и я спрашивала себя: неужели я и вправду такое чудовище? Я боялась, что не доживу до следующего утра» (Там же: 417).

Информационная кампания против К. Вольф очень возмутила ее московского друга с 1965 г., а в то время уже и жителя ФРГ Льва Копелева, назвавшего происходящее в СМИ «грянувшим сосредоточенным ураганом огнем доносов» (Вольф 2017 : 264). В своей статье Копелев пытался обратить внимание на всю жизнь писательницы, а не только на те несколько месяцев, когда она оказалась «одной из многих обманутых партией, доверчивых, заблудших людей», которая, «вырвавшись из паутины», потом стала одним из немногих смельчаков. Он удивлялся тому, что никто не хочет видеть то, что это «дело» еще в 1962 г. было закрыто. «Многочисленные отчеты, донесения и прочие материалы госбезопасности в последующих 41 папке, напротив, свидетельствуют, что Криста и Герхард Вольф с шестидесятих годов находились под наблюдением Штази, под слежкой, были объектом доносов как противники государства и партии» (Там же: 265).

Криста Вольф устала. Она пишет в дневнике, что от нее «в открытую требуют признания своей вины в качестве входного билета в западный медиаландшафт», говорят о том, что

«все, что есть в ней “левого” подлежит изничтожению, ГДР непременно подлежит делегитимизации» (Вольф 2019: 414). У нее начинается депрессия. Не выдержав давления, уезжает в эмиграцию, в Калифорнию. Уже не в Москву, с ней она попрощалась в 1989 г., когда в последний раз приезжала по приглашению Чингиза Айтматова, руководившего в то время журналом «Иностранная литература» и захотевшего увидеть ее в новой редакционной коллегии.

По возвращении домой в 1993 г. Криту Вольф снова пытаются вопросы о ее прошлом, но приходит и осознание важности ее литературного наследия для всей немецкой литературы. На вручении ей Немецкой литературной премии в Лейпциге уже в объединенной Германии Гюнтер Грасс сказал: «Восточные цензоры и западные хулители десятки лет неотступно следили в Германии за каждым Твоим шагом. Одержимые расколом, они развивали лихорадочную деятельность... Мы оба принадлежим к поколению, на плечи которого еще в начале пути взвалили тяжкий груз. Спасибо Тебе, что Ты без усталости несли эту ношу, не сбрасывала ее, напротив, Тебе снова и снова удавалось переправить германскую обузу через границу, в том числе языковую, с уверенностью, что нам, Твоим читателям, тягота-память на пользу и в помощь» (Грасс 2003).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для исследования культурной памяти восточногерманских немцев обращение в качестве примера к жизни и творчеству Кристи Вольф — ва-

риант вполне оправданный. С одной стороны, ее случай — уникальный, все-таки она была первой писательницей ГДР, но с другой стороны — достаточно типичный для многих восточногерманских немцев, рожденных в 1920-е гг. Она стала летописцем поколения, объединенного общей памятью: бегство от войны в подростковом и юношеском возрасте, построение первого социалистического государства на немецкой земле в тесной связке с советскими товарищами, жизнь под «расколотым небом», а затем ощущение сначала эйфории, а потом повторной тоски по вновь «потерянной родине» после ее слияния с ФРГ. В «Образцах детства» Криста Вольф не преследует политических целей. Литературным способом она решает скорее терапевтические задачи, после долгого периода латентности она дает шанс опыту травматического прошлого немцев на осознание, рефлексию и проработку.

Несомненно, что прозу К. Вольф, в том числе и дневниковые записи, можно сегодня отнести к культурному наследию единой Германии, и важно, что она представляет интерес не только для филологов, но и для историков, и специалистов, занимающихся проблемами памяти. На страницах ее произведений прослеживается не только этап за этапом вся история ГДР, а позже и объединенной Германии. Манера письма Кристи Вольф, с ее стремлением к аутентичности, рефлексии, размышлениям, некоторой документальности, позволяет проследить состояние общественного мнения и исторической памяти в различных исторических контекстах.

«Люди моего поколения по сей день пугаются любой сирены. Снова — не так явственно, разумеется, как в первые годы после войны — возникает в полусне картина: спуск в подвал, снова теснит грудь затхлый холод бомбоубежища, бывшего пивного погребка», — рассказывает она своей дочери-подростку в семидесятые годы, и мы понимаем, как сильны воспоминания о пережитом в сознании немцев ГДР. А вот через несколько страниц следующий диалог, уже с водителем такси. Поездка занимает всего пятнадцать минут, но даже в такой короткий отрезок речь заходит о пережитом тридцать лет назад, как приходилось таксисту спасать жену от победителей. «Доказывать в такси, что ответственность за войну несут немцы... Господин Икс ведь никак не отрицал общенемецкой ответственности за войну, не ставил под вопрос ни одного погибшего из миллионов убитых русских, о которых повела речь ты. Он даже не сказал: Такова война. Согласен: начали мы. И большинство тут действительно вконец отупели, полными болванами стали со своим Адольфом. Однако же то, что русские потом сделали с нами — особая статья, отдельная страница» (Вольф 1989: 378). Совсем короткий диалог, который скрывает в себе массу смыслов. Он показывает, что Вторая мировая война по-прежнему остается отправной точкой воспоминаний восточногерманских немцев. Но в нем же проскальзывает и тема взаимозачетов, которая, конечно, популярнее была в ФРГ, согласно которой шесть миллионов погибших евреев противопоставлялись нескольким миллионам изгнанных. Но на индивидуальном и семейном

уровне присутствует и в сознании немцев с востока, только в данном случае на одной чаше весов памяти — миллионы погибших русских за освобождение немцев от нацизма, на другой — насилие со стороны Красной армии. В памяти восточно-германских немцев Вторая мировая война прежде всего ассоциировалась с русскими. Как с положительной коннотацией, ведь 9 мая в ГДР был праздничным Днем освобождения, так и с отрицательной, но, конечно, в приватной памяти, а не официальном дискурсе. В то же время в ФРГ в фокусе коллективной памяти находилась вина за Холокост.

В объединенной Германии два проекта памяти — «бывшей ГДР» и бывшей «ФРГ» — должны найти возможность сосуществовать в общегерманской культуре. В мемориальной культуре объединенной Германии память о Холокосте увековечена в центре Берлина. «Места памяти» советским воинам тоже есть — в Тиргартене и знаменитый Трептов-парк. Но они возведены после войны и воспринимаются наследием ГДР. Сейчас в Германии заговорили о коммеморации советских жертв уже в объединенной Германии. В настоящее время, после того, как построены мемориалы гомосексуалам — жертвам нацизма, в 2012-м — мемориал жертвам национал-социализма народов синти и рома, а еще через два года — мемориал жертвам эвтаназии в нацистской Германии, был поднят вопрос о том, что в Берлине до сих пор нет ни одного немецкого памятника, посвященного жертвам нацистской войны на уничтожение в странах Восточной Европы и Советском Союзе. В 2018 г., при

формировании четвертого правительства канцлера Ангелы Меркель, ее консерваторы и социал-демократы записали в своем коалиционном соглашении намерение отдать долг памяти «группам жертв национал-социализма, которым до сих пор уделялось мало внимания», и укрепить в столице Германии «память о жертвах немецкой войны на уничтожение на востоке в диалоге с нашими восточноевропейскими соседями» (Жолквер 2020). «Федеративной республике необходимо иметь место памяти, воспоминаний, информации и диалога о немецкой войне на уничтожение, немецкой оккупации и группах жертв, которым прежде придавалось мало внимания», — говорится в резолюции. За резолюцию проголосовали не только представившие ее проект правящие консерваторы и социал-демократы, но и оппозиционные либералы, «зеленые» и посткоммунисты из Левой партии. Против выступили только депутаты «Альтернативы для Германии», которые назвали намерения своих парламентских коллег «манией воспоминаний» и предложили воздвигнуть мемориал немецким жертвам Второй мировой войны.

«В немецкой памяти должны остаться и советские жертвы немецкой войны на истребление — будь то жертвы блокады Ленинграда, количество которых исчисляется почти миллионом человек, будь то мирные жители примерно 7000 белорусских сел, которых солдаты вермахта и СС убили в ходе так называемой борьбы против партизан, будь то многочисленные жители Украины, депортированные в “третий рейх” на принудительные работы, будь то около трех мил-

лионов пленных красноармейцев, специально доведенных вермахтом до смерти от холода и голода» (Там же), — убежден историк, профессор Боннского университета Мартин Ауст, много лет добивавшийся создания такого мемориального документационного центра.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Бондарев 1986 — *Бондарев Ю.В.* Берег: Роман. М.: Сов. Россия, 1986.

Валенски б.г. — Валенски Тания: «Ей предложили сократить все, что касалось Советского Союза». URL: <https://morebook.ru/interv/item/1432103946308#gsc.tab=0>.

Вольф 1975 — *Вольф К.* Перелом // Первый миг свободы / пер. с нем., предисл. П. Топера, худ. В. Добер, М.: Худож. лит., 1975.

Вольф 1989 — *Вольф К.* Образы детства / пер. с нем.; редкол.: А. Небензя, Н. Литвинец, И. Млечина и др.; предисл. К. Хепке и Т. Мотылевой. М.: Худож. лит., 1989.

Вольф 1990 — *Вольф К.* От первого лица. Б.м.: Издательство «Прогресс», 1990.

Вольф 2017 — *Вольф К.* Московские дневники / пер.с нем. Н. Федоровой. М.: Текст, 2017.

Вольф 2019 — *Вольф К.* Один день года (1960–2000) / примеч. Герхарда Вольфа; пер. с нем.Олега Мичковского. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2019.

Воротникова б.г. — *Воротникова А.Э.* Криста Вольф Приход к самой себе // Новые российские гуманитарные исследования. URL: <http://nrgumis.ru/articles/347/>.

Грасс 2013 — *Грасс Г.* Траектория краба / [перевод с немецкого, послесловие Бориса Хлебникова, послесловие Евгения Ямбурга]. М.: Бослен, 2013.

Жолквер 2020 — *Жолквер Н.В.* Берлине будет еще один памятник — жертвам на-

цизма на востоке Европы и в СССР // Дойче велле. 13.10.2020. URL: <https://p.dw.com/p/3jqvS>.

Стеженский 2005 — *Стеженский В.И.* Солдатский дневник: воен. страницы. М.: Аграф, 2005.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман 2018 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2018.

Ассман 2019 — *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / составление, пер.с нем. Б.Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

Борозняк 2014 — *Борозняк А.И.* Жесткая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.

Грасс 2003 — *Грасс Г.* Метафорам можно доверять // Иностранная литература. 2003. №9.

Зебальд 2019 — *Зебальд В.Г.* Естественная история разрушения // Новое издательство. 2019.

Кениг 2012 — *Кениг Х.* Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ / [пер. с нем. Л. Ю. Пантинной]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Новикова 2020 — *Новикова М.В.* Проблема исторической памяти в Германии в годы правления Герхарда Шредера // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 127–137.

Хаге 2005 — *Хаге Ф.* Чувства, погребенные под обломками. Как немецкие писатели справлялись с темой бомбежек // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/chuvstva-pogrebennye-pod-oblomkami-kak-nemeczkie-pisateli-spravlyalis-s-temoj-bombazhek.html>.

Хепке 1989 — *Хепке К.* Напутственное слово критика ГДР // Вольф К. Образы детства: пер. с нем. / редкол.: А. Небензя, Н. Литвинец, И. Млечина и др., предисл.

К. Хепке и Т. Мотылевой. М.: Худолж. лит, 1989.

Хольгер 2010 — Хольгер Б. «А что, если дело лишь кажется проигранным». К вопросу о восприятии Советского Союза в политической песне ФРГ // Россия и Германия в XX веке. В 3 томах. Т. 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года / под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. М.: АИРО-XXL, 2010.

REFERENCES

Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo: memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika*. Moscow, 2018.

Assman A. *Zabvenie istorii — odezhimost' istoriei*, sostavlenie, per.s nem. B.Khlebnikova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 552 p.

Borozniak A.I. *Zhestkaia pamiat'. Natsistskii reikh v vospriatii nemtsev vtoroi poloviny XX i nachala XXI veka*. Moscow, 2014.

Grass G. Metaforam možno doveriat'. *Inostrannaia literatura*, 2003, no. 9.

Kenig Kh. *Budushchee proshlogo: Nacional-sotsializm v politicheskom soznanii FRG*, [per. s nem. L.Iu. Pantinoi]. Moscow:

Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2012.

Khage F. Chuvstva, pogrebennye pod oblomkami. Kak nemetskie pisateli spravlialis' s temoi bombezhek. *Neprikosnovennyi zapas*, 2005, no. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/chuvstva-pogrebennye-pod-oblomkami-kak-nemeczkie-pisateli-spravlyalis-s-temoj-bombezhek.html>.

Khepke K. Naputstvennoe slovo kritika GDR in Vol'f K. *Obrazy detstva*: per. s nem., redkol.: A. Nebenzia, N. Litvinets, I. Mlechina i dr., predisl. K. Khepke i T. Motylevoi. Moscow: Khudolz. lit, 1989.

Khol'ger B. "A chto, esli delo lish' kazhet-sia proigrannym". K voprosu o vospriatii Sovetskogo Soiuzu v politicheskoi pesne FRG. *Rossia i Germaniia v KhKh veke*. V 3 tomakh. Vol. 3. Ottepel', pokholodanie i upravliaemyi dialog. Russkie i nemtsy posle 1945 goda, pod red. Karla Aimermakhera, Gennadiia Bordiugova, Astrid Fol'pert. Moscow: АИРО-XXL, 2010.

Novikova M. V. Problema istoricheskoi pamiaty v Germanii v gody pravleniia Gerharda Shredera. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2020, no. 4, p. 127–137.

Zebal'd V.G. Estestvennaia istoriia razrusheniia. *Novoe izdatel'stvo*, 2019.

Б. Л. Хавкин

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ 1939–1941 ГГ. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

81 год назад были заключены советско-германские договоры о ненападении от 23 августа 1939 г., о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. и секретные протоколы к ним. Эти документы, как и вся история международных отношений кануна Второй мировой войны, до сих пор вызывают острую дискуссию: история Второй мировой (с 1939 г.) и для нашей страны (с 1941 г.) Великой Отечественной войны является важнейшим элементом национальной исторической памяти, на ее основе строится новая историческая политика России. Публикация советских текстов секретных советско-германских документов 1939–1941 гг. была напрямую связана с журналом «Новая и новейшая история», где они были впервые напечатаны в 1993 г. В статье содержится историографический и источниковедческий анализ этих документов и рассказывается история их публикации; документы вписываются в современный научный и политический контекст.

Ключевые слова: СССР, советско-германские секретные документы 1939–1941 гг., пакт Молотова — Риббентропа, договор о дружбе и границе, секретные протоколы, сохранение исторической памяти.

Сведения об авторе: Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор ИАИ РГГУ, редактор отдела журнала «Новая и новейшая история».

Контактная информация: novistor@mail.ru.

B. L. Khavkin

SOVIET-GERMAN DOCUMENTS OF 1939–1941 IN HISTORICAL MEMORY

81 years ago, the German-Soviet Non-Aggression Pact (August 23, 1939), the German-Soviet Frontier Treaty (September 28, 1939) and secret supplementary protocols of these treaties were concluded. These documents, as well as the entire history of international relations on the eve of World War II, still cause sharp discussions. The history of World War II (from 1939) and, especially, of the Great Patriotic War (from 1941) is an important element of Russian national historical memory. The new historical policy of Russia is based on it. The publication of Soviet texts of the secret Soviet-German documents of 1939–

1941 was directly linked to the academic journal «Modern and Contemporary History». «Modern and Contemporary History» became the first journal to publish the texts in 1993. This article contains a historiographical and source analysis of the secret Soviet-German documents of 1939–1941. The article also describes the history of publication of these documents. The author of the article puts the documents in the contemporary scholar and political context

Key words: USSR, secret Soviet-German documents of 1939–1941, World War II, Great Patriotic War, Molotov-Ribbentrop Pact, German-Soviet Frontier Treaty, secret supplementary protocols, preservation of historical memory.

About the author: Khavkin Boris L., doctor of historical sciences, Professor of IAI RSUH, editor of the Department of the magazine “New and modern history”.

Contact information: novistor@mail.ru.

История Второй мировой (с 1939 г.) и — для бывшего Советского Союза и нынешней России — Великой Отечественной войны (с 1941 г.) является важнейшим элементом национальной исторической памяти, на ее основе строится новая историческая политика современной России. **Советскому Союзу, историческим преемником которого является Россия, по праву принадлежала ведущая роль в достижении Великой Победы и статус мировой державы.** Эти факты невозможно оспорить, но можно по-разному оценивать с учетом изменения политической конъюнктуры: на наших глазах происходит новая политизация исторических знаний, их превращение в аргумент политики. Историческая политика направлена на формирование и последующее воспроизведение «правильных» образов прошлого в массовом историческом сознании. Причем какие образы прошлого «правильные», а какие — нет, решает государство и уполномоченные им институты (Bushuev 2013).

В настоящее время в связи с «похолоданием» международных отношений наблюдается обострение тенденции к поляризации оценок истори-

ческих событий, предшествовавших Второй мировой войне, а также событий ее начального этапа. Источниковую базу этой полемики составляют в основном советско-германские документы 1939–1941 гг.

Эти документы, наиболее обсуждаемым из которых является секретный протокол к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. (пакту Молотова — Риббентропа), дважды существенным образом повлияли на ход событий новейшей истории: в канун Второй мировой войны и в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда шел процесс распада СССР и «парад государственных суверенитетов».

Историческое значение пакта Молотова — Риббентропа было определено в СССР через год после его подписания: это «один из важнейших документов в истории международных отношений нашей эпохи», — писала в августе 1940 г. газета «Правда», орган ЦК ВКП(б) (Годовщина 1940). В современных условиях эти слова приобретают новый смысл.

«Смысл обеспечения безопасности Советского Союза в этом пакте был, —

сказал 10 мая 2015 г. президент России В. В. Путин на пресс-конференции по итогам встречи с канцлером Германии А. Меркель. — Я напомним, что после подписания соответствующего Мюнхенского соглашения сама Польша предприняла действия, направленные на то, чтобы аннексировать часть чешской территории. Получилось так, что после пакта Молотова — Риббентропа и раздела Польши она сама оказалась жертвой той политики, которую и пыталась проводить в Европе». Президент России напомнил, что СССР делал «многократные попытки создать антифашистский блок в Европе». Но эти попытки успехом не увенчались. «И когда СССР понял, что его оставляют один на один с гитлеровской Германией, он предпринял шаги, чтобы не допустить прямого столкновения. И был подписан этот пакт». Со своей стороны, канцлер Германии А. Меркель, говоря о пакте, заявила, что это «было сделано на противоправной основе... конечно, Вторая мировая война исходила от национал-социалистской Германии, и мы в Германии несем за это нашу историческую ответственность» (Путин согласился... б.г.).

Ведущие политики и историки современной ФРГ сегодня полностью признают историческую ответственность Германии за преступления Третьего рейха, за Вторую мировую войну и Холокост. «Германия одна виновата в развязывании Второй мировой войны, напав на Польшу. И Германия одна несет ответственность за такое преступление против человечества, как Холокост. Тот, кто сеет в этом сомнения и навязывает другим народам роль преступников, поступает неспра-

ведливо по отношению к жертвам. Он использует историю в своих корыстных целях и раскалывает Европу», — заявили в канун 75-летия Победы антигитлеровской коалиции над нацистским рейхом министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас и директор Института современной истории (Мюнхен-Берлин) Андреас Виршинг (*Maas, Wirsching* 2020).

«Вторая мировая война не случилась в одночасье, не началась неожиданно, вдруг. И агрессия Германии против Польши не была внезапной. Она — результат многих тенденций и факторов в мировой политике того периода. Все довоенные события выстроились в одну роковую цепь. Но, безусловно, главное, что предопределило величайшую трагедию в истории человечества, — это государственный эгоизм, трусость, потакание набиравшему силу агрессору, неготовность политических элит к поиску компромисса. Поэтому нечестно утверждать, что двухдневный визит в Москву нацистского министра иностранных дел Риббентропа (в августе 1939 г. — *Б.Х.*) главная причина, породившая Вторую мировую войну. Все ведущие страны в той или иной степени несут свою долю вины за ее начало. Каждая совершала непоправимые ошибки, самонадеянно полагая, что можно обхитрить других, обеспечить себе односторонние преимущества или остаться в стороне от надвигающейся мировой беды. И за такую недалекость, за отказ от создания системы коллективной безопасности платить пришлось миллионами жизней, колоссальными утратами», — писал В. В. Путин в канун 75-летия Великой Победы (*Путин* 2020).

В. В. Путин отметил, что по поводу заключенного 23 августа 1939 г. договора о ненападении «сейчас много разговоров и претензий именно в адрес современной России. Да, Россия — правопреемница СССР, и советский период — со всеми его триумфами и трагедиями — неотъемлемая часть нашей тысячелетней истории. Но напомним также, что Советский Союз дал правовую и моральную оценку т. н. пакту Молотова — Риббентропа. В постановлении Верховного Совета от 24 декабря 1989 года официально осуждены секретные протоколы как “акт личной власти”, никак не отражавший “волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор”» (Там же).

В российской прессе неоднократно высказывались сомнения в подлинности секретных протоколов, которые якобы «убили» СССР: «с помощью фальшивых “секретных протоколов” Советский Союз был убит, но по сию пору нет никакой гарантии, что он не возродится в той или иной форме» (Судаков 2008).

Разговоры о сомнительной достоверности советско-германских документов, подписанных в 1939–1941 гг., включая тексты договора и протокола от 23 августа 1939 г., связаны с тем, что эти документы были впервые официально опубликованы в СССР лишь в сентябре 1989 г., да и то не по советским оригиналам, которых якобы не было, а по копиям из архивов ФРГ (Международная жизнь 1989). Затем последовали другие публикации (Альтернативы 1989; Год кризиса 1990: 321). Однако они основывались не на советских оригинальных текстах, а на копиях.

История заключения, политическая и юридическая оценка советско-германских документов краткого периода советско-германской «дружбы» 1939–1941 гг. были во время холодной войны в центре политической и идеологической конфронтации Запада и Востока. До сих пор этот историографический сюжет сохраняет свою политическую составляющую, что лишь подчеркивает актуальность его дальнейшего научного изучения (Rossi 1952; Fabry 1962; Weinberg 1972; Фляйшмхайэр 1991; Семиряга 1992; Горлов 1993; Некрич 1995; Сахаров 1995; Соколов 1997; Безыменский 2000; Случ 2005; Международный кризис 2006; Демурин и др. 2009; Маслов, Демина 2012; Сорокин 2015; Дембски 2017).

Это изучение, по сути, началось в нашей стране в середине 1960-х гг., когда вышла в свет книга А. М. Некрича «1941, 22 июня» (Некрич 1995). Историк писал: «Ошибочно суждение, будто у Советского Союза не было иного выбора, как пойти на соглашение с Великобританией и Францией, либо с Германией. Был и третий путь — и он советскими руководителями обсуждался — не примыкать ни к одной из группировок держав. Но этот путь был, как видно, отвергнут. Он противоречил “доктрине Сталина”, согласно которой война неизбежна, и миссия Советского Союза состоит в том, чтобы появиться в решающий момент войны и... “выступить последними... чтобы бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить”» (Там же: 32). Книга вызвала ожесточенные нападки на ее автора. В 1967 г. А. М. Некрич был исключен из КПСС «за преднамеренное извра-

шение в книге “1941, 22 июня” политики Коммунистической партии и Советского государства накануне и в начальный период Великой Отечественной войны, что было использовано зарубежной реакционной пропагандой в антисоветских целях» (Петровский 1995). В 1976 г. ученый эмигрировал из СССР на Запад (Альперович 1996).

Тезис А.М. Некрича развил польский историк С. Дембски: «Не в пример Гитлеру, Сталин рассматривал пакт Риббентропа — Молотова как акт, имеющий стратегическое значение... “Буферная зона” (Польша. — Б.Х.) потеряла бы... своих защитников, что создавало шанс на восстановление дореволюционных границ России и усиление роли советского государства на международной арене... Ситуация, сложившаяся после подписания пакта между Германией и СССР, дала шанс осуществиться ленинскому предсказанию о войне в лагере капиталистических государств, войне, которая должна принести пользу исключительно пролетарской революции» (Дембски 2017: 136–137).

В современной западной историографии, при всем разнообразии мнений, преобладает точка зрения, выраженная крупнейшим немецким экспертом по истории германо-советских отношений кануна Второй мировой войны И. Фляйшхауэр: «пакт Гит-

лера — Сталина, называемый также по имени подписавших его лиц пактом Молотова — Риббентопа... стал вехой на пути германского вторжения в Польшу, а следовательно, и развязывания Второй мировой войны» (Фляйшхауэр 1991: 19).

В российской историографии, как и в поздней советской, высказываются полярные точки зрения по изучаемой проблеме. Для одних отечественных исследователей пакт — необходимая мера защиты СССР от гитлеровского нападения (Сиполс 1997: 105; Демурин и др. 2009: 155). Для других — преступление, которое обрекло народы Европы на раздел между двумя тоталитарными режимами¹.

«Хотя Гитлеру не удалось предотвратить вступление западных держав в войну, поставленная им задача по изоляции как польской, так и Западной кампании была успешно решена, не говоря уже о превращении СССР в поставщика сырья и продовольствия для подготовки нападения на... СССР», — пишет известный российский специалист по истории российско-германских отношений С.З. Случ (Международный кризис 2006: 81).

«Новые подходы позволяют увидеть, — отмечал академик А.О. Чубарьян, — что действия СССР в связи с подписанием пакта Молотова — Риббентропа 23 августа 1939 г.

¹ «Записки Теодора Либкнехта», брата германского коммуниста Карла Либкнехта, составленные в конце Второй мировой войны и обнаруженные американским историком Ю.Г. Фельштинским в Институте социальной истории в Амстердаме, завершаются выводом: «Линия политических отношений между Германией и Россией, ведущая от Брест-Литовска к 23 августа 1939 г., и 22 июня 1941 г., и к современности, внешне столь причудливая, в действительности совершенно прямая — это линия тайного соглашения, преступного сговора». См.: (Записки... 1998: 29). Также см.: (Восточная Европа... 1999: 167).

и событиями после него, включая договор о дружбе и границе 1939 г., были продиктованы целым комплексом причин, как объективного, так и субъективного характера. Здесь переплетались и задачи обеспечения безопасности страны, и тактические просчеты политического руководства в их реализации, издержки, связанные с неприятием мировой ответственностью договора с фашистским режимом, воздействие на внешнюю политику сталинской тоталитарной системы власти, противоправные и аморальные действия по отношению к странам, отошедшим к советской сфере интересов, что было официально осуждено Съездом народных депутатов в 1989 году» (Там же: 6).

Среди российской общественности, в частности и научной, высказывалось мнение о необходимости пересмотреть принятое в 1989 г. решение Второго съезда народных депутатов СССР. В 2008 г. сделать это предлагал председатель ассоциации историков Второй мировой войны О.А. Ржешевский. По его мнению, это позволило бы «вести более эффективную борьбу с фальсификаторами истории» (Пакт о ненападении б.г.).

Однако это предложение не встретило поддержки Госдумы. Против высказались как депутаты парламентского большинства — «Единой России», так и их политические оппоненты — коммунисты. «Это же исторический факт, что же мы будем каждый раз возвращаться? Это бред какой-то, если депутаты Госдумы будут отменять решение второго съезда народных депутатов, — заявил

5 мая 2008 г. глава комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству П.В. Крашенинников. — Нам говорить о том, что тем парламентом было принято что-то неправильно, — это все равно, что бороться с каким-нибудь актом, принятым новгородским вече» (Реабилитации... б.г.).

Дискуссия по истории советско-германских документов 1939–1941 гг. продолжается. Острота проблемы подчеркивает необходимость вновь обратиться к ее источниковедческой составляющей, рассказать о долгом и противоречивом процессе введения хранившихся в СССР в режиме особой секретности оригиналов советско-германских соглашений 1939–1941 гг. в научный оборот: известные на Западе публикации воспроизводили копии германских текстов, а не советские оригиналы документов.

Официальные, подписанные рейх-министром иностранных дел И. фон Риббентропом и наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым тексты секретного дополнительного протокола к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. так никогда и не были опубликованы в СССР. «Открытие» оригиналов этих документов, происшедшее в 1992 г. уже в постсоветской России, как, впрочем, и вся история их поиска, было связано не столько с научными, сколько с политическими интересами: в 1992 г. президент России Б.Н. Ельцин торжествовал победу над бывшим президентом СССР М.С. Горбачевым, который так и не решился публично признать

существование в СССР оригиналов советско-германских секретных документов 1939–1941 гг. С одной стороны, обнаружение и публикация этих исторических источников в ельцинской России были следствием дальнейшего развития горбачевской гласности; с другой стороны, публикация стала возможной лишь вследствие краха СССР и стала одним из свидетельств политического поражения его лидера.

На протяжении полувека советские власти скрывали факт существования оригиналов секретных протоколов к советско-германскому договору о ненападении и документов, фиксирующих иные секретные договоренности между гитлеровским и сталинским режимами. Лишь на излете существования СССР секретные протоколы к пакту Молотова — Риббентропа были, наконец, официально опубликованы в Советском Союзе. Однако в основу публикации этого важнейшего исторического источника были положены не оригинальные тексты на русском и немецком языках из советских архивов, а копии, снятые с немецких копий.

Какова же история обнаружения оригиналов секретных протоколов к пакту Молотова — Риббентропа?

Во время Великой Отечественной войны в Советском Союзе факт су-

ществования подписанных в 1939–1941 гг. секретных советско-германских документов, как и факты сотрудничества СССР с Третьим рейхом в 1939–1941 гг., был строжайшей государственной тайной. Характерно, что секретные протоколы к пакту Молотова — Риббентропа, несмотря на их огромный пропагандистский потенциал (эти документы могли бы способствовать внесению разногласий в ряды антигитлеровской коалиции), во время всей германо-советской войны 1941–1945 гг. не использовались ни нацистской пропагандой, ни политической разведкой Третьего рейха. Существование германо-советских секретных соглашений, достигнутых накануне и в начале Второй мировой войны, оставалось строжайшим государственным секретом гитлеровской Германии: очевидно, в Берлине считали, что эти документы «компрометируют» не только Сталина, но и в еще большей мере — Гитлера.

О секретных германо-советских договоренностях 1939–1941 гг. в мире впервые заговорили в 1946 г. в связи с Нюрнбергским процессом. Несмотря на то, что главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко предложил западным прокурорам и судьям исключить из обсуждения на процессе ряд тем², среди которых были и советско-германские отношения 1939–1941 гг., адвокат Р. Гесса Альфред Зайдль (с американской

² В утвержденный на Нюрнбергском процессе перечень вопросов, не подлежащих обсуждению (с целью воспрепятствовать встречным обвинениям защиты против правительств стран антигитлеровской коалиции), вошли: «1. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР. 2. Внешняя политика Советского Союза: а) советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и вопросы, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т. д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения. 3. Советские прибалтийские республики». См.: *(Зоря, Лебедева 1989: 127–128).*

подачи) представил суду документы, связанные с подписанием пакта Молотова — Риббентропа³. Советский обвинитель расценил акцию Зайдля как провокацию, а документы — как фальшивку. Суд не признал их достоверными; на ход и результат процесса они не повлияли.

Бывший рейхсминистр иностранных дел Риббентроп, выступая на Нюрнбергском процессе с последним словом, сказал, что когда он в 1939 г. прибыл на переговоры в Москву «к маршалу Сталину, он (т. е. Сталин. — Б. Х.) обсуждал со мной (т. е. Риббентропом. — Б. Х.) не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана — Келлога⁴, а дал понять, что, если он (т. е. Сталин. — Б. Х.) не получит половины Польши и Прибалтийские страны (еще без Литвы) с портом Либава, то я (т. е. Риббентроп. — Б. Х.) могу сразу же вылетать назад» (Зоря, Лебедева 1989: 137)⁵.

Эти слова Риббентропа были попыткой самооправдания. Суд не счел их обстоятельством, смягчающим его вину. Но, так или иначе, в Нюрнберге завеса молчания, скрывавшая закулисную сторону германо-советских отношений 1939–1941 гг., была сорвана.

После войны в США и Великобритании в печати появились разного рода материалы, посвященные секретно-

му протоколу к пакту Молотова — Риббентропа, но они в лучшем случае содержали лишь реконструкцию текста по свидетельствам немецких участников советско-германских переговоров, так что их ценность как источника была невелика⁶.

В 1946 г. вышла в свет первая официальная советская публикация секретной части советско-германских документов. Под грифом ДСП — «Для служебного пользования» — были изданы материалы «К заключению германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией 28 сентября 1939 года», «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией, заключенный в Москве 28 сентября 1939 года», «Заявление Советского и германского правительства 28 сентября 1939 года», письмо В. М. Молотова «Германскому министру иностранных дел господину Иоахиму фон Риббентроп 28 сентября 1939 г.» (Внешняя политика... 1946). Разумеется, ни о каких секретных протоколах в этой брошюре ДСП речи не было.

Прорывом к истине стала публикация на Западе документов так называемой коллекции фон Лёша. Дело в том, что в январе — феврале 1944 г., когда начались массированные бомбардировки Берлина англо-американской авиацией, Риббентроп распорядился изготовить фотокопии

³ Ю. Н. Зоря и Н. С. Лебедева рассматривают историю отклонения в 1946 г. Международным военным трибуналом в Нюрнберге представленных А. Зайдлем копий секретных дополнительных протоколов к договорам 23 августа и 28 сентября 1939 г. (Там же: 124–137).

⁴ Пакт Бриана — Келлога (Антивоенный пакт, Парижский пакт) от 24 июля 1929 г. — договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики.

⁵ Ср.: (Молодяков 2008: 382).

⁶ Как выяснилось в дальнейшем, наиболее близким к подлиннику был текст, напечатанный 23 мая 1946 г. в американской газете «The Saint Louis Post Dispatch».

наиболее важных дипломатических документов, которые находились не в самом архиве министерства иностранных дел рейха, а в так называемом «бюро Риббентропа». В марте 1944 г. во время бомбардировки Берлина подлинники документов погибли, фотокопии же сохранились. Весной 1945 г., когда советские войска наступали на Берлин, фотокопии были вывезены в Тюрингский лес и там спрятаны в тайнике. Одним из тех, кто участвовал в этой операции, был сотрудник рейхсминистерства иностранных дел К. фон Лёш. В апреле 1945 г. он выдал тайник американской розыскной группе.

В «коллекции фон Лёша» были фотокопии секретных советско-германских документов 1939–1941 гг., в частности дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. Сохранились как немецкий, так и русский тексты, причем на немецком оригинале подпись Молотова значилась на немецком языке. (Этот, в общем-то, обыкновенный факт, применяемый в дипломатической практике как свидетельство доброй воли, вплоть до 1989 г. давал повод советским экспертам объявлять «коллекцию фон Лёша» фальшивкой). Характер текста, оказавшегося в руках американцев, вместе со всем комплексом полученных ими документов свидетельствовал, что речь идет о копии, аутентичной оригиналу. Сути дела не меняло то обстоятельство, что в руках американских специалистов находился иной носитель информации, нежели бумага с тек-

стом, — фото пленка, на которой бумага с текстом была запечатлена. Существовавшие к этому времени методы анализа позволяли утверждать, что о подделке речи быть не может.

В 1948 г. дипломатические документы германского министерства иностранных дел, содержащие материалы о советско-германских отношениях в 1939–1941 гг., были изданы на немецком и английском языках Государственным департаментом США. Источниковую базу публикации документов «Нацистско-советские отношения» составила «коллекция фон Лёша» (*Das nazionalsozialistische Deutschland... 1948; Nazi-Soviet Relations 1948*).

Появились и другие публикации этих документов (*Die Beziehungen zwischen Deutschland... 1949; Akten zur deutschen Auswärtigen... 1956–1969*), в том числе и на русском языке (СССР — Германия 1989)⁷. Причем все они были основаны не на оригиналах из архивов СССР, а на копиях из архивов США, которые в дальнейшем были переданы ФРГ.

Советским ответом на книгу «Нацистско-советские отношения», приведшую к «разнузданной клеветнической кампании по поводу заключенного в 1939 году между СССР и Германией пакта о ненападении, якобы направленного против западных держав», стала брошюра, изданная в 1948 г. под названием «Фальсификаторы истории (историческая справка)»⁸.

⁷ Перепечатка с американского издания 1983 г. Перевод Ю. Г. Фельштинского значительно отличается от публикуемых советских официальных дипломатических текстов на русском языке.

⁸ Фальсификаторы истории. (Историческая справка). С. 5.

Неизвестные авторы «исторической справки», отредактированной лично Сталиным для придания ей большей «разящей силы», задавались целью защитить предвоенную политику Советского Союза «как подлинно демократического и стойкого борца против агрессивных и антидемократических сил».

Действуя в духе справки «Фальсификаторы истории», советская историография на протяжении полувека активно отрицала сам факт существования секретных советско-германских соглашений 1939–1941 гг.⁹

Все официальные советские исторические труды исходили из «презумпции подделки» секретных протоколов. Когда же анализ копий, опубликованных по немецким секретным архивам, показал их подлинность, в Москве ушли «в глухую оборону»: мол, о копиях говорить не будем, пока не найдутся подлинники — а их в архивах не существует. «Секретных протоколов не было», — утверждал престарелый Молотов (*Безымянский* 2000: 15). Вместе с тем в беседах с писателем Ф. Чуевым Молотов признал, что судьбу приграничных с СССР стран на западе «мы решили с Риббентропом в 1939 году», что, по сути, было признанием секретных договоренностей Москвы и Берлина (*Сто сорок бесед...* 1991: 15).

До конца 1980-х гг. советская историография продолжала утверждать: никаких подлинников документов нет. Когда же шедшая год за годом

официальная публикация Министерства иностранных дел СССР «Документы внешней политики СССР» (ДВП) дошла до 1939 г., власти приняли решение: издание прекратить¹⁰. ДВП за 1939 г. увидели свет лишь в постсоветское время, через 15 лет после издания предшествующего тома.

Патовая ситуация просуществовала все 1980-е гг. Даже весной 1989 г., во времена «перестройки и гласности», А.А. Громыко (в 1957–1985 гг. — министр иностранных дел СССР, 1985–1988 гг. — председатель Президиума Верховного совета СССР), принимая корреспондента журнала «Шпигель» (ФРГ) Ф. Майера, отрицал наличие протоколов и называл их «фальшивкой» (*Фляйтхауэр* 1991: 14).

Глухая оборона была поддержана генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, который в ответ на неоднократные вопросы отвечал, что подлинников нет, копии нам не закон, выводы делать рано, надо ждать.

Посол СССР в ФРГ (1971–1978) и заведующий Международным отделом ЦК КПСС (1988–1991) В.М. Фалин писал об этом так: «Когда весной 87-го был созван партийный Олимп для обмена мнениями по данной теме (секретных протоколов. — Б.Х.), я счел свой долг почти выполненным. Поспешил. От присутствовавшего на Политбюро Смирнова (помощника Горбачева

⁹ См. об этом: (Хавкин 2012).

¹⁰ Издателям XXII тома пришлось признать, что издание было прекращено «по решению тогдашнего советского руководства». См.: (Документы внешней политики... 1992: 5).

Г. Л. Смиронова. — Б.Х.) мне известно, что все выступавшие, включая Андрея Громыко, с разной степенью определенности высказались в пользу признания существования секретных протоколов к договору о ненападении и к договору о границе и дружбе, заключенных СССР с нацистской Германией соответственно в августе и сентябре 1939 года. Кто-то из присутствовавших отмолчался. Итог подвел Горбачев: «Пока передо мной не положат оригиналы, я не могу на основании копий взять на себя политическую ответственность и признать, что протоколы существовали»» (Фалин 2016: 32–34).

Выйти из патовой ситуации помог случай. В 1988 г. во время беседы канцлера ФРГ Г. Коля с М. С. Горбачевым зашла речь о секретных протоколах к пакту Молотова — Риббентропа. Коль (очевидно оговорившись или посчитав «коллекцию фон Лёша» не аутентичными оригиналу копиями, а оригиналом) сказал, что в руках боннских архивистов находятся не только копии, но и оригиналы секретных приложений к пакту.

Оговорка Коля стала поводом для организованной помощником Горбачева А. С. Черняевым при поддержке члена политбюро и секретаря ЦК КПСС А. Н. Яковлева «полудипломатической-полунаучной» поездки историка и журналиста Л. А. Безыменского в Бонн с целью официального получения от архивной службы ФРГ документов, о которых говорил Горбачеву Коль. Это были не ориги-

налы, а копии, с которых для Безыменского были сняты копии¹¹.

Так немецкие копии «официально» попали в СССР и сразу же угодили в водоворот большой политики. Дело в том, что в конце 1980-х гг. большая политика СССР, наряду с «германским» и другими вопросами, включала отношения с Польшей и с Прибалтикой. Эти проблемы уходили корнями в 1939 г., в секретные протоколы к пакту Молотова — Риббентропа. Для Польши это была судьба погибшей в тот год республики, для Эстонии, Латвии и Литвы — их судьбы перед вхождением в Советский Союз. В 1988 г. Горбачев с трудом отмахнулся от этой щекотливой проблемы во время визита в Польшу, повторив версию с «копиями» протоколов. В 1989 г. с Прибалтикой было сложнее: на состоявшемся в мае 1989 г. Первом Съезде народных депутатов СССР по настойчивому требованию трех тогда еще советских прибалтийских республик была создана Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора 1939 г. Ее председателем и стал академик А. Н. Яковлев, прекрасно понимавший важность и сложность этой задачи. Комиссия в составе 20 человек приступила к работе, и первые ее заседания показали, что решение будет непростым.

В августе 1989 г. в работе комиссии Яковлева наступил кризис. Радикальная группа, лидером которой стал историк Ю. Н. Афанасьев¹², требовала, чтобы к 23 августа 1989 г.

¹¹ Цит. по: (Безыменский 2000: 18–20).

¹² «Афанасьев и Ко — типичные “меньшевики”, которые упиваются своим интеллектуальным превосходством и над серой массой, и над начальством, включая Горбачева». См.: (Черняев 2008: 798).

был опубликован хотя бы промежуточный результат. Однако Яковлев не получил на это согласия Горбачева. Как свидетельствовал Яковлев, он практически не имел поддержки членов политбюро, за исключением Э.А. Шеварднадзе. Только угроза отставки Яковлева с поста председателя комиссии заставила Горбачева согласиться на выступление Яковлева на съезде.

После этого группа членов комиссии передала предварительный текст проекта выступления Яковлева прессе (в нем признавались протоколы) и выступила на пресс-конференции с обвинениями в адрес своего председателя. Возникла реальная угроза развала комиссии. Но победила тактика Яковлева, который стал выше личных обид и не дал комиссии распасться. Появилось такое решение: Яковлев будет выступать с «личным докладом», следовательно, согласовывать в комиссии (а также вне ее, т.е. в политбюро) доклад не надо, подготовить надо лишь проект резолюции, предлагаемой съезду, и краткую объяснительную записку. Эти документы были готовы 4 ноября 1989 г.; доклад был сделан 23 декабря 1989 г. на Втором Съезде народных депутатов СССР.

Таким образом, на Втором Съезде народных депутатов СССР Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении ввела в официальный обиход «Секретный дополнительный протокол о границе сфер интересов Германии и СССР» от 23 августа 1939 г. (Второй съезд... 1990: 256–279, 378–381). В постановлении съезда отмечалось, что подлин-

ники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования (Постановление съезда... 1990: 612–614).

Документ гласил: «6. Съезд констатирует, что переговоры с Германией по секретным протоколам велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР, эти протоколы были изъяты из процедур ратификации. Таким образом, решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор. 7. Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания “секретного дополнительного протокола” от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания» (Там же; Документы XX века б.г. 2).

На это постановление ссылался 10 мая 2005 г. В.В. Путин: «Возьмите, пожалуйста, постановление Съезда народных депутатов 1989 года, где черным по белому написано: Съезд народных депутатов осуждает пакт Молотова — Риббентропа и считает его юридически несостоятельным. Он не отражал мнение советского народа, а являлся личным делом Сталина и Гитлера. Что еще можно сказать более точно и ясно

по этому вопросу?» (Пресс-конференция... б.г.).

Полемику по проблеме советско-германских секретных документов 1939–1941 гг. осложняло отсутствие до 1992 г. в научном и общественно-политическом дискурсе советских оригиналов этих документов. Комиссия Яковлева установила, что после войны Сталин и Молотов «заметали следы» существования секретного протокола (Правда 1989), но обнаружить, куда ведут эти следы, не смогла.

Следы же вели в Москву, на Старую площадь, 4, в ЦК КПСС, где хранились секретные документы. Причем степень их секретности была различной: «секретные», «совершенно секретные», «особой важности» или документы ОП — «особой папки». Собственно говоря, папок как таковых не существовало — это было просто обозначение высшей степени секретности для особо важных решений политбюро ЦК КПСС. Однако мало кто знал, что существовала еще одна, самая высокая степень секретности. Она называлась «закрытый пакет». Это действительно был большой пакет с соответствующим номером, который проставлялся от руки. «Закрытый пакет» опечатывался или клеивался в так называемом Общем отделе ЦК КПСС тремя или пятью печатями и обозначался буквой «К» («конфиденциально»).

Именно в таком «закрытом пакете» под № 34 в Общем отделе ЦК КПСС были запечатаны оригиналы секретных протоколов вместе с подробным описанием их «архивной судьбы». Оказывается, что оригиналы секретных протоколов в апреле 1946 г. бы-

ли изъяты из архива МИД и переданы в личный архив В. М. Молотова, где находились до октября 1952 г. 30 октября 1952 г. документы были переданы в Общий отдел ЦК КПСС. Почему именно в это время? Звезда сталинского министра иностранных дел закатилась: еще до смерти Сталина доверия к нему уже не было, внешним знаком чего был арест супруги Молотова П. С. Жемчужиной.

В VI секторе Общего отдела ЦК документы получили архивную сигнатуру: фонд № 3, опись № 64, единица хранения № 675-а, на 26 листах. В свою очередь эта «единица хранения» была вложена в «закрытый пакет» № 34, а сам пакет получил № 46-Г9А/4-1/ и заголовок «Советско-германский договор 1939 г.». Внутри пакета лежала опись документов, полученных из МИД СССР, — всего восемь документов и две карты: 1) секретный дополнительный протокол «о границах сфер интересов» от 23 августа 1939 г.; 2) разъяснение к нему от 28 августа (включение в разграничительный рубеж р. Писса); 3) доверительный протокол от 28 сентября о переселении польского населения; 4) секретный протокол «об изменении сфер интересов» от 28 сентября; 5) такой же протокол «о недопущении польской агитации» от 28 сентября; 6) протокол об отказе Германии «от притязаний на часть территории Литвы» от 10 января 1941 г.; 7) заявление о взаимной консультации от 28 сентября 1939 г.; 8) обмен письмами об экономических отношениях (той же даты).

Долгие годы «закрытые пакеты» № 34 и 35 (в 35-м находились

большие географические карты раздела Польши) никто не открывал. В 1975 г., в эпоху генсека Л. И. Брежнева, копии оригиналов посылались на имя заместителя министра иностранных дел И.Н. Земскова (он ведал архивами) для информации министра иностранных дел А.А. Громыко. Находились они в Министерстве иностранных дел с 8 июля 1975 г. до марта 1977 г., затем вернулись в ЦК и были уничтожены. 21 ноября 1979 г. эта процедура повторилась, копии вернулись и были уничтожены 1 февраля 1980 г. Но эти «путешествия» не имели последствий. Попытка Земскова убедить Громыко в необходимости изменить официальную позицию успеха не имела. Тогда-то и сказал министр свою знаменитую фразу: «Нас никто уличить не сможет» (*Безыменский* 2000: 26).

10 июля 1987 г. пакет №34 был вскрыт новым заведующим Общим отделом ЦК КПСС В.И. Болдиным. В свою очередь, заведующий VI сектором Общего отдела Л.А. Мошков получил от него два строгих указания: «держат под рукой» и «без разрешения заведующего пакет не вскрывать». А.Н. Яковлеву пакет №34 не показывали даже после того, как заработала комиссия под его председательством. Член комиссии Л.А. Безыменский вспоминал, как «в дни работы комиссии Яковлев не раз с раздражением говорил, что Болдин ему не давал никаких документов и в сердцах ругал “владыку архивов”, подчинявшегося только Горбачеву» (Там же: 27).

Вопрос о поведении Горбачева в свете признания факта существования «закрытого пакета» №34 выгля-

дит наиболее щекотливым. В оценке советско-германского договора 23 августа 1939 г. генсек соглашался со своим помощником А.С. Черняевым: договор «порочен и в принципе принес только беды и потери» и собирался официально «определиться» по этому вопросу в 1989 г. (*Черняев* 2008: 759).

На протяжении всего рассмотрения проблемы секретных протоколов основным и вполне логичным требованием Горбачева было найти отсутствовавшие оригиналы этих документов. Так он официально аргументировал свою позицию на заседании политбюро ЦК КПСС 5 мая 1988 г.

Однако документировано, что пакет с оригиналами был вскрыт 10 июля 1987 г. Этот факт подтверждается пометой, сделанной на пакете рукой Мошкова: «Доложил т. Болдину В.И. Им дано указание держать пока под рукой в секторе. Книгу (*Nazi-Soviet Relations 1948*) можно вернуть в библиотеку. 10.7.87. Л. Мошков».

Болдин же утверждал, что Горбачев не только был ознакомлен с оригиналами дополнительных протоколов, но и видел другие секретные советско-германские документы, например, подписанную Риббентропом и Сталиным секретную карту западных районов СССР и сопредельных стран, по которой была проведена будущая советско-германская граница. По версии Болдина, внимательно изучив документы, Горбачев приказал: «Убери подальше!» Когда же Горбачеву доложили о растущем интересе к секретным протоколам в стране и за рубежом, он «коротко бросил: никому ничего показы-

вать не надо. Кому следует — скажу сам». При обсуждении на Съезде народных депутатов СССР вопроса о секретных протоколах Горбачев заявил, что попытки найти подлинники не увенчались успехом. Одна из версий Болдина, объясняющего, почему говорилось «неправда на весь мир», состоит в том, что Горбачев «опасался последствий откровенности... [но] эта ложь не помогла ему ни сохранить Советский Союз, ни удержаться на посту лидера государства». Когда же Горбачев узнал, что Болдин не уничтожил секретные протоколы, он воскликнул: «Ты понимаешь, что представляют сейчас эти документы?!» (Болдин 1995: 261–262).

Однако секретные протоколы уничтожены не были. В.М. Фалин, не зная, что Горбачев видел эти документы, убеждал генсека в их существовании. Записка Фалина Горбачеву от 1 августа 1989 г. гласит: «1. Доказательств тому, что протоколы существовали, достанет с лихвой на всех — и своих, и чужих оппонентов. Как Молотов ни прятал концы в воду, документы сохранились, в том числе в советских архивах. Более того, запись беседы именно Молотова с немецким послом Шуленбургом 17 августа 1939 г. показывает, что идея оформления обязательств Германии в виде протокола принадлежала советской стороне. В памятной записке, врученной в тот день Молотовым послу, говорится: “Правительство СССР считает, что вторым шагом (первый — торгово-кредитное соглашение) через короткий срок могло бы быть заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным приняти-

ем протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики с тем, чтобы последний представлял органическую часть пакта” <...> Можно бы умножить число примеров из 1940-го и 1941 гг. И при всем желании нельзя найти документов, опровергающих или хотя бы колеблющих факт — протоколы существовали. Они не миф. Констатируя сегодня, что протоколы были, мы лишь воспроизводим объективную реальность.

2. Теперь об оригиналах и копиях... Во-первых, никто не освобождал советскую сторону от ответственности за поддержание порядка в собственном архивном хозяйстве. С таким же успехом мог пропасть и оригинал договора от 23 августа, после чего по аналогии началась бы дискуссия, а был ли сей мальчик. Во-вторых, подавляющее большинство документов, на основании которых написана история с древнейших времен до XIX века, известна в копиях или даже в фрагментах с копий. “Слово о полку Игореве”, “Повесть временных лет” и другие классические памятники дошли до нас в репликах реплик. Но им верят, и поделом.

Вас, думается, не нужно убеждать, что отсутствуют основания представлять копии протоколов к договорам от 23 августа и 28 сентября в качестве фальшивок. Самое большее, что позволительно делать, — это требовать “критического к ним отношения”. Другой подход работает против нас, и крупно... Станным образом табуизируя тему протоколов, уходя от выражения четкого отношения к ним, мы какой десяток

лет связываем себе руки в противодействии куда более серьезным опасностям, касающимся не столько прошлого, сколько настоящего и будущего» (Фалин 2016: 38).

Отметим, что в воспоминаниях М.С. Горбачева его публичному заявлению об отсутствии оригинала секретного протокола не нашлось места, хотя он и вынужден был признать (задним числом) существование секретных соглашений СССР с нацистской Германией (Горбачев 1995: 511).

М.С. Горбачеву «достаточно было поручить В. Болдину инсценировать “счастливое обнаружение” оригиналов, ибо в их отсутствие дело как раз и уперлось. А. Яковлев и Э. Шеварднадзе сообразили эрзац — из “папки В. Молотова” был извлечен оставшийся по недосмотру в архиве МИД СССР список с протоколов, сделанный до появления на Западе фотокопий с немецкого экземпляра, что всплыли в ходе Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками. Почему Э. Шеварднадзе не раскрыл “папку В. Молотова” перед членами комиссии? Ведь нашу комиссию заверяли, что в ее распоряжении все архивные клады МИД. Версия необедительна, но ее неофициально называли: не в обычаях дипломатов выкладывать враз козыри без остатка, кое-что всегда целесообразно придержать в запасе», — подчеркивает В.М. Фалин и констатирует: «Будет команда, и многим загадкам найдутся в наших архивах отгадки» (Фалин 2016: 39).

Если от Горбачева такой команды в отношении секретных советско-

германских документов не последовало, то от Ельцина такая команда поступила. В 1992 г. в соответствии с Указами президента России Ельцина началось рассекречивание архивов КПСС и КГБ и передача их фондов в состав Государственной архивной службы России (ныне: Федеральное архивное агентство — Росархива) (Козлов 2003). «Политика отмежевания от советского прошлого, которую вел президент Борис Ельцин, дала возможность увидеть свет тысячам документов, хранившимся до той поры под семью печатями... Коммунизм рухнул, но оставил после себя огромное архивное наследство, которое впервые можно было подвергнуть систематической научной рефлексии. И хоть, к сожалению, это время длилось недолго, советская историография сумела прекрасно воспользоваться им», — отмечает С. Дембски (Дембски 2017: 5–6).

В процессе изучения секретных фондов бывшего архива ЦК КПСС (ныне — Архив президента Российской Федерации) историком Д.А. Волгогоновым, вскрывшим «закрытый пакет» № 34, были обнаружены тексты советских оригиналов советско-германских документов 1939–1941 гг.

О находке Волгогонов сразу же доложил Ельцину. Ельцин позвонил Яковлеву и сказал, что секретные протоколы, которые «искали по всему свету, лежат в Президентском архиве и что Горбачев об этом знал». Тогда же Ельцин попросил Яковлева провести пресс-конференцию, посвященную сенсационной находке (Яковлев 2001: 284). **27 октября 1992 г. советские оригиналы рассе-**

креченных накануне советско-германских документов 1939–1941 гг. были представлены общественности и затем, наконец, изданы в России. Первая публикация этого исторического раритета состоялась в журнале «Новая и новейшая история» и была подготовлена академиком Г. Н. Севостьяновым и автором этой статьи (Советско-германские документы... 1993)¹³.

В документальном приложении к сборнику «Партитура Второй мировой» секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г. печатается по машинописной копии из Архива внешней политики РФ (Архив внешней политики РФ; *Демурин и др.* 2009: 408–409). Ответственный редактор этой книги Н. А. Нарочницкая утверждает: «Вопреки принципу историзма чуть ли не главной причиной войны (Второй мировой. — Б. Х.) с недавних пор стали объявлять советско-германский договор от 23 августа 1939 г., чего, заметим, никогда не делали даже в годы холодной войны. Фальсификация истории — замалчивание и извращение важнейших фактов и документов, ключевых событий происходит у нас на глазах» (*Нарочницкая* 2009).

Очевидно, чтобы противостоять «замалчиванию и извращению фактов и документов», 21 августа 2019 г. в Москве в выставочном зале федеральных архивов Российской Федерации была открыта историко-документальная выставка «1939 год. Начало Второй мировой войны», подготовленная Федеральным ар-

хивным агентством России при участии Российского государственного военного архива, Историко-документального департамента МИД России, Российского исторического общества. Хронологические рамки выставки — март — сентябрь 1939 г. В экспозиции были показаны архивные документы (без архивных сигнатур), кинохроника, фотографии, музейные предметы — всего около 300 экспонатов, рассказывающих о событиях, приведших ко Второй мировой войне.

К сожалению, организаторы выставки, борясь с замалчиванием, сами не обошлись без этого нехитрого пропагандистского приема: важнейшие документы по теме выставки, полностью укладываемые в ее суженные хронологические рамки (их следовало бы раздвинуть до 22 июня 1941 г.) — германо-советский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., секретные протоколы и приложения к нему (в частности, подписанная Сталиным и рейхсминистром иностранных дел Риббентропом карта советско-германского разграничения в Польше) в экспозиции отсутствовали (Германо-советский договор... 1939; *Документы...* 1992: 134–136).

В канун открытия выставки директор Службы внешней разведки РФ и глава Российского исторического общества С. Е. Нарышкин в статье под точно выражающим ее содержание названием «Иного выхода не было» сформулировал значение пакта Молотова — Риббентропа:

¹³ Эту публикацию воспроизводит А. М. Некрич: (*Некрич* 1995: 244–247). См. также: (*Советско-германские документы...* 1996).

«Тактическое соглашение с Гитлером позволило расколоть коалицию англо-французских “умиротворителей” и стран “оси”, обеспечило Советскому Союзу несколько лет мира и помогло отодвинуть на запад границу с Германией. Главным мерилom целесообразности договора являлась национальная безопасность... Дальнейшие события подтвердили, что отказ от предложений Риббентропа мог бы поставить Советский Союз в гораздо худшие военно-политические условия. Переоценивая свою значимость в глазах старших “партнеров”, Польша не получила от Великобритании и Франции никакой реальной помощи. Спустя всего две недели она прекратила существовать как независимое государство, а гарантии западных лидеров обернулись дипломатическим убежищем для польского правительства в изгнании» (*Нарышкин б.г.*).

На выставке были впервые представлены напечатанные на пишущей машинке на гербовой бумаге оригиналы советско-германского договора о ненападении (пакта Молотова — Риббентропа) от 23 августа 1939 г. и секретного дополнительного протокола к нему — этот протокол считался в СССР «фальсификацией истории», его достоверность отрицалась на государственном уровне (*Хавкин 2007; Дацишина, Сорокин 2019*).

Выступая 19 декабря 2019 г. на пресс-конференции, В.В. Путин отметил, что Сталин единственным не запятнал себя прямыми контактами с Гитлером (действительно: руку Гитлеру Сталин не пожимал — это делал Молотов во время визита в Берлин 13

и 14 ноября 1940 г. (*Бережков 1966; Мировые войны 2005: 178–179*)), тогда как лидеры Франции и Великобритании встречались с нацистским фюрером. Комментируя секретные протоколы к пакту Молотова — Риббентропа и последовавший раздел Польши, президент России напомнил, что Польша сама до этого участвовала в разделе Чехословакии, т.е. «сделала то же самое» (*Путин... 2019*).

В выступлении на неформальной встрече глав государств СНГ в Санкт-Петербурге 20 декабря 2019 г. президент России сказал: «Советский Союз до последней возможности старался использовать любой шанс создать антигитлеровскую коалицию, вел переговоры с военными представителями Франции и Великобритании, тем самым пытался предотвратить начало Второй мировой войны, но практически остался один в изоляции. Как я уже сказал, был последним из заинтересованных государств Европы, кто вынужден был подписывать с Гитлером пакт о ненападении» (*Стенограмма выступления... 2019*).

Эти высказывания президента России стали ответом на резолюцию Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», принятую 19 сентября 2019 г. Европарламент осудил заключение пакта о ненападении между СССР и Германией и договора о дружбе и границе между ними. Согласно резолюции, гитлеровский и сталинский тоталитарные режимы «поделили Европу и территории независимых государств, что проложило дорогу к началу Второй мировой

войны». В резолюции высказывалась озабоченность в связи с попытками нынешнего российского руководства «оправдать» преступления советского тоталитарного режима в рамках информационной войны с демократической Европой (Еуроре... 2019).

В.В. Путин осудил это решение Европарламента как попытку ревизии итогов Второй мировой войны: «Можно как угодно предавать анафеме сталинизм и тоталитаризм в целом, в чем-то это будут заслуженные упреки... но ставить на одну доску Советский Союз и фашистскую Германию — это верх цинизма. Люди, значит, не знают историю, читать и писать не умеют. Пусть почитают документы того времени» (Интерфакс 2019).

Президент России затронул весьма болезненную для поляков тему польского государственного антисемитизма. 24 декабря 2019 г. в речи на коллегии Минобороны РФ В.В. Путин, используя экспрессивную лексику, назвал Юзефа Липского, в 1934–1939 гг. посла Польши в Германии, «сволочью» и «антисемитской свиньей» (Комсомольская правда 2019). Липский, по словам В.В. Путина, «полностью солидаризировался с Гитлером в его антиеврейских, антисемитских настроениях и, более того, за издевательство над еврейским народом обещал поставить памятник в Варшаве» (ТАСС 2019).

Антипольский пафос нынешних российских политиков во многом напоминает антипольские высказывания

председателя Совета народных комиссаров и наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова 1939 г.: «На смену вражды, всячески подогревавшейся со стороны некоторых европейских держав, пришло сближение и установление дружественных отношений между СССР и Германией. Дальнейшее улучшение этих новых, хороших отношений нашло свое выражение в германо-советском договоре о дружбе и границе между СССР и Германией, подписанном 28 сентября в Москве... Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения польских национальностей», — заявил В.М. Молотов, выступая на сессии Верховного совета Союза ССР 31 октября 1939 г. (Доклад... 1939: 7)¹⁴.

После визита в Москву Риббентроп вернулся в Берлин с восторженными впечатлениями о Сталине. В своих воспоминаниях Риббентроп приводит высказывание сопровождавшего его в Москве данцигского гауляйтера Альберта Фёрстера, с которым он полностью согласен: «Я чувствовал себя в Кремле как среди старых “партайгеноссен”» (Откровения и признания 1996: 38). После восхищенных рассказов Риббентропа рейхслайтер и начальник внешнеполитического управления нацистской партии Альфред Розенберг записал в дневнике: «Большевикам уже впору намечать свою делегацию на Нюрнбергский партсъезд» (Там же: 25; Молодяков 2008: 231).

¹⁴ См. также: (Документы XX века б.г. 1).

Отношения Берлина и Москвы «потептели» до такой степени, что Сталин после подписания пакта Молотова — Риббентропа, согласно некоторым источникам, поднял тост за здоровье Гитлера: «Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, и поэтому хотел бы выпить за его здоровье» (Запись беседы... 1983: 83–84; Розанов 1991: 99). В литературе приводятся свидетельства и о том, что на банкете в Кремле в честь заключения договора о дружбе и границе Сталин демонстративно заставил Риббентропа выпить за здоровье наркома путей сообщения СССР Л. М. Кагановича, о еврейском происхождении которого Риббентроп отлично знал. Позже Каганович так прокомментировал этот тост Сталина: «Тем самым Сталин хотел дать понять Риббентропу, что хоть мы и подписываем договор, но менять нашу идеологию не собираемся» (Люкс 2009: 291).

Однако в идеологии сталинской партии, непримиримой к любому инакомыслию, под влиянием сближения с гитлеровской Германией наметились существенные изменения в сторону ранее невиданной толерантности к нацизму. «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за “уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом борь-

бы за “демократию”», — заявил глава советского правительства и нарком иностранных дел (Доклад... 1939). Это высказывание Молотова полностью соответствовало тогдашней нацистской политической риторике, что с удовлетворением отмечал рейхсминистр пропаганды Й. Геббельс (Die Tagebucher... б.г.: 178)¹⁵. Высказывания советских руководителей печатала главная нацистская газета «Фёлькишер беобахтер» (Der Hitler-Stalin-Pakt 2009), а приказы Гитлера и речи Геббельса публиковались в органе ЦК большевиков газете «Правда» (Выступление Геббельса 1940; Приказ Гитлера 1940).

Сталин, отвечая на поздравления Гитлера и Риббентропа по случаю своего 60-летия, писал: «дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной» (Правда 1939; Молодяков 2008: 225). Злые языки иронизировали: речь идет о польской крови...

«Чем этот договор (о дружбе и границе. — Б.Х.) отличался от договора 23 августа? Различие огромное. 23 августа Германия еще не напала на Польшу, и формально Советский Союз мог с ней заключать такой пакт, не становясь соучастником, — повторяю, формально, ибо знал о предстоящем нападении на Польшу. 28 сентября все было иначе: Германия была агрессором, и СССР заключал с ней договор о дружбе! Впоследствии Сталин в специальном (и позорном) сообщении ТАСС 29 октября даже подтвердил, что, по его мнению, не Германия, а Франция

¹⁵ См.: (Случ 2004: 171).

и Англия начали войну! С агрессором Сталин собирался дружить, хотя и не без корысти», — писал советский и российский историк, многое сделавший для раскрытия правды о пакте Молотова — Риббентропа, Л.А. Безыменский (*Безыменский* 2000: 311).

В чем, кроме перекройки карты Восточной Европы, состояла эта корысть? В Германию из Советского Союза шли эшелоны с нефтью и нефтепродуктами, хлопком, лесоматериалами, марганцем, оловом, никелем, хромом, медью, платиной, другим стратегическим сырьем. Около трети всех советских товарных поставок в Германию составляло зерно. Из СССР в рейх с 1939 г. по 22 июня 1941 г. было вывезено 1662,6 тыс. т зерновых на сумму в 234,9 млн германских марок (*Дорофеев* 2009: 87).

«Если Германия вопреки ожиданиям попадет в тяжелое положение, то можно быть уверенным, что советский народ придет на помощь Германии и не допустит, чтобы Германию удушили. Советский Союз заинтересован в сильной Германии и не допустит, чтобы ее повергли на землю», — заявил Сталин Риббентропу в канун подписания договора о дружбе и границе (Из записи бесед... 1998).

«Поставки из России до сих пор были очень существенной поддержкой для германской военной экономики. С тех пор, как новые торговые соглашения вошли в силу, Россия поставила разных видов сырья на сумму более 300 млн марок, в том числе на 100 млн марок — зерна», — гласил составленный через год после подписания договора о дружбе и границе

меморандум германского министерства иностранных дел (Меморандум... б.г.: 194).

Гитлер не остался в долгу. «Советский Союз, — отмечал немецкий историк Г. Швендеман, — стал абсолютно привилегированным торговым партнером Германии» (*Schwendemann* 1993: 368). В СССР из Третьего рейха поставлялись новейшие вооружения, средства радиосвязи, оптические приборы, станки-автоматы, образцы боевых самолетов: истребители «Мессершмитт-109», «Мессершмитт-110», «Хейнкель-100», бомбардировщики «Юнкерс-88», «Дорнье-215». На авиазаводах рейха побывали первый заместитель наркома авиастроения СССР В.П. Баландин, директор одного из советских авиазаводов П.В. Дементьев, авиаконструктор А.С. Яковлев. Советским гостям, по словам наркома авиапромышленности А.И. Шахурин, немцы показывали все, включая заводы и конструкторские бюро, знакомили с новейшей авиатехникой на земле и в воздухе — вплоть до того, что советские летчики-испытатели летали на немецких самолетах.

Немцы продавали Советскому Союзу винты и поршневые кольца для авиамоторов, системы кислородного обеспечения на больших высотах, радиопеленгаторы, самолетные радиостанции с переговорным устройством, приборы для слепой посадки, самолетные аккумуляторы, бомбардировочные прицелы, комплекты фугасных, осколочно-фугасных и осколочных бомб, 50 видов испытательного оборудования и многие другие изделия для авиационной и танковой промышленности. В СССР были

поставлены образец среднего танка Т-3, полугусеничные тягачи, дизельные моторы (Хавкин 2019).

В 1940 г. Германия передала Советскому Союзу 5 судов двойного назначения и недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов», вошедший в состав Балтийского флота под именем «Петропавловск» (к началу лета 1941 г. крейсер находился в 70 % готовности). Красный военный флот получил от кригсмарине гребные валы, компрессоры высокого давления, рулевые машины, моторы для катеров, судовую электроаппаратуру, оцинкованный кабель, вентиляторы, судовое медицинское оборудование, насосы, системы для уменьшения воздействия качки на морские приборы, оборудование для камбузов, аккумуляторные батареи для подводных лодок, орудийные корабельные башни, перископы, пять образцов мин, бомбометы для противолодочных бомб с боекомплектом, гидроакустическую аппаратуру, магнитные компасы, теодолиты и даже чертежи линкора «Бисмарк». Даже весной и в начале лета 1941 г. Германия не прекращала поставок новейшей техники в СССР (*Шtrandман* 1999: 374).

Если договор о дружбе и границе с потенциальным агрессором интерпретировать как шаг, позволивший укрепить обороноспособность СССР накануне германского вторжения, то следует подчеркнуть, что этот договор означал образование германо-советской общей границы — плацдарма для нападения на СССР, а советские стратегические поставки способствовали успеху Германии в войне на Западе в 1940 г.

Союз Сталина и Гитлера, закрепленный договором о дружбе и границе, «вероломно» нарушил Гитлер, напав на СССР 22 июня 1941 г. «Советские лидеры включили в название договора слова “о дружбе”, что явно выходило за рамки прежнего договора о ненападении и договоренностей о разделе сфер интересов и не диктовалось ни международной обстановкой, ни германскими требованиями. Сталин спустя месяц после подписания договора с Германией о ненападении явно переступил грань чисто дипломатических отношений, употребив термин “дружба” в отношении режима, вызывавшего осуждение всей мировой общественности», — писал академик А. О. Чубарьян (*Чубарьян* 2008: 62–63).

«Союз между Москвой и Берлином был оформлен полномасштабным межгосударственным договором... Именно Гитлер сделал возможным для Сталина осуществить переход от оборонительной к наступательной политике в области безопасности. Сталин же обеспечил Гитлеру нападение на Польшу, рассчитывая косвенно разжечь летом 1939 г. большую саморазрушительную войну между основными капиталистическими государствами Европы, войну, от которой Советский Союз держался бы с стороне, непрерывно извлекая из нее пользу», — подчеркивал профессор МГИМО МИД РФ Н. В. Павлов (*Павлов* 2017: 292).

По оценке руководителя Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий в Высшей школе экономики О. В. Будницкого: «История

играет в России колоссальную роль и часто используется в политических целях... То, что происходит в последние несколько лет — это, несомненно, своего рода откат в прошлое, явно обусловленный политикой»¹⁶.

Историография, основанная лишь на «гордости прошлым», умалчивает о том, что в преддверии нападения Гитлера Советский Союз был на государственном уровне нацелен на «дружбу» с нацистской Германией. Но «дружбой» с Гитлером гордиться нельзя. Значит ли это, что «неудобные» страницы надо «вырывать» из истории? Ведь прошлым можно не только «гордиться». Нужно уметь «преодолевать» его.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Альтернативы 1989 — Альтернативы 1939. Документы и материалы. М., 1989.

Архив внешней политики РФ — Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 1. П. 8. Д. 77. Л. 1–2.

Внешняя политика... 1946 — Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. IV (1935 — июнь 1941 гг.). М., 1946.

Второй съезд... 1990 — Второй съезд народных депутатов СССР 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. Т. IV. М., 1990.

Выступление Геббельса 1940 — Выступление Геббельса // Правда. 2 марта 1940 г., № 61.

Германо-советский договор... 1939 — Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией // Правда. 29 сентября 1939.

Годовщина 1940 — Годовщина советско-германского пакта // Правда, 23. VIII. 1940.

Горбачев 1995 — Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В 2 кн. Кн. 1. М., 1995.

Доклад... 1939 — Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В.М. Молотова о внешней политике Правительства // Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября — 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939.

Документы... 1992 — Документы внешней политики. 1939 год. Т. 22. Кн. 2. М., 1992.

Документы внешней политики... 1992 — Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992.

Документы XX века б.г. 1 — Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/node/1397> (дата обращения: 27.11.2020).

Документы XX века б.г. 2 — Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/node/3261> (дата обращения: 27.11.2020).

Запись беседы... 1983 — Запись беседы министра иностранных дел рейха со Сталиным и Молотовым. Канцелярия министра иностранных дел рейха, 24 августа 1939 г. Москва // 1939–1941. Советско-нацистские отношения. Документы. Париж — Нью-Йорк, 1983.

Из записи бесед... 1998 — Из записи бесед И. фон Риббентропа с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. 28–29.09.1939. Москва. // 1941-й год. Книга вторая. М., 1998. Приложение. Документ № 23. URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1012187> (дата обращения 29.12.2019).

Интерфакс 2019 — Интерфакс. 19.12.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/688612> (дата обращения: 24.12.2019).

Комсомольская правда 2019 — Комсомольская правда. 24.12.2019. URL: <https://www.kp.ru/daily/27072/4142080> (дата обращения: 25.12.2019).

Меморандум... б.г. — Меморандум министерства иностранных дел. Берлин,

¹⁶ Цит. по: (Пакт Молотова — Риббентропа... 2019).

28 сентября 1940 г. // 1939–1941. Советско-нацистские отношения. Документы.

Мировые войны 2005 — Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005.

Нарышкин б.г. — Нарышкин С.Е. Иного выхода не было. URL: <https://rg.ru/2019/08/22/reshenie-sssr-zaklichit-pakt-o-nenapadenii-s-germaniej-osnovyvalos-na-razvedke.html> (дата обращения: 24.12.2019).

Откровения и признания 1996 — Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996.

Пакт Молотова — Риббентропа... 2019 — Пакт Молотова — Риббентропа: почему Москва пытается оправдать соглашение с нацистами? (The Guardian, Великобритания), 23.VIII.2019. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190823/245690160.html> (дата обращения 27.11.2020).

Пакт о ненападении б.г. — Пакт о ненападении. Национальный позор или закономерная победа? URL: <https://army-news.org/2013/10/pakt-o-nenapadenii-nacionalnyj-pozor-ili-zakonomernaya-pobeda/> (дата обращения: 27.11.2020).

Постановление съезда... 1990 — Постановление съезда народных депутатов СССР “О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года” // Второй съезд народных депутатов СССР 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. Т. IV. М., 1990. С. 612–614.

Правда 1939 — Правда. 25.12.1939.

Правда 1989 — Правда. 24.XIII.1989.

Пресс-конференция... б.г. — Пресс-конференция по итогам встречи на высшем уровне Россия — Европейский союз. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22967> (дата обращения: 27.11.2020).

Приказ Гитлера 1940 — Приказ Гитлера // Правда. 15 июня 1940 г. № 165.

Путин 2020 — Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета, 19.06.2020. URL: <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html> (дата обращения: 20.06.2020).

Путин согласился... б.г. — «Путин согласился с Мединским по пакту Молотова-Риббентропа». URL: <https://www.interfax.ru/russia/440996> (дата обращения: 24.12.2019).

Путин... 2019 — Путин объяснил подписание пакта Молотова-Риббентропа и раздел Польши // Интерфакс. 19.12.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/688612> (дата обращения: 24.12.2019).

Реабилитации... б.г. — Реабилитации пакта Молотова-Риббентропа не будет. История вопроса. URL: <https://ria.ru/20080505/106556830.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Сидак 2008 — Сидак В. Оригиналы секретных протоколов — на стол! // Обозреватель. 2008. № 8.

СССР — Германия 1989 — СССР — Германия, 1939–1941. Кн. 1–2. Составитель Ю.Г. Фельштинский. Вильнюс, 1989

Стенограмма выступления... 2019 — Стенограмма выступления Владимира Путина на неформальном саммите СНГ // Российская газета. 20.12.2019. URL: <https://rg.ru/2019/12/20/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-neformalnom-sammite-sng.html> (дата обращения: 24.12.2019).

Сто сорок бесед... 1991 — Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

ТАСС 2019 — ТАСС. 24.12.2019. URL: https://tass.ru/politika/7414407?keepThis=true&TB_iframe=true&height=500&width=1100&caption=%D0%A2%D0%

90%D0%A1%D0%A1 (дата обращения: 27.11.2020).

Akten zur deutschen Auswärtigen... 1956–1969 — Akten zur deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes. Ser. D (1937–1945), Bd. 6–12. Baden-Baden, 1956–1969.

Das nazionalsozialistische Deutschland... 1948 — Das nazionalsozialistische Deutschland und die Sowjetunion, 1939–1941. Akten aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes. Washington, Department of State, 1948.

Der Hitler-Stalin-Pakt 2009 — Der Hitler-Stalin-Pakt in der Propaganda des Leitmediums. Der „Völkische Beobachter“ über die UdSSR im Jahre 1939. Berlin, 2009.

Die Beziehungen zwischen Deutschland... 1949 — Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939–1941. Dokumente des Auswärtigen Amtes. Hrsg. Alfred Seidl. Tübingen, 1949.

Die Tagebücher... б.г. — Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil I. Bd. 7.

Europe... 2019 — Europe must remember its past to build its future, 19.12.2019. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190917IPR61204/europe-must-remember-its-past-to-build-its-future> (дата обращения 24.12.2019).

Maas, Wirsching 2020 — Maas H., Wirsching A. Keine Politik ohne Geschichte // Der Spiegel, 07.05.2020. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/keine-politik-ohne-geschichte-a-d74deffe-c0f3-4ff7-a6af-dc713e74c6f3> (дата обращения: 19.05.2020).

Nazi-Soviet Relations 1948 — Nazi-Soviet Relations, 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington, Department of State, 1948.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Альперович 1996 — Альперович М.С., Драбкин Я.С., Наджафов Д.Г., Петровский Л.П. Отрешившийся от страха: па-

мяти А.М. Некрича. Воспоминания, статьи, документы. М., 1996.

Безыменский 2000 — Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.

Бережков 1966 — Бережков В.М. С дипломатической миссией в Берлин. 1940–1941. М., 1966. URL: http://militera.lib.ru/мемо/russian/berezhkov_vm2/01.html (дата обращения: 08.10.2020).

Болдин 1995 — Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995.

Восточная Европа... 1999 — Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999.

Год кризиса 1990 — Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. М., 1990.

Горлов 1993 — Горлов С.А. Советско-германский диалог накануне пакта Молотова-Риббентропа // Новая и новейшая история. 1993. № 4.

Дацишина, Сорокин 2019 — Дацишина М.В., Сорокин А.К. Особо секретный «пакет №34». Почему подлинники материалов советско-германского договора о ненападении 1939 года были обнаружены лишь спустя десятилетия // Родина. 2019. № 8.

Дембски 2017 — Дембски С. Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг. М., 2017.

Демури и др. 2009 — Демури М.В., Дрожжин С.Н., Дульян А.Г., Квицинский Ю.А., Макаруч В.С., Марьяна В.В., Мельтохов М.И., Нарочницкая Н.А., Рубцов Ю.В., Симиндей В.В., Фалин В.М., Шубин А.В. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009.

Дорофеев 2009 — Дорофеев Н.В. Советский экспорт зерновых в Германию в 1939–1941 гг. // Вестник южного научного центра РАН. Т. 5. 2009. № 3.

Записки... 1998 — Записки Теодора Либкнехта // Вопросы истории. 1998. № 2.

Зоря, Лебедева 1989 — Зоря Ю.Н., Лебедева Н.С. 1939 год в нюрнбергских до- сье // Международная жизнь. 1989. № 9.

Козлов 2003 — Козлов В.П. Проблемы доступа в архивы и их использования // Новая и новейшая история. 2003. № 5.

Люкс 2009 — Люкс Л. История России и Советского Союза от Ленина до Ельцина. М., 2009.

Маслов, Демина 2012 — Маслов Д.В., Демина О.В. Дискуссии по проблеме «секретных протоколов» к советско-германскому договору о ненападении 1939 г. // Сервис в России и за рубежом. История. 2012. № 5.

Международная жизнь 1989 — Международная жизнь. 1989. № 9. С. 90–123.

Международный кризис 2006 — Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006.

Молодяков 2008 — Молодяков В.Э. Риббентроп. Упрямый советник фюрера. М., 2008.

Нарочницкая 2009 — Нарочницкая Н.А. «Концерт великих держав» накануне решающих событий // Демури М.В., Дрожжин С.Н., Дульян А.Г., Квицинский Ю.А., Макачук В.С., Марьина В.В., Мельтюхов М.И., Нарочницкая Н.А., Рубцов Ю.В., Симиндей В.В., Фалин В.М., Шубин А.В. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 8–9.

Некрич 1995 — Некрич А.М. 1941, 22 июня. М., 1995.

Павлов 2017 — Павлов Н.В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М., 2017.

Петровский 1995 — Петровский Л.П. Дело Некрича // Вестник РАН. 1995. Т. 65. Вып. 6. С. 528–539.

Розанов 1991 — Розанов Г.Л. Сталин и Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. М., 1991.

Сахаров 1995 — Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия: 1939–1945 гг. // Вопросы истории. 1995. № 7.

Семиряга 1992 — Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941 гг. М., 1992.

Сиполс 1997 — Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997.

Случ 2004 — Случ С.З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1.

Случ 2005 — Случ С.З. Сталин и Гитлер. 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1.

Советско-германские документы... 1993 — Советско-германские документы 1939–1941 гг. из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 83–95.

Советско-германские документы... 1996 — Советско-германские документы 1939–1941 гг. из архива ЦК КПСС. Публикация Г.Н. Севостьянова и Б.Л. Хавкина // Новые документы по новейшей истории. М., 1996. С. 151–156.

Соколов 1997 — Соколов В.В. Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова // Новая и новейшая история. 1997. № 1.

Сорокин 2015 — Сорокин А.Н. Пакт Молотова-Риббентропа: основные направления изучения в современной историографии ФРГ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 2. С. 44–56.

Фалин 2016 — Фалин В.М. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски. М., 2016.

Фляйштхауэр 1991 — Фляйштхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. М., 1991.

Хавкин 2007 — Хавкин Б.Л. К истории публикации советских текстов советско-германских секретных документов 1939–1941 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2007. № 1.

Хавкин 2012 — Хавкин Б.Л. К истории публикации советских текстов советско-германских секретных документов 1939–1941 годов // Просвещение. Обществен-

ные науки. 2012. № 1, 2. Интернет-издание для учителя. URL: <http://socialnauki.prosv.ru/article/1416> (дата обращения: 27.11.2020).

Хавкин 2019 — Хавкин Б.Л. «Дружба, скрепленная кровью». Советско-германские отношения 1939–1941 годов до сих пор вызывают неудобные вопросы // Независимое военное обозрение. 27.IX.2019.

Черняев 2008 — Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2008.

Чубарьян 2008 — Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008.

Штрандман 1999 — Штрандман Х.П. Обостряющиеся парадоксы. Гитлер, Сталин и германо-советские экономические связи // Война и политика. 1939–1941 гг. М., 1999.

Яковлев 2001 — Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001.

Bushuev 2013 — Bushuev A. Contemporary History for the Modern Generation: The Specificity of Schoolchildren's Historical Consciousness Formation in Post-Soviet Russia // Yearbook of the International Society for History Didactics. 2013. V. 34. P. 239–252.

Fabry 1962 — Fabry Ph. Der Hitler-Stalin-Pakt 1939–1941. Darmstadt, 1962.

Rossi 1952 — Rossi A. Zwei Jahre deutsch-sowjetisches Bündnis. Köln, 1952.

Schwendemann 1993 — Schwendemann H. Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941. Alternative zu Hitlers Ostprogramm? Berlin, 1993.

Weinberg 1972 — Weinberg G. Germany and the Soviet Union 1939–1941. Leiden, 1972.

REFERENCES

Al'perovich M.S., Drabkin Ia.S., Nadzhafov D.G., Petrovskii L.P. *Otreshivshisya ot*

strakha: pamiati A.M. Nekricha. Vospomnaniia, stat'i, dokumenty. Moscow, 1996.

Berezhkov V.M. *S diplomaticheskoi missiei v Berlin. 1940–1941.* Moscow, 1966. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/berezhkov_vm2/01.html (data obrashcheniia: 08.10.2020).

Bezymenskii L.A. *Gitler i Stalin pered skhvatkoi.* Moscow, 2000.

Boldin V.I. *Krushenie p'edestala. Shtrikhi k portretu M.S. Gorbacheva.* Moscow, 1995.

Bushuev A. Contemporary History for the Modern Generation: The Specificity of Schoolchildren's Historical Consciousness Formation in Post-Soviet Russia. *Yearbook of the International Society for History Didactics*, 2013, vol. 34, p. 239–252.

Cherniaev A.S. *Sovmestnyi iskhod. Dnevnik dvukh epokh. 1972–1991 gody.* Moscow, 2008.

Chubar'ian A.O. *Kanun tragedii. Stalin i mezhdunarodnyi krizis: sentiabr' 1939 — iyun' 1941 goda.* Moscow, 2008.

Datsishina M.V., Sorokin A.K. Osobo sekretnyi "paket № 34". Pochemu podlinniki materialov sovetско-germanskogo dogovora o nenapadenii 1939 goda byli obnaruzheny lish' spustia desiatiletiia. *Rodina*, 2019, no. 8.

Dembski S. *Mezhdru Berlinom i Moskvoi. Germano-sovetskie otnosheniia v 1939–1941 gg.* Moscow, 2017.

Demurin M.V., Drozhzhin S.N., Dul'ian A.G., Kvitsinskii Iu.A., Makarchuk B.C., Mar'ina V.V., Mel'tiukhov M.I., Narochnitskaia N.A., Rubtsov Iu.V., Simindei V.V., Falin V.M., Shubin A.V. *Partitura Vtoroi mirovoi. Kto i kogda nachal voinu?* Moscow, 2009.

Dorofeev N.V. Sovetskii eksport zernovykh v Germaniiu v 1939–1941 gg. *Vestnik iuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*, vol. 5, 2009, no. 3.

Fabry Ph. *Der Hitler-Stalin-Pakt 1939–1941.* Darmstadt, 1962.

- Falin V.M. *Konflikty v Kremle. Sumerki bogov po-russki*. Moscow, 2016.
- Fliaishtkhauer I. *Pakt. Gitler, Stalin i initsiativa germanskoj diplomatii*. Moscow, 1991.
- God krizisa. 1938–1939*. Vol. 2. Moscow, 1990.
- Gorlov S.A. Sovetsko-germanskii dialog nakanune pakta Molotova-Ribbentropa. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1993, no. 4.
- Iakovlev A.N. *Omut pamiaty*. Moscow, 2001.
- Khavkin B.L. "Druzhiba, skreplennaia krov'iu". Sovetsko-germanskie otnosheniia 1939–1941 godov do sikh por vyzvaiut neudobnye voprosy. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 27.12.2019.
- Khavkin B.L. K istorii publikatsii sovetskikh tekstov sovetsko-germanskikh sekretnykh dokumentov 1939–1941 gg. *Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury*, 2007, no. 1.
- Khavkin B.L. K istorii publikatsii sovetskikh tekstov sovetsko-germanskikh sekretnykh dokumentov 1939–1941 godov. *Prosveshchenie. Obshchestvennye nauki*, 2012, no. 1, 2. Internet-izdanie dlia uchitel'ia. URL: <http://socialnauki.prosv.ru/article/1416> (data obrashcheniia: 27.11.2020).
- Kozlov V.P. Problemy dostupa v arkhivy i ikh ispol'zovaniia. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2003, no. 5.
- Liuks L. *Istoriia Rossii i Sovetskogo Soiuza ot Lenina do El'tsina*. Moscow, 2009.
- Maslov D.V., Demina O.V. Diskussii po probleme "sekretnykh protokolov" k sovetsko-germanskomu dogovoru o nenapadenii 1939 g. *Servis v Rossii i za rubezhom. Istoriia*, 2012, no. 5.
- Mezhdunarodnaia zhizn'*, 1989, no. 9, p. 90–123.
- Mezhdunarodnyi krizis 1939–1941 gg.: ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 goda do napadeniia Germanii na SSSR*. Moscow, 2006.
- Molodiakov V.E. *Ribbentrop. Upriami sovetnik firurera*. Moscow, 2008.
- Narochnitskaia N.A. "Kontsert velikikh derzhav" nakanune reshaiushchikh sobytii in Demurin M.V., Drozhzhin S.N., Dul'ian A.G., Kvitsinskii Iu.A., Makarchuk B.C., Mar'ina V.V., Mel'tiukhov M.I., Narochnitskaia N.A., Rubtsov Iu.V., Simindei V.V., Falin V.M., Shubin A.V. *Partitura Vtoroi mirovoi. Kto i kogda nachal voynu?* Moscow, 2009, p. 8–9.
- Nekrich A.M. *1941, 22 iunia*. Moscow, 1995.
- Pavlov N.V. *Rossia i Germaniia. Nesostoiaivshiesia al'ians (istoriia s prodolzheniem)*. Moscow, 2017.
- Petrovskii L.P. Delo Nekricha. *Vestnik RAN*, 1995, vol. 65, vyp. 6, p. 528–539.
- Rossi A. *Zwei Jahre deutsch-sowjetisches Bündnis*. Köln, 1952.
- Roazanov G.L. *Stalin i Gitler. Dokumental'nyi ocherk sovetsko-germanskikh diplomaticheskikh otnoshenii, 1939–1941 gg.* Moscow, 1991.
- Sakharov A.N. Voina i sovetskaia diplomatiia: 1939–1945 gg. *Voprosy istorii*, 1995, no. 7.
- Schwendemann H. *Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941. Alternative zu Hitlers Ostprogramm?* Berlin, 1993.
- Semiriaga M.I. *Tainy stalinskoj diplomatii 1939–1941 gg.* Moscow, 1992.
- Shtrandman Kh.P. Obostriaiushchiesia paradoksy. Gitler, Stalin i germano-sovetskie ekonomicheskie sviazi. *Voina i politika. 1939–1941 gg.* Moscow, 1999.
- Sipols V.Ia. *Tainy diplomaticheskoe. Kanun Velikoi Otechestvennoi voiny. 1939–1941*. Moscow, 1997.
- Sluch S.Z. Rech' Stalina, kotoroi ne bylo. *Otechestvennaia istoriia*, 2004, no. 1.
- Sluch S.Z. Stalin i Gitler. 1933–1941: rasschety i proshchety Kremliia. *Otechestvennaia istoriia*, 2005, no. 1.
- Sokolov V.V. Tragicheskaiia sud'ba diplomata G.A. Astakhova. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1997, no. 1.

Sorokin A.N. Pakt Molotova-Ribbentropa: osnovnye napravleniia izucheniia v sovremennoi istoriografii FRG. *Vestnik SPbGU*. Ser. 2, 2015, vyp. 2, p. 44–56.

Sovetsko-germanskie dokumenty 1939–1941 gg. iz arkhiva TsK KPSS. *Novaiia i noveishaia istoriia*, 1993, no. 1, p. 83–95.

Sovetsko-germanskie dokumenty 1939–1941 gg. iz arkhiva TsK KPSS. Publikatsiia G.N. Sevost'ianova i B.L. Khavkina. *No-*

vye dokumenty po noveishei istorii. Moscow, 1996, p. 151–156.

Vostochnaia Evropa mezhdru Gitlerom i Stalinyim. 1939–1941 gg. Moscow, 1999.

Weinberg G. *Germany and the Soviet Union 1939–1941*. Leiden, 1972.

Zapiski Teodora Libknekhta. *Voprosy istorii*, 1998, no. 2.

Zoria Iu.N., Lebedeva N.S. 1939 god v niurnbergskikh dos'e. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 1989, no. 9.

А. Файн

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ. ПИСЬМО ИЗ ГЕРМАНИИ

Долгие годы живущий в Германии психолог, выходец из СССР, коллекционер исторических артефактов, связанных с историей Второй мировой войны, делится своими размышлениями не только об особенностях нацистской пропаганды, но и о источниках ее изучения, а также о современной немецкой исторической памяти в контексте общей политической ситуации в Германии.

Ключевые слова: Германия, Вторая мировая война, нацизм, нацистская идеология и пропаганда, повседневная жизнь, память о Второй мировой войне, историческое источниковедение, материальные артефакты как исторические источники, коллекционирование, рынок и подделки исторических артефактов, общественные настроения в современной Германии.

Сведения об авторе: Файн Александр Павлович, психолог, специалист по социальной педагогике (Берлин).

Контактная информация: alexander.fayn@gmx.de.

A. Fayn

LITTLE-KNOWN ASPECTS OF NAZI PROPAGANDA AND CURRENT CONDITIONS FOR THEIR STUDY. LETTER FROM GERMANY

A psychologist by education, a native of the USSR, living for many years in Germany, a collector of historical artifacts related to the history of World War II, shares his reflections not only on the features of Nazi propaganda, but also on the sources of its study, as well as on modern German historical memory in the context of the general political situation in Germany.

Key words: Germany, World War II, Nazism, Nazi ideology and propaganda, everyday life, memory of World War II, historical source studies, material artifacts as historical sources, collecting, market and counterfeiting of historical artifacts, public sentiment in contemporary Germany.

© А. Файн, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-158-177

About the author: Fayn Alexander P., psychologist, specialist in social pedagogy (Berlin).

Contact information: alexander.fayn@gmx.de.

Уже два десятилетия я работаю в Германии, в стране, давшей миру величайшие сокровища и имена в области философии, психологии, музыки, литературы и искусства и ставшей в то же время страной, свергнувшей мир в две величайшие катастрофы — мировые войны, особенно во Вторую мировую, с ее изощренной машиной уничтожения всего, что не принадлежало к арийской расе, и всего лучшего, что создало само немецкое общество за несколько веков своего развития. Раздумья над этим феноменом преследовали меня постоянно на протяжении многих лет. При том что сама мысль не нова, она требовала от меня самого поиска конкретных ответов на поставленные вопросы и объяснений причин произошедшего. Как психолог, я пытаюсь дойти до сути, найти глубинные механизмы этой чудовищной метаморфозы национального сознания. Я стараюсь основательно изучить истоки, основы нацистского мировоззрения, его широкого проникновения, прорастания в среде обыкновенных, нормальных людей. К изучению форм пропаганды нацизма, его символов, особенностей их воздействия меня подталкивают и события современной жизни, а именно ширящееся движение возврата к этой идеологии, желание некоторых возродить Третий рейх, что называется, в его былом «блеске». К счастью, я оказался не одинок в моих стремлениях и изысканиях. У меня образовался небольшой круг единомышленников и помощников в сборе информации специфическими методами.

Мы — это небольшая группа русскоговорящих, живущих в Германии, а конкретно, в Берлине. Мы ищем «войну», как удачно выразился один из главных героев фильма «Мы из будущего», копарь. Однако мы не копари...

По всей Германии разбросаны всевозможные артефакты нацистского присутствия на немецкой земле за годы Второй мировой войны. Что, конечно, не удивительно само по себе. Поражает другое. Сами немцы, и в первую очередь немецкая администрация всех уровней, не проявляют к этим предметам никакого интереса. Больше того: они делают вид, что этих вещей не существует. Почему? Немцам зачастую свойственно принимать желаемое за действительное. Они горячо желают, чтобы свидетельства Третьего рейха и его деяний поскорее исчезли и чтобы эта эпоха была дружно забыта. А между тем «осколки» нацистского прошлого присутствуют повсеместно в домашних архивах родственников, в коллекциях собирателей, на чердаках и в подвалах частных домов, в закрытых квартирных музеях, в архивах общественных организаций, объединяющих бывших военнослужащих, как и гражданских служащих Третьего рейха. Их можно отыскать в подвалах районных и других местных администраций, в сейфах офисов и в бюро тренировочных лагерей правых экстремистских организаций. Там можно найти бесчисленные фронтовые фотографии, документы разного калибра, море различной пропагандистской литературы (в том числе откровенно антисемитской).

Не говоря уже о наградах всех достоинств, униформе, оружии. Речь идет, как правило, о материалах, достойных выставления в музеях и на выставках и вполне востребованных в коллекционном мире — но не на государственном уровне. Почему? Этот парадокс возник как раз из-за уже упомянутой «страусиной» политики немецкой администрации, исходящей из того, что никаких материалов якобы нет и быть не может, ведь последствия Второй мировой войны преодолены, полная денацификация проведена, пресловутый параграф 86 немецкого уголовного кодекса существует, а значит, вопрос закрыт, с нацизмом покончено навсегда — и баста. Вместо того чтобы активно скупать сохранившиеся материалы, пополнять музеи и государственные архивы, администрация пустила движение артефактов на самотек, отдав эту важнейшую для настоящего и будущего Германии тему на откуп разного рода серым дилерам и поисковикам, часто связанным с ультраправыми движениями.

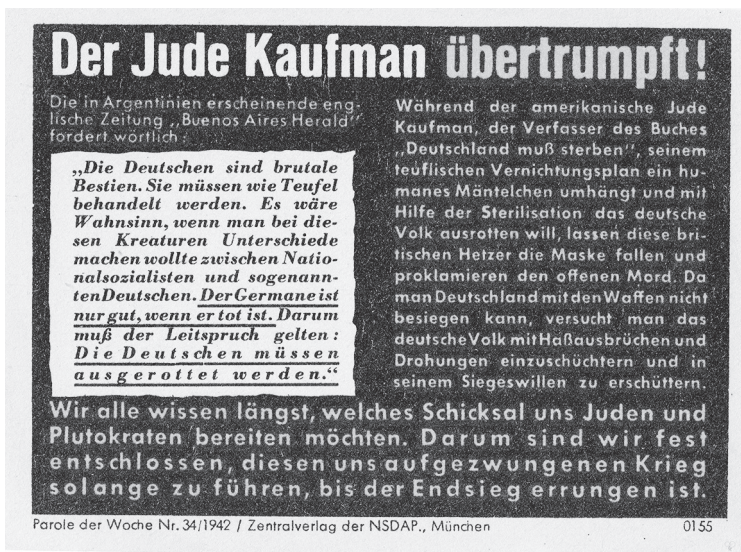
Таким образом, современная Германия демонстрирует полное пренебрежение к материалам, к артефактам, отражающим историю эпохи Третьего рейха. Любопытно: по договоренностям с несколькими аукционными домами Берлина нам удалось проследить, куда уходят артефакты. Выяснилось, что их покупают многочисленные организации, частные музеи за пределами Германии, их покупает даже Лувр. Но из немецких покупателей — только частные лица.

И в результате эти артефакты растворяются в частных владениях. Навсегда. Между тем немало категорий

артефактов остаются неизученными, а ведь они могли бы пролить свет на многие драматические сюжеты времен господства нацизма в Европе. Да и не только. Всесторонний анализ артефактов эпохи нацизма позволяет делать выводы о положении дел с правыми формированиями в любой стране, давать прогнозы о направлении движения разного рода «пограничных» организаций, о степени их включенности в нацистскую идеологию.

Итак, я попытаюсь рассказать о том, что мы ищем и какая картина открывается в свете наших поисков. Как сказано выше, нами движет желание разобраться, каким образом идеи нацизма смогли проникнуть так глубоко в сознание немцев. И вот мы мотаемся по всем немецким землям, ищем всевозможные атрибуты времен Третьего рейха, которые помогли бы найти ответы на занимающие нас вопросы. И прежде всего на вопрос: почему при всем высочайшем уровне развития немецкой культуры и эффективности экономики Германии было столько людей, готовых ради нацистских идей идти на смерть, жертвовать своими семьями, своими родными и близкими? Мне совершенно очевидно, что существует колоссальный пробел в науке (и связанных с ней практических подходах) там, где дело касается изучения механизмов доведения нацистских идей до рядового обывателя. Весь мир интенсивно изучает малейшие движения нацистской политики, до изнеможения докапывается до нюансов частной жизни нацистских политических лидеров. Но где связь между цитатами из Гитлера и фашизацией сознания обывателя? Каким образом

малочитающий рабочий и малограмотный крестьянин превращались в безоговорочных убийц и законченных антисемитов? Считаю, что мы нашли некоторые из ответов на эти вопросы. «Бытовая оккупация» нацизма шла по пути максимального упрощения идей Гитлера и его команды, создания простых мыслительных конструкций и доведения через них до каждого жителя страны основных позиций нацизма. Нацизм, таким образом, должен был проникнуть в каждый дом, должен был присутствовать во всех семейных делах обывателя, стать постоянным спутником рядового немца в жизни. И тогда он становится своим. Привычным, очевидным партнером, который уже необходим как советчик, как своего рода справочное пособие, в котором можно найти простые ответы на сложные вопросы жизни. И в результате уже с участием нацистской идеологии строятся ближайшие и стратегические планы, воспитываются дети, происходят, наконец, и семейные развлечения.

Еще несколько слов о методах нацистской пропаганды в работе с населением, нас интересующих. Такие общеизвестные механизмы пропаганды, как «геббельсовское» радио, газеты, почтовые марки, открытки, мы не рассматриваем: это давно проработано. Проникновение нацизма в семьи, в повседневность немцев шло по многим другим, разнообразным и пока малоизвестным современным общественности направлениям. Одно из них: «Parole der Woche NSDAP». Это так называемые лозунги недели, стенная газета. Она вывешивалась повсеместно, в наиболее людных местах, во дворах и даже в парадных домов. Часто в витринах, специально изготовленных для подобных листов. Их содержание, как правило, крайне агрессивное по отношению к всевозможным «врагам рейха». «Parole der Woche» были крайне резкими, с язвительными, жесткими карикатурами. Пока мне известна только одна брошюра на эту тему. Написал ее работник государственного архива, имеющий

доступ к такого рода материалам. Автор указал в ней на существование не менее 400 выпусков подобных газет. С моей точки зрения, особый интерес представляют так называемые «Parole der Woche Vignette» (виньетки НСДАП) — малоформатные копии обычных «Parole der Woche». В отличие от классических виньеток, они преимущественно включали в себя тексты, тогда как рисунки встречаются в них нечасто. Своим содержанием виньетки могли отличаться от своих полномасштабных аналогов. В том числе тем, что их тексты были еще более агрессивными. Характерные размеры виньеток: 7 см на 10 см. Тиражи их были массовыми, но точными цифрами мы пока не располагаем. Эти виньетки наклеивались на письма, на посылки, они являлись предметом коллекционирования. Их клеивали в дневники, в домашние альбомы. Очевидно, их содержание перечитывалось, заучивалось. В виде цитат тексты виньеток встречаются в переписках. Сегодня виньетки НСДАП — редкость. Их можно найти только в семейных архивах эпохи Третьего рейха. Никакой литературы по теме «Виньетки НСДАП» пока нет.

Другое направление нацистской пропаганды — «Press-Fotos». Речь идет о настоящих фотографиях, которые делались в фотоателье конкретным фотографом. Но в отличие от частных фото, тоже зачастую выполнявшихся большими тиражами, это фотографии на сюжеты исключительно пропагандистского характера. Они изготавливались преимущественно для прессы и в дальнейшем использовались в газетных публикациях, были доступны всем слоям населения.

Это совершенно неизученная тема, нам до сих пор неизвестны тиражи; издатели, кроме концерна Hoffman (это был личный фотограф Гитлера), тоже практически неизвестны. Никаких монографий или специальных научных работ на эту тему пока не существует. «Press-Fotos» часто носили репортажный характер. Фотограф имел соответствующий допуск снимать с близкого расстояния политических лидеров. Фотографии распространялись с небольшими комментариями на оборотной стороне. Комментарии эти печатались на печатных машинках и, вероятно, проходили цензуру. Но кто и где это делал — нам пока неизвестно. В частных архивах фотографии этого типа встречаются достаточно часто. Предположительно, их можно было покупать, они изготавливались также для частных лиц: на многих подобных фото видим дарственные надписи.

Ещё одно направление — «Press-Bilder». Это тоже фотографии, но выполненные уже типографским способом, всегда с комментариями. Это фотографии в формате расширенной пропаганды: там представлена уже не только политика и не только достижения немецкого оружия, но и спорт во всем его «ассортименте», и трудовые «подвиги» немецкого народа. Хотя речь идет о массовых тиражах, нам совершенно ничего до сих пор неизвестно ни про количество такого рода фотографий, ни про авторов. Так же как и в ситуации с «Press-Fotos», каталоги отсутствуют, как и какая-либо систематизация. При этом «Press-Bilder» уходили пачками на предприятия, в распоряжения частей, в общественные организации, а потом в частные архивы.

Следующее важное направление — «Schmuck-Urkunde». Как правило, это настенные цветные декорации, несколько напоминающие грамоты советского времени. Это материал всех мыслимых форматов, насыщенный нацистской символикой, с крайне агрессивной экспрессией. Вероятно, «Schmuck-Urkunde» были в том или ином виде в каждом немецком доме. С моей точки зрения, это было одно из самых эффективных пропагандистских решений. И опять же, полное отсутствие систематизации, минимальная информация об издателях... А надо сказать, что «Schmuck-Urkunde» были особенно популярны у собирателей в силу своей декоративности. Но в качестве инструмента пропаганды они до сих пор никем всерьез не изучались.

Далее следует упомянуть «Wochenspruch der NSDAP». Это еженедельный, можно сказать, Kleinplakate, так сказать, «малый» плакат партии с цитатами из высказываний ее известных персон. Художественно

оформленный пропагандистский листок, насыщенный нацистской символикой, как правило, многоцветный.

Мы собрали достаточно материалов для создания полноценных репрезентативных каталогов по направлениям «Press-Bilder», «Schmuck-Urkunde», «Wochenspruch der NSDAP». Можно взглянуть на собранный материал с точки зрения некоторой статистики и выявить определенные тенденции, касающиеся указанных пропагандистских направлений. Для примера остановимся несколько подробнее на «Wochenspruch der NSDAP». На сегодняшний день о «Wochenspruch» известно очень немного. Мы не знаем, кто формировал тексты. Непонятно также, каковы были пути распространения и как все это было организовано. Адресаты известны также очень приблизительно. Мы ничего не знаем и про саму концепцию, которая легла в основу появления и развития этого пропагандистского феномена. При этом

«Wochenspruch» — явление массовое, их вышло не менее 1200 вариантов, причем большими тиражами. Можно предположить, что в основе концепции «Wochenspruch» лежали цитаты из выступлений политических лидеров Третьего рейха, националистические высказывания значимых для немцев исторических персонажей. Чаще других использовались цитаты Гитлера, Геббельса, Геринга, но, впрочем, были задействованы также цитаты из высказываний средневекового короля Фридриха II, Отто фон Бисмарка, Пауля фон Гинденбурга. Цитаты, как правило, приводились очень точные. Всегда присутствует искусно подобранное художественное оформление. Можно с уверенностью сказать, что «Wochenspruch NSDAP» занимают значительное место в культуре нацистского плаката.

В отличие от «Schmuck-Urkunde», которые отличались разнообразием размеров, «Wochenspruch» были более стандартизированы. Наиболее распространенный размер был 23,8 см на 34,5 см, что значительно отличается от формата А4 (абсолютно непонятная логика, поскольку в Германии действуют стандарты форматов серии А). Встречаются, впрочем, еще три размера, но крайне редко. Известно, что первые «Wochenspruch» появились в 1937 г. Поначалу этим занимались в ведомстве «Gaupropagandaamt». Ориентировочно в 1940 г. выпуск «Wochenspruch» перешел в компетенцию «Reichspropagandaleitung», стал выпускаться централизованно. «Wochenspruch» издавался по 1944 г. включительно. Их выпуск был прекращен в связи с общим де-

фицитом сырья и, в частности, бумаги. «Малый» плакат требовал гораздо меньше места, чем нацистский плакат традиционных размеров. Поэтому он был гораздо «мобильнее», в изобилии демонстрировался в самых разных местах скопления немцев — от булочных и до дворцов партийных съездов.

Создается впечатление, что отношение простых немцев к «Wochenspruch» было уважительным и очень бережным. Их часто размещали в рамки и вывешивали на стенах жилых помещений. Очевидно, что «Wochenspruch» просто дарили обывателям за какие-то достижения по партийной линии, мы пришли к такому выводу, поскольку сталкивались с дарственными надписями от имени мелких партийных бонз на «Wochenspruch», хранившихся в семьях наряду со «Schmuck-Urkunde» и с обычными картинами. Висящая на стене жилой комнаты цитата нацистского содержания прочитывалась членами семьи многократно и, безусловно, прочно оседала в памяти.

Теперь поговорим о факторах, благоприятствующих сбору материала. Странная ситуация сложилась в немецкой исторической науке. Особенно в части изучения методов нацистской пропаганды. Ведь самая актуальная часть пропагандистской деятельности — механизмы доведения нацистских идей непосредственно до потребителя — оказалась совершенно не изученной. Мы знаем, конечно, об изданиях огромными тиражами речей Гитлера, брошюрах Геббельса, имеем представление о структуре пропагандистских филь-

мов типа Рифеншталь. А вот что конкретно доходило до немецкого обывателя, в каком виде и что именно висело у него на стенах, какие украшения стояли у него на столе, что оседало в домашних архивах и по сто раз просматривалось, что каждый день прочитывалось, чем играли дети — эти объекты вообще как-то выпали из рассмотрения. Я ранее отметил, что очень много интересного исторического материала курсирует в Германии по неофициальным каналам. Этому способствует целый ряд факторов. Уделим некоторое внимание двум из них, которые касаются социально-психологических

процессов сегодняшней Германии. Как любое общество, современное немецкое расслоено. Люди, активно интересующиеся историей Третьего рейха, как правило, не относятся к высшим кругам. Конечно, элитные ученые-гуманитарии, да и политики рассуждают об этом немало. Но это совсем не тема для светских раутов, корпоративных мероприятий. А в узком кругу нацизм и все то, что с ним связано, конечно, обсуждается в любых сообществах, но только среди своих. Сегодня немцы внешне стараются вести себя чрезвычайно дружелюбно, не в пример многолетним уличным войнам между

правыми и тельмановцами. Агрессия нынче сведена к минимуму. Но это дается нелегко. Немецкий характер включает в себя сухость, в чем-то и упертость, воспаленность сознания. Нередко можно столкнуться и с неумением слушать собеседника, недоверием и откровенной недоброжелательностью. Надо видеть, как немецкие чиновники порой начинают разговаривать с посетителями. Это не привычное наше российское хамство вперемешку с сочувствием. Немецкий чиновник всегда в рамках, но намеренно беспощаден и не пойдет навстречу клиенту ни при каких обстоятельствах, если это не стыкуется с соответствующим параграфом. Но при этом немецкая жесткость в социальных контактах имеет назидательный характер. Это значит, что немец считает: нарушившего правила нужно заставлять соблюдать общественные и юридические нормы. И наказание, будь то штрафы, ограничение свободы, другие санкции, должно призвать человека выполнять правила, приучить к социальной дисциплине, сформировать толерантность к общественным нормам. Что важно: за всем этим не стоит мщение, желание добить, идея преследования. Мы сейчас говорим об одном из ключевых моментов социальной психологии немецкого общества. Назидание, нравоучение, но не возмездие. Поэтому совершивший разные прегрешения, но в последующем успешно социализировавшийся человек вполне принимается в соответствующих его образованию, происхождению слоях общества. Его прошлое мало кого интересует. О прошлом его не спрашивают, не сплетничают, не собирают о его частной жизни инфор-

мацию, как это нередко происходит у нас, например. Позиция такова: да, этот гражданин когда-то что-то совершил, что-то нарушил, но сейчас он в норме, а значит: с ним все в порядке. Разумеется, при приеме на работу, опять же, в зависимости от вида деятельности, от него могут затребовать справку из полиции, так называемый Führungszeugnis, там указаны совершенные им прегрешения перед законом. Но в этом опять же нет унижения, просто работодатель имеет право знать особенности претендента на должность. Глагол «ябедничать» фигурирует в немецкой речи в другом контексте, нежели у нас. В стране, где законы принято и вполне логично исполнять, а не нарушать, соблюдение общественных правил — только на пользу обществу. Поэтому неправильно припаркованную машину, пьющую компанию на детской площадке и многое другое прохожие могут сфотографировать и отправить снимки либо в полицию, либо в специальный, очень «немецкий» департамент Ordnungsamt (нам подобная организация незнакома, аналогов ее в нашем российском административном устройстве нет.). Но и все. Никто не будет преследовать соседа, проверять исполнение наказания. Сообщили куда надо — остальное не мое дело. Если порядок выраженно не нарушен, никто не будет подсматривать, подслушивать: делай что хочешь у себя дома, в кругу друзей и знакомых. Следствием этого общенационального принципа не лезть в чужие дела является отсутствие института участковых полицейских. В Германии нет даже аналога подобной организации. Посещение частного дома чиновником с расспросами о соседях просто для

HJ. fährt zum Wintersport.

Am zweiten Weihnachtstag verließen 1100 HJ- und Jungvolkjugenden in zwei Sonderzügen die Reichshauptstadt zur Fahrt ins Glatzer Bergland. Dort, bei Wilhelmstal, veranstaltet das Gebiet Berlin der Hitlerjugend ein großes Wintersportlager. — Erwartungs- und hoffnungsvoll betreten die Jungen mit ihrer Ski-Ausrüstung den Bahnhof.

Seite 1307/5, 27.12.36, Bild 4 / Foto Atlantic / Akhater Bilderdenk, Herausgeber J. J. Weber, Leipzig u. Berlin, Dinsberger, 6

сбора информации немыслимо. Вообще всем, что происходит некриминального в местах общественного присутствия, занимается совсем не полиция, а упомянутый выше департамент Ordnungsamt (это очень приблизительно можно перевести как служба управления и контроля за порядком; структура абсолютно непонятная для российского менталитета). Чиновники ходят в особой униформе, они могут выписывать штрафы разного достоинства — за брошенный мусор в неположенном месте, за стоящий на улице автомобиль, на который не оформлена страховка, за неправильную парковку вообще, сорванные цветы и т. д.

Таким образом, полиция не вмешивается в быт граждан, если ничто не предвещает нарушения уголовного законодательства. Вот и получается, что все домашние и клубные мероприятия закрыты для посторонних. При соблюдении всех внешних приличий никакой аноним потревожить

это не сможет. Поэтому о существовании частного квартирного музея в соседней квартире на протяжении десятилетий никто может и не догадываться. В курсе дела только близкий круг. По этой же причине много лет без помех может проходить в одной и той же «Gaschtette» (типа ресторана с актовым залом для проведения мероприятий) «Sammlertreff», на котором можно купить совершенно немыслимые предметы. И просто запрещенные, даже для коллекционирования. Этот фактор, кстати, является одной из предпосылок расцвета как неонацизма, так и других радикальных антиобщественных формирований.

Второй важный социально-психологический фактор — национальный эгоизм, который неоднократно играл дурную роль в истории немецкого народа. Дескать, не хотим мы слушать ваши страшилки, не беспокойте нас по пустякам. Нежелание включаться в общественно-политические

процессы, отвлекаться от привычной, расслабляющей повседневности приводит к замалчиванию многих значимых для общественного устройства проблем. Формулы «не мешайте нам жить», «нас это не касается» ведут к чрезвычайно позднему реагированию на существенные для государства обстоятельства. Именно так были допущены ошибки геополитического характера, ошибки в отношении миграции. А общество стало на эти процессы реагировать только тогда, когда загорелись общежития мигрантов и насилие над немецкими женщинами приобрело невиданные масштабы. Та же картина с чудовищным ростом антисемитизма. Это стало общественной проблемой только тогда, когда проживающие в Германии евреи перестали открыто носить иудейскую символику. И сегодня человек в кипе подвергает свою жизнь и здоровье опасности.

Один из примеров общественного самообмана — нежелание принимать факты как они есть. Показательна ситуация с организацией «Reichsbürger und Selbstverwalter». Согласно данным Bundesamt für Verfassungsschutz (Федерального ведомства по защите конституции), по состоянию на 31 декабря 2019 г. федеральный объект наблюдения «Reichsbürger und Selbstverwalter» составляет 19 000 человек, включая «950 правых экстремистов». Значит, всего 950 человек из этого круга причисляются к правым экстремистам. А между тем напомним, что в «Reichsbürger» считают, что они живут при событиях и на территориях Третьего рейха 1937 г. при нацистской конституции и гитлеровских порядках. Вся современная Германия, согласно пред-

ставлениям этих людей, незаконна, она не что иное, как продукт «жидомасонского заговора». Ну что может быть еще правее и жестче? Так нет же, по каким-то спекулятивным соображениям ультраправыми среди них посчитали только 950 человек. Число неонаци в стране откровенно занижается. Тем самым дают понять, что и беспокоиться теперь не надо, радикалов, оказывается, не так уж много. Поэтому так сложно сегодня донести до общественного сознания опасность массового распространения в Германии нацистских артефактов и их подделок.

Наша группа невелика. Как я уже сказал, узкий круг русскоговорящих, живущих в Германии, интересующихся политической историей Третьего рейха, а также культурой и эстетикой нацизма. Вероятно, можно сказать, что мы занимаемся полевыми исследованиями, изучая пропагандистские и антисемитские материалы нацизма. Наш способ изыскания и сбора материалов — включенное наблюдение. Хотя, откровенно говоря, это не очень приемлемый для нас метод, ведь можно нарваться на неприятности разного рода. Однако другой возможности сбора информации мы пока просто не видим.

Материала по Второй мировой войне, по нацизму имеется в избытке в андеграунде немецкого антикварного рынка. Но действительно интересный артефакт, а не подделка или официальная копия — вещь достаточно редкая. Надо проявить немалое мастерство и обладать приличными знаниями, чтобы его добыть. Как я уже отметил, вся эта тема находит-

ся в «серой зоне». В антикварных магазинах ничего подобного не найти.

Практически в каждом крупном городе Германии имеется тусовка, члены которой интересуются и активно занимаются немецкой «милитарией» (и прежде всего артефактами, связанными с вермахтом). Они частично ее собирают, частично ею торгуют. Материал попадает на тусовку, проходя через многие руки. Причем каналы поступления совершенно различные. Это и осколки наследств разных лиц (кстати, отсюда, как правило, происходят самые содержательные поступления), и материалы из разного рода коллекций. И среди прочего материалы и фрагменты похищенного из архивов и музеев. Очень много находок — с чердаков и подвалов. Все это часто можно видеть в отличном состоянии.

Каждый из этих каналов имеет свои типичные именно для Германии особенности. Например, «чердачно-

подвальный» поиск именно у немцев чрезвычайно плодотворен, поскольку подвал (Keller) в Германии — это абсолютно другое явление, нежели в России. У немцев это дополнительная кладовая, ведь на каждую квартиру выделена отгороженная в общем подвальном помещении ячейка. Это, как правило, прекрасно освещенная комнатенка, сухая, на всех замках. И из подвального коридора не увидишь, что там находится. Поэтому старые и даже древние вещи, бумаги могут десятилетиями там храниться в отличном состоянии. Этот Keller освобождается, только если уже вся семья освобождает квартиру. Важно иметь в виду, что после бомбежек эти Keller (подвалы) часто оставались неповрежденными, их содержимое не страдало. В отличие от жилых квартир.

Так называемая «копанина» в Германии обладает своей спецификой. Существует ряд очень жестких законов, запрещающих копать абы

где. Поэтому «копари» достаточно обстоятельно готовятся к своей работе. Но им есть для чего стараться. Ведь после бомбежек городов немцы свозили мусор в определенные места. Собственно говоря, это были не свалки с гниющими органическими останками, а собранные на определенной территории предметы житейского быта. И там могут быть предметы быта и личные вещи, находящиеся в очень хорошем состоянии. Иногда встречаются редкости. На этот счет существует много различных необычных историй.

Постоянно действующих клубов хранителей «милитарии» в Германии нет. Ничего похожего на еженедельные встречи коллекционеров, какие, скажем, проходят в Москве или в Питере, не существует. Иногда проводятся так называемые *Waffen Börse* или *Sammlertreff* — большие встречи коллекционеров и дилеров. Это происходит раз в несколько месяцев. В России подобное принято называть слетами. На этих слетах встречаются «тусующиеся» из разных городов. Но это происходит не слишком часто. Поэтому городские тусовки частично заменяют клубы. Проходят они, как правило, по субботам и воскресеньям. Иногда их участники встречаются в середине недели, в оговоренном заранее кафе в среду или в четверг. Но в данном случае речь идет уже о самом узком круге.

Можно сказать, что вот эти самые тусовки и являются первой ступенькой появления и последующего вращения артефактов. Сообщество, о котором идет речь, по определению неформальное. Но туда чрезвычайно

сложно проникнуть постороннему, случайному человеку, стать его доверенным лицом. Ведь все участники этих тусовок годами занимаются Второй мировой войной и историей Третьего рейха. Им надо отдать должное в том, что это спецы в своем деле. Пути попадания в группу самые разные. Возможен приход по рекомендации (если это подходящее в данном контексте слово) человека, который со временем, приобретая доверие, тоже включится в работу. Члены тусовки встречаются совершенно открыто. Например, в Берлине — два основных места встреч. На *Ostbahnhof* собираются вокруг *Bäckerei*, это похоже на нашу кондитерскую. Люди сидят, пьют кофе, непринужденно беседуют. Можно даже подсесть, вступить в разговор. Никто не обругает, все будет вполне корректно, но тема разговора сменится немедленно. При постороннем начнут говорить о каких-то незначимых вещах и быстро разойдутся. Никаких озвученных правил, никакого устава, абсолютно неформальное общение и абсолютно неформальная группа. Но подобная тусовка является центром городской «паутины», которая объединяет сотни и тысячи лиц, заинтересованных в приобретении всевозможных предметов времен Третьего рейха. Каждый приобретает что-то по своим мотивам.

Сообщества, занимающиеся поисками и изучением артефактов нацизма, грубо делятся на две большие категории: реальные и виртуальные. Что тоже условно: может быть много вариантов там, где дело касается смешанных форм. Опять же, эти сообщества — очень живая и подвижная конструкция. К примеру, рас-

смотрим ситуацию с лицами, которые интересуются темой Железного креста 1-го класса 1939 г. Это вполне популярная у немцев награда. Вручалась за реальные боевые заслуги. Ведет свою историю по сути с 1813 г. Круг заинтересованных лиц образуется из разных групп. Есть и просто фалеристы (в этом случае вполне нейтральные лица, собирающие разные награды по категориям), их интересует история той или иной награды и награждения ею, правила ношения, условия награждения. Другие собирают кресты по производителям, особенностям штампов и изготовления, по разновидностям креплений. Кстати, это высокоуважаемая категория в кругу заинтересованных лиц. К этому делу подключаются и люди правых убеждений, разного толка. Одни приобретают награды для декораций, для упомянутых уже закрытых музеев. Другие как реликвию — символ боевого духа истинных арийцев, для ритуалов. Речь идет об исторической рекон-

струкции, но с определенным подтекстом. Немаловажно вот что: вся эта паутина, со всеми ее звеньями — прекрасный индикатор настроения категории «обыватель с невысоким статусом образования». Растущее недовольство политикой правительства заставляет малообразованные слои населения обращаться к мифам Третьего рейха: низкая безработица, рост доходов, отличная организация отдыха простого труженика через всенацистскую структуру Kraft durch Freude («Сила через радость»), высокий патриотический тонус. Все эти обстоятельства стимулируют обращения бюргеров к реликвиям нацизма. А с другой стороны, все, кто связан с подобного рода «милитарией», критично относятся к событиям внутренней жизни современной Германии с ее политикой «мульти-культи». Рассматриваемая мною в данном случае сеть, а также круги ее вращения тотально ориентированы на популистскую партию с резким пронацистским духом —

AFD (Альтернатива для Германии). И это в лучшем случае — на AFD. Разумеется, многие ориентируются и на откровенно правые, крайне правые партии типа NPD (Национально-демократическая партия Германии), Die Rechte (Правые; эти незатейливо назвали себя, без какого-либо политического кокетства), Die Republikaner (Республиканцы) и другие им подобные. Все они неплохо себя чувствуют в сегодняшней Германии, хотя зачастую пропагандируют откровенный нацизм (само собой, с оголтелым антисемитизмом и антисоциализмом).

Очевидно, что мигранты разных категорий в этой паутине крайне непопулярны. Плохой немецкий, отсутствие гражданства — все это существенно усложняет контакты со звеньями паутины. Опять же, все выглядит достаточно корректно, никто не будет откровенно высказывать недоброжелательность. Просто не будут иметь дело с этими людьми. Так, например, на берлинские тусовки постоянно навещается состоятельный канадец английского происхождения. Он даже снимает квартиру в Берлине на постоянной основе. Его приезда ждут, подбирают ему эксклюзивный товар. Но все контакты все равно ограничиваются только бизнесом. Я не слышал, чтобы с ним вели разговоры идеологического характера. И он не вхож в дома активных деятелей тусовки.

Торговый бизнес интернационален. Но на все, что относится к категории немецкой «милитарии», это правило не распространяется. Так, появление на упомянутых слетах африканца немислимо. Более или менее тусов-

ки уживаются с лицами турецкого происхождения. Но и в этом случае контакты исключительно деловые. Категорически не принимается вся миграция последней волны, связанная с войной в Сирии. И надо сказать, что в этом случае немцы могут быть чрезвычайно агрессивными. И то, что совершенно табуировано, так это контакт с лицами еврейского происхождения. Причем с ростом погруженности в тему «артефакты нацизма» антисемитизм растет.

Итак, можно условно представить себе некую схему. По вертикали: внизу находятся достаточно нейтральные дилеры, которые по большей части озабочены извлечением прибыли. А также собиратели, которые заняты нюансами коллекционирования. Их интересует, что называется, материальная часть, тогда как идеологическая составляющая в случае с ними минимальна. Они занимаются предметами как таковыми. Определяют их с точки зрения редкости, знают их цену. Если двигаться по вертикали вверх, видно, как возрастает интерес к мировоззренческим вопросам, артефакты все больше становятся носителями идеологии, и одновременно происходит их метаморфоза в реликвии. На вершине вертикали располагаются абсолютно закрытые группы типа «Reichsbürger» или «Selbstverwalter» или другие, коих немало.

Если же представить себе эту схему по горизонтали, перед нами — разные виды артефактов. Эта диаграмма может быть небезынтересна, поскольку она показывает, какие категории артефактов наиболее идеологизированы. Вообще, чтобы попасть в ядро

паутины или хотя бы к нему приблизиться, надо очень хорошо разбираться в каком-то из направлений нацистской «милитарии». Например, в следующих:

- фотография;
- документы;
- литература;
- холодное оружие;
- награды;
- членские знаки и т. д.

Разбираться хорошо — это значит быть настоящим экспертом в каком-либо из этих направлений, продемонстрировать глубокое знание предмета. Поверхностность, «нахватанность» тут же расшифровывается, и такого человека держат на дистанции. Скажем, если вы занимаетесь квалификационными знаками, то вы должны не просто знать названия наград и их историю, особенности ношения, но и хорошо разбираться в тонкостях изготовления, отличать награды по производителям. Причем давать экспертные оценки, так сказать, «в полевых условиях». Прямо на месте рассмотрения. Без каталога и подсказки. И что очень важно, отличать подделки от оригиналов. Но это еще не все. Надо очень хорошо ориентироваться в немецкой «милитарии» вообще. Обладать эрудицией в этой области. То есть, иными словами, знать эту отрасль — нацистскую «милитарию» — на вполне профессиональном уровне. Только это позволит вам самостоятельно вести бизнес и не погореть после первых же закупок. Само собой, надо прекрасно разбираться и в особенностях рынка, ориентироваться в ценах.

Все это — то немногое, но важное, что обязательно для сближения с тусов-

кой, а на обретение всего этого уходят многие годы. Постоянная практика, участие на форумах, постоянное чтение литературы, непрерывный мониторинг рынка. Мне понадобилось немало лет, чтобы полностью соответствовать вышеперечисленным критериям, добиться необходимого авторитета и стать членом тусовки. Но при этом я сознательно ограничиваю себя в организации новых контактов и в движении по вертикали вверх. У меня есть все возможности тесно коммуницировать с дилерами паутины на предмет обращения артефактов. И это то, что мне надо. Однако мы не ставили перед собой никаких задач касательно исследования социальной психологии неформальных групп, образующихся вокруг темы «артефакты нацизма». Напротив, лишние контакты нам совершенно не нужны, тем более что с радикалами это и небезопасно. И никому не понравится, что на самой тусовке кто-то посторонний проводит разного рода полевые исследования. Кстати, кроме нас самих этого никто до сих пор никогда не делал, а если бы делали — то мы бы знали. Ведь информация по паутине распространяется очень быстро.

Так что двигаться вверх по идеологической вертикали у меня нет никакого желания. Хотя возможность такая уже есть, настоящее положение дел мне представляется вполне удовлетворительным. Мы заняли свою нишу в паутине. Авторитет у участников этой сети завоевать чрезвычайно трудно, зато потом он позволяет открывать многие двери. Авторитетный член паутины сам становится одним из ее образующих звеньев. И если не делать грубых

ошибок, можно долго оставаться в центре событий.

Итак, наши задачи касаются только сбора материала по нацистской пропаганде и немецкому антисемитизму. Поэтому вся аналитика по социальной психологии и элементам «этнографии» паутины является сопутствующим материалом, как результат включенного наблюдения в самой сети. Хотя подобного материала накопилось немало, его анализ следует проводить в отдельных работах.

Теперь надо поговорить о некоторых особенностях потребления артефактов нацизма. Как же обстоят дела с этим в Германии, каков уровень потребления, каковы запросы? Сразу оговорюсь, что в последующих моих обоснованиях нет никаких претензий на строгость. Это просто «пилотные» рассуждения. Однако важно иметь в виду, что и исследований в этой области также никто не проводил. За весь послевоенный период по настоящее время во всех землях Германии, согласно абсолютно открытой информации, было зарегистрировано более 130 праворадикальных организаций. Это гораздо больше, чем во всех странах Европы вместе взятых в послевоенное время. Только 20 из них были официально запрещены и распущены. Остальные либо развалились по разным причинам, либо реорганизовались, многие существуют и по сей день. Количество членов в организациях такого типа существенно разнится, от пары сотен до нескольких тысяч человек. Не мудрствуя лукаво, можем в среднем определить по 500 членов на организацию. Опять же — мои расчеты ни в коей мере не претендуют на статистический

анализ. Это просто грубая прикидка потребления нацистских материалов, и ошибка в пару-тройку десятков тысяч в данном случае совершенно незначима. Итак, если в среднем мы имеем по 500 человек в организации, можно примерно вычислить количество заинтересованных лиц.

Очевидно, что каждый член неонацистской группы имел в повседневной жизни два-три сочувствующих человека в своем окружении. Социальная психология молодежи нам подсказывает: три молодых человека, объединившихся на основе общих интересов, образуют длительно существующую устойчивую группу, ячейку любого неформального сообщества. Их объединяют не только общность интересов, но и определенная этика, мировоззренческие основы. Можно получить, таким образом, некоторое представление о количестве людей, безусловно симпатизирующих каким-либо элементам нацистской идеологии. Но 130 групп — это только официально зарегистрированные группы. Можно предположить, что было и есть немало других праворадикальных формирований, которые активно себя не проявляли. И не надо забывать, что существовала еще масса ветеранских организаций, которые объединяли участников Второй мировой войны. Среди их членов было немало ультра. Так что если в итоге наших подсчетов мы придем к цифре, превышающей миллион человек, она не должна никого удивить. И каждый из них с удовольствием приобретет какой-либо артефакт нацизма. Во всяком случае, по моему опыту общения с правыми знаю, что каждый пытается сделать маленькую собственную коллекцию. Минимум — стенд.

С другой стороны, существует категория коллекционеров, которых в меньшей степени интересует идеология (а то и не интересует вообще), они ориентируются на коллекционные особенности. Коротко мы уже говорили об этом. В нормальных обстоятельствах это и есть основные потребители исторических артефактов. И таких собирателей немецкой «милитарии» никак не больше 50 000 человек. Число зарегистрированных на самых раскрученных немецких интернет-магазинах в лучшем случае 20 000. Цифры очень приблизительные, однако видна колоссальная разница между потреблением артефактов по идеологическим мотивам и простым собирательством. Да, повсеместно предметами, представляющими коллекционную ценность, интересуются прежде всего сами коллекционеры. Именно коллекционер — главный потребитель. Пример тому — почтовые марки, монеты. Но в ситуации с немецкой «милитарией» именно в Германии произошел, как мы видим, существенный перекося в потреблении артефактов. Образовалась колоссальная группа потребителей по идеологическим мотивам, и как раз эта группа значительно увеличила запрос на немецкую «милитарию». В результате появилось неимоверное количество подделок. Абсолютно все категории немецкой «милитарии» массово подделываются, так что подделки перекрывают число оригинальных предметов. А это уже другой уровень распространения нацистской символики. Не говоря уже о том, что существует рынок официальных копий, так называемых «Museumsanfertigung». Причем подделки исполняются в высоком качестве, часто их сложно от-

личить от оригинала. Их производители даже и не скрывают себя. Пример тому — некто Carsten Staegemeir с мощным интернет-порталом, где регулярно проводят торги подделок, выдаваемых за оригиналы. При том что изготовление и распространение подделок артефактов Третьего рейха в современной Германии уголовно наказуемо. Очевидно, что регулярный вброс на рынок наград и сувениров-подделок с нацистской символикой — это уже пропаганда, играющая на руку ультраправым.

Итак, ситуация с правым экстремизмом в Германии в настоящее время, на мой взгляд, очень непростая. Очевидно наличие солидного неонацистского андеграунда, который требует от администрации внимания, оперативности и гибкости решений. Все это у правительства Меркель отсутствует. Проблема замалчивается, цифры искажаются, решения запаздывают. Уже после таких ошеломивших общественность деяний, как нападение на синагогу в Halle, правительство проводит ряд эмоциональных бесплодных круглых столов, за которыми следуют крайне вялые решения. А вместо гибкости — боязнь внятных формулировок, упорство в отрицании проблемы.

Социальный нарыв рано или поздно начинает источать содержимое. Абсолютно непродуманная внутренняя политика Меркель в отношении сирийской миграции с 2015 г. привела к чрезвычайному накалу обстановки в стране и бурному росту AFD с последующим ее прорывом во власть. Собственно говоря, политики у Меркель в тех условиях не было вообще никакой. Границы держали

открытыми. Мигранты, которым удавалось достичь Германии, просто обеспечивались всем необходимым для полноценной жизни. Расходы, по существу, взял на себя бюджет. То есть налогоплательщики. И это несмотря на обещания, что финансирование будет идти из альтернативных источников. Многочисленные сексуальные домогательства на массовых мероприятиях, скачкообразный рост преступности, выросший наркотрафик и, наконец, теракты вынесли на поверхность политической жизни AFD, которая предлагала абсолютно популистские решения, причем якобы с учетом интересов немецких граждан. Решения были амбициозными, с претензией на всеобъемлемость. В глазах обывателей это выглядело неплохо в сравнении с эмоциональными призывами правительства к милосердию по отношению к беженцам и призывами потуже затянуть пояса тем, кто платит налоги. Напомню: AFD партия, которая ради роста популярности скатывается в своей риторике до откровенного нацизма. Самые корректные и осторожные политологи определяют ее как «rechtspopulistische, in Teilen rechtsextreme Partei», т.е. как правопопулистскую, частично крайне правую партию.

С этого времени AFD прочно набирает от 10% избирателей и выше, до 16%. Поэтому смело можно сказать, что за нее голосуют как минимум 5 млн граждан Германии. Впервые за весь послевоенный период подобная партия появилась в правительстве Германии и правительствах ее отдельных земель. Истеблишмент ее категорически не принимает, ее чле-

нам не подают руки представители других партий — вот и весь протест.

Если администрация и общественность будут и дальше игнорировать эти тенденции в развитии внутриполитической ситуации, то скоро во власть может подтянуться тяжелая артиллерия, откровенные нацисты. Скажем, «Der 3 Weg». Причем, как уже стало привычно для Германии, вполне демократическим путем. Мне кажется, что подобное развитие событий никак не может устраивать нормального, просто трезво мыслящего человека, проживающего в Германии и, конечно, в России, в стране, однажды победившей фашизм. Победившей, как оказалось, только в части уничтожения военной машины, но никак не идеологии. Россия разгромила вермахт, но не нацизм, который наливается силой и зреет в современной Германии.

При этом надо помнить, что правые немцы существенно отличаются от правых, скажем, во Франции. Неонаци Германии видят историю по-другому, нежели правые стран — бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Немецкие ультра никогда не простят России поражения во Второй мировой. Понятно, что их рост ничего хорошего для немецко-русских отношений не сулит.

Пока я далек от мысли, что в ближайшее время сценарий может повториться и на трон «Четвертого рейха» взойдет новый фюрер. Пока речи не идет о раскрутке военной машины, угрожающей миру. Но ведь Германия — это и ведущая экономика Европы. Любой перекося немецких законодательных орга-

нов вправо приведет не к территориальному, но к экономическому переделу Европы. Очевидно, что и Россия понесет миллиардные потери в результате противостояния с поправевшей Германией. Кроме того, опыт правого радикализма давно и успешно импортируется российскими ультра, которых, как известно, немало. Эту информацию я получал в процессе общения с питерскими скинхедами.

Что же касается самой Германии, то AFD подает всем ее ультра сигнал о возможности разномастным неонацистам войти во власть. Для этого прежде всего надо умело лави-

ровать, как это делает AFD. На этом, новом для правого фронта этапе перед наци стоит серьезная задача — интенсивная и эффективная. К сожалению, можно не сомневаться в том, что они преуспеют. У них есть хороший пример — геббельсовская пропаганда Третьего рейха. Поэтому доскональная проработка всех особенностей нацистской пропаганды сейчас особенно актуальна для научного мира, для демократических сил. И прежде всего, необходимо максимально полно собрать еще существующие фрагменты пропаганды Третьего рейха. И самым тщательным образом проработать собранный материал.

С. В. Романов

ОБ ОДНОЙ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ О КАТЫНСКОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

В настоящем исследовании анализируется статья доктора исторических наук А. Ю. Плотникова, напечатанная в рецензируемом журнале из списка ВАК «Наука. Общество. Оборона», в которой отрицается вина Сталина и НКВД за катынское преступление. Подробное опровержение аргументов автора, повторяющего клише из политически ангажированной публицистики 1990–2000-х гг., не привносящего в обсуждение темы ничего нового и не отвечающего на ключевые вопросы, обнажает интеллектуальную бедность современного катынского отрицания.

Ключевые слова: Катынская трагедия, историческая память, репрессии, Нюрнбергский процесс.

Сведения об авторе: Романов Сергей Валерьевич, главный редактор интернет-проекта «Катынские материалы» (Москва).

Контактная информация: katynfiles.mail@gmail.com.

S. V. Romanov

SOME REMARKS CONCERNING ONE UNSCRUPULOUS PUBLICATION
ABOUT THE KATYN CRIME

The present study analyses an article of A. Yu. Plotnikov (Dr. Hist. Sc.) published in the peer-reviewed journal “Science. Society. Defense” (from the authoritative list of the Higher Attestation Commission), which denies the guilt of Stalin and the NKVD for the Katyn crime. Detailed refutation of arguments of the author, who repeats clichés from politically biased publications of the 1990s–2000s, does not bring anything new to the discussion of the topic and does not answer key questions, exposes the intellectual poverty of the modern Katyn denial.

Key words: Katyn tragedy, historical memory, repression, Nuremberg trials.

© С. В. Романов, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-178-197

About the author: Romanov Sergey V., Editor-in-Chief of the Internet project “Katyn Materials” (Moscow).

Contact information: katynfiles.mail@gmail.com.

Доктор исторических наук А. Ю. Плотников, нередко выступающий в СМИ в роли эксперта по катынскому преступлению, опубликовал в журнале «Наука. Общество. Оборона» статью «Катынская фальсификация, как инструмент информационной войны» (Плотников 2020). Статья эта является типичным примером катынского негационизма — отрицания доказанной вины Сталина и НКВД за расстрел польских военнопленных в Катынском лесу, Калинин и Харькове в 1940 г. Журнал, опубликовавший статью, позиционирует себя как «научный» и входит в список ВАК России, поэтому довольно странно, как в него могла попасть публикация, отстаивающая такой маргинальный тезис, схожий с отрицанием Холокоста или попытками «доказать», что американцы не летали на Луну (и действительно, автор всерьез ссылается на печально известного маргинального публициста Ю. Мухина, который отрицает и то, и другое).

Автор не ссылается ни на одну из основных публикаций по теме¹ кроме текста катынских документов, т.е. ни о каком полном и объективном рассмотрении вопроса в его статье речь не идет.

Стиль автора путаный, тезисы противоречат логике и фактам. Вот, например, отрывок из вводной части: «<...> ни во время войны, ни в пер-

вые послевоенные годы ни у кого не было никакого сомнения в том, что это преступление нацистской Германии. Хотя бы потому, что “Катынский расстрел” был признан таковым Нюрнбергским трибуналом».

Практически все утверждения здесь неверны. Во-первых, утверждение, что никто во время войны не сомневался в немецком авторстве катынского преступления, не может подтверждаться ссылкой на Нюрнбергский трибунал, прошедший после войны.

Во-вторых, утверждение, что в этом авторстве не было сомнения «ни у кого», настолько всеобъемлющее, что в принципе не может быть верным. Что оно делает в статье, претендующей на академичность? На самом деле список сомневавшихся длинен и в него входят и польское правительство в изгнании, и британский посол при нем — Оуэн О’Мэлли, чей известный доклад об обстоятельствах преступления в целом указывал на советскую сторону, и Черчилль (который, однако, как и Рузвельт, в целях «реальной политики» сочел нужным замолчать всю историю, дабы не раскалывать антигитлеровскую коалицию), и западные судьи того самого Нюрнбергского трибунала.

В-третьих, утверждение о том, что Нюрнбергский трибунал признал

¹ Из русскоязычных следует упомянуть: (Катынь 1999; 2001; Лебедева 1994; Яжборовская и др. 2009; Убиты в Катыни 2015; Убиты в Калинин... 2019). Литература на иностранных языках еще более обширна.

вину немцев (при этом ранее автор напрямую утверждал, что такое признание содержится в приговоре²), заведомо ложно. Таким признанием может быть лишь упоминание в приговоре трибунала, а в нем нет ни слова о Катыни (Trial... 1947: 171–367; Нюрнбергский процесс 1954: Т. 1, с. 943–1108). Катынь упоминается в обвинительном заключении, но это ровно то, что обвинению *предстояло* доказать. А в приговоре мы читаем то, что посчитал доказанным *трибунал* в случае каждого конкретного обвиняемого и в общей описательной части. Катынь не встречается ни там, ни там. Отсутствие конкретного упоминания о каком-то преступлении в приговоре, конечно, не означает фактической невинности нацистов в нем, но по определению виновность их в таком преступлении *этим конкретным приговором* юридически не закреплена.

Катынское преступление подробно обсуждалось на процессе с вызовом свидетелей защиты и обвинения, но никаких выводов судьи не сделали (Лебедева 2014). О причинах поведаль американский судья Ф. Биддл в своих мемуарах: «Доказательства перед нами были неясными и, как

я сказал, не относились ни к одному из обвиняемых. Любые упоминания Катынского леса были опущены при обсуждении приговора» (Biddle 1962: 417). Американский обвинитель в Нюрнберге Р. Джексон высказался в том же духе: «Вина в преступлении в Катынском лесу не была установлена Нюрнбергским трибуналом <...> Трибунал не признал немецких подзащитных виновными в катынской бойне. Но и не оправдывал их прямо, поскольку приговор не упоминал Катынь» (The Katyn Forest Massacre 1952: 1945, 1951).

При этом формулировка обвинительного заключения об 11 тыс. офицерах³ принципиально неверна: всех военнопленных в Катыни захоронено значительно менее половины этого числа⁴, а конкретно офицеров пропало заведомо менее 8,5 тыс. (Катынь 1999: 376; 2001: 497; ср. Там же: 280, 281). Эта цифра не основана вообще ни на чем и является чистым недоумением, т.к. в сообщении комиссии Бурденко речь не шла об 11 тыс. *офицерах*, а обо всех телах, включая рядовых и вообще неизвестных, откуда-то привезенных трупах, причем это была не более чем грубая оценка, поскольку всего советской стороной

² В одном интервью Плотников утверждал, что «существует единственное, зафиксированное в очень высоком международно-правовом акте решение о том, что Катынское преступление — это преступление немцев. Это приговор Нюрнбергского трибунала». Цит. по: (Коноплянко 2019: 75).

³ «В сентябре 1941 года 11 000 польских офицеров-военнопленных были убиты в Катынском лесу близ Смоленска». См.: (Нюрнбергский процесс 1954: Т. 1, с. 58).

⁴ Найти большинство трупов было в интересах обеих сторон, дававших завышенные оценки, но найти могилы, которые позволяли бы выйти за пределы 4,5 тыс. тел, никому не удалось. Если бы в Катыни действительно в дополнение к раскопанным немцами трупам находились еще не менее 6,8 тыс. тел офицеров, расстрелянных в сентябре 1941 г. и нетронутых немецкой комиссией (что так или иначе помогло бы доказать немецкую провокацию либо путем нахождения значительного числа документов позднее весны 1940 г., либо фиксацией вмешательства в захоронения, например разрезов на одежде для изъятия документов и нарушения жировосковой склейки между трупами, при том что официально немцы эти могилы не обследовали), приоритетом советской стороны был бы поиск этих неизвестных гигантских могил (на что у нее было ок. 3,5 мес.), а не повторное обследование трупов из двух (из шести) новых братских могил, устроенных немцами.

было эксгумировано 1380 тел (ГАРФ 1: Л. 80), в сообщении из них учтено 925 (Правда 1944: 4), и знать, что все нераскопанные трупы принадлежали офицерам, советская сторона никак не могла. Есть в обвинительном заключении и другие показательные примеры неверных, как мы сегодня знаем, утверждений, в том числе завышенные оценки числа жертв Аушвица, 4 млн (число завышено примерно в 4 раза (*Piper* 1992)), и Майданека, 1,5 млн (число завышено минимум в 15 раз (*Kranz* 2005)) из официальных советских сообщений, ставших, как и сообщение комиссии Бурденко, официальными доказательствами на процессе (Trial... 1947: 47). Было бы абсурдно утверждать, что эти цифры (не повторенные в приговоре) «юридически доказаны» и имеют приоритет над результатами современных академических исследований этих лагерей. То есть неверны не только

фактические утверждения Плотникова, в корне неверна его методология⁵.

Автор путается даже в базовых цифрах, говоря об утверждениях о «более 25 тыс. расстрелянных (а именно эта цифра (25 700) значится в “Записке Л. П. Берии”, которую мы рассмотрим ниже)», при том, что это цифра изначально предназначенных к расстрелу, а цифра реально расстрелянных на самом деле ниже. Он заявляет, что утверждение о расстреле в Катынском лесу именно офицеров «не соответствует действительности», хотя поименный анализ показывает, что офицерами были 95,6% расстрелянных (*Гурьянов* 2015: 122).

При этом автор почему-то натужно обвиняет Польшу и неких «мемориальцев» в пропаганде версии «о расстреле именно офицеров», но сам как краеугольный аргумент использует вышеупомянутый пункт

⁵ Такое же заведомо ложное утверждение допустил на сайте журнала его главный редактор В. Г. Кикнадзе в своем доносе на ведущего исследователя катынской темы: «<...> А. Э. Гурьянов отрицает факты, установленные приговором Международного военного трибунала <...>. Таковыми фактами являются: <...> 11 тысяч польских офицеров-военнопленных убиты в Катынском лесу близ Смоленска в сентябре 1941 года, и данное военное преступление было совершено обвиняемыми в ходе МВТ и другими лицами, за чьи действия обвиняемые несут ответственность <...> Данное деяние А. Э. Гурьянова имеет достаточные признаки нарушения Уголовного кодекса Российской Федерации, статья 354.1. “Реабилитация нацизма” <...> Уверены, что Следственный комитет Российской Федерации и Генеральная прокуратура Российской Федерации обратят внимание на данные публичные высказывания А. Э. Гурьянова». См.: (*Кикнадзе* 2020). При этом В. Г. Кикнадзе зачем-то ссылается на статью 6 Устава МВТ, подчеркивая ответственность одного участника преступного заговора за преступления всех его участников. Возможно, он хочет подвести читателя к мысли, что все подсудимые, осужденные по пункту 3 обвинения (военные преступления), как участники заговора автоматически становились виновными во всех военных преступлениях, перечисленных под этим пунктом в обвинительном заключении, т. е. и в катынском расстреле, и потому отдельное упоминание Катыни в приговоре якобы было необязательно. Но МВТ, пойдя против позиции обвинителей, эксплицитно отметил, что им рассматриваются обвинения в преступном заговоре лишь в отношении преступлений против мира. См.: (Trial... 1947: 226; Нюрнбергский процесс 1954: Т. 2, с. 995). Что осуждение по этому пункту не влекло автоматического осуждения за военные преступления, показывает пример Р. Гесса. Таким образом, обвинения в *заговорах* по совершению других видов преступлений в приговоре юридически не закреплены (в отличие от самих преступлений), а значит подсудимым не могли без разбора присваиваться все многочисленные военные преступления, приведенные в обвинительном заключении. Именно поэтому в приговоре и понадобилось перечисление индивидуальных преступлений обвиняемых, *достаточных* для их осуждения. Последнее важно: МВТ и не пытался перечислять *все* преступления подсудимых, только то, что необходимо было для вынесения приговора.

нюрнбергского обвинительного заключения о расстреле в Катынском лесу 11 тыс. офицеров, нигде не объясняя такое вопиющее противоречие в своей аргументации. Также не объясняет он и почему расстрел поляков, из которых «можно сформировать вооруженные силы, которые будут нам помогать в войне», это абсурд и глупость, но тот факт, что эти поляки не были отпущены по амнистии и якобы продолжали прозябать в тайных лагерях, скрываемые от своих родных, друзей, сослуживцев, правительства и армии Андерса,— это не абсурд и не глупость.

Автор утверждает, что у советской власти якобы не было мотива расстреливать этих конкретных польских военнопленных. Принципиальные мотивы на самом деле изложены в записке Л. Берии И. Сталину от 5 марта 1940 г.: «большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

⁶ Также см.: (Катынские документы 2011).

⁷ Не отрицая уничтожение гитлеровцами какого-то количества советских евреев как части советского народа, Мухин разительно преуменьшает количество убитых европейских евреев, солидаризируется с тезисом, что «нацисты евреев как нацию не уничтожали специально, не проводили

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд повстанческих к-р организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное число лиц, которые являются участниками к-р шпионских и повстанческих организаций» (РГАСПИ)⁶.

В результате, перечислив конкретные числа военнопленных и арестованных офицеров, полицейских, разведчиков, помещиков и прочего «контрреволюционного» элемента, Берия предложил расстрелять большую часть из них, потому «что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти».

Есть основания считать, что катынский расстрел — это своего рода повторение 1937 г. в маленьком масштабе, чистка якобы «пятой колонны» в преддверии ожидаемой войны. Именно во время принятия решения о расстреле советское руководство всерьез опасалось возможной, как они считали, войны с Англией и Францией (Лебедева 2015; Степанов 2005: особенно документы на с. 69–72).

Рассуждая о возможностях расстрела, автор пишет, ссылаясь на отрицателя Холокоста⁷ (т. е. человека, выгодивающего нацистов) Ю. Мухина:

«В книге Юрия Мухина, который еще в начале 90-х годов начал активно противодействовать “геббельсовской версии” событий в Катыни, отмечалось, что расстрелять поляков в Козьих Горах Сталин и НКВД могли, но только при условии, что они были идиотами. Он рассуждал так: представьте, что было принято решение о расстреле поляков. Неужели вы думаете, что их расстреливали бы под Смоленском, то есть в людном месте, рядом с большим городом? Их бы отвезли в Сибирь, высадили по пути, увели бы в тайгу и там ликвидировали. И их никто бы не нашел и через сто лет [7; с. 130]. Это еще одно прямое свидетельство, что Катынь — это преступление не НКВД, а немецкого военного командования».

На самом же деле расстрелы и захоронения проводились на территории огороженного спецобъекта НКВД в Козьих Горах (использовавшегося и в 1930-е гг.), т. е. ровно там, где и полагалось. Наличие спецобъекта подтверждено как бывшими сотрудниками Смоленского УНКВД, так и современными раскопками⁸. Даже такой катынский отрицатель, как

бывший начальник Смоленского УКГБ А. Шиверских, подтвердил наличие спецобъекта:

«С 1932 года на территории этой местности, на берегу, были построены дачи Смоленского Управления НКВД и недалеко — дом Смоленского облисполкома. В период массовых репрессий, особенно в 1937 году, здесь хоронили расстрелянных. Важно отметить, что даже после шумных акций 1943 и 1944 годов по обнаружению могил польских офицеров там в 1943–1948 годах продолжали хоронить приговоренных к расстрелу изменников Родины, карателей» (Шиверских 2005: 143).

Автор утверждает, что история про расстрел поляков в Калинин в здании местного УНКВД противоречит тому, что якобы «в НКВД существовала четкая инструкция: если расстрелы, то в тюрьме», однако не приводит ни ссылок на эту якобы инструкцию, ни цитату из нее и вообще игнорирует тот факт, что расстрелы в Калинин проводились именно на территории внутренней тюрьмы УНКВД (Гурьянов 2020).

политику геноцида евреев как таковых», утверждает, что «не было никакого умерщвления евреев в газовых камерах нацистских лагерей, поскольку не было самих газовых камер», и что нацисты «стали строить концентрационные лагеря и сажать туда евреев. Но убивать их там у них и в мыслях не было». См.: (Мухин 1997).

⁸ Справка о результатах бесед с бывшими сотрудниками УНКВД по Смоленской области (30.01.1995) и заключение по материалам проверки о массовых захоронениях в Смоленской области жертв политических репрессий (31.01.1995): (Илькевич 2013: 204–211); показания бывшего сотрудника УНКВД по Смоленской области П. Климова в августе 1990 г. см.: (Жаворонков 2006: 109–111; Андрееenkova 2019). О том, что на данный момент в Катынском лесу найдены останки не менее 1433 советских жертв сталинских репрессий, можно узнать из заметки: (Великанова 2020). Что спецобъект был огорожен, подтвердили многие местные жители (см., например, воспоминания, опубликованные в сборниках серии «Дорогами памяти» (Г. Д. Кривоцерцев: вып. 1, 2003, с. 47; А. С. Шум: вып. 2, 2004, с. 83; А. М. Никоноров: вып. 4, 2006, с. 63); рассказ дочери катынского свидетеля М. Г. Кривоцерцева Т. М. Лаппо в фильме М. Лозиньского «Las katuŋski», 1990. Подтвердил это и опрошенный отрицателями свидетель Л. И. Новиков, которого даже известный негационист С. Э. Стрыгин посчитал заслуживающим доверия. См. сообщение С. Э. Стрыгина на форуме сайта «Правда о Катыни» (Правда о Катыни 2009).

Переходя к уликам, автор ложно утверждает, что якобы все они указывают на немецкую вину. При этом он повторяет классические «аргументы» отрицателей, начиная с немецких гильз и якобы немецкого оружия. Однако учитывая задокументированное использование в НКВД тех лет иностранного оружия, в том числе и калибра 7,65 мм (которое для некоторых должностей было даже табельным), в том числе и для расстрелов⁹, использование немецких патронов, которые на тот момент могли прийти и в качестве трофеев из Польши, и из старых запасов, купленных в Германии, просто-напросто неспособно доказать причастность немецкой стороны, говоря же об использовании немецкого оружия, автор допускает ошибку — какое именно оружие использовалось в Катынском лесу, мы просто не знаем, поскольку немецкими патронами этого калибра можно было стрелять не только из «вальтеров», но и из тех же «браунингов» и любых других пистолетов подходящего калибра. Сам выбор оружия можно объяснить тем, что ТТ слишком мощны для расстрелов, а наганы не очень удобны при перезарядке, поэтому для массовых, потоковых расстрелов и был избран третий вариант. При этом автор «забывает» упомянуть тот факт, что использование немецких патронов прямо и подробно упоминается в немецком отчете о катынском преступлении 1943 г., но вовсе не упоминается в сообщении комиссии Бурденко, которая по праву не посчитала этот довод сколько-нибудь сильным.

Автор делает утверждение о якобы связанных бумажным шпагатом ру-

ках жертв, но не ссылается ни на один источник. И в сообщении комиссии Бурденко эта версия, что характерно, опять же не фигурирует. Правда, она упоминается некоторыми свидетелями, допрошенными комиссией, которые утверждали, что во время посещения могил в 1943 г. видели некие немецкие веревки/шнуры/шпагаты (в том числе бумажные). Однако именно советские свидетели и заявили о расстреле польских военнопленных немцами, поэтому если показания этих свидетелей не могут перевесить все те документы и факты, которые однозначно свидетельствуют о расстреле поляков НКВД, то это автоматически относится и к деталям свидетельских показаний. Если же показания советских свидетелей, допрошенных комиссией Бурденко, перевешивали бы, то этого самого по себе было бы достаточно для заявления, что расстреливали немцы, и тогда надобность в аргументе о веревках просто отпадает. То есть аргумент о «шпагате» или «веревках», коль скоро он основывается лишь на словах, просто лишней с *любой* точки зрения.

Стоит упомянуть, что в материалах комиссии помимо прямых свидетельских показаний есть еще два интересных упоминания немецких веревочек. В недатированном анонимном тексте под названием «Осмотр могил» (ГАРФ 1: Л. 195–201) упоминается «тесма или шнур немецкого происхождения», якобы найденная на единичных трупах. Этот текст не является официальным документом, написан он в неформальном полемическом стиле, хотя и явно освещает

⁹ Подробнейшим образом вопрос рассмотрен: (Романов 2007).

домленным членом комиссии. Утверждение о немецком происхождении «шнура или тесьмы» в нем никак не обосновывается. Не исключено, что таким образом предварительно формулировал мысли Н. Бурденко, поскольку именно он во время допроса свидетеля Зубкова 20.01.1944 заявил: «Вы говорите о веревках, а я видел плетеный шнур нерусского происхождения» (ГАРФ 2: Л. 165). Но слова остаются словами, а факт фактом: никаких экспертиз найденных средств связывания комиссия не проводила, и в ее сообщении нет ни единого намека на иностранное происхождение «белых плетеных шнуров», как они в нем называются (вероятно, веревки типа бельевых или для штор). Будь в распоряжении комиссии действительно немецкие шнуры, этим доказательством она бы воспользовалась. Ни о каком найденном «бумажном шпагате» комиссия не упоминала.

Третьей уликой Плотников считает нахождение на телах идентифицирующих документов, тогда как у приговоренных к казни все эти документы обычно изымались. Однако очевидной причиной того, что, по сравнению с захоронениями жертв 1930-х гг., в польских могилах действительно обнаружено много документов, является тот факт, что в данном случае расстреливались военнопленные, прибывшие сразу из лагеря с вещами и документами, причем поляки, считавшие, что едут домой, до самого места казни не должны были подозревать о худшем (в противном случае они могли оказать значительное сопротивление), поэтому удостоверения личности и прочие документы не изымались,

т.к. иначе была бы нарушена конспирация. Более того, процедура убийства тысяч людей в сжатые сроки была достаточно долгой и изматывающей сама по себе, а чересчур тщательный обыск жертвы на месте расстрела растянул бы ее еще больше, что не было оправданным с практической точки зрения — ведь захоронения производились на охраняемых спецобъектах НКВД, на которых расконспирация вследствие нахождения могил гражданскими лицами была на тот момент теоретически невозможна (никто же в 1940 г. не считался с нападением Германии на СССР в 1941 г.). В ответ же на аргумент о том, что существовала некая формальная инструкция, кроме замечания о том, что не все в этом мире происходит строго по инструкциям, можно выдвинуть вполне вероятную гипотезу, что эту «упрощенную» процедуру согласовывали (вполне возможно, устно) с Москвой, и если это так, то палачи действовали по непосредственной инструкции высшего начальства.

«Важным аргументом» автор считает хорошую сохранность многих тел, но поскольку она была достигнута за счет жировосковой трансформации (и частично мумификации), тела, вероятно, выглядели бы не хуже и через 5 лет. Как пример можно привести массовое захоронение боснийцев и хорватов времен боснийской войны в деревне Томашица (Босния-Герцеговина), где исследователи отметили чрезвычайно высокий уровень сохранности тканей трупов за счет жировосковой трансформации, несмотря на то, что с момента смерти прошел 21 год (*Salihbegović et al.* 2018).

Автор утверждает, что после трех жарких лет от тел должны были остаться скелеты, видимо не зная, что жировосковая трансформация как раз в значительной мере способствует сохранению морфологии трупов и что в массовых захоронениях тела во внутренних слоях обычно сохраняются дольше (*Haglund 2002: 247*). Он ссылается на эксперта Ф. Гаека, участвовавшего в эксгумации 1943 г. и после освобождения Чехословакии свидетельствующего против немцев. Здесь нужно учесть, что, несмотря на то, что до 1948 г. Чехословакия формально еще не была коммунистической, на деле в это время там царила такая атмосфера, что Гаек уже 23 мая 1945 г. был арестован по подозрению в коллаборационизме, причем, по его собственным словам, ему задавали вопросы именно о Катыни. Через несколько недель он был выпущен и вскоре прочитал доклад с отказом от своих первоначальных выводов, а в следующем году оформил его как брошюру. Понят-

но, что ни о какой добровольности здесь всерьез говорить не приходится (*Borák 2000: 507; Hájek 1946: 21*).

Гаек выдвинул два аргумента (*Hájek 1946: 18–19*). Во-первых, он мог наблюдать трупы с пражских кладбищ, и двухлетние трупы якобы так не выглядели, таким образом, катыньским трупам максимум 1,5 года (непонятно, откуда цифра, но необходимо отметить поразительную и очень «удобную» для советской версии точность). Однако в Праге он исследовал индивидуальные трупы, и сравнения с процессами, проходящими в массовых могилах, где большинство трупов были склеены жировоском в одну массу и были под большим давлением, быть просто не может¹⁰. Сам Гаек признал, что у членов комиссии (т. е. и у него самого) не было достаточного личного опыта для анализа трупов из массовых захоронений (*Hájek 1946: 22*)¹¹. (Попутно заметим, что Гаек говорит о том, что трупы в могилах были «на-

¹⁰ Несмотря на очевидность этого утверждения, стоит привести подтверждение его судебно-медицинским экспертом Э. Бараном (в течение более 30 лет сотрудник кафедры судебной медицины при Collegium Medicum Ягеллонского университета): «До эксгумации 1943 года были наблюдения, даже экспериментальные исследования, касающиеся трансформации этого типа, но они касались отдельных трупов в относительно постоянных условиях окружающей среды. Невозможно сравнить эти единичные эксперименты с условиями, которые преобладали в могилах в Катыни. Огромное количество трупов, расположенных послойно и оказывающих сильное давление друг на друга, переменные условия в могилах, в том числе связанные с уровнем грунтовых вод, взаимодействием почвы и продуктов разложения трупов, не давали никаких оснований делать выводы о времени смерти эксгумированных. <...> Поэтому следует еще раз подчеркнуть, что судебная медицина не имела таких точных методов, которые позволили бы, особенно в случаях массовых захоронений, ответить, находился ли труп в земле три года или меньше, конкретно — полтора года» (*Baran 1992: 135*).

¹¹ Во время кампании 1952 г. против деятельности комитета Мэддена Гаек будет апеллировать к состоянию тел в массовом захоронении у Богосудова (Правда 1952: 4). Там якобы произошло полное скелетирование за 6–8 месяцев (на самом деле за 5; если это действительно так, это лишь очередная иллюстрация чрезвычайной зависимости процессов разложения в массовых захоронениях от многих факторов — ведь если бы они протекали одинаково, то и в Катыни были бы найдены в основном скелеты; по отрывочным сведениям, тела хоронились не в почве, а в заброшенной шахте), но на момент июльского доклада, в котором Гаек уже делал выводы, эти сведения ему не были (и не могли быть) доступны (тела более 300 жертв, погибших в Богосудове в конце апреля 1945 г., были эксгумированы 25–26.09.1945).

бросаны в ямы в совершенном беспорядке, вдоль и поперек один на другого», что противоречит любимому аргументу отрицателей о том, что якобы упорядоченное расположение трупов в могилах указывает на типично немецкую любовь к порядку.)

Еще одним аргументом Гаека являются те трупы из 5-й могилы, которые были извлечены из грунтовых вод и у которых в жировоск превратилась по большей части лишь подкожная жировая ткань. Гаек пишет, что за три года и внутренние органы, и мускулатура якобы должны были бы превратиться в жировоск (а не сгнить, как утверждает Плотников, таким образом противоречащий собственному источнику). В данном случае Гаек не приводит никаких источников своих количественных утверждений о жировоске (которые опять «совершенно случайно» точны ровно настолько, чтобы подтвердить советскую версию, но без основания этой степени точности), что неудивительно, поскольку заявления Гаека в принципе беспочвенны. Дело в том, что процесс образования жировоска не является однообразным и зависит

от большого числа факторов. Количественный анализ этих факторов, обязательный для обоснования утверждений Гаека, им не был (и не мог быть) сделан. Более того, нельзя переносить сведения об образовании жировоска в индивидуальных захоронениях (которые, вероятно, были доступны Гаеку из практики или научных статей) на процессы в массовых могилах. Как пишет одна авторитетная современная судебно-медицинская энциклопедия, основываясь на сегодняшнем уровне знаний, превосходящем уровень 1943–1946 гг.: «При самых лучших обстоятельствах соотносить количественную долю образования жировоска с временным интервалом после смерти сложно. <...> Именно в массовых могилах образование жировоска мало говорит о длительности временного интервала после смерти» (Connor 2009: 1675). Интересно, что близкие к этим наблюдения были и в немецком докладе (Amtliches Material... 1943: 58)¹², однако Гаек на них никак в своей брошюре не отреагировал. Таким образом, вынужденные утверждения Гаека не могут быть признаны научно обоснованными¹³.

¹² «Не было никаких признаков того, что тут присутствовали обстоятельства (аммиачная жидкость, теплая вода), которые особо способствовали бы образованию жировоска, да и в целом верно то, что наблюдения, сделанные на отдельных “водных трупах”, могут быть использованы лишь в очень ограниченной степени в качестве мерила для суждения о катынских трупах. Условия в Катynie были такими, что трупы лежали в грунтовых водах только в период большого количества осадков или оттепели (осень и весна), но в остальное время, в основном, в сухой, песчаной почве. Если все же за основу для сравнения взять описанную для “водных трупов” временную последовательность преобразований, то точно придется принять довольно существенную задержку в процессе жировой трансформации трупов, временные рамки которой в настоящее время все еще ускользают от точной научной формулировки. Согласно этой позиции, возможно, что, учитывая чрезвычайное давление на трупы и вытекающую из него их консервацию, имела место чрезвычайная задержка в процессе трупных изменений, причем однородное проникновение жирных кислот (рН органов = 6) играло существенную роль».

¹³ То же относится к современным утверждениям некоторых катынских отрицателей, делаемым ими на различных «конференциях», о неких тривиальных правилах определения возраста катынских трупов, что является не более чем профанацией экспертизы, особенно когда такого рода заявления исходят от титулованных экспертов.

Далее Плотников переходит к катынским документам, ложно заявляя, что «не найдено никаких официальных документов о том, что военнопленным полякам был вынесен смертный приговор». Решение о расстреле было принято политбюро 5 марта 1940 г., и у нас есть как сам подлинник решения (в виде записки Л. Берии от марта 1940 г. с резолюциями Сталина и других членов политбюро), так и две выписки из протоколов решений Политбюро; из записки А. Шелепина от 3 марта 1959 г. мы знаем, что решения о расстреле были вынесены тройкой в отношении примерно 22 тыс. польских граждан, включая военнопленных. Никаких «признаков неаутентичности», о которых заявляет Плотников, не обнаружено¹⁴, и примеры, приведенные Плотниковым, не исключение. Он пишет о неких «нереальных цифрах подлежащих “ликвидации”» (без уточнения, что в них нереального) и о якобы невозможном указании в записке Шелепина на решение «Политбюро ЦК КПСС» 1940-го г., когда партия называлась ВКП(б).

Последний аргумент показывает полную некомпетентность автора в языке советских документов. Именованная ВКП(б) (бывшей таковой до октября 1952 г.) «КПСС» чрезвычайно часто встречалось в документах именно этого временного периода. Так, 21.03.1953 Президиум ЦК КПСС отменил «решение Партколлегии КПК от 29 декабря 1948 года об исключении т. Жемчужиной П. С.

из членов КПСС как неправильное» и восстановил ее «членом КПСС» (Реабилитация 2000: 15). Р. Руденко 20.08.1955 сообщал в ЦК КПСС о реабилитации И. Белова, который «состоял в КПСС с 1919 года», и о том, что его ходатайство о дополнительных показаниях было изъято Н.И. Ежовым (расстрелянным в 1940 г.) «и скрыто от ЦК КПСС» (Там же: 252–253). Подобного рода примеров огромное множество¹⁵.

Естественно, имеются и подобные документы авторства А. Шелепина. Вместе с Р. Руденко он извещал ЦК КПСС о реабилитации Г. Гринько (28.04.1959), «бывшего члена КПСС с 1920 года, осужденного 2–13 марта 1938 года», которого заставили заявить, что заговорщиками были «бывшие секретари Днепропетровского и Донецкого обкомов КПСС Хатаевич и Саркисов» (Реабилитация... 2003: 334–335); И. Зеленского (28.04.1959), «бывшего члена КПСС с 1906 года», и В. Иванову (28.04.1959), «бывшего члена КПСС с 1915 года», осужденных к расстрелу в 1938 г. (Там же: 336, 337); А. Енукидзе (12.09.1959), «бывшего члена КПСС с 1898 года и члена ЦК КПСС», осужденного к расстрелу в 1937 г., в частности, за организацию «группового террористического акта над руководителями КПСС». Авторы отмечают, что «решением Пленума ЦК КПСС от 5–7 июня 1935 года Енукидзе выведен из состава ЦК и исключен из партии за политико-бытовое разложение», но, «со-

¹⁴ Псевдоаргументы катынских отрицателей в этом отношении разбираются в: (Романов 2021: 327–352). И в серии заметок автора «Разбор полетов» по адресу http://katynfiles.com/content_katyn denial.html.

¹⁵ Например, см.: (Реабилитация 2000: 74–75, 197–201, 220; Молотов... 1998: 44, 45. Аппарат ЦК КПСС... 2001: 216. Георгий Жуков 2001: 221).

гласно стенографическому отчету ЦК КПСС, никто из выступавших на нем не говорил о бытовом разложении Енукидзе» (Там же: 339–340). Разве что-то мешало Плотникову просто пролистать классические, давно опубликованные сборники документов? Вместо этого он ударился в абсурдные теории заговора о фальсификаторах, якобы нарочно вставивших ошибки в документы.

Еще одним признаком фальсификации Плотников считает упоминание в документах расстрельной тройки — мол, такие тройки отменили еще в 1938 г. Однако здесь опять же видно непонимание базовых исторических реалий. Постановление СНК и ЦК от 17.11.1938 отменяло конкретные существовавшие на тот момент тройки, но в нем нигде не написано, что впредь другие тройки не могут быть созданы политбюро. Это постановление — ограничение для НКВД, который не мог самовольно создавать и использовать тройки, а отнюдь не для самой вышестоящей инстанции. Поэтому решением политбюро от 14.03.1943 была создана тройка для пресечения разбазаривания социалистической собственности в Узбекистане, решением от 25.05.1943 — еще одна тройка в целях пресечения бандитизма, грабежей, злостного хулиганства и крупных хищений социалистической собственности в Киргизской ССР. Обе эти тройки имели право выносить смертные приговоры (*Мозохин* 2006: 229)¹⁶.

Плотников утверждает, что поляков свозили в распоряжение УНКВД

по Смоленской, Харьковской и Калининской областям, чтобы отправить на некие строительные работы. Но, во-первых, как минимум для Калининской области эта гипотеза никак не объясняет ежедневное оповещение начальником УНКВД по Калининской области Д. Токаревым первого заместителя наркома внутренних дел В. Меркулова о количестве прибывших поляков с комментарием о том, что наряд с таким-то количеством «исполнен» (*Катынь* 2001: 82). Речь, безусловно, не шла о просто вынесении неких приговоров (которые в случае, если бы поляков решили бы приговорить к определенным срокам, выносило бы Особое совещание, работавшее *заочно*, в Москве, и именно от него поступала бы в Москву информация), и такая ежедневная рутинная информация высшему начальству НКВД была бы не нужна. Во-вторых, свозить военнопленных в Харьков и Калинин имело смысл только в двух случаях: либо для использования их там на работах (чего никогда не утверждала советская сторона), либо для расстрела (поскольку там находились готовые спецобъекты НКВД для захоронений жертв репрессий). Для доставки их в рабочие лагеря в других местах перевозка поляков в Харьков и Калинин была совершенно лишней. В любом случае утверждение Плотникова противоречит известным документам и фактам, которые мы рассмотрим ниже.

Что касается требования Плотникова предъявить отчетность о расстрелах, то тут есть два варианта: либо акты о приведении приговоров

¹⁶ Также см.: (*Лубянка* 2006: 360–361). Подробно аргумент о тройке рассмотрен: (*Романов* 2008).

в исполнение были уничтожены по устному указанию Хрущева (это представляется наиболее вероятным, несмотря на предложение Шелепина сохранить их), и тогда требование, очевидно, теряет силу; либо они все же хранятся в каком-то российском архиве, и тогда Плотников должен требовать их у этого архива, а не у исследователей, не имеющих доступа к скрываемым до сих пор документам. Общий же приговор в виде решения политбюро, повторимся, есть.

Но отвлечемся от документов из «закрытого пакета» и немецких эксгумаций. Плотников не отвечает в своей статье на два ключевых вопроса.

Во-первых, если поляков расстреливали немцы, как утверждает Плотников, то кто конкретно? Комиссия Бурденко на основании показаний свидетелей заявила, что в августе — сентябре 1941 г. «массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием “штаб 537 строительного батальона”, во главе которого стоял оберст-лейтенант Арнес» (Правда 1944: 2–4). Но мало того, что это был 537-й полк связи, а не строительный батальон, так к тому же точно задокументировано, что Ф. Арнес (не «Арнес») был откомандирован в него лишь 15.11.1941 (и принял командование 25.11.1941) (Романов 2020). А об А. Беденке, который был командиром полка в означенный период, даже не упоминается. Почему советское сообщение содержит существенно фальсифицированные сведения (дискредитирующие все сообщение), и какие же конкретно немцы якобы расстреливали поляков?

Во-вторых — и это решающий момент в вопросе о виновной стороне — где конкретно находились более 14,5 тыс. военнопленных из трех лагерей с мая 1940 г. по сентябрь 1941 г. (Романов 2021: 297–305)? В многочисленных сводных справках НКВД о местонахождении или движении военнопленных после мая 1940 г. данная группа либо не фигурирует, либо значится как переданная из Управления по делам военнопленных в распоряжение УНКВД соответствующих областей (Катынь 2001: 338, 339, 341, 494–497). Например, в сводке начальника УПВ П. Сопруненко о наличии военнопленных и интернированных, содержащихся в лагерях НКВД на 23 июля 1940 г. (Прокопенко 1990: 53), и в докладной записке П. Сопруненко и заместителя наркома внутренних дел В. Чернышева о наличии военнопленных и интернированных в лагерях НКВД на 22 июня 1941 г. есть подробные сведения обо всех польских военнопленных на указанные даты, но поляков из рассматриваемых трех лагерей в них нет. Они появляются в справке Сопруненко «о военнопленных и интернированных военнослужащих быв[шей] польской армии» от июня 1941 г., где они значатся лишь как отправленные «в распоряжение УНКВД в апреле — мае 1940 г.». Такая же информация повторяется в последующих справках УПВИ, составленных по различным поводам, вплоть до обобщающей справки о 130 075 *убывших* военнопленных поляках начальника 2-го отдела УПВИ А. Бронникова от 01.11.1945, в которой поляки из трех лагерей опять обозначаются как переданные «в распоряжение УНКВД, на территории которых дислоцировались

лагеря (через 1-й спецотдел НКВД СССР)» (Военнопленные в СССР... 2000: 230), и, как всегда, этим сведения о них и ограничиваются. Из этих сводных документов прямо следует, что с мая 1940 г. польские военнопленные из трех лагерей в системе УПВ(И) не числились, т.е. указанные поляки со всей бюрократической точностью более не были военнопленными (что еще раз подтверждает недостоверность сообщения комиссии Бурденко).

Некоторые катынские отрицатели, осознав эту проблему, выдвинули гипотезу о том, что военнопленных осудили, тем самым их статус поменялся с военнопленных на заключенных, и их (или большую часть из них) переместили в лагерь ГУЛАГа Вяземлаг, под Смоленск, для строительства шоссе Москва — Минск, но документы Вяземлага прямо опровергают эту гипотезу (Романов 2021: 353–358; 2011). А больше этим полякам вблизи Смоленска в качестве заключенных находиться было негде. И ни о каких поляках, работавших вблизи Харькова или Калинина и захваченных немцами, никогда не упоминала сама советская сторона, включая Чрезвычайную государственную комиссию. То есть приходится вводить дополнительную гипотезу о том, что и их отправили под Смоленск (именно это впечатление хотели создать творцы сообщения комиссии Бурденко, преувеличивая число жертв, захороненных в Катынском лесу (якобы 11 000) и утверждая, что в могилах найдены в том числе и документы узников Старобельского лагеря), что, однако, не спасает ситуацию, потому что таких польских заключенных

в Вяземлаге под Смоленском просто не было.

Таким образом, более 14,5 тыс. польских граждан, бывших до весны 1940 г. военнопленными Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, весной 1940 г. перестали быть военнопленными. Они исчезли после направления их в распоряжение трех УНКВД и в живых найдены не были. Утверждение о том, что они стали заключенными и большая часть из них работала под Смоленском, опровергнуто. Они просто-напросто исчезли из советской бюрократической системы (если не считать повторяющихся «призрачных» упоминаний об их убытии из УПВ в УНКВД в 1940 г.), что абсолютно невероятно, если бы они оставались в живых. До сих пор ни один катынский отрицатель, включая Плотникова, так и не смог *доказательно* ответить на вопрос о местонахождении этих поляков. Поэтому их заявления о расстреле поляков немцами противоречат документальным фактам — немцам просто некого было захватывать в тех местах, в которых они якобы расстреляли поляков. Как видим, для решения катынского вопроса не нужны даже документы из «закрытого пакета», достаточно фондов УПВИ и ГУЛАГа.

Понятно, впрочем, что пропажей польских военнопленных, фальсификациями в докладе комиссии Бурденко и документами закрытого пакета катынские доказательства не ограничиваются. Среди многого другого следует выделить находящиеся уже довольно значительное время в открытом доступе показания бывших чекистов о различных

аспектах расстрела 1940-го г.¹⁷, перепишку КГБ УССР с КГБ СССР о захоронениях в Пятихатках, в которой прямо признается советская ответственность (Катынские документы. Документы ГДА СБУ 2011; Катынские документы 2020), результаты частичных советско-польских и польских эксгумаций в Пятихатках и Медном, в результате которых найдены остатки не менее 2358 человек в Медном и 2312 человек в Пятихатках, причем идентификация их как польских военнопленных была проведена по польским униформам, польским знакам различия и отличия, документам, идентифицирующим личность (одной из причин хорошей сохранности которых явилась уже упомянутая жировосковая трансформация многих трупов), тысячам предметов вроде вырезанных из дерева сувениров с сюжетами из Старобельского и Осташковского лагерей, а датировка могил весной 1940 г. однозначно проведена по многочисленным эфемерам (письмам, газетам, дневникам) при отсутствии каких-либо документов позже весны 1940 г. (Убиты в Калинин... 2019: т. 3, особенно с. 14, 19, 20, 24, 27, 30, 35, 49; Kola 2005; Persak 2010; Baran et al. 1992). Эксгумации полностью опровергают заведомо ложное утверждение «эксперта» Плотникова о том, что якобы в Медном поляков просто нет (Репортаж 2020).

Завершает свою аргументацию Плотников странным призывом: «Катынское дело» за отсутствием «состава и события преступления», должно быть закрыто раз и навсегда». Что

это должно означать — непонятно, поскольку сам факт преступления (расстрел военнопленных) Плотников не отрицает.

Таким образом, статья Плотникова, «исследовательская» методология которой во многом отражена уже в самом ее названии, не открывает ничего нового и интересного. Автор с явным пренебрежением игнорирует основные исследования в своей области, в том числе новые документальные данные, как, например, материалы эксгумаций 1991 и 1995 гг. в Медном, не вписывающиеся в его «концепцию». При этом сама «концепция» тоже не является продуктом самостоятельного интеллектуального труда автора. Плотников не только не приводит новых данных, но и не привносит в изучение темы ничего оригинального в области интерпретации ранее известных сведений, он только повторяет клише отрицателей-«первопроходцев» из прежней ура-патриотической публицистики. Причем в отличие от большинства предшественников, не обремененных учеными степенями, Плотников является доктором исторических наук, что придает его «исследованию» лишь внешнюю респектабельность и показную «легитимность» в глазах научного сообщества. В сущности, рассматривать данный текст как серьезную академическую публикацию не было бы никакого смысла, если бы не это обстоятельство, а также то, что ее публикует рецензируемый журнал, входящий в список ВАК. Посему возникает ряд вопросов. Почему ВА-

¹⁷ Доступны на сайте «Катынские материалы», включая видео допросов П. К. Сопруненко и Д. С. Токарева. URL: http://katynfiles.com/content_docs.html (дата обращения: 03.04.2021).

Ковский журнал печатает низкокачественную статью, отстаивающую маргинальный тезис, отвергаемый консенсусом специалистов по теме, и всерьез ссылающуюся на известного отрицателя Холокоста? Была ли данная статья, как положено, отрецензирована и утверждена редколлегией? Не является ли сам факт публикации пропагандистской статьи в рецензируемом журнале элементом информационной войны против исторической правды?

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Военнопленные в СССР... 2000 — Военнопленные в СССР 1939–1956: документы и материалы / сост. М. М. Загоруйко, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; под ред. М. М. Загоруйко. М., 2000.

ГАРФ 1 — ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 8.

ГАРФ 2 — ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 19.

Георгий Жуков 2001 — Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. В. П. Наумов, М. Ю. Прозуменщиков, Ю. В. Сигачев, Н. Г. Томилина, И. Н. Шевчук. М., 2001.

Катынские документы 2011 — Катынские документы. Закрытый пакет № 1. Цветные изображения // Катынские материалы. 2011. 21 мая. URL: <http://katynfiles.com/content/sealed-envelope-color.html#gal-1> (дата обращения: 03.04.2021).

Катынские документы 2020 — Катынские документы. Документы ГДА СБУ: переписка КГБ УССР о польских могилах под Харьковом (1988–1990 гг.) // Катынские материалы. 2020. 20 февр. URL <http://katynfiles.com/content/gdasbu-3.html> (дата обращения: 03.04.2021).

Катынские документы. Документы ГДА СБУ 2011 — Катынские документы.

Документы ГДА СБУ: переписка КГБ УССР и КГБ СССР о польских могилах под Харьковом (1969 г.) // Катынские материалы. 2011. 1 мая. URL: <http://katynfiles.com/content/gdasbu-2.html> (дата обращения: 03.04.2021).

Катынь 2001 — Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / отв. сост. Н. С. Лебедева. М., 2001.

Лубянка 2006 — Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2006. С. 360–361.

Молотов... 1998 — Молотов, Маленков, Каганович, 1957: стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. Н. В. Ковалева. М., 1998.

Нюрнбергский процесс 1954 — Нюрнбергский процесс. Сборник материалов / под ред. К. П. Горшенина, Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. М., 1954.

Правда 1944 — Правда. 1944. 26 янв. № 22 (9479).

Правда 1952 — Правда. 1952. 12 мар. № 72 (12274).

Правда о Катыни 2009 — Правда о Катыни (архивная версия). 2009. 6 фев. URL: <http://web.archive.org/web/20120801072953/http://katyn.ru/forums/viewtopic.php?id=2071&p=2#p20486> (дата обращения: 03.04.2021).

РГАСПИ — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 621. Л. 130–131.

Репортаж 2020 — Репортаж «Россия 1. Тверь» // Вести Тверь. 2020. 26 фев. URL: <https://youtu.be/WX3a1uAO2Gs?t=156> (дата обращения: 03.04.2021).

Amtliches Material... 1943 — Amtliches Material zum Massenmord in Katyn. Berlin, 1943.

Trial... 1947 — Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg, 14 November 1945 — 1 October 1946. Nuremberg, 1947. Vol. 1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андрееенкова 2019 — *Андрееенкова Г.А.* К вопросу о массовых захоронениях жертв политических репрессий на территории мемориального комплекса «Катынь» // Власть и общество России: кризисы и пути взаимодействия. Конец XIX — начало XXI в. М., 2019. С. 322–332.

Аппарат ЦК КПСС... 2001 — Аппарат ЦК КПСС и культура, 1953–1957 / сост. Е. С. Афанасьева, В. Ю. Афиани, З. К. Водопьянова. М., 2001.

Великанова 2020 — *Великанова И.Я.* Катынь // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2020. 30 окт. URL: <https://историк.рф/posts/2020/10/30/katyn.html> (дата обращения: 03.04.2021).

Гурьянов 2015 — *Гурьянов А.Э.* Задачи книги памяти и источники для ее составления // Убиты в Катыни / отв. сост. А. Э. Гурьянов. М., 2015.

Гурьянов 2020 — *Гурьянов А.Э.* Что мы знаем о здании Медицинского университета в Твери // Уроки истории. 2020. 5 июля. URL: <https://urokiistorii.ru/article/57094> (дата обращения: 03.04.2021).

Жаворонков 2006 — *Жаворонков Г.Н.* О чем молчал Катынский лес, когда говорил академик Андрей Сахаров. М., 2006. С. 109–111.

Илькевич 2013 — *Илькевич Н.Н.* Фальсификация следствия органами госбезопасности в 1937–1938 гг.: Методы и приемы. Документы. Палачи и их жертвы. Смоленск, 2013. С. 204–211.

Катынь 1999 — Катынь. Пленники необъявленной войны / отв. ред. Н. С. Лебедева. М., 1999.

Кикнадзе 2020 — *Кикнадзе В.Г.* Катынская трагедия: в поисках правды и диалога // Наука. Общество. Оборона. 2020. 10 дек. URL: <https://www.noo-journal.ru/katyn-mednoye-rasstrel-poliskih-voennoplennykh-ostashkov> (дата обращения: 03.04.2021).

Коноплянко 2019 — *Коноплянко К.С.* Память в «бело-черных» тонах: кому мешает мемориальный комплекс «Медное»? // Историческая экспертиза. 2019. № 4 (21).

Лебедева 1994 — *Лебедева Н.С.* Катынь: преступление против человечества. М., 1994.

Лебедева 2014 — *Лебедева Н.С.* Катынский вопрос на Нюрнбергском процессе // Przegląd Wschodni. 2014. Т. XIII, № 2(50). S. 565–589.

Лебедева 2015 — *Лебедева Н.С.* Катынская проблематика: итоги и перспективы исследований // Россия и Польша. История общая и разобшенная. М., 2015. С. 276–282.

Мозохин 2006 — *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006.

Мухин 1997 — *Мухин Ю.И.* Афера Холокоста // Дуэль. 1997. № 11 (33).

Плотников 2020 — *Плотников А.Ю.* Катынская фальсификация, как инструмент информационной войны // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8. № 4. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2020-4-25/article-0265> (дата обращения: 03.04.2021).

Прокопенко 1990 — *Прокопенко А.С.* Нюрнбергский бумеранг // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 53.

Реабилитация 2000 — Реабилитация: как это было. Март 1953 — февраль 1956 гг. / сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. М., 2000.

Реабилитация... 2003 — Реабилитация: как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов / сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. М., 2003.

Романов 2007 — *Романов С.В.* К вопросу об использовании НКВД «несоветских» калибров для расстрелов // Катынские материалы. 2007. 5 марта (дата первой версии). URL: <http://katynfiles.com/content/romanov-7-65.html> (дата обращения: 03.04.2021).

Романов 2008 — Романов С.В. Разбор полетов. 3. Записка Берии: тройка // Катынские материалы. 2008. 16 марта. URL: <http://katynfiles.com/content/romanov-rr-3.html> (дата обращения: 03.04.2021).

Романов 2011 — Романов С.В. Вяземлагский гамбит. Об одной попытке фальсификации истории // Катынские материалы. 2011. 3 июня. URL: <http://katynfiles.com/content/romanov-vyazemlag.html> (дата обращения: 03.04.2021).

Романов 2020 — Романов С.В. Документы Аренса и доклад комиссии Бурденко // Катынские материалы. 2020. 7 марта. URL: <http://katynfiles.com/content/romanov-ahrens-burdenko.html> (дата обращения: 03.04.2021).

Романов 2021 — Романов С.В. Катынь и анти-Катынь: критический анализ современных общественных дискуссий // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / под ред. К. Пахалюка. М., 2021.

Степанов 2005 — Степанов А.С. Влияние «Английского фактора» на военные планы СССР в 1939–1941 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2005. Вып. 3. С. 64–74.

Убиты в Калинин... 2019 — Убиты в Калинин, захоронены в Медном / отв. сост. А. Э. Гурьянов. В 3 т. М., 2019.

Убиты в Катыни 2015 — Убиты в Катыни / отв. сост. А. Э. Гурьянов. М., 2015.

Шиверских 2005 — Шиверских А.И. Разрушение великой страны. Записки генерала КГБ. Смоленск, 2005.

Яжборовская и др. 2009 — Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2009.

Baran 1992 — Baran E. Uwagi do niemieckiego sprawozdania sądowo-lekarskiego opublikowanego w 1943 r. // Zbrodnia Katyńska. Droga do prawdy, Zeszyty katyńskie. № 2. Warszawa, 1992.

Baran et al. 1992 — Baran E., Mądro R., Młodziejowski B. Badania sądowo-lekarskie przeprowadzone w ramach ekshumacji w Charkowie i Miednoje // Zeszyty Katyńskie. 1992. № 2. S. 264–276.

Biddle 1962 — Biddle F. In Brief Authority. NY, 1962.

Borák 2000 — Borák M. Zločin v Katyni a jeho české a slovenské souvislosti // Evropa mezi Německem a Ruskem. Sborník prací k sedmdesátinám Jaroslava Valenty, ed. M. Šestáček, E. Voráček. Praha, 2000.

Connor 2009 — Connor M. Mass Grave Investigation / Wiley Encyclopedia of Forensic Science. Vol. 4. Ed. by A. Jamieson, A. Moenssens. Chichester, 2009. P. 1675.

Haglund 2002 — Haglund W. Recent mass graves, an introduction // Advances in Forensic Taphonomy: Method, Theory, and Archaeological Perspectives / ed. by W. Haglund, M. Sorg. Boca Raton, 2002.

Hájek 1946 — Hájek F. Důkazy katyňské. Praha, 1946.

Kola 2005 — Kola A. Archeologia zbrodni. Oficerowie polscy na cmentarzu ofiar NKWD w Charkowie. Toruń, 2005.

Kranz 2005 — Kranz T. Ewidencja zgonów i śmiertelność więźniów KL Lublin // Zeszyty Majdanka. 2005. T. 23. S. 7–53.

Persak 2010 — Persak K. Ekshumacje katyńskie. Prace archeologiczno-ekshumacyjne w Charkowie, Katyniu i Miednoje w latach 1991–1996 i ich wyniki // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2010. T. 10. № 4. S. 32–51.

Piper 1992 — Piper F. Ilu ludzi zginęło w KL Auschwitz: liczba ofiar w świetle źródeł i badań 1945–1990. Oświęcim, 1992.

Salihbegović et al. 2018 — Salihbegović A., Clark J., Sarajlić N., Radović S., Finlay F., Jogančić A., Spahić E., Tuco V. Histological observations on adipocere in human remains buried for 21 years at the Tomašica grave-site in Bosnia and Herzegovina // Bosnian Journal of Basic Medical Sciences. 2018. Vol. 18. Iss. 3. P. 234–239.

The Katyn Forest Massacre 1952 — The Katyn Forest Massacre: Hearings before the Select Committee to Conduct an Investigation of the Facts, Evidence and Circumstances of the Katyn Forest Massacre. 1952. Vol. 7.

REFERENCES

Andreenkova G. A. K voprosu o massovykh zakhoroneniiax zhertv politicheskikh repressii na territorii memorial'nogo kompleksa "Katyn" *Vlast' i obshchestvo Rossii: krizisy i puti vzaimodeistviia. Konets XIX — nachalo XXI v.* Moscow, 2019, p. 322–332.

Apparat TsK KPSS i kul'tura, 1953–1957, sost. E. S. Afanas'eva, V. Iu. Afiani, Z. K. Vodop'ianova. Moscow, 2001.

B Borák M. Zločin v Katyni a jeho české a slovenské souvislosti. *Evropa mezi Německem a Ruskem*. Sborník prací k sedmdesátinám Jaroslava Valenty, ed. M. Šesták, E. Voráček. Praha, 2000.

Baran E. Uwagi do niemieckiego sprawozdania sądowo-lekarskiego opublikowanego w 1943 r. *Zbrodnia Katyńska. Droga do prawdy, Zeszyty katyńskie*, no. 2. Warszawa, 1992.

Baran E., Mądro R., Młodziejowski B. Badania sądowo-lekarskie przeprowadzone w ramach ekshumacji w Charkowie i Miednoje. *Zeszyty Katyńskie*, 1992, no. 2, p. 264–276.

Biddle F. *In Brief Authority*. NY, 1962.

Connor M. *Mass Grave Investigation, Wiley Encyclopedia of Forensic Science*. Vol. 4, ed. by A. Jamieson, A. Moenssens. Chichester, 2009, p. 1675.

Gur'ianov A. E. Chto my znaem o zdanii Meditsinskogo universiteta v Tveri. *Uroki istorii*. 2020. 5 iulia. URL: <https://urokiistorii.ru/article/57094> (date of access: 03.04.2021).

Gur'ianov A. E. Zadachi knigi pamiaty i istochniki dlia ee sostavleniia. *Ubity v Katyni*, otv. sost. A. E. Gur'ianov. Moscow, 2015.

Haglund W. Recent mass graves, an introduction. *Advances in Forensic Taphonomy*:

Method, Theory, and Archaeological Perspectives, ed. by W. Haglund, M. Sorg. Boca Raton, 2002.

Hájek F. *Důkazy katyňské*. Praha, 1946.

Iazhborovskaia I. S., Iablokov A. Iu., Parsadanova V. S. *Katyňskii sindrom v sovetsko-pol'skikh i rossiisko-pol'skikh otnosheniiax*. Moscow, 2009.

Il'kevich N. N. *Fal'sifikatsiia sledstviia organami gosbezopasnosti v 1937–1938 gg.: Metody i priemy. Dokumenty. Palachi i ikh zhertvy*. Smolensk, 2013, p. 204–211.

Katyn'. *Plenniki neob"iavlennoi voiny*, otv. red. N, p. Lebedeva. M., 1999.

Kiknadze V. G. Katynskaia tragediia: v poiskakh pravdy i dialoga. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*. 2020. 10 dek. URL: <https://www.noo-journal.ru/katyn-mednoye-rasstrel-polskikh-voyennoplennykh-ostashkov> (date of access: 03.04.2021).

Kola A. *Archeologia zbrodni. Oficerowie polscy na cmentarzu ofiar NKWD w Charkowie*. Toruń, 2005.

Konoplianko K. S. Pamiat' v "belo-chernykh" tonakh: komu meshaet memorial'nyi kompleks "Mednoe"? *Istoricheskaia ekspertiza*, 2019, no. 4 (21).

Kranz T. Evidencja zgonów i śmiertelność więźniów KL Lublin. *Zeszyty Majdanka*, 2005, vol. 23, p. 7–53.

Lebedeva N. S. *Katyn': prestuplenie protiv chelovechestva*. Moscow, 1994.

Lebedeva N. S. Katynskaia problematika: itogi i perspektivy issledovaniia. *Rossiiia i Pol'sha. Istoriiia obshchaia i razobshchennaia*. Moscow, 2015, p. 276–282.

Lebedeva N. S. Katynskii vopros na Niurnbergskom protsessie. *Przegľad Wschodni*, 2014, vol. XIII, no. 2(50), p. 565–589.

Mozokhin O. B. *Pravo na repressii. Vnesudebnye polnomochiia organov gosudarstvennoi bezopasnosti (1918–1953)*. Moscow, 2006.

Mukhin Iu. I. Afera Kholokosta. *Duel'*. 1997, no. 11 (33).

- Persak K. Ekshumacje katyńskie. Prace archeologiczno-ekshumacyjne w Charkowie, Katyniu i Miednoje w latach 1991–1996 i ich wyniki. *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*, 2010. vol. 10, no. 4, p. 32–51.
- Piper F. *Ilu ljudi zginęlo w KL Auschwitz: liczba ofiar w świetle źródeł i badań 1945–1990*. Oświęcim, 1992.
- Plotnikov A.Iu. Katynskaia fal'sifikatsiia, kak instrument informatsionnoi voiny. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 2020, vol. 8, no. 4. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2020-4-25/article-0265> (date of access: 03.04.2021).
- Prokopenko A. S. Niurnbergskii bumerang. *Voenna-istoricheskii zhurnal*, 1990, no. 6, p. 53.
- Reabilitatsiia: kak eto bylo. Fevral' 1956 — nachalo 80-kh godov*, sost. A.N. Artizov, Iu.V. Sigachev, V.G. Khlopov, I.N. Shevchuk. M., 2003.
- Reabilitatsiia: kak eto bylo. Mart 1953 — fevral' 1956 gg.*, sost. A.N. Artizov, Iu.V. Sigachev, V.G. Khlopov, I.N. Shevchuk. Moscow, 2000.
- Romanov S.V. Dokumenty Arensa i doklad komissii Burdenko. *Katynskie materialy*, 2020, 7 marta. URL: <http://katynfiles.com/content/romanov-ahrens-burdenko.html> (date of access: 03.04.2021).
- Romanov S.V. K voprosu ob ispol'zovanii NKVD "nesovetskikh" kalibrov dlia rasstrel'ov. *Katynskie materialy*, 2007, 5 marta (data pervoi versii). URL: <http://katynfiles.com/content/romanov-7-65.html> (date of access: 03.04.2021).
- Romanov S.V. Katyn' i anti-Katyn': kriticheskii analiz sovremennykh obshchestvennykh diskussii. *Tragediia voiny. Gumanitarnoe izmerenie vooruzhennykh konfliktov XX veka*, pod red. K. Pakhaliuka. Moscow, 2021.
- Romanov S.V. Razbor poletov. 3. Zapiska Berii: troika. *Katynskie materialy*, 2008, 16 marta. URL: <http://katynfiles.com/content/romanov-rp-3.html> (date of access: 03.04.2021).
- Romanov S.V. Viazemlaskii gambit. Ob odnoi popytke fal'sifikatsii istorii. *Katynskie materialy*, 2011, 3 iunija. URL: <http://katynfiles.com/content/romanov-vyazemlag.html> (date of access: 03.04.2021).
- Salihbegović A., Clark J., Sarajlić N., Radović S., Finlay F., Jogunčić A., Spahić E., Tuco V. Histological observations on adipocere in human remains buried for 21 years at the Tomašica grave-site in Bosnia and Herzegovina. *Bosnian Journal of Basic Medical Sciences*, 2018, vol. 18, iss. 3, p. 234–239.
- Shiverskikh A.I. *Razrushenie velikoi strany. Zapiski generala KGB*. Smolensk, 2005.
- Stepanov A. S. Vliianie "Angliiskogo faktora" na voennye plany SSSR v 1939–1941 gg. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 2. 2005, vyp. 3, p. 64–74.
- The Katyn Forest Massacre: Hearings before the Select Committee to Conduct an Investigation of the Facts, Evidence and Circumstances of the Katyn Forest Massacre*. 1952. Vol. 7.
- Ubity v Kalinine, zakhoroneny v Mednom*, otv. sost. A. E. Gur'ianov. V 3 vol. Moscow, 2019.
- Ubity v Katyni*, otv. sost. A. E. Gur'ianov. Moscow, 2015.
- Velikanova I.Ia. Katyn'. *Istorik. Zhurnal ob aktual'nom proshlom*. 2020. 30 okt. URL: <https://istorik.rf/posts/2020/10/30/katyn.html> (date of access: 03.04.2021).
- Zhavoronkov G.N. *O chem molchal Katynskii les, kogda govoril akademik Andrei Sakharov*. Moscow, 2006, p. 109–111.

«РАССТРЕЛ ВОЕННОПЛЕННЫХ — ЭТО ВОПИЮЩЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ».

Интервью с А. Э. Гурьяновым

В интервью затрагивается тема изучения катынского расстрела, попыток пересмотра вопроса об ответственности СССР за данное преступление, а также судебных процессов в современной России по проблемам катынского дела.

Ключевые слова: общество «Мемориал», катынский расстрел, войны памяти.

Сведения об авторе: Гурьянов Александр Эдмундович, руководитель польской программы НИПЦ «Мемориал» (Москва).

Контактная информация: guryanov2009@yandex.ru.

“THE SHOOTING OF POWS IS EXTRAORDINARY CRIME”.

Interview with A. E. Guryanov

The interview deals with the studying of the Katyn massacre, the attempts of revision of the USSR's responsibility for this crime and trials in modern Russia, associated with this problem.

Key words: Memorial society, Katyn massacre, wars of memory.

About the author: Guryanov Alexander E., Head of the Polish Program of “Memorial” (Moscow).

Contact information: guryanov2009@yandex.ru.

Беседовал А. Ф. Арсентьев.

А. А. Расскажите, как вы пришли в историческую науку и что побудило вас заняться темой катынского расстрела?

А. Г. Я по образованию совсем не историк, но так получилось, что где-то на рубеже 1989–1990 гг. я связался с обществом «Мемориал» и через два-три года стал там работать. И по-

скольку я в детстве и юности жил в Польше и знаю польский язык, то я стал заниматься репрессиями против поляков и польских граждан других национальностей. Собственно, первый контакт с «Мемориалом» был связан с тем, что «Мемориал» готовил первую в Советском Союзе выставку о катынском расстреле. Для этого я и понадобился со своим

польским языком, с этого все и началось. Так получилось, что эта выставка совпала с заявлением ТАСС от 13 апреля 1990 г., посредством которого советское руководство признало ответственность СССР за катынский расстрел. Заявление вышло в 47-ю годовщину самого первого германского сообщения об открытии катынских могил. Мы в «Мемориале» с подготовкой этой выставки запаздывали, и выставка открылась на несколько дней позже. Хотя на самом деле она была не совсем первой, т.к. в августе 1989 г. «Мемориал» устроил выставку, посвященную 50-й годовщине пакта Молотова — Риббентропа, и на той выставке был раздел о катынском расстреле. Потом так получилось, что по разным обстоятельствам и разным причинам мы на полтора десятка лет забросили тему Катыни, не занимались ею, считая, что идет следствие, которое ведет Главная военная прокуратура. В первые годы это следствие шло очень успешно и эффективно. Кроме того, архивными исследованиями истории этого преступления занимались такие видные профессиональные историки, как Н.С. Лебедева, И.С. Яжборовская и Ю.Н. Зоря, который имеет очень большие заслуги по открытию документов, хотя сам он по образованию не историк. В общем, тема активно разрабатывалась профессиональным сообществом. И раз так, то «Мемориал» не видел необходимости тоже этим заниматься. При этом другие виды репрессий против других, гораздо более многочисленных категорий польских граждан оставались не исследованными — прежде всего, массовые депортации населения. И «Мемориал» после этой выставки 1990 г. 15

лет занимался депортациями гражданского населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г., а также массовыми арестами 1939–1941 гг. на этих территориях, которые шли уже в индивидуальном порядке, а не по социальному признаку, и заключением в лагеря НКВД польских граждан, арестованных начиная с 1944 г. на территориях, освобожденных Красной армией от германской оккупации. К этому решению нас подтолкнула волна, а точнее — целая лавина писем, которые «Мемориал» с начала 1990-х гг. стал получать из Польши от самих репрессированных и от их родственников с просьбами помочь им получить официальные документы, подтверждающие факт репрессий. Это оказалась гигантская работа, и вот ею мы и занимались, считая, что исследование катынского дела в надежных руках. С некоторым опозданием мы осознали, что не так все хорошо с расследованием катынского дела, и с 2005 г. мы опять вернулись к этой истории — впервые после той выставки 1990 г.

А. А. Насколько велико было внимание общественности к теме Катыни после признания вины руководством СССР?

А. Г. А как это оценить? Посредством социологических опросов? Мы этим не занимались, и я не помню, чтобы вообще подобные опросы тогда, в ранние 90-е, были. Но, по ощущениям, внимание общественности в конце 1980-х — начале 1990-х гг., как мне кажется, было значительным. Тогда проводились разного рода мероприятия, круглые столы, посвященные катынскому делу. Там

все начиналось с вопросов: «А что было?», «А кто действительно виновник?» Эти мероприятия проходили в Союзе кинематографистов, причастны были и другие творческие союзы, которые тогда, на рубеже 80–90-х гг., были очень активны. Ощущение было такое, что тогда было подлинное, стихийное внимание к этой теме. Но потом оно ослабевало и как-то сошло на нет.

А. А. Какова степень изученности катынского дела сейчас? Есть ли что-то, что еще предстоит исследовать по данной теме?

А. Г. С точки зрения исследователя-историка там все ясно и все известно — за исключением отдельных моментов. Какие моменты не ясны? Например, много лет спорили и пытались докопаться до мотива решения политбюро от 5 марта 1940 г. Различными деятелями, связанными с властью, делались утверждения, что польские военнопленные были расстреляны в отместку за гибель красноармейцев в польском плену во время советско-польской войны 1919–1920 гг. Эта идея «уравновешивания» катынского расстрела фактом гибели красноармейцев зародилась еще тогда, в 1990 г. Известно, что Горбачев, когда его, наконец, вынудили признать совершение катынского расстрела Советским Союзом, отдал распоряжение поискать какой-нибудь исторический факт, который мы могли бы полякам предъявить. Ну и тут же с готовностью эту «анти-Катынь» нашли. И пошли споры насчет масштабов, потому что историки, связанные с Министерством обороны, привычно стали продвигать число в 80 тыс.

замученных поляками красноармейцев. Число, завышенное в несколько раз, как выяснилось в результате исследований историков — как польских, так и российских. Но эта цифра в 80 тыс. до сих пор встречается, и до сих пор эту «анти-Катынь» продолжают использовать. Это прозвучало даже тогда, когда Путин выступал в 2010 г. на Катынском мемориале, где он преклонил колено, а потом на пресс-конференции сказал, что это была месть за поражение в советско-польской войне и судьбу красноармейцев в польском плену. Так вот, один из таких вопросов, который, как считается, не исследован — хотя я с этим не согласен, — это вопрос о мотиве. Я с этим не согласен, потому что, по моему мнению, мотив совершенно четко указан в самом решении, точнее — в иницилирующей это решение записке Берии Сталину. В этой записке Берия перечисляет категории военнопленных, которые, с его точки зрения, должны быть расстреляны. И там сказано буквально так: «исходя из того, что все они — закоренелые, неисправимые враги советской власти». Вот это и есть мотив. Я работал с довольно большим числом архивных документов «нижнего уровня» — документами НКВД, касающимися пребывания польских военнослужащих в плену даже до того, как было принято это решение. И в этих документах нет никаких признаков того, что пытались найти какую-то связь этих пленных с гибелью красноармейцев. Не было никаких таких попыток. С моей точки зрения, мотив предельно четко и лаконично указан в той записке Берии, которая стала основанием для решения политбюро. То, что она стала таким основанием, подтверждается

тем, что резолютивная часть записки Берии, где он, собственно, предлагает пленных расстрелять и описывает, в каком порядке, — вся эта часть текстуально, с точностью до последней запятой, повторена в тексте решения политбюро. И вообще порядок тогдашнего делопроизводства в политбюро подразумевал, что решение политбюро — это не только тот довольно краткий текст, который появляется в протоколе заседания, но и все внесенные в ЦК ВКП(б) документы, на основании которых это решение вынесено. Так что записка Берии даже чисто формально является частью решения политбюро. В самом решении этих слов — «расстрелять, исходя из того, что все они — законченные, неисправимые враги советской власти» — нет. Но в записке они есть, и на ней имеются подписи Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна, а на полях — отметки о голосовании за это решение Калинина и Кагановича — они, по-видимому, не участвовали в той встрече, и их спросили по телефону, и секретарь Сталина Поскребышев на полях дописал, что товарищи Калинин и Каганович «за». Так что я не согласен с тем, что мотив расстрела является неизученной темой.

Есть, впрочем, другие неисследованные моменты, в отношении которых у историков нет разногласий о том, что они не исследованы. Пожалуй, самый главный из них — это отсутствие документов, содержащих личные данные одной из пяти групп жертв этого расстрела. Это деление на пять групп немного условное. Так вот, три из этих пяти групп — это, собственно, военнопленные. Одна из них — армейские офицеры, содержащиеся

в Козельском лагере, вторая — офицеры, содержащиеся в Старобельском лагере, и третья группа — это полицейские, пограничники, жандармы, служащие тюремной стражи, содержащиеся в Осташковском лагере. Подавляющее большинство содержащихся в Осташковском лагере — почти 90% — составляли полицейские. И вот все эти три группы известны поименно. Есть некоторые сложности со старобельской группой — там отсутствуют надежные документы НКВД, выработанные в ходе операции по расстрелу, которые бы содержали их имена. Есть только документы, выработанные не в ходе этой операции, и они содержат почти полный список, но остается некоторая неопределенность, которая может касаться нескольких десятков человек. Старобельская группа — это 3800 с лишним офицеров. Козельская группа — те, кто был погребен в Катыни, — известна поименно с точностью до одного человека — 4415 человек. То же самое с осташковской группой — там 6295 человек. В общем, если не принимать во внимание небольшую неопределенность со старобельской группой, расстрелянных военнопленных мы знаем поименно всех.

В 1992 г. мы узнали, что расстрелу подлежали не только некоторые категории военнопленных — в преобладающем большинстве армейские офицеры и полицейские всех чинов, — но и арестованные, содержащиеся с сентября 1939 г. в тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии. Из них на основании документов естественным образом выделяется группа тех, кто содержался в тюрьмах Западной Украины, и их

поименно мы знаем всех. Потому что есть список людей, про который мы точно знаем, что все из этого списка были расстреляны — кроме единичных исключений, когда люди, подлежащие расстрелу, по каким-то причинам были в последний момент отведены, и на это есть архивные документы.

Но вот гигантская проблема — это пятая группа, узники тюрем Западной Белоруссии. Там мы не знаем ни одного имени. Мы можем лишь по каким-то косвенным признакам предполагать, что отдельные люди из этой группы подлежали расстрелу по «катынскому» решению политбюро.

Есть еще и другие неисследованные вопросы, касающиеся узников тюрем. Для украинской группы, хоть мы и знаем поименно весь ее состав — 3435 человек, — но вот где они были расстреляны и где погребены — тут есть некоторая неопределенность. Большинство из них, по-видимому, порядка 2200 человек, были расстреляны в тюрьме НКВД в Киеве и погребены в лесу возле поселка Быковня, недалеко от Киева. Есть некоторые документы, на основании которых можно с довольно большой уверенностью предполагать, что этих узников тюрем Западной Украины вывозили на расстрел не только в Киев, но также и в Харьков, и в Херсон, и, может быть, еще в какие-то места, но эти места неизвестны. В лесу в Быковне, о котором я упомянул, захоронены не только расстрелянные по «катынскому» решению польские граждане. Там также имеются огромные массовые захоронения советских граждан, кто

был расстрелян в 30-е гг. Но польские могилы четко отделяются от советских захоронений, и там устроено мемориальное кладбище. Обязательным и основным содержанием этих польских мемориальных кладбищ — и в Катynи, и в Медном, и в Харькове, и в Быковне — являются персональные таблички с именами всех казненных. И в Быковне имеются таблички на всех 3435 человек, хотя реально там захоронены только порядка двух третей от этой группы. Это еще одна неисследованная проблема — где кто был расстрелян из числа узников тюрем.

Про узников же тюрем Западной Белоруссии документы НКВД указывают, что, с большой вероятностью, их всех свезли тогда же — весной 1940 г. — в тюрьму в Минске, где и расстреляли, и они погребены в огромных массовых захоронениях под Минском в Куропатах. Но этот вопрос совершенно не исследован — начиная с того, что даже их имен мы не знаем.

Есть также некоторые неисследованные вопросы в отношении тех, кто погребен в Катынском лесу, — узников Козельского лагеря. На основании самых разных документов — не только документов НКВД, но и их личных записей, бумаг и дневников, которые были извлечены при эксгумации 1943 г., — мы можем утверждать, что часть узников Козельского лагеря расстреляли в Смоленске, в тюрьме управления НКВД по Смоленской области, а часть — прямо в лесу. Но какую часть где, и какие там пропорции — это не известно. Среди некоторых историков возникают споры, потому что есть те, кто

утверждает, что всех расстреляли в Смоленской тюрьме, что противоречит тем же дневниковым записям. Некоторые дневниковые записи, которые были извлечены в 1943 г., сохранились в виде машинописных копий, и они доведены прямо до прибытия в Катынский лес еще живых людей.

Но это, с моей точки зрения, неисследованные аспекты второго и третьего порядка, а вот самое главное давно известно, и в научном сообществе есть консенсус. И попытки отрицать ответственность СССР за катынское преступление не находят в научном сообществе никакой поддержки. Хотя «отрицатели» и рядятся в одежды исследователей, но таковыми, с моей точки зрения, и с точки зрения профессиональных историков, считаться не могут.

А. А. О катынском расстреле стало известно только после немецких экзгумаций 1943 г. Почему информация о нем не попала на Запад вместе с «армией Андерса»? Имели ли место среди выживших польских военнопленных слухи о судьбе их товарищей?

А. Г. В «армии Андерса» до 1943 г. о расстреле не знали, хотя, конечно, там были люди, которые предполагали, что их товарищей, попавших в советский плен в 1939 г., в живых уже нет. И пока «армия Андерса» находилась на территории СССР, она предпринимала попытки что-то выяснить. Была даже образована специальная маленькая группа во главе с одним из уцелевших пленных из Старобельского лагеря Юзефом Чапским. Он был официально упол-

номочен Андерсом установить судьбу не явившихся в «армию Андерса» офицеров. И он написал две книги про пребывание в советском плену и про поиски пропавших офицеров, про свои встречи с высокопоставленными чекистами для выяснения судьбы пропавших. Но, конечно, достоверно «армия Андерса» об этом узнала только из немецкого сообщения, когда она была уже на Ближнем Востоке (и именовалась Польской армией на Востоке, а с июля 1943 г. — 2-м Польским корпусом).

А. А. Расскажите, на чем базируется позиция отрицателей ответственности СССР за расстрел? Выдвигаются ли ими какие-либо новые аргументы?

А. Г. Она базируется на сообщении комиссии Бурденко. Вся их аргументация, даже когда они пытаются выдвинуть новые аргументы — это попытки представить сообщение комиссии Бурденко как достоверное. Для этого им приходится идти на ухищрения, которые Бурденко и в голову не приходили. Необходимость в этих ухищрениях вызвана главным образом открытием захоронений узников Осташковского лагеря в Медном. Поначалу говорилось, что немцев там не было вообще, но потом все же пришлось уточнить, что в течение трех-четырёх дней в Медном немцы были. Но, правда, они там находились в условиях тяжелых боев, и очень скоро были вытеснены из Медного и, конечно, за такое время они не имели никакой возможности расстрелять и захоронить 6300 польских пленных. И даже «отрицатели» не пытаются доказать обратное. Они ведь про катынские

захоронения признают, что там лежат польские военнопленные из Козельского лагеря, но говорят, что их расстреляли немцы — что является повторением сообщения комиссии Бурденко — условной «комиссии Бурденко», т.к. трудно говорить, что она что-то исследовала — эта комиссия просто оглашала то, что им подсовывали чекисты — заготовленные версии, заготовленные сфальсифицированные чекистами улики из Катыни. Но уже тогда эти чекисты очень предусмотрительно стали подсовывать комиссии Бурденко число жертв, в два-три раза превышающее число козельских пленников. И это явно была такая заготовка для того, чтобы пресечь попытки выяснения судьбы пленников из двух других лагерей — Старобельского и Осташковского. Там делаются прямые намеки, что их немцы тоже расстреляли, привезли в Катынский лес и там захоронили. Поэтому комиссия Бурденко утверждала, что там захоронены одиннадцать тысяч польских пленных, хотя на самом деле там лежат 4400 человек. Впрочем, тут можно сказать, что даже не чекисты это придумали, потому что немцы почему-то с самого начала объявили, что, по их предположению, там захоронены 10–12 тыс. польских военнопленных. И, потом, немецкая эксгумация длилась практически три месяца — первое открытие могил было в конце февраля, какие-то пробные раскопки — в марте, а полным ходом это пошло с конца марта и закончилось в начале июня. И в первом же сообщении берлинского радио от 13 апреля 1943 г. было названо это число. Потом немцы лихорадочно пытались найти подтверждение именно

такого количества захороненных — и не нашли. Но благодаря тому, что они так лихорадочно пытались это найти, они делали пробные раскопки по всей территории Катынского леса, и благодаря этому они нашли захоронения наших соотечественников — советских граждан, расстрелянных НКВД в 30-е, а может, еще и в 20-е гг. Причем они там нашли очень большое число этих могильных ям, но по различным предметам, артефактам при останках можно было твердо сказать, что это не польские пленные, а советские граждане. По итогам своей эксгумации немцы издали книгу с ее материалами — довольно полную и, в общем, достоверную. Хотя, если говорить о методике самих раскопок и методике фиксации их результатов, то можно довольно много предъявить претензий, ведь можно было все это сделать гораздо аккуратнее — в частности, они не фиксировали, какие останки были извлечены из какой из восьми найденных немцами ям. Но тем не менее, хотя методические претензии к этим раскопкам вполне оправданны, общие их результаты достоверны. И главный результат состоит в том, что они извлекли останки 4243 человек — из первых семи ям, «вычерпанных» полностью, и около полутора десятков из восьмой, обнаруженной в конце раскопок и раскопанной не до конца, потому что был приказ германского командования о прекращении эксгумации. Из числа извлеченных останков 2733 человека были идентифицированы поименно — просто на основании бумаг и опознавательных жетонов, которые находили на трупах. Это — великое достижение той эксгумации.

Также нужно отметить, что, хотя мы говорим о немецкой эксгумации, но она делалась руками польской технической комиссии и русских крестьян из окрестных деревень, которые были рабочей силой на раскопках. Копали русские — и крестьяне, и советские военнопленные из немецкого лагеря, находившегося в Смоленске. И вот, хотя эти 12 тыс. немцы не нашли, комиссия Бурденко похожее число повторила, и теперь для «отрицателей» принципиально важно доказать, что польские военнопленные из всех трех лагерей лежат в Катинском лесу. А обнаружение захоронения шести с лишним тысяч человек в Медном, где немцы чисто технически и физически не могли провести такую массовую казнь — совершенно неопровержимый довод, опровергающий выводы комиссии Бурденко о расстреле польских военнопленных немцами. Тех, кто захоронен в Медном, некому было расстрелять, кроме НКВД. Поэтому в случае с Медным «отрицателям» пришлось пойти на такое ухищрение: они говорят, что там захоронены вовсе не поляки, а красноармейцы, павшие в боях с немецко-фашистскими захватчиками в октябре 1941 г. и умершие в эвакогоспиталях и медсанбатах, дислоцировавшихся в Медном начиная с декабря 1941 по 1943 г. Это — современное ухищрение, до которого, конечно, комиссия Бурденко додуматься не могла, потому что комиссия Бурденко про захоронения в Медном ничего не знала — как и про захоронения пленных из Старобельского лагеря в Харькове.

А. А. Какие организации и лица являются главными проводниками «отрицательской» концепции? Как

их активность соотносится с официальной позицией РФ?

А. Г. Вплоть до прошлого года это были какие-то общественники, или люди, которые называли себя общественниками. Именно в связи с Медным, я полагаю, произошла их активизация. Когда они узнали, что мы — «Мемориал» — собираемся издать книгу памяти, посвященную жертвам, захороненным в Медном, активизировались общественники в Твери. Но до этого были и другие. Считается, что самым первым таким лидером «отрицателей» был Юрий Мухин, который написал несколько книг на эту тему. Но, по-моему, Мухин в последние годы отошел от какой-то активности в этом направлении. Самым главным его помощником, который пытался уже на исследовательском уровне вникнуть во многие детали, был Сергей Стрыгин — к сожалению, уже покойный. Он, хотя и был единственным из «отрицателей», ориентировавшимся в деталях этого дела, тем не менее эти детали перевирал и шел на прямые фальсификации. Я имел с ним несколько разговоров, и в одном из них он мне прямо признался, что главная его цель — реабилитировать Сталина.

Эти общественники были всегда, и я думаю, что их негласно поощряли или даже подталкивали какие-то люди из властных органов — но тихо, потому что официальная позиция России состоит в признании того, что этот расстрел был проведен Советским Союзом, советским государственным органом — НКВД, и что решение об этом расстреле было принято верховной властью — политбюро

ЦК ВКП(б). Но при этом, я думаю, это признание идет вразрез с идеологической установкой на подчеркивание наследования нынешней Россией советского прошлого, как последовательности великих свершений и славных побед — с замалчиванием и выталкиванием из памяти всех ужасных преступлений советского режима. Так что, хоть для власти и невозможно отказаться от этого признания, но очень хочется. Поэтому власти предпочитают, как мне кажется, действовать путем такой негласной инспирации этих «отрицательских» кругов.

В прошлом году в Твери «отрицатели» заблокировались с местной коммунистической организацией «Коммунисты России», имеющей, помимо КПРФ, влияние в Твери и в Тверской области. Также к ним присоединилось НОД. Раньше такого блокирования общественников с зарегистрированными организациями не было. А в этом году к этому союзу активно подключилась организация, которая имеет статус уже не просто общественный, а общественно-государственный — Российское военно-историческое общество, учрежденное указом президента. В ноябре они провели свою конференцию в Ниловой Пустыни, где находился Осташковский лагерь, на которую съехались все самые видные «отрицатели». Среди тех, кто сейчас очень активно выступает, есть человек с докторской степенью в области исторических наук — Алексей Плотников — правда, его специализация — японистика. Сейчас он, наверное, самый «громогласный». Еще с довольно давних времен, после Мухина, тоже в соавторстве со Стрыгиным

стал выступать Владислав Швед — бывший партработник, второй секретарь коммунистической партии Литвы, который был из Литвы изгнан в 1991 г. Из тех, кто выступает в телевизоре, самый известный — Анатолий Вассерман.

Что же до официальных властей, то они пока что помалкивают. Им хочется, чтобы все это «отрицание» высказывалось вот этими людьми. Тут, конечно, есть еще российское расследование катынского дела, которое велла Главная военная прокуратура. Она начала его в 1990 г. по распоряжению Горбачева, но довольно неожиданно прекратила в 2004 г. за смертью виновных. Но все же, особенно в первые годы — с 1990 по 1993 — это было настоящее расследование с впечатляющими результатами. Обнаружение захоронений в Медном, захоронений на окраине Харькова, эксгумации, поиск и допрос — пусть и в качестве свидетелей — участников расстрельной операции. Это очень важные допросы, они известны, они опубликованы — допрос бывшего начальника управления НКВД по Калининской области Дмитрия Токарева и допрос бывшего начальника управления НКВД по делам о военнопленных Петра Сопруненко — человека, который руководил вообще всем этим направлением в центральном аппарате НКВД, а также допросы рядовых участников. В Калининне удалось допросить не всех, потому что тогда было очень сильное противодействие военной прокуратуре со стороны местных органов бывшего КГБ. С 1994 г. следствие формально продолжалось, но уже было, скорее, симуляцией. И вот позиция официальных властей состоит в том,

что заключение следствия Главной военной прокуратуры засекречено, в его обнародовании отказано. Есть постановление о прекращении дела, и оно, согласно уголовно-процессуальному кодексу, должно содержать все результаты расследования. Но Главная военная прокуратура в ответ на запросы и от «Мемориала», и от разных других заявителей наотрез отказывается сообщить свое заключение о результатах расследования. И совершенно очевидно, что это не есть самостоятельное решение Главной военной прокуратуры, а делается по указанию той власти, которой Главная военная прокуратура подчиняется. Но доказательств нет — это все мое личное мнение.

А.А. В последнее время все чаще говорят о так называемой «гибридизации памяти». Расскажите об этом явлении и каким образом оно проявляется.

А.Г. С моей точки зрения, такой «гибридизацией памяти» является «уравновешивание» катынского преступления темой судьбы красноармейцев в польском плену. Нельзя ранжировать преступления по их чудовищности, но расстрел военнопленных — это вопиющее преступление. Вдобавок к этому — бессудный массовый расстрел узников тюрем, «расстрел по категориям». Это чудовищные преступления. И эту чудовищность пытаются как-то снизить, замазать, смикшировать с помощью вот этих искусственно созданных, сфальсифицированных противосов. Фальсификация тут не в том, что фальсифицирован сам факт гибели красноармейцев — эта гибель действительно имела место, и она

тоже требует исследования и расследования, пусть даже ее причиной были ужасающие условия содержания в польском плену, а не массовая казнь по решению верховной власти страны, как это произошло в случае катынского расстрела. Фальсификация тут в том, что одно увязывают с другим и пытаются уравновесить. Это, может быть, и есть такое проявление «гибридизации». Причем это адресовано российским гражданам, российскому обществу, потому что, я думаю, инициаторы «гибридизации» и «анти-Катыни» совершенно не рассчитывают на то, что они смогут где-то вне России кого-либо в этом убедить.

А.А. Расскажите о планах польской программы «Мемориала». Известно, что сейчас готовится книга памяти Харьков — Пятихатки.

А.Г. Как я сказал в начале, там есть проблема с источниками, в которую мы уперлись. Грубо говоря, там ситуация такая: есть некоторый список узников Старобельского лагеря. Этот список очень близок к полному, но насколько — мы не знаем. В этом списке значится порядка сотни людей, которые не были расстреляны. Его название — «список уничтоженных учетных дел выбывших военнопленных Старобельского лагеря», там есть эта сотня людей, которые не были расстреляны в рамках этой операции, это те, кто выбыл из лагеря в каком-то другом порядке. Известно, что была небольшая группа — в случае Старобельского лагеря 78 человек — тех, кого отвели от расстрела, и в те же самые дни, когда из лагеря отвозили пленных этапами в Харьков на расстрел, были два

этапа, отправленные в Юхновский лагерь. После этого их очень быстро перевели в Грязовецкий лагерь, и потом они попали в «армию Андерса». То есть они дожили до амнистии для польских граждан, объявленной указом Президиума Верховного совета от 12 августа 1941 г.

Когда мы готовили книги памяти по Козельскому и Осташковскому лагерям, у нас был очень надежный источник НКВД — списки-предписания об отправке в управления НКВД по Смоленской и по Калининской области. И мы точно знали, что дела всех, кто находится в этом списке, были рассмотрены тройкой, назначенной решением политбюро от 5 марта 1940 г., которая могла выносить только одно решение — о расстреле. Эти списки в течение полутора месяцев присылали в лагерь из центрального аппарата НКВД. В каждом списке было порядка сотни человек, и на их основании каждый лагерь формировал уже свои, более крупные этапы — человек по 200–300, иногда и больше. Вот для этих двух лагерей эти списки есть, а для Старобельского лагеря, про который мы точно знаем, что эти списки там были — мы знаем их даты и делопроизводственные номера, — эти списки в архиве не сохранились. И это — проблема, потому что в отношении имеющегося «условно полного» списка узников Старобельского лагеря мы вынуждены считать, что для каждого пленного, значащегося в этом списке, есть малая вероятность, что он не был расстрелян. Но тем не менее я думаю, что мы найдем способ как-то преодолеть эту проблему. Попытки все же найти эти списки-предписания об отправке

из Старобельского лагеря в управление НКВД по Харьковской области (где их расстреливали) еще не закончились. В настоящий момент для меня это — главная источниковедческая загадка: почему списки-предписания для Козельского и Осташковского лагерей сохранились, а точно такие же по своей значимости и секретности списки для Старобельского лагеря — нет. Если можно было бы предположить какую-то злую волю, тогда бы все списки-предписания были скрыты.

Работа немного приостановилась из-за пандемии, потому что стало невозможно поехать и поработать в украинских архивах, но, в общем, надежда еще остается, а если так и не удастся найти такие документы НКВД по Старобельскому лагерю, которые бы нам уже абсолютно достоверно позволяли определить, кто был расстрелян, а кто не был, то имеются некоторые запасные варианты решения этой проблемы с опорой на другие документальные материалы. Но еще раз хочу подчеркнуть, что эта неопределенность — на уровне не более пары процентов. Основной персональный состав нам известен.

А. А. Расскажите, пожалуйста, про суды о реабилитации военнопленных.

А. Г. Мы действительно предприняли попытку добиться поименной реабилитации. Потому что наш закон о реабилитации жертв политических репрессий предусматривает именно поименную реабилитацию каждого человека по отдельности. Это была длинная эпопея, мы ее начали в 2005 г., когда стало известно о пре-

кращении Главной военной прокуратурой катынского дела. Собственно, это и стало толчком, заставившим нас вернуться к этой теме. Была попытка поименной реабилитации — для начала небольшой группы военнопленных — 16 человек. Длилось это довольно долго. Сначала были наши заявления в Главную военную прокуратуру, потом наши жалобы в суды на действия Главной военной прокуратуры, ну и кончилось все нашим поражением. Тогда же мы пытались добиться рассекречивания уже упомянутого мною постановления ГВП о прекращении расследования. Мы прошли все российские судебные инстанции от Хамовнического районного суда вплоть до Верховного суда, и всюду получили отказ. Но в результате этих наших «боданий» все же какие-то ответы были получены, из которых стало ясно, что, например, Главная военная прокуратура не просто отказывается исследовать политический мотив казни конкретных военнопленных — она отказывается признать сам факт гибели любого военнопленного, названного по имени и фамилии, — при том что до 2005 г. в ответ на заявления родственников они факт гибели подтверждали. Таков сухой остаток наших попыток добиться реабилитации. И это — самый существенный пункт официальной позиции российских властей. Есть разные юридические тонкости, связанные с законом о реабилитации. Он обязывает прокуратуру вынести решение либо о реабилитации, либо об отказе в реабилитации. Причем если заявитель в своем заявлении указал, что в случае отказа в реабилитации он просит направить это дело в суд, то прокуратура обязана свой отказ отправить в суд, чтобы суд его

подтвердил. Вот исследования в суде по существу прокуратура очень не хочет. В результате этого они избрели такой выход — не отказывать в реабилитации, а утверждать, что не могут приступить к реабилитации, потому что документы уничтожены. При этом они не говорят, что документы уничтожены в 1959 г. КГБ СССР по предложению Александра Шелепина, который прямо написал, что это делается для того, чтобы избежать случайной расконспирации операции по расстрелу польских военнопленных и узников тюрем. Они просто говорят, что документы уничтожены и они не могут подтвердить факт гибели человека. Мы же говорим, что личные дела Шелепин действительно предложил, а Хрущев распорядился уничтожить, а заодно еще уничтожить и расстрельные акты, и протоколы заседания этой тройки, назначенной политбюро, но все же списки-предписания сохранились, и другие документы сохранились, и материалы эксгумации есть, и вот из этих всех сохранившихся документов для каждого военнопленного удастся построить некоторую доказательную цепочку того, что он был расстрелян — по крайней мере, для пленных из Козельского и Осташковского лагерей, для которых сохранились списки-предписания. Проблема в том, что в этих списках-предписаниях нет слова «расстрел», но если привлечь другие документы, то в сочетании со списками-предписаниями удастся это доказательство построить. Но прокуратура тогда игнорировала нашу аргументацию, игнорировала необходимость рассмотреть цепочку и комплекс документов. Они говорили, что нет какого-то одного документа, где есть фамилия,

имя и отчество человека и сказано, что он расстрелян или подлежит расстрелу, поэтому они не могут ничего рассматривать. Такая вот иезуитская позиция. А фактически она означает, что в сочетании с признанием того, что были расстреляны тысячи польских граждан, поименно никого не признают, чтобы они остались анонимной массой жертв.

А. А. Расскажите, пожалуйста, о судебном процессе по демонтажу табличек в Твери с бывшего здания УНКВД.

А. Г. Этот демонтаж совершен в русле того, чего добиваются «отрицатели». Сейчас для них главная цель — доказать, что никаких расстрелов польских военнопленных там не было, потому что если они расстреляны в Калинин, то это могла сделать только советская власть. «Отрицателям» остается только отрицать этот расстрел, и они, имея влияние на городские, и, по-видимому, также и на областные власти, добились снятия мемориальных досок, увековечивающих память жертв советского террора.

Про то, что польских военнопленных расстреливали именно в здании областного управления НКВД, известно точно. Процедура была следующая: лагерь получал распоряжение отправить военнопленных в управление НКВД по Калининской области, в распоряжение начальника УНКВД; получая списки-предписания, лагерное руководство формировало этапы и отправляло их в Калинин. Это документально зафиксировано и это невозможно опровергнуть. О том же, что расстрелы проходили именно в этом здании, в его цокольном этаже,

в 1991 г. дал очень детальные показания следователям Главной военной прокуратуры бывший начальник УНКВД по Калининской области Токарев. «Отрицатели» же утверждают, что Токарев на этом допросе лжесвидетельствовал, поскольку считал, что Горбачев требует признания и если он не подтвердит совершение расстрела органами НКВД, то его лишат каких-то жизненных благ. Поэтому «отрицатели» говорят, что нет веры показаниям Токарева и на самом деле никаких расстрелов польских военнопленных из Осташковского лагеря в Калинин не было, и в Медном их не хоронили, а лежат там погибшие и умершие от ран красноармейцы. И вот им удалось добиться демонтажа, по-видимому, благодаря негласной поддержке и симпатии городских властей, а также прокуратуры, которая вынесла свое представление о якобы незаконности этих двух мемориальных досок — и советской, установленной в 1991-м, и польской, установленной в 1992-м организацией родственников расстрелянных «Катынская семья». Снятие мемориальных досок — это результат отрицания советского террора против собственных граждан и ответственности СССР за катынское преступление, это символическая реабилитация сталинизма, оскорбление памяти жертв и чувств их родственников. Мы сейчас пытаемся оспорить этот демонтаж в Центральном районном суде города Твери, но пока что рассмотрение этого дела по существу даже не началось — прошли только три заседания, посвященные процедурным вопросам. Ближайшее же заседание назначено аж на 21 января 2021 г.

А. А. Спасибо за уделенное время!

Л. Люкс

«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Г. ФОН ТРЕЙЧКЕ*

60-е и 70-е гг. XIX ст. были в Европе эпохой торжества либеральных ценностей, эпохой мощного процесса модернизации, который охватил также и консервативные монархии Центральной и Восточной Европы. Процесс этот распространился и на Российскую империю, где после проигранной Крымской войны были начаты грандиозные реформы, которые в некоторой степени могут быть сравнимы с петровской революцией сверху начала XVIII в. Но уже в конце 1870-х гг. многие и на Западе, и на Востоке начали сомневаться в смысле модернизации, которая все чаще отождествлялась с евреями. Эта борьба против так называемых «еврейских возмутителей спокойствия» приняла новое качество, когда в нее включились такие влиятельные авторы, как Федор Достоевский и Генрих фон Трейчке. Этой теме посвящена данная статья.

Ключевые слова: Федор Достоевский, Генрих фон Трейчке, еврейский вопрос, антисемитизм, либерализм, консерватизм, мессианская идея.

Сведения об авторе: Люкс Леонид, профессор НИУ ВШЭ, католического университета Айхштетт-Ингольштадт (Айхштетт, Германия— Москва).

Контактная информация: leonid.luks@ku.de.

© Л. Люкс, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-211-229

* Письменная версия доклада, прочитанного 17 июня 2020 г. в Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога. НИУ ВШЭ. Этот текст является продолжением и развитием положений статьи, опубликованной в журнале «Вопросы философии» (6/2012, с. 159–172). Немецкий оригинал статьи был опубликован в сборнике (Deutschland... 2005: 155–186).

L. Luks

"THE JEWISH QUESTION" IN JOURNALISM F. M. DOSTOEVSKY AND H. VON TREITSCHKE

The 60-s and 70-s of the 19th century were in Europe an era of the triumph of liberal values, an era of a powerful modernization process that also embraced the conservative monarchies of Central and Eastern Europe. This process also extended to the Russian Empire, where after the defeat in the Crimean war, grandiose reforms were launched, which to some extent can be compared with the Peter the Great's revolution from the top of the beginning of the XVIII century. But already in the late 1870s, many, both in the West and in the East, began to doubt the meaning of modernization, which was increasingly identified with the Jews. This fight against the so-called "Jewish troublemakers" acquired new quality when influential authors such as Fedor Dostoevsky and Heinrich von Treitschke joined it. This article is dedicated to this topic.

Key words: Fedor Dostoevsky, Heinrich von Treitschke, the Jewish question, anti-Semitism, liberalism, conservatism, messianic idea.

About the author: Luks Leonid, professor, HSE, the Catholic University of Eichstätt-Ingolstadt (Eichstätt, Germany — Moscow).

Contact information: leonid.luks@ku.de.

В 70-е — начале 80-х гг. XIX в. в Германии и России шли дискуссии по «еврейскому вопросу», повлиявшие на дальнейшие русско-еврейские и немецко-еврейские отношения. Немецкие споры на эту тему получили от историков даже особое название: Der „Berliner Antisemitismusstreit“ (Der Berliner... 1965; 2003) (Берлинский спор об антисемитизме). Кипение страстей, вызванных этими спорами, и в Германии, и в России было не в последнюю очередь связано с тем, что их главными действующими лицами стали властители дум тех времен — Федор Достоевский и Генрих фон Трейчке.

Если сравнивать аргументы Достоевского и Трейчке, бросается в глаза их поразительное сходство. И это несмотря на то, что положение немецких евреев принципиально отличалось от ситуации, в которой находились их русские единоверцы. Если

в Германии к тому времени процесс эмансипации евреев почти завершился, то в России при царе-освободителе Александре II он только начинался. Тем не менее и русский, и немецкий авторы были убеждены в том, что евреи образуют внутри современных наций неинтегрируемое «государство в государстве» (status in statu), представляющее большую опасность для соответствующих стран. Чем же объясняются эти параллели в мышлении Достоевского и Трейчке? Была ли их юдофобия вызвана тем, что они мечтали об «органическом» единстве своих наций, о всеобщем национальном примирении и рассматривали евреев как одну из главных помех на этом пути? Этот вопрос находится в центре внимания данной статьи. Однако сначала мы рассмотрим внутривнутриполитическое положение России и Германии в 1870-е — начале 1880-х гг., в то время, когда развернулись упомянутые споры по «еврейскому вопросу».

***

К национальным особенностям Германии и России на протяжении столетий относился глубокий внутренний раскол обеих наций. В Германии он имел, прежде всего, политико-конфессиональные, а в России — социально-культурные основы. Во второй половине XIX в. обе страны пережили, однако, короткие фазы национального примирения. Они были связаны с революциями «сверху». В России, как и Германии, как тогда казалось, были осуществлены давние мечты о преодолении социального и политического разрыва внутри нации. В Российской империи либеральный монарх Александр II (1855–1881) возглавил Великие реформы, основой которых была отмена крепостного права. В Германии канцлер Отто фон Бисмарк преодолел политическую раздробленность страны и решил задачу, которую не смогла решить революция 1848 г. Оба подарка «сверху» были сначала с благодарностью приняты тогдашним обществом. Всеобщее примирение правителей и их подданных казалось очень близким, еще сохранявшиеся внутриполитические противоречия начинали сглаживаться. В России под влиянием этой временной атмосферы национального единства оказались даже радикальные противники существовавшего строя, такие как анархист Михаил Бакунин. Он призвал политические группировки, желавшие продолжения революционной борьбы, к ее замедлению (*Полонский* 1926).

***

Что касается Германии, то объединение страны, которое проходило в то же время, воспринималось многими немцами как своего рода завершение национальной истории и было связано с эйфорическими ожиданиями. Некоторые даже спрашивали себя, почему именно их поколение заслужило честь быть свидетелем epochальных изменений. Историк Генрих фон Сюбелль в письме своему коллеге Герману Баумгартену от 27 января 1871 г. точно выразил это состояние: «Чем мы заслужили милость божью переживать столь великие грандиозные события? Как же нам жить после этого? То, что 20 лет было содержанием всех желаний и стремлений, теперь сбылось бесконечно великолепным образом! Как же теперь жить дальше, где в мои годы найти новый смысл, необходимый для продолжения жизни?»¹.

Однако история, в противоположность тезису современного американского политолога Фрэнсиса Фукуямы, не имеет конца — она продолжается. Эйфория в Германии очень быстро пошла на убыль, т.к. ожидавшееся национальное примирение, несмотря на беспрецедентные внешнеполитические успехи Бисмарка, так и не состоялось. Более того, курс «железного канцлера», направленный на внутриполитическую конфронтацию, на сталкивание в духе Макиавелли одних политических течений с другими, обострил уже наличествующие и не преодоленные противоречия и конфликты интересов. Всё новые группировки — католики, социал-демократы, сторонники

¹ Цит. по: (*Gall* 1980: 467).

партикуляризма — попадали в категорию врагов империи. После консервативного поворота, совершенного рейхсканцлером в 1878 г., даже национал-либералы, прежде всего их левое крыло (представители тех групп обществности, которые с особенной благодарностью приняли «подарок» Бисмарка немцам — создание Германской империи), в конце концов, поссорились с правительством.

Депрессивному настроению также поспособствовал «дар данайцев» — неожиданно быстрая уплата победенными французами наложенных на них военных контрибуций, что способствовало биржевому краху эпохи грюндерства 1873 г. Тогда стремительный процесс модернизации страны, который сопровождал бисмарковскую революцию «сверху», получил первый удар. Многие начинали сомневаться в смысле модернизации и ставить под вопрос, прежде всего, либеральные ценности, которые рассматривались как синоним модерна: «(Либеральная) манчестерская политика опасна для общества и государства, — писал вскоре после краха грюндерства журналист Отто Глагау, один из самых радикальных критиков либеральных идей. — Все честные и доброжелательные люди должны энергично преодолевать ее и объединяться с этой целью, вне зависимости от того, к какому партийному направлению они принадлежат» (*Claussen* 1987: 97).

Бурную кампанию против либерального мировоззрения проводил тогда

и востоковед Пауль де Лагард, который в своих культурно-пессимистичных «Немецких письмах» в определенной степени предопределил ход мысли идеологов «консервативной революции» веймарских времен².

Лагард и его единомышленники считали евреев важнейшими распространителями либерализма; таким образом, инспирированное ими сопротивление модернизации было направлено в первую очередь против евреев. В 1881 г. Лагард пришел к следующему выводу: «Евреи и либералы — это естественные союзники, так как они — не натуральные, а искусственные продукты. Кто не хочет, чтобы в Германской империи действовали гомункулы... тот должен бороться с евреями и либералами» (*Lagarde* 1920: 349)³. Идентифицируя модернизацию с евреями, Лагард и его единомышленники, очевидно, пытались разорвать порочный круг: безнадежная битва со всемогущими и анонимными силами модернизации превращалась в борьбу против конкретных и чрезвычайно уязвимых евреев. Победа над евреями или их «удаление» автоматически должно было привести к установлению патриархальной идиллии и восстановлению органического единства нации, которых стране мучительно не хватало. Так намечались контуры беспрецедентной «биологистической» или расистской революции. Израильский историк Яков Тальмон характеризовал ее следующим образом: «Расистский антисемитизм был направлен исключительно против

² О «консервативной революции» см.: (*Rauschnig* 1941; *Mohler* 1950; *Sontheimer* 1958; 1968; *Kuhn* 1961; *Klemperer* 1962; *Stern* 1963; *Breuer* 1993; *Luks* 1998).

³ О мировоззрении Лагарда см. (*Stern* 1963; *Pulzer* 1966: 75–76; *Nipperdey* 1990: 825–826).

евреев как уничтожителей целостности нации (или расы) и разрушителей ее безошибочных природных инстинктов. Еврей, капиталист или социалист, объявлялся носителем чуждых абстрактных ценностей, разрушителем национальной солидарности, поджигателем классовой войны и подстрекателем внутренней смуты; еврей был эксплуататором-космополитом, вступившим в заговор ради мирового господства. Устранить евреев предполагалось ради социальной и национальной революции и морального возрождения нации. В общепринятом понимании еврей со времен Моисея был призван выступать в качестве вечного подстрекателя “низов” против национальной элиты и высшей расы» (Talmon 1981: 13).

Какими же методами борцы против мнимого «еврейского засилия» в бисмарковской империи хотели способствовать внутренней консолидации и «выздоровлению» немецкой нации? Отто Глагау предлагал «терапию» такого рода: «Я не хочу ни уничтожать евреев, ни изгонять их из страны; и я ничего не хочу брать у них из того, чем они владеют, но я хочу изменить наше отношение к ним, изменить до основания. Наша фальшивая толерантность и сентиментальность, слабость сострадания и страх не должны больше сдерживать нас, христиан, от протеста против вывертов, выходок и незаконных притязаний еврейства. Мы не можем дольше терпеть то, что евреи толпятся всюду, постоянно вырываясь на передний план, на вершину, за-

хватывают руководство, берут себе главное слово. Они постоянно отодвигают нас, христиан, в сторону, прижимают нас к стенке, лишают нас воздуха и дыхания... Всемирная история не знает другого такого примера, чтобы народ без отечества... лишь обманом и хитростью, ростовщичеством и махинациями управлял всем земным шаром» (Clausen 1987: 103–104).

Пауль де Лагард добавлял: «Каждое чужеродное тело, живущее внутри другого, вызывает неприятные ощущения, болезнь, часто даже нагноение и смерть... Евреи как таковые — чужаки в каждом европейском государстве и, как чужаки, несут с собой ничего иного, кроме разложения. Если они хотят быть членами нееврейского государства, то они должны от всего сердца и изо всех сил отвергнуть закон Моисеев, цель которого — сделать их чужими всюду, кроме Иудеи... Этот закон и вытекающее из него озлобляющее высокомерие превращает их в чуждую расу. Однако мы не можем так просто терпеть нацию внутри нации» (Lagarde 1920: 278)⁴.

***

Эта кампания против «еврейских нарушителей спокойствия», якобы препятствующих достижению столь призрачного национального согласия, достигла наибольшей силы, когда к ней примкнул Генрих фон Трейчке, выдающийся немецкий историк и влиятельный публицист своего времени.

⁴ Об антисемитизме в кайзеровской империи см.: (Pulzer 1966; Jochmann 1991; Zechlin 1969; Stern 1980; Volkov 1990; Poliakov 1988: 13–43).

В статье от 15 ноября 1879 г. под названием «Наши перспективы», открывшей новую главу в истории вражды немцев к евреям, Трейчке сначала выступил против так называемого «скандального антисемитизма»; при этом он задавался вопросом: «так ли уж беспричинен народный гнев, направленный против евреев, и давал на него такой ответ: “Нет, в действительности инстинкт масс правильно распознал большую опасность, высокий риск причинения евреями ущерба новой немецкой жизни. Если сегодня говорят о еврейском вопросе в Германии, то это не пустые слова”». Затем Трейчке сделал выводы, оказавшие еще более разрушительное воздействие на дальнейшее развитие политической культуры Германии, чем некоторые провокационные призывы «скандальных антисемитов»; он писал: «(Это) уже хорошо, что зло, которое чувствовал каждый, но никто не хотел его касаться, обсуждается теперь открыто. ...Лица с высшим образованием, люди, которые с отвращением отвергли бы всякую мысль о религиозной нетерпимости или национальном высокомерии, сегодня все как один утверждают: евреи — это наше несчастье!» (Treitschke 1929: 478, 481).

Критика Трейчке, направленная против евреев, в некоторых пунктах совпадала с аналогичными высказываниями «скандальных антисемитов»: их даже можно было спутать друг с другом. Так, Трейчке писал: «Бесспорно, семиты — в большой мере соучастники лжи и обмана, дерзкой жадности и бесчинств эпохи грюндерства. Они несут тяжелую совиновность за гнусный материализм наших дней, любую работу они рас-

сматривают лишь как источник прибыли... в тысячах немецких деревень сидит еврей, который богатеет, скупая имущество своих соседей. Среди ведущих деятелей искусства и науки число евреев не очень велико; тем активнее толпа третьестепенных талантов, состоящая из семитов... Однако наиболее опасен несправедливый перевес иудеев в ежедневной печати» (Ibid.: 480; Treitschke 1920: 468, 502–503; 515).

Как же хотел Трейчке решить так называемый немецко-еврейский вопрос? Он был против нового лишения прав евреев, как того требовали многие радикальные антисемиты: «отказ от состоявшейся эмансипации... был бы очевидной неправомерностью, отходом от хороших традиций нашего государства и в большей мере обострил бы, чем смягчил, национальные противоречия, которые терзают нас».

Трейчке рассматривал в качестве единственно возможного средства преодоления немецко-еврейских противоречий полную ассимиляцию евреев, совершенный отказ их от собственной идентичности: «Наше требование к согражданам-евреям просто и элементарно: пусть они станут немцами, просто и истинно будут чувствовать себя немцами, не искажая при этом свои старинные, святы для них воспоминания и веру, уважаемую всеми нами. Мы не хотим, чтобы на смену тысячелетней культуре Германии пришла эпоха смешанной еврейско-немецкой культуры» (Treitschke 1929: 479, 481). В то же время Трейчке понимал, что его требование к евреям «безоговорочно стать немцами», никогда не могло

быть полностью выполнено: «Издавна между западноевропейской и семитской сущностью была пропасть... Евреи всегда останутся людьми восточного склада, лишь разговаривающими по-немецки» (Ibid.: 481–482).

Эти высказывания уважаемого ученого вызвали всеобщее возмущение еврейской общественности, причем не только тех евреев, которых Трейчке отнес к категории «говорящих по-немецки людей восточного склада», но и тех, которым Трейчке даровал почетное наименование «немцев».

Среди последних был и историк Гарри Бреслау. Ход мыслей Трейчке не представлял для Бреслау ничего необычного. В них нашла, по его мнению, отражение весьма популярная тенденция «искать “козла отпущения”, взваливая на него как собственную, так и чужую вину. Таким “козлом отпущения” в Германии издавна были евреи. Их в XIII в. обвиняли в сдаче Германии монголам, в XIV в. — в эпидемии чумы. Сегодня они — также удобный “козел отпущения” для каждого. Консерваторы приписывают им главную вину за наше либеральное законодательство, сторонники абсолютного авторитета папы римского — за культуркампф; на них возлагают ответственность за мнимую коррупцию нашей прессы и книготорговли, за экономический кризис, за общую нужду и упадочные тенденции в музыке» (Breslau 1965: 74).

Для Бреслау стало потрясением, что Трейчке, несмотря на свою ученую степень и научный авторитет, мыслил столь популистским обра-

зом. Трейчке, гордившийся уверенностью в своей правоте, связывал реакцию Бреслау на свою статью, в которой он якобы щадил евреев, — с «патологической преувеличенной чувствительностью» немецких евреев (Treitschke 1929: 494). Так что даже те евреи, которые чувствовали себя, с точки зрения Трейчке, «безоговорочно немцами», оставались, в конце концов, евреями и тем самым являлись в принципе не интегрируемым инородным телом в организме немецкого народа.

За короткое время взгляды Трейчке «по немецко-еврейскому вопросу» становились все более радикальными. В январе 1880 г., лишь через два месяца после начала вызванного им самим «спора об антисемитизме», он назвал тезис одного из своих еврейских оппонентов (М. Лазаруса) о том, что «иудаизм является столь же немецким, что и христианство» — чудовищным. «Самые благонравные нации современности, западноевропейские, — это христианские народы. То живое сознание общности, которое определяет национальность, как правило, не может возникнуть у людей, которые в корне иначе думают о наивысших и самых святых жизненных вопросах», — писал Трейчке (Ibid.: 500–501).

Таким образом, евреи, по вердикту ученого, в принципе не имели права на существование на немецкой земле не только как нация, но и как религиозная община. Вместе с тем Трейчке противоречил своим собственным тезисам, которые он представил несколькими неделями раньше, в декабре 1879 г. Тогда он писал: «Наше государство никогда не видело

в еврейях ничего иного кроме религиозного сообщества, и оно ни при каких обстоятельствах не может отойти от этого принятого юридического понятия; государство лишь признало гражданское равноправие евреев в ожидании, что они будут стараться быть равными своим согражданам. ...Но если еврейство требует признания своей национальности, то юридическое основание эмансипации рухнет. ...На немецкой земле нет места для двойной национальности» (*Treitschke* 1929: 492).

Через несколько недель Трейчке, как было уже показано, поставил под вопрос статус евреев как религиозной общности. Политический скандал, вызванный антисемитскими тезисами Трейчке, можно в некотором отношении сравнить с разразившимся во Франции полтора десятилетиями позже «делом» Дрейфуса. Причем неудача направленного против Альфреда Дрейфуса заговора антисемитов нередко рассматривается как признак зрелости политической культуры Франции, где идеалы 1789 г. и в конце XIX в. сохраняли свое основополагающее и формирующее идентичность значение.

Но с другой стороны, нельзя также забывать, что антисемитские провокации Трейчке побуждали и многих немцев к солидарности с евреями, подвергавшимися нападкам. С написанным в 1898 г. письмом Эмиля Золя «J'accuse» («Я обвиняю») перекликается берлинское заявление 75 человек от 12 ноября 1880 г., которое решительно осуждало антисемитизм и содержало следующие

слова: «Неожиданно и глубоко постыдным образом в различных местах империи, в частности в больших городах, вновь возбуждается средневековый фанатизм и расовая ненависть, направленные против наших еврейских сограждан. ...Если руководители этого движения лишь абстрактно проповедуют зависть и недоброжелательство, то массы не будут медлить с практическими выводами из каждой такой речи. Эти люди, отказывающиеся от завещания Лессинга [Г.Э. Лессинг призывал к терпимости по отношению к евреям. — Л.Л.], должны были бы объявить с церковных и университетских кафедр, что наша культура преодолела изолированность того племени, которое впервые дало миру веру в единого Бога» (*Der Berliner...* 1965: 203)⁵. Среди подписавших это заявление были ведущие представители либерального направления немецкой общественной жизни, в частности, знаменитые коллеги Трейчке — Теодор Моммзен, Иоганн Густав Дройзен, Рудольф Фирхов и Рудольф фон Гнайст.

Однако призыв немецких либералов к толерантности и признанию универсальной ценности равноправия и прав человека мог только лишь немного смягчить роковые последствия антиеврейской кампании Трейчке. Это было связано с общей эрозией универсальных ценностей и триумфальным шествием так называемого лингвистического национализма (Льюис Намбер), которые во второй половине XIX в. наблюдались по всей Европе и не в последнюю очередь — в Германии.

⁵ Реакцию Трейчке на это заявление см.: (*Treitschke* 1920: 524–525, 528).

Как подчеркивал уже упомянутый израильский историк Яков Тальмон, европейский национализм был первоначально романтическим и восторженным. Всюду радовались естественной солидарности и братству свободных народов (*Talmon 1960*). Однако во время революции 1848 г. это представление потерпело досадное поражение: победил беспредельный национальный эгоизм, никак не связанный с общечеловеческими ценностями. Теперь максимальное проявление власти собственной нации над другой считалось чем-то вроде категорического императива. Лишь в такой атмосфере могла развиваться концепция «реальной политики» Людвиг Аугуста фон Роху, бывшего участника революции 1848 г., который после крушения идеалистических мечтаний своего поколения стал, прежде всего, боготворить силу и, как от химер, отречься от идей, за которыми не стояла никакая мощь (*Rochau 1853*).

О правах сначала заявляли слабые и угнетенные, — отмечал в этой связи Яков Тальмон. Власть права была для них чем-то вроде охранной грамоты. Однако позже стали говорить о праве силы (*Talmon 1965: 165*).

Так как критики универсальных ценностей считали собственную нацию вершиной творения и рассматривали ее максимальную внутреннюю сплоченность и органическую гомогенность в качестве будто бы важнейшего морального завета, они наклеивали на те политические силы, которые не считали эту цель первостепенной, ярлык «людей без отечества». Этот

нравоучительный аморализм влиял и на многих противников радикального национализма — они попадали, вопреки всем сомнениям, под воздействие националистических веяний своего времени⁶.

Так как столь поздно возникшее национальное государство немцев находилось в поисках своей идентичности, национально ориентированные силы Германии были особенно озабочены внутренней сплоченностью народа и рассматривали открытую всему миру, космополитически настроенную часть нации не в качестве возможности обогащения собственной культуры, а как беспрецедентную опасность для себя. Источниками этой опасности сторонники «органического» единства нации объявили евреев, которые неповторимым образом в одно и то же время сочетали черты и универсального, и партикулярного. Удивительно, что страх перед «космополитической опасностью», которую якобы несли с собой евреи, охватил не только таких радикальных националистов, как Трейчке, но и некоторых его либеральных противников, например Теодора Моммзена. Вопреки своему возмущению по поводу антисемитских выпадов со стороны Трейчке, Моммзен требовал от немецких евреев полной ассимиляции и отказа от собственной идентичности: «Вхождение в великую нацию имеет свою цену. ...Моисей не поведет евреев вновь в Землю Обетованную. [...Это] их долг, со своей стороны, до тех пор, пока это не противоречит их совести, не щадя своих сил решительно преодолевать все барьеры между

⁶ См.: (*Nipperdey 1992: 84; 1990: 814*).

собой и остальными согражданами» (Mommesen 1965: 225).

За это приспособление к лексике радикальных националистов многие немецкие либералы после политического поражения (поворота Бисмарка в 1878 г. к консерватизму) поплатились также и в интеллектуальном плане. В обсуждении «немецко-еврейского вопроса» все больше одерживала верх позиция Трейчке. Это происходило несмотря на тот факт, что рост антисемитских партий в конце XIX — начале XX в. не был значительным: они представляли в рейхстаге лишь маргинальное явление. Однако враждебность к евреям внутри политического класса Германии, не в последнюю очередь в академических кругах, принимала угрожающие размеры.

В своей статье «Антисемитизм как культурный код» израильский историк Суламита Волков пишет: «То, что в 70-е годы [XIX в. — Л.Л.] было выковано в жаркой страсти, стало в 90-е годы самоочевидностью» (Volkov 1990: 33)⁷.

Трейчке, один из самых влиятельных преподавателей Берлинского университета, весьма способствовал тому, чтобы придать внешне приличный вид антисемитским стереотипам. На своих лекциях он описывал мнимые недостатки «еврейского национального характера» с враждебностью, свойственной его публицистике⁸.

⁷ Ср.: (Nipperdey 1990: 405).

⁸ (Treitschke 1922: Erster Bd.: 295, Zweiter Bd.: 27). См. также многочисленные юдофобские пассажи в главном труде Трейчке «Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert» (Ibid.: Bd. 2: 409–410, Bd. 3: 685–694, 697, Bd. 4: 287–288, 413 (цит. по лейпцигскому изданию 1927 г.)).

⁹ См. также об этом: (Langer 1998: 335).

¹⁰ См. также об этом: Гроссман 1999).

К слушателям Трейчке, которые хорошо усвоили идеи красноречивого университетского профессора, принадлежало много студентов, которые позже стали активными борцами против так называемой еврейской опасности, среди них — многолетний председатель Пангерманского союза Генрих Класс (Dorpalen 1957: 234).

Американский историк Георг Иггерс в этой связи писал: «Аудитория (Трейчке) — будущие руководители пангерманистов... а также сотни будущих высокопоставленных госслужащих, советников, офицеров. Ему удавалось придать своим обидам, своей ненависти к социалистам, евреям, англичанам и людям с небелым цветом кожи... вид научной respeitability» (Iggers 1973: 186)⁹.

***

В России примерно в то же время, что и в Германии, шел спор об еврейском вопросе. Среди его важнейших участников был Федор Достоевский, влияние которого на умы в России сравнимо с авторитетом Трейчке в Германии. В марте 1877 г. в «Дневнике писателя» Достоевский писал, что некоторые его еврейские читатели обвиняли его во враждебности к евреям. Это обвинение Достоевский с негодованием отвергал, что, однако, не удерживало его от того, чтобы затем сразу же начать массивные нападки на иудаизм и «еврейский характер» (Достоевский б.г.: 97–117)¹⁰.

Аргументы Достоевского во многом напоминают позицию Трейчке. Так, Достоевский писал об отказе евреев смешиваться с другими народами и поэтому рассматривал их в качестве инородного тела внутри каждой из окружающих их наций. То, что евреи в течение тысячелетий, несмотря на все преследования, которым они подвергались в диаспоре, смогли сохранить свою самобытность, Достоевский объясняет тем, что внутри каждой нации они образовывали свое «государство в государстве» (Там же: 107–108)¹¹. Таким образом, он косвенно развивает тезисы «Книги Кагала» — опубликованной сначала в 1869 г. в Вильнюсе и затем неоднократно переизданной подделки еврейского отщепенца Якова Брафмана, которая слыла своего рода предшественницей фальшивых «Протоколов сионских мудрецов»¹².

Мнимая, но отстаиваемая Достоевским идея еврейского «государства в государстве» характеризуется им следующими признаками: «(Отчужденность) и отчужденность на степени религиозного догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность — еврей, а другие хоть есть, но все равно надо считать, что как бы их и не существовало. “Выйди из народов и составь свою особь и знай, что с сих пор ты *един у Бога*, остальных истреби, или в рабов обрати, или эксплуатируй. Верь в победу над всем миром, верь, что все покорит-

ся тебе. Строго всем гнушайся и ни с кем в быту своем не сообщайся. И даже когда лишишься земли своей, политической личности своей, даже когда рассеян будешь по лицу всей земли, между всеми народами — все равно, — верь всему тому, что тебе обещано, раз навсегда, верь тому, что все сбудется, а пока живи, гнушайся, единись и эксплуатируй и — ожидай, ожидай...”» (Там же: 108; Vierzig... 1981: 181–182)¹³.

Достоевский считает, что идея «государства в государстве» дает евреям превосходство над другими людьми; поэтому писатель сомневается в идее полного юридического равноправия евреев: «Само собою, все, что требует гуманность и справедливость, все, что требует человечность и христианский закон — все это должно быть сделано для евреев. Но если они, во всеоружии своего строя и своей особенности, своего племенного и религиозного отъединения, во всеоружии своих правил и принципов, совершенно противоположных той идее, следуя которой, доселе по крайней мере, развивался весь европейский мир, потребуют совершенного уравнивания *всевозможных* прав с коренным населением, то — не получат ли они уже тогда нечто большее, нечто лишнее, нечто верховное против самого коренного даже населения?» (Достоевский б.г.: 110).

Как и у Трейчке, риторика Достоевского становится все более радикаль-

¹¹ См. об этом также: (Fichte 1922: 114–115).

¹² См. об этом: (Klier 1995: 169–170, 263–283; Frank 2003: 308); о положении евреев и антисемитизме в царской России см. также: (Dubnow 1929: Bd. 9: 174–262, 395–451, Bd. 10: 119–225, 368–405, 427–437; Poliakov 1988: 85–162; Löwe 1978; Cohn 1969; Hagemester 1996; Hildermeier 1984; Чичерин 1901).

¹³ См. также (Штейнберг 1928; Frank 2003: 301–319).

ной. Если в начале статьи он активно защищается от обвинений в ненависти к евреям, то далее он пишет о евреях следующее: «(Еврейству) там и хорошо, где народ еще невежествен, или несвободен, или мало развит экономически. ... (Еврей), где ни поселялся, там еще пуще унижал и развращал народ. ... В окраинах наших спросите коренное население: что двигает евреем и что двигало им столько веков? Получите единогласный ответ: *безжалостность*; “двигали им столько веков одна лишь к нам безжалостность и одна только жажда напиться нашим потом и кровью”. И действительно, вся деятельность евреев в этих наших окраинах заключалась лишь в постановке коренного населения сколь возможно в безвыходную от себя зависимость, *пользуясь местными законами*» (Там же: 111).

Евреи, загнанные за черту оседлости на западе Российской империи, лишённые свободы передвижения, свободного выбора профессии, дискриминируемые законом, представляются Достоевскому не преследуемыми, а безжалостными преследователями: «Укажите на какое-нибудь другое племя из русских инородцев, которое бы, по ужасному влиянию своему, могло бы равняться в этом смысле с евреем? Не найдете такого» (Там же: 112).

Достоевский представляет евреев не только как хозяев слабо развитых западных областей царской империи, но и как повелителей высоко развитого Запада. По Достоевскому, безбожный материализм и необузданный эгоизм стали на Западе доминирующими принципами. Такому

развитию определенным образом способствовали евреи; они же извлекают из этого максимальную выгоду: «Стало быть не даром же все-таки царят там (на Западе. — Л.Л.) повсеместно евреи на биржах, не даром они движут капиталами, не даром же они властители кредита и не даром, повторяю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше — конечно, известно и самим евреям: близится их царство, полное их царство! Наступает полное торжество идей, перед которыми никнут чувства чело- веколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов» (Там же: 113).

Такое развитие Достоевский связывает с триумфальным шествием так называемой «идеи жидовской, охватывающей весь мир, вместо “неудавшегося” христианства» (Там же: 114).

Читая эти тирады, не совсем понятно, почему Феликс Филипп Ингольд в монографии «Достоевский и еврейство» частично ставит под вопрос констатируемую многими авторами однозначно юдофобскую позицию Достоевского. Тот факт, что Достоевский, рассуждая о еврейском вопросе в «Дневнике писателя», дает слово своим еврейским оппонентам, как бы сомневаясь в своих полемически заостренных антиеврейских тезисах, Ингольд приводит как доказательство дифференцированного отношения Достоевского к евреям, сомнений, которые он якобы попытается разрешить в постоянном диалоге с контрагентами. Таким образом, с точки зрения Ингольда, тексты До-

стоевского о еврейском вопросе имеют тот же полифонический характер, что и гениальные романы писателя (Ingold 1981: 157–161).

Тем самым Ингольд вступает в противоречие с тезисом Михаила Бахтина о том, что Достоевский «писал свои публицистические статьи, в противоположность художественной прозе, полностью в “*систематически-монологической*” или риторически монологической ...форме, чтобы “только выразить идеи, в которых он был убежден”»¹⁴.

В действительности Ингольд путает публицистические приемы, которые Достоевский использует в своих текстах по еврейскому вопросу, с подлинной полифонией. Мнимая готовность публициста к диалогу, изложение им аргументов его противников, служила ему лишь для того, чтобы еще более настойчиво дезавуировать своих оппонентов и придать дополнительную достоверность его юдофобской позиции.

Время от времени юдофобию Достоевского связывают с его ксенофобией вообще. Его литературные и публицистические произведения, как известно, наполнены характерами, которые писатель по национальным или религиозным причинам относит к категории врагов русскости; их образы он рисует карикатурно, с чрезвычайной злобой — это поляки, французы, иногда немцы, католики и т. д. Однако, когда речь идет о враждебном отношении к евреям, причем не только у Достоевского, это чувство, как правило, больше,

чем просто неприязнь к иностранцам. Евреи часто изображаются как воплощение Зла, которые ответственны за почти все напасти этого мира. В юдофобии находят воплощение те мистические черты, которые, как правило, отсутствуют в ксенофобии другого рода. Но особой интенсивности вражда к евреям достигает у сторонников разного рода мессианских идей — эти люди никак не могут примириться с мыслью о еврейской «избранности». Эта мысль, содержащаяся в Священном Писании, представляет собой источник их постоянного раздражения. Чтобы избавиться от «еврейской конкуренции», они пытаются многое «вытеснить» из своего сознания, например, тот факт, что цивилизованное человечество обязано евреям как Десятью заповедями, так и Нагорной проповедью. Последствия этого процесса «вытеснения» в высшей степени странны, т. к. евреи считаются для их мессиански настроенных противников все еще «избранным народом» — но не в положительном, а в отрицательном смысле; евреи будто бы являются высшим проявлением разрушительного начала.

Юдофобия Достоевского была тесно связана с его непоколебимой верой в особую миссию русского народа. Литературовед Аарон Штейнберг считает, что для Достоевского «богоизбранный русский народ и есть, в сущности, ныне воскресший Израиль» (Штейнберг 1928: 103).

Но вспомним в связи с этим потрясающий диалог между героями «Бесов» — Шатовым и Ставрогиним.

¹⁴ Цит. по: (Ingold 1981: 158).

Достоевский впутывает Шатова — протагониста идеи избранности русской нации — в спор с главным героем «Бесов»: «Низвожу Бога до атрибута народности? — вскричал Шатов, — напротив, народ возношу до Бога... Народ — это тело Божие. Всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего бога особого, а всех остальных на свете богов исключает без всякого примирения; пока верует в то, что своим богом победит и изгонит из мира всех остальных богов...» Единый народ «богоносец» — это русский народ.

Когда после этой тирады Ставрогин задал Шатову вопрос: «веруете вы сами в Бога или нет?» Шатов в испуге залепетал: «Я...я буду верить в Бога» (*Достоевский б.г. Т. 1: 270–272*).

Ввиду столь яркого разоблачения автором этноцентрических заблуждений одного из героев своего романа идеология, отстаиваемая в публицистике Достоевского, представляется нам тем более непонятной. Она во многом напоминает концепцию Шатова, т.к. Достоевский пытается преодолеть расколовшие Россию социальные, национальные и мировоззренческие противоречия с помощью проповеди идеи национальной избранности русского народа. В январе 1877 г. Достоевский выдвинул в своем «Дневнике писателя» следующий постулат: «Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончатель-

ной цели, всем им предназначенной» (*Достоевский б.г.: 22*).

Эта вера, которая возвышала Древний Рим, Францию и Германию, продолжает свою мысль Достоевский, естественно, отличала также русский народ, прежде всего славянофилов, которые верили в то, что «Россия вкупе со славянством и во главе его, скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал, и что это слово именно будет заветом общечеловеческого единения» (Там же: 26).

Аарон Штейнберг комментирует эти слова Достоевского следующим образом: «Истинный Израиль — ныне народ Русский: Стоит только русскому народу отказаться от веры, что лишь он один вправе притязать на еврейскую, в Священном Писании евреев увековеченную мессианскую идею... и он сразу распадется» (*Штейнберг 1928: 104*).

***

Отрицательное отношение Достоевского к евреям было, однако, вызвано не только его мессианским мышлением. В юдофобии Достоевского отразились также лихорадочные поиски тогдашними русскими консерваторами идеологии, которая должна была защитить народ от революционной агитации радикальных противников режима.

Несмотря на возмущение консерваторов последствиями либеральных реформ Александра II, у них все же было одно утешение: они были убеждены в том, что простой русский народ ничего не хотел знать о либе-

ральных экспериментах; что народ, в противоположность интеллигенции, абсолютно верен царю.

Поэтому консервативные защитники русской автократии пытались сделать пропасть между революционной интеллигенцией и народом непреодолимой. Им было ясно, что судьба режима зависела от того, кто победит в борьбе за «душу народа». Все более важную роль в этой борьбе за «привязку» народных масс к режиму должен был играть антиеврейский компонент. Всё сильнее было стремление консерваторов объяснить обостряющиеся социальные и внутривнутриполитические конфликты, а также и некоторые внешнеполитические неудачи царского режима (Берлинский конгресс 1878 г.) происками «мирового еврейства».

Также и Достоевский, который в 70-е гг. XIX в. был одним из виднейших идеологов русского консерватизма (вопреки своему революционному прошлому, которое стоило ему 10 лет заключения и ссылки), склонялся к таким мыслям. Несмотря на тот факт, что евреи не играли слишком заметной роли в революционном движении 1870-х гг., Достоевский в некоторых своих текстах все более подчеркивал их значение. Особенно четко эта интерпретационная модель прослеживается в его письме издателя газеты «Гражданин» Пуцыковичу от 29 августа 1878 г.: «Одесса, город жидов, оказывается центром нашего воюющего социализма. В Европе то же явление: жиды страшно участвуют в социализме, а уже о Лассалях, Карлах Марксах и не говорю. И понятно: жиду весь выигрыш от всякого радикального потрясения и пе-

реворота в государстве, потому что сам-то он status in statu, составляет свою общину, которая никогда не потрясется, а лишь выиграет от всякого ослабления всего того, что не жиды» (Достоевский 1988: 43).

Эта аргументация показывает, какая пропасть разделяет литературные произведения Достоевского и его политизированные публицистические тексты. Революция, которая в больших романах писателя принимает форму почти трансцендентной мистерии и рассматривается как следствие человеческого высокомерия и отказа от веры в Бога, в его публицистике, а также в некоторых письмах обывательски упрощается и объясняется с помощью теории заговора.

***

Что же связывает политические программы Достоевского и Трейчке? Сначала нужно подчеркнуть, что оба автора были «новообращенными» консерваторами — они решительно расстались со своими революционными или либеральными мечтами прежних лет. Либеральные методы, по их мнению, больше не были эффективными в борьбе с врагами обеих империй. Либерализм с его принципом терпимости вследствие своей универсальной космополитической направленности вел якобы к эрозии государственности, утрате традиционных ценностей, но, прежде всего, к размыванию «органического» единства нации.

Оба мыслителя считали евреев как символом космополитизма, так и, вследствие их якобы не ассимилируе-

мых национальных особенностей, источником чрезвычайной опасности.

Здесь уже говорилось о том, что юдофобия Достоевского была тесно связана с его верой в особое предназначение собственной нации. Не в последнюю очередь поэтому он не мог примириться с идеей еврейской избранности. То же можно сказать и о Трейчке: он был убежден в особом предназначении немецкого народа¹⁵. Для идеи избранности еврейского народа в его понимании нации не оставалось места.

*Авторизованный перевод с немецкого
Бориса Хавкина*

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Гроссман 1999 — *Гроссман Л.* Исповедь одного еврея. М., 1999.

Достоевский б.г. — *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Париж: Имка-Пресс, б. г.

Достоевский б.г. Т. 1 — *Достоевский Ф.М.* Бесы. Париж: Имка-Пресс, б. г. Т. 1.

Достоевский 1988 — *Достоевский Ф.М.* Письма 1878–1881 гг. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Ленинград, 1988. Т. 30, кн. 1.

Чичерин 1901 — *Чичерин Б.* Польский и еврейский вопросы. Berlin, 1901.

Treitschke 1920 — *Treitschke H.* Briefe, hrsg. v. M. Cornicelius, Bd. 3. Leipzig, 1920.

Treitschke 1922 — *Treitschke H.* Vorlesungen gehalten an der Universität zu Berlin. Leipzig, 1922.

Treitschke 1929 — *Treitschke H.* Aufsätze, Reden und Briefe. Bd. 4. Schriften und Reden zur Zeitgeschichte II. Meersburg, 1929.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Полонский 1926 — *Полонский В.* Жизнь Михаила Бакунина 1814–1873. Л., 1926.

Штейнберг 1928 — *Штейнберг А.* Достоевский и евреи // Версты. 1928. 3. С. 94–108.

Braatz 1971 — *Braatz W.A.* Antisemitismus, Antimodernismus und Antiliberalismus im 19. Jahrhundert // Politische Studien. 1971. № 22. S. 20–33.

Breßlau 1965 — *Breßlau H.* Zur Judenfrage. Sendschreiben an Herrn Professor Dr. Heinrich von Treitschke // Der Berliner Antisemitismusstreit / Hrsg. v. W. Boehlich. Frankfurt am Main, 1965. S. 52–76.

Breuer 1993 — *Breuer S.* Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993.

Bußmann 1952 — *Bußmann W.* Treitschke. Sein Welt- und Geschichtsbild. Göttingen, 1952.

Claussen 1987 — *Claussen D.* Vom Judenhaß zum Antisemitismus. Materialien einer verleugneten Geschichte. Darmstadt, 1987.

Cohn 1969 — *Cohn N.* Die Protokolle der Weisen von Zion. Der Mythos von der jüdischen Weltverschwörung. Köln u.a., 1969.

Der Berliner... 1965 — Der Berliner Antisemitismusstreit / Hrsg. v. W. Boehlich. Frankfurt am Main, 1965.

Der Berliner... 2003 — Der „Berliner Antisemitismusstreit“ 1879–1881. Eine Kontroverse um die Zugehörigkeit der deutschen Juden zur Nation. Kommentierte Quellenedition / Hrsg. v. K. Krieger. München, 2003.

Deutschland... 2005 — Deutschland, Russland und das Baltikum. Beiträge zu einer Geschichte wechselvoller Beziehungen. Festschrift zum 85. Geburtstag von Peter Krupnikow / Hrsg. v. F. Anton und L. Luks. Köln, 2005.

Dorpalen 1957 — *Dorpalen A.* Heinrich von Treitschke. New Haven, 1957.

¹⁵ См. об этом также: (*Treitschke* 1929: 665–676, 712–731; *Bußmann* 1952: 352–353; *Dorpalen* 1957: 180–269; *Meinecke* 1924: 508–509; *Kohn* 1948: 123–151; *Braatz* 1971: 31–32; *Mordstein* 1961: 33).

Dubnow 1929 — *Dubnow S.M.* Weltgeschichte des jüdischen Volkes. Berlin, 1929.

Fichte 1922 — *Fichte J.G.* Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die Französische Revolution. Leipzig, 1922.

Frank 2003 — *Frank J.* Dostoevsky: The Mantle of Prophet 1871–1881. Princeton University Press, 2003.

Gall 1980 — *Gall L.* Bismarck. Der weiße Revolutionär. Frankfurt am Main, 1980.

Hagemeister 1996 — *Hagemeister M.* Sergej Nilus und die „Protokolle der Weisen von Zion“. Überlegungen zur Forschungslage // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. 1996. № 5. S. 127–147.

Hildermeier 1984 — *Hildermeier M.* Die jüdische Frage im Zarenreich. Zum Problem der unterdrückten Emanzipation // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1984. № 32. S. 321–357.

Iggers 1973 — *Iggers G.* Heinrich von Treitschke // Wehler Hans Ulrich Hrsg: *Deutsche Historiker.* Göttingen, 1973. S. 174–188.

Ingold 1981 — *Ingold F.* Dostojewskij und das Judentum. Frankfurt am Main, 1981.

Jochmann 1991 — *Jochmann W.* Gesellschaftskrise und Judenfeindschaft in Deutschland 1870–1945. Hamburg, 1991.

Klemperer 1962 — *Klemperer von K.* *Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus.* München, 1962.

Klier 1995 — *Klier J.D.* Imperial Russia's Jewish Question 1855–1881. Cambridge, 1995.

Kohn 1948 — *Kohn H.* Propheten ihrer Völker. Bern, 1948.

Kuhn 1961 — *Kuhn H.* Das geistige Gesicht der Weimarer Republik // Zeitschrift für Politik. 1961. № 8. S. 1–10.

Lagarde 1920 — *Lagarde de P.* Deutsche Schriften. Göttingen, 1920.

Langer 1998 — *Langer U.* Heinrich von Treitschke. Politische Biographie eines deutschen Nationalisten. Düsseldorf, 1998.

Löwe 1978 — *Löwe H.-D.* Antisemitismus und revolutionäre Utopie. Russische Konservative im Kampf gegen den Wandel von Staat und Gesellschaft 1890–1917. Hamburg, 1978.

Luks 1998 — *Luks L.* „Eurasier“ und „Konservative Revolution“. Zur antiwestlichen Versuchung in Rußland und in Deutschland // Koenen G., Kopelew L. (Hrsg.). Deutschland und die Russische Revolution 1917–1924. München, 1998. S. 219–239.

Meinecke 1924 — *Meinecke F.* Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München, 1924.

Mohler 1950 — *Mohler A.* Die Konservative Revolution in Deutschland. Der Grundriß ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950.

Mommsen 1965 — *Mommsen Th.* Auch ein Wort über unser Judentum // Der Berliner Antisemitismusstreit / Hrsg. v. W. Boehlich. Frankfurt am Main, 1965. S. 210–225.

Mordstein 1961 — *Mordstein F.* Heinrich von Treitschkes Etatismus // Zeitschrift für Politik. 1961. № 8. S. 30–53.

Nipperdey 1990 — *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Erster Band. Arbeitswelt und Bürgergeist. München, 1990.

Nipperdey 1992 — *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Zweiter Bd. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992.

Poliakov 1988 — *Poliakov L.* Geschichte des Antisemitismus. Bd. 7. Worms, 1988.

Pulzer 1966 — *Pulzer P.G.J.* Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867–1914. Gütersloh, 1966.

Rauschnig 1941 — *Rauschnig H.* The Conservative Revolution. New York, 1941.

Rochau 1853 — *Rochau v. L.A.* Grundsätze der Realpolitik, angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. Stuttgart, 1853.

Sontheimer 1958 — *Sontheimer K.* „Der Tatkreis“ // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1958. № 6. S. 229–260.

Sontheimer 1968 — Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968.

Stern 1963 — Stern F. Kulturpessimismus als politische Gefahr. Bern, 1963.

Stern 1980 — Stern F. Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder. Frankfurt am Main, 1980.

Talmon 1960 — Talmon J. Political Messianism: The Romantic Phase. London, 1960.

Talmon 1965 — Talmon J. The Unique and the Universal. London, 1965.

Talmon 1981 — Talmon J. The Myth of the Nation and the Vision of Revolution. The Origins of Ideological Polarisation in the Twentieth Century. London, 1981.

Vierzig... 1981 — Vierzig Jahrhunderte der Existenz // Ingold F.P. Dostojewskij und das Judentum. Frankfurt am Main, 1981. S. 180–188.

Volkov 1990 — Volkov S. Jüdisches Leben und Antisemitismus im 19. und 20. Jahrhundert. Zehn Essays. München, 1990.

Zechlin 1969 — Zechlin E. Die deutsche Politik und die Juden im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 1969.

REFERENCES

Braatz W.A. Antisemitismus, Antimodernismus und Antiliberalismus im 19. Jahrhundert. *Politische Studien*, 1971, no. 22, p. 20–33.

Breßlau H. Zur Judenfrage. Sendschreiben an Herrn Professor Dr. Heinrich von Treitschke. *Der Berliner Antisemitismusstreit*, Hrsg. v. W. Boehlich. Frankfurt am Main, 1965, p. 52–76.

Breuer S. *Anatomie der Konservativen Revolution*. Darmstadt, 1993.

Bußmann W. *Treitschke. Sein Welt- und Gesellschaftsbild*. Göttingen, 1952.

Claussen D. *Vom Judenhaß zum Antisemitismus. Materialien einer verleugneten Geschichte*. Darmstadt, 1987.

Cohn N. *Die Protokolle der Weisen von Zion. Der Mythos von der jüdischen Weltverschwörung*. Köln u.a., 1969.

Der „Berliner Antisemitismusstreit“ 1879–1881. Eine Kontroverse um die Zugehörigkeit der deutschen Juden zur Nation. Kommentierte Quellenedition, Hrsg. v. K. Krieger. München, 2003.

Der Berliner Antisemitismusstreit, Hrsg. v. W. Boehlich. Frankfurt am Main, 1965.

Deutschland, Russland und das Baltikum. Beiträge zu einer Geschichte wechselvoller Beziehungen. Festschrift zum 85. Geburtstag von Peter Krupnikow, Hrsg. v. F. Anton und L. Luks. Köln, 2005.

Dorpalen A. *Heinrich von Treitschke*. New Haven, 1957.

Dubnow S.M. *Weltgeschichte des jüdischen Volkes*. Berlin, 1929.

Fichte J.G. *Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die Französische Revolution*. Leipzig, 1922.

Frank J. *Dostoevsky: The Mantle of Prophet 1871–1881*. Princeton University Press, 2003.

Gall L. *Bismarck. Der weiße Revolutionär*. Frankfurt am Main, 1980.

Hagemester M. Sergej Nilus und die „Protokolle der Weisen von Zion“. Überlegungen zur Forschungslage. *Jahrbuch für Antisemitismusforschung*, 1996, no. 5, p. 127–147.

Hildermeier M. Die jüdische Frage im Zarenreich. Zum Problem der unterdrückten Emanzipation. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1984, no. 32, p. 321–357.

Iggers G. Heinrich von Treitschke. Wehler Hans Ulrich Hrsg: *Deutsche Historiker*. Göttingen, 1973, p. 174–188.

Ingold F. *Dostojewskij und das Judentum*. Frankfurt am Main, 1981.

Jochmann W. *Gesellschaftskrise und Judenfeindschaft in Deutschland 1870–1945*. Hamburg, 1991.

- Klemperer von K. *Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus*. München, 1962.
- Klier J. D. *Imperial Russia's Jewish Question 1855–1881*. Cambridge, 1995.
- Kohn H. *Propheten ihrer Völker*. Bern, 1948.
- Kuhn H. Das geistige Gesicht der Weimarer Republik. *Zeitschrift für Politik*, 1961, no. 8, p. 1–10.
- Lagarde de P. *Deutsche Schriften*. Göttingen, 1920.
- Langer U. *Heinrich von Treitschke. Politische Biographie eines deutschen Nationalisten*. Düsseldorf, 1998.
- Löwe H.-D. *Antisemitismus und revolutionäre Utopie*. Russische Konservative im Kampf gegen den Wandel von Staat und Gesellschaft 1890–1917. Hamburg, 1978.
- Luks L. „Eurasier“ und „Konservative Revolution“. Zur antiwestlichen Versuchung in Rußland und in Deutschland in Koenen G., Kopelew L. (Hrsg.). *Deutschland und die Russische Revolution 1917–1924*. München, 1998, p. 219–239.
- Meinecke F. *Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte*. München, 1924.
- Mohler A. *Die Konservative Revolution in Deutschland. Der Grundriß ihrer Weltanschauung*. Stuttgart, 1950.
- Mommsen Th. Auch ein Wort über unser Judentum. *Der Berliner Antisemitismusstreit*, Hrsg. v. W. Boehlich. Frankfurt am Main, 1965, p. 210–225.
- Mordstein F. Heinrich von Treitschkes Etablimentismus. *Zeitschrift für Politik*, 1961, no. 8, p. 30–53.
- Nipperdey Th. *Deutsche Geschichte 1866–1918*. Erster Band. Arbeitswelt und Bürgergeist. München, 1990.
- Nipperdey Th. *Deutsche Geschichte 1866–1918*. Zweiter Bd. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992.
- Poliakov L. *Geschichte des Antisemitismus*. Bd. 7. Worms, 1988.
- Polonskii V. *Zhizn' Mikhaila Bakunina 1814–1873*. Leningrad, 1926.
- Pulzer P. G. J. *Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867–1914*. Gütersloh, 1966.
- Rauschnig H. *The Conservative Revolution*. New York, 1941.
- Rochau v. L. A. *Grundsätze der Realpolitik, angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands*. Stuttgart, 1853.
- Shteinberg A. Dostoevskii i evrei. *Versty*, 1928, 3, p. 94–108.
- Sontheimer K. „Der Tatkreis“. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 1958, no. 6, p. 229–260.
- Sontheimer K. *Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik*. München, 1968.
- Stern F. *Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder*. Frankfurt am Main, 1980.
- Stern F. *Kulturpessimismus als politische Gefahr*. Bern, 1963.
- Talmon J. *Political Messianism: The Romantic Phase*. London, 1960.
- Talmon J. *The Myth of the Nation and the Vision of Revolution. The Origins of Ideological Polarisation in the Twentieth Century*. London, 1981.
- Talmon J. *The Unique and the Universal*. London, 1965.
- Vierzig Jahrhunderte der Existenz in Ingold F. P. *Dostojewskij und das Judentum*. Frankfurt am Main, 1981, p. 180–188.
- Volkov S. *Jüdisches Leben und Antisemitismus im 19. und 20. Jahrhundert. Zehn Essays*. München, 1990.
- Zechlin E. *Die deutsche Politik und die Juden im Ersten Weltkrieg*. Göttingen, 1969.

ЕЩЕ РАЗ О ПОЗИЦИИ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО В ЕВРЕЙСКОМ ВОПРОСЕ (В СВЕТЕ НЕПРЕКРАЩАЮЩИХСЯ СПОРОВ)

В статье анализируется отношение великого русского писателя к евреям в контексте модернизации Российской империи 1860–1870-х гг., когда проблема эмансипации евреев, высветив различия между российскими и западноевропейскими юридическими нормами, концепциями гражданского общества, обострила кризис национальной идентичности русской и русско-еврейской интеллигенции. Свое отношение к евреям и еврейскому вопросу Ф. М. Достоевский выразил в публицистических и художественных произведениях, а также в личной переписке. Позиция писателя в еврейском вопросе находилась под влиянием идей таких известных консервативных деятелей России, как И. С. Аксаков, М. Н. Катков, А. С. Суворин, К. П. Победоносцев и Я. А. Брафман, причем произведения последнего имели решающее значение в свете увлеченности Достоевским мифологемой еврейского «государства в государстве». В свою очередь, возрастающая популярность литературного таланта Достоевского превратила его в заметную фигуру русского консерватизма. Определенные, в частности морально-психологические, факторы, которые сформировали в целом противоречивую позицию Достоевского в еврейском вопросе, позволили автору утверждать о наличии в его творчестве дихотомии образов «жида» и «еврея». Если первый ассоциировался с носителями западноевропейской культуры нигилизма, революционного безначалия и космополитизма, то второй олицетворял национально ориентированных русских евреев, по мнению писателя, заслуживающих равноправия. Достоевский был уверен в еврейском характере революционного движения в России, которое, однако, было вызвано внешним влиянием. Сделан вывод об особенностях антисемитизма Достоевского, которые, с одной стороны, отражали его предвзятость относительно евреев, но, с другой — были результатом поиска политического компромисса в еврейском вопросе. В противовес некоторым бытующим в литературе мнениям, автор убежден, что позиция Достоевского-писателя несколько отличалась от его политических взглядов на еврейский вопрос, который рассматривался Достоевским-публицистом сквозь призму либеральных идей эмансипации евреев.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, еврейский вопрос в России, антисемитизм, евреи, консерватизм, либерализм.

Сведения об авторе: Безаров Александр Троянович, доктор исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича (Черновцы, Украина).

Контактная информация: alex.bezarov@gmail.com.

A. T. Bezarov

FYODOR MIKHAILOVICH DOSTOEVSKY'S POSITION ON JEWISH QUESTION

The article analyzes a famous Russian writer's attitude towards Jews in the context of the Russian Empire modernization in 1860–1870s, when the problem of the Jews emancipation highlighted the differences between Russian and West European legal norms, citizenship concepts, exacerbated the national identity crisis of the Russian and Russian-Jewish intelligentsia. F.M. Dostoevsky expressed his attitude to Jews and the Jewish question in his journalistic and artistic works, as well as in personal correspondence. The writer's position on the Jewish question was influenced by the ideas of such famous conservative figures of Russia as I. S. Aksakov, M. N. Katkov, A. S. Suvorin, K. P. Pobedonostsev and Ya. A. Brafman. Certain factors, in particular moral and psychological ones, that formed Dostoevsky's generally contradictory position on the Jewish question, allowed the author to claim the presence of the dichotomy of the "Zhid" and "Jew" images in his work. If the former was associated with the bearers of the West European culture of nihilism, revolutionary anarchy and cosmopolitanism, the latter personified nationally oriented Russian Jews who, according to Dostoevsky, deserved equal rights. The author concludes that the features of Dostoevsky's anti-Semitism reflected both his prejudice against Jews, and, on the other hand, were the result of his search for a political compromise on the Jewish question. The author is convinced that the position of Dostoevsky-writer differed somewhat from the political views on the Jewish question considered by Dostoevsky-publicist through the prism of liberal ideas of the Jews emancipation.

Key words: F. M. Dostoevsky, the Jewish question in Russia, anti-Semitism, Jews, conservatism, liberalism.

About the author: Bazarov Alexander T., doctor of historical sciences, associate professor of the Department of World history, Yurii Fedkovych Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine).

Contact information: alex.bezarov@gmail.com.

Наверное, ни один великий русский писатель, в творчестве которого еврейский вопрос занимал видное место, не вызывал к себе в современной научной литературе столько внимания, как Ф. М. Достоевский. И это неудивительно, ведь отношение классиков русской литературы к столь злободневному в свое время

вопросу о равноправии евреев в Российской империи было и, по-видимому, остается лакмусовой бумажкой толерантности всей русской культуры, способности ее видных деятелей адекватно реагировать на животрепещущие проблемы политической и социальной жизни многонационального Российского государства.

В 1910 г. авторы очерка по истории антисемитизма в России, на наш взгляд, небезосновательно признали в Ф. М. Достоевском одного из ярких выразителей негативного отношения к евреям в русской литературе XIX в. (*Гессен, Лозинский* б.г.: стлб. 738). Известные русско-еврейские историки с сожалением отмечали, что «выпады Достоевского против евреев производили особенно тяжелое впечатление на еврейское интеллигентное общество» и что, несмотря на призывы писателя к «русско-еврейскому братству», он все же сомневался в способности евреев объединиться с русскими (Там же: стлб. 739).

Как справедливо заметила современная российская исследовательница Н. Портнова, антисемитизм Ф. М. Достоевского чаще вызывал бурную реакцию у его критиков, чем попытки объяснить это явление (*Портнова* 2017: 24). Впрочем, на тему «Достоевский и евреи» написано немало¹. Авторы научных статей, монографий и диссертаций приходили к разным, порой совсем неожиданным выводам относительно позиции великого писателя в еврейском вопросе, вплоть до объявления его ветхо- и даже новозаветным пророком. Только вот подать его филосемитом было практически невозможно. Очевидно, что современная дискуссия о причинах и характере антисемитизма Достоевского себя еще не исчерпала, ибо, как верно заметил в 1909 г. известный русско-еврейский публицист В. Жаботинский, «антисемитизм очень крепкое слово,

а крепкими словами зря не следует играть» (Четыре статьи... 1992: 77). С этим утверждением, по-видимому, согласен молодой российский историк А. Д. Половайкин, который, однако, так и не смог определиться в своем отношении к антисемитизму автора «Дневника писателя» (*Половайкин* 2018: 284).

Едва ли не главную загадку в творчестве Достоевского представляет именно его «банальный антисемитизм». Как писал русско-еврейский философ А. З. Штейнберг, без переосмысления антисемитизма Достоевского понять встречу классика мировой литературы с еврейством невозможно в принципе (*Штейнберг* 1928: 94–95). А. З. Штейнберг систематизировал известные представления о Достоевском-антисемите и сформулировал некоторые критерии, с помощью которых можно определить взгляды писателя на евреев. В частности, это «словарь» Достоевского, в котором изобилуют понятие «жид» и его производные (Там же: 96); негативный стереотип еврея-ростовщика (банкира), который представлен в художественных образах писателя и сказывается на его стиле (Там же: 97, 100); и, наконец, собственная позиция Достоевского-публициста, высказанная им в «Дневнике писателя» (Там же: 98). А. З. Штейнберг изложил оригинальную концепцию понимания антисемитизма Достоевского и пришел к выводу о «стыдящейся юдофобии» русского писателя, «саму себя опорочивающей». Философ попытался

¹ См. публикации, относящиеся к совершенно разным эпохам: (*Белов* 2011; *Гришин* 1974; *Кантор* 2006; *Наседкин* 2003; *Плетнев* 1976; *Штейнберг* 1928).

оправдать «банальный антисемитизм»² «русского провидца» сквозь призму его панславизма, с одной стороны, а с другой — «внутренним Израилем», с которым Достоевский был вынужден сталкиваться в своей борьбе за духовное возрождение русского народа. Однако А. З. Штейнберг настолько увлекся разгадыванием «тайны Достоевского», что представил того чуть ли не русским сионистом, который искал собственные ключи от Святой земли (*Штейнберг* 1928: 108).

Н. А. Бердяев также склонялся к тому, чтобы рассматривать политические взгляды Достоевского в контексте его мессианского неохристианства («православного социализма») (*Бердяев* 2006: 115). Очевидно, отмечал известный русский философ, что мессианизм воплощался в сознании еврейского народа, а поскольку христианский мессианизм вообще был «реюдаизацией христианства», то не было ничего удивительного в том, что в русском мессианском сознании XIX в., носителем которого был Достоевский, можно было найти элементы иудаизма. Более того, не без оснований подозревая Достоевского в чрезмерной увлеченности русским национализмом, Н. А. Бердяев стремился смягчить его национальную нетерпимость «самосознанием народа еврейского», «юдаистической чертой в его религиозности» (Там же: 153–155). «В нашем национальном сознании, — писал Н. А. Бердяев в 1921 г., — никогда не было меры,

никогда не было спокойной уверенности и твердости, без надрыва и истерии. И в величайшем нашем гении — Достоевском — нет этой твердости, нет вполне созревшего духовно-мужественного национального сознания, чувствуется болезнь нашего времени» (Там же: 133). Противопоставляя русский национализм славянофилов русскому мессианизму Достоевского, Н. А. Бердяев очевидно отдавал предпочтение последнему, однако, на наш взгляд, так до конца и не объяснил, каким образом «шовинизм» Достоевского в польском или еврейском вопросах коррелировал с его «религиозным народничеством» (Там же: 136).

Мотивы «ветхозаветного Достоевского» нашли свое продолжение и в современной философской мысли. Так, в статье В. К. Кантора Достоевский предстал своего рода талмудистом, который спорил со Спинозой и Лейбницем (*Кантор* 2006: 315) и верил в богоизбранность русского народа (Там же: 318). Вслед за А. З. Штейнбергом, В. К. Кантор «простил» Достоевскому его «банальный антисемитизм» в силу обличительного пафоса писателя и по отношению к русским (Там же: 312). «Достоевский, — отмечал российский философ, — критикует свой собственный народ не менее жестоко, чем евреев, потому что чувствовал в себе пафос ветхозаветного пророка» (Там же: 308). Молдавская исследовательница Р. Клейман вообще определила антисемитизм До-

² Очевидно, что автором данного определения был известный русско-еврейский литературный критик А. Г. Горнфельд, который в начале XX в., в частности, отмечал, что банальный антисемитизм Достоевского увлекал не мысли, но чувства его читателей. «Болезненный пафос» антисемитизма Достоевского, по мнению автора, стал грозным оружием публицистики писателя (см.: *Горнфельд* б.г.: стлб. 310–313).

стоевского как «культурологический миф», профанирующий сложнейшую проблему в творчестве писателя, а именно «библейский пласт его поэтики» (Клейман 2003: 326).

Американская исследовательница проблемы еврейской ассимиляции в творчестве русских писателей второй половины XIX в. Г. Сафран проанализировала позицию Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова в еврейском вопросе. Даже не пытаясь объяснить противоречивые взгляды Достоевского по этому поводу (Сафран 2004: 133), она тем не менее была убеждена в «пустоте» его представлений о евреях, «который для писателя легко связывается как с робостью, подобострастностью и достатком, с ужасным преступлением — кровавым наветом, так и с христианской добротой» (Там же: 140). Исследовательница отметила «страх Достоевского перед евреями» в контексте его ксенофобии и даже русофобии. По ее мнению, русские в творчестве Достоевского — «это невинные жертвы мира, где народы пожирают друг друга, где все участники, — особенно евреи, но не только они — руководствуются стремлением поработить и уничтожить друга» (Там же: 138). Впрочем, Г. Сафран все же обнаружила «просвет» в довольно мрачной картине еврейского вопроса у Достоевского, а именно в его новозаветной, почти «иконической» модели воображаемого русско-еврейского будущего, в котором «новые» евреи станут братьями русских. Особенностью «антисемитизма» Достоевского, писала Г. Сафран, являлось то, что он не требовал от евреев безусловной ассимиляции, но только «изменения в их поведении», сбли-

жения до того уровня, когда они будут «достойными звания русских» (Там же: 139).

С такой интерпретацией «антисемитизма» Достоевского, как нам представляется, в известной мере соглашался известный российский исследователь его жизни и творчества С.В. Белов, который, в частности, подчеркивал, что примеров дружественного повседневного общения Достоевского со своими современниками-евреями вполне достаточно, чтобы усомниться во враждебном отношении знаменитого русского писателя к евреям (Белов 2011: 44). Вообще, как отмечал современный российский философ А. Тесля, логика развития русского антисемитизма не является «сбоем», неким отклонением в рамках русских национальных проектов XIX в.: антисемитизм в данном случае предстает не как необходимый, но в контексте места и времени глубоко закономерный феномен (Тесля 2020). Согласно этой логике, антисемитизм Достоевского был вмонтирован в его политическую конструкцию русской нации, а еврейский вопрос превратился в модерный дискурс для всех русских националистов.

Итак, по мнению литературоведа Д.В. Гришина, получается интересная картина: Достоевский критиковал, а иногда и оскорблял в «Дневнике писателя» евреев, которые одновременно были его читателями и оппонентами. Но критиковал он при этом, как справедливо заметил Д.В. Гришин, не евреев, а «жидов», которые не имели национальности. Для Достоевского «жидами» были все капиталисты-ростовщики, в том

числе и русские, которых он в такой же мере ненавидел. Антисемитизм Достоевского отличался своим консерватизмом, страхом писателя перед социальными потрясениями, виновников которых он видел в «жидах» — «эксплуататорах трудового народа». Кроме того, отмечал Д. В. Гришин, Достоевский как любой русский консерватор был суеверен и верил в теорию заговора. Поэтому не было ничего удивительного в том, что он придерживался идеи *status in statu*, которая была частью общей теории русского консерватизма в еврейском вопросе. Следовательно, антисемитизм Достоевского — это результат исторических предрассудков, заложником которых он был (Гришин б.г.).

Наконец, известный историк антисемитизма Л. Поляков, называя Достоевского «великим подвижником антисемитизма» (Поляков 1998: 267), уподобил его взгляды в еврейском вопросе аналогичным у М. Лютера или К. Маркса. Он был убежден в том, что Достоевский все же «подцепил заразу арийской мифологии» (Там же: 270). Современный литературовед М. Эдельштейн, насколько можно судить по его работе, придерживается оценок, в чем-то близких Л. Полякову, противопоставляя тем не менее идейный антисемитизм Достоевского «антисемитизму» А. С. Пушкина (Эдельштейн 2005: 384).

Задачей настоящей статьи является дальнейшее выяснение сущности взглядов Ф. М. Достоевского в еврейском вопросе, которые, как известно, не отличались своей последовательностью, с целью определения особенностей его антисемитизма.

Предметом исследования выступает наиболее противоречивый тезис писателя — о том, что евреи заслуживали равноправия, но при определенных условиях. «Я желал бы, — писал он в 1877 г., — полного расширения прав еврейского племени, по крайней мере по возможности, именно насколько сам еврейский народ докажет способность свою принять и воспользоваться правами этими без ущерба коренному населению» (Достоевский 2005: 297).

Как известно, глубина либерализации политических режимов в Новой истории европейских стран определялась едва ли не в первую очередь степенью остроты в них женского и еврейского вопросов. В Российской империи проблемы эмансипации женщин и евреев, в отличие от западноевропейских государств, где евреи хотя бы получили равноправие, долгое время разрешались одинаково плохо. Ситуация изменилась в лучшую сторону лишь в эпоху Великих реформ Александра II, когда традиционные представления о месте и роли как евреев, так и женщин в социокультурной жизни России уже не соответствовали новым понятиям о гражданском обществе и социальном прогрессе. Вопросы о равноправии женщин, как и евреев, лежали в плоскости признания их не только социальной, но и моральной полноценности, они увязывались с их способностью быть гражданами внесловного общества, наконец, с их готовностью стать патриотами и патриотками России.

При этом отнюдь не все деятели русской культуры пореформенного периода были увлечены идеями

эмансипации женщин и евреев. Очевидно, что к числу скептиков относился и Достоевский. «Быть доброй женой и особенно матерью, — отмечал он в своей личной переписке, — это вершина назначения женщины» (Достоевский 1883: 324). В своих произведениях Достоевский искал далеко не сентиментальные ответы на «русские вопросы» у своих «мужских» героев, тогда как женские персонажи были достойны скорее сострадания. В той же мере, в какой еврейские персонажи заслуживали иронии. Например, в «Преступлении и наказании» евреи изображались прежде всего в виде «наглых смеющихся голов с папиросками и трубками...», в образах «ожидовевшего» Лужина, воров чайных ложек и «понаехавших откуда-то жидов» (Достоевский 2019: 31, 398, 531, 550). В «Игроке» можно встретить не менее четырех различных образов «жида» (Достоевский 1973: 226, 274, 294, 295, 303). Практически в каждом из романов Достоевского в той или иной мере присутствуют коварные «жиды» и «хохотуны-жидишки», олицетворявшие всем своим видом презрение к высшему предназначению человека. Так, откровенно негативный персонаж из «Бесов» Лямшин впитал в своем образе характерные черты «нашего жидка» и «ростовщика», стал «смесью коварства и глупости, робости и нахальства, тщеславия и самодовольства» (Штейнберг 1928: 97) и вполне закономерно, следуя законам жанра, оказался в свите «бесов» в роли «полезного шута» (Достоевский 1990: 396). А. З. Штейнберг подчеркивал символичность самоубийства Свидригайлова на глазах у «Вечного Жида» (Штейнберг 1928:

105) — «Ахиллеса», на лице которого «виднелась та вековая брызгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени» (Достоевский 2019: 564). Как отмечала Р. Клейман, в этой экзистенциальной ситуации «комическая фигура маленького еврея» Достоевского пытается остановить руку самоубийцы Свидригайлова, внушая ему такую простую и мудрую истину, «что здесь, на земле, не место для суицида...» (Клейман 2003: 333). Впрочем, не остановила...

Достоевский был далеко не первым русским писателем, успешно эксплуатирующим известные модификации образа еврея (Эдельштейн 2005: 386), которые, по мнению М. Эдельштейна, вполне отражали его «сознательный антисемитизм» (Там же: 384). Тем не менее, как отмечали многие исследователи, «светлым пятном» в творчестве писателя, которое в определенной мере реабилитирует его антисемитизм, был позитивный образ Исайя Фомича Бумштейна в автобиографической повести «Записки из Мертвого дома» (Достоевский 1861). На наш взгляд, мало кто из современных исследователей обратил внимание на любопытный эпизод в парилке, когда автор с едва заметным, но едким сарказмом изобразил Исайя Фомича «торжествующим» над всеми на верхней полке, орущим «сумасшедшим голосом свою арию...». «Мне пришло на ум, — писал Достоевский, — что если все мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место» (Там же: 489). Лямшин, которому автор «Бесов» отказал даже в отваге совершить самоубийство,

превратился в доносчика и провокатора, а участие известного персонажа в «подбрасывании мерзких фотографий из-за границы» в мешок книгоноши, продававшей Евангелие, или в «глумительном кощунстве» над иконой богородицы было символическим для него как для еврея (Достоевский 1990: 321, 323–324).

Однако, если сравнить взгляды писателя с позицией в еврейском вопросе его соратников, идеологов правого консерватизма И. С. Аксакова, Н. П. Гилярова-Платонова или К. П. Победоносцева³, с учетом особенностей использования самого понятия «жид» в общественном и политическом дискурсе пореформенной России⁴, то мы столкнемся с противоречием, о котором было упомянуто выше.

Неоднозначность во взглядах Достоевского на еврейский вопрос разрешается через понимание дихотомии образов «жид» и «еврей» на страницах его произведений. Как замечала в этой связи Н. Портнова, с одной стороны, «евреи» для него — «народ беспримерный в мире», с другой — «лишний», и такое понимание дополняло мир сплошных противоречий Достоевского (Портнова 2017: 24). Но в идеологеме еврейского вопроса Достоевского кажущееся противоречие исчезало, поскольку он предлагал его урегулировать не с «жидами», но с «верующими» евреями. В отличие от него, И. С. Аксаков, например, в своей концепции «христианского социализма» отказывал в праве быть русскими как первым,

так и вторым на том основании, что даже верующий еврей «продолжает в своем сознании распинать Христа» (Аксаков 2008а: 332). Антисемитизм известного славянофила отличался своей религиозностью, т. е. был завершенной системой политических взглядов консервативного мыслителя на еврейский вопрос. И. С. Аксаков, обрушивавшийся в начале 1860-х гг. с критикой в адрес «столичных литераторов» по поводу их «приторной и пошлой сентиментальности» в еврейском вопросе, все же оттенял позицию Достоевского, указывая на него как на «знатока дела» (Аксаков 2008б : 326), и, как нам кажется, совсем не случайно.

Журнал братьев Достоевских «Время» полемизировал с И. С. Аксаковым, который на страницах «Дня» категорически выступал против либерализации правового положения евреев в России и был в ужасе от того, что «обер-прокурором св. синода мог сделаться еврей, еврей не по происхождению, а по вере!» (Девятнадцатый номер... 1862: 165). Редактор «Времени» М. М. Достоевский отреагировал на это ехидное замечание И. С. Аксакова тем, что «дух христов коснулся именно евреев» и «дело совсем не в том, какие истины человек исповедует: вся сущность в том, какие правила он исполняет» (Там же: 167). На страницах «Времени» Ф. М. и М. М. Достоевские придерживались в целом либеральной формулы решения еврейского вопроса, хотя дать однозначную оценку собственно политическим взглядам Ф. М. Достоевского не просто.

³ См.: (Безаров 2008).

⁴ О смысловых коннотациях «жид» и «еврей» подробнее см.: (Сафран 2004: 94–95).

Достоевский одновременно выступал правоконсервативным публицистом, противопоставляя идеям европейского Просвещения доктрину славянофилов о самобытности России, и либеральным мыслителем, отстаивающим общечеловеческие ценности на российской почве. Как справедливо заметил однажды известный русский философ В. С. Соловьев, в Достоевском «можно признать не вполне раскаявшегося нигилиста, который свои общехристианские, с Запада навеянные увлечения отчасти искупил своею связью с “Русским вестником” и “Гражданином»» (Соловьев 2007). Редактируя в 1873–1874 гг. «Гражданина» В. П. Мещерского, Достоевский сблизился с видными консервативными мыслителями того времени, а в 1876 г. сформулировал свои политические взгляды как «революционный консерватизм», который отличался, по мнению современного российского исследователя С. В. Лебедева, стремлением к революционным изменениям во имя сохранения основ общества (Лебедев 2004: 100–101). На страницах «Гражданина» Достоевский резко критиковал современное ему российское общество сквозь призму отчужденности «нашей интеллигенции», равнодушной к проблеме социального расслоения на «жидов», «кулаков» и «подленьких буржуа», с одной стороны, и «закабаленных ими нищих рабов», с другой. «Жидки, — заключал редактор журнала, — будут пить народную кровь и питаться развратом и унижением народным, но так как они будут платить бюджет, то стало быть их же надо будет поддерживать. Мечта скверная, мечта ужасная, и — слава Богу, что это только сон» (Достоевский 1873: 607).

Антибуржуазная направленность революционного консерватизма Достоевского во многом, как нам кажется, обуславливалась личной неустроенностью писателя в жизни. По мнению одного из его первых биографов, в отличие от других классиков русской литературы, у которых в то время была просто потребность писать, у Достоевского была еще и необходимость писать, чтобы выживать (Соловьев 1891: 7). Вечное безденежье, болезни, потери близких и детей были печальными спутниками его семейной и личной жизни, негативно отражаясь на морально-психологическом состоянии писателя, особенно в последние годы его жизни. В связи с этим заслуживает внимания эпизод с двумя «западнорусскими жидами» (соседями Достоевского в гостинице немецкого города Эмса), о котором писатель с раздражением сообщал своей супруге (798 Достоевской 1988: 89; 801 Достоевской 1988: 93).

Выработанная веками предприимчивость евреев вызывала у Достоевского одновременно зависть и отвращение. Эта черта евреев на фоне полураспада системы традиционных ценностей пореформенной России, по меткому замечанию А. Г. Горнфельда, «представлялась Достоевскому уже не карикатурным предметом презрения, а ненавистной силой и как бы символом того космополитического и атеистического либерализма, борьбе с которым была посвящена вся публицистика Достоевского» (Горнфельд б.г.: стлб. 311). «И хоть бы они (евреи. — А. Б.), — иронизировал по этому поводу Достоевский в 1880 г., — стояли над всей Россией и заговором высосали всего

русского мужика — о пусть, пусть, мы ни слова не скажем: иначе может случиться какая-нибудь нелиберальная беда: чего доброго, подумают, что мы считаем свою религию выше еврейской и тесним их из религиозной нетерпимости — что тогда будет? Подумать, что тогда будет!» (Из записной книжки 1883: 357).

Достоевский полемизировал с «отсталыми либералами» XVIII в., которые выступали за эмансипацию евреев в духе своего времени, но теперь, писал он, они защищают их не как нацию, а только потому, «что в других к жидам подозревают национальное отвращение и ненависть, а, следовательно, карают других, как нацию» (№ 729. Н. Е. Грищенко 1988: 9). Это было важным замечанием, которое легло в основу его понимания идеи просвещения «жидов» сквозь призму идеологии русского консерватизма. Достоевский не случайно обратил внимание К. П. Победоносцева на примеры «ожидовления» Германии, в которой «еврейский дух и национальность оказались выше германской» (№ 808. К. П. Победоносцеву 1988: 103–104). Очевидно, что трагическую участь Германии, по мнению Достоевского, должна была вскоре разделить и Россия. Напомним, что в 1873 г. в Германии появилось сочинение В. Марра «Победа иудаизма над германизмом», в котором впервые сформулировано понятие «антисемитизм», а «диктатура евреев», по глубокому убеждению автора памфлета, «была лишь вопросом времени» (Поляков 1998: 231).

Однако евреи также болезненно реагировали на процессы модернизации

Российской империи, что нашло свое подтверждение в кризисе идентичности русско-еврейской интеллигенции. Как это ни парадоксально, позиция Достоевского в еврейском вопросе в определенной степени отражала и надежды русско-еврейских интеллигентов на понимание со стороны русской интеллигенции. Например, известная статья А. З. Штейнберга о Достоевском была пронизана глубоким уважением к вопросам, которые, казалось бы, должны вызывать у еврейских почитателей творчества русского писателя чувство обиды и разочарования. Суть дела в том, что Достоевский, как нам кажется, сумел обнажить противоречия идентичности русско-еврейской интеллигенции, многочисленные представители которой, подобно А. З. Штейнбергу, не принадлежали ни одному народу, ни одной семье, ни одному поколению или возрасту, у них не было родины, они были проклятыми («Списки»... 2005: 174). С другой стороны, еврейский вопрос у Достоевского опять-таки закономерно пересекался с женским, ибо подобно женщине, которая, по его наблюдению, «никогда вполне не раскается» (Достоевский 1990: 427), «жиды» — это всегда атеисты и мошенники. Напротив, еврей способен к состраданию и раскаянию, а следовательно, и к примирению с русскими. «Две странички Достоевского, — записал в своем дневнике А. З. Штейнберг в 1916 г., — и все делается ничтожным. Беспредельная скорбь, беспредельное страдание...» (Штейнберг 2017: 81). Не удивительно, что, обращаясь прежде всего к евреям, а не к «жидам», русский писатель, по меткому выражению Н. Портновой, «стал соучастником

авторerefлексии русско-еврейского философа» (*Портнова* 2017: 14).

Задевая «жидов», отмечал известный русский литературовед, профессор Высших женских Бестужевских курсов О.Ф. Миллер в своем выступлении на торжественном заседании Славянского комитета 14 февраля 1881 г., Достоевский имел в виду не национальность, а «интеллигентность» как русских, так и евреев (*Заключительное слово... 1883: 79*). В «интеллигенции» он видел главную опасность для единства страны, народ которой еще находился в плену своих стереотипов и предубеждений. «Интеллигенты», или, по словам Достоевского, «четвертое сословие», были носителями политической крамолы и общественного разврата, которые стремились уничтожить традиционные устои общества, чтобы потом на его руинах властвовать (*Там же: 77*). «Жид» в интерпретации Достоевского — это «образованный какой-нибудь высший еврей, из тех, что не веруют в Бога и которых вдруг у нас так много расплодилось»⁵. Несмотря на несколько эмоциональное определение «жида», такое понятие о евреях все же позволяло Достоевскому, по мнению А.Г. Горнфельда, связать, с одной стороны, еврея-фанатика (шинкаря), а с другой — премьер-министра Великобритании лорда Биконсфильда (Бенджамина Дизраэли) — «урожденного Израеля», антирусскую политику которого Достоевский был склонен объяснять его еврейством.

Противоречия в отношении к евреям, еврейской ассимиляции и креще-

нию евреев, наблюдавшиеся во власти и в обществе Российской империи, были проявлениями куда более существенных идеологических конфликтов. Процессы «догоняющей» модернизации российского общества в 1860-х гг. обострили восприятие западноевропейских стран как модели, которую следовало принять или отвергнуть. Следовательно, положение евреев высвечивало различия между российскими и западноевропейскими юридическими нормами, а также концепциями гражданства. Полемика о евреях позволила противоположным сторонам более отчетливо сформулировать свое понимание российского гражданства и национальной самобытности. Либералы искали такую альтернативу сословной системе, при которой все подданные превратились бы в граждан, равных перед законом. Они рисовали себе Российское государство, в котором правами, равными со всеми, располагали бы и нерусские, в том числе и евреи, но при условии их политической лояльности, с чем, собственно, соглашались и консерваторы. Однако понятие ассимилированного еврея как «русского гражданина» вызвало целый комплекс идей, связанных уже не столько с абстрактным пониманием гражданства, сколько с вполне конкретной проблемой национальной идентичности русской, русско-еврейской, а также украинской интеллигенции.

Так, в 1861 г. между русско-еврейским журналом «Сион» и украинofilским изданием «Основа» вспыхнула довольно бурная дискуссия по поводу некорректности упо-

⁵ Цит. по: (*Горнфельд б.г.: стлб. 312*).

требления слова «жид» в русской и украинской литературе, которая получила широкий резонанс в консервативной и либеральной публицистике 1860-х гг.⁶ Свое отношение к этой дискуссии высказало и «Время», редактор которого, в частности, согласился с тем, что в «малороссийском языке» слово «жид» не имеет оскорбительного смысла, но удивлялся преувеличенному значению, которое придавали этому обстоятельству конфликтующие стороны, особенно редакция «Основы». Тем не менее «Время» призвало к примирению украинцев и евреев, руководствуясь чувствами «современного гуманизма» и «общественного такта» (Полемический случай 1861).

Призывы к примирению с евреями довольно часто звучали на страницах журнала братьев Достоевских. Например, как «проявление христианской любви» был отмечен факт пожертвования виленским епископом Станиславом Красинским в пользу нищих евреев г. Ошмяны (Наши домашние дела 1862). «Расположение жидов к бродяжничеству» журнал связывал с отсутствием к ним любви и сострадания со стороны окружающих их народов, бесправным положением евреев, т.е. «неряшество» и «тоскливое непоседство евреев» не были «врожденными недостатками этого племени», а «свойством всякого загнанного человека» (Книга б.г.).

Однако в конце 1870-х гг., в условиях политического кризиса в Российской империи, грани между консер-

ваторами и либералами оказались размытыми. Даже такие видные деятели консервативного лагеря, как В.П. Мещерский, М.Н. Катков, А.С. Суворин, выступили с идеями примирения с либералами (*Гросул и др.* 2000: 253–255).

В условиях перегруппировки общественно-политических сил Достоевский был вынужден, по его словам, «смягчить» в 1877 г. свою позицию в еврейском вопросе до предложения о возможности «русско-еврейского братства». «Вопрос только в том, — отмечал Достоевский, — много ли удастся сделать этим новым, хорошим людям из евреев, и насколько сами они способны к новому и прекрасному делу настоящего братского единения с чуждыми им по вере и по крови людьми?» (*Достоевский* 2005: 297). Это был типичный взгляд либерального мыслителя в духе европейского Просвещения (*Страхов* 1883: 230–231).

Тем не менее Достоевский оставался русским писателем, который не был лишен известных предубеждений в отношении евреев. Эта традиция русской литературы не делала позицию Достоевского в еврейском вопросе слишком оригинальной и откровенной. Например, его современник, писатель Вс. Крестовский впервые в русской литературе сформулировал еврейский вопрос как войну «сынов света» (русских) и «сынов тьмы» (евреев) в политической истории Российской империи (*Дудаков* 1993: 124)⁷. В личной

⁶ См.: (*Безаров* 2010).

⁷ Однако Г. Сафран не вполне согласна с этим утверждением, хотя и считала Вс. Крестовского «классическим русским антисемитом» (См.: *Сафран* 2004: 100–102). На наш взгляд, позиция Г. Сафран заслуживает внимания в том смысле, что ее сравнительный анализ позиции Достоевского

переписке Достоевский иногда высказывался в пользу такой интерпретации еврейского вопроса, называя евреев «носителями антихриста», «врагами человечества» (№ 878. Ю. Ф. Абаза 1988: 191), что, впрочем, не мешало ему лишний раз подчеркивать, что он не был врагом евреев. Очевидно, что еврейский *status in statu* беспокоил его в большей мере, чем это могло показаться. Евреи, писал он, не способны понять русских, т. к. находятся «в разладе с корнем нации, с племенем русским» (Петербург 1883: 321–322), а «жид и его кагал — это все равно, что заговор против русских» (№ 729. Н. Е. Грищенко 1988: 8). Вообще, как верно заметил израильский исследователь С. Дудаков, литературное творчество Вс. Крестовского оказало определенное влияние на позицию Достоевского в еврейском вопросе. Так, несмотря на всю свою антисемитскую риторику, Вс. Крестовский, подобно Достоевскому, в личных отношениях с евреями проявлял весьма дружественные чувства, а его (Крестовского) рассказы (анекдоты) о евреях были всегда сдержанными и достаточно объективными. Однако личные симпатии известных писателей к евреям не помешали им обвинять «жидов» в организации всемирного заговора

в еврейском вопросе уместен не в контексте лесковского понимания еврея, а именно сквозь призму соответствующих взглядов Вс. Крестовского.

⁸ Достоевский, по-видимому, был хорошо знаком с произведением Я. А. Брафмана, взгляды которого в еврейском вопросе, как нам кажется, были ему близки. Например, автор «Книги Кагала», критикуя русско-еврейские журналы за их, по его мнению, предвзятость в отношении русских, отмечал, что «дух русской национальности» в понимании русско-еврейских публицистов «остаётся глух и нем, или покрыт средневековой тьмой»; «все дурное русское, повторяем, умышленно выводится здесь на сцену, но не потому, что оно дурное, а потому, что оно русское...» (Брафман 2004: 303). Позиция Я. А. Брафмана оказалась более новаторской, нежели у других русских консерваторов, т. к. он превращал еврейский вопрос в проблему «крови» (этничности) евреев и русских, причем последние в его концепции заметно проигрывали евреям в своем политическом развитии. Не случайно он привел в пример негативный опыт «естественной ассимиляции» евреев в наполеоновской Франции, в которой даже эмансипированные евреи так и не стали «братьями» французов. «Тут вдруг вышло, — писал Я. А. Брафман о результатах политики Наполеона в еврейском

против России. Разнообразие колоритных персонажей «жидов» в романах Крестовского, очевидно, вдохновляло литературную юдофобию Достоевского (впрочем, С. Дудаков не исключал и обратного влияния, что, на наш взгляд, принципиального значения не имеет) (Дудаков 1993: 119, 122, 124, 133).

Собственно идея еврейского «государства в государстве» была довольно распространенной антисемитской мифологемой в русской публицистике, сформулированной в конце 1860-х гг. цензором российских изданий на еврейском языке Я. А. Брафманом (Брафман 2004). Однако беспокойство Достоевского имело под собой какие-то основания. Как справедливо заметил в этой связи современный российский историк Д. А. Эльяшевич, если до появления «Книги Кагала» Я. А. Брафмана отдельные православные неопиты пугали еврейским *status in statu* ограниченный круг своих почитателей, то Я. А. Брафману в новых условиях «регулируемой гласности» удалось привлечь на свою сторону гораздо большее число своих сторонников, среди которых был и Достоевский (Эльяшевич 1999: 291–292)⁸. Это, естественно, стимулировало рост суеверий

и религиозных предрассудков даже у таких просвещенных писателей, как Достоевский, который, в частности, был заметно разочарован оправдательным приговором Кутаисского окружного суда по делу нескольких местных евреев, подозреваемых в совершении «ритуального» убийства малолетней девочки⁹. Так, в своем письме к известной русской писательнице-славянофилке О. А. Новиковой от 28 марта 1879 г. он отмечал: «Как отвратительно, что кутаисских жидов оправдали. Тут несомненно они виноваты. Я убежден из процесса и из всего, и из подлой защиты Александрова, который замечательный здесь негодяй — “адвокат нанятая совесть”» (№ 777. О. А. Новиковой 1988: 59).

Наконец, в 1879–1880-х гг. угроза революционного терроризма заставила либералов и консерваторов активизировать свои усилия в деле поиска политического компромисса с властью (Сафронова 2014: 110–

151), тем более что в революционном движении отчетливее становился и еврейский фактор его развития¹⁰. Так, после покушения на царя 2 апреля 1879 г. М. Н. Катков заговорил о «нерусском происхождении зла». «Глас народа, — отмечалось на страницах его издания, — указывает и ту сатанинскую страну, которая продавшись золотому тельцу¹¹ устами еврея вещает, что ей мол стоит лишь бросить несколько миллионов, чтобы возмутить любое государство. Если это так, то проклятие тяготеет над подобным исчадием ада. Но придет время, и яма, рытая нам, окажется могилой для рывших; это закон судеб...» (П. Д. 1879: 5). Через год А. С. Суворин обнаружил «еврейскую опасность» уже внутри России. Коварные евреи подстерегали русских в гимназиях, реальных училищах, на железной дороге, в банках, медицине, адвокатуре, журналистике и даже в искусстве. «Мы желаем, — заявлял редактор “Нового времени” словами анонимного автора

вопросе, — что признать французов братьями и вступить с ними в семейное родство — дело немислимое, невозможное для еврея; с точки зрения евреев оказалось, что это равносильно принесению еврейской религии в жертву христианству» (Там же: 244).

⁹ Кутаисский процесс (5–12 марта 1879 г.) — первый в Российской империи публичный судебный процесс, на котором слушалось дело о «ритуальном» характере убийства ребенка. В жертву средневековой легенде о ритуальном употреблении евреями крови христианских младенцев были принесены несколько местных евреев кавказского местечка Сачхере, которые якобы убили шестилетнюю Сарру Модебадзе. Тем не менее их вина была не доказана и суд 13 марта 1879 г. вынес оправдательный приговор, в котором, однако, было упомянуто о совершении преступления в «канун еврейской пасхи» (4 апреля 1879 г.), что придавало процессу зловеющий оттенок. Главными защитниками подсудимых выступили присяжные поверенные Л. А. Куперник и П. А. Александров, который, в частности, заявлял о двусмысленности следствия по этому делу; о том, что самого преступления не было, т. к. это был несчастный случай (девочка заблудилась и умерла от холода). В своей блестящей речи на суде П. А. Александров, опираясь на печальные примеры из истории кровавых наветов, неоднократно подчеркивал, что судебный процесс был направлен именно против евреев, поскольку, по мнению адвоката, «ни грузин, ни армянин, ни вообще христианин не был бы заподозрен в похищении ребенка при тех обстоятельствах, при которых исчезла Сарра, потому что такое похищение показалось бы бесцельным...» (См.: Александров 2011: 33).

¹⁰ Под «еврейским фактором» революционного движения в Российской империи мы понимаем разнообразное участие евреев в организации и развитии российских революционных групп и партий в 1861–1917 гг. (подробнее см.: Безаров 2018).

¹¹ Здесь и далее в цитатах сохранена пунктуация оригинала.

“письма в редакцию”, — чтобы наши интеллигентные классы поразмыслили над перспективой большого разжигания своего интеллигенцией инородческой в особенности жидовской, и убедились бы, что явление оставшееся до сих пор не заметным, заслуживает серьезного внимания» (Жид... 1880: 1).

Автор «Бесов» со свойственным ему пафосом пророка надвигающегося революционного Апокалипсиса откликнулся на призыв А. С. Суворина, т. к. был уверен в том, что «жид и банк господин теперь всему: и Европе, и просвещению, и цивилизации, и социализму, — социализму особенно, ибо он с корнем вырвет христианство и разрушит ее цивилизацию. И когда останется лишь одно безначалие, тут жид и станет во главе всего. Ибо, проповедуя социализм, он останется меж собой в единении, а когда погибнет все богатство Европы, останется банк жида. Антихрист придет и станет на безначалии» (Из записной книжки... 1883: 358). «Верхушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть», — заявлял Достоевский¹².

В личной переписке Достоевский уверял своих корреспондентов в еврейском («жидовском») характере революционного движения в России, по его выражению, всей этой «нигилятины» и «социализма», центром которого была, по его мнению, Одесса. Европейские и русские евреи, рассуждал он, были убежденными анархистами, разрушающими основы чужой государственности ради со-

хранения собственного *status in statu* (№ 759. В. Ф. Пуцыкевичу 1988: 43). Такие взгляды известного писателя во многом совпадали, а в некотором смысле и влияли на довольно жесткую позицию К. П. Победоносцева (Безаров 2008: 157), который в своем письме Достоевскому 19 августа 1879 г. обвинял всех без исключения евреев, а также их защитников, в политическом заговоре против России (Миндлин 2007: 289).

Высоко оценил консервативные взгляды Достоевского и князь В. П. Мещерский, который признавал в нем «апостола правды», «фанатика-неофита в своем консерватизме», монархиста и приверженца самодержавия (Мещерский 1898: 178–179). Но В. П. Мещерский, кроме того, уловил еще одну, на наш взгляд, немаловажную черту в характере известного писателя, а именно, «умение ненавидеть политической ненавистью» русского революционера и либерала. Достоевский, как метко подметил одиозный издатель «Гражданина», был «фетишем либеральной революционной партии, которую он ненавидел» всеми фибрами своей души за тот вред, который русские революционеры, по его мнению,несли русскому народу, а также за ложь в их проповедничестве (Там же: 180).

По мнению Достоевского, революционное движение в России было вызвано внешними обстоятельствами, а именно процессами острой политической борьбы между буржуазией и пролетариатом в странах Западной Европы, которая, в конце концов,

¹² Цит. по: (Гессен, Лозинский б.г.: стлб. 739).

станет причиной нравственного вырождения как первых, так и вторых. Но втравливая в эти процессы Россию, европейцы, сами того не подозревая, готовили для себя более масштабную, общеевропейскую революцию, которая приведет к нравственному возрождению России и Европы (Преосвященный Антоний 1921: 11, 16). Любопытно, что евреи в эсхатологии Достоевского представлялись ему одновременно в роли «закваски революции» и ее почти библейских героев, возрождающихся из геенны огненной. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением А. З. Штейнберга о том, что юдофобия Достоевского есть не что иное, как «причудливый, хитроумный» мессианизм (вера в богоизбранность русского народа), который он унаследовал от евреев (Штейнберг 1928: 103, 105, 107).

Тем не менее литературные критики неоднозначно отреагировали на позицию Достоевского в еврейском вопросе, называя его взгляды в отношении евреев «шовинизмом», «маниакальной юдофобией», «зубовным скрежетом», а с другой стороны, «единичным случаем, имеющим глубокий общечеловеческий смысл», «поучительным примером высокого национализма» (Замотин 1913: 216–217). Вообще публицистика Достоевского оказалась весьма уязвимой для критики. Так, историк русской литературы А. М. Скабичевский, в частности, подчеркивал, что Достоевский в своем «Дневнике» явился перед читателями и критиками «в виде двух двойников, совершенно

противоположных и непрестанно борющихся между собой», и что при всей своей двойственности автор «Дневника» «рисовался чрезвычайно симпатично» благодаря своему «светлому двойнику»¹³. Но так как, писал А. М. Скабичевский в «Биржевых ведомостях», лучший из двойников заявлял о своем существовании гораздо реже, чем другой — худший, то критика искала светлой стихии не в публицистике, а в художественных произведениях Достоевского (Там же: 219). Либеральный «Вестник Европы» также негативно оценил публицистику Достоевского, называя его «Дневник» «картонным мечом», а «глубину двинутой им волны — далеко не соответствующей количеству взбитой пены»¹⁴. Более сдержанным в своих оценках политических взглядов крупного писателя оказался Н. Н. Страхов, который признавал Достоевского «консерваторм по натуре». «В нем, — вспоминал известный литературный критик, — сильно, но быстро совершился тот процесс, которым почти неизменно характеризуется развитие всех значительных русских писателей, сперва они увлекаются отвлеченными мыслями, идеалами, заимствованиями с Запада, потом возникает внутренняя борьба и разочарование, и, наконец, пробуждаются — лишь на время подавленные чувства, любовь к родной святыне, к тому, чем жива и крепка русская земля... Но отказавшись от искания на Западе высших руководительных начал, Достоевский сохранил любовь и уважение к духовной жизни Европы» (Страхов 1883: 314).

¹³ Цит. по: (Замотин 1913: 218).

¹⁴ Цит по: (Гросул и др. 2000: 262).

На наш взгляд, никогда не следует забывать, что Достоевский был прежде всего художником слова и диалога, а потом уже публицистом и философом-мистиком. Оценивая литературное наследие великого русского писателя, мы вынуждены признать, что его взгляды относительно евреев не лишены определенной предвзятости, а порой и откровенного антисемитизма. Вряд ли автор гениальных произведений не отдавал себе отчет в том, что, используя при создании своих отдельных художественных персонажей негативный образ «жида», он мог оскорбить чувства своих еврейских читателей. Как нам кажется, Достоевский это понимал, а потому все его попытки постфактум оправдаться перед ними и либеральной общественностью были не искренними, а с точки зрения его политических убеждений — бессмысленными. Кстати, последнее замечание будет справедливым и в отношении писателя к «женскому вопросу», к «изображающим его женщинам» (*Достоевский* 1990: 446), которое у Достоевского было отнюдь не либеральное¹⁵.

С другой стороны, если признать главным тезисом философской позиции Достоевского понятие о «раздвоенности человека» как причину его несвободы, то становится очевидным тот факт, что его враждебность была направлена только против «жидов», т. е. против тех маргиналов, тех,

по словам писателя, «жидовствующих» умов», которым, как отмечал автор «Дневника», «ни до чего, кроме себя, нет дела» (*Достоевский* 2005: 239), но которые могли при определенных обстоятельствах стать критической массой в революционном движении, способной разрушить любые устои традиционного общества, ничего, кроме анархии, не предлагая взамен. «Евреи», напротив, были молодой русско-еврейской интеллигенцией «общечеловеков», к представителям которой, как нам кажется, и обращался Достоевский с предложением о «братстве», по сути, политическом союзе между русскими и евреями в предстоящей борьбе за «национальную идею» России (Там же: 254–255). Такое решение еврейского вопроса было утопией, как, впрочем, и вся политическая доктрина Достоевского о «цивилизационной миссии русских». Ведь она отражала, скорее, болезненную дилемму политического сознания русских либералов (*Берлин* 2001: 174), которые никак не могли сделать свой однозначный выбор между приоритетами европейской цивилизации и русской нации (которую, по мнению Достоевского, вообще еще предстояло изобретать¹⁶). Отражала, скорее, ее, нежели проект «народной монархии» умеренных консерваторов («либерал-консерваторов») в духе «позднего» М. Н. Каткова, который, как известно, был сторонником идеи

¹⁵ Впрочем, можно согласиться и с выводами российской исследовательницы творчества Достоевского Н. Ф. Будановой, которая небезосновательно отмечала неоднозначные взгляды известного писателя в женском вопросе. По ее мнению, Достоевского трудно назвать демократом в женском вопросе, но и консерватором он не был. (См.: *Буданова* 1976: 240).

¹⁶ «Действительно ли мы русские в самом деле? — размышлял писатель в 1863 г. — Почему Европа имеет на нас, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатление?» (См.: *Достоевский* 1973: 51).

«русской политической нации» (*Безаров* 2012: 23).

Казалось бы, политическая философия Достоевского была близка славянофилам. Однако и тут было не все так просто. Как метко подметил Н. А. Бердяев, если славянофилы оказались «в цельном быту», у себя дома, на своей «земле» в собственных усадьбах, то Достоевский был «подземным человеком» Апокалипсиса, горожанином, патриотом Европы, а не только России (*Бердяев* 2006: 24–25). Несмотря на то, что позиция Достоевского в еврейском вопросе во многом перекликалась с идеями славянофилов, отношение к евреям у него было иным, чем, например, у И. С. Аксакова. Концептуально Достоевский придерживался уже известной к тому времени в странах Западной Европы модели решения еврейского вопроса, которая, в интерпретации русского мыслителя, выглядела в виде ассимиляции как бы «недоделанных» людей («жидов»), в результате которой «выделанные» русские евреи становились равноправными гражданами России (*Достоевский* 2005: 276). В качестве иллюстрации такого подхода к решению еврейского вопроса позволим себе использовать ироничную метафору на страницах «Времени», в которой акцизная система ассоциировалась с «женщиной не первой молодости и красоты, но которая еще верует и хочет жить для других», а откупная — с «ростовщиком, жи-

дом, но не евреем». Следовательно, как заметил автор статьи, акцизная система («человек») была намного лучше, чем последняя (*Шилль* 1861: 225), т. е. евреи были предпочтительнее «жидов».

В отличие от аксаковского «прогрессивного еврея», который, как подчеркивал известный английский историк Дж. Клир, продолжал оставаться вне базовых принципов любого современного, в частности христианского, общества (*Клир* 1998: 48), «выделанный» в национальном духе русский еврей в теории Достоевского оказывался полноценным его участником. Идентичность евреев Российской империи была той ценой, которую они должны были уплатить за свое равноправие. Поэтому мы не согласны с исследователями, например, Г. Сафран, склонными рассматривать в «русско-еврейском братстве» Достоевского «сближение» русских и евреев, аккультурацию последних в контексте идей Каткова. Наоборот, как нам кажется, необходимым условием для эмансипации евреев Достоевский видел их желание, а главное, способность обрести идентичность русских, о которой он, как, впрочем, и все русские консерваторы второй половины XIX в., имел весьма смутное представление¹⁷, ведь национальность, как писал Достоевский, «не легко перedefируется, не легко отстать от вековых привычек, вошедших в плоть и кровь...»¹⁸. Пожалуй, это был един-

¹⁷ О проблемах русской идентичности, например, см: (*Достоевский* 2005: 46, 49; *Русский* 1863: 162; *Сокальский* 1863 224).

¹⁸ (*Достоевский* 1973а: 78). «В настоящем братстве, — отмечал Достоевский, — не отдельная личность, не Я, должна хлопотать о праве своей равноценности и равновесности со всем остальным, а все-то это остальное должно бы было само прийти к этой требующей права личности, к этому отдельному Я, и само, без его просьбы должно бы было признать его равноценным и равноправным

ственный компромисс в позиции Достоевского, который в остальном, что касалось еврейского вопроса, придерживался правоконсервативных взглядов, т.е. по сути выступал современным русским националистом.

Модерный русский национализм Достоевского, попытавшегося сконструировать идентичность русских сквозь призму этнического измерения других европейских наций, исходил из критического восприятия русских в России и русскими России, которую также необходимо было изобретать. «Существует ли она, Россия», — восклицал Достоевский в «Бесах», или она, по мнению героев его романа, так и останется загадкой природы, а не разума. «Судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем он желал бы стать», — заключал писатель в своем Дневнике за 1876 г. (Достоевский 2005: 46). Очевидно, что в проектах нациостроительства Западной Европы второй половины XIX в. евреи всегда выносились за скобки. Воображая Россию без «жидов», он, впрочем, оставлял надежду только для евреев, которым еще предстояло стать русскими патриотами. Подчеркнем еще раз, речь шла не о русско-еврейском братстве в смысле национально-культурного симбиотического союза двух народов, а именно о новом русском еврействе, т.е. о евреях, ощущающих себя русскими. Примечательно, что Достоевский не настаивал на крещении евреев, что несколько отличало его позицию от взглядов славянофилов, которые были вынуждены отка-

зать в равноправии даже крещенным евреям, и от позиции умеренных консерваторов, выступавших за сохранение национально-религиозной идентичности евреев России. Этнический национализм Достоевского неизбежно порождал реакцию антисемитизма. «Клянусь, — писал автор «Дневника писателя», — я оправдаю скорее русского: у русского, по крайней мере, нет (положительно нет!) религиозной ненависти к еврею»¹⁹.

Таким образом, учитывая определенные взгляды, высказанные Достоевским в его художественных произведениях и личной переписке относительно евреев, созданный им комплекс негативных образов еврейских персонажей, а также политический консерватизм писателя, можно сделать вывод о его антисемитизме. Однако в сложных условиях политического развития Российской империи во второй половине 1870-х гг., когда либералы и консерваторы общими усилиями пытались найти выход из кризиса власти, Достоевский выступил за эмансипацию российских евреев в обмен на их ассимиляцию. Именно этими обстоятельствами можно объяснить противоречие между антисемитизмом Достоевского-писателя и «антисемитизмом» Достоевского-публициста. Поскольку Достоевский является классиком мировой литературы, а не политической мысли, то его антисемитизм не следует понимать буквально, как специальную теорию враждебного отношения к евреям. Он признавал в евреях («жидах») угрозу традици-

себе, то есть всему остальному, что есть на свете. <...> Надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе...» (Там же: 79).

¹⁹ Там же. С. 296.

онным ценностям российского общества, преодолеть которую, по его мнению, можно было только путем превращения «жидов» в русских евреев и сохранения (или выработки новых) национальных традиций в политической и социокультурной жизни поздней имперской России. Поэтому проблема евреев в творчестве Достоевского тесно переплеталась с процессами переосмысления их национально-культурной идентичности в Российской империи и закономерно заострила вопрос о самосознании русских, так и не решенный при жизни великого русского писателя.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

798 Достоевской 1988 — 798. А. Г. Достоевской, 28 июля (9 августа) 1879. Эмс // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Публицистика и письма. Т. 30. Кн. 1. Письма 1878–1881. Л., 1988. С. 89;

801 Достоевской 1988 — 801. А. Г. Достоевской, 30 июля (11 августа) 1879. Эмс // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Публицистика и письма. Т. 30. Кн. 1. Письма 1878–1881. Л., 1988. С. 93.

№ 729. Н. Е. Грищенко 1988 — № 729. Н. Е. Грищенко, 28 февраля 1878. Петербург // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Публицистика и письма. Т. 30. Кн. 1. Письма 1878–1881. Л., 1988.

№ 759. В. Ф. Пуцыкевичу 1988 — № 759. В. Ф. Пуцыкевичу, 29 августа 1878. Старая Русса // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Публицистика и письма. Т. 30. Кн. 1. Письма 1878–1881. Л., 1988.

№ 777. О. А. Новиковой 1988 — № 777. О. А. Новиковой, 28 марта 1879. Петербург // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах.

Публицистика и письма. Т. 30. Кн. 1. Письма 1878–1881. Л., 1988.

№ 808. К. П. Победоносцеву 1988 — № 808. К. П. Победоносцеву, 9 (21) августа 1879. Эмс // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Публицистика и письма. Т. 30. Кн. 1. Письма 1878–1881. Л., 1988. С. 103–104.

№ 878. Ю. Ф. Абаза 1988 — № 878. Ю. Ф. Абаза, 15 июня 1880. Старая Русса // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Публицистика и письма. Т. 30. Кн. 1. Письма 1878–1881. Л., 1988.

Аксаков 2008б — Аксаков И. С. Отчего евреям в России иметь ту равноправность, которая не дается нашим раскольникам? // Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность / отв. ред. О. Платонов. М., 2008.

Гришин б.г. — Гришин Д. В. Был ли Достоевский антисемитом? URL: <https://www.fedordostoevsky.ru/research/biography/018/> (дата обращения: 30.12.2019).

Девятнадцатый номер.. 1862 — Девятнадцатый номер «Дня» / Критическое обозрение // Время. 1862. Т. 7 (февраль).

Достоевский 1861 — Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Время. 1861. Т. 5 (октябрь). С. 481–486.

Достоевский 1873 — Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Гражданин. 1873. 21 мая (№ 21).

Достоевский 1883 — Достоевский Ф. М. К госпоже Герасимовой, Санкт-Петербург, 7 марта 1877 г. // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.

Достоевский 1973 — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Художественные произведения. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973.

Достоевский 1973а — Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Полное собра-

ние сочинений в тридцати томах. Художественные произведения. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973.

Достоевский 1990 — *Достоевский Ф. М.* Бесы. М., 1990.

Достоевский 2005 — *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. СПб., 2005.

Достоевский 2019 — *Достоевский Ф.* Преступление и наказание. СПб., 2019.

Жид... 1880 — Жид идет! (Письмо в редакцию) // Новое время. 1880. 23 марта (№ 1461). С. 1.

Заключительное слово... 1883 — Заклучительное слово О. Ф. Миллера / участие и поминки Ф. М. Достоевского в Славянском благотворительном обществе // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.

Из записной книжки 1883 — Из записной книжки Ф. М. Достоевского // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.

Книга б. г. — Книга А. Чужбинского. Поездка в Южную Русь. Ч. 1. Очерки Днепра / Критические заметки // Время. Т. 5 (октябрь). С. 178.

Мещерский 1898 — *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. Часть вторая (1865–1881 гг.). СПб., 1898.

Наши домашние дела 1862 — Наши домашние дела (современные заметки) // Время. 1862. Т. 9 (сентябрь). С. 82.

П. Д. 1879 — *П. Д.* Вопль из уголка России // Московские ведомости. 1879. 13 мая (№ 119).

Петербург 1883 — Петербург, 14 февраля 1877 г. (Письмо Ф. М. Достоевского к Г. А. Ковнеру) // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.

Пolemический случай 1861 — Poleмический случай с «Основой» и «Сионом» / Смесь // Время. 1861. Т. VI, № 12. С. 115–116.

Преосвященный Антоний 1921 — Преосвященный Антоний, митрополит Ки-

евский и Галицкий. Словарь к творениям Достоевского. София, 1921.

Сокальский 1863 — *Сокальский П.* Наши главные спорные пункты / Современное обозрение // Время. 1863. № 4 (апрель).

Страхов 1883 — *Страхов Н. Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.

Шилль 1861 — *Шилль И.* По поводу уничтожения откупной системы и замены ее акцизной // Время. 1861. Т. 6.

Штейнберг 2017 — *Штейнберг А.* Diary 4 // Аарон Штейнберг. Дневники (1909–1971). Ф. М. Достоевский. М., 2017.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

«Списки»... 2005 — «Списки» Аарона Штейнберга / публикация, вступительная заметка и примечания Н. Портновой // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 6–7. М., 2005.

Аксаков 2008а — *Аксаков И. С.* Что такое «еврей» относительно христианской цивилизации? // Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность / отв. ред. О. Платонов. М., 2008.

Александров 2011 — *Александров А. П.* Речь по делу Сарры Модебадзе // Юриспруденция. 2011. Т. 22 (1).

Безаров 2008 — *Безаров А. К. П.* Победоносцев и еврейский вопрос // Проблемы еврейской истории. Ч. 1. Материалы научный конференций Центра «Сэфер» по иудаике. М., 2008. С. 152–165.

Безаров 2010 — *Безаров А.* «Сион» против «Основы»: идеология конфликта // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. 2. М., 2010. С. 92–106.

Безаров 2012 — *Безаров О. М. Н.* Катков і єврейське питання в Російській імперії // Слов'янський вісник: збірник наукових праць. Сер.: «Історичні та

політичні науки / Рівненський державний гуманітарний університет, Рівненський інституту слов'язнознавства Київського славистичного університету». Вип. 13. Рівне, 2012.

Безаров 2018 — *Безаров О.Т.* Єврейський чинник у революційному русі в Російській імперії (1861–1917 роки). Чернівці, 2018. 440 с.

Белов 2011 — *Белов С.Ф.* М. Достоевский и евреи // *Телескоп*. 2011. № 2 (86). С. 41–44.

Бердяев 2006 — *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского. М.: АСТ: МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

Берлин 2001 — *Берлин И.* История свободы. Россия. М., 2001.

Брафман 2004 — *Брафман Я.* Книга Кагала: Всемирный еврейский вопрос. К., 2004. 368 с.

Буданова 1976 — *Буданова Н.Ф.* Известные статьи Достоевского по женскому вопросу (Опыт атрибуции) // *Достоевский. Материалы и исследования* / под ред. Н.Ф. Будановой и акад. Г.М. Фриденлендера. Т. 2. Л.: Наука, 1976.

Гессен, Лозинский б.г. — *Гессен Ю., Лозинский С.* Антисемитизм в России // *Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем*. Т. 2. СПб.

Горнфельд б.г. — *Горнфельд А.* Достоевский Федор Михайлович // *Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем*. Т. 7. СПб.

Гришин 1974 — *Гришин Д.В.* Был ли Достоевский антисемитом? // *Вестник Русского христианского движения*. 1974. № 4 (114). С. 73–88.

Гросул и др. 2000 — *Гросул В.Я. и др.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

Дудаков 1993 — *Дудаков С.Ю.* История одного мифа: Очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993.

Замотин 1913 — *Замотин И.И.* Ф. М. Достоевский в русской критике. Ч. 1: 1846–1881. Варшава, 1913. С. 216–217.

Кантор 2006 — *Кантор В.* Достоевский как ветхозаветный пророк // *Вестник Еврейского университета*. 2006. № 11 (29). С. 301–323.

Клейман 2003 — *Клейман Р.* Художественный мир Достоевского и Книга Книг // *Материалы Девятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике*. Ч. 2. М., 2003.

Клиер 1998 — *Клиер Дж.* Еврейский вопрос в славянофильской прессе 1862–1886 гг. // *Вестник еврейского университета в Москве*. 1998. № 1.

Лебедев 2004 — *Лебедев С.В.* Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб., 2004.

Миндлин 2007 — *Миндлин А.Б.* Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762–1917: справочник персоналий. СПб., 2007.

Наседкин 2003 — *Наседкин Н.Н.* «Мирус» Достоевского: Ф.М. Достоевский и еврейский вопрос // *Наш современник*. 2003. № 7. С. 263–273.

Плетнев 1976 — *Плетнев Р.В.* Заметки к статье Д. В. Гришина «Был ли Достоевский антисемитом?» // *Вестник Русского христианского движения*. 1976. № 1 (117). С. 118–120.

Половайкин 2018 — *Половайкин А.Д.* Ф.М. Достоевский и национальный вопрос (по материалам «Дневника писателя») // *Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета*. Серия: Studis historica juvenum. 2018. 1 (14).

Поляков 1998 — *Поляков Л.* История антисемитизма. Эпоха знаний. М.; Иерусалим, 1998.

Портнова 2017 — Портнова Н. «У меня была идея...» // Аарон Штейнберг. Дневники (1909–1971). Ф. М. Достоевский. М., 2017.

Русский 1863 — Русский (Страхов Н. Н.). Роковой вопрос / Современное обозрение // Время. 1863. № 4 (апрель).

Сафран 2004 — Сафран Г. «Переписать еврея...». Тема еврейской ассимиляции в литературе Российской империи (1870–1880 гг.). СПб., 2004.

Сафронова 2014 — Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М., 2014.

Соловьев 1891 — Соловьев Е. Ф. Достоевский. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1891.

Соловьев 2007 — Соловьев В. С. Славянофильство и его вырождение // Национальный вопрос в России. М., 2007. С. 286–287.

Тесля 2020 — Тесля А. Поляки, иезуиты, евреи и «миф о заговоре»: эволюция «опасного другого» в славянофильстве // НЛО. 2020. № 2. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/162_nlo_2_2020/article/22085/ (дата обращения: 08.06.2020).

Четыре статьи... 1992 — Четыре статьи о «Чириковском инциденте» // Жаботинский В. Избранное. Иерусалим; СПб., 1992.

Штейнберг 1928 — Штейнберг А. З. Достоевский и еврейство // Версты. 1928. № 3. С. 94–109.

Эдельштейн 2005 — Эдельштейн М. История одного стереотипа // Евреи и жида в русской классике / сост. Г. С. Зеленина. М.; Иерусалим, 2005.

Эльяшевич 1999 — Эльяшевич Д. А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917: Очерки истории цензуры. СПб.; Иерусалим, 1999.

REFERENCES

"Spiski' Aarona Shteinberga, publikatsiia, vstupil'naia zametka i primechaniia N. Portnovoi. *Paralleli: russko-evreiskii istoriko-literaturnyi i bibliograficheskii al'manakh*, no. 6–7. Moscow, 2005.

Aksakov I. S. Chto takoe "evrei' otноситel'no khristianskoi tsivilizatsii? in Aksakov I. S. *Nashe znamia — russkaia narodnost'*, otv. red. O. Platonov. Moscow, 2008.

Aleksandrov A. P. Rech' po delu Sarry Mobebadze. *Iurisprudentsiia*, 2011, vol. 22 (1).

Belov S. F. M. Dostoevskii i evrei. *Telesko*, 2011, no. 2 (86), p. 41–44.

Berdiaev N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo*. Moscow: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL', 2006.

Berlin I. *Istoriia svobody. Rossiia*. Moscow, 2001.

Bezarov A. "Sion' protiv "Osnovy': ideologiiia konflikta. *Nauchnye trudy po iudaike. Materialy KhVII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaike*, vol. 2. Moscow, 2010, p. 92–106.

Bezarov A. K. P. Pobedonostsev i evreiskii vopros. *Problemy evreiskoi istorii*. Ch. 1. Materialy nauchnyi konferentsii Tsentra "Sefer' po iudaike. Moscow, 2008, p. 152–165.

Bezarov O. M. N. Katkov i evreis'ke pitan'nia v Rosiis'kii imperii. *Slov'ians'kii visnik: zbirnik naukovikh prats'*. Ser.: "Istorichni ta politichni nauki, Rivnens'kii derzhavnii humanitarnii universitet, Rivnens'kii institutu slov'ianoznavstva Kiivs'kogo slavistichnogo universitetu". Vip. 13. Rivne, 2012.

Bezarov O. T. *Evreis'kii chinnik u revoliutsiinomu rusi v Rosiis'kii imperii (1861–1917 roki)*. Chernivtsi, 2018. 440 p.

Brafman Ia. *Kniga Kagala: Vsemirnyi evreiskii vopros*. Kiev, 2004. 368 p.

Budanova N. F. Neizvestnye stat'i Dostoevskogo po zhenskому voprosu (Opyt atributsii). *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, pod red. N. F. Budanovoi i akad. G. M. Fridlendera. Vol. 2. Leningrad: Nauka, 1976.

- Chetyre stat'i o "Chirikovskom intsidente" in Zhabotinskii V. *Izbrannoe*. Ierusalim; St. Petersburg, 1992.
- Dudakov S.Iu. *Istoriia odnogo mifa: Ocherki russkoi literatury XIX–XX vv.* Moscow, 1993.
- Edel'shtein M. *Istoriia odnogo stereotipa. Evrei i zhidy v russkoi klassike*, sost. G. S. Zelenina. Moscow; Ierusalim, 2005.
- El'iashevich D.A. *Pravitel'stvennaia politika i evreiskaia pechat' v Rossii, 1797–1917: Ocherki istorii tsenzury*. St. Petersburg; Ierusalim, 1999.
- Gessen Iu., Lozinskii S. Antisemitizm v Rossii. *Evreiskaia entsiklopediia. Svod znaniy o evreistve i ego kul'ture v proshlom i nastoia-shchem*. Vol. 2. St. Petersburg.
- Gornfel'd A. Dostoevskii Feodor Mikhailovich. *Evreiskaia entsiklopediia. Svod znaniy o evreistve i ego kul'ture v proshlom i nastoia-shchem*. Vol. 7. St. Petersburg.
- Grishin D.V. Byl li Dostoevskii antisemitom? *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniia*, 1974, no. 4 (114), p. 73–88.
- Grosul V.Ia. i dr. *Russkii konservatizm KhIKh stoletii. Ideologiya i praktika*. Moscow, 2000.
- Kantor V. Dostoevskii kak vetkhozavetnyi prorok. *Vestnik Evreiskogo universiteta*, 2006, no. 11 (29), p. 301–323.
- Kleiman R. Khudozhestvennyi mir Dostoevskogo i Kniga Knig. *Materialy Deviatoi ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaike*. Ch. 2. Moscow, 2003.
- Klier Dzh. Evreiskii vopros v slavianofil'skoi presse 1862–1886 gg. *Vestnik evreiskogo universiteta v Moskve*. 1998, no. 1.
- L Lebedev S.V. *Okhraniteli istinno russkikh nachal. Idealy, idei i politika russkikh konservatorov vtoroi poloviny XIX veka*. St. Petersburg, 2004.
- Mindlin A.B. *Gosudarstvennye, politicheskie i obshchestvennye deiateli Rossiiskoi imperii v sud'bah evreev. 1762–1917: spravochnik personalii*. St. Petersburg, 2007.
- Nasedkin N.N. "Minus' Dostoevskogo: F.M. Dostoevskii i evreiskii vopros. *Nash sovremennik*, 2003, no. 7, p. 263–273.
- Pletnev R.V. Zametki k stat'e D.V. Grishina "Byl li Dostoevskii antisemitom?" *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniia*, 1976, no. 1 (117), p. 118–120.
- Poliakov L. *Istoriia antisemitizma. Epokha znaniy*. Moscow; Ierusalim, 1998.
- Polovaikin A.D.F.M. Dostoevskii i natsional'nyi vopros (po materialam "Dnevnik pisatel'ia"). *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. Seriya: Studia historica juvenum. 2018. 1 (14).
- Portnova N. "U menia byla ideia..." *Aaron Shteinberg. Dnevniky (1909–1971)*. F.M. Dostoevskii. Moscow, 2017.
- Russkii (Strakhov N.N.). Rokovoi vopros, Sovremennoe obozrenie. *Vremia*. 1863, no. 4 (aprel').
- Safran G. "Perepisat' evreia...". *Tema evreiskoi assimiliatsii v literature Rossiiskoi imperii (1870–1880 gg.)*. St. Petersburg, 2004.
- Safronova Iu. *Russkoe obshchestvo v zerkale revoliutsionnogo terrora. 1879–1881 gody*. Moscow, 2014.
- Shteinberg A.Z. Dostoevskii i evreistvo. *Versty*, 1928, no. 3, p. 94–109.
- Solov'ev E.F. *Dostoevskii. Ego zhizn' i literaturnaia deiatel'nost'*. *Biograficheskii ocherk*. St. Petersburg, 1891.
- Solov'ev V.S. Slavianofil'stvo i ego vyrozhdienie. *Natsional'nyi vopros v Rossii*. Moscow, 2007, p. 286–287.
- Teslia A. Poliaki, iezuity, evrei i "mif o zagovore": evolutsiia "opasnogo drugogo" v slavianofil'stve. *NLO*. 2020, no. 2. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/162_nlo_2_2020/article/22085/ (data obrashcheniia: 08.06.2020).
- Zamotin I.I.F.M. *Dostoevskii v russkoi kritike*. Ch. 1: 1846–1881. Varshava, 1913, p. 216–217.

**Л. А. Роговая, П. М. Полян,
Г. В. Нохотович**

АРХИВИСТ. ПАМЯТИ ДИНЫ НИКОЛАЕВНЫ НОХОТОВИЧ

Коллеги воздают дань памяти известному архивисту Дине Николаевне Нохотович, с именем которой связано множество публикаций по отечественной истории Новейшего времени.

Ключевые слова: архивное дело, Государственный архив Российской Федерации, публикация архивных документов, просветительская деятельность в области истории.

Сведения об авторах: Роговая Лариса Александровна¹, директор Государственного архива Российской Федерации (Москва); Полян Павел Маркович², доктор географических наук, директор Мандельштамовского центра НИУ «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва); Нохотович Галина Валерьевна³, директор по маркетингу компания «Флайт Авто» (Москва).

Контактная информация: ¹garf@statearchive.ru; ²pavel.polian@gmail.com; ³flight35@yandex.ru.

L. A. Rogovaya, P. M. Polyan, G. V. Noxotovich

ARCHIVIST. IN MEMORY OF DINA NIKOLAEVNA NOKHOTOVICH

Colleagues pay tribute to the memory of the archivist Dina Nikolaevna Nokhotovich, whose name is associated with many publications on Russian history of modern times.

Key words: archival work, the State Archives of the Russian Federation, publication of archival documents, educational activities in the field of history.

About the authors: Rogovaya Larisa A.¹, Director of the State Archive of the Russian Federation (Moscow); Polyan Pavel M.², doctor of geographical sciences, Director of the Mandelshtam center HSE, leading researcher at the Institute of Geography, RAS (Moscow); Nokhotovich Galina V.³, Marketing Director, "Flight Auto" Company (Moscow).

Contact information: ¹garf@statearchive.ru; ²pavel.polian@gmail.com; ³flight35@yandex.ru.

© Л. А. Роговая, П. М. Полян, Г. В. Нохотович, 2021
DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-254-256

Дина Николаевна Нохотович (далее Д.Н.) родилась 11 декабря 1938 г. в Москве. Ее родители, Николай Иванович и Александра Васильевна Орловы, крепкие крестьяне и отходники, спасались в столице от раскулачивания. Поначалу снимали углы «за занавеской», а ко времени рождения дочери (был еще старший брат) перебрались в свою комнату в коммуналке в том доме в Бригадирском переулке на Бауманской, где тогда была фабрика по изготовлению мягких игрушек, где работала Александра Васильевна. (Сшитые ею еще тогда мишки прекрасно дожили аж до рождения правнука!) На время войны родители отправили детей в деревню, откуда родом была мать, — в село Степаново недалеко от Калязина и затопленного в 1939 г. Угличским водохранилищем Никольского собора. Было голодно, а основу рациона составляли картофельная шелуха и садовая земляника. Как воспоминание тех детских военных лет — идиосинкразия ко всему картофельному и клубничному.

В 1958 г., после окончания школы, Д.Н. попадает в систему Государственной архивной службы России и ее организаций-предшественниц, где она проработает без малого 60 лет!

Начало трудовой деятельности пришлось на работу в ЦГАДА — Центральном госархиве древних актов, в должности сугубо технической. Проработав там год, Д.Н. поступила в Московский государственный историко-архивный институт — на заочное отделение, а в 1960 г. перевелась на очное. Производственную практику она проходила в истори-

ко-архивном департаменте МИДа и архиве г. Москвы, ее диплом был посвящен русско-английским отношениям в годы русско-турецкой войны 1768–1784 гг.

В 1964 г. Д.Н. окончила институт и вышла замуж за историка Валерия Григорьевича Нохотовича (1941–2001), вместе с которым она училась в институте. Аспирант Николая Николаевича Болховитинова, специалиста по истории США, В.Г. Нохотович собирался защищать диссертацию о промышленном перевороте в США в середине XIX в., но защищаться так и не стал. Работал в Институте международного рабочего движения, где занимался проблемами соцсоревнования, а в 1990-е гг. в Музее политической истории России.

После института Д.Н. вернулась в Архивный городок на Большой Пироговской, но уже не в ЦГАДА, а в ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, ставший в 1992 г. Государственным архивом Российской Федерации (ГА РФ). Здесь она прошла трудовой путь от младшего научного сотрудника до руководителя, начиная с 1976 г. и вплоть до выхода на пенсию в 2018 г., «спецхрана» — отдела/архивохранилища спецфондов. Его специфика в советские годы заключалась в тишайшей и сложнейшей работе по приему на хранение, описанию и обработке фондов, содержавших документы с ограничительными грифами, и, за исключением специальных же случаев, не располагала

к какому бы то ни было общению с читательской массой.

Систематическое изучение и отличное знание «своих» фондов стали залогом той уникальной широты кругозора и глубины знаний Д. Н., которые — уже в постсоветское время, когда грифы секретности покружили-покружили и, сложив крылья, разлетелись кто куда, — оказались чрезвычайно востребованы историками России и, без преувеличения, всего мира. Личный вклад Д. Н. в рассекречивание советской/российской истории, как и в то, что сегодня по праву называется «архивной революцией» 1990-х гг., чрезвычайно велик.

Волнами взаимного научного интереса была охвачена и сама Д. Н. — и как участник проектной, просветительской и публикаторской деятельности ГА РФ, и как докладчик на научных конференциях в разных странах Европы, и как эксперт-комментатор тех или иных «своих» документов или артефактов (например, останков Гит-

лера) на телевидении. Не раз и не два ее неспешные, доброжелательные и с оттенком своеобразного материнства консультации в служебной комнатке-пенале выводили чужие проекты из поискового ступора.

...В этой комнатке в пролете между 5-м и 6-м этажами 12-го подъезда и доработала Д. Н. до 78 лет. В 2017 г. собралась в отпуск в Крым, но за два дня до отъезда ей стало плохо. Обследование показало рак в запущенной стадии. Страшный диагноз мобилизовал Д. Н. на упорную борьбу, продлившуюся два с лишним года. При этом она решительно не представляла себя вне архива и продолжала работать. Даже во время сложных недельных сеансов «химии» консультировала коллег и читателей. И только в 2018 г., когда она уже совсем ослабела и не могла долго общаться, уволилась.

5 июля 2019 г. Дины Николаевны Нохотович — одного из лучших архивистов ГАРФа — не стало.

В.Э. Молодяков

«ТОЛЬКО ФРАНЦИЯ СЕЙЧАС МОЖЕТ И ДОЛЖНА ПОМОЧЬ ФРАНКО»: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ МИССИЯ ШАРЛЯ МОРРАСА В МАДРИД, ОСЕНЬ 1939

Основываясь на опубликованных во Франции документах, автор реконструирует историю попытки французских дипломатов в Мадриде, с одной стороны, и руководителей праворадикального монархического движения «Action française», с другой, организовать осенью 1939 г. вождю и главному идеологу этого движения Шарлю Моррасу (1868–1952) поездку в Испанию. Целью поездки была личная встреча Морраса со знавшим и ценившим его каудильо Франциско Франко, которого он хотел убедить не вступать в войну на стороне Германии. В статье анализируется влияние Морраса на интеллектуальные круги испанских националистов и делается предположение о том, почему активно готовившаяся миссия так и не состоялась.

Ключевые слова: Шарль Моррас, «Action française», национализм, Испания, режим Франко, нацистская Германия, нейтралитет.

Сведения об авторе: Молодяков Василий Элинархович, кандидат исторических наук, доктор философии (Ph. D), доктор политических наук, профессор Международного института японской культуры Университета Такусёку (Токио), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва — Токио).

Контактная информация: dottore68@mail.ru.

V. E. Molodyakov

“NOW ONLY FRANCE CAN AND MUST HELP FRANCO”: CHARLES MAURRAS'S
UNACCOMPLISHED MISSION TO SPAIN, FALL 1939

Basing on documents published in France the author tries to reconstruct history of unaccomplished mission to Spain, Fall 1939, of Charles Maurras (1868–1952), leader and major ideologist of French right-wing Nationalist monarchist

movement “Action française”. This voyage was planned by French diplomats in Madrid, on the one hand, and by leaders of «Action française», on the other, as an attempt to influence Spanish leader Francisco Franco, by personal meeting with Maurras, whom he knew and highly esteemed, not to enter the war on the side of Nazi Germany. The article analyzes Morras's influence on Spanish Nationalist intellectuals and speculates why so actively prepared mission was never accomplished.

Key words: Charles Maurras, “Action française”, nationalism, Spain, Franco regime, Nazi Germany, neutrality.

About the author: Molodyakov Vasily E., candidate of historical Sciences, doctor of philosophy (Ph. D), doctor of political science, Professor of the International Institute of Japanese culture of Takuseku University (Tokyo), leading researcher of the Institute of Oriental studies, RAS (Moscow — Tokyo).

Contact information: dottore68@mail.ru.

4 сентября 1939 г., на следующий день после того, как Великобритания и Франция объявили войну Германии, Испания официально заявила о своем нейтралитете. Режим Франко поддерживал союзнические отношения с нацистской Германией и фашистской Италией, без помощи которых не смог бы одержать победу в гражданской войне, однако любой ценой стремился избежать вовлечения в войну против Великобритании и Франции. Даже на пике военных успехов вермахта на западе летом — осенью 1940 г. такой вариант противоречил как стратегическим интересам Франко, так и его тактическим целям — укреплению режима и взятию под контроль всей территории страны.

Осенью 1939 г. позиция Испании в наибольшей степени беспокоила Францию: будет ли ее южная граница под угрозой военного вторжения или нет? Обеспечение нейтралитета Испании стало важнейшей задачей французского посла маршала Филиппа Петэна, занимавшего этот пост с марта 1939 г. Несмотря на огромный личный престиж маршала, офи-

циальные лица, включая Франко, с самого начала держались с послом подчеркнуто холодно — выражение недовольства прореспубликанской позицией Парижа в годы гражданской войны, особенно во время пребывания у власти Народного фронта (июнь 1936 — апрель 1938) (*Isorni* 1972: 432–434, 404–406; *Cathala* 1997). В этой ситуации Петэн рассчитывал на контакты в неполитической, культурной и интеллектуальной сфере.

Выбор пал на Шарля Морраса (1868–1952) — правоконсервативного политического философа, идеолога «интегрального национализма» и вождя монархического движения «Action française» («Французское действие»), хорошо известного за пределами Франции. Идеологическая консолидация испанских «правых» в первой половине 1930-х гг. проходила под знаком Морраса. Создатель концепции «Испанидад» Рамиро де Маэсту, назвавший свою организацию «Испанское действие», популяризировал через одноименный журнал труды вождей «Action française» Морраса, Жака Бенвиля,

Леона Доде, а также близких к движению Пьера Гаксотта и Абея Боннара. Непосредственное влияние Морраса как теоретика монархии и трибуна «латинского единства» испытали влиятельные «правые» политики и идеологи: лидер роялистов Антонио Гойкоэча, президент Королевской академии моральных и политических наук с 1936 г.; вождь монархического движения «Обновление Испании» Хосе Кальво Сотело, которого с учением «Action française» познакомил молодой интеллеktуал Эухенио Вегас Латапие, учившийся во Франции; обличитель «испанского упадка», публицист Педро Сайнс Родригес, министр просвещения в первом правительстве Франко, разошедшийся затем с каудильо. Изучали труды Морраса и в консервативно-революционной «Испанской фаланге» Хосе Антонио Примо де Ривера. Пропагандистами его идей выступали двое из основателей «Фаланги» — Рафаэль Санчес Масас и Эухенио Монтеc Домингес, сочетавшие политическую и публицистическую деятельность с философией и поэзией¹. И даже Каталонская Регионалистская лига заимствовала аргументы из работ Морраса как идеолога децентрализации.

Моррас и руководимая им ежедневная газета «L'Action française»² (называем ее *L'AF*, чтобы не смешивать с движением) были последовательными и непримиримыми врагами

Народного фронта как во Франции, так и в Испании. С самого начала гражданской войны они открыто приняли сторону националистов. Моррас прямо заявил: «Вот добро. Вот зло. Надо выбирать между ними. Это не значит, что хорошие безупречны, а плохим недоступны добродетель и честь. Но одни правы, а другие неправы. Надо желать, чтобы добро победило, а зло было повергнуто во прах» (*Maurras* 1936: 11). Лидеры «Action française» не только желали победы националистам, но и не сомневались в ней — во всяком случае публично, — а потому считали опасным конфликтовать с ними. Не менее опасным, чем ссора с «завтрашним правительством Испании», они полагали возможное вмешательство Москвы, Рима и Берлина, чреватое превращением локального конфликта в европейскую войну. Поэтому они были против любой помощи республиканцам со стороны Франции³.

«Action française» и его сторонники включились в информационную войну на стороне националистов. Ближайший соратник Морраса, мастер журналистских расследований Морис Пюжо бил тревогу относительно возможных последствий поставок оружия в Испанию из СССР через Францию. Корреспондент *L'AF* Пьер Эрикур уже в августе 1936 г. отправился на занятую «белыми» территорию и 4 сентября в эфире

¹ О восприятии идей Морраса в Испании: (*Héricourt* <1937>: 118–120; *Cuevas* 2009).

² Издавалась с 21 марта 1908 г. по 24 августа 1944 г.; последний № 13000 был подготовлен, но не вышел. Анри Вожуа был указан политическим директором, Доде главным редактором; позднее Вожуа фигурировал как основатель (посмертно), Доде и Моррас как политические директора, Пюжо как главный редактор; после смерти Доде в 1942 г. он указывался, вместе с Вожуа, как основатель, Моррас и Пюжо как политические директора.

³ Подробнее: (*Молодяков* 2019).

«Радио Севилья» предсказал «полную и окончательную победу национальной Испании». Его книгу «Почему Франко победит» (1936) открывало предисловие «заклоченного Морраса», о чем извещала броская надпись на обложке. Через три года предисловие к его книге «Почему Франко победил» (1939) написал сам каудильо. Националисты радушно встречали сочувствовавших им французов, среди которых были «правые» депутаты Ксавье Валла и Пьер Тетенже, сенатор Анри Лемери, писатель Рене Бенжамен, скульптор Максим Реаль дель Сарте, один из руководителей движения «Action française». «Никто из них не принимал безоговорочно нашу политическую систему, — вспоминал Рамон Серрано Суньер, в то время ближайший соратник Франко, — многие прямо расходились с ней, но и те, и другие, воодушевленные дружескими чувствами к Испании, которых мы никогда не забудем, старались отделить свою страну от правительства Народного фронта» (*Suñer* 1947: 74–75).

Сам Моррас посетил «белую» Испанию 3–6 мая 1938 г., проехав почти 1200 километров по маршруту Сан-Себастьян — Бургос — Сарагоса — Сан-Себастьян вместе с Реаль дель Сарте и Эрикуром. «Посла подлинной Франции», как его именовали газеты, встречали с официальными почестями. Его приняли Серрано Суньер, которому запомнился «выдающийся политический мыслитель, настроенный более антигермански, чем любой другой француз» (*Ibid.*: 74), министр иностранных дел Франсиско Гомес-Хордана-и-Соуза и, наконец, Франко, любивший именитых

визитеров. Интеллектуалы-националисты говорили, как важен им опыт «Action française». Королевская академия моральных и политических наук еще в марте 1938 г. избрала Морраса членом-корреспондентом.

Поэтому не стоит удивляться, что 18 сентября 1939 г. Реаль дель Сарте, после победы националистов проводивший много времени на родине предков, писал Моррасу из Сан-Хуан-де-Луз:

«События на стороне наших врагов развиваются стремительно, и русско-германская коалиция (которая нас, людей А. Ф., не застала врасплох) дает неожиданную возможность для новых переговоров в направлении Италии и Испании, весьма вероятно, с Италией через Испанию.

Я думал об этом, и ваше письмо укрепило мое чувство, что нам есть чем заняться в Испании, когда меня посетил г-н [Арман] Газель, считающийся нашим “штатским” послом в Испании. Он — первый после маршала Петэна, который отдал ему всю административную часть и дипломатическую “кухню”. Я давно знаком с г-жой [Элизабет] Газель, поскольку лепил бюст ее дочери и был принят ею и мужем, в то время уже советником посольства в Мадриде, когда в 1929 г. ехал в Марокко к герцогу де Гизу (глава Орлеанского дома, который поддерживало движение “Action française”. — В.М.). Потом Газель служил в Брюсселе, а сейчас играет — повторяю, как гражданское лицо — большую роль в Испании. Он общается непосредственно с маршалом и с его полного согласия два дня назад приехал ко мне на мельницу

в Сан-Хуан-де-Луз. Вот что он мне сказал:

“Я собираюсь отправить в Париж отчет министру, где указываю, что сейчас, как никогда, необходимо экстренно принять во внимание то, что Победа и Мир проходят через Мадрид, если хотят достичь Рима, и что, по счастью, русское вторжение (в Польшу. — В.М.) облегчает задачу при условии, что мы действительно хотим сделать всё необходимое для облегчения такого сближения”.

Он также сказал: “Мы можем немного. У нас еще нет никаких ходов. Мы страдаем от того, что нас держат на внушительном расстоянии, и только люди вроде вас могут заметно изменить ситуацию. Сегодня я приехал к вам с сообщением, что прошу посылать сейчас в Испанию людей вроде вас и самого важного из всех — Шарля Морраса, о чем просит маршал. Нужно, чтобы Моррас приехал в Испанию на восемь полных дней. Он же академик? Надо устроить ему прием. И вокруг этого события мы организуем всё, что может послужить Франции и сближению (с Испанией. — В.М.)”.

Я заметил, что вы приедете, только если вас пригласит сам маршал.

Ответ: “Конечно, он это должен сделать. Он может сделать только нечто официальное. Я прошу вас передать Шарлю Моррасу, поскольку вы будете сопровождать его в поездке, что только он в этот решающий час может вытащить нас из затруднений с Испанией и позволить восстановить контакты между нами и официальными лицами, поэтому

я прошу его не отказываться от предложения. Я отправил в Париж иностранный доклад о влиянии Шарля Морраса и *L'AF*, которая прибывает сюда в больших количествах и стоит на первом месте (из французских газет. — В.М.), заметно опережая “*Jour*”, занимающую второе место”.

Я записал всё это с чувством гордости и воодушевления от мысли, что вам воздадут должное, и в то же время, признаюсь, с тревогой: дошло до того, что официальные инстанции вынуждены обращаться к нам, чтобы выпутаться из ситуации, в которой они оказались по собственной воле.

Речь идет о Франции, и я не преувеличу, сказав, что, если Шарль Моррас знает, чего от него ждут, он примет просьбу во внимание. <...>

Думаю также, что вам будет приятно узнать, с каким вниманием по эту сторону границы следят за всем, что вы пишете и думаете.

Провожая г-на Газеля, я сказал, что день вашего приезда в Испанию может совпасть с приездом Гитлера в Рим, что в этот день на первых страницах испанских газет будет фотография Шарля Морраса и что им впервые позволят написать по-французски слова “Да здравствует Франция”. <...> У нас хорошие карты. Поэтому к нам и обратились» (*Lettres...* 2008: 212–214).

Цель миссии была очевидной: убедить Франко, что Париж не является врагом его режима, рассчитывает на доброжелательный нейтралитет и стремится к улучшению отношений в ситуации, когда Берлин мог оказать

давление на него. Во Франции и Великобритании советско-германский договор о ненападении 23 августа 1939 г. многими рассматривался как «измена» СССР политике противостояния гитлеровской агрессии, а в Италии и Испании — как «измена» Германии политике противостояния коммунизму. Вступление Красной армии в Польшу 17 сентября было воспринято как союзнический акт по отношению к Германии и, следовательно, враждебный по отношению к Великобритании и Франции. Явилось искушение использовать это для попытки вбить клин между Франко и Гитлером, а в перспективе — между Муссолини и Гитлером. Такова была логика французских дипломатов. Однако действовать по официальным каналам они не решались в силу показной холодности испанской стороны к официальным представителям Франции. Нужен был человек, не связанный с правящими кругами, известный в Испании и занимавший последовательно профранкистскую позицию. Прямые антигерманские выпады со стороны визитера неминуемо привели бы к провалу миссии, поэтому послание предполагалось скрыть под речами о «латинстве» — цивилизационном и культурном единстве Франции, Италии и Испании, о котором любили рассуждать французские «правые». С учетом германофобской репутации Морраса это означало — против Германии.

Моррас согласился на предложение поехать в Испанию (к сожалению, его ответные письма не сохранились). Миссия предполагалась по-

луофициальной, поэтому дела шли медленно. Только 24 октября Реаль дель Сарте смог доложить мэтру:

«Маршал сообщил через г-на Газеля, что ваша поездка рассматривается как организованная и оплаченная (простите это ужасное слово) Францией, как обычная миссия Кэ д'Орсэ (Министерства иностранных дел. — В.М.).

Маршал сказал, что лишь вы можете многое уладить в Испании. Он не заблуждается на счет того, что *из французов только ваши последователи пользуются здесь доверием* (выделено мной. — В.М.). <...> Он с воодушевлением зафиксировал ваш ответ и отправил его в архив, ожидая указаний МИД⁴. Но МИД не был бы МИД'ом, если бы уже посчитал Шарля Морраса выгодным экспортным товаром. МИД отреагировал, и я понял, что инстанции начали тормозить. Мы с вами это предвидели.

Все маршалы ведут себя, как великий П. (Петэн. — В.М.). Но не всем хватает храбрости сказать: «Вот что необходимо, если вы сейчас хотите спасти и укрепить престиж Франции». <...> Возможно (и на этом стоит задержаться), Петэн приславший ко мне своего Газеля чтобы предупредить вас, думает, что его снова позовут в Париж и пригласят в правительство. Это объяснило бы желание увидеть Морраса в Испании, для других и для него самого. Увы, все беспокоятся только о себе и живут сегодняшним днем. <...> В данный момент маршал выразил национальную волю, ощущение полезности, необходимости вашего приезда, кото-

⁴ В оригинале: Le Quai.

рого он продолжает страстно желать, но которого более не осмеливается требовать от МИД и от скотов, решающих судьбы Франции. <...>

Я смог привлечь к делу высокопоставленных лиц из испанской Академии языка в Мадриде. И дал понять людям вроде Серрано Суньера всю чрезвычайную выгоду от того, чтобы заложить основы латинства в виде некоего манифеста, исходящего от такого великого латинянина, великого француза, великого «римлянина», как вы, и что в Испании официальная трибуна Академии отлично подходит для этого призыва. Серрано Суньер в своей политике уже наметил общие линии, составляющие его программу: Мадрид — Лиссабон — Рим — Париж. Это логично ориентирует его в вашем направлении. Но Серрано Суньер обязан считаться со всеми своими подчиненными и союзниками и не может потребовать вашего приезда в Испанию (никто его не просил, это исходит от него). Главное, чтобы это не делалось против его воли и чтобы не дразнило его врагов (их в Испании более чем достаточно).

Я хорошо знаю эту публику и не доверяю ей. На деле вдохновителем вашей поездки будет «Accion Espanola». Один из его лидеров [Хуан Антонио де] Сунсунеги [-и-Лоредо], будущий мэр Мадрида, находящийся в курсе всего, что нас интересует, является исполнителем замысла, этапы которого я вам сейчас изложу.

Вы получите два приглашения в Испанию:

1. От вашей Академии моральных и политических наук, обычное при-

глашение принять участие в пленарном заседании. Вам надо будет произнести речь, но не манифест, а речь на политическую тему, в которой вы сможете выразить симпатию к трудам Франко, направленным на сохранение и возрождение (Испании. — В.М.). Эта речь подготовит другую.

2. Получив извещение, что вы приглашены на заседание [Академии моральных и политических наук] и что Испания будет иметь честь принять вас, директор Королевской академии языка [Хосе Мариа Пеман-и-Пемартин] официально пригласит вас выступить с большой речью на ее пленарном заседании. Это и будет ваш манифест.

Заседание будет посвящено памяти Рамиро де Маэсту, вождя «Accion Espanola», единственного члена Академии языка, убитого «красными». Это будет первое заседание Академии, и благодаря теме (в честь Маэсту) вызовет осязаемый резонанс. Туда пригласят Петэна, а мы захватим добрых людей из посольства.

На маневры МИД я отвечу: «Попробуйте-ка теперь помешать!»

Это следует сделать в конце ноября — начале декабря. Нужно именно это время, чтобы в Мадриде собрались влиятельные люди и французское посольство, в настоящий момент весьма симпатизирующее моим маневрам, которым оно не может и не хочет мешать, благо это освобождает их от ответственности. Поездку, похоже, придется оплатить нам самим, но, думаю, А.Ф. с этим справится, а я постараюсь обеспечить нам

автомобиль. <...> Сделать что-либо с латинской точки зрения сейчас возможно только в Мадриде, и эта миссия ниспослана провидением именно вам», — подчеркнул он (Lettres... 2008: 216–219).

19 ноября Реаль дель Сарте прислал Моррасу новый отчет с приложением нескольких документов. Начальник секретариата Серрано Суньера 10 ноября ответил одному из влиятельных знакомых скульптора, что «в принципе нет причин, которые могли бы помешать запланированной поездке», что его шеф «особенно рад теме, которую г-н Моррас избрал для своей большой речи. Если г-н Моррас будет столь любезен, что пришлет ее текст, — добавил чиновник, — правительство будет радо заранее ознакомиться с ней, чтобы прийти к согласию с ним относительно всех деталей». Он также сообщил, что программу придется согласовать с внешнеполитическим ведомством (Ibid.: 219–220).

К хлопотам Реаль дель Сарте подключил приехавшего в Испанию «правого» депутата Ксавье Валла (вояж организовало французское правительство) и знакомого священника-француза, шурина влиятельного генерала Альбера Лелона, военного атташе в Лондоне. 5 ноября Генеральный комиссариат информации ответил на запрос Лелона, что «видит лишь пользу в том, чтобы талант и добрая воля г-на Реаль дель Сарте были задействованы в нашей пропагандистской работе в Испании» и что «принятие всех решений в этом отношении находится в ведении маршала Петэна». «Видите, я много сделал и горжусь результатами, —

подытожил Реаль дель Сарте свой отчет Моррасу. — <...> Академия получит от испанского правительства пожелание, чтобы она официально приняла вас, чтобы вы произнесли речь на одобренную тему (которую я им сообщил), причем так чтобы она полностью совпадала с текстом (для придания ему законной силы), который вы будете любезны сообщить Академии. Когда это будет сделано, вы получите официальное приглашение» (Ibid.: 222).

Казалось, все препятствия устранены, но подготовка все еще буксовала. «Я тороплю испанцев, — сообщил Реаль дель Сарте 8 декабря Моррасу, — поскольку события идут стремительно, а я ужасно опасаясь тех ударов по власти Франко, которые могут быть нанесены совместными усилиями Москвы и Гитлера. Немцам было бы так удобно видеть Испанию снова расколотой. Только Франция сейчас может и должна помочь Франко, которого немцы начали пытаться принизить и уничтожить». Дополнительным плюсом стало письмо Петэна к Реаль дель Сарте от 29 ноября, копию которого он приложил к отчету. Маршал-посол заявил, что «будет счастлив видеть» Морраса в Мадриде (Ibid.: 224–225).

Начальник секретариата Серрано Суньера смог ответить на очередной запрос о визите Морраса лишь через месяц, т.к. ждал ответа из МИД: внешнеполитическое ведомство дало добро, — и повторил просьбу заранее прислать текст речи, чтобы академики могли подготовить ответную. Моррасу, подчеркнул он, «будет оказан исключительно пышный прием», поскольку «не в традициях Акаде-

мии так принимать членов-корреспондентов или отвечать на их речи». В канун нового года Реаль дель Сарте сообщил новости мэтру и попросил в новом письме уточнить тему речи, пояснив: «Серрано Суньер, который жаждет извлечь пользу из вашего приезда, должен делать вид, что он в курсе всего, и нуждается в политических основаниях для того, чтобы укрепить желание генерала Франко присутствовать на заседании, не навлекая при этом на себя никакой ответственности» (Ibid.: 225–226). Иными словами, чтобы речь никого прямо не задела, в первую очередь — Германию.

Несмотря на все усилия действующих лиц, миссия Морраса не состоялась. Почему? Публикаторы приведенных писем (последнее от 30 декабря 1939 г.) ответа на дают, как и другие доступные источники. Разгадку следует искать в испанских и французских архивах, если соответствующие документы сохранились. За подчеркнуто общим характером речей о «латинском единстве» стояло стремление предотвратить испано-германский союз против Франции, что соответствовало амбивалентному отношению к Германии со стороны Серрано Суньера, но он не был хозяином положения. Возможно, в Мадриде опасались негативной реакции со стороны Германии, где репутация Морраса, вне зависимости от заявленного характера миссии, была однозначно отрицательной. Возможно, свою роль сыграло нежелание французского министра внутренних дел, радикала Альбера Сарро допускать своих противников-монархистов до участия в официальной деятельности.

Бессмысленно гадать, какие результаты могла бы принести миссия Морраса в Испанию в конце 1939 г., если бы она состоялась. Однако ее замысел и подготовка представляют интерес как эпизод франко-испанских отношений в критический период и как пример «военных усилий» «Action française» в борьбе против Германии, которая оставалась в центре деятельности движения во все годы его существования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Молодяков 2019 — *Молодяков В.Э.* Против анархии и Гитлера: французский национализм и гражданская война в Испании // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* Т. 12 (2019). № 4. С. 166–182.

Cathala 1997 — *Cathala M.* L'embassade espagnole de Pétain (mars 1939 — mai 1940) // *Vingtième Siècle, revue d'histoire.* No 55 (juillet-septembre 1997). P. 29–42.

Cuevas 2009 — *Cuevas P.C.G.* Charles Maurras et l'Espagne // *Charles Maurras et l'étranger. L'étranger et Charles Maurras.* Olivier Dard, Michel Grunewald (dir.). Berne, 2009. P. 193–262.

Héricourt <1937> — *Héricourt P.* Franco et l'influence de Maurras en Espagne // *Almanach de l'Action française.* 1938. Paris, <1937>.

Isorni 1972 — *Isorni J.* Philippe Pétain. T. 1. Paris, 1972.

Lettres... 2008 — *Lettres à Charles Maurras. Amitiés politiques, lettres autographes, 1898–1952.* Agnès Callu, Patricia Gillet (éds.). Villeneuve, 2008.

Maurras 1936 — *Maurras C.* Préface // *Pierre Héricourt. Pourquoi Franco vaincra.* Paris, 1936.

Suñer 1947 — *Suñer R.S.* Entre les Pyrénées et Gibraltar. Genève, 1947.

REFERENCES

Cathala M. L'ambassade espagnole de Pétain (mars 1939 — mai 1940). *Vingtième Siècle, revue d'histoire*. No 55 (juillet-septembre 1997), p. 29–42.

Cuevas P.C.G. Charles Maurras et l'Espagne. *Charles Maurras et l'étranger. L'étranger et Charles Maurras*. Olivier Dard, Michel Grunewald (dir.). Berne, 2009, p. 193–262.

Héricourt P. Franco et l'influence de Maurras en Espagne. *Almanach de l'Action française*. 1938. Paris, <1937>.

Isorni J. *Philippe Pétain*. T. 1. Paris, 1972.

Lettres à Charles Maurras. Amitiés politiques, lettres autographes, 1898–1952. Agnès Calu, Patricia Gillet (éds.). Villeneuve, 2008.

Maurras C. Préface. *Pierre Héricourt. Pourquoi Franco vaincra*. Paris, 1936.

Molodiakov V.E. Protiv anarkhii i Gitlera: frantsuzskii natsionalizm i grazhdanskaia voina v Ispanii. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, vol. 12 (2019), no. 4, p. 166–182.

Suñer R.S. *Entre les Pyrénées et Gibraltar*. Genève, 1947.

А. А. Рыбалка

ВОЕВОДА КОМАРОВ: ОТ ГЕКТОГРАФА К РЕВОЛЬВЕРУ

В статье излагаются подробности вооруженной авантюры ссыльных эсдеков в Иркутской губернии в 1911–1912 гг. Этот факт истории революционного движения в России, в силу специфики этой авантюры, особенно в части ее развязки, которую удалось проследить по публикациям местной прессы, малоизвестен. Одной из причин обращения к теме для автора послужило использование имени главного героя авантюры — бывшего студента Евгения Комарова — в мистификации Антонина Раменского (1913–1985), автора масштабной мистификации «учительская династия Раменских».

Ключевые слова: сибирская ссылка, «Союз революционных социалистов», вооруженное нападение, революционная типография, ржевские социал-демократы.

Сведения об авторе: Рыбалка Андрей Александрович, начальник управления внедрения систем и средств обеспечения информационной безопасности, научно-производственная фирма «Кристалл» (Пенза).

Контактная информация: anrike@yandex.ru.

A.A Rybalka

VOIVODE KOMAROV: FROM HECTOGRAPH TO REVOLVER

The article sets out the details of the armed adventure of the exiled Social Democrats in the Irkutsk province in 1911–1912. This fact is the history of the revolutionary movement in Russia, due to the specifics of this adventure, especially in terms of its denouement, which could be traced through the publications of the local press. One of the reasons for addressing the topic for the author was the use of the name of the protagonist of the adventure — a former student Yevgeny Komarov — in the hoax of Antonin Ramensky (1913–1985), the author of a large-scale hoax “the Ramenskys' teacher's dynasty”.

Key words: Siberian exile, “Union of Revolutionary Socialists”, armed attack, revolutionary printing house, Rzhev Social Democrats.

About the author: Rybalka Andrey A., Head of Department of Implementation of Systems and Means of information security, Scientific and Production Company «Kristall» (Penza).

Contact information: anrike@yandex.ru.

...а потом он начал читать им нелегальную брошюру, которую получил от родственника Раменских — Евгения Михайловича Комарова, организатора ржевской большевистской организации... Ныне еще живущие в Мологине старики говорят, что в саду Раменских под банькой была небольшая подпольная типография... (Шевченко 1965: 169)

Сам Евгений Михайлович оказался вскоре на Лене, в конце 1911 года организовал там боевую дружину политкаторжан Иркутской губернии, а позже во главе ее пустился в поход через тайгу к Ленским золотым пришкам на помощь рабочим, только что пережившим печально знаменитый Ленский расстрел. Е. М. Комаров в том походе геройски погиб... (Маковеев 1985: 236)

Ржевская подпольная типография Евгения Комарова, а равно и он сам, оказались вовлечены в проект Антонина Раменского не сразу. Еще в известной книге М. Маковеева «Династия учителей Раменских», опубликованной в 1963 г., о Комарове не было ни слова, а Аркадий Раменский возвращался из Перми на малую родину только по весне 1906 г., т. е. после основных событий, связанных с Комаровым. Однако уже два года спустя, в 1965 г., в сборнике рассказов об известных людях, автор очерка о Раменских (Шевченко 1965: 169–170) аттестует Комарова родственником Раменских и рассказывает о подпольной типографии в Мологино «под банькой», организованной «после разгрома Ржевской типографии». В финале рассказа жандармы прибывают в Мологино с обыском, учитель Раменский топит

набор в Итомле, а все остальное сжигает.

Появление нового сюжета объясняется, как нам представляется, расширением информационной базы Антонина Аркадьевича. Как раз на рубеже 50–60-х гг., когда он готовил презентацию своего проекта, появились популярные и академические издания, посвященные революции 1905–1907 гг., где роль Комарова, десятилетиями несколько смазанная в силу специфического финала его деятельности, была довольно подробно рассмотрена. Основным источником Раменского, полагаем, была книга «Москва в трех революциях» (1959), в которой был опубликован популярный вариант академического очерка О. А. Ивановой о Московском военно-техническом бюро (МВТБ), где деятельность Комарова было довольно подробно описана.

Чуть позднее к личности Комарова обратились Елизавета Драбкина (Драбкина 1967) и ржевские краеведы. Эти сочинения дали Раменскому дополнительный материал для конструирования легенды, которая позже приобрела довольно феерический характер. Легенда скромно начинается констатацией, что «с начала века (1901–1903) Мологино стало центром Ржевской социал-демократической организации», Комаров объявляется племянником учителя Раменского (поводом к этому послужил брак младшего брата Евгения с одной из племянниц Н. П. Раменского, сельской учительницей, но знали сам Комаров что-либо о мологинских кузенах невестки, неясно) и владельцем рукописей Радищева, которые изымают жандармы при

обыске у Раменских, организованном известной провокаторшей, «тайным агентом по фамилии Пузято». В «Ржевскую организацию» записываются все родственники Антонина Аркадьевича, которых он смог вспомнить, а непрерывно работающую типографию он разумно перемещает из-под баньки на отлет Мологино, «посреди пчелиной пасеки».

Лайт-версия легенды была легализована еще ржевским совпартработником и краеведом Н. М. Вишняковым в книге «Ржев: к истории города и района». Хотя автор достаточно подробно останавливается на истории реальной ржевской типографии, он не считал возможным проигнорировать Раменских и отметил, что «у Комарова были близкие, дружеские отношения с семьей учителей Раменских, сочувствовавших революции. При их участии Комаров оборудовал в с. Мологино филиал типографии» (Вишняков 1969: 81).

Если цитированная фраза представляет собой дипломатичное резюме предложенных Антонином Аркадьевичем уникальных сведений, то эпичный финал про «поход через тайгу к Ленским золотым приискам на помощь рабочим, только что пережившим печально знаменитый Ленский расстрел», Раменский не придумал. Его текст является изложением соответствующего места в упомянутой книге Е. Я. Дабкиной.

«<Комаров> создал из политических ссыльных Иркутской губернии “Социалистическую боевую дружину”, члены которой вместе с Комаровым мечтали поднять вооруженное восстание в Иркутской губернии в на-

дежде, что эта первая вспышка вызовет могучий революционный взрыв во всей России.

И тут до них дошла весть о Ленском расстреле. Отклик, который нашло это трагическое событие в рабочих массах, еще больше укрепил веру Комарова и его товарищей в успех начатого ими дела.

Вооружившись холодным и огнестрельным оружием, которое они сумели раздобыть, они выступили в тысячеверстный поход, направляясь через всю приленскую тайгу на север, на Ленские золотые прииски, чтобы поднять там восстание рабочих. Но, пройдя около четверти пути, они попали в засаду, устроенную стражниками, и Евгений Комаров и остальные участники отряда пали смертью храбрых в бою с врагом» (Дабкина 1967: 52).

Сама же Дабкина вольно и с фантазией пересказала вполне академическую статью О. А. Ивановой

(Иванова 1959), которая высказалась несколько менее эпично:

«В конце 1911 г. он организовал из политических ссыльных Иркутской губ. “Социалистическую боевую дружину”, члены которой вместе с Комаровым мечтали поднять вооруженное восстание на Лене в надежде, что оно вызовет мощный революционный взрыв по всей России. Ленский расстрел в апреле 1912 г. и отклики на это событие в широких рабочих массах еще более укрепили веру Комарова и его товарищей в успех начатого им дела. Комаров погиб в чаще приленских лесов в начале лета 1912 г. при столкновении его отряда с преследовавшими его стражниками» (Иванова 1959: 252).

По тексту Ивановой, полагаем, видно, что упоминание ею Ленского расстрела относится скорее к риторическим украшениям. Это подтверждается тем, что иные авторы (например, авторы обстоятельной статьи о ржевской типографии — (Мазова 1959)), пишущие о смерти Комарова, никак не связывают ее с событиями на приисках.

Как и в ряде иных случаев, выдумка Раменского, сама по себе довольно безыскусная, лишь будировала наш интерес к реальным обстоятельствам событий, о которых он упоминает. Сообщения в первоисточниках Антонина Аркадьевича о смерти Комарова оказались за вычетом риторики столь лаконичны для организатора успешной подпольной типографии и МВТБ, что невольно навевали мысли об умолчаниях в истории Комарова и его дружины. По результатам исследования вопроса так и оказалось.

Ранняя революционная биография московского студента Евгения Комарова сейчас достаточно хорошо известна, и мы не будем останавливаться на ней, предложив интересующимся обратиться к немногочисленным, но вполне основательным публикациям (Ходаков 1925; Иванова 1956; Мазова 1959). Начнем же с того момента, когда в июле 1909 г. Евгений, после трехлетнего тюремного заключения и судебного процесса, был осужден на бессрочную ссылку в Верхотенский уезд Иркутской губернии и отправлен по этапу. Он был назначен на поселение в Знаменку, село в 30 км от крупного села Жигалово — перевалочного пункта на пути из Иркутска в Бодайбо, первого речного порта на Лене, на прииски. Хотя на поселении он был не один и глухоманью эти места отнюдь не были, Комаров в ссылке скучал и не находил себе занятия. Через год в село Манзурку, к югу от Верхотенска, в сторону Иркутска, был назначен на поселение знакомый ему по московским баррикадам Михаил Булычев, досрочно освобожденный от каторги в связи с заболеванием туберкулезом. Приятели вступили в переписку, и горячий Михаил почти сразу сообщил Евгению, что готовит побег с поселения, и предложил присоединиться. Комаров в ответ предложил Булычеву заняться организацией боевой дружины и поднять восстание в Восточной Сибири, имея в виду в дальнейшем распространение его по всей империи.

Всю осень и зиму приятели обсуждали проблему теоретически и лишь весной 1911 г. решили перейти к практическим действиям. Контекст возникновения их проекта Булы-

чев позднее объяснял в Иркутской тюрьме соседу по камере следующим образом: «Реакция нас придавила и выбросила сюда, в Сибирские дебри. По два с лишним года мы прожили в этой глуши без всякого дела, да и делать-то было нечего, варились в собственном соку, спорили, склочничали, а многие и пьянствовали с тоски. Часть, правда, чему-то училась, занималась, — одним словом, книжничали. Последний год нас особенно взволновал: в России опять зашевелились; прокатилась волна стачек. Мы тоже оживать начали; решили расшевелить сибирских мужиков, поднять их на восстание, — для этого и решили создать боевую дружину» (Никифоров 1932: 265).

В мае 1911 г. Комаров приехал в Манзурку, и друзья, после очередного обсуждения, решили проверить свою готовность к практическим действиям. Комаров к тому времени достал два револьвера, что давало возможность проверить на практике: твари они дрожащие или право имеют. За выбором места дело не стало — Комаров жил на поселении неподалеку от торного почтового тракта. Будущие дружинники отправились через Верхоленск под Жигалово и устроили засаду в кустарнике у дороги. На свою беду 28 июня 1911 г. случилось мимо них ехать почтальону Лисецкому. Комаров и Булычев обстреляли из кустов повозку, убили почтальона и захватили мешок корреспонденции, в коем оказалось аж 25 рублей денег.

Случившееся предопределило их дальнейшие действия — спасаясь от полиции, боевики перешли на нелегальное положение, непрерывно

меняя место жительства. Одно время они жили у знакомого ссыльного в высылке Оде, подыскивали в тайге удобное пристанище для зимовья, которое к осени оборудовали как место для хранения оружия и боеприпасов. Обзаведение таковыми, однако, требовало дополнительных ресурсов, а произведенный экс ресурсов не дал, исключая револьвер, снятый с тела убитого почтальона. Комаров, семья которого была довольно состоятельна, решил запросить средства у матери, для чего требовался доверенный адрес на месте, в Верхоленском уезде. В июле 1911 г. боевики тайно посетили село Бирюльское, где жили на поселении знакомые Комарова — молодые девушки Берта Горелик и Роза Гинзбург. Евгений и Михаил описали им ситуацию и свои планы и заручились согласием девушек на сотрудничество. Берта, наборщица эсеровской типографии, могла быть полезна как технический специалист, поскольку Комаров планировал печатать агитационные материалы, а Роза вела обширную переписку с парижскими эсдеками. Она согласилась переслать письмо Комарова матери, после чего на ее адрес Евгению прислали деньги из Ржева. Полагаю, Мария Николаевна Комарова не представляла, на что они будут потрачены.

По просьбе боевиков Берта и Роза вслед за тем перебрались в Манзурку, где располагалась крупнейшая колония ссыльных — под сто человек. Именно эти девушки посредничали в дальнейшем при рекрутировании в дружину новых членов, в то время как Комаров и Булычев продолжали бродить по тайге, подыскивая удобные места для схронов.

Между тем, читаем вышеприведенный источник, «колония в Манзурке быстро росла и к маю 1912 г. насчитывала до 80 ссыльных. Они создали кассу взаимопомощи, библиотеку, получали нелегальную литературу с воли. Но условия жизни были тяжелыми. Большинство не имело работы, средств к жизни. Оторванность от живого дела порождала различные конфликты. Были среди ссыльных и провокаторы, по доносам которых с октября 1911 по январь 1912 г. жандармы провели серию обысков и арестов». В августе 1911 г. в Манзурку вышла на поселение группа участников Петербургской военной организации, среди которых был Евгений Пославский, ставший позднее самым активным соратником Комарова и Булычева.

18-летний Женя Пославский, дворянин, уроженец Выборга, кажется, сирота, воспитанный теткой и училищем приюта принца Ольденбургского, под впечатлением событий 1905 г. увлекся социалистическими идеями и вступил в военную организацию (ВО) РСДРП. Юноша энергичный и активный, он принял на себя обязанности организатора ВО в частях Петропавловской крепости, в силу чего попал в сферу наблюдения спецслужб и в декабре 1906 г. был арестован, как и Комаров, с кучей компрометирующих материалов, включая пособия по организации кружков среди солдат, перечни солдатских групп в разных столичных частях, записи о расходах на покупку оружия, рецепты взрывчатых веществ... Всего этого хватило бы арестованному надолго, но он был несовершеннолетним, а это существенно меняло дело.

Помещенный в «Кресты», Пославский проявил редкостное упорство и экзальтацию, добиваясь перевода в ДПЗ бесконечными голодовками и битьем стекол в камере, сознательно провоцируя охрану на предупредительную стрельбу, и достиг искомого. В предзаке, как он не без гордости писал в письме приятелю, более свободный режим, благоустроенные камеры, можно целыми днями читать книги из обширной местной библиотеки и готовить себе еду из заказанных продуктов. Его письмо выборгскому подростку Косте Курилло, исполненное фразами про людей, «боровшихся за землю и волю для закованного в рабские цепи народа», и призывами к другу Косте «присмотрись... ты увидишь страшную бездну грязи, зла, тунеядства, насилия, произвола и пр., и тогда ты поймешь, что заставляет итти людей в тюрьмы, каторгу и на виселицу» (Кантор 1925: 187), показывает юного Пославского человеком несколько экзальтированным и увлеченным.

Таким Пославский показывал себя и в дальнейшем. Отправленный на каторгу в Вологодскую тюрьму, он немедленно вступил в конфликт с администрацией, протестуя против тюремных порядков, в лицо назвал инспектора палачом и сатрапом, ко- ему скоро будет «ужо», и был наказан розгами, причем непосредственно перед экзекуцией обидел еще и старенького тюремного доктора, который должен был удостовериться в допустимости экзекуции, отказавшись подать ему руку как «припешнику палачей». После розог Пославский решил было повеситься в знак протеста, но товарищи отговорили его.

Едва выйдя на поселение, Пославский стал принимать самое деятельное участие в организации быта ссыльных, занимался пропагандой среди местных жителей, устраивал любительские спектакли и готов был оказать моральную поддержку всякому, кто показывал нужду в таковой. Он активно соучаствовал в деятельности местной активистки Натальи Александровой, которая имела «целью сплотить политссыльных на коммунальных началах и дать колониям общую организацию» в Верхотенском и Киренском уездах. Но среди ссыльных были и молодые девушки, и Пославский вскоре стал ухаживать за Бертой Горелик, а увидев, что девушка ухаживаниям его благоволит, не умедлил предложить ей руку и сердце. В октябре 1911 г. манзурская колония несколько дней развлекалась свадьбой Евгения и Берты. Но благополучная семейная жизнь Пославского не продлилась далее медового месяца.

Ссыльных было много, отношения между ними не всегда были дружны, люди разные, пространство маленькое. В ноябре полиция провела обыск у Александровой, а затем ее по предписанию отправили из Манзурки в Якутск. Пославского это событие взбесило, он счел, что за ним стоит донос, и стал активно преследовать словом двух латышей, отца и сына, в коих предполагал доносчиков. Те пожаловались приставу, пристав предупредил Пославского, после чего тот попросил жену связать его с Комаровым и Булычевым и в результате отправился к ним на зимовье.

К тому моменту боевики истратили деньги Комарова на приобретение

оружия, которое закупалось через местного торговца Егора Егорова, привлекли для транспорта и связи нескольких местных молодых парней. С появлением активного Пославского началось пополнение дружины новыми боевиками из числа манзурских ссыльных. Этому способствовало прибытие в Манзурку зимой 1912 г. новой партии ссыльных, из числа которых были навербованы новые дружинники и сочувствующие. По обстоятельствам это были эсеры, анархисты, бундовцы и польские социалисты, благодаря чему организация неизбежно приняла универсальный социалистический характер, а общность членов ее основывалась, прежде всего, на радикализме взглядов.

К весне 1912 г., как читаем там же дальше, «члены дружины организовали в глухой тайге четыре склада-тайника, в которых хранились съестные и боевые припасы и которыми дружинники пользовались как жилищами, в них они укрывались после своих боевых выступлений. В распоряжении организации имелась и химическая лаборатория для изготовления бомб», 3 берданки, 4 винтовки, винчестер, несколько револьверов. Благодаря Пославскому были установлены связи с эсеровским подпольем в Иркутске, с сочувствующими сотрудниками газеты «Сибирский край» (СК), которые сулили доставить дружинникам гектограф.

24 марта 1912 г. за рекой Манзуркой состоялась учредительная конференция организации, получившей название «Союз революционных социалистов» (СРС). В конференции,

помимо тройцы активистов, участвовало еще пять человек из числа манзурских ссыльных (дальнейшее изложение канвы событий, в тех случаях, когда речь не идет о цитатах из местной прессы, дано по работам Э. Ш. Хазиахметова, см.: *Хазиахметов* 1979; 1992). Целями создания СРС были определены всеобщее вооруженное восстание, свержение царского режима и созыв Учредительного собрания, девизом — «Жить в свободе, умереть в борьбе». Принятый конференцией устав предполагал ряд направлений деятельности, однако наиболее подробно развивалась тема «народной дружины». Как пишет И. П. Серебрянников, согласно уставу, основная цель дружины — «организация вооруженной борьбы с царским правительством путем партизанских (групповых и единоличных) выступлений против его учреждений и агентов». Пути для достижения этой цели разнообразны: захват «мелких правительственных центров», как, например, волостных и уездных правлений, почтовых контор и казначейств для уничтожения делопроизводства, чтобы тормозить таким образом деятельность правительственного механизма, и убийства «более энергичных» представителей власти. В случае большой необходимости, «лишь при серьезных денежных затруднениях дружины (чтобы не отвлекать ее силы на “экспроприаторский путь”», разрешалось совершение конфискации казенных сумм. Также допускалась экспроприация и частных средств, но при этом делалась оговорка о том, что прибегать к этому дружина будет «только в случаях крайней необходимости, когда нет возможности захватить суммы, принадлежащие пра-

вительству» (*Серебрянников* 2011: 347–348).

По уставу дружина должна состоять из 13 членов, которые выбирают из своей среды: «а) “воеводу” для руководства деятельностью дружины во время походов и активных выступлений; б) “заведующего хозяйством”, на обязанности которого лежат заботы о продовольствии, одежде и амуниции дружинников; в) “оружейника”, следящего за исправным состоянием вооружения и боевых припасов дружины и ведущего учет всем боевым ее средствам; г) “кассира”, хранящего дружинную кассу...». Каждый член дружины снабжался винтовкой и револьвером. Прием в организацию регулировался строгими правилами: или личная рекомендация под свою ответственность испытанного члена дружины (активного или содействующего), или первоначальное прохождение кандидатом стажа «вспомогательного члена», путем оказания ряда услуг. Вспомогательным (содействующим) агентом могли стать и женщины (что в действительности и было), но в саму дружину они не принимались. Воеводой, разумеется, стал Комаров, кроме того, на основании его опыта работы в МВТБ, всем дружинникам были присвоены кодовые имена — Булычев стал Николаем, Пославский — Дачником и т. п. (*Хазиахметов* 1992: 146).

Успешное создание СРС следовало отметить каким-то конкретным ярким деянием, и таковое последовало неделю спустя. Как писала 1 апреля иркутская газета «Сибирь», «в ночь на 31 марта на следовавшую из Иркутска в Якутск по якутскому тракту

почту, между селениями Манзуркой и Хорбатово, при спуске с горы, было совершено нападение десятью злоумышленниками, вооруженными винтовками и револьверами. Грабители выскочили из засады (из кустарника вблизи тракта) и открыли по ехавшим непрерывную стрельбу из оружия. Прежде всего, была убита одна лошадь и другая ранена, а потому сопровождавшим почту нельзя было ускакать от нападавших. Грабители окружили почтовую повозку со всех сторон и, наставив дула оружия к груди сопровождавшего почтальона и ямщика, приказали, под угрозой смерти, не двигаться с места». Нападавшие обыскали и обезоружили ямщика и почтальона, забрали 920 руб. наличными, 2814 руб. почтовыми и 5100 руб. контрольными марками, после чего постреляли в воздух для острастки и скрылись в лес. Нападение совершили шестеро дружинников, включая Комарова, Булычева и Пославского.

Случившееся всерьез встревожило военного генерал-губернатора Л. М. Князева — в Верхотенском уезде была мобилизована местная полиция и крестьяне для патрулирования селений и прочесывания леса, для политического розыска был послан жандармский офицер. 10 апреля в селе Боганты становой пристав Голяминский, патрулировавший территорию, наткнулся на Комарова и Булычева. Последний открыл отчаянную стрельбу из револьвера, ранил пристава и урядника Понкратова, вскочил на оставленную приставом повозку и погнал лошадей прочь из села. Опешившие полицейские не сумели ему воспрепятствовать, но все-таки начали стрелять вслед,

и одна из пуль пробила Булычеву бок. В суматохе никем не преследуемый Комаров убежал через огороды в лес.

Булычев гнал лошадей во всю их прыть, но скоро понял, что истекает кровью и не имеет сил управлять повозкой. Он остановил лошадей, бросил повозку и попытался остановить кровь, но сделать этого не сумел. Отчаявшись, Михаил побрел к ближайшему селу, Косой Степи, и обратился в первую же избу за помощью. Крестьяне позвали полицию. Булычева несколько дней держали в Косой Степи, оказывая ему помощь, затем под конвоем повезли в Иркутск. Пославский, узнавший об аресте и месте содержания Булычева, планировал нападение на конвой, но, в конце концов, не сумел организовать людей в нужный срок.

Арест Булычева имел фатальные последствия для СРС. Оправившись от раны, он в мае дал откровенные показания мировому судье и спецслужбам. Как пояснял он позднее сокамернику, «за сутки, проведенные мной в жандармской каталажке, я многое передумал. Здесь я только понял всю ничтожность и ненужность нашего выступления. Мы — кучка издегавшихся романтиков — вздумали поднять на восстание сибирского мужика да еще посредством действий боевой дружины, — ведь это же чушь, и за эту-то вот чушь я должен помереть...» (Никифоров 1932: 270). Булычев, действительно, оказался в сложном положении — к убийству околоточного в 1905 г. и почтальона прибавилось еще покушение на убийство двух должностных лиц при исполнении, что явно

вело его в перспективе на виселицу. При этом совершенные им экссы (экспроприации) по умолчанию рассматривались тамошним обществом (и образованным, и необразованным) как сугубо уголовные преступления, доказать политический характер своих действий, не дав показаний, Булычев не мог, и мысль, что его повесят как простого уголовника, оказалась для него нестерпимой.

С 27 мая по 1 июня иркутская полиция провела длительную спецоперацию в районе Манзурки с участием Булычева, о результатах которой не без скрытого сарказма написали местные газеты: «Отряд солдат, разыскивающий предполагаемых участников ограбления почты близ с. Манзурского, вернулся из похода, не встретив неприятеля» (СК. 13 июня 1912 г.). Солдаты совершили 70-километровый трехдневный марш-бросок по тайге к деревне Вяткиной в сторону Байкала, найдя лишь зимовье с запасом хлеба, чайником и 10 рублями и погубив четырех из полсотни крестьянских лошадей, взятых в аренду за полтину в сутки. Арестовали пятерых ссыльных и двух крестьян. Среди арестованных была беременная Берта Горелик и некоторые участники учредительной конференции СРС. Всего за май — июнь 1912 г. в разных селениях Верхоленского уезда и Иркутске были арестованы почти полсотни человек, большинство из которых не имело к СРС никакого отношения.

В качестве проводника во главе отряда ехал одетый в солдатскую шинель мрачный Булычев, которому СК прямо бросал упрек в том, что он ука-

зывает имена ссыльных и крестьян, якобы участвовавших в ограблении, и показывает в тайге места, где находились ранее или могут находиться теперь скрывшиеся. Между тем экспедиция к берегам Байкала была прямо противоположна направлению, в котором двигались дружинники «воеводы» Комарова, и движение их обнаружилось в начале июня вполне определенным образом.

«В семи верстах от Верхоленска обнаружена засада, состоявшая из 12 злоумышленников, имевших целью ограбить иркутскую почту. В перестрелке один убит, остальных преследуют» (СК. 10 июня 1912 г.). Тем же днем столичная газета «Русское слово» опубликовала более подробную и детальную, но, как оказалось, сильно искаженную версию событий: «В ночь на 4-е июня, во время переправы через реку, около пристани Жигалово почтовый караван, везший 62 пуда золота под конвоем сильного отряда полиции с приисков Ленского товарищества в Иркутск, подвергся вооруженному нападению. Организатор нападения, ссыльный, бывший студент московского университета сын врача Комаров, 24-х лет, вместе с семьей ссыльными, вооруженными берданками, устроил засаду в кустарниках у пристани Жигалово, возле переправы через реку Лену. Едва только показался золотой караван, грабители открыли по нему ружейный огонь. Полицейские, сопровождавшие караван, тотчас спешили и начали стрелять залпами. Трое полицейских с револьверами в руках поползли на животе в обход кустарников с целью захватить грабителей с тыла. Разбойники оказали отчаянное сопротивление. Одним

из залпов Комаров был убит наповал. Арестовать полиции удалось только одного. Остальные бежали». Именно версия «Русского слова» послужила в советское время основой для создания романтической легенды об обстоятельствах гибели Комарова.

Между тем реальность оказалась куда прозаичнее, и ее описал все тот же «Сибирский край» в номере от 15 июня под заголовком «Загадочная группа подозрительных лиц». Оказалось, что дружинников обнаружили случайно. Упомянутая почта с золотом должна была выйти из села Пономарево Тутурской волости вечером 2 июня. Непосредственно перед отправлением к почтальону подошел местный крестьянин и сообщил, что видел в лесу неподалеку от села людей с ружьями. Несмотря на значительную охрану, почтальон решил не рисковать и отложил выезд до утра, распорядившись на ночь убрать почту подальше и отправив рапорт в Жигалово. Утром 3 июня почта вышла и благополучно проследовала в направлении к Иркутску.

Утром же, в 10 часов, из Жигалова к Пономареву выехал урядник Машуков с двумя стражниками с целью проверки сообщения крестьянина. На месте группа Машукова разделилась, и каждый двинулся в лес на некотором отдалении от другого. В пяти верстах от Пономарева урядник заметил в чаще дымок костра и, направившись в том направлении, неожиданно наткнулся на группу спокойно сидевших вокруг костра людей. Машуков испуганно и отчаянно, но по инструкции, завопил: «Руки вверх, ни с места!», после чего люди бросились от костра враспы-

ную. Урядник начал стрелять по убежавшим из ружья, и один из них упал, остальные же скрылись между деревьями. Тут к Машукову с воинственными криками и выстрелами в воздух подбежали ничего не видевшие стражники, и они вместе направились к костру, по достижении ими которого из леса раздались ответные выстрелы. Растерявшийся Машуков приказал своим людям укрыться за обнаруженными у костра шалашами и прекратить преследование.

Через некоторое время, не слыша в лесу никакого движения, Машуков отправил одного из стражников в Жигалово с докладом о ситуации, и к ночи на место происшествия для осмотра прибыл становой пристав Глуховский. В лагере подозрительных лиц были обнаружены два шалаша, возле которых валялись брошенные убежавшими книги, газеты, записные книжки, в одной из которых имелись записи о месте и времени получения продуктов, два револьвера, пара сапог, восемь пиджаков, брюки, развешенное по деревьям для просушки белье, несколько пудов хлеба... Упавший после выстрелов урядника человек, ожидаемо, был убит, на его теле нашли воззвание СРС и какие-то бумаги, позволившие идентифицировать его личность.

Вечером 4 июня в Пономарево пришли рота солдат (117 чел.) и сотня казаков (68 чел.), следовавшие из Иркутска на Ленские прииски, где в то время всюю шло расследование известных событий. Их задержали и отправили в облаву на злоумышленников в лес, однако эффекта это не дало. Глуховский, дождавшись

прибытия мирового судьи для ведения следствия, начал повальные обыски среди ссыльных в ближайших селах, имея в виду обнаружить раненых в ноги, ибо Машуков уверял, что стрелял именно так. Несколько человек арестовали, по большей части зазря, тем не менее в конечном итоге среди задержанных оказались основные участники дружины и, прежде всего, Пославский.

Следствие по делу СРС и его дружины заняло в Иркутском окружном суде почти полтора года. Довольно быстро большая часть задержанных была отправлена к местам поселения либо за отсутствием улик, либо за заведомой непричастностью к делу. До суда довели всего 11 человек. Скучая следствием, Пославский организовал осенью 1912 г. массовую голодовку заключенных за право носить в тюрьме свою одежду, питаться из собственного котла и вести переписку без ограничений, не имевшую особого успеха. Суд над членами СРС состоялся во второй половине ноября 1913 г., причем Булычев, как и следовало ожидать, отказался от всех показаний, данных на предварительном следствии, что внесло определенные затруднения в судопроизводство. 29 ноября Булычев и Пославский получили по 10 лет каторги, еще трое меньшие каторжные сроки за оказание вооруженного сопротивления при аресте, остальные шестеро подсудимых (включая Берту, сидевшую в камере вместе с маленькой дочкой) были либо оправданы, либо получили формальное наказание.

Серьезным испытанием для подсудимых стало отторжение их большинством политических ссыльных.

И. П. Серебренников пишет, что «произведенное членами дружины ограбление почты близ села Манзурка послужило поводом к полному разрыву между ссыльными различных партийных убеждений. Большая часть ссыльных социалистов-революционеров вполне одобрила деятельность дружинников, оправдывая факт нападения на почту необходимостью приобретения средств для дальнейшей работы. В то же время почти все ссыльные социал-демократы и небольшое число эсеров критиковали подобную боевую деятельность, называя членов дружины бандитами и разбойниками, и поспешили отмежеваться от этого объединения, вынеся резолюцию протеста, которую направили в сибирские газеты» (Серебрянников 2011: 349). Редакция «Сибири» поместила рядом с резолюцией под заголовком «Наросты на политической ссылке» материал, начинавшийся фразой: «Иркутская ссылка переживает время распада и дезорганизации...» Дружина определялась как «разбойничья организация», экспроприация почты у Манзурки сопоставлялась с нападением уголовников на судно с пушниной на р. Лене и т. п. «Правда» тем летом трижды довольно сухо обращалась к этой теме, дистанцируясь от участников СРС, называя Булычева и Пославского эсерами, а участников нападения на почту злоумышленниками. Пославский, пытаясь переломить ситуацию, выпустил в тюрьме два номера рукописного журнала «Секреты», в котором были опубликованы основные документы СРС, но ситуацию это не изменило.

П. Никифоров, сокамерник Булычева в то время, двадцать лет спустя

писал, что «идея собрать в единую организацию всю ссылку и с ее помощью поднять восстание сибирских крестьян, в большинстве своем зажиточных, при отсутствии для этого объективных политических и экономических причин являлась легкомысленной фантазией, которая неизбежно должна была кончиться крахом, если бы даже Булычев и не ускорил его своим предательством. Никакого восстания крестьян не произошло бы. Все кончилось бы лишним десятком налетов на почту и убийством нескольких полицейских чиновников. Верхоленская авантюра только подтвердила правильность решений лондонского партийного съезда о вредности изолированных боевых выступлений» (Никифоров 1932: 271).

Таким образом, деятельность СРС в то время была дезавуирована как эсдеками вообще, так и большевиками в частности. Характерно, что лидеры дружины и не сохранили к 1917 г. своих связей с РСДРП. Пославский с началом Первой мировой войны стал оборонцем и организовал в Александровском центре (АЦКТ) выпуск рукописного альманаха стихов и прозы «Звенья», немалая часть которых была посвящена рефлексии узников на тему войны. Самому Пославскому там принадлежало восемь стихотворений и прозаическая миниатюра о войне. Весной 1917 г. этот альманах был издан в Москве, а сам Пославский, освобожденный из каторжной тюрьмы, отправился добровольцем на фронт «защищать свободу России от врага».

Михаил Булычев вернулся в Москву, нашел себя среди анархистов

и осенью — зимой 1917 г. стал одним из активных черногвардейцев. В начале 1918 г. черногвардейцы чувствовали себя едва ли не хозяевами Москвы, и группа, к которой принадлежал Булычев, решила на действия, которые стали для них, во всяком случае для Булычева, роковыми.

31 января 1918 г. к Виктору Бари, директору известного московского завода инженера Бари, где начинал свое трудовую деятельность Булычев, явились в половине восьмого утра на автомобиле четыре эlegantных молодых человека, вооруженные (источник рассказа — дневник П. Е. Мельгуновой-Степановой (Мельгунова 2014)). «Они потребовали, чтобы он ехал с ними в Совет солдатских депутатов в революционный трибунал. “Что так рано?” — “Так надо”. Дали напиток кофе, были очень любезны, но знакомому его не позволили его сопровождать. Посадили и повезли. Вдруг поворачивают в Лесную (везли из Петровского парка), он говорит, что ведь Совет и трибунал в генерал-губернаторском доме — “Теперь переведены к Виндавскому вокзалу”. У вокзала свернули в переулок. “Вы меня куда-то хотите завезти”. — “Вы слишком нервничаете, мы завяжем вам глаза”. — “Все равно, я буду по ходу машины знать, куда едем”. Глаза завязали. Наконец, привезли в Перловку, ввели в большую избу, масса вооруженных: “Мы анархисты-индивидуалисты”. И горячо принялись убеждать его, чтобы он не путал их с анархистами-коммунистами. — “Но зачем вы меня привезли?” — “Сейчас отпустим, только обещайте уплатить нам 800 тысяч рублей”. — “У меня их нет”. — “Соберите со знакомых, а то

мы убьем вас”. — “Никто мне не поверит, дайте бумагу”. Они согласились и дали удостоверение за подписью его и комитета. Он сторговался на 100 или 200 тысяч. Они проводили его на железную дорогу. Вернувшись, он обращался к Маршалку, который снарядил экспедицию, и Бари в костюме пастора должен был вести их».

Карл Маршалк, продолжавший еще руководить московским сыском, заручился поддержкой члена ВЦИК А.Г. Рогова, который счел возможным в этом вопиющем случае пренебречь «союзническим» характером анархистов (хотя всю Черную гвардию помножат на ноль ВЧК и латыши только в ночь в 11 на 12 апреля). Перловские дачи были разбросаны в густом сосновом бору и не имели заборов, посему с проводником, а Бари местность эту хорошо знал, большая группа вооруженных людей могла дойти до нужного места незамеченной. «Анархистов-индивидуалистов» повязали без особого сопротивления, и при выяснении личностей оказалось, что инициатором вымогательства был Михаил Булычев. Он оказался за решеткой, и год спустя, как пишут мемуаристы, был «или расстрелян, или погиб в тюрьме».

Вскоре за тем, зимой 1919/1920 г. в Одессе от сыпного тифа умер Евгений Пославский, последний из руководителей «Союза революционных социалистов» и его «народной дружины»...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вишняков 1969 — *Вишняков Н.М.* Ржев: к истории города и района. 1969.

Драбкина 1967 — *Драбкина Е.Я.* Баллада о большевистском подполье. М.: Детская литература, 1967.

Иванова 1956 — *Иванова О.А.* Московское военно-техническое бюро РСДРП (1906–1907 гг.) // Исторические записки. 1956. Т. 55. С. 210–252.

Кантор 1925 — Письма из тюрем (к характеристике царских тюрем периода первой революции) / сообщил Р. Кантор // Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. Москва, 1925. №7 (кн. 20): Революция 1905 года / под общей редакцией Вл. Виленского (Сибирякова). 1925. С. 165–189.

Мазова 1959 — *Мазова Е.А., Узаров И.Ф.* О подпольной типографии ЦК РСДРП в г. Ржеве в период первой русской революции // Исторический архив. 1959. №5. С. 102–127.

Маковеев 1985 — Обратить в пользу для потомков... / публ. М. Маковеева // Новый мир. 1985. №8. С. 195–212; №9. С. 218–236.

Мельгунова 2014 — *Мельгунова-Степанова П.Е.* Дневник. 1914–1920. М.: ООО «Кучково поле», 2014.

Никифоров 1932 — *Никифоров П.М.* Муравьи революции. М.: Издательство «Старый Большевик», 1932.

Серебрянников 2011 — *Серебрянников И.П.* Террористическая деятельность ссыльных революционеров в Восточной Сибири в межреволюционный период (1907–1916 гг.) // Сибирская ссылка: Сборник научных статей / отв. ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). С. 338–355.

Хазиахметов 1979 — *Хазиахметов Э.Ш.* Партийные организации и группы политических ссыльных Сибири (1906 — февраль 1917) // Ссыльные революционеры

в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). Выпуск III. Иркутск, 1979. С. 87–105.

Хазиахметов 1992 — Хазиахметов Э.Ш. «Союз революционных социалистов» (1911–1912 гг.): Из истории политических организаций ссыльных Сибири // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период: межвуз. темат. сб. науч. тр. / Ом. гос. ун-т; [редкол.: А.П. Толочко, В.П. Зиновьев, А.Е. Плотников и др.]. Омск: ОмГУ, 1992. С. 143–154.

Ходаков 1925 — Ходаков Г. Ржевская группа Р.С.Д.Р.П. в 1905 // Ржев в 1905 году : Сборник посвященный 20-летию юбилею событий 1905 г. в г. Ржеве и уезде. [Ржев]: Ржевский уком РКП (б), 1925. С. 5–26, 91–95.

Шевченко 1965 — Шевченко Н. По страницам «Письмовника» // Александр Чапаев и другие / сост. Г.В. Куликовская. М., 1965. С. 162–177.

REFERENCES

Drabkina E.Ia. *Ballada o bol'shevistskom podpol'e*. Moscow: Detskaia literatura, 1967.

Ivanova O.A. Moskovskoe voenno-tekhnicheskoe biuro RSDRP (1906–1907 gg.). *Istoricheskie zapiski*, 1956, vol. 55, p. 210–252.

Khaziakhmetov E. Sh. "Soiuz revoliutsionnykh sotsialistov" (1911–1912 gg.): Iz istorii politicheskikh organizatsii ssyl'nykh Sibiri. *Problemy klassovoi bor'by i obshchestvennogo dvizheniia v Sibiri v dooktiabr'skii period* : mezhvuz. temat. sb. nach. tr., Om. gos. un-t; [redkol.: A. P. Tolochko, V. P. Zinov'ev, A. E. Plotnikov i dr.]. Omsk: OmGU, 1992, p. 143–154.

Khaziakhmetov E. Sh. Partiinye organizatsii i grupy politicheskikh ssyl'nykh Sibiri

(1906 — fevral' 1917). *Ssyl'nye revoliutsionery v Sibiri (XIX v. — fevral' 1917 g.)*. Vypusk III. Irkutsk, 1979, p. 87–105.

Khodakov G. Rzhavskaia grupa R.S.D.R.P. v 1905. *Rzhev v 1905 godu : Sbornik posviashchennyi 20-letnemu iubileiu sobytii 1905 g. v g. Rzeve i uезде*. [Rzhev] : Rzhavskii ukom RKP (b), 1925, p. 5–26, 91–95.

Mazova E. A., Ugarov I. F. O podpol'noi tipografii TsK RSDRP v g. Rzeve v period pervoi russkoi revoliutsii. *Istoricheskii arkhiv*, 1959, no. 5, p. 102–127.

Mel'gunova-Stepanova P.E. *Dnevnik. 1914–1920*. Moscow: OOO "Kuchkovo pole", 2014.

Nikiforov P.M. *Murav'i revoliutsii*. Moscow: Izdatel'stvo "Staryi Bol'shevik", 1932.

Obratit' v pol'zu dlia potomkov... publ. M. Makoveeva. *Novyi mir*, 1985, no. 8, p. 195–212; no 9, p. 218–236.

Pis'ma iz tiurem (k kharakteristike tsarskikh tiurem perioda pervoi revolitsii), soobshchil R. Kantor. *Katonga i ssylka: istoriko-revoliutsionnyi vestnik*. Moskva, 1925. №7 (kn. 20): Revoliutsiia 1905 goda, pod obshchei redaktsiei Vl. Vilenskogo (Sibiria-kova), 1925, p. 165–189.

Serebriannikov I.P. Terroristicheskaia deiatel'nost' ssyl'nikh revoliutsionerov v Vostochnoi Sibiri v mezhrevoliutsionnyi period (1907–1916 gg.). *Sibirskaiia ssylka*: Sbornik nauchnykh statei, otv. red. A. A. Ivanov, S. I. Kuznetsov, B. S. Shostakovich. Irkutsk: Ottisk, 2011. Vyp. 6 (18), p. 338–355.

Shevchenko N. Po stranitsam "Pis'movnika". *Aleksandr Chapaev i drugie*, sost. G. V. Kulikovskaia. Moscow, 1965, p. 162–177.

Vishniakov N.M. *Rzhev: k istorii goroda i raiona*. 1969.

Н. С. Жирова

ВРЕМЯ КОМИНТЕРНА

Рец.: Время Коминтерна: материалы междунар. научных конференций к 100-летию Коммунистического Интернационала / Гос. публ. ист. биб-ка России, ист. фак. МГУ им. В. М. Ломоносова; науч. ред.: О. С. Поршнева; сост.: Е. Н. Струкова, К. Б. Харитонов. М., 2020. 352 с.

Рецензируется сборник по материалам конференций к 100-летию Коминтерна.

Ключевые слова: Коминтерн, большевизм, революция 1917 г. в России, марксизм, мировое коммунистическое движение.

Сведения об авторе: Жирова Надежда Сергеевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь (Липецк).

Контактная информация: nadezdalip@yandex.ru.

N. S. Zhirova

THE TIME OF COMINTERN

Rev.: Vremia Kominterna: materialy mezhdunar. nauchnykh konferentsii k 100-letiiu Kommunisticheskogo Internatsionala, Gos. publ. ist. bib-ka Rossii, ist. fak. MGU im. V. M. Lomonosova; nauch. red.: O. S. Porshneva; sost.: E. N. Strukova, K. B. Kharitonov. Moscow, 2020. 352 p.

A collection of materials from conferences dedicated to the 100th anniversary of the Comintern is reviewed.

Key words: Comintern, Bolshevism, revolution of 1917 in Russia, Marxism, world communist movement.

About the author: Zhirova Nadezhda S., candidate of historical sciences, independent researcher (Lipetsk).

Contact information: nadezdalip@yandex.ru.

© Н. С. Жирова, 2021
DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-282-286

2019 г. является юбилейным для международной организации, ставшей одним из символов XX в. и оставившей крайне противоречивый след в отечественной и всеобщей истории. Речь идет о III Коммунистическом интернационале (Коминтерне), «штабе мировой революции», созданном в Москве в 1919 г.

В год столетнего юбилея Коминтерна в нашей стране прошло несколько научных конференций, преследовавших цель рассмотреть события недалекого прошлого с учетом доступных в настоящее время архивных материалов. Данный сборник — «Время Коминтерна» — вобрал в себя материалы двух из них: «Пярых Рязановских чтений», проведенных Государственной публичной исторической библиотекой 25–27 марта, и «Образование Коминтерна: исторические легенды и научные оценки», состоявшейся на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 20 марта.

Сборник «Время Коминтерна» состоит из 28 статей, объединенных задачей раскрыть перед читателем как историю самого III Интернационала, так и, в возможных пределах, образ эпохи, которая породила эту международную организацию. Эпохи, в которую жили и боролись за свои идеалы сторонники и противники идеи коммунизма.

Первая часть, «Курс на мировую революцию!», посвящена I и II конгрессам Коминтерна, а также образу и судьбе их участников. Открывает ее статья сотрудника Фонда имени Розы Люксембург, к.ф.н. В. Хеделера «Основатели Коммунистическо-

го интернационала». Автор обратил внимание на сложности в проведении учредительного конгресса, в частности, проблему представительства зарубежных компартий и имевшее место мнение отдельных участников о несвоевременности создания нового Интернационала. А. Ю. Ватлин, д.и.н., профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, в статье «Второй конгресс Коминтерна: взгляд делегатов» осветил оценки и мнения участников рассматриваемого события в сравнении с целенаправленным Москвой. Большевики проводили II конгресс, надеясь сделать его участников «убежденными офицерами будущей армии “мировой гражданской войны”» (с. 30), однако столкнулись с серьезной оппозицией в лице ряда иностранных делегатов, которая не преодолевалась путем компромисса, а подавлялась авторитетом хозяев мероприятия. В результате, по обоснованному мнению автора, II конгресс Коминтерна стал «символом исторической альтернативы», упущенной возможностью создания «международного движения социалистических сторонников Октябрьской революции» (с. 31). В статье В. А. Ермакова, к.и.н., доцента Московского государственного областного университета, поднимается проблема отношения большевиков к парламентаризму. Ермаков убедительно доказывает, что, при уверенности многих коммунистов в несостоятельности парламентской борьбы, для завоевания власти они не отрицали данную тактику полностью, а старались адаптировать ее под нужды коммунистического движения в условиях стабилизации положения в мире. З. М. Рубинова проанализировала фотохронику

II конгресса Коминтерна, выделяя особенности творчества репортеров того периода, а С. М. Исхаков и И. А. Суздальцев сконцентрировали внимание на персоналиях участников первых конгрессов III Интернационала. На наш взгляд, большим украшением последних двух статей могли бы стать фотографии деятелей международного коммунистического движения, о работе и судьбе которых поведали исследователи.

Вторая часть, перекликающаяся с названием сборника, «Время Коминтерна», ставит перед собой задачу определить те международные условия, в которых деятелям Коминтерна предстояло работать, а также восстановить историческую память и привести современные оценки тех лет. Статьи этого раздела посвящены различным вопросам, в частности, анализу событий 1918–1919 гг. как части всемирной революционной борьбы с акцентом на деятельность анархо-синдикалистов (статья В. Дамье), проблемам коммунистического движения и становления фашистской диктатуры в Италии (А. Федоров), философским концепциям А. Грамши (В. Михайленко), использованию Коминтерном памяти о Первой мировой войне в целях пропаганды своих идей (О. Поршнева), сопоставлению исторических оценок революции 1918–1919 гг. в Германии и Австрии в настоящее время (А. Головлев) и т. д. При этом в статьях присутствуют своеобразные суждения и мнения, причем некоторые из них являются нетипичными для современного исторического мейнстрима. Например, к.и.н. Г. Монте представляет Коминтерн как силу, служившую защите демократии

в Европе. Доцент кафедры истории России XX–XXI вв. МГУ имени М. В. Ломоносова к.и.н. А. Остапенко рассматривает Октябрьскую революцию и большевизм сквозь призму взглядов политического оппонента большевиков — одного из лидеров партии эсеров Бориса Савинкова, отмечая не только верные, но и ошибочные взгляды своего героя, например, приписывание большевизму как системе политических взглядов чисто европейское происхождение.

Во второй части присутствуют статьи, которые, на первый взгляд, выпадают из общей канвы сборника: работы, посвященные зарубежным командировкам советских ученых в 1920-е гг. (Е. Долгова), истории ШКИД имени Ф. М. Достоевского (Н. Железова), экспериментам по омоложению, проводимым французским хирургом русского происхождения С. А. Вороновым (В. Слискова). Однако данные статьи как нельзя лучше иллюстрируют эпоху Коминтерна — время, в котором переплелись и тяжелые испытания, и смелые идеи, и надежды на светлое общее будущее.

Третья часть, «Коминтерн: деятельность, организации, судьба участников», концентрирует внимание на роли III Интернационала в работе отдельных партий и на судьбе конкретных людей. И здесь авторы обращают взор на темную сторону Коммунистического интернационала. Отсутствие гибкости политики Коминтерна в отношении своих секций, недостаточный учет социально-экономической и политической ситуации на местах, абсолютизация опыта большевиков — все это при-

водило к тому, что «штаб мировой революции» нередко навязывал руководству местных компартий несвоевременные или откровенно неадекватные решения, которые заканчивались крушением планов и гибелью людей. Все эти тенденции убедительно проиллюстрированы в работах В. Любина, А. Щелчкова, Т. Зазерской на примере деятельности коммунистических партий Италии, Бразилии и Латвии. Вместе с этим статья к.и.н. из РГУ Т. Зазерской поднимает такую страшную проблему, как политические репрессии, которые не только оборвали судьбы конкретных людей, но и привели к ликвидации партии накануне «инкорпорации Латвии в состав СССР», когда в этой организации имелась политическая необходимость (с. 235). Данный вопрос находит отражение и в статье доктора искусствоведения, профессора С. Червонной, которая рассмотрела повседневную жизнь работников польско-литовской секции Коминтерна в русле истории дома, предназначенного для их проживания. В свою очередь главный специалист РГАСПИ, к.и.н. А. Баканов провел обзор документов Компартии Западной Украины, содержащихся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории. Эти документы, как отмечает автор, хотя и не дают возможности подробно рассмотреть историю данной организации, проливают свет на отдельные важные стороны ее деятельности.

Отдельным смысловым блоком третьей части являются статьи, посвященные деятелю российского революционного и профсоюзного

движения, выдающемуся марксоведу Д.Б. Рязанову. В своих статьях авторы предприняли обзор материалов о научной и организаторской деятельности Рязанова в фондах Архива РАН (М. Киселев), провели сопоставление взглядов Рязанова и Г.К. Дерман на организацию и деятельность научной библиотеки (Н. Соколова), а также затронули особенности личности самого Рязанова, которые оказали большое влияние на его политическую деятельность. В последнем случае автор статьи, д.и.н., профессор Череповецкого государственного университета О. Солодянкина сконцентрировала внимание, прежде всего, на человеческих качествах Давида Борисовича, хотя в отдельных случаях (например, противостояние Рязанова и Ленина) рациональнее было бы рассмотреть их в комплексе с анализом позиций и взглядов оппонентов.

Четвертая, заключительная часть сборника, «История в здании. Здание в истории», объединила статьи темой сохранения исторического наследия Коминтерна. В частности, профессор РГСУ д.и.н. Н. Старостенков пишет о многогранности влияния музея III Интернационала на студентов как в научно-исследовательском плане (привлечение учащихся к формированию фонда экспонатов), так и в вопросах политического и личного воспитания молодежи. Сотрудники Центра социально-политической истории ГПИБ: Е. Белошицкая провела интересное исследование конкретного комплекса зданий, имевших отношение к Коминтерну, по мемуарной литературе лиц, работавших в них, а Е. Струкова и И. Новиченко составили обзор источников

и литературы из фондов ГПИБ, включая его электронные ресурсы, что особенно полезно и важно для студентов и аспирантов, только вступающих на путь изучения III Коммунистического интернационала.

Стоит отметить, что сборник научных статей «Время Коминтерна» в целом иллюстрирует положительную тенденцию в современной историографии международного коммунистического движения. Особенности политического и социально-экономического развития нашей страны в последние десятилетия наложили неизгладимый отпечаток на данный процесс. Мы получили множество научных работ, которые содержат политически ангажированные однобокие оценки сложного периода XX в., в которых голое морализаторство подменяло собой анализ мировой обстановки, причинно-следственных связей, целей и задач различных политических лидеров, того, чем они были обусловлены. Все это оказало влияние как на пре-

подавание истории XX в. в школах, а также средних профессиональных и высших учебных заведениях, так и на сугубо отрицательный образ левого движения в представлении обывателей. Сейчас данная тенденция начала медленно преодолеваться. Авторы рассматриваемого сборника подошли к своим темам с позиции объективности, отмечая как отрицательные, так и положительные стороны работы Коминтерна и его отдельных деятелей, с уважением к их благим целям и проявленному героизму, с адекватной критикой негативных проявлений в политике этой международной организации.

Сборник статей и материалов «Время Коминтерна» занимает достойное место среди новых научных публикаций, посвященных истории III Интернационала, и будет очень полезен любому человеку, пожелавшему подробнее узнать о международной организации, продвигавшей в XX в. альтернативный путь развития России и мира в целом.

А. А. Агапова

Рец.: Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / под ред. В. С. Ржеуцкого и др. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 492 с. (Серия: Historia Rossica)

Рецензируется коллективный труд, посвященный идеалу воспитания дворянства в Европе XVII–XIX вв.

Ключевые слова: европейская дворянская культура, эпоха Просвещения, культура Просвещения в Европе и России, история педагогики, модели обучения.

Сведения об авторе: Агапова Анна Алексеевна, студентка 2-го курса магистерской программы «История современного мира» НИУ ВШЭ (Москва).

Контактная информация: agapowaanya@yandex.ru.

A. A. Agapova

Rev.: Ideal vospitaniia dvorianstva v Evrope: XVII–XIX veka, pod red. V. S. Rzhеut'skogo i dr. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 492 p. (Serii: Historia Rossica)

The collective work is reviewed whose subject is the ideal of the education of the nobility in Europe in the 17th–19th centuries.

Key words: European noble culture, the Age of Enlightenment, the culture of the Enlightenment in Europe and Russia, history of pedagogy, teaching models.

About the author: Agapova Anna A., 2nd year student of the Master's program "History of the Modern World" of the Higher School of Economics (Moscow).

Contact information: agapowaanya@yandex.ru.

Опыт прошедших полутора лет выдвинул новые требования к академическому взаимодействию и до некоторой степени поставил под сомнение традиционные формы презентации результатов исследований. Публикация материалов конференции традиционно отличается от формата самого

мероприятия монологичностью высказывания авторов статей. Как правило, вопросы к докладчикам и круглый стол не попадают в сборник, что вызывает два взаимосвязанных вопроса: о научной значимости обсуждения и о концептуализации сборника. И здесь не избежать вопроса: в какой

мере способствует конференция производству нового знания или обнаружению новых проблем, достойных вынесения на обсуждение? Другой вопрос: можно ли подходить к анализу сборника, объединенного одной темой, как к целостному произведению, или выводы каждого автора ограничены предметом только его статьи?

Как нам кажется, эти вопросы могут быть адресованы и составителям сборника «Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века», статьи в котором — это доклады одноименной конференции, проведенной в Германском историческом институте в 2014 г. Семь европейских и девять российских сюжетов распределены по секциям в соответствии с предметной областью исследований, однако повторяет ли такой принцип порядок выступлений на конференции, остается непонятным. Во введении авторы прослеживают общие тенденции в изменении социального состава и экономического положения дворян в Европе на протяжении XVIII — первой четверти XIX в., которые отразились на интересах служилого сословия относительно содержания образования. Предисловие или заключение для каждой секции, резюмирующее обсуждение на конференции, могло бы обосновать структуру сборника и стать связующим элементом между выводами авторов и общими наблюдениями во введении.

Соотношение воспитания и образования в дискурсе Просвещения определяется тем, что воспитание не только предшествует обучению, но и сопровождает его, являясь усло-

вием разумного применения знаний в обществе. Внимание к частным стратегиям — отличительная черта данного сборника, чьи составители — Владимир Берелович, Владислав Ржеуцкий и Игорь Федюкин — предлагают параллельное прочтение образовательного опыта дворян в разные временные периоды и в различных странах. Сборник открывает статья А. Брютер о формировании двух концепций воспитания дворянина во Франции — такой порядок кажется обоснованным, поскольку образовательная стратегия русских семей была обращена прежде всего к французской культуре. Сравнение образа двух социальных групп — дворянства «мантши» и дворянства «шпаги» — позволяет задаться вопросом, в чем состояла российская специфика воспитания детей служилого сословия относительно французского прототипа.

Знакомство читателя данного сборника с микроисторическими исследованиями расширяет представление об эпохе Просвещения в России, традиционно описываемой как односторонний процесс рецепции европейских источников. Участие иностранцев в вестернизации посредством образования было ощутимым уже во второй половине XVIII ст., когда дворяне начали «оседать» в своих имениях после отмены обязательной военной службы в 1762 г. Поскольку в России отсутствовал институт подготовки педагогов из числа российских подданных, влияние иностранцев стало предметом беспокойства и законодательного регулирования со стороны правительства¹. Указ

¹ Подробнее: (Молодяков 2019).

Сената от 5 мая 1757 г. обязал иностранных претендентов на преподавание получать разрешение Исторического собрания Академии наук или Московского университета. На практике губернёр и родитель могли выстраивать собственную программу, исходя не только из финансовых возможностей, но из кругозора и амбиций заказчика. Виктория Фреде исследует «сентименталистский поворот» в программе воспитания на примере отношений Павла Строганова и губернёра Жюльбера Рома, который корректировал учебный процесс с отцом, А. С. Строгановым. О другой попытке правительства уже в XIX в. установить контроль над иностранцами напоминает Д. Редин в анализе произведения В. А. Соллогуба «Таранас. Путевые впечатления» (1845 г.). Так, в 1841 г. специальный Комитет разрабатывал финансовые и административные меры по ограничению приезда «бесполезных и вредных иностранцев»², где речь шла о людях, «достижения» которых на ниве Просвещения в России не раз были описаны в русской литературе того времени.

Наличие местных центров просвещения в южных губерниях Российской империи компенсировало географическую и социально-политическую дистанцию со столицей. На материале воспоминаний и сведений о домашних библиотеках Л. Посохова описывает, как в течение XVIII ст. формировалась традиция классического образования украинской казацкой элиты, отличная от франкоориентированных моделей обучения российского дво-

рянства. В подтверждение тезиса о роли политического фактора в образовательных стратегиях автор упоминает о некоем запрете в 1761 г. малороссийским дворянам поступать в санкт-петербургский кадетский корпус, причем он ссылается не на соответствующий законодательный акт, а на работу дореволюционного историка Д. Миллера (с. 50). Похожий указ Сената от 28 августа 1761 г. действительно был упомянут в наказе от шляхетства Стародубья в Уложенную комиссию 1767–1774 гг. (Сб. РИО 1889: 190), тем не менее нам не удалось найти текст этого запрета в опубликованных документах. Поскольку обратиться к архивам пока не представляется возможным, мы отсылаем к статье Я. Лазарева, где автор привел вероятный источник (Лазарев 2020: 272).

С помощью сравнительного анализа образовательных планов А. Брусски продемонстрировала, что постепенный переход учебных заведений к преподаванию на национальных языках в XVIII в. был обусловлен потребностями времени. Традиционное образование на латыни не отвечало современным запросам на получение знаний в области фортификационного, инженерного, морского дела, дипломатии и др. Не менее важно и то, что использование родного языка было актуально в контексте развития бюрократического аппарата и совершенствования системы управления, основанной на отлаженной технологии делопроизводства. Статьи И. Федюкина, О. Хавановой и К. Синдони посвящены выработке стандарта образовательных страте-

² См., например: (ГА РФ; Сидорова, Щербакова 2003; Мильчина 2017: 97–99).

гий в дворянских учебных заведениях. Несмотря на то, что подобные исследования, основанные на официальных документах, как правило, не позволяют реконструировать восприятие учебного процесса воспитанниками и преподавателями, анализ содержания учебных дисциплин может сообщить нам о ценностных установках как правительства, которому в конечном счете подчиняется заведение, так и семей учащихся. С другой стороны, М. Лавринович прослеживает, как модель воспитания гувернанток в Московском воспитательном доме в первой четверти XIX в. в России транслировалась на практике в дворянские семьи. Обеспечение женщинами преемственности в ценностных установках дворянства продемонстрировала также В. Фиорелли. Примечательно, что авторы не затрагивают вопрос секуляризации образования и соотношение религиозного и светского воспитания в эпоху Просвещения.

Поскольку статьи контекстуально представляют очень разные эпизоды образовательных практик, это затрудняет наше представление о формировании какого-либо идеала воспитания, универсального или национального, в Европе в XVII–XIX вв. В результате идеал как предмет изучения представлен едва ли только у А. Брютер. Другой, нетривиальный, пример конструирования образцового опыта описан в статье Ж.-Л. Ле Кама, посвященной надгробным биографиям и проповедям, которые были направлены на воспитание ценностных ориентаций в данной социальной группе. Во всех остальных случаях авторы демонстрируют скорее поиск и процесс

выработки концепции воспитания в учебных заведениях или домашнем образовании.

На наш взгляд, редакции лишь отчасти удалось привести тезисы исследований к общим заключениям. Введение как «точка сборки» хоть и дает социально-экономический контекст проблематики дворянского образования, но не фиксирует итоги конференции, поэтому остается непонятным, что, кроме текста докладов, связывает их обсуждение и публикацию, его не включающую. Мы надеемся, что вопрос о формате сборника, призванного концептуально объединить различные сюжеты для читателя, не покажется праздным и станет отправной точкой в поиске новых способов взаимодействия в научном сообществе.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. 126. Д. 149. 1841 г.

ПСЗ РИ — Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. III. № 2502; Т. IX. Ч. 1. № 6928, 7240; Т. X. Ч. 1. № 8253.

Сб. РИО 1889 — Сборник Императорского русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1889. Т. 68.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Лазарев 2020 — Лазарев Я. Культурные механизмы интеграции украинской казацкой элиты в общеимперское дворянство // *Quaestio Rossica*. Екб., 2020. Vol. 8. № 1.

Мильчина 2017 — Мильчина В. А. «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М., 2017.

Сидорова, Щербакова 2003 — Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России. По материалам III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Петербург — место встречи с Европой: материалы IX Царскосельской научной конференции. СПб., 2003. С. 303–316.

REFERENCES

Lazarev Ia. Kul'turnye mekhanizmy integratsii ukrainskoi kazatskoi elity v ob-

shcheimperskoe dvorianstvo. *Quaestio Rossica*. Ekaterinburg, 2020, vol. 8, no. 1.

Mil'china V.A. *"Frantsuzy poleznye i vrednye": nadzor za inostrantsami v Rossii pri Nikolae I*. Moscow, 2017.

Sidorova M.V., Shcherbakova E.I. Nabludenie za inostrantsami v Rossii. Po materialam III Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii. *Peterburg — mesto vstrechi s Evropoi: materialy IX Tsarskosel'skoi nauchnoi konferentsii*. St. Petersburg, 2003, p. 303–316.

Т. Г. Биткова

СОВЕТСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ПОСЛЕВОЕННОЙ РУМЫНИИ: ВЫВОДЫ ИСТОРИКОВ И ПАМЯТЬ ОБЩЕСТВА

В статье излагается общий ход событий в послевоенной Румынии в ракурсе мнений и интерпретаций румынских авторов. Опираясь на архивные источники, они подчеркивают, что переход общества от режима военной диктатуры Антонеску к социализму сталинского типа проходил при патронаже советских спецслужб и под руководством компартии, которая в прошлом не имела значительного влияния в обществе. Главным механизмом этой трансформации были преследования и репрессии. Борьба внутри политической элиты до середины 1950-х гг. проходила также при непосредственном участии Кремля. Либеральная политическая линия, начатая Хрущевым, стала мотором новых процессов в «социалистическом лагере» в целом, а руководству румынской компартии на этой волне удалось уйти от жесткой советской опеки, что тщательно образом прослеживается в работах румынских историков.

Ключевые слова: Румыния, Советский Союз, компартия, политическая система, реформы, репрессии, сопротивление, независимость.

Сведения об авторе: Биткова Татьяна Григорьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва).

Контактная информация: tgbitkova@mail.ru.

T. G. Bitkova

SOVIET PRESENCE IN POST-WAR ROMANIA: CONCLUSIONS OF HISTORIANS AND THE MEMORY OF SOCIETY

The article describes the general course of events in post-war Romania from the perspective of the opinions and interpretations of Romanian authors. Based on archival sources, they emphasize that the transition of society from the regime of the military dictatorship of Antonescu to socialism of the Stalinist type took place under the patronage of the Soviet secret services and under the leadership of the Communist Party, which in the past had no significant influence in society. Persecution and repression were the main mechanisms of this transformation. The struggle within the political elite until the mid-1950s also took place

© Т. Г. Биткова, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-292-308

with the direct participation of the Kremlin. The liberal political line launched by Khrushchev became the engine of new processes in the "socialist camp" as a whole, and the leadership of the Romanian Communist Party on this wave managed to get away from the strict Soviet tutelage, which is carefully traced in the works of Romanian historians.

Key words: Romania, Soviet Union, Communist Party, political system, reforms, repression, resistance, independence.

About the author: Bitkova Tatiana G., candidate of philological sciences, Senior Researcher Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION RAS) (Moscow).

Contact information: tgbitkova@mail.ru.

Аналитическую информацию о событиях, происходивших в послевоенной Румынии, вплоть до падения режима Чаушеску можно было почерпнуть лишь из западных источников, которые не были доступны широкой публике. Только в индивидуальной и семейной памяти сохранялись сведения о том, что пережили тогда отдельные люди, оказавшиеся в ситуации смены политических режимов.

Работы зарубежных авторов, а ими, как правило, были в прошлом румынские граждане, покинувшие родину по политическим мотивам, становятся фактором, влияющим на общественное сознание, лишь в 1990-е гг. В это же время издаются труды и тех, кто, оставаясь в эпоху коммунизма на родине, не мог донести до читателя результаты своих исследований из-за цензурных препятствий. Однако большая часть опубликованного в стране с начала 1990-х гг. — это работы новые, как, например, «Краткая история Румынии» И. Булея, рассчитанная на широкий круг читателей и переведенная на несколько европейских языков. Анализ послевоенного периода присутствует и в многочисленных коллективных трудах, охватывающих историю страны в целом. Обширный том —

«История Румынии» (координаторы издания — И. Болован, И.-А. Поп) — вышел также в русском переводе.

Исследования эмигрантов (в том числе эмигрантов «внутренних») представляют особый интерес: их выводы зачастую эмоциональны, они выстраданы сложным опытом выживания в непростых обстоятельствах. Одним из немногих, кто пытался внутри страны открыто противостоять режиму, был историк Влад Джорджеску. Он занимался правозащитной деятельностью и не желал уезжать на Запад, но все же в 1979 г. вынужден был покинуть страну. Джорджеску — автор многих серьезных исторических исследований. В 1981 г. в Мюнхене выходит его книга «Политика и история: Случай румынских коммунистов, 1944–1977», другой его труд, «История Румынии», впервые был издан в США в 1984 г. Обе работы содержат пристальный анализ развития послевоенной Румынии. Лишь год не дожил Джорджеску до декабря 1989 г. В СМИ писали, что смерть его не была, скорее всего, естественной: к этому приложили руки румынские спецслужбы.

Другой диссидент, журналист и писатель Виктор Фрунзе, был выдворен

из страны в 1980 г. после опубликования агентством «Рейтер» его критического письма с оценками режима Чаушеску. В 1990-е гг. в солидном переплете выходит объемный труд В. Фрунзе «История коммунизма в Румынии», который состоит из двух работ, а в качестве издателя выступил сам автор. Первая из этих работ — «История сталинизма в Румынии» — была написана в эмиграции еще до падения режима Чаушеску и впервые опубликована в 1984 г. в Дании под названием «История Румынской коммунистической партии». Вторая — «Расстрелянная революция или РКП после 22 декабря 1989 года» — была издана в Бухаресте в 1994 г.

После революции выходит в свет и привлекает внимание публики литературно-политологическое эссе критика Марина Ницеску «Под знаком пролеткульта. Диалектика власти» (1995). На протяжении всей жизни автор отрицал ценность литературы социалистического реализма, открыто критикуя авторов, шедших на компромиссы с властью. Упомянутая книга — это две отдельных работы с разной судьбой. Первая с 1979 г. находилась в издательстве, но так и не вышла в свет при жизни Ницеску. Будучи очень больным человеком, он положил много сил и здоровья для ее продвижения к читателю. Всего полгода не дожил Ницеску до падения режима Чаушеску.

Вторая книга, очень злая и едкая — из письменного стола критика.

Наиболее тщательными и глубокими представляются труды историка и политолога Владимира Тисмэняну, который уже четыре десятилетия изучает свою бывшую родину, проживая в США. Изданные первоначально за рубежом, его работы несут акцент своеобразного просветительства, будучи ориентированными на западного читателя; в силу этого им не чужд и некий пропагандистский оттенок. Будучи из семьи профессиональных деятелей коммунистического движения, переживших все перипетии своего времени, он, без сомнения, обладал большим объемом сведений, которые были недоступны широкой публике¹. Окончив Бухарестский университет, Тисмэняну делал успешную карьеру, занимался социологией, защитил диссертацию и часто публиковался. Короткое время был лектором ЦК комсомола. Однако в 1981 г., находясь в туристической поездке в Испании, он просто не вернулся домой.

В посткоммунистической Румынии аналитические работы Тисмэняну как о недавнем прошлом, так и о настоящем стали весьма востребованными. Много раз переиздавался его труд «Сталинизм навсегда: История румынского коммунизма», широкую известность получили книги «Архео-

¹ Его отец Леонид Моисеевич Тисменецкий, уроженец бессарабского г. Сороки, был ветераном коммунистического подполья в межвоенной Румынии. Участник войны в Испании, где потерял на фронте правую руку. Во время Второй мировой войны работал в Москве в редакции радиовещания на Румынию вместе с другим бессарабцем, Львом Ойгенштейном (в будущем Леонте Рэуту, одним из главных идеологов режима Чаушеску). Командированный в 1948 г. строить социализм в Румынии, Тисменецкий получил известность как Леонте Тисмэняну, видный аппаратчик в системе агитпропа, заведовал кафедрой марксистской философии в Бухарестском университете. Исключался из партии по обвинению в ревизионизме, однако был восстановлен и в эпоху Чаушеску работал издательским редактором (*прим. отв. редактора ИЭ*).

логия террора» (1992), «Призрак Георгиу-Дежа» (1996, 2008).

В постчаушистской Румынии изучение предшествующего периода истории было признано задачей национально-государственного значения. Сразу после 1989 г. был открыт Культурный фонд «Мемориал», основателем которого стал писатель Бану Рэдулеску — сам бывший политзаключенный (1948–1954). Фонд ставит своей целью повышение осведомленности граждан о преступлениях и злоупотреблениях прошлого. Он печатает и размещает в Интернете мемуары о тюрьмах и депортациях, о партизанском сопротивлении коммунистическому режиму. Фонд выпускает периодическое издание «Память — журнал арестованной мысли», которое посвящено свидетельствам бывших политзаключенных и издается под эгидой Союза писателей Румынии. Первый выпуск журнала вышел еще в 1990 г.

Важным направлением переоценки прошлого стало изучение засекреченных прежде архивов и введение новых документов в научный оборот. В апреле 1993 г. был учрежден Национальный институт по изучению тоталитаризма (INST). Цель его работы — сбор, архивирование, исследование и публикация документов, связанных с различными формами тоталитаризма в Румынии, и не последнее место в изучении этой темы занял послевоенный период. Директор-основатель института историк Раду Чучану (р. 1928 г.) был членом,

а позже входил в руководящее ядро Национального движения сопротивления Олтении², которое противодействовало «советской оккупации». С 1948 по 1963 г. он провел в заключении, позже занимаясь преимущественно археологией.

Институт издал много ценных архивных материалов, в частности, «Репрессивные механизмы в Румынии 1945–1989 гг. Биографический словарь». Первый том (А — С) опубликован в 2001 г., последний том (Т — Z) вышел в 2011 г. С 1993 г. на постоянной основе издается журнал «Архивы тоталитаризма».

В рамках института образован Центр российских и советских исследований, который регулярно организует научные мероприятия, посвященные важным моментам истории России и Советского Союза. Среди его публикаций — сборники архивных документов «Г. Георгиу-Деж Сталину. Стенограммы, записи переговоров, воспоминания» (Gh. Gheorghiu-Dej 2012), работа В. Буги «Горячее лето румыно-советских отношений. Переговоры в Москве в июле 1964 г.» (Buga 2012). Румынские историки работают также и в российских архивах.

С 1999 г. в Румынии функционирует Национальный совет по изучению архивов службы Секуритате. Им руководит Коллегия из 11 парламентариев, избираемых сроком на 6 лет. Формально эта структура предоставляет всем желающим доступ к архивам после соответствующего запроса³.

² Историческая область на юго-западе Румынии (*прим. авт.*).

³ Избрание членов этого органа сопровождалось в период правления президента Т. Бэеску скандалами, ибо прямой доступ к архивам мог использоваться для политической дискредитации оппонентов (*прим. авт.*).

В 2009 г. в Румынии был учрежден Институт по расследованию преступлений коммунизма и памяти румынского изгнания, объединивший два учреждения — Национальный институт памяти румынского изгнания (2004) и Институт по расследованию преступлений коммунизма (2005). Директором этого объединенного института в течение некоторого времени был В. Тисмэняну, не порвавший тесных связей с родиной.

С 2010 г. под эгидой Ассоциации памяти жертв коммунизма функционирует Центр по расследованию преступлений коммунизма, возглавляемый историком, эссеистом и поэтом Мариусом Опрей, тема диссертации которого была «Роль и эволюция службы Секуритате (1948–1964)».

Некоторые из организаций такого рода существуют на средства спонсоров, в том числе из-за рубежа. Например, Центр по расследованию преступлений коммунизма — это частное учреждение (НПО), независимое от румынского государства, финансирует его Фонд Конрада Аденауэра.

Сегодня по работам румынских историков и многочисленным мемуарам можно проследить буквально день за днем весь путь трансформации государственно-политического устройства королевской Румынии, имевшего в 1940–1944 гг. форму военной диктатуры Антонеску, в коммунистический режим советского типа. Если резюмировать содержание и выводы исследований, то в первую очередь выделяется их антисоветский пафос. Основную

вину за негативные явления в послевоенном развитии Румынии все авторы возлагают на сталинское руководство, которое с помощью собственных спецслужб и зависимых от Москвы местных коммунистов препятствовало независимому развитию Румынии, насаждая посредством репрессий и с помощью своих советников, командированных во все государственные учреждения Румынии, советский тип общественного устройства. Советизация, как полагают румынские историки, искажила самую суть и особенности национальной культурно-исторической, политической и экономической традиции, наиболее ярко проявившейся, по их мнению, в межвоенный период.

«События 23 августа 1944 г. означали, помимо разрыва со странами “оси” и устранения Антонеску, вступление Румынии в сферу советского влияния. Последовавший за этим период стал одним из самых драматичных этапов в истории румынского народа, когда при поддержке Красной Армии и при участии коммунистов был установлен политический и экономический режим, означавший подчинение Румынии ее восточному соседу» (История Румынии 2005: 591).

Характерным является также упрек в адрес западных держав, которые, как повторяется неоднократно, оставили Румынию на милость советской стороне, преследуя свои собственные интересы в политическом торге с Советским Союзом. «Была ли Румыния сознательно отдана русским?» — задает вопрос В. Джорджеску и делает вывод, что еще со времени каирских встреч представителей румынской оппозиции с западными эмиссарами

в 1943 г. стало ясно, что «американцы не примут плана высадки на Балканах по военным соображениям, англичане же признали преобладающую роль Москвы в отношении Румынии из политического реализма» (Georgescu 1995: 246–247).

Как неоднократно подчеркивалось румынскими историками, западные державы устроили на Ялтинской встрече торг, вина за который возлагается на них до сих пор. Но даже если бы этого не было, Запад не располагал средствами, чтобы остановить «неуклонное сползание Восточной Европы, в том числе и Румынии, под пяту Москвы», полагает Джорджеску (Ibid.: 247).

Модель завоевания румынскими коммунистами власти вписывалась в общий восточноевропейский контекст. Вначале коммунистическая партия поддерживала политику левых коалиционных правительств, внутри которых постепенно усиливала свое влияние, затем при советской поддержке и путем устрашения ей удавалось устранить противников. Однако на пути к власти у румынских коммунистов проявлялась и своя специфика. «В отличие от компартий других восточноевропейских стран, румынские коммунисты не могли сослаться на какие-либо заслуги в организации антифашистского сопротивления. Безусловно, многие деятели компартии провели долгие годы в заключении⁴, но никто из них не пользовался авторитетом

в масштабах всей страны. В целом населению Румынии были свойственны антикоммунистические настроения» (История Румынии 2005: 594). Таким образом, специфика состояла в том, что компартия, не имея за своими плечами ни опыта организации антифашистского сопротивления, ни сколько-нибудь массовой поддержки своих идей в обществе, могла рассчитывать исключительно на поддержку Москвы. Только благодаря ей коммунисты под руководством Г. Георгиу-Дежа, освобожденного из заключения сразу после прихода Красной армии, сумели противостоять дезориентированной и разделенной оппозиции, а партийной пропаганде удалось с помощью реформистских лозунгов и обещаний привлечь на свою сторону часть рабочих и крестьян.

Важным инструментом становления нового режима стали репрессии, проводившиеся службой Секуритате. Эта тема является наиболее востребованной в исторических исследованиях интересующего нас периода. Официально Секуритате была учреждена 30 августа 1948 г. как департамент госбезопасности Министерства внутренних дел. По сути же она начала действовать сразу после 23 августа 1944 г., когда в МВД началось массовое внедрение коммунистов. Сама Секуритате была создана подразделением НКВД СМЕРШ, чтобы заменить старые спецслужбы структурами советского типа. Подразделение СМЕРШ в Румынии называлось

⁴ Румынская компартия, подчеркивают сегодня, причем в данном случае справедливо, румынские историки, была незначительной нелегальной группировкой на протяжении большей части межвоенного периода, находясь при этом под прямым контролем Коминтерна. В течение 1930-х гг. большинство ее активистов были либо заключены в тюрьмы, либо укрывались в СССР, что и привело к созданию конкурирующих фракций после 1944 г. (прим. авт.).

Мобильной бригадой и до 1948 г. возглавлялось Александром Никольским (Alecsandru Nicolschi, он же — полковник НКВД Борис Грюнберг).

Должность директора Секуритате занял верный сподвижник Георгиу-Дежа Георге Пинтилие, резидент ОГПУ и НКВД в Румынии. Из его профессиональной деятельности известен тот факт, что по приказу своего начальника Александра Никольского он еще в 1946 г. лично уничтожил видного деятеля румынской компартии Штефана Фориша⁵, забив его ломом.

Еще в тот, первоначальный, период в Румынии были развернуты лагеря для политзаключенных, предназначенные для легионеров — деятелей националистической Железной гвардии. В мае 1946 г. был осужден, а в июне казнен маршал Антонеску, в ноябре была осуждена группа «56-ти военных преступников». Но вскоре лагеря и тюрьмы заполнили оппозиционеры всяческих направлений. С 1949 по 1953 г. несколько тысяч заключенных трудились также на стройке канала Дунай — Черное море, сама идея которого исходила лично от Сталина.

После того как в правительство Петру Грозы, сформированное в марте 1945 г. при поддержке Москвы, все же было введено два министра без портфеля, представлявших оппозицию, а премьер обещал соблюдать все демократические нормы, в том числе провести свободные выборы, западные державы 4 февраля 1946 г. при-

знали это правительство. В июле был распущен сенат, а новые парламентские выборы, состоявшиеся 19 ноября 1946 г., готовились, как подчеркивают румынские исследователи, в обстановке устрашения. В результате Народно-демократический фронт, ведущее место в котором занимала компартия, получил 79,86% голосов, хотя все западные наблюдатели обращали внимание на то, что победа на самом деле на $\frac{3}{4}$ принадлежала оппозиционным коммунистам «историческим» партиям: либералам во главе с Дину Брэтиану и представителям Национал-цэрэнистской (крестьянской) партии во главе с Юлиу Маниу.

Уже через несколько месяцев, в июле 1947 г., основные деятели Национал-цэрэнистской партии были арестованы, а сама партия ликвидирована. Ее лидер Юлиу Маниу был приговорен к тюремному заключению в ноябре 1947 г. (скончался в тюрьме в 1953 г.). Руководитель «новой» Либеральной партии Георге Тэтэреску, пытавшийся сотрудничать с коммунистами, был удален из правительства. «Старые» либералы, под руководством Дину Брэтиану, благоразумно приостановили свою деятельность, но и это не спасло их от арестов. Дину Брэтиану был без суда и следствия заключен в тюрьму, где и скончался. Что касается социал-демократов, то они еще в марте 1946 г. перешли к прямому сотрудничеству с коммунистами. В феврале 1948 г. это привело их к полному поглощению Коммунистической партией Румынии (которая стала называться Румынской рабочей партией).

⁵ Штефан Фориш занимал пост генерального секретаря румынской компартии в подполье в 1940–1944 гг. После прихода Красной армии имел разногласия и сложные отношения с Георгиу-Дежем (прим. авт.).

В эти же годы были подавлены попытки военного сопротивления наиболее активных офицерских кадров под руководством генерала Ауреля Алди. Подверглись аресту несколько тысяч крупных сановников старой Румынии, большинство отправлено в специальную тюрьму Сигет, ставшую позже символом политического террора того периода.

Репрессивные органы не оставили без своего внимания и церковь, которая потенциально могла стать очагом сопротивления. Что касается основной церкви — православной, то ее собственность национализировали, клир очистили от «нежелательных элементов», патриарха заменили. Православные священники стали наиболее многочисленной категорией конфессиональных заключенных. Другие конфессии также пострадали. Судьба некоторых из них (в первую очередь греко-католической, поставленной в 1948 г. вне закона) была еще более трагичной.

Что касается деятелей культуры, многие из тех, кто избежал репрессий, были отстранены от научной, педагогической и издательской работы. Некоторые из них приняли новые «правила игры», включившись в пропагандистские схемы социалистической идеологии. Но, как и в СССР, вульгарный социологизм в художественной критике и насаждение штампов соцреализма в искусстве не содействовали культурно-развитию страны.

«В области интеллектуальной жизни целью коммунистической партии было уничтожение любых проявлений подлинного творчества, — пи-

сал В. Тисмэяну. — Литература, история, искусство и философия должны были подчиниться политической идеологии. Вся культурная традиция была переосмыслена, чтобы соответствовать новым догмам: основные деятели румынской литературы были устранены из официальных публикаций, цензура решительно устраняла все, что напоминало о “национализме”, “космополитизме”, “объективизме” или других формах “буржуазного декаданса”» (*Tismăneanu* 2014: 147).

Этот период, писал М. Ницеску, вообще лишен литературы в подлинном значении этого слова. Это был феномен пролеткульта, «результатом которого была антикультура» (*Nițescu* 1995: 19).

Как отмечал В. Джорджеску, культурный сталинизм привел к радикальной реструктуризации системы культурных ценностей и институтов. «Создание румынского homo sovieticus, однако, не могло происходить иначе, чем путем уничтожения и переименования традиционных румынских ценностей. Необходимым было массированное внедрение марксистско-ленинских ценностей, а также кампания активной русификации» (*Georgescu* 1995: 266).

Репрессии смягчились только после смерти Сталина, и то не сразу (достаточно вспомнить о казни в 1954 г. видного деятеля компартии Л. Пэтрэшкану по итогам судебного процесса). Однако в 1956–1959 гг. из-за событий в Венгрии и Польше они снова обрушились на интеллигенцию и студенчество. Продолжали действовать в этот период

и специальные трудовые отряды, куда отправляли на перевоспитание молодежь «нездорового происхождения».

Отличающийся резкими суждениями публицист и политолог Х.-Р. Потапиевич писал, что румынское общество, выйдя из периода террора и уничтожения 1948–1964 гг., стало представлять собой радикально деструктурированное в социальном, политическом и экономическом отношении население. «Психологически запуганное, оно было готово принять любую форму» (*Patapievici* 1997: 100).

Эффективность террора была такова, что массовое активное сопротивление было невозможным, но оно все же происходило. Архивы, открытые после падения Чаушеску, свидетельствуют о том, что с конца 1947 г. и до середины 1960-х гг. в Румынии вели сопротивление режиму разрозненные военизированные отряды, всегда готовые к действию и ожидавшие вмешательства извне, а также группы, занимавшиеся экономическими диверсиями или сбором и передачей информации и т.д. Эти отряды формировались спонтанно в лесной и горной местности как ответ на различные притеснения со стороны властей. В них были представлены различные классы общества, но подавляющую массу составляли крестьяне, бежавшие от коллективизации. В последние десятилетия стало известно и то, что западные спецслужбы, привлекая в качестве экспертов румынских специалистов-эмигрантов, в периоды особого обострения холодной войны готовили добровольцев-десантников на слу-

чай их последующей заброски в послевоенную коммунистическую Румынию, так что ожидания партизан не были совсем уж беспочвенными.

А. Бришкэ в связи с этим писал: «По документам мы выявили 19 очагов антикоммунистического вооруженного сопротивления в Румынии» (*Brișcă* б.г.). Сегодня в Музее тюрьмы Сигет представлены многочисленные документы, показывающие, что акции отдельных участников этого сопротивления были подавлены лишь к середине 1970-х гг. Власти скрывали от населения наличие таких отрядов, запугивая его некими «грабителями» и «разбойниками с большой дороги».

В материалах музея Сигет и на других интернет-платформах фигурирует много трогательных историй обычных людей, оказавшихся по ту сторону коммунистических барьеров. Упомянем одну из них. Спустя много лет ее рассказала жительница Бухареста Аристида Поп Сэилян, на основе интервью с которой была выпущена книжка «Пусть выживут партизаны до прихода американцев. Воспоминания о горах, заключении и свободе». Как следует из слов рассказчицы, их многодетная семья благополучно жила в селении в горах Северной Трансильвании. Отец, авторитетный и уважаемый жителями и начальством лесник Онага Сэилян, в годы Второй мировой войны во время прихода немцев и венгров помог спастись еврейским семьям, где были и маленькие дети. В музее Яд Вашем его имя фигурирует среди тех, кому присвоено звание «Праведник народов мира». В 1948 г. отец по просьбе знакомого

укрывал в течение года одного политика, члена Национал-цэрэнистской партии, а затем к нему присоединились два студента. Позже это стало известно службам Секуритате, которая стала принуждать лесника сделаться информатором, войдя в доверие к партизанам. В ответ он бежал в лес, взяв с собой двух взрослых детей: восемнадцатилетнюю Аристиду и ее старшего брата. Однако позже Онига был схвачен и расстрелян без суда, дети оказались в заключении. Все родные после его бегства были депортированы в Бэрэганскую степь — известное место массовых депортаций того времени. И таких историй, ставших достоянием общест­венности, очень много. Сегодня можно ознакомиться также с фото­материалами и кинодокументами, художественно иллюстрирующими эту болезненную для национального самосознания тему.

Румынские историки утверждают, что вооруженное сопротивление про­советскому режиму в их стране было самым организованным в Восточной Европе. «Все народы, оккупирован­ные Советским Союзом, сопротив­лялись коммунизму. Но в Румынии было самое крупное, кровавое и про­должительное антикоммунистиче­ское вооруженное сопротивление, которое длилось 18 лет... Поэтому репрессии были чрезвычайно суро­выми» (*Brișcă* б.г.)⁶.

Румынский режим, по мнению ру­мынской историографии, поначалу

сформировался как самый проста­линский из всех «социализмов» Во­сточной Европы. Почему так про­изошло? — задаются вопросом ру­мынские исследователи. В Румынии, как отмечал В. Фрунзе, безусловно, существовали благоприятные усло­вия для распространения радикаль­ной коммунистической идеологии. Это была преимущественно аграрная страна с очень резкими социальными контрастами. Поэтому обещание по­кончить с социальной несправедли­востью и обустроить в кратчайшие сроки общество нашло отклик среди населения. В результате аграрной реформы 1947 г. Румыния превра­тилась в страну мелких земельных собственников, владеющих 75,6% обрабатываемой земли. Все они ста­ли социальной опорой нового пра­вительства, которое поддерживалось Москвой (*Frunză* 1999).

Сразу после завоевания власти ком­мунисты приступили к ограничению экономического влияния буржуазии: был национализирован Националь­ный банк, проведена денежная ре­форма, образованы органы планиро­вания промышленного производства и распределения сырья, а также уста­новления регулируемых цен на про­дукцию. Летом 1945 г. в Румынии были созданы смешанные румыно­советские экономические общества «Совром», деятельность которых расценивается как «замаскирован­ная форма ограбления румынских экономических ресурсов» (*Georgescu* 1995: 253).

⁶ Российские историки такие выводы подвергают сомнению: «...В румынской научной литературе налицо явные попытки на основе отдельных сведений о существовании в горах мелких вооружен­ных групп бывших легионеров и армейских офицеров преувеличить значимость и общественный вес подобных фактов, трактуя их как “вооруженное движение сопротивления” тоталитаризму» (*Волокитина и др.* 2002: 18).

Последним препятствием для провозглашения «народной демократии» оставалась монархия, но 30 декабря 1947 г. короля Михая вынудили отречься от престола. В тот же день Румыния была провозглашена народной республикой.

С этого времени принципы жесткого регулирования последовательно внедряются в экономику. На протяжении 1950-х гг. этот процесс неуклонно распространялся и охватил даже мелкую собственность. В 1956 г. из опасения вспышки недовольства, как это произошло в Венгрии и Польше, руководство снизило планы в промышленности и сельскохозяйственные налоги. Однако этот период, который был временем стабилизации и консолидации для компартии, продлился только до 1958 г. Затем экономическая модель социализма снова стала жестко воплощаться на практике.

Пленум ЦК в ноябре 1958 г. выдвинул задачу ускоренного развития машиностроения и металлургии. Благодаря этому курсу наблюдается значительный прогресс в тяжелой промышленности. В цифрах экономический подъем был неоспорим, однако нельзя не учитывать физических и моральных страданий населения, цену, которая была за это заплачена, отмечают исследователи.

Критически оценивал саму идею индустриализации М. Ницеску: «Навязчивая идея индустриализации любой ценой происходила от иррациональной жажды власти, ведь именно тяжелая промышленность предоставляет технические и военные рычаги, материальную силу

во внутренней и международной жизни» (Nitescu 1995: 364).

Одновременно с разрушением ведущих классов и политических структур режим переходил к строительству «народной демократии». В 1948 г. была принята новая Конституция, в 1952-м — вторая. Обе были во многом скопированы со сталинской Конституции 1936 г. Все парламентские выборы — 1948, 1957, 1961, 1965 гг. — показали более 90 % поддержки предложенных кандидатов. Это свидетельствовало о том, что компартия, сконцентрировав всю полноту власти, всецело контролировала внутривнутриполитическую жизнь.

Главным способом организации новой политической системы было ограничение гражданских прав и свобод при концентрации власти в руках узкого круга лиц, представлявших номенклатурную элиту коммунистической партии. После поглощения социал-демократов в феврале 1948 г. и изменения названия на Румынскую рабочую партию число членов компартии выросло. Однако внутри правящей элиты (а это несколько десятков человек) борьба за власть не прекращалась до 1957 г. Эта борьба велась в условиях сложных взаимоотношений отдельных деятелей и властных групп с Москвой.

В. Тисмэняну возводит истоки и особенности борьбы за власть внутри румынской компартии еще к межвоенному периоду, когда она находилась на нелегальном положении. «Разрываемая внутренней борьбой между тремя центрами в период подполья, РКП сохранила ментальность осажденной крепости и после

Второй мировой войны. Принимая во внимание то, что до 1945 г. взаимные обвинения приводили к изгнанию членов побежденной группы, к моменту, когда партия получила власть, последствия этой нескончаемой борьбы стали катастрофически» (Tismăneanu 2014: 150).

Период, когда приоритетным становится создание массовой компартии, сменяется со временем другим, когда на первый план выходит задача чисток. В партию теперь почти не принимают новых членов, напротив, 192 000 человек было исключено. «Нетерпимость к другим мнениям, — пишет В. Тисмэняну, — жесткость по отношению к предполагаемым противникам партии, единство любой ценой, слепое подчинение руководящему центру, систематическое уничтожение любых форм внутрипартийной демократии, мистическое видение истории, представление коммунистической партии как группы избранных, как героев, готовых к самопожертвованию во имя райского будущего — все это следовало из идеологии и психологии ленинизма и сочеталось с комплексом неполноценности тех, кто стоял у руля, элиты, представленной активистами рабочего происхождения и их идеологами с антиинтеллектуалистскими предубеждениями» (Ibid.).

В феврале 1948 г. был исключен из партии и арестован один из лидеров нового режима, министр юстиции Л. Пэтрэшкану⁷. Его обвинили в «национал-шовинистической» политике. Однако падение Пэтрэшка-

ну не стабилизировало ситуацию. На первый план вышло противоречие между группой Дежа, испытывавшей тяготы нелегальной жизни в самой Румынии, и «москвичами»-коминтерновцами во главе с Анной Паукер.

«Из национальной политической культуры РКП взяла и развила до крайних пределов известную рыхлость принципов и склонность к непотизму и коррупции, что обычно вкладывается в понятие балканизма. Только имея в виду эти характеристики румынского коммунизма, а в особенности сочетание сталинизма с балканским стилем, подразумевающим аморальное ведение политики, можно объяснить динамику и борьбу за власть внутри партии» (Ibid.).

Главным фактором, влияющим на расстановку сил до середины 1950-х гг., была ситуация в Кремле. Деж, хотя и высказывался поначалу в духе «национализма», был очень осторожен и старался не возбуждать подозрений Москвы. Тем не менее с начала 1950-х гг. он последовательно проводил «румынизацию» компартии с точки зрения ее этнического состава. В 1952 г. были обвинены в «правом уклоне», исключены из партии и выведены из состава правительства «москвичи», в которых видели носителей нерумынских влияний: Анна Паукер (вице-премьер, министр иностранных дел), Теохари Джоджеску (министр внутренних дел), Василе Лука (министр финансов). Лука был даже приговорен к смерти, но приговор так и не

⁷ Пэтрэшкану представлял интеллектуальную элиту партии, которая не внушала доверия лидерам, вышедшим из низших слоев общества и не имевшим за плечами серьезного образования.

был исполнен. Свидетельством полной победы Дежа, отмечают все исследователи, стало совмещение им с 1952 г. прежней функции первого секретаря компартии с должностью премьер-министра, которую он исполнял до 1955 г.

Далее следует период постепенного ухода Румынии от советского давления. «Деж воспринял с явной осторожностью хрущевскую десталинизацию. Первой очевидной реакцией на поползновения Москвы была расправа над Пэтрэшкану (1954 г.), которого русские могли прочить в руководители десталинизированной компартии» (Frunză 1999: 265).

В 1956 г. руководство румынской компартии было приглашено на XX съезд КПСС. «Румынская делегация вернулась из Москвы расколотой. Деж решил противодействовать либерализации, Мирон Константинеску заявил на Пленуме 23–25 марта 1956 г. о необходимости проведения реальных реформ и демократизации общественной и партийной жизни» (Ibid.).

События в Венгрии и Польше отсрочили, но ненадолго, новый конфликт в партийном руководстве. Вокруг Мирона Константинеску, бывшего в этот момент министром образования, стала формироваться группа реформаторов, по которой был нанесен удар на пленумах в июне — июле 1957 г. «Падение М. Константинеску совпало с новой волной террора, направленного против интеллигенции, и возросшим догматизмом в культуре» (Ibid.: 265–266).

Первое явное дистанцирование Бухареста от Москвы проявилось

с началом ухудшения советско-китайских отношений после XX съезда КПСС. При этом первоначально Румыния поддерживала равноудаленные отношения с обеими странами. Внимательный анализ теоретических тезисов румынской стороны, включает В. Фрунзэ, показывает сближение с китайской позицией, однако заявить об этом открыто румыны не считали целесообразным. В новой румынской концепции подчеркивался принцип «единства в разнообразии», согласно которому любая из компартий может выбирать собственные методы строительства социализма (Ibid.: 388).

В 1958 г. Хрущев уступает настойчивым просьбам румынского руководства вывести советские войска с территории Румынии. Все это происходит, несмотря на уже обозначившиеся трения между странами по поводу определения путей дальнейшего развития СЭВ. В 1959 г. советское руководство инициирует проект экономической интеграции в рамках СЭВ. Как известно, согласно этому проекту одни страны (Румыния, Болгария) должны были развивать преимущественно сельскохозяйственное производство, другие (СССР, ГДР, Чехословакия, Венгрия) — современные отрасли промышленности.

Освободившись от военного присутствия СССР, Румыния позволила себе уже решительно заявить в СЭВ о своем несогласии с проектом социалистической интеграции, по мнению ее лидеров, отводящим Румынии место аграрно-сырьевого придатка более развитых стран. Используя аргументы из марксистско-ленин-

ской теории, румынское руководство противопоставило международному разделению труда концепцию самостоятельного развития, включающую индустриализацию.

Апогеем нарастающей румыно-советской «холодной войны» в рамках восточного блока стало, как известно, «Заявление о позиции РРП по проблемам международного коммунистического и рабочего движения», принятое на пленуме ЦК РРП в апреле 1964 г. (так называемая Апрельская декларация). По форме декларация обозначала лишь позицию в идеологическом конфликте, но по содержанию она формулировала новые принципы межпартийных и межгосударственных отношений. По мнению В. Фрунзе, «произошла революция... Сбросив советскую опеку, РРП превращалась в самоё себя» (Ibid.: 394).

Оценивая период 1960–1965 гг., В. Джорджеску писал: «Группа Дежа с благоразумной осторожностью проводила реабилитацию старых понятий патриотизма и национальной самобытности, освобождая их от советизма и интернационализма, возвращая многие из ценностей, запрещенных после 1948 г.» (Georgescu 1995: 275).

Основным инструментом декларированного обращения к национальным духовным истокам стала история: компартией провозглашается задача возвращения румынской культуры к ее латинским корням, и это сопровождается преуменьшением роли славянских влияний в ее развитии, а также роли России в истории Румынии. Деж умер в марте 1965 г.,

находясь в самом начале нового политического курса, но начатая им политика была продолжена новым руководством. При этом поиски национальных истоков и начал отнюдь не сопровождалась либерализацией румынского коммунизма. Оценивая в целом политическую фигуру Дежа, В. Тисмэняну писал: «Георге Георгиу-Дежу удалось избежать десталинизации и сохранить Румынию как крепость коммунистической ортодоксии» (Tismăneanu 2020).

До 23 августа 1944 г., находясь в подполье, а затем в заключении, Деж представлял «национальную» фракцию коммунистического движения, не имея контактов с Москвой и не испытывая прямого влияния Кремля (Georgescu 1995: 276). После 1958 г. национал-коммунист Деж предпринял все возможное для отдаления от Москвы. В. Джорджеску полагал, что для продвижения нового курса большое значение имело формирование новой руководящей группы в партии. Это были технократы, сплоченные вокруг Георге Маурера, и Деж, человек простой и без хорошего образования, но с развитым политическим инстинктом, прислушивался к ним.

В. Тисмэняну считает, что процесс этот имел причины и объективного характера: закат ленинского интернационализма совпал с утверждением национально-коммунистических государств на более поздних этапах развития социализма в Центральной и Восточной Европе. «Чтобы сохранить власть, бюрократические элиты взяли на вооружение более привлекательные символы национального интереса» (Tismăneanu 1999: 17).

Наметившаяся после 1958 г. многовекторность во внешней политике, а с середины 1960-х и некоторая временная либерализация культурной жизни, однако, практически не затронули ни экономику, ни политическую структуру общества. Советское руководство вынуждено было смириться с переменами, которые произошли в Румынии к середине 1960-х гг. Как ограниченная либерализация начального правления Чаушеску, так и его агрессивный национализм, ставший набирать обороты с начала 1970-х гг., не были направлены против социалистических устоев, и это, по-видимому, успокаивало Москву.

Работа по расширению знаний о событиях послевоенного периода не прекращается и сегодня. В Румынии опубликовано несколько десятков исследований, посвященных антикоммунистическому сопротивлению, как в целом, так по отдельным регионам. Продолжают работу упомянутые вначале организации и фонды, занимающиеся сбором и публикацией воспоминаний и дневников жертв того периода.

Знакомство с упомянутыми и многими другими работами, как и доступ к ранее засекреченным архивам, стали для нового румынского общества важным источником познания недавнего прошлого. Кроме научных трудов, публикуются многочисленные мемуары, дневники, относящиеся к послевоенному времени. Почти все они отражают драматичные, а часто и трагичные судьбы соотечественников. Документальные свидетельства, оценки событий на основе личного опыта и с учетом памяти близких людей становятся немало-

важным фактором, влияющим на общественное сознание. Повышенный интерес к описанию тяжелых, безвыходных ситуаций прошлого обнаружил характерную черту сознания новейшего времени — ощущение исторической жертвенности румынской нации. «От «единой истории» партии мы вдруг перешли к бесконечным повествованиям — рассказам. Их субъективный характер оказался в тени того факта, что почти все рассказчики без исключения были свидетелями жертв... И слово «жертва» было для нас, тогдашних, сутью истории. Наше политическое освобождение предоставило возможность высказывания в первую очередь именно жертвам. Их память, чем более драматичной и подробной она была, тем прочнее закреплялась в нашем коллективном сознании. Сама революция дала всем нам статус жертв (это был своего рода договор, на котором строился новый мир), и литература свидетельств (в том числе телевизионные документальные фильмы) убедительно подтвердила этот статус» (Maci 2015).

Румынскими историками и философами многократно отмечалось, что ощущение жертвенности перед внешним «врагом», будь то Османская империя, Австро-Венгрия или Россия, сформировалось в румынском сознании давно. Оно обусловлено перипетиями исторических событий, связанных с переделом границ и собиранием румынских земель в непосредственной близости от великих держав. Осознание событий послевоенного периода создало новую почву для такого рода настроений. Возможно, после падения режима Чаушеску настал очередной проме-

жутков времени, когда это стало особенно очевидным благодаря свободе самовыражения. И, несомненно, такие ощущения смыкаются с антирусскими настроениями, достаточно распространенными в румынском обществе, тем более что и националистическая составляющая является неотъемлемой частью политического ландшафта.

В России также ведется большая работа по изучению архивов, относящихся к интересующему нас периоду (например, Восточная Европа 1997, 1998). Эти материалы дают возможность увидеть нюансы советско-румынских взаимоотношений в то непростое время, что позволяет приблизиться к более объективному пониманию послевоенной трансформации Румынии и роли Москвы в этом процессе. Они свидетельствуют о том, что советское руководство все же стремилось проявлять гибкость, искать компромиссные решения, но если наталкивалось на сопротивление, то действовало исключительно твердо, а советники из СССР, роль которых оценивается в Румынии однозначно негативно, сделали достаточно много для послевоенного восстановления страны, а также для начала ее индустриализации (*Волокитина и др.* 2002).

В Румынии все же признается, что в эпоху коммунизма в экономическом отношении страна совершила прорыв, приблизившись по ряду существенных показателей к развитым странам, что не может не признать и такой последовательный антикоммунист, как В. Фрунзэ (*Frunză* 1999). В цифрах экономический подъем был неоспорим, од-

нако, как отмечают румынские исследователи, нельзя не учитывать физических и моральных страданий населения, цену, которая была за это заплачена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волокитина и др. 2002 — *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2002. 686 с.

Восточная Европа 1997, 1998 — Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953. М., Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 985 с.; 1949–1954, 1998. Т. 2. 1004 с.

История Румынии 2005 — История Румынии: пер. с рум. / И. Болован, И.-Р. Поп (координаторы) и др. М.: Издательство «Весь Мир», 2005. 680 с.

Brișcă б.г. — *Brișcă A.* Rezistența armată anticomunistă din România, 1944–1962. URL: <http://www.miscarea.net/Brisca.htm> (дата обращения: 20.05.2020).

Buga 2012 — *Buga V.* O vară fierbinte în relațiile româno-sovietice. Convorbirile de la Moscova din iulie 1964. București: Ed. Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2012. 236 p.

Georgescu 1995 — *Georgescu V.* Istoria românilor. De la origini până în zilele noastre. București: Ed. Humanitas, 1995. 381 p.

Gh. Gheorghiu-Dej 2012 — Gh. Gheorghiu-Dej la Stalin. Stenograme, note de convorbire, memorii. (1944–1953). București: Ed. Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2012. 238 p.

Frunză 1999 — *Frunză V.* Istoria comunismului în România. București: Ed. Victor Frunză, 1999. 588 p.

Maci 2015 — *Maci M.* Proba adevărului. 18.08.2015. URL: <https://www.contributors.ro/proba-adevarului/>.

Nițescu 1995 — Nițescu M. *Sub zodia proletcultismului. Dialectica puterii*. București: Ed. Humanitas, 1995. 398 p.

Patapievici 1997 — Patapievici H.-R. *Politice*. București: Ed. Humanitas, 1997. 358 p.

Tismăneanu 1999 — Tismăneanu V. *Fantasmele salvării*. București: Ed. Humanitas, 1999. 271 p.

Tismăneanu 2014 — Tismăneanu V. *Stalinism pentru eternitate. O istorie politică a comunismului românesc*. București: Ed. Humanitas, 2014. 456 p. URL: https://www.academia.edu/22307291/Vladimir_Tismaneanu_Stalinism_Pentru_Eternitate?auto=download (data obrasheniia: 15.07.2020).

Tismăneanu 2020 — Tismăneanu V. *România ca fortăreață a ortodoxiei comuniste*. 23.01.2020. URL: <https://moldova.europalibera.org/a/rom%C3%A2nia-ca-fort%C4%83rea%C8%9B%C4%83-a-ortodoxiei-comuniste/30387005.html> (data obrasheniia: 10.06.2020).

REFERENCES

Volokitina T.V., Murashko GL., Noskova A.F., Pokivailova T.A. *Moskva i Vostochnaia Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953)*: Ocherki istorii. Moscow: ROSSPEN, 2002. 686 p.

Brișcă A. *Rezistența armată anticomunistă din România, 1944–1962*. URL: <http://www.miscarea.net/Brisca.htm> (data obrasheniia: 20.05.2020).

Buga V. *O vară fierbinte în relațiile româno-sovietice. Convorbirile de la Moscova din iulie 1964*. București: Ed. Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2012. 236 p.

Frunză V. *Istoria comunismului în România*. București: Ed. Victor Frunză, 1999. 588 p.

Georgescu V. *Istoria românilor. De la origini până în zilele noastre*. București: Ed. Humanitas, 1995. 381 p.

Gh. Gheorghiu-Dej la Stalin. *Stenograme, note de convorbire, memorii*. (1944–1953). București: Ed. Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2012. 238 p.

Istoria Rumynii: per. s rum., I. Bolovan, I.-R. Pop (koordinatory) i dr. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir", 2005. 680 p.

Maci M. *Proba adevărului*. 18.08.2015. URL: <https://www.contributors.ro/proba-adevarului/>.

Nițescu M. *Sub zodia proletcultismului. Dialectica puterii*. București: Ed. Humanitas, 1995. 398 p.

Patapievici H.-R. *Politice*. București: Ed. Humanitas, 1997. 358 p.

Tismăneanu V. *Fantasmele salvării*. București: Ed. Humanitas, 1999. 271 p.

Tismăneanu V. *România ca fortăreață a ortodoxiei comuniste*. 23.01.2020. URL: <https://moldova.europalibera.org/a/romania-ca-fortareata-a-ortodoxiei-comuniste/30387005.html> (data obrasheniia: 10.06.2020).

Tismăneanu V. *Stalinism pentru eternitate. O istorie politică a comunismului românesc*. București: Ed. Humanitas, 2014. 456 p. URL: https://www.academia.edu/22307291/Vladimir_Tismaneanu_Stalinism_Pentru_Eternitate?auto=download (data obrasheniia: 15.07.2020).

Vostochnaia Evropa v dokumentakh rossiskikh arkhivov, 1944–1953. Moscow, Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1997. Vol. 1. 985 p.; 1949–1954, 1998. Vol. 2. 1004 p.

Г. Гече

Рец.: Tefner Zoltán. *Nyelvtanítás a bécsi Keleti Akadémián 1754–1918*

[Sprachunterricht an der Orientalischen Akademie von Wien 1745–1918;

Преподавание языков в венской Восточной Академии 1754–1918]. GlobEdit, Riga, 2018

Рецензируется книга, посвященная основанной в XVIII в. в Вене Восточной академии, одному из первых в мире учебных заведений, рассчитанных на подготовку дипломатов.

Ключевые слова: Австрийская империя, Габсбурги, восточный вопрос в европейской политике, история Балкан, история дипломатии, история высшей школы, востоковедение.

Сведения об авторе: Гече Геза, PhD, историк, радиокомментатор, преподаватель университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт).

Контактная информация: gecsege@gmail.com.

G. Gecse

Рец.: Tefner Zoltán. *Nyelvtanítás a bécsi Keleti Akadémián 1754–1918* [Sprachunterricht an der Orientalischen Akademie von Wien 1745–1918]. GlobEdit, Riga, 2018

The subject of the reviewed book – the Eastern Academy in Vienna, founded in the XVIII century. It was one of the first educational institutions in the world designed to train diplomats.

Key words: Austrian Empire, Habsburgs, Eastern question in European politics, history of the Balkans, history of diplomacy, history of higher education, oriental studies.

About the author: Gecse Géza, PhD, historian, radio commentator, Eötvös Loránd University teacher (Budapest).

Contact information: gecsege@gmail.com.

Уникальное событие — когда книга венгерского историка издается за рубежом. Монография Золтана Тэфнера к тому же была издана в столице Латвии (почему именно там — не объясняется в предисловии к книге). Однако книга об истории дипломатического образования, предпосылках его возникновения,

если даже выполнена в основном на материале Австро-Венгерской монархии, представит интерес для читателей в любой стране, интересующихся историей дипломатии.

В учебных заведениях, призванных готовить дипломатов, издавна уделялось большое внимание препода-

ванию языков. В некоторых случаях сам учебный процесс сводился к изучению иностранных языков, к чему добавлялось также обучение навыкам практического общения с представителями других стран. Так происходило и в Вене XVIII в., где при содействии канцлера императрицы Марии Терезии Кауница была создана Восточная академия (*Orientalische Akademie*). Если обратиться к его учебным программам, заметно преобладание именно восточных языков, таких как турецкий, арабский, персидский, что неслучайно, ведь в XVIII в. монархия Габсбургов поворачивается все более к Востоку. Туда не только вели торговые связи, с точки зрения расширения политического влияния именно этот регион оставался наиболее перспективным, ведь по мере осуществления гениальной политической и военной тактики прусского короля Фридриха Великого все старые европейские земельные уделы были безнадежно утеряны Габсбургами одно за другим.

Налаживание языковыми средствами взаимопонимания с не всегда пунктуальными и лояльными восточными партнерами требовало хорошо подготовленных знатоков соответствующих языков. Возникают такие понятия, как «*Sprachknaben*», «*Konsulareleven*», по сути речь шла о языковой подготовке мальчиков-подростков, которые овладевали навыками точно переводить то, что говорили участники переговоров (этого нельзя сказать об османских драгоманах, т.е. о переводчиках со стороны партнеров, в основном

о греках-фанариотах, которые творческим образом искажали услышанное, дабы угодить желаниям одной из сторон). С момента основания в 1754 г. Восточной академии начинается процесс совершенствования ее учебной программы, с учетом основных направлений внешней политики монархии и целей, поставленных перед этим учебным заведением. Эта тема получила разработку у многих авторов¹. Книга Золтана Тефнера представляет собой шаг вперед в ее изучении. Сделав акцент на языковой подготовке в этой школе как на центральной теме, автор приводит немаловажные детали, выходит на существенные обобщения, представленный материал подан в оптимальной для восприятия форме.

Книга состоит из 11 более-менее схожих по размеру глав. От исторической части (истории подготовки дипломатов) автор переходит к анализу учебной программы, структуры включенных в нее предметов в тесной связи с поставленными целями преподавания, а также деятельности преподавательского состава. Исследование Тефнера опирается на глубокую проработку большого количества документов из соответствующих фондов венского архива. Один из главных вопросов, поставленных перед собой автором: какая структура преподавания учебных дисциплин лучше всего соответствовала целям, которые ставили перед собой Кауниц и его последователи? Ответ доходчиво дается с привлечением нескольких составленных таблиц с перечнем учебных предметов. В 1754 г., т.е. во время основания академии,

¹ Наиболее углубленным представляется исследование: (Pfusterschmid-Hardtenstein 1989).

набор изучаемых предметов был еще достаточно скромным. Он включал географию, историю, каллиграфию, знания в области религий, а также обучение языкам — турецкому, итальянскому, латыни, французскому и новогреческому. К 1773 г. выбор предметов значительно расширяется, в программу включаются арифметика, природоведение, искусствоведение, метафизика, этика, всемирная история, османская история, катехизация, юридическое право, классическая литература. Структура преподавания языков отражала расширение торговых связей в восточном направлении, к числу изучаемых языков добавляются персидский и арабский. Начиная с 1812 г. первым из иностранных языков по объему преподавания становится турецкий, что совершенно понятно, поскольку к этому времени (и автор особенно подчеркивает этот момент) активизируется балканская политика монархии и происходит столкновение двух держав в их экспансии на Балканы — Австрийской и Российской; а позже, во второй половине века, после 1856 г., противостояние Габсбургской монархии и России на Балканах становится особенно жестким и враждебным. Программа преподавания была построена так, что два других восточных языка, т. е. арабский (общеразговорный арабский) и персидский, преподавались обязательно во взаимосвязи с турецким. Была продумана и другая взаимосвязь: вслед за преподаванием в течение первого года турецкого языка с начала первого полугодия второго года обучения происходило преподавание османской истории. Программа была составлена таким образом, что обучение страноведче-

ским, регионоведческим дисциплинам было неотделимо от филологической подготовки, обе эти стороны учебного процесса взаимодополняли друг друга, что, по оценке автора, «помогало будущим дипломатам наблюдать мир в его целостности». С третьего курса шло преподавание хронологии с акцентом на историю Востока, оно могло опереться на уже довольно продвинутый уровень владения турецким и персидским языками. С 1812 г. на пятом курсе преподавались и основы турецкой конституции в сравнении с европейским законодательством, изучалось и содержание всех договоров, которые действовали между Габсбургской монархией и Османской империей. Все это происходило в рамках лекции и семинара на турецком языке.

Автор приходит к выводу, что последовательность в преподавании разных предметов в Академии осуществлялась в соответствии с методикой, которая была бы применима в любом современном учреждении высшего образования. Причем умеренность выступала в качестве главного организующего принципа. Количество преподаваемых языков возрастало, пока не достигло к середине XIX в. того предела, за которым уже оказывалась бессмысленной дальнейшая нагрузка учащихся. На передний план выходит формирование картины мира во всей его глубине и широте. Все больше преподавательских часов уделяется общеобразовательным предметам, рассчитанным на подготовку высокообразованных, обладающих высокой общей культурой людей. Возрастает также значимость итальянского языка, поскольку он был тесно связан

с преподаванием основ морского права (оно формировалось в Средиземноморье, где доминировал итальянский язык). Французский же, наподобие современному английскому, играл роль основного рабочего языка, средства общения в международных отношениях. Современному читателю может показаться странным, что только в 1833 г. ввели обучение английскому языку в качестве факультативного (sic!) предмета, и только в 1897 г. английский становится *обязательным* в преподавании предметом.

Тут вспоминается и крылатое изречение Цицерона: «O tempora, o mores!» Веяния времени затронули и застывшую в династическом духе венскую Восточную академию. На основе богатого материала, представленного автором, можно сделать вывод, что в 1867 г., после подписания Соглашения о трансформации Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию очень многое изменилось. В том числе то, что и довольно трудный для обучения *венгерский язык стал обязательным для изучения* (чему главным образом не были рады студенты славянского происхождения). Позже, правда, исходя из прагматических соображений, решено было уравновесить преподавание венгерского языка изучением славянских языков. Русский становится важным не в последнюю очередь из-за прохладных, недружелюбных или даже враждебных отношений с Россией. А в конце столетия в программе преподавания появились и дальневосточные языки, китайский и японский. Так как найти преподавателя японского языка оказалось невоз-

можным, работники японского посольства по просьбе имперского Министерства иностранных дел сами взялись за преподавание, причем с большим удовольствием.

К концу 1890-х гг. содержание и структура предметов изучения совершенствуются. Еще до этого, в 1870-е гг., стараниями министра иностранных дел, знаменитого Дюлы Андраши, происходят изменения в программе, направленные на то, чтобы выпускники академии могли лучше использовать полученные знания на практике, в консульской деятельности. Правда, с уходом Андраши в отставку в 1879 г. реформы приостановились примерно на 20 лет. Новый проект реформ на 19 страниц выходит в свет в 1898 г. (в венском архиве его можно найти под названием «Organisations-Entwurf für die Orientalische Akademie Jänner 1898», как можно найти и мемуары на 80 страниц тогдашнего директора учреждения Мишеля Пидолл фон Квинтенбаха, повествующие о характере происходивших в жизни академии изменений).

Название заведения вскоре было также изменено, слово «восточная» было удалено, и на здании Академии появилась новая табличка: Konsular-Akademie, т. е. Консульская академия (полное название: Императорская и королевская консульская академия). Она получила прекрасное здание на Boltzmann-gasse.

Конечно, работа Тефнера не ограничивается анализом методики преподавания и учебной программы. Он не обходит своим вниманием и условия проживания, студенче-

ские привычки, жизненный уклад общежития, что зачастую находилось в прямой зависимости от языкового обучения, в первую очередь — от ориенталистики. Мы не отступим от реальности, если отметим большой вклад венской Восточной академии в развитие востоковедения, ведь престиж этого высшего учебного заведения поднимали работавшие в нем выдающиеся ученые — лингвисты, историки. Одно из достоинств книги — красочное описание традиций студенческой жизни. Речь идет о часто устраиваемых юбилейных мероприятиях, для которых учащиеся писали стихи на выученных ими восточных языках и в рамках празднований выступали, декламируя их. В книге на основании свободных немецких переводов Тэфнер представляет и свои переводы на венгерский язык, которые достигают качества классической литературы. Любопытно, как учащиеся отметили 1 января 1804 г. 50-летний юбилей своей alma mater — прочитали написанную на турецком языке оду, прославляющую присутствовавшего на праздне-

стве императора Франца I, обращаясь при этом и к самому императору, и к «Ориенту», к Академии, и к преподавателям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Pfusterschmid-Hardtenstein 1989 — *Pfusterschmid-Hardtenstein H. Von der Orientalischen Akademie zur K. u. K. Konsularakademie: eine Maria-Theresianische Institution und ihre Bedeutung für den Auswärtigen Dienst der Österreichisch-Ungarischen Monarchie // Wandruszka A., Urbanitsch P. (eds.). Die Habsburger Monarchie 1848–1918: die Habsburger Monarchie im System der internationalen Beziehungen. Vienna, 1989. P. 122–195.*

REFERENCES

Pfusterschmid-Hardtenstein H. Von der Orientalischen Akademie zur K. u. K. Konsularakademie: eine Maria-Theresianische Institution und ihre Bedeutung für den Auswärtigen Dienst der Österreichisch-Ungarischen Monarchie in Wandruszka A., Urbanitsch P. (eds.). Die Habsburger Monarchie 1848–1918: die Habsburger Monarchie im System der internationalen Beziehungen. Vienna, 1989, p. 122–195.

В. Солонарь

Рец.: Омер Бартов. Анатомия геноцида: жизнь и смерть города, называемого Бучач / Omer Bartov. *Anatomy of a Genocide: The Life and Death of a Town Called Buczacz*. New York: Simon and Schuster, 2018. xv + 399 p.

Рецензируется книга современного американского историка, исследователя Холокоста, в которой рассматривается геноцид времен Второй мировой войны в маленьком городе на территории Западной Украины.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Холокост, Западная Украина, национализм, межэтнические отношения, повседневная жизнь, память о Холокосте.

Сведения об авторе: Солонарь Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, профессор Университета Центральной Флориды (Орландо, США).

Контактная информация: Vladimir.solonari@ucf.edu.

V. A. Solonari

Rev.: Omer Bartov, *Anatomiya genocida: zhizn` i smert` goroda, nazy` vaemogo Buchach* / Omer Bartov, *Anatomy of a Genocide: The Life and Death of a Town Called Buczacz*. New York: Simon and Schuster, 2018. xv + 399 p.

A book by a contemporary American historian, Holocaust researcher, which examines the genocide of the Second World War in a small town in Western Ukraine, is reviewed.

Key words: World War II, Holocaust, Western Ukraine, nationalism, interethnic relations, everyday life, memory of the Holocaust.

About the author: Solonari Vladimir A., Ph.D, professor of the University of Central Florida (Orlando, USA).

Contact information: Vladimir.solonari@ucf.edu.

Эта книга выдающегося американского историка открывает его творчество с новой стороны. Омер Бартов, родившийся в 1954 г., начал свое образование в университете Тель-Авива и продолжил его в Оксфорде, где он защитил докторскую диссертацию в 1983 г., после чего получил пост профессора-ассистента

в университете Рутгерс штата Нью-Джерси. Многочисленные публикации и статьи по проблемам истории Третьего рейха, вермахта и Холокоста быстро сделали ему имя одного из самых авторитетных ученых в этих областях. Бартов проходил стажировки и преподавал в качестве приглашенного профессора (visiting

professor) в лучших университетах Америки, Западной Европы и Азии. В 1997 г. он уже был полным профессором в Рутгерсе, а в 2000 г. перешел на работу в Брауновский университет (член Лиги плюща — десять самых престижных университетов США) в штате Род-Айленд на должность профессора истории и германских исследований (полное название его должности — John P. Birkelund Distinguished Professor of European History and Professor of History and Professor of German Studies — указывает на особенно высокий статус этой позиции).

Первоначально Бартов специализировался на изучении роли вермахта на Восточном фронте в проведении массовых репрессий против мирного населения и, в частности, истреблении еврейского населения. В целом ряде монографий он практически уничтожил устоявшееся к тому времени — как среди историков, так, в еще большей мере, широкой публики — мнение о том, что вермахт, т. е. германская армия, не был повинен в массовых преступлениях и оставался верен армейскому кодексу чести, запрещавшему применение оружия против мирного населения иначе как для самозащиты или по приговору суда. Согласно этому прежде господствующему представлению, относительно небольшое число немцев, служивших на Восточном фронте и на оккупированных восточных территориях (прежде всего члены СС), принимало участие в преступлениях против человечества — сам факт таких преступлений, конечно, не отрицался. Такое представление освобождало большинство немцев от ответственности за преступления

режима и давало им возможность чувствовать себя и своих родителей порядочными людьми — психологически очень важная для немцев, да и не только для них, самохарактеристика. Тут была и политическая подоплека — на пике холодной войны как-то удобнее было простить немецкой нации поддержку ею гитлеровского режима, тем самым облегчая закрепление роли Федеративной Республики как одного из бастионов НАТО в Европе.

Опираясь в основном на немецкие архивные документы, Бартов показал, что немецкие солдаты в значительной степени воспринимали расистскую пропаганду нацистов за чистую монету и разделяли мнение своего правительства о характере войны как оборонительной против угрозы вторжения «недочеловеков» с востока в свой любимый Хаймат (Heimat, родина). В такой войне все средства были хороши для достижения победы и любые зверства были оправданы «военной необходимостью». Цитируя хранящиеся в военном архиве ФРГ письма немецких солдат с Восточного фронта, Бартов показал, что они были вполне информированы о карательных действиях против «партизан» (а таковыми могли быть признаны гражданские лица, заподозренные в нелояльности оккупантам) и принимали в них участие, считая это частью своего воинского и патриотического долга. Таким образом, Бартов не только разрушил послевоенный консенсус историков по вопросу о якобы «безупречном» поведении немецких солдат на Восточном фронте, но и подтолкнул немецкое общество к тому, чтобы более открыто и честно взглянуть на эту

проблему (The Eastern Front 1985; Hitler's Army 1991).

С конца 90-х гг. исследовательский интерес Бартова сместился в сторону памяти о Холокосте и его репрезентации в публичной сфере, от кино до музеев и историографии. Хотя в публикациях этого периода не так легко выделить главную проблему, мне представляется, что их лейтмотив состоит в тезисе о центральном месте Холокоста в послевоенном самосознании европейских наций, а также израильского общества. Беспрецедентный характер этого преступления, его очевидная бессмысленность вкупе с колоссальным количеством вовлеченных в него лиц — граждан различных государств, совершивших или способствовавших совершению чудовищных злодеяний, ставит вопросы о том, почему это стало возможным на европейском континенте, в одном из наиболее развитых и цивилизованных регионов планеты. Как немцы не могут «оставить Холокост в прошлом» или даже «дать ему подобающую оценку» без того, чтобы усомниться в качестве своей культуры и собственной преданности либерально-демократическим ценностям, которые Федеративная Республика положила в основу германской идентичности, так и французы не в состоянии вычеркнуть из своей коллективной биографии позор режима Виши, помогавшего нацистским властям депортировать из Франции евреев-иностранцев, которые проживали там на момент начала войны. И даже израильтяне стыдятся того, как, по их представлениям, их предшественники в диаспоре «пошли как овцы на бойню», т. е. без сопротивления

ния, в то время как еврейская община в Палестине оказалась неспособной не только оказать им существенную помощь, но даже осознать в реальном времени масштаб разворачивающейся в Европе катастрофы.

Холокост настолько чудовищен, настолько безмерен, настолько бессмыслен, что из него не могут быть извлечены никакие положительные уроки. Не было ничего героического, достойного подражания, в поведении жертв, как не было никакого, или было очень мало такого, что могло бы изменить их участь, в поведении местного населения. Даже отдельные — очень редкие — акты помощи евреям со стороны неевреев, которые сами по себе вызывают наше восхищение своим бескорытием и величием духа — не изменили, да и не могли изменить динамику «окончательного решения еврейского вопроса» по-нацистски. Третий рейх был разгромлен его врагами не из-за того, что их возмутило уничтожение миллионов невооруженных гражданских лиц, а вследствие их собственных интересов и стремления обеспечить свою безопасность. Никакого другого чувства, кроме стыда за человечество, Холокост вызвать не может, и именно поэтому правда о нем подрывает национальные идентичности и социальный оптимизм (Murder in Our Midst 1996; Mirrors of Destruction 2000; Germany's War 2003; The "Jew" in Cinema 2005).

Я подозреваю, что вышеизложенное не вполне точно передает взгляды Бартова, который, вероятно, лишь частично согласился бы с таким их пониманием. Дело в том, что в работах по проблемам памяти и репре-

зентации Холокоста историк подчас выступает в качестве критика, интерпретирующего произведение литературы и искусства, помещая их в соответствующий политический и социальный контекст. Это означает, что его собственный текст требует такого же отношения и что он допускает различные толкования и требует более глубокого разбора и детального анализа, которые здесь невозможны.

В начале XXI в. внимание Бартова было сосредоточено на репрезентации Холокоста в Западной Европе и Израиле, но вскоре он обратился к той же проблематике в Восточной Европе. Название его монографии 2007 г. «Стерты: исчезающие следы еврейской Галиции в современной Украине» вполне точно определяет ее содержание. Написанная в форме травелога, книга показывает, как следы еврейской жизни подвергаются систематическому уничтожению во имя торжества украинского национализма. Пытаясь восстановить историю геноцида евреев в этом регионе, Бартов пришел к выводу, что ее глубокое понимание требует исследования истории межэтнических отношений в регионе, и даже в каждом отдельном поселении в межвоенный период, как и в предшествующие ему десятилетия (*Erased* 2007). Эту задачу историк и попытался решить на примере одного города — Бучач — на территории нынешней Тернопольской области Украины.

В предисловии Бартов поясняет, что не столько он сам выбрал этот город — «украинское захолустье» с на-

селением в 13 тыс. человек — столько же, сколько проживало в нем в 1919 г. (р. 2), — в качестве объекта детального исследования, сколько сам город выбрал его как историка своей трагедии. В этом городе выросла его мать, родившаяся в близлежащей украинской деревне, где ее отец служил управляющим поместья графа Потоцкого. В 1935 г. семья его матери эмигрировала из Бучача в Палестину, будущий Израиль, но большинство из их близких и дальних родственников остались в Бучаче. Все они, а также их соседи — вся улица, на которой находился их дом, — были уничтожены нацистами во время Второй мировой войны. Впервые разговор Бартова с его матерью на тему о ее жизни до иммиграции в Палестину состоялся лишь в 1995 г., и тогда же она сообщила ему, что собиралась посетить места, где прошли ее детство и девичество. Однако последовавшая через три года смерть перечеркнула ее мечту. С тех пор интерес историка к этому городку и его истории не затухал. Работая над своими многочисленными вышеупомянутыми исследовательскими проектами, он одновременно собирал источники по истории Бучача с древних времен и до окончания Второй мировой войны. Результатом многолетнего изучения опубликованных и хранящихся в архивах Германии, Польши, Украины и Израйля¹ документов и является настоящая книга. Уже одно только богатство и разнообразие источников на шести языках — немецком, идише и иврите, польском, украинском и русском, — среди которых есть

¹ Возможно, и Австрии — к сожалению, книга не содержит перечня использованных архивных материалов, и подчас их идентификация по сокращенным названиям затруднительна.

дневники и воспоминания участников и свидетелей событий, интервью с ними, официальные донесения полиции и других чинов, статистические сборники, материалы судебных дел о преступлениях военного времени и советской Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников — делает эту книгу образцом высокопрофессионального исторического труда. Вместе с тем Бартов предпочитает избегать широких обобщений, следующим образом определяя свой метод и видение предмета: «Позволяя тем, кто жил [в этом месте в то время], самим рассказывать свои истории своими словами, я, таким образом, пытаюсь реконструировать жизнь Бучача во всей ее сложности и показать, как польские, украинские и еврейские поселенцы жили бок о бок в течение столетий... Жизнь в городах, подобных Бучачу, была основана на постоянном взаимодействии различных религиозных и этнических сообществ. <...> Именно такая интеграция делала само существование этих городов возможным. Именно она же сделала происшедший в них геноцид общинным явлением, одновременно жестоким и интимным, исполненным бессмысленной жестокости и предательства, а также проблесками альтруизма и доброты» (р. 4–5).

Другими словами, цель автора состоит не в том, чтобы предложить новые интерпретации или методологические подходы, а в том, чтобы рассказать, как одно полиэтническое поселение окончило свое существование в огне самоуничтожения, несмотря на — а может, и вследствие — веков

совместного проживания и взаимодействия. И сделать это устами самих участников событий — как жертв, так и их палачей и сторонних наблюдателей. Из семи глав книги первая, вводная, предлагает краткую историю города с древнейших времен до начала Первой мировой войны, вторая посвящена этой войне и периоду послевоенного вооруженного противостояния между украинцами и поляками за обладание восточной Галицией в 1918–1920 гг., третья освещает межвоенный период, четвертая — период советской оккупации 1939–1941 гг., и, наконец, пятая, шестая и седьмая — посвящены различным аспектам германской оккупации 1941–1944 гг. и геноциду евреев; послесловие вкратце описывает происшедшее в первые послевоенные годы. Таким образом, почти половина объема книги посвящена Холокосту.

Хотя книга изобилует цитатами из источников, она ни в коем случае не является их простой компиляцией. На самом деле из сотен тысяч страниц текста Бартов выбирает те отрывки, которые он считает наиболее точно схватывающими важнейшие аспекты реальности межэтнических отношений. Три темы пролегают через всю книгу, от первой до последней страницы. Первая является темой насилия. Взорвавшая мирную жизнь городка Первая мировая война принесла вторжение российской императорской армии, потоки беженцев, две российские оккупации — в 1915 и 1916 гг. — казачьи погромы и возвращение австро-венгерских войск в 1917 г. в полуразрушенный и разграбленный город. Однако Брест-Литовский договор

не принес долгожданного мира, и новые волны насилия захлестнули восточную Галицию — захват города украинской армией, ее изгнание поляками и повторный захват, новое изгнание. Смена власти каждый раз сопровождалась поиском и наказанием перебежчиков и лиц, сотрудничавших с оккупантами, волны насилия сменяли друг друга, вовлекая все новых участников, производя новые жертвы и возводя вчерашних врагов в героев, одновременно низводя их жертвы во врагов, якобы заслуживших свою участь. Одно насилие служило оправданием для другого, каждая этническая община имела причины считать себя несправедливо обиженной и имеющей право на наказание обидчиков. Ситуация повторилась в 1939–1941 гг. — установление советской власти было воспринято поляками как настоящая катастрофа, вызвало всплеск надежд на улучшение их положения у части евреев и украинцев, но и эти последние вскоре подверглись репрессиям, в которых подчас винили своих соперников из других этнических общин. Насилие отучало людей от цивилизованной мирной жизни и приучало к ожиданию новой волны насилия, приводило их к мысли о своего рода «нормальности» происходящего. В этом смысле Холокост был не столько уникальным явлением в истории города, сколько еще одной фазой постоянно радикализировавшегося насилия, фазой, которая по своей чудовищности далеко превзошла все предшествовавшие.

Следующая тема — этнический национализм. Его возникновение в конце XIX в. отражало новые политические идеи, демократизацию по-

литической жизни, рост грамотности народных масс и их вовлеченность в политику. Насилие на местном уровне не было вызвано национализмом самим по себе — Первая мировая война пришла в мирный до той поры город, однако национализм приводил к тому, что все невзгоды 1914–1920 гг. воспринимались через призму соперничества этнических наций, тем самым радикализируя противостояние и обосновывая его отсылками к истории взаимных обид и унижений. В 1939–1941 гг. советская власть цинично манипулировала накопившимся взаимным озлоблением этнических общин, эксплуатируя его в своих политических интересах. Германское вторжение высвободило энергию этнической ненависти и канализировало ее против евреев, которых нацисты «назначили» общим врагом всех «арийских» народов (в этом контексте славян записывали в «арийцы»).

Наконец, третья тема — и она представляется мне наиболее полно развитой — односторонность, неполнота и в конечном счете ненадежность воспоминаний и дневников многих участников событий как источников межэтнических отношений. Дело здесь не в их сознательном стремлении исказить реальность, но именно в том, что современники, как правило, были слишком вовлечены в водоворот событий, слишком сопричастны ему, слишком зависимы от их динамики, чтобы воспринимать и тем более адекватно оценить роль «своих» и «чужих». Например, в дневниках и воспоминаниях поляков из Бучача межвоенный период предстает эрой межэтнической гармонии и прогрессивного приобщения

местных украинцев и евреев к богатствам польской культуры, и все это благодаря великодушному характеру польской политики, которая делала ставку на умеренность и терпимость. Но такие оценки противоречат не только мнению украинских современников, но и данным польской же статистики, свидетельствующим о недопредставленности украинцев в престижных профессиях. Для евреев же межвоенный период представлялся временем сокращающихся экономических возможностей и нарастающей враждебности местного христианского населения, делавших их будущее в Галиции в составе Польши все более неопределенным.

Особенно подробно Бартов освещает то, как послевоенные свидетельства местных жертв и очевидцев геноцида евреев искажены их заинтересованностью представить свою собственную роль и роль своих этнических общин в лучшем свете и предстать в качестве жертв нацизма и борцов против него. Нет ничего удивительного в том, что немцы, служившие в оккупированном Бучаче, нагло ввали на послевоенном следствии в ФРГ, «забывая» о своих зверствах и изливаясь в любви к евреям. Однако и тенденция украинцев твердить о том, что «наши», т. е. украинцы, помогали евреям больше, чем представители других общин, ничего, кроме глубокого подозрения в их искренности, вызвать не может, особенно на фоне того, что сами евреи считали, что украинцы зачастую были еще «хуже, чем немцы» (р. 298). Да и сами выжившие евреи все еще продолжают спорить о том, в какой мере их местные лидеры — члены юденрата оказались предателями своей общи-

ны и насколько их усилия по спасению хотя бы отдельных ее членов, даже за счет гибели других, заслуживают если не благодарности, то хотя бы понимания. Выжившим евреям лишь с трудом удается находить слова и выражения для описания роли местных христиан в их судьбе, поскольку само их выживание в значительной степени было обусловлено помощью тех из них — меньшинства, — которые помогли им спрятаться как от немцев, так и от большинства местного населения, помогавшего оккупантам. Свидетельства евреев, пишет Бартов, «наполнены смешанными чувствами гнева и жажды мести, с одной стороны, и благодарности и вины, с другой, — вины не только за то, что ты сам выжил, когда столь многие погибли, но также за то, что не осознал и не отблагодарил тех, кто сделал возможным сам факт выживания, с огромным риском для себя и своих семей. И все же память о доброте не может стереть ужасы, которые пришлось перенести вследствие жестокого безразличия, бессмысленного насилия, и смертоносной жадности соседей, часто лишенных даже видимости идеологической подоплеки, какой бы извращенной и бесчеловечной эта идеологическая подоплека ни была» (р. 245).

В начале 1944 г. украинские националисты ОУН-УПА, к тому времени уничтожившие десятки тысяч польского населения в Вольни, перенесли свою деятельность в восточную Галицию, в которой поляки, при поддержке подпольной Армии Крайовой, оказали им сопротивление. Украинцы все же превозмогли в этой жестокой войне, так что, по подсчетам польского временного правительства, при-

мерно половина из 48 000 поляков, проживавших в Бучачском округе до войны, уменьшилась наполовину, в основном вследствие бегства, а также убийств. Не удивительно, что приход советских войск был встречен выжившими поляками с облегчением: они действительно взяли их под защиту. Но начавшийся осенью 1944 г. обязательный обмен населением между Польшей и Советским Союзом привел к депортации в Польшу всех оставшихся поляков и частичную замену их украинцами из Польши. Так советское руководство по сути выполнило программу украинских националистов, завершив превращение многонационального края в этнически «чистую» область советской Украины. Нынешняя независимая Украина не желает помнить этой трагической истории и роли советов (а также, и еще менее, нацистов) в осуществлении украинской националистической мечты. Не желает она признавать и того, что этнические чистки подорвали экономический потенциал края, в котором городки типа Бучача сегодня мало чем напоминают некогда оживленные центры деловой активности и просвещения. А нам для того, чтобы помнить и понимать, нужны многолетние исследования специалистов, по крупицам восстанавливающих забытые страницы истории ужасного XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Erased 2007 — *Erased: Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-Day Ukraine*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2007.

Germany's War 2003 — *Germany's War and the Holocaust: Disputed Histories*. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

Hitler's Army 1991 — *Hitler's Army: Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1991; paperback 1992.

Mirrors of Destruction 2000 — *Mirrors of Destruction: War, Genocide, and Modern Identity*. New York and Oxford: Oxford University Press, 2000, pb 2002.

Murder in Our Midst 1996 — *Murder in Our Midst: The Holocaust, Industrial Killing, and Representation*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1996.

The "Jew" in Cinema 2005 — *The "Jew" in Cinema: From The Golem to Don't Touch My Holocaust*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2005.

The Eastern Front 1985 — *The Eastern Front 1941–45: German Troops and the Barbarisation of Warfare*. London: St. Antony's /Macmillan, 1985; New York: St. Martin's Press, 1986.

REFERENCES

Erased: Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-Day Ukraine. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2007.

Germany's War and the Holocaust: Disputed Histories. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

Hitler's Army: Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich. New York and Oxford: Oxford University Press, 1991; paperback 1992.

Mirrors of Destruction: War, Genocide, and Modern Identity. New York and Oxford: Oxford University Press, 2000, pb 2002.

Murder in Our Midst: The Holocaust, Industrial Killing, and Representation. New York and Oxford: Oxford University Press, 1996.

The "Jew" in Cinema: From The Golem to Don't Touch My Holocaust. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2005.

The Eastern Front 1941–45: German Troops and the Barbarisation of Warfare. London: St. Antony's /Macmillan, 1985; New York: St. Martin's Press, 1986.

Ю. А. Щербакова

СЛОВАЦКОЕ ГОСУДАРСТВО 1939–1945 ГГ.: ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ И ПОЛИТИКОВ

В статье рассматривается историческая проблема словацкого государства 1939–1945 гг., ставшая инструментом политической борьбы правых радикалов в Словакии. В статье также анализируются взгляды словацких историков на обстоятельства возникновения Первой Словацкой Республики, характер ее режима.

Ключевые слова: Словацкое государство 1939–1945 гг., фашистский режим, правые радикальные политические силы Словакии.

Сведения об авторе: Щербакова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва).

Контактная информация: juli.bak@mail.ru.

Yu.A. Shcherbakova

THE SLOVAK STATE 1939–1945: INTERPRETATIONS OF MODERN SLOVAK HISTORIANS
AND POLITICIANS

The article deals with the problem of historical misapprehensions Slovak State 1939–1945, became a tool for political struggle by right-wing radicals in Slovakia. The article also examines the views of Slovak historians on the circumstances of the emergence of the first Slovak Republic, the nature of its regime.

Key words: Slovak State 1939–1945, the fascist regime, the right-wing radical political forces in Slovakia.

About the author: Shcherbakova Yulia A., candidate of historical sciences, Senior Researcher, INION RAS (Moscow).

Contact information: juli.bak@mail.ru.

© Ю. А. Щербакова, 2021
DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-322-330

Взгляд из XXI в. на историю Словакии в веке XX высвечивает темы и проблемы, на протяжении многих десятилетий бывшие табу для ученых и общественности. В настоящее время мы являемся свидетелями того, как исторические события становятся не только объектом научных исследований, но и инструментом политической борьбы.

Праворадикальные партии Словакии, такие как Словацкая национальная партия (СНП), «Народная партия — Наша Словакия» (НПНС)², Словацкое движение возрождения (СДВ), в вопросах исторического развития Словакии придерживаются взглядов, далеких от либерально-демократического исторического дискурса. Следует подчеркнуть, что сторонниками этих политических субъектов по большей части являются представители молодежи, те, кто впервые принимает участие в выборах в органы власти. С учетом структуры своей электоральной базы эти партии пытаются оказать влияние на формирование исторического сознания молодого поколения. Активизация их идеологического давления находит свое выражение в явном пренебрежении такими темами, как история Второй мировой войны, преступления, совершенные режимом словацкого фашистского государства в 1939–1945 гг., характер тоталитарных режимов и идеологий, ценности свободы, демократии и прав человека, угрозы национализма и расизма, солидарность и религиозная терпимость. При этом, поддержав миф о происхождении словаков, выдвинутый в 2006–2010 гг. партиями пра-

вительственной коалиции (концепция «старых словаков» и Великой Моравы как «словацкого государства», характеристика Сватоплука как «короля старых словаков»), они представляют себя как единственных приверженцев патриотических воззрений среди политических сил.

Место, где в Братиславском Граде в 2010 г. была установлена скульптура Сватоплука, они используют для своих митингов, на которых прославляют людацкое фашистское государство (*Mesežnikov, Gyárfašová* 2016).

Одним из столпов, на котором основывается идеология словацких правых радикалов, является утверждение, что традиции словацкой независимости были заложены образованием независимого словацкого государства в 1939 г. и без него не было бы и нынешней суверенной Словацкой Республики.

Глорификация Первой Словацкой Республики распространяется на все стороны ее существования. Так, политика словацкого государства по отношению к евреям, включая их депортацию, оправдывается представителями СДВ особенностями «исторического развития». В сентябре 2016 г. председатель этой организации Роберт Швец написал на своей странице в «Фейсбуке»: «Словацкий национальный архив опубликовал фотографии из словацких рабочих лагерей для словацких евреев в период Первой Словацкой Республики. И эти фотографии доказывают, что о евреях в этих лагерях хорошо заботились. Они были обеспечены

² С 2015 г. стала называться «Котлебовцы — Народная партия Наша Словакия» (*прим. авт.*).

медицинской помощью и питанием. То, что оправдало себя в прошлом, может пригодится и в будущем» (Švec 2015). Комментарии излишни.

Отсылка к своему историческому прошлому и, более того, восхваление словацкого государства 1939–1945 гг. — излюбленная тема современных словацких радикалов.

Как отмечалось выше, история Первой Словацкой Республики 1939–1945 гг. замалчивалась в период существования социалистической Чехословакии. Прежде всего в работах самих словацких ученых. Но не только. В советской историографии мы также не найдем фундаментальных исследований, посвященных этой проблеме. Тем большую ценность представляет работа известного российского ученого В. В. Марьиной «СССР — Словакия. 1939–1945 гг.: Военно-политические аспекты» (Марьиная 2017), изданная Институтом славяноведения РАН. В работе рассматриваются практически не исследованные сюжеты советско-словацких отношений после распада Чехословакии, в годы так называемой Первой Словацкой Республики (1939–1945 гг.). Автор не обходит вниманием сложные вопросы установления дипломатических отношений между СССР и Словакией, которые составляли тайные страницы недавней истории. В книге значительное место уделено возникновению Первой Словацкой Республики. Автор поставила задачу непредвзято рассмотреть события тех лет без идеологизации и политизации проблем. Она предельно четко определяет характер своего труда — «конкретно-историческое исследование». В нем нет

абстрактных, оторванных от архивных источников размышлений.

Подробно описывая обстоятельства возникновения словацкого государства в 1939 г., В. В. Марьиная отмечает, что решение о провозглашении независимости было принято на заседании словацкого сейма 14 марта 1939 г., через полгода после начала распада Чехословакии. Этому заседанию предшествовал визит словацкой делегации в Берлин, где возглавлявшего ее Й. Тисо приняли сначала Риббентроп, а затем А. Гитлер. На Словакию было оказано беспрецедентное давление со стороны Германии. Вплоть до угрозы оккупации ее территории Венгрией.

Риббентроп начал разговор словами: «Я не вижу в Словакии никакого воодушевления по поводу провозглашения словацкой самостоятельности». Тисо на это ответил: «Вы правы, нам потребовалось бы, по крайней мере, два-три года, чтобы пополнить ряды нашей словацкой интеллигенции, которая бы затем заняла все посты». Риббентроп возразил: «Хотя Вы в этом и правы, но кто Вам может гарантировать, что потом сложится политическая ситуация, которая даст Вам возможность сделать это. Сегодня — ситуация такова, и она, в конце концов, этого требует от Вас». Тисо попросил о встрече с Гитлером и был принят им в 18 час. 40 мин. Монолог фюрера продолжался примерно полчаса. Намекнув на претензии Венгрии, которая готова присоединить к себе всю Словакию, он заявил: «Речь идет о том, хочет или не хочет Словакия жить самобытной жизнью. Он от Словакии ничего не требует... Он пригласил Тисо,

чтобы выслушать его решение. Речь идет не о днях, а о часах... если Словакия хочет стать самостоятельной, то он будет это усилие поддерживать и даже гарантировать... Однако, если она будет колебаться или не захочет отделяться от Праги, то он предоставит судьбу Словакии ходу событий, за которые уже не будет отвечать» (Марына 2017: 39–40).

По мнению словацкого историка П. Соколовича, провозглашение независимости Словакии имеет как минимум две стороны. С одной — оно стало закономерным завершением процесса национальной эмансипации словацкого народа, с другой — оно было обусловлено внешними обстоятельствами, которые не зависели от словацких решений (Sokolovič 2010).

Размышляя о характере первого государства словаков 1939–1945 гг., известный словацкий историк И. Каменец считает, что в нем царил авторитарно-тоталитарный режим, потому что государством управляли представители одной партии, причем националистического толка. Народная партия появилась задолго до событий 1939 г., еще в 1906 г., когда Словакия была в составе Австро-Венгрии. Народную партию возглавлял католический священник Йозеф Тисо, в его партии до распада Чехословакии было более 36 000 членов. Ее стиль и идеология были заимствованы у итальянских фашистов. В 1930-х гг. словацкая Народная партия активно сотрудничала с немецкими, венгерскими и украинскими националистическими партиями и движениями, находившимися в оппозиции к центральному чехословацкому правительству. В рассма-

триваемый период на политической сцене Словакии была лишь одна-единственная словацкая Народная партия, носившая национал-клерикальный характер. Народная партия была также известна как Глинковская словацкая народная партия — Hlinkova slovenská ľudová strana, HSLS, в честь своего создателя католического священника Андрея Глинки (Andrej Hlinka), эту партию также называли «людаки». В современной Словакии Глинка считается отцом-основателем первого Словацкого государства, хотя он умер еще в августе 1938 г., т.е. более чем за полгода до провозглашения словацкой независимости. Однако тот факт, что Глинка в силу своей ранней кончины не имеет отношения к государственному союзу первого словацкого государства с Гитлером и участием Словакии 1939–1945 гг. в войне на стороне Германии, а также к Холокосту евреев и цыган, делает его более приемлемой фигурой в современной Словакии в качестве родоначальника словацкой независимости, чем фигуру Йозефа Тисо, наследовавшего после кончины Глинки лидерство в Народной партии и ставшего в 1939 г. первым главой независимой Словакии. Заметим, что в честь Андрея Глинки современной Словакией были выпущены почтовые марки и его именем названа одна из высших наград нынешней Словакии — Орден Андрея Глинки — Rad Andreja Hlinky, он вручается словацким гражданам, которые имеют выдающиеся достижения в деле укрепления государственности Словацкой Республики.

Словацкие ученые отмечают, что словацкое независимое государство возникло под влиянием внешних

факторов, в угоду гитлеровской Германии, но политический режим обладал своей спецификой. Тем не менее Словацкая республика была единственной страной, еще не оккупированной нацистской Германией, в которой депортировали своих сограждан-евреев в германские лагеря смерти, тогда как в других странах уничтожение евреев проводилось после немецкой оккупации. Так было, в частности, в Италии, во Франции, Венгрии, Польше и Украине. (Немецкие войска была размещены и в Румынии, где депортации осуществлялись прежде всего своими силами. — *Прим. редакции.*) Задаваясь вопросом, как словацкое государство 1939 г. могло скатиться до фашизма, словацкий историк В. Быстрицкий считает, что, во-первых, следует с определенной долей осторожности считать словацкое государство 1939–1945 гг. фашистским, во-вторых, хотя Словакия просуществовала в составе демократической Чехословацкой Республики (1918–1939 гг.) достаточно короткий период времени (20 лет), основы демократии (на момент 1939 г.) здесь были заложены довольно прочные, демократические традиции пустили глубокие корни. Вместе с тем словацкий народ мог допустить союзничество с Гитлером и фашизм в своей стране в силу целого ряда факторов, которые влияли на политику словацкого государства. К их числу ученый относит следующие:

— В Словакии того времени были очень сильны католические традиции в их ультраконсервативном варианте.

³ Глинкова гвардия (Hlinkova garda) — полувоенная организация Глинковской словацкой народной партии; эта гвардия была создана в октябре 1938 г., уже после кончины Андрея Глинки.

— Во времена Австро-Венгрии словаки испытывали сильнейший национальный гнет (Словакия 1939).

— Следует отметить, что нынешнему словацкому обществу в целом и научному сообществу в частности не удалось преодолеть разногласий в оценке этой страницы национальной истории. В. Быстрицкий и И. Каменец отмечают, что «словацкие историки, которых презрительно называют марксистами, без успеха искали пути объективного объяснения этого вопроса, но он по-прежнему остается открытым» (Там же).

Сейчас многие молодые историки, продолжают они, хотя и обелить имя Йозефа Тисо, представляя его выдающимся деятелем своей эпохи. Более того, они характеризуют словацкое партизанское движение во время войны как диверсионное, которое нарушало существующий порядок, установленный Йозефом Тисо, причем в угоду Гитлеру. Гвардию Глинки³ они считают «героической защитницей» национальных интересов словацкого народа, выискивают положительные стороны режима Словацкой Республики 1939–1945 гг., и прежде всего — «в отношении понятия свободы». Речь идет о том, что в последовавшие десятилетия в чехословацком обществе (т. е. в послевоенный период, когда Словакия была составной частью коммунистической Чехословакии) при всех достижениях в развитии Словакии «не было самого главного — свободы, правовой и гражданской». Мнение о том, что Словацкая Республика 1939–

1945 г. была демократичнее, чем сменившая ее коммунистическая Чехословакия, получило довольно широкое распространение в словацкой среде. Как полагают в этой связи В. Быстрицкий и И. Каменец, «сегодня историк должен говорить, прежде всего, об ограничении свободы — как во времена первой Словацкой республики 1939–1945 гг., так и последующего режима в коммунистической Чехословакии. В обоих случаях это был тоталитарный режим, и карались не только совершенные действия, но и инакомыслие, поскольку тоталитарный режим всегда диктует, как человек должен мыслить и что говорить» (Словакия 1939).

Как отмечалось выше, словацкие профессиональные историки часто уклоняются от однозначного ответа по поводу характера первого словацкого государства. Однако И. Каменец прямо указывает на его авторитарно-тоталитарный характер, что проявилось и в решении так называемого еврейского вопроса.

Анализируя характер первого государства словаков, В. Быстрицкий подчеркивает, что «вначале (в 1939 г.) это была демократическая система, но спустя пару месяцев политики круто изменили свой курс. При этом не было никакой конфронтации между демократическими и националистическими партиями, что объяснялось возникновением угрозы потери территориальной целостности Словакии со стороны Венгрии. При такой опасности, как известно, народ объединяется. Насильственная мадьяризация еще была жива в памяти словацкого народа». Историк Иван Каменец также считает, что

собственно возникновение словацкого государства произошло в условиях растущей агрессии нацистской Германии, а «его дальнейшее развитие определялось внутренними процессами, а именно тоталитарной политикой националистической Народной партии, которая в 1939 г. впадала в заблуждение относительно того, кто будет управлять государством. Она посчитала тогда, что тот, у кого больше голосов в парламенте, тот и имеет право решать судьбу народа. В истории Словакии это повторялось не раз. Видимо, нам не хватает самокритичности, и наши политики вину за собственные ошибки часто приписывают более сильным государствам в прошлом — гитлеровской Германии и, позднее, Советскому Союзу. Таким образом, всегда есть оправдание, что государство находилось под давлением более сильного игрока», — заключает профессор И. Каменец (Словакия 1939).

В период от провозглашения автономии и до признания словацкой независимости братиславское правительство установило собственный вариант диктатуры. Левые политические партии были ликвидированы, гражданские партии либо распущены, либо слились (под давлением или добровольно) с Глинковской словацкой народной партией в единую партию ПСНЕ — Партию словацкого национального единства. Были распущены многочисленные общества, принудительно объединены профсоюзы, разогнаны неудобные режиму органы муниципального самоуправления. Выборы в сейм автономии 18 декабря 1938 г. проходили в форме плебисцита и по единому списку кандидатов, из 63 депутатов

47 составляли «людаки», остальные были перебежчиками из других партий и представителями немецкого и венгерского меньшинств. Большая роль в общественной жизни придавалась ударным отрядам партии и прежде всего вышеупомянутой Глинковой гвардии, которая была и движущей силой, и исполнительницей первых антиеврейских мер словацкого правительства.

Контуры режима прояснились в процессе развития ситуации после Мюнхена. Конституция, принятая словацким сеймом 21 июля 1939 г., в параграфе 58 устанавливала, что «словацкий народ участвует в государственной власти посредством Глинковской словацкой народной партии (Партии словацкого национального единства)». Конституция формально еще сохраняла некоторые положения домюнхенской (демократической) чехословацкой конституции — выборы президента, выборы сейма, но постепенно режим эволюционировал в сторону укрепления и углубления диктатуры. Сейм постепенно был отстранен от принятия решений, была усилена исполнительная власть правительства, президент получил право вводить в сейм им самим назначенных депутатов.

Окончательное оформление режима было завершено в 1942 г. принятием закона о Глинковской словацкой народной партии. Президент получил тогда титул «вождя», была узаконена система связи местных функционеров партии и государства через районы и жупы вплоть до высших органов государства. Принцип вождизма оказал влияние также и на положе-

ния о сословиях, заимствованные из представлений католицизма об обществе и ставшие одним из столпов политической системы. Понимаемые таким образом сословия заменили ликвидированные профсоюзы, они в обязательном порядке объединяли работников и работодателей и находились под прямым контролем единственной партии.

Группировка, возглавляемая Йозефом Тисо, ставшего с октября 1939 г. президентом, а с 1942 г. и «вождем», намеревалась строить диктатуру, используя традиционные структуры партии, из прагматических соображений привлекая также не состоявших в людацкой партии, но готовых к сотрудничеству лиц. В идеологии и повседневной политике эта политическая организация исходила скорее не из праворадикальных доктрин, а из традиционных постулатов католицизма и консерватизма, в экономической политике также из католических социальных учений.

Другая группировка, во главе с профессором Войтехом Тукой, который в октябре 1939 г. сменил Тисо на посту премьера, настаивала на более радикальных методах и более последовательном следовании нацистским образцам. Тука, в отличие от проповедуемой Тисо «народной Словакии», пропагандировал «словацкий национал-социализм», и стремлению опираться на традиции он противопоставлял «перманентную революцию».

Главной опорой Туки была Народная глинковская гвардия. В споре о характере диктатуры в Словакии Тисо опирался прежде всего на пар-

тию, которая в 1944 г. насчитывала примерно 300 тыс. членов и пользовалась также поддержкой католической церкви. Священники были широко представлены среди функционеров партии, а также в сейме и государственном совете, сам Тисо был католическим священником. Церковь поддерживала социальную, культурную, образовательную политику правительства, ее устраивали также авторитарные и патерналистские элементы политической системы, однако она не готова была поддерживать последовательное копирование нацистских образцов. Впрочем, обе группировки (и Тисо, и Туки) интенсивно добивались поддержки со стороны Германии. Самым главным патроном словацких правителей являлся Гитлер, отдававший предпочтение Тисо, который в условиях разгоравшейся войны был лучшим гарантом стабильности, чем крикливые, но слабо укорененные в обществе группы «словацких национальных социалистов». Однако Гитлер не позволил Тисо окончательно ликвидировать своих противников, Тука остался в правительстве, отборные группы Глинковской гвардии проходили обучение в Германии под руководством представителей СС, радикалы были неким резервом и средством давления.

Выступая по случаю 25-й годовщины принятия Декларации о суверенитете СР, премьер-министр Р. Фицо выразил официальную позицию, заявив, что «сегодня мы должны критически отнестись к тем словацким политическим силам и движениям, которые призывают к возврату всего того, что было в Словакии в 40-е гг. XX в. Мы решительно будем проти-

востоять любым попыткам возродить словацкое фашистское государство» (Premiér Fico б.г.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Марыина 2017 — *Марыина В.В.* СССР — Словакия 1939–1945 гг.: Военно-политические аспекты. М., 2017. 496 с.

Словакия 1939 — Словакия 1939. Взгляд на первое словацкое государство из нацистской Германии и из современных Чехии и Словакии. URL: <http://www.portalostranah.ru/view.php?id=362>.

Mesežnikov G., Gyárfášová O. Súčasný pravicový extrémizmus a ultranacionalizmus na Slovensku: Stav, trendy, podpora. Br., 2016. 52 s. URL: http://www.ivo.sk/buxus/docs//publikacie/subory/Sucasny_pravicovy_extremizmus_IVO.pdf.

Premiér Fico б.г. — Premiér Fico vidí výzvy v odmietnutí fašizmu a postavení Slovenska v novej EÚ. URL: <http://www.hlavnespravvy.sk/premier-fico-vidi-vyzvy-v-odmietnuti-fazizmu-postaveni-slovenska-v-novej-eu/1072040>.

Sokolovič 2010 — Sokolovič P. Vznik Slovenskej republiky stále rozdeľuje historikov 14.03.2010. URL: <https://www.noviny.sk/slovensko/75572-vznik-slovenskej-republiky-stale-rozdeluje-historikov>.

Švec 2015 — *Švec R.* Hlásime sa k Tisovi. Náš čas ešte príde. Líder Slovenského hnutia obrody v rozhovore pre ParlamentnéListy.sk, 26.9.2015. URL: <http://www.parlamentnelisty.sk/arena/rozhovory/Hlasi-me-sa-k-Tisovi-Nas-cas-este-pride-Lider-Slovenskeho-hnutiaobrody-v-rozhovore-pre-ParlamentneListy-sk-252949>.

REFERENCES

Mar'ina V.V. *SSSR — Slovačkia 1939–1945 gg.: Voенно-politicheskie aspekty.* Moscow, 2017. 496 p.

Mesežnikov G., Gyárfášová O. *Súčasný pravicový extrémizmus a ultranacionalizmus na*

Slovensku: Stav, trendy, podpora. Br., 2016. 52 p. URL: http://www.ivo.sk/buxus/docs//publikacie/subory/Sucasny_pravicovy_extremizmus_IVO.pdf.

Premiér Fico vidí výzvy v odmietnutí fašizmu a postavení Slovenska v novej EÚ. URL: <http://www.hlavnespravy.sk/premier-fico-vidi-vyzvy-v-odmietnuti-fasizmu-postaveni-slovenska-v-novej-eu/1072040>.

Slovakia 1939. *Vzгляд na pervoe slovatskoe gosudarstvo iz natsistskoi Germanii i iz sovremennykh Chekhii i Slovaki.* URL: <http://www.portalostranah.ru/view.php?id=362>.

Sokolovič P. *Vznik Slovenskej republiky stále rozdeľuje historikov 14.03.2010.* URL: <https://www.noviny.sk/slovensko/75572-vznik-slovenskej-republiky-stale-rozdeluje-historikov>.

Švec R. *Hlásime sa k Tisovi. Náš čas ešte príde. Líder Slovenského hnutia obrody v rozhovore pre ParlamentnéListy.sk, 26.09.2015.* URL: <http://www.parlamentnelisty.sk/arena/rozhovory/Hlasime-sa-k-Tisovi-Nas-cas-este-pride-Lider-Slovenskeho-hnutiaobrody-v-rozhovore-pre-ParlamentneListy-sk-252949>.

А. А. Тесля

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ: «МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ СКИТАНИЯ» АП. ГРИГОРЬЕВА

Аполлон Григорьев одновременно принадлежит и к числу достаточно широко известных авторов, прежде всего как лирик, но во многом и как литературный критик и мыслитель, и к фигурам, которые остаются несколько маргинальными — чьи тексты в своей массе остаются предметом специального, специфицированного интереса. Данная статья ставит своей целью обсуждение нескольких частных сюжетов, связанных с «Моими литературными и нравственными скитаниями». Речь идет об обсуждении жанровой природы этого произведения и утверждении его художественного единства, цельного замысла. Будучи именно «заметками на полях», работа сосредоточена на обсуждении, во-первых, значения эпистолярных отсылок для концептуальных построений Ап. Григорьева; а во-вторых, полемизирует с тезисом Р. Витакера о принципиальном изменении концепции «Скитаний» к последним главам, об уходе в сферу сугубо личных воспоминаний.

Ключевые слова: А. И. Герцен, психологическая проза, почвенничество, романтизм, эго-тексты.

Сведения об авторе: Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград).

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

© А. А. Тесля, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-331-339

Работа была выполнена в рамках гранта РФФИ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

A. A. Teslya

NOTES ON THE MARGINS: "MY LITERARY AND MORAL WANDERING" OF APOLLON GRIGORIEV

Apollon Grigoriev at the same time belongs to the number of fairly well-known authors, primarily as a lyricist, but in many respects both as a literary critic and thinker, and also to figures that remain somewhat marginal — whose texts are mostly subject to special, specified interest. This article aims to discuss several private plots associated with "My literary and moral wanderings". We are talking about a discussion of the genre nature of this work and the approval of its artistic unity, integral design. Being precisely "notes in the margins", the work is focused on discussing, first, the meaning of epistolary references for the conceptual constructions of Ap. Grigoriev; secondly, it argues with the thesis of Robert Whittaker about a fundamental change in the concept of "Wanderings" for the last chapters, concerning leaving to the sphere of purely personal memories.

Key words: A. I. Herzen, psychological prose, soil studies, romanticism, ego texts.

About the author: Teslya Andrei A., PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad).

Contact information: mestr81@gmail.com.

Аполлону Александровичу Григорьеву (1822–1864) не очень везло при жизни — и здесь можно сказать по крайней мере со значительным основанием, что основной причиной преследующих его неудач и несчастий был он сам. Но в не меньшей степени неудачи продолжали преследовать его и после смерти — там, где начинается время памяти и осмысления. Его внук, Владимир Александрович, в предисловии к «Полному собранию сочинений», заключал:

«В конце концов у меня сложилось убеждение, что как над жизнью, так и над литературным наследием Ап. Ал. Григорьева тяготеет какой-то *fatum*, и я отказался от мысли об издании его сочинений» (Григорьев 1918а: XXIV).

За издание собрания сочинений Григорьева сначала взялся Н. Н. Стра-

хов, сумевший выпустить лишь первый из задуманных четырех томов (1876), затем материалы, им собранные для остальных трех, оказались утрачены по вине издателя. За собрание сочинений принимались В. Ф. Садовник, не ставивший больших научных задач, ограничиваясь ориентацией на широкий круг читателей (1914–1915), и намного более амбициозный В. С. Спиридонов, ученик С. А. Венгерова, подготовивший академическое полное собрание сочинений Григорьева, первый том которого на средства П. П. Иванова вышел в Петрограде в 1918 г. — и предсказуемо, в силу наступивших обстоятельств, так и оставшийся единственным.

«Мои литературные и нравственные скитания» — пожалуй, самый известный прозаический текст Аполло-

на Григорьева. И тем не менее этот текст не вошел ни в одну из «больших» версий «канона» русской литературы — интересным предметом для обсуждения является осмысление того, отчего так случилось, при том, что литературные и интеллектуальные достоинства текста признавались, кажется, всеми, кто имел случай говорить о нем предметно и развернуто. Пожалуй, в рамках первого приближения можно сказать, что одной из причин такого не-включения явилась относительная краткость и незавершенность «Скитаний», звучащих как начало большого текста, настраивающих читателя на длительность движения и вместе с тем — свободное фланерство, приближения и отступления.

Уже первые исследователи «Скитаний» обратили внимание на два основных источника, повлиявших на текст: «Былое и думы» А.И. Герцена и «Путевые картины» Г. Гейне (*Спиридонов* 1918: 269–270). Примечательно, что оба автора склонны, в чем с ними сходится Григорьев, к использованию формы письма для своих публицистических и философских текстов. Более того, в отличие от Григорьева, который активно использовал личные обращения, разговор с названным или косвенно указанным собеседником, но при этом указание на эпистолярность редко выносил в заглавие, — Герцен охотно именно так называет целые ци-

клы текстов, от «Писем из Франции и Италии» до «Писем к противнику» или «К старому товарищу».

Это сходство и различие представляются значимыми — поскольку позволяют увидеть различия в условной «эпистолярности» как общей характеристике текстов Герцена и Григорьева. Герцен (и отчасти Гейне) важны для Григорьева как опыт свободной формы (см.: *Гинзбург* 1977), т.е. соединения мемуарного текста с размышлениями и наблюдениями, отступлениями и суждениями о современном — и, с другой стороны, воспоминаний как пишущихся из настоящего, данного не из некоей «вневременной», универсальной позиции фиксации прошлого, а из того, как прошлое помнится и понимается «здесь и сейчас». В случае же циклов Герцена «эпистолярность», как и свободная от прямой отсылки к эпистолярному, но связанная с опытом «дружеского письма» 1830–1840-х гг. модель построения «Былого и дум» (в состав которого включаются и письма, попутно несколько перерабатываемые, стилистически модифицируемые в соответствии с изменившимся временем) предполагают именно открытость формы, а отнюдь не обращение к какому-либо конкретному собеседнику, даже если именно конкретный другой стал первоначальным адресатом, тем «другим», к кому обращался исходный текст¹.

¹ Знание об адресате, о контексте создания и т.д. — расширяет/углубляет понимание, но это уже последующее, комментирующее/исследовательское прочтение, оно не встроено, не включено как подразумеваемое в чтение современниками — автор отсекает эту конкретику, оставляя читателю лишь возможность представить, предположить собеседника и, прежде всего, предположить в его качестве самого себя (или же, напротив, через конструкцию письма воспринять дистанцию, как, например, в случае, если адресатом выступает «молодое поколение» — для читателя, к нему не принадлежащему, это способно явиться основанием, приглашением для постройки позиции «третьей стороны» или, например, принятия, разделения уже позиции автора).

Напротив, у Григорьева даже не прямая эпистолярность, обращение к адресату предполагает обращение именно к конкретному собеседнику. С этого обращения — где приветствие в начале письма заменяется своеобразной формулой «посвящается М.М. Достоевскому» — начинаются «Скитания», первая фраза которых гласит:

«Вы вызвали меня, добрый друг, на то, чтобы я написал мои “литературные воспоминания”» (Григорьев 1918: 1).

Здесь же попутно отметим, что издательское решение в академической публикации «Скитаний» (Григорьев 1980: 5) — поместить слова «посвящается М.М. Достоевскому» именно как посвящение, сверстав к правому краю страницы и выделив курсивом, противоречит конструкции текста, не отрывающегося от посвящения, а прямо продолжающего его — как обозначение адресата. В этом смысле публикация в «Полном собрании...» под редакцией Спиридонова, вслед за первой публикацией во «Времени» помещающая указанный текст

в скобках, как своего рода подзаголовков, намного точнее (Григорьев 1918: 1). Аналогичным образом в издании 1980 г. снятым оказывается то же посвящение во второй части «Скитаний» (см.: Григорьев 1980: 25), тогда как это значимый момент — подчеркивание, что текст сохраняет того же адресата. И слова, с которых начинается вторая часть², в частности, слово «вы» в них — не абстрактное, а ровно тот же «добрый друг», к которому обращена и первая часть.

И это оказывается одним из средств, создающих ту специфическую «интимность», которая, как характерная для рассуждений Григорьева, неоднократно отмечалась исследователями³ — не вообще «лирическая публицистика» (Гинзбург 1957), свойственная Герцену, т.е. говорение от своего «я», отчетливо обозначенного, из момента времени, а обращение к другому, к конкретному. Так, возобновляя «Скитания» после более чем годичного перерыва⁴, Григорьев — поскольку М.М. Достоевский скоропостижно скончался — меняет адресата текста, вводя уже внутри повествования обращение

² «В настоящее время, когда, т.е. не то, что вы думаете <...>» и т.д. (Григорьев 1918: 25).

³ Так, автор самой подробной на данный момент биографии Григорьева, Р. Виттакер, видит в этом и источник слабости Григорьева как публициста, оборотной стороны его силы как критика — впрочем, этот упрек читается как похвала: «Рецензии на журналы еще раз подчеркнули то, чего недоставало Григорьеву как публицисту. Для подобной серии критических выступлений по адресу журналов-соперников, чтобы донести до читателей соль своих нападков (или похвал), требовался резкий полемический тон, язвительнейшее остроумие и дар обильно пускать в ход преувеличения. Попытки Григорьева освоить этот жанр “ближнего боя” на журналистском поприще успеха не имели. Он не мог претворить свой интимный, исповедальный стиль с тягой к самоуничижительной откровенности в вульгарную, лающую манеру записного полемиста. Начатый им анализ обещал более глубокий, исторический взгляд на текущую литературу, чем неистовства его более удачливых собратьев по перу из других журналов. К сожалению, серия эта [речь идет о серии статей “Журнальный мир и его явления”, опубликованной Григорьевым в редактируемом им в 1863–1864 гг. еженедельнике “Якорь”. — А.Т.] дала лишь горстку гипотез и афоризмов» (Виттакер 2020: 439).

⁴ Первая часть и две главы второй («Детство») были опубликованы в журнале «Время», № 11–12 за 1862 г., остальные главы «Детства» вышли уже в журнале «Эпоха», разрешение на издание которого было получено М.М. Достоевским после запрещения «Времени» в 1863 г., в № 3 и 5 за 1864 г.

к Страхову, писавшему под псевдонимом «Косица», и в начале гл. IV второй части замечая:

«Еще не далее как вчера вечером, о мой милый Горацио Косица⁵, беседа с тобою после концерта <...>» (Григорьев 1980: 41).

Отметим попутно, что и оказавшийся de facto итоговым теоретический текст Григорьева — его статья «Парадоксы органической критики» (1864) — не только написана с подачи Ф.М. Достоевского, взявшего на себя издание журнала после смерти брата, но и начинается с достаточно объемного предисловия, обращенного непосредственно к редактору и наполненного своеобразными упреками в его адрес — и не оправданием, а утверждением как неизбежного следствия заявляемого Достоевским желания того результата, который перед ним:

«Ты заявил, между прочим, желание, чтобы я написал совершенно искреннюю статью, нечто вроде своего profession de foi критического; ну вот, в форме писем к тебе я начинаю ряд статей, не то что искренних, а даже, без позволения сказать, халатных, статей совсем нараспашку; да и почему же не быть и не писаться таким статьям в наше если не на деле, то на словах стремящееся к полной искренности время? Ты желал также, чтобы весь пыл убеждения внес я в это дело; ну, боюсь, что ты станешь упрекать меня в азарте» (Григорьев 1980а: 137).

Примечателен здесь, даже более, чем в обращении к Страхову, переход на «ты», который в данном случае вряд ли возможно истолковать как знак особенной близости (свидетельств о каком бы то ни было тесном общении, личном сближении Григорьева и Достоевского не имеется⁶) — и независимо от этих соображений, в любом случае функционирующий в публичном пространстве и в пространстве текста журнальной статьи как сближение, знак обращенности к другому, размыкания в пространство интимного говорения и одновременно оставления за скобками, в пренебрежении, иных, не переходящих эту границу — что отчетливо видно в продолжении процитированного выше фрагмента:

«Воображаю во всяком случае, какую и этим искренним тоном и самым содержанием статей дам я пищу “сатирическому уму” наших обличителей. Ну, да бог с ними!» (Григорьев 1980а: 137).

Если «вы» в обращении к М.М. Достоевскому в начале «Скитаний» работает как своеобразное оправдание и предупреждение, что если следующая далее текст и будет далек от ожиданий, то ведь вызвавшему на писание «литературных воспоминаний» собеседнику известен автор и то, чего от него можно ждать, — то «ты», характерно присутствующее в поздних текстах Григорьева, обозначает переход в «говорок», к строю, воспроизводящему на письме образ разговора, лицом к лицу.

⁵ Аналогичным образом начинаются напечатанные Григорьевым в «Осе», сатирическом приложении к «Якорю», в 1864 г. исповедальные «Монологи Гамлета Щигровского уезда»: «Благослови, Горацио мой, Косица» (Григорьев 2001: 164).

⁶ См.: (Вуттакер 2020: гл. 12).

Роберт Виттакер, характеризуя главы «Скитаний», появившиеся в 1864 г., утверждает: «мотивация последних остается неявной. В конце Григорьев, кажется, полностью уходит в личные воспоминания. Несмотря на блестящее описание романтических готических романов и такую же характеристику Вальтера Скотта, духовная изоляция, наложившая печать на эти последние страницы, подтверждает предположение, будто Григорьев каким-то образом знал, что его литературная карьера подходит к концу» (*Vittaker* 2020: 473–474). Не споря с последним утверждением, в нем можно все-таки усомниться, поскольку толчком к нему оказывается предшествующее суждение о столь «молодом — сорок один год — возрасте» (Там же: 473), в котором Григорьев принимается за писание мемуаров. Здесь, как нам думается, есть несколько если не ложных, то неточных ходов:

— во-первых, не ставшее предметом рефлексии определение жанровой природы текста Григорьева, относимого исследователем к широкой группе «мемуаров». При размытости этого понятия возражать против него сложно — но, прежде всего, важно, что Григорьев описывает свой путь — «скитальчество», и при этом не взятый в аспекте личной, интимной жизни. Напротив, в самом начале текста он заявляет, что М.М. Достоевский побуждал его к «литературным воспоминаниям», т.е. воспоминаниям о литературе и о своей жизни в отношении к литературе, речь

идет о вполне устойчивой формуле, которая будет воспроизводиться и в дальнейшем, ограничивая повествование⁷. К этому определению добавится еще определение «нравственные», которое и определит своеобразие рассказа Григорьева — поскольку речь пойдет не о «литературе» как производстве текстов, литературной среде и т.п., а о «нравственном воздействии», говоря языком чуть более раннего времени, к которому отсылает и сам Григорьев, старательно культивируя свой образ как человека несвоевременного, не попадающего в такт эпохи — и не желающего падать;

— с указанным тесно связано второе обстоятельство, не учтенное Виттакером — и верно отмеченное первыми исследователями наследия Григорьева, а именно — ориентация «Скитаний» не на абстрактные «мемуары», а на тексты Герцена и Гейне, с их переплавкой воспоминаний и текущих размышлений, осмыслением прошлого и настоящего в едином движении. Собственно, именно это объясняет столь оцененное самим Виттакером описание Григорьевым своеобразия 1830-х гг. — построенное на контрасте с современностью, когда исходная, описываемая ситуация выглядит первоначально непонятной, затем вроде бы уясненной через объяснение — и вновь требующей пояснения второго порядка, поскольку ясность, могущая возникнуть у читателя на втором ходе — плод ложного понимания, торопливости. Это знаменитая пятая глава второй части,

⁷ Так, хороший знакомый и Достоевских, и Григорьева, А. Милюков озаглавит сборник своих мемуарных очерков «Литературные встречи и знакомства» (1890), обозначая тем самым предмет повествования (в котором он сам будет появляться биографически именно в том ракурсе, который связан с литературой, оставляя за скобками всю «прочую жизнь»).

«Литературные стремления начала тридцатых годов», которая построена на образе «шашек», меняющих позиции, за которыми необходимо следить — а не из перспективы неких финальных оценок, которые в действительности оборачиваются лишь оценкой современности, по «итогу» деятельности, когда забыты все передвижения и перемены комбинаций во времени (и в этом забвении есть собственная правда). Начинает Григорьев с цитаты полемиста 30-х гг., лишь затем раскрывая и авторство, и предмет обличения — автором оказывается В. А. Ушаков, а противником — С. Т. Аксаков, а сама цитата берется из статьи в «Московском Телеграфе» Н. А. Полевого — и объясняет парадоксальный для читателя начала 1860-х гг. смысл выпада Ушакова, чтобы затем продолжить: «Но вы не торопитесь, пожалуйста, *совсем* становиться на сторону не только что фельетониста Ушакова против С. Т. Аксакова и его кружка, но даже и на стороне Полевого против старцев и “Московского Вестника”. Вы все помните, все держите, пожалуйста, в голове пословицу: девять раз примерь и в десятый отрежь, и все имейте в виду концы, а именно:

1) что В. А. Ушаков кончит “Висящей”;

2) что Полевой напишет “Парашу”, “Ермака” и проч.;

3) что, наконец, самая борьба, поднятая им против абсолютно-государственной идеи Карамзина, кончится в наши дни хохлацким жартом над русскою историею⁸, сведением Московского государства на одну доску с разными отпадшими ханствами и проч., или не то поморскими, не то просто поморными галлюцинациями русских историков “Искры”» (Григорьев 1918: 65–66). В этом действительно великом — и совсем небольшом тексте Григорьев постоянно обращается к разным перспективам — и текущего момента, и существующих репутаций, и современного смысла слов и позиций, и того, как они меняются в прошлом, где прошлое — не нечто «иное», другое, однородное по отношению к современности, а многообразно, и где важно видеть конкретный момент, как в нем расположились участники, и что в тот момент означают их суждения, и как были устроены противостояния тогда. Он замечает мимоходом: «Я вам говорю, что Полевой вовсе не западник, и оттого-то понимание позиции шашек становится еще запутаннее. Какой это западник, который дорожит, как святынею, всякою старою грамотою, всякою песнею народа, печатая их в своем “Телеграфе”; который в одном из фельетонов своего журнала показывает, например, Москву своему заезжему приятелю с фанатической любовью, с полным историческим знанием»⁹ (Там же: 59);

⁸ Имеются в виду в первую очередь исторические труды Н. Костомарова.

⁹ И этот пассаж в свою очередь — в сложных «шахматах» Григорьева отсылает и к самому началу первой части «Скитаний», к тому пути через Болотную к Замоскворечью, которым проводит своего читателя автор, ведя его в мир своего детства и юности (Григорьев 1980: 7–11), и к VI главе первой части, когда он — теперь уже обращаясь к «читателям», поскольку говорит об общем, именно «рутинном приеме» — показывает Москву с «кремлевской вершины», что «почти такое же избитое место, как вид ее с Воробьевых гор» — и тут же вводит в интимное, разговорное: «И теперь я станновлюсь с вами на этом пункте только потому, что так мне нужно...» (Григорьев 1980: 19).

— в-третьих, смещением перспективы оказывается суждение о возрасте писания «воспоминаний». Напомним, что свои автобиографические тексты Герцен пишет с конца 1830-х — начала 1840-х гг., а «Былое и думы» им начаты в 1852–1853 г., то есть в сорок лет, а публикуются первые части уже несколько лет спустя. Или о том, что не только современник, но и соучастник общей с Григорьевым литературной жизни, соредактор «Современника» И. Панаев не только пишет свои «Литературные воспоминания» в 1860 г., а публикует их на страницах своего журнала в 1861 г., еще не достигнув пятидесяти лет и совсем не ожидая, по крайней мере насколько можно судить, близкой смерти — внезапно наступившей его в 1862 г., а Константин Аксаков или Юрий Самарин пишут свои воспоминания (правда, не публикуя их) о студенческих годах в 1855 г., когда одному было тридцать восемь, а другому — тридцать шесть лет. На этом фоне обращение Григорьева к воспоминаниям о своих «литературных и нравственных скитальчествах» в сорок один год не покажется чем-то исключительным.

Суждение Витткера кажется тем более странным, что заглавием книги он выбирает самоопределение Григорьева как «последнего романтика» — а ведь именно для романтизма характерен постоянный режим самоописаний, обращения к себе. Но суть всего этого длинного рассуждения-возражения — в возвращении к тезису о «неясности мотивации последних глав». Неясность здесь возникает лишь при размыкании текста на фрагменты, но Григорьев, напротив, старательно связывает текст воедино, со-

здавая единую нумерацию для глав, отделенных появлением в печати более чем годичным промежутком. Ведь если в последних главах, которые по стечению обстоятельств сделались таковыми, Григорьев обращается совсем к личному, семейному — то достаточно обратиться к самой первой главе, появившейся в ноябрьской книжке «Времени» за 1862 г., чтобы увидеть то же самое, столь же личное — историю про Аркадии, которые разные члены семейства располагают в разных местах Москвы — и о личной Аркадии, для Григорьева-ребенка бывшей в районе Тверской, там, откуда переехало в Замоскворечье его семейство в раннем детстве.

Соединение, встреча человека — его конкретного, личного, частного — и большой истории, открытое в русской литературе, а во многом и в мировой, Герценом — осмысливается Григорьевым через его, введенное им (и затем унаследованное К. Н. Леонтьевым) не столько понятие, сколько образ «веянья», того, что веет во времени — и что охватывает или касается человека, отзывается в нем. Это наложение планов — от семейного чтения и отзвуков романов, доносящихся до Григорьева-ребенка через тонкую стену, отделяющую от гостиной — до описания больших литературных движений и перемен позиций шашек, представляет собой попытку рассказать историю как движение, не в одной линии, не в одной плоскости, а в множественности, собираемой цельностью взгляда, из момента настоящего, когда оборачиваешься назад и, вспоминая, припоминаешь забытое, встречая себя другого.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Григорьев 1918 — Григорьев А.А. Полное собрание сочинений и писем Аполлона Григорьева. В 12 т. Т. I / под ред. В. Спиридонова. Пг.: Издание П.П. Иванова, 1918.

Григорьев 1918а — Григорьев В.А. Потревоженные тени // Григорьев А.А. Полное собрание сочинений и писем Аполлона Григорьева. В 12 т. Т. I / под ред. В. Спиридонова. Пг.: Издание П.П. Иванова, 1918. С. XIV–XXIV.

Григорьев 1980 — Григорьев А.А. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука, 1980.

Григорьев 1980а — Григорьев А.А. Эстетика и критика / вступ. статья, сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980.

Григорьев 2001 — Григорьев А.А. Стихотворения. Поэмы. Драммы / подг. текста, сост., вступ. статья и примеч. Б.Ф. Егорова. СПб.: Академический проект, 2001.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виттакер 2020 — Виттакер Р. Последний русский романтик: Аполлон Григорьев. М.: Common place, 2020.

Гинзбург 1957 — Гинзбург Л.Я. «Былое и думы» Герцена. Л.: Гослитиздат, 1957.

Гинзбург 1977 — Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977.

Спиридонов 1918 — Спиридонов В.С. Примечания // Григорьев А.А. Полное собрание сочинений и писем Аполлона Григорьева. В 12 т. Т. I / под ред. В. Спиридонова. Пг.: Издание П.П. Иванова, 1918. С. 269–356.

REFERENCES

Ginzburg L.Ia. *"Byloe i dumy" Gertsena*. Leningrad: Goslitizdat, 1957.

Ginzburg L.Ia. *O psikhologicheskoi proze*. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, 1977.

Spiridonov V.S. Primechaniia in Grigor'ev A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem Apollona Grigor'eva*. V 12 t. Vol. I, pod red. V. Spiridonova. Pg.: Izdanie P.P. Ivanova, 1918, p. 269–356.

Vittaker R. *Poslednii russkii romantik: Apollon Grigor'ev*. Moscow: Common place, 2020.

М. А. Девлин

Рец.: Ульянова Л. В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб.: Алетейя, 2020. 358 с., илл.

Рецензируемая книга Любови Ульяновой посвящена российской политической полиции и ее непростым отношениям с объектом ее наблюдений и действий — оппозиционно настроенными гражданами (условными либералами). Рассматриваются вопросы многообразия политических взглядов, их градации и классификации с точки зрения политической полиции.

Ключевые слова: политическая полиция, либерализм, Российская империя, славянофильство, западничество.

Сведения об авторе: Девлин Моргана Андреевна, арт-редактор сайта «Русская Idea» (Москва).

Контактная информация: schneekonigin@gmail.com.

М. А. Devlin

Rev.: Ul'ianova L. V. Politicheskaja politssiia i liberal'noe dvizhenie v Rossiiskoi imperii: vlast' igry, igra vlast'iu. 1880–1905. St. Petersburg: Aleteiia, 2020. 358 p., ill.

The reviewed book by Lyubov Ulyanova is devoted to the Russian political police and its uneasy relationship with the object of its observations and actions — opposition-minded citizens (conventional liberals). The issues of diversity of political views, their gradation and classification from the point of view of the political police are reviewed.

Key words: political police, liberalism, Russian Empire, slavophilia, westernism.

About the author: Devlin Morgana A., art editor of website “Russian Idea” (Moscow).

Contact information: schneekonigin@gmail.com.

Название книги Л. В. Ульяновой, на первый взгляд, способно отпугнуть иного неискушенного читателя, который может счесть данное издание рассчитанным на очень узкий круг специалистов. Но если неискушенный читатель все же поборет свой страх и стереотипы, то вскоре поймет, что эта книга представит интерес и для более широкой (конечно,

исторически образованной) читательской аудитории, будучи к тому же весьма созвучна сегодняшнему дню. Еще во введении Ульянова отмечает, что и либералы, и противопоставленные им чины политического сыска — участники одного политического процесса, а по сути диалога о развитии России, который не прекращается по сей день.

© М. А. Девлин, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-340-344

Что касается сугубо научной составляющей издания, она, безусловно, заслуживает высокой оценки. Источниковая база работы велика, ценны вводимые в научный оборот архивные материалы. При этом сам политический сыск (явление, демонизированное советской историографией) предстает не единым организмом, целью которого являются исключительно карательные репрессии. Департамент полиции также нельзя назвать и однозначно представляющим условный консерватизм в его противоборстве с либерализмом. В книге Ульяновой он предстает особой бюрократической организацией, расколотой на внутренние течения (это и «охранительство», и «неославянофильство»), которая озабочена судьбой России в не меньшей мере, чем иные крупные мыслители.

С этой точки зрения, издание заключает в себе конфликт и подконфликт: первый — это обозначенное еще в заглавии взаимодействие политической полиции и тех, кого принято относить к представителям либерального мышления, а второй — это симпатии и антипатии внутри самой системы политического сыска, выраженные не так однозначно, как было принято полагать. Книга убедительно показывает соотношение действительных настроений, царивших в том, что обычно (и не всегда корректно) в народе называют «охранкой».

«Охранку» зачастую выставляют чем-то вроде дореволюционных российских «спецслужб», так вот в данном издании проведен подробный анализ, доказывающий, почему такие параллели неправомерны. Книга написана с большим вниманием к кон-

кретным деталям, она раскрывает массу нюансов, касающихся работы Департамента полиции, его организации, всей его деятельности. Представлены даже диаграммы, на которых показана, например, частота использования слова «либерал» и его однокоренных производных (с. 146 и далее).

Но за этими техническими деталями встает и извечный философский вопрос, до сих пор остающийся актуальным: по какому же пути должна развиваться страна. И читатель, углубляясь в хитросплетения дореволюционного российского политического сыска и историю тех, на кого его непосредственная деятельность была направлена, так или иначе неизменно задумывается над проблемами развития страны более глубинными. Как задумывались над этим и некоторые полицейские чины, искренне пытаясь понять, проанализировать не только действия, но и чаяния тех «условных либералов».

«Условные либералы» — неслучайно подобранный речевой оборот. Если даже среда Департамента полиции была не слишком однородна по политическим воззрениям, то их антипод — среда либеральная — была еще более разрознена. Это и земское движение, и конституционалы (кадеты), и радикалы, и умеренные и т. д. В политически-мировоззренческих отличиях этих движений читателю предстоит разбираться вместе с чинами полицейского сыска, и это, действительно, очень увлекательное разбирательство.

Проделав большую и достойную всяческого уважения работу в архивах

(с. 44–47), Любовь Ульянова приводит пласт делопроизводственной переписки политического сыска, содержащей мнения, взгляды и позиции наблюдаемых, т. е. либералов, поданные с точки зрения наблюдателей, т. е. полицейских. Вот как пример: «Вся последняя книжка “Вестника Европы” проникнута конституционными вождениями, которые довольно систематично и очень острожно выражены в статье Л. З. Слонимского “Современные задачи”. “Первостепенная практическая задача нашего времени установить способы, которыми обеспечивалось бы целесообразное и последовательное обсуждение текущих законодательных потребностей”. Отсюда логически вытекает, что в теперешнем порядке обсуждения законопроектов нет ни целесообразности, ни последовательности... Даже автор статьи “Моя поездка в Шотландию” при описании международной выставки в Глазго... находит возможность сделать вылазку против русского государственного строя, указывая на недостатки русского отдела на выставке, он видит причину этих недостатков в том, что у нас нет конституции» (с. 110–111).

Или более эмоциональное: «Вся речь Хижнякова (одного из местных губернских либералов. — М. Д.) дышала желчью, раздражением, при этом ясно было выражено желание поглумиться и высмеять деятельность губернаторов, с которыми, по его словам, он, Хижняков, всегда находился в самых враждебных отношениях, “зуб за зуб”. Увлечшись в речи, Хижняков, как говорят некоторые из гостей, забылся до того, что будто бы произнес уже “эти губернаторы хер.....”. Но тут толкнул

его сосед и Хижняков остановился, но далее также горячо продолжал говорить и клеймить всю бюрократию» (с. 113–114). Удивительно, но за прошедшую сотню с лишним лет риторика и лексика и условных консерваторов, и условных либералов мало изменилась, и подобные наблюдения в схожей стилистике сегодня вполне можно встретить на «Фейсбуке».

Кажется, не изменилось и многообразие общественно-политической мысли, градации которой отчетливо показывает в своей работе Ульянова. Понятия о либерализме и консерватизме кажутся узкими, не дающими полного представления о действительных взглядах, и в качестве обозначения идейно-политической позиции того или иного человека могут быть лишь условными. В книге приведены интересные письма «умеренного либерала» (по классификации Департамента полиции. — М. Д.) Г. К. Градовского, в которых он жестко высказывается о только что состоявшемся восшествии на престол Николая II: «Приходится удивляться тому невежеству, с которым за границей говорят о России. Нынешние “восхищения и восхваления” просто поразительны и возмущают здесь всех порядочных людей» (с. 185). А после этого он рассуждает уже совсем в духе неославянофильства: «Приезд нового императора ожидают в Санкт-Петербург в четверг 27 октября. Замечу кстати, что для большинства образованного русского общества слово “царь” звучит неприятно, оно введено в моду французами и повторяется теперь во всей европейской печати. Русские говорят, что цари были в московском государстве, с тех пор как Россия при

Петре Великом с перенесением столицы на берега финского залива вернула свое древнее европейское место, она имеет императоров, а не царей. Молодой император Николай II, как видно, спешит соединиться с своей столицей... Если молодой император не восстановит авторитета государственных учреждений, то явится важный вопрос: кто окажется в числе его внушителей, кому удастся завладеть его доверием? Бюрократизм, подавление общественности и печати делают русского государя такой же загадкой, какую представляет Богдыхан для китайцев. Ни император не знает истинных потребностей и желаний своего народа, ни народ не имеет понятий о том, что намерен делать государь, или те внушители, через посредство которых он только и может знать, что творится в жизни» (с. 185).

Присутствует и либерализм более радикальный, как было отмечено Департаментом полиции перед совместной демонстрацией «освобожденцев», социал-демократов и социал-революционеров в декабре 1904 г.: «Сделано все для создания революционного настроения и сознания, что самое главное, полной безнаказанности. Цинизм либералов и нахальство революционеров дошло до максимума, и, кажется, уже дальше идти нельзя» (с. 188). Существовала также классификация либералов на «идейных» и «лжелибералов» (с. 192), а также массу подвидов этого самого «либерализма», который в Департаменте полиции рассматривали едва ли не со своего рода «энтомологических» позиций. И вновь это возвращает нас к параллелям с днем сегодняшним, когда по-

добные дискуссии о том, кого можно считать либералом, а кого нет, очень часто ведутся в среде современного интеллектуального класса.

При прочтении материалов Департамента полиции, представленных в книге и датированных началом прошлого столетия, не чувствуешь более чем столетнего разрыва, и удивительно, насколько все звучит знакомо в соотношении с сегодняшним днем. Например, вот это письмо заведующего Особым отделом Л. А. Ратаева в июне 1902 г. новому директору Департамента полиции А. А. Лопухину: «Вот уже третий год буквально повторяется та же самая история: с самого начала учебного года начинается среди учащейся молодежи брожение, причем агитаторами являются принятые осенью обратно студенты, исключенные предыдущей весной за деятельное участие в беспорядках минувшего академического года. Департамент полиции молчаливо созерцает развитие движения, не подавая признаков жизни и строго воспрещая охранным отделениям и жандармским управлениям затрагивать молодежь на почве студенческих беспорядков, дабы Министерство народного просвещения и так называемое “общество” не сказали, что Департамент полиции своими распоряжениями сам вызывает беспорядки. Тем временем своеволие растет и молодежь продолжает выпускать самые зажигательные воззвания, безнаказанно призывающие граждан к борьбе с правительством. Ободренная таким бездействием власти революционно настроенная молодежь переносит беспорядки из стен учебного заведения на улицу. Тогда их секут нагайками и целыми

полчищами водворяют в тюрьмы, где **они сидя вместе, а не в одиночку** (выделено в тексте. — Л. У.), продолжают устраивать разные нелепые противоправительственные манифестации и взаимно укрепляют друг друга в революционном направлении. Возбуждается речь о невозможности применения к бунтующим самого строго взыскания, но к весне правительство приходит к убеждению, что то, что зимой казалось столь серьезным и опасным, в сущности чистейшие пустяки, не заслуживающие серьезного внимания. Двери тюрем открываются, высланные возвращаются обратно, заведомые агитаторы опять принимаются в учебные заведения, а затем осенью совершенно

как в балагане немедленно начинается повторение того же представления» (с. 314). Как здесь не вспомнить некоторые наши современные истории со школьниками и студентами, в частности студентами ВШЭ, на оппозиционных митингах.

И таких примеров в книге множество. Вряд ли это было целью Любови Ульяновой, она выполняла работу так, как это должен делать ученый-историк, и выполнила ее достойно. Но тем и сильна работа, что дает не только фактологическое исследование, но и повод для размышлений, проведения параллелей и собственного анализа прошлого, настоящего и будущего страны.

Л. А. Юзефович

ИЗВЛЧЕННЫЕ ИЗ НЕБЫТИЯ. КНИГА О КОМАНДАРМАХ-ИЗМЕННИКАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Рец.: Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Пятый Рим, 2020

Известный русский писатель, признанный мастер исторической прозы делится своим мнением о книге, в которой представлены биографии ряда военачальников, оставивших своеобразный и неоднозначный след в истории Гражданской войны в России.

Ключевые слова: история Гражданской войны в России, Красная армия, Белое движение, генералитет и офицерский корпус России, военное предательство как исторический феномен.

Сведения об авторе: Юзефович Леонид Абрамович, кандидат исторических наук, писатель, сценарист, историк (Москва).

Контактная информация: youzef_l_a@mail.ru.

L. A. Yuzefovich

EXTRACTED FROM NOTHINGNESS. A BOOK ABOUT THE TRAITOROUS COMMANDERS OF THE CIVIL WAR

Rev.: Ganin A. V. Izmena komandarmov. Predstaviteli vysshego komandnogo sostava Krasnoi armii, pereshedshie na storonu protivnika v gody Grazhdanskoj voiny v Rossii 1917–1922 gg. Moscow: Piatyi Rim, 2020.

A well-known Russian writer, a recognized master of historical prose, shares his opinion on the book, which presents the biographies of a number of military leaders who left a peculiar and ambiguous mark in the history of the civil war in Russia.

Key words: history of the Civil war in Russia, Red Army, White movement, generals and officer corps of Russia, military betrayal as a historical phenomenon.

© Л. А. Юзефович, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-345-350

* Сокращенную версию рецензии см. на сайте «Горький. Медиа». <https://gorky.media/reviews/izmena-kak-sudba-komandarmy-perebezhchiki-v-gody-grazhdanskoj-voiny/>.

About the author: Yuzefovich Leonid A., candidate of historical sciences, writer, screenwriter, historian (Moscow).

Contact information: youzef_l_a@mail.ru.

Первая книга Андрея Ганина вышла в 2004 г. и была посвящена одному из видных колчаковских генералов, «черногорцу на русской службе» Андрею Бакичу. Для молодого историка естественно сочувствие побежденным, но не сдавшимся, сражавшимся до конца, однако позднее приходит понимание, что проиграли они отнюдь не в силу нравственного превосходства над победителями или какой-то особой разборчивости в средствах. Начав как исследователь Белого движения на Южном Урале, в Оренбуржье, со временем Ганин расширил круг своих интересов и, отчасти под давлением им же воскрешенной реальности, не позволившей ему оставаться на прежних позициях, превратился в одного из самых значительных и объективных исследователей Гражданской войны. Свидетельство тому — его новая книга.

Слово «измена» в ее заглавии кажется спорным. Можно ли в условиях Гражданской войны назвать изменником подполковника-эсера Федора Махина, в полном согласии со своими убеждениями перешедшего из Красной армии не к белым, а в Народную армию эсеров-меньшевистского КОМУЧа? Или полковника (впоследствии генерала) Бориса Богословского, который вынужден был принять командование красной 3-й армией Восточного фронта, но до перехода к Колчаку пробыл в этой должности всего один день?

«При обсуждении материалов книги, — признает автор, — не раз возни-

кали вопросы относительно допустимости применения понятий “измена” и “предательство” к Гражданской войне, причем отмечалось, что это эмоционально окрашенные, оценочные понятия». Ганин приводит словарное значение этого понятия и подчеркивает, что речь идет «не об измене Родине, а об измене тому или иному политическому режиму, которому обязались служить герои книги», но такое объяснение не совсем убедительно. Язык нам не подвластен; независимо от намерений автора слово «измена» предполагает осуждение тех, кто ее совершил, каковы бы ни были их мотивы, однако никакого другого, столь же яркого и способного заменить его на обложке книги, в русском языке просто нет. Вместо него можно употребить разве что вялые словесные конструкции. Соединение несочетаемых вроде бы, если забыть о генералах Власове и Дюмурье, понятий «измена» и «командармы» вызывает интерес своей провокативностью, да и фонетика перекликающихся слогов «мен» и «ман» несет мощный энергетический заряд. Его тревожащая неоднозначность прекрасно передает дух времени.

Автор подробно излагает причины, побудившие его обратиться к этому сюжету: «Советские историки оказались лишены возможности полноценной и объективной разработки темы измен командного состава. Освещение ранней истории Красной армии находилось под жестким партийным идеологическим контролем (до смер-

ти И.В. Сталина эти сюжеты прямо фальсифицировались). Множество исторических деятелей советского лагеря, начиная с председателя РВСР Л.Д. Троцкого, были вычеркнуты из истории и объявлены “врагами народа”. Их имена нежелательно было даже упоминать, а положительные оценки считались недопустимыми. Об объективном изучении действий тех, кого считали предателями даже до массовых репрессий 1930-х гг., не приходилось и помышлять... В советской историографии длительное время под негласным запретом находилась даже проблематика участия добросовестных военных специалистов в строительстве Красной армии, не говоря о деятельности (тем более созидательной) перебежчиков и предателей. О высокопоставленных изменниках или не упоминали вовсе, или же их служба характеризовалась искажавшими действительность пропагандистскими штампами, а в некоторых случаях заурядными оскорблениями». Между тем, продолжает Ганин, «счет шел на тысячи, если не на десятки тысяч офицеров, перебежавших из одного лагеря в другой»; это «меняет некоторые базовые представления о Гражданской войне — например, стереотип незыблемости противоборствующих лагерей».

Реконструировать ткань прошлого Ганину позволило погружение в архивные коллекции, нередко труднодоступные для исследователей. Охват впечатляет. Основу работы составили документы шестнадцати архивов России, Армении, Латвии, Сербии, США, Украины, Чехии.

Самые ценные материалы удалось найти как в российских архивах, так

и в архивах США, где сохраняется наследие русской эмиграции. Например, в Музее русской культуры в Сан-Франциско автор обнаружил важнейший исторический источник — прежде неизвестные воспоминания красного командарма Николая Всеволодова, бежавшего к белым.

Ганин тщательно реконструирует конкретные фронтовые ситуации с участием его героев-перебежчиков, но при чтении невозможно не почувствовать не только прагматическую или идейную, но и экзистенциальную подоплеку их решений. Двоемыслие, жизнь под маской, роковые мгновения на судьбоносном перепутье, когда любой выбор в итоге оказывается роковым, — все это ближе к тому, чем занимается литература, а не историческая наука. Не заигрывая с читателем, не скатываясь в публицистику и не забывая о своей основной задаче, автор «Измены командармов» позволяет нам постоять на тех развилках судеб и проникнуть в те потаенные движения человеческой души, до которых никогда не добираются политически ангажированные исследователи.

Из 120 командующих красными армиями и фронтами советской власти изменили всего восемь, из них только четверо окончили Академию Генерального штаба, т.е. имели высшее военное образование: Федор Махин, Борис Богословский, Николай Всеволодов и Николай Жданов. Они и стали главными героями книги. В трех случаях очерки о них дополнены архивными документами, но раздел о Богословском такого приложения не имеет. Ганин не сумел получить в Омском архиве

ФСБ его следственное дело, поскольку Богословский не реабилитирован. Отказ в реабилитации мотивируется тем, что генералом «принимались решения, направленные на поддержку и существование сформированного Колчаком политического режима, характеризовавшегося массовыми репрессиями, истреблением мирного населения, свержением действующих легитимных органов власти, т. е. связанные с совершением преступлений против мира, человечности, правосудия и государства».

У себя на странице в «Фейсбуке», напомнив, что в России на государственном уровне отданы воинские почести лидерам белых, что в Москве перезахоронены останки Антона Деникина и Владимира Каппеля, Ганин следующим образом прокомментировал решение суда: «Это говорится отнюдь не о фигурантах Нюрнбергского процесса, как можно было бы подумать при упоминании “преступлений против мира и человечности”, а об офицере русской армии, завершившем свой жизненный путь более ста лет назад (Богословский к тому же был штабистом). Такое обвинение, по существу, бросает тень на все патриотическое офицерство, пошедшее в Белое движение. Репрессивные формулировки эпохи Гражданской войны в настоящее время выглядят анахронизмом».

Герои книги — «изменники», тем не менее двое из них вызывают нашу безусловную симпатию. Ганин не скрывает склонность Богословского к штабным интригам, но конец этого человека отбросил трагический ответ на его предшествующую жизнь. В декабре 1919 г., при

отступлении остатков колчаковских войск на восток, Богословский, будучи начальником штаба у Каппеля, находился в его поезде. На станции Ачинск поезд был взорван подпольщиками. Каппель, бывший целью покушения, не пострадал, Богословский отделался царапинами от осколков вагонного стекла, но тяжелейшее ранение получила его жена, Мария Иосифовна. Двигаться дальше она не могла. Сознавая, что при пленении он, скорее всего, будет казнен, Богословский тем не менее остался с женой до прихода красных и заплатил за это жизнью — был расстрелян.

Не менее достойным человеком был Махин. Убежденный противник большевиков, в 1921 г. он из Эстонии руководил эсеровскими операциями в поддержку Кронштадтского восстания, а под конец жизни стал столь же непреклонным врагом фашизма, вступил в Коммунистическую партию Югославии, участвовал в партизанском движении. Помимо большого опыта руководства вооруженной борьбой, Махин был ценен еще и тем, что владел немецким, английским, французским, болгарским, чешским и сербохорватским языками; с его эрудицией он хорошо разбирался в военно-политической обстановке и при дефиците информации о ходе Второй мировой войны оказался востребованным в штабе Иосипа Броз Тито. Махин получил звание генерала югославской армии, но умер вскоре после победы, в июне 1945 г. Дополнительные эмоции вызывает эпилог этой яркой жизни: названная в честь Махина улица в Белграде была переименована в конце 1980-х «в связи со сменой государственной

политики», а его могила затерялась: «неоднократные попытки автора ее отыскать успехом не увенчались». По сути дела, Ганин извлек из небытия эту неординарную даже для того времени фигуру.

Сложнее со Всеволодовым. В биографическом очерке он предстает как беспринципный делец, коммерсант с полковничьими погонами, постоянно думающий о деньгах, ухитрившийся в революционном Петрограде завести гараж с несколькими автомобилями и зарабатывать «автоизвозом», а в Аргентине, где он позднее очутился, стать владельцем кондитерского магазина. Нашедшему его записки Ганину принадлежит честь открытия этого нового человеческого типа, ускользнувшего от внимания писавших о революции и Гражданской войне мемуаристов и литераторов. Всеволодов — персонаж малосимпатичный, но и этот офицер-предприниматель обретает привлекательные черты, когда начинаешь читать его собственные воспоминания, полностью опубликованные в книге. Они написаны так талантливо, с такими живыми портретами людей и деталями быта, что невольно меняется отношение к их автору. Вот, например, его рассказ о том, как весной 1918 г. он и его товарищи по несчастью коротали время в тюрьме Петроградской ЧК: «Мы стали заниматься гипнозом на расстоянии. Целью гипноза было заставить Урицкого приехать в тюрьму и нас освободить. Для успеха нужно было каждый день вечером, в один и тот же час, подходить к окну и делать заклинания. Став на табуретку, мы самым серьезным образом проделывали таинственные

пассы и жестикулировали, широко разводя и размахивая руками в сторону “Чека”. Каждый по-своему, как умел, внушал и приказывал Урицкому беспрекословно повиноваться нашей воле и немедленно прибыть в тюрьму. Все без исключения проделывали эту церемонию с самым сосредоточенным и серьезным видом... Если бы кто-либо случайно зашел к нам во время “сеанса”, то наверняка решил бы, что попал в сумасшедший дом, так усердно и с экстазом мы выполняли роль медиумов».

При том что Всеволодов не любит евреев, до лжи и клеветы он не опускается; член РВС Донского фронта, выпускник Сорбонны и будущий нарком финансов, большевик Григорий Сокольников (Бриллиант) вызывает у него уважение, если не восхищение: «Сокольников обладал удивительной, непреклонной силой воли и непоколебимостью. Бывали очень рискованные и тяжелые моменты на фронте, но они его несколько не смущали. Он был всегда спокоен и самоуверен. Свое внутреннее, душевное состояние не выдавал ни единым словом, ни жестом. В военной обстановке разбирался очень хорошо, можно сказать — как офицер Генерального штаба. Я поражаюсь богатству его познаний в военном деле».

«Высокопоставленные изменники, — завершая книгу о них, резюмирует автор, — в большинстве были лично храбрыми офицерами старой армии... Это и неудивительно — измена в условиях Гражданской войны требует решимости и мужества в силу непредсказуемости последствий». И далее: «Подлинная история всегда

сложнее и многообразнее любых идеологических схем и клише. В полной мере такое наблюдение относится и к героям этой книги... Все они интересны и в смысле их участия в Гражданской войне, и в плане персонального опыта, поведения, жизненных исканий. Даже самый далекий из них от фронтового героизма, Всеволодов, стремившийся к личному благополучию и, видимо, избегавший передовой, при глубоком погружении в детали его жизненного пути оказывается интересен».

Новаторская по замыслу, основанная на огромном круге архивных материалов книга Ганина дает нам бесценное ощущение близости к описываемым в ней людям и событиям. А еще — сознание, что на дистанции в столетие победа и поражение перестают быть чем-то абсолютно проти-

воположным друг другу, становятся лишь разными личинами одной сущности. Их двуединство автор «Измены командармов» чувствует, может быть, острее, чем многие.

Художник Саврасов наставлял учеников, рисовавших у него в классе обнаженного натурщика: «Пяточку ему малюете, а смотрите в лицо». Кажется, Андрей Ганин держал в памяти эту универсальную рекомендацию. Выбранные им для реконструкции частные эпизоды раннесоветской военной истории проработаны тонкой кистью, способной передать мельчайшие детали фактуры, но освещены под таким углом, что предстают как нервные узлы более широкой исторической реальности — той, которая никак не может окончательно уйти в прошлое.

А. А. Кузнецов

Рец.: Соломонов В. А., Зайцева Н. Н. Павел Григорьевич Любомиров: превратности судьбы историка. М.: Новый хронограф, 2019. 240 с.

В рецензии рассматривается книга В. А. Соломонова и Н. Н. Зайцевой, посвященная биографии видного русского историка Павла Григорьевича Любомирова и судьбе его научного наследия. Данное исследование может стать определенным шагом к созданию биографического тандема П. Г. Любомирова и его друга и коллеги С. Н. Чернова. Оба историка были связаны с Саратовом по рождению, а позже, работая бок о бок в Саратовском университете они представляли научную школу своего учителя — С. Ф. Платонова.

Ключевые слова: П. Г. Любомиров, С. Ф. Платонов, С. Н. Чернов, Санкт-Петербург, Томск, Саратов, Москва, университет, история, историческая наука, биография, Нижегородское ополчение, история России/СССР в 1880–1930-е гг.

Сведения об авторе: Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород).

Контактная информация: nalbuz@mail.ru.

A. A. Kuznetsov

Rev.: Solomonov V. A., Zaitseva N. N. Pavel Grigor'evich Liubomirov: prevratnosti sud'by istorika. Moscow: Novyi khronograf, 2019. 240 p.

The book by V. A. Solomonov and N. N. Zaitseva is reviewed, its subject is the biography and the fate of the heritage of the prominent Russian historian Pavel Grigorievich Lyubomirov. This study can become a definite step towards the creation of some kind of biographical tandem of P. G. Lyubomirov and his friend and colleague S. N. Chernov. Both historians were associated with Saratov by birth, and later, working side by side at Saratov University, they represented the historical school of their teacher — S. F. Platonov.

Key words: P. G. Lyubomirov, S. F. Platonov, S. N. Chernov, St. Petersburg, Tomsk, Saratov, Moskau university, history, historical science, biography, Nizhny Novgorod militia, the history of Russia/USSR in the 1880s–1930s.

About the author: Kouznetsov Andrey A., Dr. of Science in History, Associate professor of Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship of the Institute of Economics and entrepreneurship of the Lobatchevsky State University of Nizhni Novgorod.

Contact information: nalbuz@mail.ru.

В качестве эпиграфа к рецензируемой монографии можно взять слова Н.Я. Эйдельмана во время выступления в Ленинграде 21 мая 1989 г.: «Любой историк... в той или иной степени всегда занимается современностью». Такой ракурс придает ремеслу историка культурное значение. И когда историки исторической науки представляют своего коллегу из более ранних времен, то они вводят его в круг своей современности, актуализируют его наследие и культуру его эпохи.

Яркий пример данного тезиса — монография В.А. Соломонова и Н.Н. Зайцевой о личности и наследии Павла Григорьевича Любомирова. Владимир Анатольевич Соломонов много работ посвятил истории Саратовского университета и ее отражению в персоналиях его студентов и профессоров. По сути, речь идет о саратовской университетской просопографии (Соломонов 2012). В этом коллективном портрете образовательно-научного сообщества, созданном усилиями В.А. Соломонова, особенно ярко проступают черты физика В.Д. Зернова, историков С.Н. Чернова и П.Г. Любомирова. Такая ситуация обусловлена тем, что большую работу в архивах и библиотеках В.А. Соломонов дополнял сбором личного архива. В нем присутствуют письма, воспоминания, дневники тех, кем интересуется исследователь.

Трагические судьбы и наследие историков С.Н. Чернова и П.Г. Любомирова в исследованиях В.А. Соломонова и его соавторов занимают особое место. Оба были учениками великого российского историка Сергея Федоровича Платонова (1860–1934), они привнесли свет и традиции петербургской исторической школы в относительно молодой Саратовский университет и саратовскую историческую науку. И в связи с такими обстоятельствами возникает сакраментальный вопрос, что осталось от их наследия в Саратовском университете и сколь много он потерял из-за их вынужденного ухода.

Многочисленные публикации В.А. Соломонова о друзьях-коллегах С.Н. Чернове и П.Г. Любомирове стали своеобразной подготовкой его написанной в соавторстве с Т.В. Андреевой книги о С.Н. Чернове (*Андреева, Соломонов 2006*). Справедливо было отмечено в монографии о П.Г. Любомирове, что источники к биографии С.Н. Чернова содержат много информации о жизни и деятельности П.Г. Любомирова (с. 14). И поэтому ожидалась отдельная книга о нем. Тем более в 1936 г. С.Н. Чернов написал его некролог, опубликованный десятилетия спустя и переопубликованный в рецензируемом издании (*Отношение... 2002*)². На этом фоне существовала потребность во взгляде исторической

² См. также: (*Андреева, Смирнова 2003*).

науки нашего времени на П. Г. Любомирова и его наследие. Теперь она удовлетворена с выходом книги.

Книга четко делится на две равноценные части: собственно биографический очерк (историографический блок), написанный В. А. Соломоновым и Н. Н. Зайцевой (с. 5–92), и подборка документов (источниковый блок) в «Приложениях» (с. 93–217). Забегая вперед, надо отметить, что данная структура позволяет поведать в полной мере о жизни русского историка на сломе эпох и о трагедии, связанной с востребованностью его научного творчества.

В историографической части авторы удачно периодизировали по главам жизнь своего героя. В первой главе (с. 19–36), посвященной детству, юности, учебе в Санкт-Петербургском университете и становлению П. Г. Любомирова как ученого, рассмотрена та часть его биографии, которая пришлось на конец эпохи, на период упадка Российской империи. Глава вторая (с. 37–66), повествующая о преподавании и научно-исследовательской деятельности П. Г. Любомирова в Томском и Саратовском университетах в период Гражданской войны, военного коммунизма, НЭПа, т. е. революционного кризиса и его преодоления, отражает сложные страницы истории российских университетов с ее контрапунктами, развилками и утраченными возможностями. Удачей второй главы можно считать довольно подробно прописанную в ней историю Саратовского университета, его развития в 1920-е гг., и неразрывной с ней оказывается деятельность П. Г. Любомирова. И третья глава (с. 67–92)

накладывает личную трагедию историка на «Великий перелом», когда застывали политические формы, ужесточались идеологические требования к истории и историкам. Между строк вычитывается, что тонкий интеллигентский склад П. Г. Любомирова не выдержал этого времени, не выдержал требований, противоречащих поиску истины. Постоянное давление, критика (факты об этом приведены в книге) подводят к мысли, что смертельная болезнь историка во многом явилась результатом несправедливой, зачастую подлой критики и гонений.

Источниковый блок книги состоит из документов. Особую ценность ему придают 22 письма П. Г. Любомирова к С. Ф. Платонову (с. 99–125), в которых раскрываются многие человеческие качества Павла Григорьевича, а также стороны его научной деятельности. Эффект человеческого присутствия П. Г. Любомирова в окружавшем его профессиональном сообществе достигается за счет воспоминаний любивших и уважавших его учеников и коллег. Эти эго-тексты создают атмосферу диалога читателя с П. Г. Любомировым. Его и мемуаристов живой речи противопоставлены ходульные обвинения некоторых «коллег» по Саратовскому университету, обвинявших ученого в 1930–1931 гг. в монархизме, в прославлении сторонников буржуазии и феодалов — к ним причислялись в том числе Минин и Пожарский. Такое сочетание документов — творческая находка авторов. И можно домыслить, что через четыре-пять лет после саратовских обструкций И. В. Сталин на полях макета учебника оставит комментарий,

воспринимающийся как своеобразный ответ ретивым критикам П. Г. Любомирова: «Что, поляки и шведы были революционерами?» (*Дубровский* 2005). Эта запись будет сделана, когда П. Г. Любомиров с болью доживал свои последние месяцы. А еще через пять лет будет осуществлено второе издание его книги (по сути, магистерской диссертации) о Нижегородском ополчении 1611–1612 гг., и она начнет свое триумфальное шествие до наших дней.

С этой монографией связан историографическо-биографический парадокс П. Г. Любомирова. После нее, как следует из очерка В. А. Соломонова и Н. Н. Андреевой и списка опубликованных работ (с. 207–212), историк исследовал развитие промышленных предприятий, занимался текстами А. Н. Радищева и М. М. Щербатова, монетами Восточной Европы до XI в., мордвой, временем Петра I, старообрядчеством... но эти и другие его наработки привлекают сегодня внимание только профессионалов-историков. А вот магистерская диссертация П. Г. Любомирова в виде книги «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг.» не только была востребована властью — и советской, и постсоветской, не только пошла в народ в 1930–1990-е гг., но до сих пор остается определяющим фактором в представлении Нижегородского подвига. С книгой П. Г. Любомирова считаются, на нее ссылаются или оспаривают (*Козляков* 2012; *Морохин, Кузнецов* 2017; *Пудалов* 2011; *Эскин* 2013), но историогра-

фия живет ею уже более ста лет. Несмотря на массив фундаментальных исследований П. Г. Любомировым других проблем, он ассоциируется в историографии в первую очередь с очерком о Нижегородском ополчении. Монография В. А. Соломонова и Н. Н. Зайцевой ценна еще и тем, что высвечивает другие достижения П. Г. Любомирова, которые исторической науке еще предстоит осмыслить.

В связи с нарративом П. Г. Любомирова о Нижегородском ополчении надо высказать главное замечание. В списке опубликованных трудов историка в книге В. А. Соломонова и Н. Н. Зайцевой отсутствует переиздание «Очерка истории Нижегородского ополчения» в 2011 г. в Нижнем Новгороде, в преддверии 400-летнего юбилея освобождения Москвы ополчением Минина и Пожарского³. Властям (здесь опять проступает болезненная для биографий С. Н. Чернова и П. Г. Любомирова грань «историк и власть») вновь оказался нужен труд П. Г. Любомирова. Кроме самого воспроизведения труда П. Г. Любомирова, в названном томе представлены тексты нижегородских исследователей, осваивающих наследие этого историка. Они тоже не были учтены в рецензируемой книге.

Можно пожелать авторам продолжать эти историографические исследования. С учетом того, что биографию П. Г. Любомирова (как уже было сказано) не раскрыть без обращения к источникам о С. Н. Черно-

³ Оно было осуществлено при финансовой поддержке губернатора Нижегородской области. См.: (*Любомиров* 2011).

ве и наоборот, напрашивается идея книги о двух историках-земляках, друзьях. В истории отечественной исторической науки подобные тандемы встречались и в XIX в. — например, выросшие в Нижнем Новгороде С. В. Ешевский и К. Н. Бестужев-Рюмин. Как и в случае с Любомировым и Черновым, после смерти первого второй писал о своем alter ego, сохранял и приумножал память о нем. Такое парное представление творчества двух близких историков дает пищу для размышлений о том, что могло бы ожидать Любомирова, мигнул его недуг.

Подтверждением такому предположению могут служить обвинения коммунистов в адрес С. Н. Чернова в Горьковском пединституте, где он преподавал в 1937–1938 гг.: «Некоторые преподаватели политически не воспитывают студентов. Так, например, проф[ессор] Чернов, характеризуя Бенкендорфа, говорил о нем в лекции как о передовом, культурном и талантливом человеке своего времени»; «О лекциях Чернова. Мы не получаем того, что надо. Нет в лекциях политически заостренного»; «Он не может дать материал политически остро... Мы изучаем его работу. Он игнорирует новый учебник по Истории СССР... Стенографированные лекции Чернова нельзя брать в основу при подготовке к государственным экзаменам... На Литфаке... пришлось слышать тезис, что реформы Петра I носят ограниченный характер и по причине дикости и отсталости масс. Это троцкистский тезис. К таким вещам надо присматриваться и на них необходимо реагировать. Он просто рассказывает, но не делает политических выводов»; «Чернов... о котором

говорят, что политически неправильно строит свои лекции, должен быть изучен»; «Лекции Чернова не марксистские. Надо решить вопрос: может ли Чернов перестроиться. После этого с ним нужно проститься»; «В лекциях проф[ессора] Чернова есть чисто буржуазные высказывания, как напр[имер], развитие взгляда о призвании варягов, момент, трактованный буржуазными историками в целях необходимости доказать надклассовый характер государства»; «О проф[ессоре] Чернове нужно сказать, что если у него в лекциях есть целый ряд не марксистских положений, положений, идущих в разрез с установками учебников Шестакова, после этого следует ли оставлять его в нашем ВУЗе?» (Государственный общественно-политический архив).

Плодотворным стало бы рассмотрение роли Нижнего Новгорода / Горького в судьбах П. Г. Любомирова и С. Н. Чернова. В связи с первым из них подспорьем могут стать исследования В. В. Митрофанова, которые использованы в рецензируемой монографии. Именно «Очерк истории Нижегородского ополчения...» открыл П. Г. Любомирова для Нижнего Новгорода и нижегородской исторической науки. С. Н. Чернов, преподававший в Горьковском пединституте, именно в Горьком хотел напечатать некролог на П. Г. Любомирова, именно там написал своеобразное дополнение к «Очерку...» П. Г. Любомирова — о Нижнем Новгороде в 1606–1611 гг., и хотел там его напечатать (текст не опубликован до сих пор).

В 1917–1918 гг. «Очерк...» П. Г. Любомирова рекомендовал нижегородским архивистам и С. Ф. Платонов.

В связи с этим обстоятельством открывается перспектива дать парный портрет учеников С. Ф. Платонова как представителей его школы и продолжателей традиций в вузах и исторических сообществах Томска, Ферганы, Саратова, Горького, академических учреждениях Ленинграда и Москвы.

Расширяя проблемный круг, надо отметить, что двойная биография С. Н. Чернова и П. Г. Любомирова внесет свой вклад в более детальное и аргументированное изучение коллективной судьбы российских историков, да и ученых вообще, родившихся в 1880–1890-е гг., сформировавшихся в академической среде Российской империи и волею судеб оказавшихся в новой для себя советской действительности с доминировавшими в ней нравами и ценностями. На такие размышления наводит знакомство с интересной и своевременно появившейся книгой, повествующей о нелегкой личной и творческой судьбе выдающегося русского историка Павла Григорьевича Любомирова.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Государственный общественно-политический архив — Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 8. Л. 40 об.; Д. 144. Л. 90–91.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Соломонов 2012 — Владимир Анатольевич Соломонов: Библиографический указатель (1985–2012). Саратов, 2012.

Андреева, Смирнова 2003 — Андреева Т. В., Смирнова Т. Г. П. Г. Любомиров и С. Н. Чернов // Русская наука в биогра-

фических очерках / отв. ред. Э. И. Колчинский, И. П. Медведев. СПб., 2003.

Андреева, Соломонов 2006 — Андреева Т. В., Соломонов В. А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / отв. ред. А. Н. Цамутали. Саратов, 2006.

Дубровский 2005 — Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

Козляков 2012 — Козляков В. Н. Герои Смуты. М., 2012.

Любомиров 2011 — Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. // Подвиг Нижегородского ополчения. В 2 т. Том второй. Нижний Новгород, 2011.

Морохин, Кузнецов 2017 — Морохин А. В., Кузнецов А. А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М., 2017.

Отношение... 2002 — «Отношение П. Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным» (С. Н. Чернов о саратовском периоде жизни П. Г. Любомирова) // Саратовский краеведческий сборник: Науч. тр. и публ. / под ред. проф. В. Н. Данилова. Саратов, 2002.

Пудалов 2011 — Пудалов Б. М. «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608–1612 годах. Историографический очерк. Нижний Новгород, 2011.

Эскин 2013 — Эскин Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.

REFERENCES

Andreeva T. V., Smirnova T. G. P. G. Liubomirov i S. N. Chernov. *Russkaia nauka v biograficheskikh ocherkakh*, отв. ред. E. I. Kolchinnskii, I. P. Medvedev. St. Petersburg, 2003.

Andreeva T. V., Solomonov V. A. *Istoriik i vlast': Sergei Nikolaevich Chernov. 1887–1941*, отв. ред. A. N. Tsamutali. Saratov, 2006.

Dubrovskii A.M. *Istorik i vlast': istoricheskaia nauka v SSSR i kontseptsiiia istorii feodal'noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)*. Briansk, 2005.

Eskin Iu.M. *Dmitrii Mikhailovich Pozharskii*. Moscow, 2013.

Kozliakov V.N. *Geroi Smuty*. Moscow, 2012.

Liubomirov P.G. Oчерk istorii Nizhegorodskogo opolcheniia 1611–1613 gg. "Otnoshenie P.G. [Liubomirova] k universitetu bylo chrezvychaino berezhnym i liubovnym" (S.N. Chernov o saratovskom periode zhizni P.G. Liubomirova). *Saratovskii kra-*

evedcheskii sbornik: Nauch. tr. i publ., pod red. prof. V.N. Danilova. Saratov, 2002.

Podvig Nizhegorodskogo opolcheniia. V 2 t. Tom vtoroi. Nizhnii Novgorod, 2011.

Morokhin A.V., Kuznetsov A.A. *Kuz'ma Minin. Chelovek i geroi v istorii i mifologii*. Moscow, 2017.

Pudalov B.M. *"Smutnoe vremia' i Nizhegorodskoe Povolzh'e v 1608–1612 godakh*. Istoriograficheskii очерk. Nizhnii Novgorod, 2011.

Vladimir Anatol'evich Solomonov: Bibliograficheskii ukazatel' (1985–2012). Saratov, 2012.

А. И. Рупасов

Рец.: Сабин Дюллен. Уплотнение границ: К истокам советской политики. 1920–1940-е / пер. с французского Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 416 с.

Рецензируется опубликованная на русском языке монография французского историка, посвященная политике СССР в отношении соседних государств в межвоенный период.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, международные отношения, западные границы СССР, пограничье, буферные зоны в международных отношениях.

Сведения об авторе: Рупасов Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН (Санкт-Петербург).

Контактная информация: rupasov_ai@mail.ru.

A. I. Rupasov

Rev.: Sabin Diullen. Uplotnenie granits: K istokam sovetsoi politiki. 1920–1940-e, per. s frantsuzskogo E. Kustovoi. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 416 p.

A monograph paper by a French historian published in Russian is reviewed. Its subject is the policy of the USSR in relation to neighboring states in the Interwar period.

Key words: foreign policy of the USSR, international relations, western borders of the USSR, borderlands, buffer zones in international relations.

About the author: Rupasov Aleksandr I., doctor of historical sciences, coordinating researcher of the Saint Petersburg Institute of history, RAS (St. Petersburg).

Contact information: rupasov_ai@mail.ru.

Интригующее название книги Сабин Дюллен — «Уплотнение границ» — привлечет к себе внимание не только интересующегося сугубо вопросами установления границ Советской России / СССР. Вместе с тем изначально это название настораживает, точнее, подзаголовок монографии как на французском, так и на русском языке. Переводчик нашел не совсем, на наш взгляд, удачный

перевод французского «aux origines des politiques soviétiques» — «к истокам советской политики». Впрочем, знакомство с текстом вынуждает предположить, что выбор подзаголовка для самой Сабин Дюллен вызывал затруднения и используемое ею понятие «уплотнение границ», внятной трактовки которому в монографии читатель не найдет, скорее было обусловлено попыткой найти

© А. И. Рупасов, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-358-365

что-то нетривиальное. Более того, при прочтении текста монографии невольно возникает вполне определенное представление о скрывающемся между названием и подзаголовком противоречии.

Если учесть признание автора, что ее подход к изучаемому объекту «близок к тому, что предложил Питер Салинс, рассматривая границу как процесс, как освоение разрыва между примыкающими зонами, как трудное, являющееся предметом переговоров создание отличия, которое со временем превращается в систему» (с. 18), то знакомство с текстом монографии приводит к нескольким выводам. Оставляя в стороне изысканность формулировки упомянутого П. Салинса, заметим только, что создание отличия путем переговоров вызывает вопросы (к нему самому или переводчику) по части умения словесно оформить определенную мысль. Что же касается текста монографии Сабин Дюллен, то, прежде всего, следует отметить: скромное знание материалов, освещающих ситуацию как по другую сторону границы, так и с собственно советской стороны, плюс не всегда адекватная интерпретация советских документов и самого документооборота облегчает автору путь к обобщениям. (Так, например, в силу неверного толкования советских документов, автор книги в создании комиссии, получившей название комиссии по укреплению погранполосы, видит только переименование комиссии по обследованию погранполосы (с. 205), не вдаваясь в суть дела.) Поскольку в ссылках на архивные документы нередко отсутствует упоминание отправителя и адресата, а также

указывается только номер дела без указания номера цитируемого листа, то читателю приходится принимать на веру те или иные утверждения автора, а в тех случаях, когда тот противоречит сам себе, — делать собственные умозаключения.

Во-вторых, постановка автором задач исследования не может не вводить в заблуждение, поскольку остается неясным, что же в конечном итоге исследуется: наделяемый некой субъектностью «рубеж», который «вмешивается в политику, влияет на повседневную жизнь и вторгается в воображаемое», причем интересующий исследователя только тогда, когда он — т.е. «рубеж» — «влечет за собой последствия»? Или же политика центра, для рассмотрения которой «наиболее адекватным является масштаб пограничной зоны — территории, размеры которой варьируют в зависимости от выбранных критериев, институтов и индивидов» (с. 18)? Поскольку в тексте упомянутый «рубеж» как некий политический или административный актор фактически отсутствует, первая из указанных задач, вероятно, станет предметом следующей монографии Сабин Дюллен. Если исходным для анализа творчества советских деятелей там, где дело касается «процесса изобретения плотной разбухшей (sic!) границы», для Сабин Дюллен служит не вызывающий «сомнений факт, что с первых своих шагов в роли новоявленных государственных деятелей Ленин и его соратники были одержимы идеей контроля за въездами и выездами» (с. 24), то является, на наш взгляд, желательным наличие некоего пояснения к другому постулируемому тезису: «Вплоть до создания

СССР для официального большевистского дискурса было характерно пренебрежение к границам» (с. 101), ср. также с содержанием параграфа «Пока еще частые и простые пересечения границы» (с. 135–138). Долгими зимами 1920-х — начала 1930-х гг. советские и финские рыбаки занимались в Финском заливе подледным ловом именно в советском секторе залива, при полном непротивлении советских властей. «Уплотненная граница» оказывалась настолько рыхлой, что некоторые не пренебрегали возможностями заглянуть в Петроград/Ленинград — к знакомым, родственникам, чтобы что-то купить, что-то продать.

В-третьих, обращает на себя внимание едва ли допустимая для серьезного исследователя поверхностность при интерпретации отдельных фактов в более широком контексте. Длительная борьба советских дипломатов за закрытие латвийскими и эстонскими властями так называемых приграничных транзитных лавок, торговля которых в основном держалась на носящей массовый характер контрабанде, борьба, увенчавшаяся для советской дипломатии успехом в 1923 г., у Сабин Дюллен служит одним из примеров «уплотнения границы», в результате чего последняя «была полностью изолирована, что привело к закрытию всех эстонских и латвийских магазинов, которые вели торговлю с жителями советских пограничных районов». При этом автор, не углубляясь в тему, связывает последствия данного «уплотнения границы» с попыткой коммунистического переворота в Таллине в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1924 г. (с. 52).

Логические построения автора монографии нередко дают сбой, когда речь заходит о кратком периоде 1939–1941 гг. Ссылаясь на письмо К.Е. Ворошилова В.М. Молотову (от 17.06.1939), в котором речь шла о необходимости строительства новых укреплений на Карельском перешейке, Сабин Дюллен замечает, что при этом предполагалось выселить местное население на территорию между Нарвой и Ленинградом вблизи эстонской границы, а затем риторически вопрошает: «Было ли это признаком того, что военные стратеги уже не рассматривали этот рубеж в качестве будущего фронта?» (с. 288). Но в таком случае как расценивать содержание письма Ворошилова? Можно ли из его содержания сделать те выводы, которые в книге при рассмотрении темы так называемой Зимней войны делает позже Дюллен, т.е. о советской экспансии в отношении Финляндии? Ведь из письма Ворошилова следует, что речь идет об оборонительных планах. И насколько уместен категоричный вывод автора о роли в 1939 г. НКВД в стремлении СССР подвергнуть ревизии границы, установленные в 1920–1921 гг.? («Службы госбезопасности больше не хотели признавать первую большевистскую границу. Пришло время ее ревизии и подготовки к войне» (с. 319).) По неизвестной причине ввод советских войск в Прибалтику автор сперва относит к июню 1940 г. (с. 338) и, спохватываясь, позже датирует их ввод октябрем 1939 г. (с. 344).

Сабин Дюллен проявляет неосведомленность в вопросе о том, как в действительности советские власти (в лице НКВД, ОГПУ, НКВД) отно-

сились к русскому населению Принаровья и Печерского края, и, соответственно, в вопросе об отношении населения этих территорий к ситуации в СССР и советской власти. Иначе она не стала бы категорично утверждать: «Зато с политической точки зрения присутствие русского населения по другую сторону границы создавало благоприятную почву для коммунистической пропаганды» (с. 111). Сделанное автором наблюдение о том, что в протоколах Минского уездного исполкома неоднократно упоминаются самогонщики, браконьеры, незаконные рубщики леса, но в этих протоколах нет следов преследований за незаконное пребывание на территории погранполосы (с. 151), не учитывает того простого факта, что последнее не находилось в компетенции уездных властей.

Стремление любого бюрократического аппарата к расширению своих полномочий и, как следствие, собственного штата общеизвестно, но почему Сабин Дюллен видит в этом «рефлексе» для Советской России некое отступление от постулируемого большевиками разрыва с прошлым (с. 48)? И почему она относит первое «появление пограничника на публичной сцене» только к середине 1930-х гг., к периоду расцвета сталинизма, когда в «вездесущей» фигуре пограничника (с. 93) стали видеть нового человека, участвующего «в покорении, освоении и контроле над безграничным пространством советской родины, вплоть до ее самых экзотичных окраин» (с. 30)? Это остается неясным. Обнаружение Сабин Дюллен в каталогах Государственной библиотеки России 114 книг, в названии которых

можно встретить слово «пограничник», едва ли свидетельствует о реальных масштабах интереса к этому персонажу в советском обществе и только косвенно свидетельствует о количестве посвященных ему публикаций.

Каким образом из приводимой цитаты из письма наркома НКВД Н.И. Ежова главе СНК СССР В.М. Молотову об усилении пограничной охраны можно сделать вывод о наступлении часа «вскрыть — или сфабриковать — многочисленные тайные германо-польско-финско-японские связи» (с. 54–55), тоже остается загадкой. Констатируя, что на границе с Эстонией колючая проволока появилась очень рано, Дюллен особо отмечает: «...тот факт, что она в любое время года казалась заснеженной из-за цеплявшихся за нее ключев льна, свидетельствует об относительной неэффективности подобного рода барьеров» (с. 143). Развивая эту мысль, задаешься вопросом: ключья льна помогали контрабандисту, шпиону перебираться через эти колючие заграждения, предохраняя их от порезов, или же на проволоке висели ключья порванной одежды? Только желанием придать тексту дополнительную литературную выразительность можно объяснить данную ею сценарию кинофильма «Джюльбарс» оценку — манихейский. То же самое можно сказать и по поводу описания реакции главы МИД Латвии В. Мунтерса в октябре 1939 г. на переговорах в Москве: «Мунтерс с беспокойством и восхищением наблюдал, как Сталин твердой рукой чертит на настенной карте траектории предполагаемого движения советских

подлодок и самолетов вдоль балтийского побережья» (с. 352). Нередко используемые Сабин Дюллен формулировки отличаются странной недосказанностью (например, «Повышение эффективности работы советских пограничников было отмечено польской стороной, хотя его причины были поняты не до конца» (с. 51)). Удивление вызывает ироничное (?) представление Сабин Дюллен о «бесклассовом советском обществе», поделенном, по ее мнению, на «бывших», «лишенцев» и «выдвиженцев» (с. 23). С подобного рода социальной структурой советского общества ранее сталкиваться не приходилось, так же как и с «изобретенными» воинскими званиями (в 1924 г. на советской границе служили якобы сержанты и офицеры в звании лейтенанта) и другими не менее интересными фактами (с. 52). Иногда на страницах книги появляются некие неназываемые личности, выдающие, например, требования о введении особого режима.

Для знатока советской дипломатии, каковым, безусловно, является Сабин Дюллен, большое количество фактических ошибок и спорных трактовок можно объяснить только поспешностью с изданием книги. Если на протяжении всего повествования читатель свыкается с авторской мыслью, что идея создания буферных зон — *idée fixe* большевистского руководства с начала 1920-х гг., то в заключительной 5-й главе он неожиданно для себя узнает, что «с конца 1930-х гг. неуверенность в собственной безопасности являлась источником имперской политики буферной зоны» (с. 321). Автор не видит целого клубка вопросов, возникающих

при чтении следующего пассажа: «...когда в феврале — апреле 1936 г. в ходе 9 инцидентов было задержано 68 финских рыбаков, парламентская комиссия Финляндии на советский протест ответила напоминанием о своем предложении взять в аренду советские территориальные воды» (с. 318). По какой причине мнение парламентской комиссии выдается за дипломатический ответ на протест? И если протест вызвал подобный вывод парламентской комиссии, значит, он был вполне обоснован?

Читателю приходится только гадать, кем 21 мая 1923 г. были созданы две комиссии в целях обследования польской и румынской границ (с. 45). Почему провал революционного движения в Финляндии отнесен к началу 1918 г., когда, собственно, только применительно к периоду с конца января этого года, когда был создан Совет народных уполномоченных, можно говорить о начальной фазе революции в Финляндии, поражение которой пришлось на апрель этого года. Когда встречаешься с обобщенной оценкой первых советских дипломатов как «рьяных интернационалистов», все же вызывает сомнения, насколько она применима к упомянутому в этом контексте Христо Раковскому: едва ли в его жестком оппонировании главе НКВД Г.В. Чичерину, склонявшемуся (как, впрочем, и некоторые члены политического руководства СССР) в 1923 г. к полной уступке территории Бессарабии Румынии, можно узреть интернационализм, пренебрегающий существованием государственных границ. Так же как, впрочем, и в авантюристических планах в отношении Афганистана

у вечного неудачника Ф. Ф. Раскольникова (с. 104). Трудно разделить мнение Сабин Дюллен о том, что создание Украинской ССР и Белорусской ССР было сознательным отказом (sic!) РСФСР от общей границы с Польшей (с. 109). При этом Украина и Белоруссия, как подчеркивает она, играли роль буферных зон, защищавших советские (sic!) границы (с. 110). (Автор даже не замечает, что тем самым его представление о «буферных зонах» становится довольно расплывчатым.) Глава НКВД (с. 1930 г.) М. М. Литвинов в 1929 г. не был автором или соавтором протокола об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (с. 202), таковыми являлись глава французского МИД Аристид Бриан и госсекретарь США Ф. Б. Келлог. Литвинову принадлежала идея подписания протокола о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога с рядом государств-лимитрофов.

При обращении к теме границы и погранзоны иногда не зазорным бывает освежить познания в географии, тогда Калининская область не становилась бы приграничной (с. 261), а Шлиссельбург не оказывался бы на территории Карельского перешейка и к югу от него не находилась бы «запретная зона» (с. 260). Действительно, общины волостей Ребол и Поросозера являлись одними из основных очагов карельского восстания 1921 г. и после его подавления «получили право на льготный импорт, а, следовательно, возможность использовать контакты и торговые связи с Финляндией» (с. 178). Однако не следует упускать немаловажный факт — советская власть

не располагала возможностями снабжения населения этих общин, т. к. подвоз продовольствия туда и в дореволюционные времена можно было осуществлять только с территории Великого княжества.

Стремление к обобщениям вынуждает автора монографии закрывать глаза на неработающие на ее утверждения факты. Колоритность заголовков некоторых глав («Витрина под бдительным надзором (1924–1933)»), «параграфов» (например, «Картографируй и властвуй») после ознакомления с текстом оставляет разочарование. «Витрина», которой не было, «бдительный надзор», который отсутствовал. При прочтении полного оглавления книги впечатления лоскутного одеяла из mini-cases трудно будет избежать. Сабин Дюллен не замечает, что в стремлении советских властей превратить приграничье в «витрину» и одновременно сделать границу нерушимой (с. 159) отсутствует противоречие — «витрину» можно разглядывать, любоваться ею, но входить сквозь нее нельзя, и задержанный за ее разбитие и набивший себе шишки (перешедший через границу) — лучший свидетель ее нерушимости. У «витрины» есть своя роль, и не более, а к тому временному рубежу, который обозначает Дюллен (1933 г.), в Москве перестали опасаться того, что увидит заглянувший за нее, т. к. поток европейских публикаций с рассказами заглянувших эти опасения устранял: в едва ли не апокалиптические картины затруднительно было добавить новых черных красок. Именно по этой причине заместитель Литвинова Борис Спиридонович Стомоняков даже рекомендовал не задерживать

перебежчиков, ринувшихся в годы мирового экономического кризиса через границу в СССР, а отправлять обратно: насмотрелись, и ладно. Кроме того, из текста книги довольно затруднительно вычленить реальный образ заманивающей витрины, ведь так называемые триумфальные арки при въезде в СССР таковыми не являлись.

Погранполоса, пограничная зона, буферная зона, запретная зона, особая зона, режимная зона — оперируя этими понятиями, автор книги не утруждает себя их раскрытием, более того, нередко они оказываются у него взаимозаменяемыми. Даже «западная периферия» (т.е. территория УССР, БССР, Карелии и Ленинградской области) порой превращается в «погранзону». При этом автор вольно манипулирует не только терминами, касающимися границы, поэтому, например, «постановление» легко превращается в «закон». Создается впечатление, что для автора граница РСФСР/СССР — это изначально нечто вроде плацдарма для безудержной советской экспансии, в основе которой лежат не только революционные идеи, но и личные обиды представителей политического руководства СССР (упоминается только Сталин). «В корне отличаясь от идеи единой и неделимой республики, — пишет Сабин Дюллен, — советский федеральный проект и практика национальных автономий несли с собой множество границ, отвечавших логике революционной экспансии» (с. 155). Что касается наличия множества административных границ — это дискуссии не подлежит, а если вспомнить внутрироссийские автономии? При-

водимые Дюллен сравнения иногда бывают просто удивительными. По какой-то причине она решается сравнивать кресы на востоке Польши (бедные, перенаселенные края) с Крымом (привлекавшим многочисленных переселенцев), сама находя при этом отсутствие сходства. Невольно вспоминается великолепный перевод Бориса Заходера загадки Шляпника в «Алисе в Зазеркалье» («В чем сходство между письменным столом и пуганной вороной?»). Столь неоднократное подчеркивание Дюллен принципиальных отличий в пограничных практиках Советской России и ее западных соседей, прежде всего Польши, зачастую основывается просто на слабом знании документальных материалов и историографии. Собственно, уже перечень архивов (даже не архивных фондов) свидетельствует о том, что автор не имел четкого представления, где можно обнаружить необходимые сведения. Незнание, например, современной эстонской, латвийской и финской историографии, впрочем, как и весьма выборочное знание современной российской, не могло не сказаться на трактовке автором описываемых событий. При этом совершенно излишне ей было сетовать на то, что ничего подобного книге «Зимняя война. 1939–1940. Политическая история» (отв. ред-ры О. Ржешевский, О. Вехвиляйнен. М.: Наука, 1999) не существует по теме оккупации балтийских государств (с. 339).

Переводчику — Э. Кустовой — приходилось довольствоваться в некоторых случаях дословным переводом, что бросается в глаза. Можно привести несколько примеров: «На

восточных и южных рубежах были сохранены крупные пограничные ансамбли: Закавказье, Средняя Азия и Дальний Восток» (с. 56); «Как бы то ни было, на глобальном характере этого образа [пограничника] и его педагогической эффективности, несомненно, сказалось присутствие единой администрации, отвечавшей за все советские границы и за набор персонала» (с. 62); «горизонт профессиональной и повседневной жизни еще не останавливался на границе» (с. 137); «эволюция отношений между территорией и режимом» (с. 381) и т. д.

Сабин Дюллен удалось собрать интересные факты, освещающие динамику переселений и выселений из пограничной зоны в 1930-е гг., попытки расселения в этой зоне семей отслуживших в армии красноармейцев и создание красноармейских колхозов. К сожалению, приводимые ею сведения носят нередко отрывочный характер (в отношении

красноармейских колхозов только за 1933–1934 гг.). Неоднократно приводимые в российской историографии сведения о нелегальной иммиграции в СССР в годы мирового экономического кризиса оказались автором проигнорированными. Параграф «Пограничье глазами контрабандиста, 1922–1924 годы», написанный на основе литературных воспоминаний польского контрабандиста С. Пясецкого, безусловно, интересен, но почему тема контрабанды, отнюдь не ушедшая в небытие после 1924 г., да и возникшая отнюдь не в 1922 г., покидает страницы книги?

В современной России уже выросло поколение людей, которые самостоятельно могут ознакомиться и в оригинале, а не в переводе, с сочинениями иностранных исследователей, если испытывают интерес к той или иной теме. А вот концептуально интересные работы встречаются не часто. «Уплотнение границ» к ним, к сожалению, не относится.

В. Б. Столов

РОССИЯ ДВАДЦАТОГО ВЕКА В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ ЗА 10-Й КЛАСС

В статье делается краткий обзор современных учебников по Истории России для 10-го класса средней школы, охватывающих период с 1914 по 1991 г. Автор обращает внимание на то, как в них освещаются исторические темы и сюжеты, вызывающие наибольший интерес в обществе, и высказывает свою точку зрения на причины, которыми обусловлены некоторые их особенности.

Ключевые слова: история в школе, XX век, Первая и Вторая мировые войны, причины распада СССР.

Сведения об авторе: Столов Валерий Борисович, заместитель директора частной школы «Менахем» (Санкт-Петербург).

Контактная информация: valval_2004@mail.ru.

V. B. Stolov

RUSSIA OF THE 20TH CENTURY IN SCHOOL HISTORY TEXTBOOKS FOR THE 10TH GRADE

The article provides a brief overview of modern textbooks on the History of Russia for the 10th grade of secondary school, covering the period from 1914 to 1991. The author draws attention to how they highlight the historical themes and plots that arouse the greatest interest in society and expresses his point of view on the reasons for some of their features.

Key words: history at school; 20th century; World War I and World War II; The reasons for the collapse of the USSR.

About the author: Stolov Valery B., Deputy Director of the Menachem Private School (St. Petersburg).

Contact information: valval_2004@mail.ru.

© Историческая Экспертиза, 2021
DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-366-385

Несмотря на постоянно расширяющееся информационное пространство, школьные учебники в России по-прежнему рассматриваются как решающий инструмент формирования исторических представлений подростков, выявления соответствия этих представлений тем нормам, которые бытуют в обществе. В свою очередь, при многообразии исторических эпох особое место уделяется истории XX ст., оказавшего решающее воздействие на формирование того мира, который окружает современное поколение граждан. Характерно, что один из главных аргументов, который использовали критики введенной на заре российской школы так называемой концентрической системы преподавания истории, при которой изучение этого периода было перенесено из старших классов в 9-й, заключался в том, что этот возраст является чересчур юным для того, чтобы понять все перипетии излагаемых событий. Поэтому с переходом (или возвращением) к так называемой линейной системе история XX века «переместилась» в программу 10-го класса. (Правда, теперь она «умещается» в нем целиком, тогда как в советской школе ей были отведены два выпускных класса. Впрочем, этот раздел находится в состоянии перманентного реформирования. Опубликованная уже осенью 2020 г. очередная концепция школьного исторического образования еще более приближается к советской модели, в которой истории XX в. отводилось два последних года обучения.)

В этом обзоре я хочу на примере современных учебников показать: как, в каких конкретно формулировках

их авторы презентуют школьникам (десятиклассники — это подростки 16–17 лет) основные события отечественной истории минувшего столетия; в чем они усматривают их значения и смысл; какие оценки им предлагают.

Особо оговорюсь, что предметом моего рассмотрения является лишь содержательная (нарративная) часть текстов учебников. Так называемый методический аппарат, т.е. задания, предлагаемые ученикам, выполнение которых должно способствовать реализации образовательных целей программы, хотя и является чрезвычайно важным критерием оценки любого учебника, в данной статье не является предметом рассмотрения. Хронологической границей обзора является рубеж XX–XXI вв., когда правителем России стал В. В. Путин, остающийся им и поныне. В силу понятных причин время исторического подхода в оценке этого периода еще не пришло, поэтому тональность его освещения в учебниках очевидна и едва ли заслуживает специального анализа.

В отличие от периодизации, принятой в советское время, в соответствии с которой так называемое Новейшее время «открывалось» Революцией 1917 г., сегодня в России, как и в большинстве других стран, этой границей считается начало Первой мировой войны в 1914 г. С этого начинаются и все рассматриваемые учебные издания. С учетом того, что советская школьно-историческая традиция, как правило, данному сюжету внимания уделяла мало, посмотрим: какой же предстает эта война со страниц современных учебников?

Все они начинают с описания ее причин. И здесь акценты в разных изданиях различаются значительно. По мнению учебника издательства «Просвещение», «главной причиной Первой мировой войны стало стремление Германии силой оружия установить свою гегемонию в Европе и во всем мире. Англия, Франция и Россия объединили свои усилия, чтобы не допустить этого» (Просвещение: 14). «Дрофа» предлагает иную точку зрения. Приведя примеры столкновения интересов ведущих государств того периода, авторы учебника делают вывод о том, что «все эти противоречия и политические конфликты крупнейших европейских держав явились причинами развязывания войны за территории, сферы влияния и гегемонию в мире» (Дрофа: 8). Таким образом, читатели первого учебника подталкиваются к выводу о том, что для России этой войне предстояло стать «справедливой» (хотя сам такой эпитет при этом не используется); а второго — о том, что ответственность за войну лежит на всех ее участниках, включая и Россию.

Для полноты картины приведем также трактовки двух оставшихся учебников. «Из всех европейских держав России воевать хотелось меньше всего. Мировой кризис начала прошлого века ударил по ней наиболее сильно. Историки и сейчас спорят о том, могла ли Россия избежать участия в схватке мировых держав, не имея в ней четко выраженных национальных интересов» (Вентана-Граф: 7). «Николай II не хотел войны. Но российский император не мог вырваться из клубка противоречий между великими державами и уз союзнических обязательств» (Русское слово: 14).

Следующий важный момент, связанный с происхождением ПМВ и участием в ней нашей страны, — степень самостоятельности в проведении своей политики, которой обладал Петербург к началу войны. Авторы всех учебников схожи в том, что суверенитет империи Романовых был к этому моменту уже существенно ослаблен, выражая эту мысль с той или иной степенью «деликатности». «Россия, ослабленная Русско-японской войной и революцией 1905–1907 гг., согласилась пойти на союз со своим давним соперником — Великобританией» (Просвещение: 11). «После заключения Портсмутского мира Россия, ослабленная русско-японской войной и революцией 1905–1907 гг., начала поиски своего места в военно-политических блоках крупнейших держав» (Дрофа: 7). Из этого же учебника следует, что России перед войной приходилось поступаться своими интересами перед другими державами: «В 1908 г. в состав Австро-Венгерской империи были включены Босния и Герцеговина. Попытки России помешать этому закончились неудачей. Под давлением Германии она вынуждена была признать результаты австро-венгерской агрессии» (Там же).

Таким образом, факт ослабления России, обусловленного итогами войны с Японией, признается всеми учебниками. Но это признание делается очень исподволь, полунамеками. Что, в свою очередь, осложняет понимание развития событий уже в ходе войны и складывания предпосылок наступившей в 1917 г. революции.

Большинству авторов свойственно не критическое освещение темы

патриотизма, охватившего все слои русского общества в условиях войны, подчеркивание жертвенности, присущей России, неизменно выручающей своих союзников (которые, в свою очередь, вовсе не горели желанием оказывать ей ответные услуги). Исключением в этом ряду является коллектив во главе с В.С. Измоzikом, который описывает эти явления более взвешенно, показывая не только возвышенные стороны патриотического подъема, но также и низменные: «Символом патриотического движения стало переименование столицы в Петроград. Обратную сторону показала растущая германофобия. Германское посольство в Петербурге подверглось разгрому, в столице были разбиты витрины магазинов, принадлежащих лицам с немецкой фамилией... Однако совсем скоро на смену патриотическому порыву пришли разочарование, недовольство правительством и монархией» (Вентана-Граф: 10, 12).

В целом, как представляется, над авторами учебников довлеет официальная точка зрения на участие России в той войне, сформулированная В.В. Путиным. Наиболее развернуто он это сделал в своей речи на открытии памятника на Поклонной горе 1 августа 2014 г.: «Россия выполнила свой союзнический долг. Ее наступления в Пруссии и в Галиции сорвали планы противника, позволили союзникам удержать фронт и защитить Париж, заставили врага бросить на восток, где отчаянно бились русские полки, значительную часть своих сил. Россия смогла сдерживать этот натиск, а затем перейти в наступление... Однако эта победа была украдена у страны. Украдена

теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы» (<https://www.kommersant.ru/doc/2537963>).

Нетрудно заметить, что тезис об «украденной победе» в том или ином виде присутствует во всех современных учебниках, придя на смену советскому положению о «гнилостности царского режима» как главном факторе, предопределившем выход страны из войны. В то же время некритическое восприятие данного тезиса не позволяет объективно подойти к рассмотрению вопроса о причинах наступления революции — центрального события отечественной истории данного периода. Если страна достойно справлялась с вызовами, принесенными мировой войной, то последующий ее крах можно объяснить лишь «предательством», заговором, разрушившим успешно функционировавший государственный механизм. Как мы увидим дальше, картина, изображаемая во многих учебниках, тяготеет именно к такому объяснению.

Более того, в некоторых учебниках утверждается, что в ходе преодоления кризиса военного снабжения удалось достигнуть национального консенсуса между всеми слоями общества: «Решающую роль в этом переломе сыграло объединение усилий государства, промышленной буржуазии, земской и городской общественности, кооперации» (Просвещение: 23). Этот же учебник сурово критикует оппозиционную политическую деятельность общественных кругов: «Дискредитируя верховную власть,

думцы утверждали общественное сознание в мысли о ее негодности, т. е. выполняли работу, созвучную той, которую вели революционные агитаторы» (Там же: 24). Этому мнению противостоит критическое описание ситуации в военной экономике из другого учебника: «Неудачи были обусловлены низким военно-экономическим потенциалом России, слабым обеспечением войск, ошибками высшего командования. Армия ощущала “снарядный голод” — острый недостаток снарядов для артиллерийских орудий. Весь мобилизационный запас боеприпасов оказался израсходованным уже в первые месяцы войны. В тот период российская промышленность была способна производить 15–30% от необходимого для армии. Генералы горько шутили: “Противник знает, что у нас нет патронов и снарядов. А мы знаем, что не скоро их получим”. Многие солдаты прибывали на фронт без оружия и даже без сапог. Россия испытывала острый кризис военных поставок» (Вентана-Граф: 17). И там же делается общий неутешительный вывод: «С переводом тяжелой промышленности на военные рельсы начала разваливаться вся экономика» (Там же: 27).

Переходя к рассказу о революционном кризисе, учебники основной упор делают на росте недовольства среди населения и усталости от войны; ситуация в высших слоях общества, правительстве, правящей семье и великокняжеских кругах практически не рассматривается. Поэтому происхождение политического кризиса, приведшего к революции, для читателя остается «за кадром». И здесь авторский коллектив под

руководством А. В. Торкунова вновь оказывается верным своей охранительной позиции. Сначала — упомянув в тексте, что кризисные тенденции к началу 1917 г. были характерны и для других воюющих стран (в качестве доказательства приведен призыв Германии к странам Антанты сесть за стол переговоров). Затем — в виде намека на известную концепцию «заговора генералов» при описании эпизода с телеграммой, отправленной начальником штаба Ставки генералом М. В. Алексеевым командующим фронтами с предложением сообщить свое мнение по поводу отречения Николая II (Просвещение: 24, 29).

Отдает должное этой же теории (которая, по сути, опровергнута современными историками) и учебник В. А. Никонова и С. В. Девятова: «В центре одного из заговоров, готовившего отречение Николая в пользу наследника Алексея при регентстве брата царя Михаила, был лидер октябристов А. И. Гучков, опиравшийся на близкие ему военные круги. Он вел активную переписку с начальником штаба Ставки генералом М. В. Алексеевым. Предложенный именно этой группой план свержения Николая II — задержание императорского поезда на дальней станции и принуждение к отречению под воздействием авторитета армии или угрозы силы — в итоге и был претворен в жизнь» (Русское слово: 44).

Процессу развития революции до большевистского переворота в современных учебниках уделяется гораздо меньше внимания, чем в предыдущие годы. Причем о самой ленинской партии и ее лидере в этот

период вновь сообщает лишь одно издание, подробно останавливаясь на формировании пораженческой позиции социал-демократов и роли Ленина при этом (Вентана-Граф: 28, 41–42). Там же единственный раз используется термин «большевизация советов» (Там же: 46).

Конечно, учебники не могли обойти вопрос о росте популярности большевиков, уделяя ему внимание в той или иной мере: «В такой обстановке большевики с их понятными, доходчивыми лозунгами — власть Советам, мир народам, земля крестьянам, заводы и фабрики рабочим — приобрели все большую популярность» (Просвещение: 39). Кстати, этот же учебник повторяет старый советский миф о том, что выстрел «Авроры» стал сигналом к началу штурма Зимнего дворца (Там же: 41).

При описании Гражданской войны учебники следуют различной периодизации. Например, в одном из них она подразделяется на четыре этапа: май — октябрь 1918 г.; ноябрь 1918 — апрель 1919; апрель 1919 — начало 1920; 1920 (Вентана-Граф: 63–71). В другом — на три (оговаривается при этом, что проблема такой периодизации носит дискуссионный характер): весна — лето 1918; осень 1918 — весна 1919; вторая половина 1919 — осень 1920 (Просвещение: 58–59). Третий не прибегает вовсе к делению внутророссийского вооруженного конфликта на этапы, но, пожалуй, больше, чем другие, пытается разъяснить читателю логику его событий.

утверждают, что в основе модели устройства первого социалистического государства лежала позиция Ленина, безуспешно оспариваемая до этого Сталиным. По нашему мнению, это как минимум спорно. А вот пример еще одного небесспорного утверждения: «В период революции и Гражданской войны большинство народов бывшей Российской империи получили опыт национальной независимости, которой они были лишены на протяжении веков, а то и не знали вовсе. Это оказало огромное воздействие на рост национального самосознания народов» (Просвещение: 76). Небесспорность заключается в том, что прямо перед этим в тексте учебника рассказывается, как под руководством советского правительства в Москве «получившие опыт национальной независимости народы» были ее лишены. При этом какой-либо критической оценки авторы этому факту не дают. Зачем же в таком случае подчеркивать позитивность данного опыта?

Еще одно авторское высказывание на эту же тему: «Обретение народами бывшей Российской империи государственности имело неоднозначные последствия. С одной стороны, это способствовало пробуждению национального самосознания, становлению и развитию национальных культур. С другой стороны, положенный в основу образования СССР принцип “одна нация — одно государство”, нередко приводил к ущемлению прав народов, веками живших вместе на общей территории» (Там же: 107).

Важное место во всех учебниках уделяется такой теме, как образование СССР. При этом они единодушно

Довольно подробно в учебниках отображаются основные этапы формирования режима личной власти

И. В. Сталина (по старой отечественной традиции, заложенной сразу вслед за его смертью и именуемой «культом личности»). Этот сюжет открывается рассказом о судьбе ленинского властного наследства. При этом лишь «Дрофа» упоминает о некогда прозвучавшем предложении самого Ленина сместить Сталина с поста генерального секретаря партии, а также о формировании «тройки», к которой перешло управление страной после смерти вождя, отстранении от власти Троцкого и возникновении разлада между бывшими соратниками. Зиновьев и Каменев «обвиняли Сталина в диктаторских замашках, призывая восстановить внутривластную демократию. Но эти призывы были тщетными: генеральный секретарь уже прочно держал в руках государственный штурвал» (Дрофа: 96). Эти же авторы подчеркивают, что укреплению сталинской диктатуры предшествовало отбрасывание принципов НЭПа (Там же: 98).

К теме «ленинского политического завещания» (используя «перестроечный» термин, ныне уже прочно выведенный из оборота) обращается и учебник «Вентана-Граф», оговаривая дискуссионный характер этого сюжета и подчеркнув, что после того, как Ленин в декабре 1922 г. тяжело заболел, «вождь продиктовал ряд писем и статей, о смысле и значении которых до сих пор не прекращаются споры» (Там же: 107). В целом этот учебник наиболее полно освещает временной промежуток от отхода Ленина от дел и до сворачивания НЭПа, включая «ленинский призыв» и кризис хлебозаготовок. В этом смысле он следует традициям

учебной литературы предшествующего периода.

В оценках численности жертв массового голода, сопровождавшего коллективизацию, в учебниках наблюдается разброс от 2,7 (Просвещение: 138) до 4,5 млн человек (Дрофа: 106). В первом из этих двух учебников особо подчеркивается, что среди ценностей, насильно изъятых на проведение индустриализации, были церковные (Просвещение: 124).

Логическим продолжением темы трансформации высшей власти и укрепления сталинской системы является вопрос о Большом терроре второй половины 30-х гг., которому все учебники уделяют серьезное внимание. Издание «Дрофы» указывает, что новый виток репрессий начал раскручиваться после убийства С. М. Кирова (названного в тексте «загадочным»). «Высшая точка репрессий пришлась на 1937–1938 гг. По данным историков, за два года были арестованы примерно 1,6 млн человек, 680 тыс. из них приговорены к расстрелу. Пострадали представители элиты (“старые большевики”, руководители партийных организаций, Коминтерна, хозяйственных органов, верхушка армии). <...> Но по социальному составу основную массу репрессированных составляли крестьяне, рабочие, мелкие служащие» (Дрофа: 114).

Несколько шире освещается этот сюжет в учебнике «Просвещения». В нем также отмечается, что начало волне репрессий было положено убийством Кирова, в котором Сталин обвинил Зиновьева и Каменева. Но дальше «Большая чистка»,

которая призвана была, по мысли диктатора, ликвидировать «пятую колонну» в СССР (учебник объясняет и происхождение этого термина), увязывается со сложной международной обстановкой 1937 г. Также рассказывается о «тройках», визировании Сталиным и его приближенными «расстрельных» списков. Отмечается факт засекречивания этих списков на почти 60 лет (Просвещение: 144–145). «Вентана-Граф» вводит понятие «Большой террор» и относит его к 1937–1938 гг., а также упоминает о сопротивлении сталинской политике (Вентана-Граф: 135–137).

Важнейшей темой, которой в отечественных учебниках традиционно уделяется значительное внимание, является Вторая мировая война и участие в ней СССР. Во всех обозреваемых учебниках рассказу о самих военных событиях предшествует краткое описание международной обстановки накануне ее. Причем если (как это показано в данном обзоре выше) применительно к Первой мировой войне обязательно изложены ее причины, то применительно ко Второй ни в одном из них для этих причин места не нашлось. По-видимому, традиционное советское видение их уже признано окончательно устаревшим, но новое то ли не выработано, то ли по каким-то причинам признано не годящимся для того, чтобы предложить его школьникам. В результате перед читателем предстает картина, в которой советская политика тех лет не имела никаких иных мотивов, кроме обеспечения собственной безопасности (или «освобождения братских народов»). И с этих позиций довольно слож-

но объяснить как территориальные приращения, сделанные СССР по итогам Второй мировой войны, так и повышение его международного статуса, превращение в одну из двух мировых сверхдержав.

Значение территориальных приобретений 1939–1940 гг. авторы большинства учебников сводят лишь к тому, что вермахт испытал задержку, продвигаясь по этим приобретенным территориям в ходе летнего наступления 1941 г. Только лишь в учебнике «Русского слова» оговаривается, что все эти территории якобы соответствовали российским «геополитическим приобретениям XVIII–XIX вв.».

Освещение событий, предшествующих Великой Отечественной войне, начинается во всех учебниках с рассказа о заключении Пакта Риббентропа — Молотова, значение которого в общем оценивается положительно. Хотя нюансы этих оценок и различаются, иногда добавляются критические ноты: «В самом договоре о ненападении не было ничего предосудительного. Однако все понимали, что он открывал “зеленый свет” для гитлеровской агрессии против Польши, и этим, по мнению ряда политиков и историков, способствовал реваншистским замыслам Гитлера, приведшим ко Второй мировой войне» (Дрофа: 140). Все учебники также содержат упоминание о «Катынском расстреле», а то же издание «Дрофы» добавляет, что в 2010 г. Госдума объявила его преступлением сталинского режима. В отличие от «Русского слова», по сути, повторяющего традиционное советское утверждение, что ввод войск

Красной армии в восточную часть Польши преследовал цель «прийти на помощь» украинскому и белорусскому народам, «Вентана-Граф» прибегает к более нейтральной формулировке: «Жители Западной Украины и Западной Белоруссии, за редким исключением, встречали советских воинов как освободителей» (Вентана-Граф: 185).

Подобная же «отстраненная» интонация используется при рассказе об аннексии Прибалтики: «Руководители прибалтийских стран были вынуждены уступить этим требованиям» (Вентана-Граф: 187).

Этот же учебник довольно подробно показывает, как происходило ухудшение советско-германских отношений; остальные этот вопрос, по сути, опускают, а «Русское слово» даже не упоминает о таком важнейшем событии, как визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Касаясь «Катынского дела», это же пособие сообщает, что ответственность Москвы за расстрел польских военнопленных была признана лишь советским (!) правительством в 1990 г., а его детали до сих пор «вызывают много споров». Таким образом, можно сделать вывод, что учебник издательства «Русское слово» наиболее последовательно отстаивает традиционную, восходящую еще к советской эпохе, версию начала Второй мировой войны для СССР. Видимо, не случайно среди его авторов присутствует родственник тогдашнего руководителя внешней политики СССР.

Освещая тему подготовки страны к войне с Германией, все учебники подробно рассматривают вопрос

о преобразованиях в Красной армии, принятии на вооружение новых образцов оружия и боевой техники, укреплении трудовой дисциплины.

К сожалению, как и ранее в случае с Первой мировой войной, авторы всех учебников не нашли возможности коснуться сути механизма формирования массовых армий, процессов их мобилизации и развертывания, лежащих в основе ведения боевых действий той эпохи. Это сильно обесценивает сами учебные пособия, ибо без понимания основных принципов военного дела едва ли самые многочисленные сообщаемые факты способны «уложиться» в цельную картину. Причем в учебниках истории предшествующих эпох такие сведения, как правило, присутствуют. Важнейшие из них помогают ученику узнать: как комплектовались, как были организованы и вооружены армии древности, Средневековья и перехода к Новому времени. Но вот применительно к войнам XX в. учебники перестают содержать такую информацию. И в этом нет вины их авторов. Причину подобного положения они изменить не в силах, и о ней будет сказано в дальнейшем. Этой же причиной обусловлено и то, что информация о создании накануне Великой Отечественной войны новых образцов техники и вооружения, «вынесших» затем на себе основную нагрузку грядущих сражений, зачастую сводится лишь к их наименованиям да упоминанию фамилий конструкторов (с добавлением эпитетов «талантливый» или даже «выдающийся»), и она выглядит зачастую как чрезмерная, избыточная, мало способствующая пониманию учениками сути вещей.

На страницах всех разбираемых учебников нашла свое отражение так называемая Загадка 22 июня 1941 г., под которой обычно понимают видение советским руководством ситуации, непосредственно предшествовавшей германскому нападению. Причем лишь «Дрофа» упоминает наиболее скандальную версию ответа на эту «загадку», заключающуюся в некогда на шумевшей «теории Виктора Суворова», о которой вспоминает учебник «Дрофы»: «Возникает вопрос, который вызывает дискуссии историков: было ли неизбежным нападение нацистской Германии на СССР? Выдвигалась и такая позиция: Гитлер якобы вынужден был нанести превентивный военный удар, так как Сталин, в свою очередь, готовил нападение на Германию. Однако в литературе о Второй мировой войне она не была убедительно аргументирована» (Дрофа: 153).

Однако этот категорический вывод не учитывает тех фактов, которые введены в научный оборот в последние годы и которые не упоминаются ни в этом учебнике, ни в других, являющихся предметом настоящего обзора. Речь идет о скрытой мобилизации, начатой в последние недели перед войной; о речи Сталина перед выпускниками военных училищ 5 мая 1941 г. Не говорится ни о так называемой Записке Жукова от 15 мая; ни о преобразовании военных округов во фронты за несколько дней до германского нападения. Все эти факты и в этом учебнике, и в других не приводятся. По сути дела, изображаемая ими картина сводится к традиционной: «Сталина предупредили, но он не верил». Вот как выглядит эта мысль в изложении

авторов «Вентаны-Граф»: «Однако Сталин упорно игнорировал все сигналы о готовящейся агрессии. Он был уверен, что Гитлер не начнет войну на два фронта. Справедливости ради следует отметить, что сведения разведки были противоречивы и далеко не всегда соответствовали действительности. К тому же германское командование особое внимание уделяло дезинформации» (Вентана-Граф: 193). Однако несколькими страницами ранее учебник обращает внимание на призыв Сталина готовиться к немецкому нападению: «Вскоре Сталин заявил: “Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией... Но это не главное для Гитлера, а главное — нападение на Советский Союз. Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии”» (Там же: 191). Как следует разрешить возникающее между двумя этими отрывками противоречие — авторы этого учебника, как и всех остальных, представленных в данном обзоре, не поясняют. Но они в обязательном порядке упоминают старый советский миф о том, что «разведка доложила точно, но Сталин игнорировал регулярно получаемые предупреждения». Пожалуй, можно сделать вывод, что удовлетворительного решения «проблемы 22 июня», которое бы опиралось на современное состояние историографии по этому вопросу, ни один из учебников предложить не смог.

Хронологически и логически связана с предыдущей и другая проблема — о причинах поражения Красной армии в Приграничном сражении. В ее раскрытии также чувствуется влия-

ние старых концепций, восходящих еще к советским временам. Например, о том, что исход первого этапа войны был целиком и полностью предопределен уже 22 июня в результате внезапного германского нападения. Тут идут в дело старые испытанные доводы: про 1200 уничтоженных в этот день советских самолетов (большинство из которых — на аэродромах) и т. д. Впрочем, иногда авторы пускаются в слишком мудреные, наукообразные объяснения, прибегая к подобным формулировкам: «Упредив советские войска в стратегическом развертывании, сформировав мощные оперативные группировки полностью боеготовых сил на избранных направлениях главного удара, германское командование создало условия для захвата стратегической инициативы и наступления по всему фронту» (Русское слово: 196). Доступным для понимания этот пассаж можно признать лишь применительно к профессиональным военным, для школьников же (и даже — для большинства учителей) он явно переусложнен.

Прослеживается в учебниках и другая тенденция: упоминаемые события или явления никак не поясняются. Так, практически во всех учебниках говорится о том, что с первых дней войны советские летчики в боях с врагом применяли такой прием, как таран. Но при этом ни сама суть тарана, ни те соображения, которыми руководствовались прибегавшие к нему летчики, никак не объяснены.

Еще один пример. Авторы всех учебников упоминают реактивные установки, получившие у советских воинов прозвище «Катюши». При этом

они именуются то гвардейскими минометами, то реактивными минометами, с неизменной добавкой «легендарные». Но что они из себя представляли, в чем заключался секрет эффективности этого оружия — также ни слова не говорится. Как будто бы их «легендарность» и заключается в таинственности, в невозможности ясного и четкого разговора о них как о важном материальном факторе исторической реальности. Впрочем, причина, по которой авторы учебников прибегают к подобному стилю изложения, зачастую от них не зависит. Мы также коснемся ее в конце настоящего обзора.

Нечеткость, двусмысленность в формулировках сказывается и в описании учебниками других событий Великой Отечественной войны. Например, реакция в Германии на катастрофический для нее исход Сталинградской битвы изданием «Просвещения» описывается так: «Гитлер приказал начать тотальную (всеобщую) мобилизацию, в ходе которой в армию были призваны еще 2 млн солдат и офицеров» (Просвещение: ч. 2, 47). Эта фраза входит в некоторое противоречие с имеющимся в тексте ранее утверждением о том, что первоначальные успехи вермахта в войне с СССР были обусловлены его полной отмотобилизованностью; теперь же выясняется, что она последовала лишь более чем через полтора года. Это противоречие не находит своего разрешения в тексте.

И подобные примеры, когда текст одного параграфа противоречит тексту другого, можно привести еще. Так, эта же страница содержит фразу, относящуюся к описанию немец-

кого летнего наступления 1943 г.: «Танковые армии были вооружены новыми видами техники: танками “тигр” и “пантера”, штурмовыми орудиями “фердинанд”, самолетами ФВ-190 и хенкель-129» (Там же). В ней многое не соответствует действительности. Так, самолета с названием «хенкель-129» в природе не существовало (вместо него Люфт-ваффе использовали самолет «Хеншель», буквенное обозначение которого выглядело как Hs 129), а «Фокке-Вульф-190» к моменту начала операции «Цитадель» уже почти два года применялся на Западном фронте. Но главное, что в этом пассаже авторы учебника вновь противоречат своим же словам, написанным прежде, в параграфе, посвященном подготовке Германии к нападению на СССР, в котором говорится, что авиация не входила в штат немецких танковых армий (групп)! Теперь выходит, что входила. Спрашивается: какое же из двух взаимоисключающих утверждений является верным?

Рассмотрим освещение в учебниках такого вопроса, как немецкий оккупационный режим на захваченной советской территории. Прежде всего бросается в глаза большой разброс в цифрах его жертв. Так, по мнению авторов издания «Русского слова», потери советского мирного населения составили 17,9 млн человек (Русское слово: 269). На страницах пособий от «Просвещения» и «Дрофы» приводятся иные данные: 7 млн мирных жителей и 4 млн умерщвленных советских военнопленных (Просвещение: ч. 2, с. 66; Дрофа: 202).

ку тотального истребления евреев нацистами. При этом в определении численности его жертв наблюдается некоторая путаница. Так, учебник «Русского слова» в одном месте называет цифру в более 6 млн человек (Русское слово: 236), а в другом — 5,7 млн, правда, с оговоркой, что речь идет о тех, кто погиб в концлагерях (Там же: 268) При этом говорится, что только в Освенциме и Майданеке было умерщвлено 5,5 млн чел. Надо сказать, что «Русское слово» вообще склонно к завышению численности жертв нацизма. В этом учебнике утверждается, что за годы Второй мировой войны погибли 8 млн евреев. «Просвещение» освещает статистику Холокоста несколько иначе: «За первые полгода войны они (немцы) уничтожили до 1,5 млн евреев, практически каждого второго на территории СССР. Оставшиеся были заключены в гетто, где оказались на грани выживания» (Просвещение: ч. 2, с. 28). Причем здесь можно увидеть противоречие с предыдущей фразой: «Евреи, цыгане и другие “неполноценные” народы вообще подлежали полному истреблению».

Касаясь проблемы коллаборационизма, «Русское слово» настаивает на том, что в оккупации доля тех, кто сотрудничал с врагом, не превышала аналогичной в других странах. В этом же учебнике содержится специальная врезка, оспаривающая мнение о широком размахе репрессий со стороны советской власти в отношении вернувшихся из немецкого плена (Русское слово: ч. 2, с. 273).

Завершая обзор отражения темы Великой Отечественной войны в учебниках, отметим, что лишь «Дрофа»

обратилась к вопросу об оценке роли верховного главнокомандующего в Победе: «...у Сталина есть военные заслуги, но есть и вина перед страной и людьми... И чего больше — плюсов или минусов, — каждый решает сам. А что касается большинства историков, то их вердикт известен» (Дрофа: 203). Правда, возможности узнать этот вердикт авторы не предоставили, ограничившись общими словами о том, что все участники войны приложили все силы для достижения победы.

При освещении послевоенного периода учебники, помимо рассказов о восстановлении разрушенного войной хозяйства и начале холодной войны с США, отмечают такие явления, как постепенный отход Сталина от дел, усиление идеологического контроля за обществом со стороны власти, сдерживание ряда направлений научных исследований, рост числа заключенных в лагерях.

Смерть Сталина освещается в разных учебниках с разной степенью подробности. Если «Просвещение» и «Русское слово» ограничиваются лишь указанием ее даты, то «Дрофа» излагает краткую последовательность предшествующих событий, начиная с постигшего вождя инсульта — в основе ее лежит версия, изложенная в мемуарах Н. С. Хрущева, достоверность которой практически единодушно ставится под сомнение исследователями (Дрофа: 224). Учебник «Вентана-Граф» — единственный, который показывает неоднозначность конкретных обстоятельств, связанных с этим событием: «Сегодня существуют разные версии о его смерти: естественная кончина,

убийство, намеренное промедление с вызовом врачей. В любом случае, смерть Сталина была выгодна для многих из его окружения» (Вентана-Граф: ч. 2, с. 25).

Говоря о заговоре против Лаврентия Берия, учебник «Просвещение» называет его главой Хрущева, выражавшего интересы «партийного аппарата, стремящегося сохранить свое главенствующее положение» (Просвещение: 115). «Дрофа» полемизирует с этим утверждением, исходя из того, что в первое время после смерти Сталина преимущественными являлись позиции государственного аппарата, но падение Маленкова означало изменения в балансе разных сил, боровшихся за верховную власть. Падение же Берии (названного самой сильной фигурой среди членов «коллективного руководства»), по мысли авторов этого учебника, было предопределено отсутствием у него сильных союзников в высшем партийном руководстве (Дрофа: 226).

XX съезд КПСС (и, в частности, завершающая его «секретная» речь Хрущева) традиционно рассматривается как важнейшее событие в политической и общественной жизни страны. Разумеется, все все разбираемые учебники уделяют внимание этому событию. Однако при этом содержат различия в нюансах его оценки. Так, в учебнике издательства «Дрофа» в противоречии с фактами подчеркивается, что Хрущев выступил с критикой Сталина вопреки мнению своих партийных коллег (227). «Просвещение» цитирует точку зрения самого Хрущева, добавляя при этом, что этот шаг призван был

«спихнуть» на Сталина и Берию все грехи, выведя при этом из-под удара существующую в стране систему (Просвещение: ч. 2, с. 116). «Русское слово» демонстрирует критическое отношение к данному поступку первого секретаря ЦК КПСС, замечая, что «разоблачение Сталина вело к подрыву веры в советский строй и в стране, и за рубежом» (Русское слово: ч. 2, с. 23). В этом же учебнике подчеркивается, что, развенчав культ личности Сталина, Хрущев благосклонно отнесся к созданию собственного, цитируются при этом высказывания Н. К. Байбакова (Там же: 29).

В оценках хрущевской эпохи учебники существенно расходятся. «Просвещение» подчеркивает ее позитивные стороны: «Страна находилась в авангарде мирового научно-технического прогресса, первой проложила дорогу в космос, создала предпосылки для реализации смелых социальных программ. Эти показатели дают основания говорить, что 1950-е годы стали временем не только западногерманского и японского, но и советского “экономического чуда”» (Просвещение: ч.2, с. 143). «Дрофа» обращает внимание на присущие этой эпохе изъяны социализма: «При освоении целинных и залежных земель в полной мере проявилась бесхозяйственность, свойственная социалистической системе экономики» (Дрофа: 232). «Русское слово» придерживается последовательно критической позиции в отношении периода, когда страну возглавлял Н. С. Хрущев: «Советские станки, автомобили, сельскохозяйственная, бытовая, вычислительная техника оказывались все менее конкурен-

тоспособными. Затормозилось развитие сельского хозяйства в 1959–1964 гг.» (Русское слово: ч. 2, с. 29). При этом эпизод отстранения Никиты Сергеевича от власти во всех трех учебниках освещается немногословно. Только «Дрофа» сообщает, что это произошло на пленуме ЦК КПСС, остальные же лишь констатируют, что утративший популярность среди народа и партноменклатуры, превратившийся в героя шуток и анекдотов лидер был отправлен на пенсию.

При описании феномена оттепели все учебники останавливаются на таком знаковом эпизоде, как «дело Пастернака». Издание «Просвещения» замечает при этом, что он продемонстрировал границы допустимых пределов оттепели (Просвещение: ч. 2, с. 131). «Русское слово», верное своему непримиримому отношению к хрущевскому правлению, подробно излагает перипетии всей этой истории и делает при этом особый эмоциональный упор на несправедливости той участи, которой подвергся писатель (Русское слово: ч. 2, с. 38–39).

Рассказ о приоритете СССР в освоении космоса во всех учебниках также несет на себе черты тенденции, описанной нами ранее и заключающейся в изложении событий без объяснения причин, вызвавших их к жизни. В данном случае она проявляется в том, что описание создания мощных ракет (а также, к примеру, гражданской реактивной авиации) дается вне какой-либо связи с происходящей параллельно гонкой стратегических вооружений между СССР и США. В частности, говоря

о советской космической программе, ни один из учебников не указывает на ее связь с холодной войной между СССР и США, находившейся в тот период в полном разгаре, на чрезвычайную важность, которую приобретали в этой ситуации ракетные технологии, и т. д. В результате смысл, ради которого на эти цели выделялись гигантские средства, оказывается полностью скрыт для читателей. Подобную ситуацию можно сравнить с той, когда, рассказывая о поиске морского пути в Индию, положившем начало Великим географическим открытиям, учебник ни разу не обмолвится о той ценности, которую представляли для европейской знати азиатские пряности, в поисках которых отправлялись морские экспедиции вокруг Африки и через Атлантику. К сожалению, структура изложения материала об освоении космоса в современных учебниках по истории России очень напоминает этот гипотетический пример.

В завершение этого небольшого разбора рассмотрим, как отражены в учебниках причины упадка и последующего распада СССР. Небольшая временная дистанция, отделяющая нас от этих событий, вкупе с острым интересом, проявляемым к ним в обществе, формируют перед учебной литературой вызов, требующий достойного ответа. Как же он выглядит на материале обозреваемых учебников?

Прежде всего, следует отметить, что мотивы случайности, отсутствия объективных предпосылок к тому, что, по словам В. В. Путина, явилось «крупнейшей геополитической катастрофой XX века», (а тем бо-

лее — намеренного предательства, приведшего к ней), которые имеют широкое хождение в публицистике, политической полемике и обывательском сознании, в учебниках практически отсутствуют. Все авторы едины в том, что случившееся в 1991 г. стало следствием давно развивавшихся процессов и вовсе не являлось целью проводимых в стране преобразований.

Описание этих процессов начинается, как правило, с изложения судьбы «косыгинской» реформы, которой даются противоречивые оценки: «Косыгинская реформа приносила результаты. ...Советская экономика все больше приближалась к стандартам общества потребления» (Русское слово: ч. 2, с. 50). «Эта экономическая реформа не достигла желаемых результатов» (Дрофа: 269). Наиболее подробно останавливается на причинах неудачи реформы учебник «Вентана-Граф», в том числе цитируя негативный отзыв о реформах Косыгина стоявшего во главе государства Л. И. Брежнева: «Ну что он придумал? Реформа. Реформа... Кому это надо, да и кто это поймет? Работать надо лучше, вот и вся проблема» (Вентана-Граф: ч. 2, с. 78–79).

Во всех учебниках отмечается ухудшение экономических показателей, причем обращено внимание на различные причины этого: «Но уже с девятой пятилетки (1971–1975 гг.) темпы экономического роста неизменно снижались. Во многом это произошло потому, что Советский Союз получил возможности для наполнения бюджета и без реформ: пришла большая нефть Западной Сибири» (Русское слово: ч. 2, с. 51).

В учебнике «Русского слова» наиболее бескомпромиссно выделяется негативное влияние на экономику «косыгинской» реформы: «Однако для пробуксовки экономических реформ имелись и другие причины. Переориентация предприятий на получение прибыли привела к тому, что они стали повышать цены на выпускаемую продукцию, которые только в машиностроении выросли на треть. Им не выгодно было производить дешевые товары. В условиях роста оптовых цен государство искусственно сдерживало розничные цены, что приводило к увеличению товарного дефицита. Распоряжаясь прибылью, предприятия все больше средств пускали на собственные социальные нужды и на повышение зарплат, а не на инвестиции. Зарплата росла быстрее производительности труда». Вводится и ключевое для позднесоветского потребительского рынка понятие «дефицита»: «главной приметой времени был усиливающийся дефицит предметов народного потребления» (Русское слово: 270).

При этом такой значимый фактор, как теневая экономика, упоминается в тексте учебников лишь с конца 80-х, в связи с описанием набравшего силу кооперативного движения: «Отсутствие законных источников сырья и других ресурсов вынуждало кооператоров устанавливать связи с теневыми структурами, переориентировать свою деятельность с производственной на торгово-посредническую» (Просвещение: ч. 3, с. 18); «...в результате недостатка товаров и деятельности кооперативов начал разрастаться “черный рынок”» (Дрофа: 289).

Единственный, который уделяет внимание этому явлению еще применительно к «застойному» периоду — это учебник «Вентана-Граф»: «Ширилась сфера неформальной (теневой) экономики, включавшей все многообразие некриминальных и криминальных отношений, выходящих за рамки “социалистических форм хозяйствования”. Действующими лицами неформальной экономики являлись многие тысячи граждан, вынужденных в условиях постоянного дефицита прибегать к помощи людей, которые имели возможность доставать модную одежду, обувь, импортную мебель, оказывали услуги по ремонту жилья, транспорта, и т.д. Наряду с традиционным криминалитетом появились его новые формы: фарцовка (перепродажа товаров, приобретаемых у иностранцев), сбыт наркотиков. К концу 1970-х гг. масштабы теневой экономики приобрели угрожающий характер» (Вентана-Граф: ч. 2, с. 86).

Отдается должное и такому явлению, как милитаризация хозяйства в позднем СССР: «В 1970-е гг. экономика страны была предельно милитаризована. Наиболее современные производства высокой технологии работали главным образом по военным заказам. Основной продукцией тракторных, автомобильных и вагоностроительных заводов были отнюдь не тракторы и автомобили, а танки и другая военная техника» (Просвещение: ч. 3, с. 8). Учебник «Русского слова» даже усматривает в этом свои достоинства: «Ценой серьезного перенапряжения экономики Советский Союз не только достиг военно-стратегического паритета с США, но и получил

достаточный оборонный потенциал, чтобы в одиночку противостоять любой коалиции враждебных государств» (Русское слово: ч. 2, с. 53).

Присутствует в учебниках и упоминание об идейной борьбе в перестроенном советском обществе, символом которой стало отношение к фигуре И. Сталина: «Выступления Андреевой и других защитников сталинизма имели под собой определенную социальную основу. Общество оказалось во многом не подготовлено к стремительной и радикальной переоценке ценностей. Обнародование тщательно скрывавшихся фактов вызвало растерянность, душевный надлом даже у представителей более подготовленной к переменам интеллигенции» (Просвещение: ч. 3, с. 24).

Касаясь вопроса о распаде союзного государства в 1991 г., все учебники придерживаются подчеркнуто нейтрального тона, упоминания о тех или иных фактах и событиях носят безоценочный, объективистский характер. Это относится и к таким историческим фигурам, как М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин. В тексте содержатся оговорки о том, что оба в своей деятельности старались воплотить собственные представления о благе страны и т. д. Их личностный и политический конфликт никак не освещается. Видимо, как принято говорить в таких случаях, для более глубоких оценок этого исторического периода в рамках школьной программы еще не пришло время...

Информация об августе 1991 г. во всех рассматриваемых изданиях подается весьма скупо. Вот типичный пример: «18 августа 1991 г. в Крым,

в Форос, где отдыхал Горбачев, прибыла группа высокопоставленных чиновников. Они предложили Президенту СССР подписать указ о введении в стране чрезвычайного положения. После отказа М. С. Горбачев был интернирован в своей резиденции» (Вентана-Граф: ч. 2, с. 129). В описании этого эпизода в учебнике «Просвещения» «высокопоставленным чиновникам» все же дается некая политическая оценка: «Намеченное на 20 августа подписание нового Союзного договора подтолкнуло консервативные силы в руководстве страны на решительные действия» (Просвещение: ч. 3, с. 39–40).

Столь же лапидарно описываются и Беловежские соглашения: «Последний удар по СССР был нанесен 8 декабря 1991 г., когда руководители России, Украины и Белоруссии... не ставя в известность М. С. Горбачева, собрались в Беловежской Пуще под Минском и подписали соглашение о прекращении действия Союзного договора 1922 г. и ликвидации Советского Союза» (Там же: ч. 3, с. 132).

Период независимой Российской Федерации на страницах учебников также освещается весьма кратко, по возможности — без углубления в оценки. Тем не менее иногда можно увидеть различия в позициях авторов. Например — при описании событий в Москве осенью 1993 г. Вот так они изложены в учебнике «Просвещения»: «...Однако переговоры, начавшиеся 30 сентября, были сорваны. Политический кризис привел к кровавому вооруженному столкновению 3–4 октября сторонников Верховного Совета и Президента.

Согласно официальным данным, в ходе трагических событий погибло 148 человек» (Просвещение: ч. 3, с. 153). А у «Вентаны-Граф» участники выступления против президента уже названы «восставшими» (Вентана-Граф: ч. 2, с. 51).

Вообще учебник «Просвещения» при изложении событий последнего десятилетия XX в. отличается наибольшей краткостью и внешней беспристрастностью. Вот что он пишет о Первой Чеченской кампании: «Занятые политической борьбой российские власти не занимались всерьез чеченскими проблемами. В декабре 1994 г. в Чечню для восстановления конституционного порядка были введены войска. С этого момента конфликт обострился, боевые действия сопровождалась многочисленными жертвами среди российских солдат, чеченских солдат и мирных жителей» (Просвещение: ч. 3, с. 154).

О приватизации оставшейся после СССР государственной собственности: «В результате проводившихся в 1995 г. залоговых аукционов крупные государственные предприятия были куплены по символическим ценам, перешли к частным владельцам, которые находились ближе всех к государственной власти. В результате 2/3 национальных богатств страны стали достоянием небольшой групп лиц» (Там же: ч. 3, с. 156).

О президентских выборах 1996 г.: «Чтобы обеспечить победу Ельцина, власть обеспечила беспрецедентную антикоммунистическую кампанию под лозунгом “Голосуй или проиграешь!” <...> В результате всех этих усилий во втором туре голосования

Ельцин одержал победу. Его победа во многом была обеспечена благодаря активной поддержке семи владельцев крупнейших банков России (“семибанкирщина”). Этот же абзац содержит туманную, но многозначительную фразу: «В 1996–1999 гг. существенным фактором российской политики стало состояние здоровья Президента» (Там же: ч. 3, с. 158).

Упомянутые в настоящем обзоре проблемы, которые характерны для действующих школьных учебников, посвященных отечественной истории XX в., имеют общую первопричину, не зависящую от воли их авторов (хотя статус «учебного пособия», присвоенный изданию «Вентана-Граф», дает авторам больше свободы, но в то же время сужает возможности реализации такой книги через торговую сеть). А название данной причины — «Историко-культурный стандарт». Что под ним понимается? Несколько лет назад наша общественность (как имеющая отношение к школьному образованию, так и не имеющая) горячо обсуждала пожелание Владимира Путина принять так называемые единые учебники истории. Их противники высказывали аргументы, сводящиеся к опасениям, что такой учебник станет воплощением единомыслия и идеологической цензуры. Сторонники же «единого учебника» упирали на необходимость сохранения единого образовательного пространства, гарантирующего каждому школьнику, независимо от места его учебы, единство базовых исторических знаний. Итогом этой дискуссии и стало утверждение концепции Историко-культурного стандарта, под которым понимается перечень

фактов, названий, персоналий и т. п. информационных единиц, подлежащих **обязательному** упоминанию в каждом учебнике. Поэтому все они вынужденно включены в текст любого учебника, вне зависимости от того, насколько тот или иной элемент данного стандарта соответствует авторской концепции. Подобное положение вещей приводит к ряду негативных последствий.

Во-первых, как было сказано выше, необходимость насытить учебник всей предусмотренной стандартом информацией приводит к тому, что она дается в самой общей форме, не позволяющей читателю сформировать свои исторические представления на ее основе.

Во-вторых, такой перенасыщенный фактами, но при этом не содержащий достаточного их объяснения учебник превращается, по сути, в разновидность справочника. Он уже не может служить предметом семейного ознакомительного чтения, призванного стать путеводителем по отечественной истории не только для старшеклассников, но и, к примеру, для их родителей. Вопреки стандартному призыву любить историю своей страны, понимать ее, предворяющему практически любой существующий учебник, способствовать этому в настоящем виде он не в состоянии, поскольку не может вызывать глубокий, искренний интерес; желание открыть его возникает лишь по необходимости.

Сегодня ни одна другая область школьных знаний не находится в такой ситуации перманентного реформирования, как знаний исторических. В частности, последнее преобразо-

вание предусматривает, что история XX в. станет предметом изучения уже не в одном классе старшей школы, а в двух. Однако главная из существующих проблем при этом не только не решается, но даже усугубляется. Она заключается в чрезвычайной перенасыщенности существующей программы. А ее усугубление связано с тем, что период истории современности (или, как ее традиционно называют в нашей стране, новейшей истории) не может «завершиться». Миновали уже два десятилетия нового, XXI в. — и они тоже должны стать предметом если не изучения школьниками, то, по крайней мере, ознакомления. Но входящий в учебную программу материал имеет тенденцию к «разбуханию» не только в силу постоянного расширения хронологических рамок, но и по причине расширения Историко-культурного стандарта. Он постоянно расширяется за счет деятелей культуры, священнослужителей, других персоналий.

Разумеется, объем учебников ограничен весьма строгими санитарными нормами. Таким образом, в условиях, когда этот ограниченный объем входит в противоречие со все более и более расширенным содержанием, обязанным «уместиться» в данном объеме, это оборачивается фрагментацией материала, объективной невозможностью насытить его и продемонстрировать связи между единицами информации, заполняющей страницы учебника.

В свое время был предложен иной метод изложения исторического материала, на котором могли бы выстраиваться программы и пособия. Он заключался в перечислении

тех спорных тем (или проблемных вопросов) истории нашей страны, вокруг которых ведутся дискуссии в обществе и в научном сообществе. В этом случае фактов как таковых потребовалось бы перечислять меньше, но они были бы крепче вовлечены в логические связи, их значение стало бы более понятным читателю. К сожалению, окончательное решение было принято именно в пользу Историко-культурного стандарта.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Учебники истории

Дрофа — История России: начало XX — начало XXI в. 10 кл.: учебник / О. В. Во-

лобуев, С. П. Карпачев, П. Н. Романов. М.: Дрофа, 2016.

Вентана-Граф — История России: 10 класс: базовый и углубленный уровни: в 2 ч.: Учебное пособие/ В. С. Измозик, О. Н. Журавлева, С. Н. Рудник; под ред. В. А. Тишкова. М.: Вентана-Граф, 2019.

Просвещение — История России. 10 кл. В 3 частях. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. / под ред. А. В. Торкунова, Горинов и др. М.: Просвещение, 2016.

Русское слово — История. История России. 1914 г. — начало XXI в.: учебник для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углубленный уровни: в 2 ч. / В. А. Никонов, С. В. Девятов; под науч. ред. С. П. Карпова. М.: ООО «Русское слово — учебник», 2019.

«МНЕ КАЖЕТСЯ, НЕ НАДО ИСПЫТЫВАТЬ ИЛЛЮЗИЙ НАСЧЕТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ».

Интервью с К. К. Мартыновым

В интервью затрагивается тема политически мотивированных сокращений преподавательского состава в Высшей школе экономики и создания Московского свободного университета. Рассматриваются проблемы, связанные с организацией учебного процесса в условиях онлайн-образования.
Ключевые слова: образование, Высшая школа экономики, Свободный университет.

Сведения об авторе: Мартынов Кирилл Константинович, кандидат философских наук, преподаватель НИУ ВШЭ (2007–2019), один из основателей Московского свободного университета (Москва).

Контактная информация: kirill.martynov@gmail.com.

"I SUPPOSE, THAT WE SHOULD NOT BE UNDER ANY ILLUSION ABOUT HIGHER EDUCATION IN RUSSIA".

Interview with K. K. Martynov

The interview deals with the politically motivated dismissals of teaching staff in Higher School of Economics and with creation of "Moscow Free University". It also examines the problems of organization of educational process in the context of on-line education.

Key words: education, Higher School of Economics, Free university.

About the author: Martynov Kyrill K., Candidate of Philosophical Sciences, docent of Higher School of Economics in 2007–2020, one of the founders of "Moscow Free University" (Moscow).

Contact information: kirill.martynov@gmail.com.

© Историческая Экспертиза, 2021
 DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-386-402

Мартынов Кирилл Константинович — философ, кандидат философских наук, преподаватель НИУ ВШЭ в 2007–2019 г. Автор монографии «Значение как проблема философии сознания у Дж. Сёрла» (2011), ряда

научных и публицистических статей, соавтор учебного пособия «Основы теории политических партий» (2007), «Словаря современной западной мысли». Один из основателей Московского свободного университета.

Беседовал А. Ф. Арсентьев. Осень, 2020.

А. А. Для начала расскажите, пожалуйста, о вашей научно-преподавательской деятельности.

К. М. Учился я в МГУ на философском факультете, где начал преподавать, будучи аспирантом. В 2007 г. там же защитил диссертацию по философии. С того же года я начал работать в Высшей школе экономики. Время от времени писал академические статьи, читал курсы — сначала по каким-то вещам, которые связаны с философией сознания, которой я занимался, будучи аспирантом, потом мигрировал в сторону социальной и политической философии, которая была больше востребована в том мире, в котором мы находимся.

А. А. Расскажите подробнее про вашу работу в ВШЭ в последние несколько лет. Что происходило в данном вузе в это время?

К. М. Я бы сказал, что до лета 2019 г. происходила нормальная для Высшей школы экономики постоянная перестройка образовательных процессов. У нас много говорилось в последние годы о том, какую роль «Вышка» играла в реформе образования в целом в Российской Федерации — как многие считают, неоднозначную (я все-таки всегда считал, что плюс-минус позитивную,

хотя, может, и надо делать какие-то оговорки). Вышка довольно сильно, если можно так выразиться, «терроризировала» — в хорошем смысле слова — своих преподавателей, мотивировала, заставляла работать по-новому, разносторонне развиваться, делать те же пресловутые онлайн-курсы, перестраивать курсы общеуниверситетские в курсы по выбору, изобрела эту систему майнеров — двухлетних программ по выбору, которые студенты выбирают на втором курсе. Очень много было изменений, такая постоянная революционная активность в образовании. Когда ты находишься внутри этой системы, тебе, наверное, тяжело и неприятно, потому что ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое, но в целом, я думаю, это был хороший опыт для тех, кто в этом участвовал. Это было довольно интересно, я многому за эти годы научился. А в прошлом году наметился некий идеологический кризис, как мне кажется, и у него были конкретные внешние признаки, связанные с «Московским делом», с появлением в университете такого символа студенческого свободомыслия, как Егор Жуков — на тот момент студент четвертого курса политеха. Эти процессы — какого-то идеологического контроля и цензуры — чувствовались и раньше, но до последнего времени они находились

в каких-то относительно контролируемых рамках. Было ощущение, что есть какие-то изменения, есть какое-то, может, внешнее давление на ректорат Вышки, но в целом это все делается ради спасения университета.

В 2019 г. был выдвинут из состава студенческих проектов ВШЭ журнал «DOXA». Он начинался как стопроцентно «вышкинский» проект. То есть студенты Вышки, которые поверили в идею о том, что, как гласит девиз ВШЭ, «не для школы, а для жизни мы учимся», начали делать журнал, посвященный критике академических процессов, который становился все более и более критическим в отношении высшего образования в России. Потом там, опять же, по очевидным причинам, появилась и правозащитная тематика. И вот в 2019-м его существование стало несовместимо с дальнейшим развитием Высшей школы экономики — при том, что, я уверен, такой проект мог появиться только в Вышке, потому что люди, учащие в ВШЭ, восприняли университетскую риторику и лозунги всерьез и начали поступать в соответствии с ними. Я, может, тут преувеличиваю, и в других российских университетах могло бы происходить что-то подобное, и, конечно, там есть и студенческие проекты, и студенческая правозащита, и студенческая солидарность. Но такой многолетний проект на таком уровне, как «DOXA», был один, и я гордился тем, что имею к этому какое-то отношение, что некоторые создатели «DOXA» — мои бывшие студенты, что они со мной консультируются, спрашивают моего совета. Это действительно вызывало у меня гор-

дость, потому что я понимаю, что они делали и делают хорошее дело. И вот «DOXA» закрылась, и я остался без своего студенческого проекта — я был его научным руководителем. Впрочем, «DOXA» закрылась только для Высшей школы экономики — это означало, что она продолжила свое существование, но не могла больше проводить на площадке университета свои мероприятия. Вообще, оказалось, что многие мероприятия табуированы в университете — хотя перед этим казалось, что свободы гораздо больше. Ну, и «DOXA» не могла больше рассчитывать на какую-то грантовую поддержку — она была со стороны Вышки весьма скромной, но все-таки была и была достаточно регулярной, что было очень ценно. При том что там проходило практику большое количество будущих журналистов, будущих дизайнеров, студентов разного рода гуманитарных, социальных наук, где они пытались в условиях, приближенных к реальности, получить некий опыт. Это был проект, в который каждый год было вовлечено около ста студентов — понятно, с разной интенсивностью. Было довольно заметно в последние годы существования «DOXA» в ВШЭ, что это работает и что это для всех приносит пользу — кроме вот этих пресловутых политических рисков.

Осенью прошлого года я начал свой обычный курс по философии. Философия как предмет с 2019 г. начала резко сокращаться в Высшей школе экономики. Я не думаю, что у этого были какие-то политические причины — просто, условно говоря, руководству ВШЭ перестала нравиться философия, ему больше понравились право и экономическая теория

в качестве общеобразовательных предметов, этих часов стало больше, философии стало меньше. Это было, наверное, немного волюнтаристское решение. Я, может, и был против этого конкретного жеста, но мне казалось, что философия как обязательный предмет на многих факультетах — это слишком. То есть те люди, которые хотят выбрать философию — пусть выбирают, мы готовы с ними работать. Понятно, что на некоторых факультетах, типа той же политической науки, какая-то философия нужна — просто потому, что без нее это не университетское образование. Но на бизнес-информатике, или на менеджменте, или на каких-то подобных специальностях, которых много в Вышке, философия находится под вопросом. Так что я относился с пониманием к этому. У меня была поточная лекция — их было всего несколько осенью 2019-го, потому что лекции тоже сокращались в рамках «революционных изменений образовательного процесса», ко мне пришло 200–300 человек студентов-первокурсников — и единственное, что я мог сделать в начале лекции прежде, чем начать рассказывать про свой предмет, — это написать на доске фамилии студентов, которые находятся в заключении по «Московскому делу». Это была такая «атмосфера 19-го года». Ну и началось какое-то перешептывание о том, что у кого-то будут проблемы, что лучше бы поменьше писать в «Фейсбук» и т.д. И к 2020 г. стало понятно, что Вышка взяла курс на снижение своих политических рисков и что очень скоро многие здесь перестанут преподавать.

кие-то инициированные извне кадровые перестановки в руководстве ВШЭ?

К.М. Этому предшествовали, как мне кажется, события «Московского дела». «Московское дело» ведь было связано не только с тем, что Егора Жукова «взяли в заложники» от Вышки, но еще и с тем, что были, очевидно, некие политические договоренности между руководством Высшей школы экономики и московскими или, быть может, федеральными властями. И Валерия Касамара баллотировалась в Мосгордуму и проиграла, и попутно начались те массовые протесты. В общем, это моя гипотеза, но мне кажется, что было понятно, что Высшая школа экономики создает определенные политические риски для московских и для федеральных властей, студенты ВШЭ слишком свободомыслящие, преподаватели слишком шумные, и вот к тому же провалился план замены Ярослава Ивановича Кузьминова в Мосгордуме Валерией Касамарой. И все это вместе сложилось в такой пазл, стало сигналом, что пора «наводить порядок» во всем этом высшем образовании, которое как-то уж слишком «расцвело». Чуть позже были запущены известные процессы, связанные с изменением Конституции, и теперь вся политическая реальность в Российской Федерации намекает нам на то, что свобода, это, конечно, хорошо, но строго в дозволенных рамках, которые определит какой-нибудь начальник.

Фундаментальных кадровых изменений в Высшей школе экономики при этом не было. Некоторые студенты заметили, что в ректорате

появились какие-то странные новые персонажи. Одного из них звали, кажется, Глеб Герасимов. Это был помощник проректора, который пришел в ВШЭ из ниоткуда, с неясными полномочиями, у него не было ни фотографии, ни биографии на сайте, там было лишь написано, что он — помощник 1-го проректора «по общим вопросам». Ну и ходили разговоры, что Мясницкая недалеко находится от Лубянки и можно просто выйти из одного здания, перейти в другое и оказаться на своем новом месте работы. Как потом выяснилось, этот Глеб Герасимов вроде как был представителем Росотрудничества в Высшей школе экономики, вел какие-то переговоры, которые выглядели как вербовка. Сейчас у него появилась новая должность — «советник отдела ректората по обеспечению деятельности проректоров и директоров по направлениям деятельности», что бы это ни означало. Также он координирует приемно-целевое обучение, взаимодействует с органами власти по вопросам организации приема на целевое обучение, выполняет отдельные поручения ректора НИУ ВШЭ. Появление такого рода «советников» некоторыми воспринималось как «кадровая инфильтрация» контролирующих органов в Высшую школу экономики.

А. А. Как вы считаете — процессы, начавшиеся в ВШЭ, ограничатся увольнением «неугодных» преподавателей, или же они продолжатся и будут иметь более глубокие последствия?

К. М. Мне кажется, что когда ты кормишь крокодила с руки, довольно наивно рассчитывать, что он съест

сухарики, который ты ему предлагаешь, и мирно отползет. Мне кажется, что раз уж «процесс кормления» начался — не знаю, мог ли он не начаться — он сожрет все остальное. Государство, его силовые структуры, или те люди, которые давно мечтали уничтожить или забрать себе Высшую школу экономики, сейчас находятся на подъеме, и они будут действовать. И я уверен, что многие профессора ВШЭ и студенты-активисты находятся сейчас под пристальным мониторингом — не только то, чем они занимаются в аудиториях, но и то, чем они занимаются в своей частной жизни, в социальных сетях.

Я многим обязан Высшей школе экономики. Я там не получал каких-то баснословных грантов и преференций, но у меня были нормальные возможности профессионального развития, нормальная заработная плата и отличные, самые лучшие студенты. Так что я надеюсь, что на этом все закончится, но мне, к сожалению, кажется, что, если какого-нибудь чуда не случится, атака на Высшую школу экономики будет только расширяться — хотя, возможно, атака эта «аутоиммунная». Уже сейчас те люди, которые задумывались над тем, что произошло этим летом, понимают, что, условно говоря, они следующие. Конечно, для преподавателей это огромный дискомфорт и огромное давление, потому что мы до последнего времени пребывали в иллюзии, что преподаем в университете, который ориентирован на европейские академические ценности, что, конечно, есть какие-то этические обязательства, но в остальном мы свободны в наших высказываниях и в наших исследованиях.

А.А. Как вы считаете, может ли в других университетах начаться нечто подобное? Или Высшая школа экономики была уникальной, и поэтому подход к ней тоже уникальный?

К.М. Мне кажется, что Высшая школа экономики была одной из последних или даже последней большой государственной структурой, где был какой-то призрачный дух свободы, вплоть до 2018–2019 г. Теперь этот дух стал совсем другим, там какими-то другими субстанциями запахло. И в этом смысле, к сожалению, это, скорее, как везде в целом в высшем образовании, особенно в региональных университетах, в том числе там, где есть хорошие научные школы.

Я думаю, что нашу эпоху будут изучать как эпоху умолчания, эпоху профессионального страха, эпоху вот этого ощущения — «ну вы же все сами понимаете, в такой стране мы живем». Ее будут изучать так же, как какие-то более трагические события российской истории XX в. — я имею в виду не только сталинизм, но и брежневскую эпоху. Может быть, мы сейчас именно к брежневской эпохе все ближе подбираемся с точки зрения общественной атмосферы и запрета на какое-то свободомыслие. И Вышка была одним из последних мест, где были люди, которые еще на что-то надеются, и которое в итоге пало или находится в процессе падения.

Самые критические события в ВШЭ произошли на кафедре конституционного права. Там работали люди, которые создавали нынешний

конституционный порядок — точнее, конституцию 1993 г., которая уже в прошлом. Они, естественно, не могли не высказываться о том, как проходит нынешняя так называемая «конституционная реформа». И эти люди были просто вычищены — кто-то из них лишился возможности преподавать, кто-то просто покинул Высшую школу экономики. Никаких публичных объяснений со стороны руководства Вышки так и не поступило. Просто известному профессору, автору огромного количества научных работ, любимцу студентов не продлевают контракт. Это выглядит как «реорганизация».

Мне кажется, не надо испытывать иллюзий насчет высшего образования в России — в Вышке произошло то, что происходит везде с разной интенсивностью. То, что сейчас на наших глазах происходит вокруг РАН-ХиГС, эта прокурорская проверка того, что и как именно люди исследуют и с кем они при этом сотрудничают — вопиющий пример следующего шага, когда не просто есть негласный запрет на определенные типы высказываний, на определенные исследовательские темы, а уже есть какой-то документ о том, что именно нельзя делать — в частности, при сотрудничестве с западными организациями, которые могут представлять угрозу — тут важно, что «могут» — для стабильности российского политического строя.

А.А. Немного отвлечемся от политических вопросов. Как ВШЭ пережила карантин весны этого года?

К.М. Мне кажется, пережила примерно как все. Я думаю, тут надо

поблагодарить людей, которые работали в так называемых учебных офисах — они очень самоотверженно помогали преподавателям и студентам все-таки встретиться в «Zoom», сделать это вовремя, корректно добавить все это в расписание и т. д. А чего-то более фундаментального, кроме работы этих профессионалов, в принципе, в Вышке не было. То есть если ты умеешь пользоваться необходимыми программами, способен установить и настроить «Zoom», поставить камеру и обеспечить нормальное интернет-соединение, значит, ты нормально преподаешь весной 2020 г. в Высшей школе экономики. Не умеешь ты всего этого делать или у тебя нет каких-то возможностей для этого — значит, у тебя проблемы. Соответствующий департамент Вышки вроде бы кому-то оказывал помощь, но никого из моих знакомых это не коснулось, и на моих глазах была большая дискуссия о том, должен ли университет компенсировать сопутствующие расходы, связанные с организацией онлайн-образования. Кому-то ВШЭ предоставила эти средства, кто-то остался без них, кто-то все купил сам. У кого-то не было хорошего ноутбука, и Вышка пыталась как-то все это решить. Короче, было много хаоса, и в этот момент я не видел, что ВШЭ — какой-то передовой и богатый университет, как об этом часто говорят. Ничего особенно «передового» там не происходило, все было как везде.

Мне в целом понравилось то, что происходило весной, потому что было понятно, что если онлайн-образование продлится на следующий семестр и на следующий год, то все

эти практики будут жутко кодифицированы, преподавателям придется заполнять огромное количество отчетности, они не смогут выбирать себе платформу, на которой они преподают, и все будет государственно-лицензировано. Но в марте — апреле был просто полный хаос, такая преподавательская анархия, и если ты в состоянии провести хороший семинар онлайн, ты просто берешь и проводишь его так, как тебе это удобно и как тебе и твоим студентам это нужно. Это был хороший опыт, может быть, такой пик локальной академической свободы — по крайней мере, для некоторых из нас.

А. А. Итак, карантин в сочетании с политически мотивированными сокращениями привел к появлению такого нового для России явления, как Свободный университет.

К. М. Да. Все так.

А. А. То есть идея появилась спонтанно, и это не было запланировано заранее, еще до всех упомянутых событий?

К. М. Вы знаете, в какой-то момент времени, может быть, после февраля уже я примерно понимал, к чему все идет. Я понимал, что, например, я точно не буду подстраиваться под так называемые новые правила Высшей школы экономики о том, что нельзя высказываться на острые общественно-политические темы. Эти правила были просто приняты ученым советом, и мы ничего не подписывали, потому что начался карантин. Но они тем не менее на нас начали распространяться. И я в течение нескольких месяцев думал

о том, что я буду делать после Высшей школы экономики. И в какой-то момент времени, когда уже близилась развязка — это был июль, и все сидели и боялись, что их сейчас уволят из ВШЭ, — я начал встречаться с коллегами, вести переговоры. Я говорил: «Вы знаете, когда мы преподавали в “Зуме”, было видно, что университета там нет, а есть только мы и наши студенты». Объективно, там не было никакого присутствия университета, кроме того, что он составил академическую группу и поставил нам пары в расписание, никакого присутствия академического начальства, Министерства науки и высшего образования. Это, по сути, домашний семинар — все сидят по домам и общаются через «Zoom».

Это была попытка ответить на вопрос о том, что в этой ситуации можно сделать, и сделать корректно, для того, чтобы защищать свою профессию. А с другой стороны — это был мой личный мотив — я очень хотел продолжать общаться со студентами. Я это очень люблю и считаю, что, хотя я и чем-то еще занимаюсь в жизни, это важнейший мой способ существования — даже не в финансовом смысле, а в каком-то человеческом, профессиональном.

На самом деле идея о том, что нужен какой-то независимый университет, очень стара. Все прекрасно понимают, что он нужен, но всегда это понимание разбивалось о тот факт, что это очень дорого. Даже если представить себе, что нам бы позволили в Москве, например, делать независимый университет, что туда не пришла бы сразу полиция и все это не закрыла, можно себе представить, сколько

стоит кампус, сколько стоит найм преподавателей, прохождение всех бюрократических процедур, закупка оборудования, административные и хозяйственные службы и т.д. То есть там сразу на выходе получаются десятки миллионов долларов — сумма для обычных людей совершенно не реалистичная. И ты сразу понимаешь, что надо ждать лучших времен, когда это сделает кто-то другой. А тот факт, что можно преподавать онлайн, снизил стоимость, по крайней мере, начала этого процесса на тысячи процентов. То есть это стоит теперь не десять миллионов долларов, а сто тысяч рублей. И это означает, что кто угодно может это сделать. Дальше ты смотришь, какие у тебя студенты, чего люди хотят, и начинаешь думать, как это можно дальше развивать.

Вот такая была мотивация. Меня изначально интересовал какой-то профессиональный жест и сохранение студентов, ну а дальше вспомнились старые мечты о независимом образовании.

А. А. Существуют ли где-то еще подобные проекты?

К. М. Есть целая группа похожих проектов во многих странах мира — похожих в разных аспектах. Есть университеты в политическом изгнании — когда тебе не дают преподавать, потому что у тебя какой-нибудь ужасный авторитаризм. Я знаю, что что-то такое делают турки, которые не согласны с политикой Эрдогана — они уже давно выдавлены из своей страны. Минский Европейский университет, который давно существует в Вильнюсе, находится в такой же ситуации.

Есть, с другой стороны, проекты, которым не очень нравится нынешняя университетская бюрократия, которые вообще сомневаются в адекватности такой модели высшего образования из конца XX в. применительно к нынешним социально-экономическим условиям. Тогда возникают такие проекты, как то, что в России наши коллеги делают под названием «Антиуниверситет». Причем, на мой взгляд, название не очень удачно выбрано, потому что они пытаются на самом деле создать как раз «хороший» университет в противовес имитации университетской деятельности в официальных структурах. Такие проекты есть и в Великобритании, где многие преподаватели тоже недовольны тем, что происходит в высшей школе, и в каких-то других странах.

И третья категория здесь — такие проекты, как так называемый университет «Минерва» — я про него довольно много рассказывал, когда все это запускалось. Это история о том, что люди решили сделать, условно говоря, Гарвард, но Гарвард XXI в., у которого нет какого-то одного кампуса, куда надо постоянно приезжать и год или два там сидеть на какой-то программе. Я не знаю, как они сейчас работают — видимо, сейчас у них все онлайн, как и у всех, — но у них была идея гибридного обучения, когда у тебя 70 или 80 процентов его осуществляется онлайн, а потом ты приезжаешь на короткие сессии в кампус, который специально под этот проект открывается на две недели или на месяц в какой-то точке мира. При этом фишка «Минервы» не столько в этом сочетании мобильности кампуса с элементами онлайн-

образования, сколько в том, что они пытаются еще и поменять образовательные практики, т.е. они видят себя такими ультрареформаторами, даже революционерами, наверное, в образовании, потому что у них все построено на проектах. Если ты хочешь чему-то научиться, пускай это даже классическая дисциплина типа филологии — то, условно говоря, чтобы понять, как устроен античный текст, тебе лучше начать его переводить и знакомиться с контекстом того, что ты переводишь, добиваться хорошего перевода, сравнивая с существующими классическими переводами, чем учить какие-нибудь латинские спряжения. То есть ты уже, конечно, должен знать эти спряжения на каком-то уровне, но лучше тебе заняться практическим проектом, для того чтобы в чем-то разобраться и взять на себя эту ответственность. «Минерва» строится не вокруг лекций, а вокруг проектов, которые студенты делают вместе с тьюторами и преподавателями, и вроде бы они достаточно симпатично на рынке дополнительного современного образования выглядят, и спрос на такие проекты достаточно высокий.

И вот, если собрать эти три вещи вместе — вынужденную политическую отстраненность от событий в официальном образовании, критику избыточной бюрократизации действующих университетов и эксперименты вроде «Минервы» — хотя не обязательно именно такие, — то тогда получатся три образца, на которые мы ориентируемся.

А. А. Наверное, самый главный вопрос, который возникает при обсуждении подобных проектов — как

будут формально фиксироваться результаты образовательного процесса? Грубо говоря, планируете ли выдавать дипломы?

К.М. Мне кажется, самый главный вопрос, который возникает и который с особенным ехидством задают, — это вопрос про деньги, конечно. Типа того, что как долго вы сможете делать вид, что вы энтузиасты, и когда все-таки, наконец-то, вам придется понять, что ваша экономическая модель несостоятельна.

По поводу же дипломов вот такая ситуация. Есть две реалистичные задачи, которые мы решаем прямо сейчас. Первая реалистичная цель очень скромна. В обозримом будущем дипломов государственного образца у нас не будет, и, возможно, российских дипломов в нашем проекте вообще никогда не будет — по крайней мере, пока сохраняется нынешняя политическая ситуация. Но это не весь ответ, и хорошая его составляющая заключается в двух вещах, которые мы делаем сейчас, и третьей вещи, которую мы сделаем когда-нибудь потом.

Две простые вещи, которые мы делаем сейчас, заключаются в следующем. Когда у нас закончатся наши первые 18 или 19 курсов, которые мы сейчас ведем, мы попросим преподавателей написать нашим студентам, которые прошли их курсы, выполнили какие-то задания и вообще оказались хорошими студентами, рекомендательные письма на русском и английском языке. Поскольку многие из наших преподавателей хорошо известны и в России, и в мире как специалисты в своих областях, то такое

рекомендательное письмо имеет своего рода полуофициальный статус — например, при поступлении студента в магистратуру. Если студент поступает либо в какую-то российскую магистратуру, либо в магистратуру по этой или смежной специальности в Европе, то, как мы все понимаем, сейчас магистратура — это не только вступительные экзамены, но и конкурс портфолио, а также некое интервью, собеседование. И если вы к портфолио прикладываете тезис о том, что вы не просто получали формальное образование, но еще и сотрудничали с каким-то известным специалистом в этой области — условно, с Гасаном Гусейновым в сфере античной или русской филологии — то для «рынка абитуриентов» это имеет весомое значение. Работодателям, конечно, на рекомендательные письма от Гасана Чингизовича все равно. Но если люди намерены после нашего проекта и параллельно с каким-то своим формальным образованием в официальном университете продолжать свою академическую деятельность, то мы можем этим людям, мне кажется, довольно сильно и честно помочь. То есть если они занимались, если они что-то сделали осмысленное, мы им пишем личное рекомендательное письмо и, может быть, подсказываем, куда с этим рекомендательным письмом можно пойти, чтобы учиться дальше, какие магистратуры или аспирантуры по этим специальностям существуют, как туда попасть и т.д. То есть это тоже наша задача — помочь сориентироваться, какие есть опции.

Второй момент уже больше ориентирован на работодателей. Мы хотим договориться с хорошими

университетами о том, что часть наших курсов будет лицензирована как их партнерская программа, и они будут выдавать людям, которые прослушали этот курс, соответствующее свидетельство. Наверное, такие курсы в основном должны быть англоязычными, для того, чтобы это все работало более мягким, бесшовным образом. Но в некоторых случаях мы попробуем и про русскоязычные курсы договариваться — когда мы знаем, что это хороший курс, хороший специалист, и это хорошо известно не только нам, но и каким-то сторонним аудиторам, наблюдателям. И если это будет какая-то справка уже от официально признанного университета, что человек прослушал курс в Свободном университете, получил какую-то хорошую оценку или хорошее личное письмо, и этот курс засчитан как курс, прослушанный, скажем, в Карловом университете в Праге, то с такими вещами уже можно идти на рынок труда по каким-то специальностям, где у тебя кроме формального образования есть еще вот такие международные сертификаты, над получением которых мы тоже будем работать.

И, наконец, третья цель, на которую я бы хотел положить большую часть своей жизни — не знаю, насколько мне это по силам и насколько это у нас у всех получится, — это создание русскоязычного университета — в основном преподающего онлайн, потому что иначе это просто будет очень дорого, — который был бы лицензирован в Евросоюзе и который давал бы европейские дипломы. Я думаю, что эта задача в целом реалистичная, но она очень сложная, долгая и требующая просто чудо-

вищных усилий. Но я в это хочу поиграть.

А. А. Свободный университет создавался уволенными преподавателями ВШЭ, но вскоре к проекту присоединились специалисты и из других вузов. Какие в Свободном университете существуют требования к преподавателям? Кто может у вас преподавать?

К. М. Изначально история про то, что уволенные из ВШЭ преподаватели создают Свободный университет, скорее была заголовком для СМИ. Это было правдой, мы никого не обманывали, но все-таки даже в самом начале это не было проектом людей, уволенных из ВШЭ, потому что некоторые наши друзья и коллеги по-прежнему преподают в Высшей школе экономики, а другие вообще никакого отношения к ВШЭ не имеют и тоже неплохо себя в нашем проекте чувствуют. Поэтому коллектив с самого начала был шире. Какие критерии были на старте? Тут надо сразу сказать, что такие критерии не будут сохраняться и дальше, потому что с учетом того, что количество курсов, количество преподавателей и студентов будет расти, то придется вводить какие-то прозрачные, открытые критерии того, кто и на каких условиях может свои курсы заявлять. Вот с этого давайте и начнем. Я думаю, что со следующего календарного года мы объявим критерии публично. Это сложный вопрос, но мы его тоже будем решать, и другого пути для дальнейшего развития на следующем шаге здесь уже нет, потому что все хотят честных правил, мы не можем устраивать какой-то там «междусобойчик», непри-

ятный для нас всех и для меня лично тоже.

Изначально, если говорить про курсы этого года, мы ориентировались, наверное, на три критерия, которые были не очень прозрачны, в том числе для нас самих. Мы при этом никого не обманывали. Мы говорим: «Ребята, давайте позже разбираться. Вы хотите преподавать — давайте мы попробуем решить это тогда, когда мы будем готовы, когда у нас будут критерии, когда можно будет с нами договариваться». Мы пока никому не отказываем, и я считаю, что это правильно — мы просто не в том положении, чтобы кому-то отказывать, у нас нет какой-то там «позиции власти», начальства и прочей ерунды. Три критерия такие. Первый критерий — вы очень крутой академический преподаватель, про которого все понятно с самого начала. Скажем, Елена Лукьянова, с которой я познакомился в процессе обсуждения Свободного университета, — типичный пример такого выдающегося преподавателя, про которого заведомо понятно, что она блестящий специалист. Гусейнов — то же самое. Какие-то еще люди, к примеру, политолог Сергей Медведев, у которого есть суперпопулярный курс по российской политической географии. Второй критерий такой: это какой-то курс, который делает молодой малоизвестный автор, но кто-то из нас знает, что это будет хороший курс, который нужен студентам, которые по каким-то причинам не могут получить такой курс в своих университетах. Типичный пример такого курса — это курс Эллы Россман про гендерную теорию в гуманитарных науках. Есть такой общеевропейский

и общемировой тренд, что, когда мы говорим про историю или про социологию, мы должны учитывать гендерную перспективу. И вот это методологический курс о том, как это правильно делать, какие там есть дискуссии и какие есть базовые принципы. Это, я считаю, великолепно, и это людям очень полезно. Третий сценарий курса — это, может быть, менее «академические» люди, которые при этом выполняют какую-то общественно важную работу и которые могли бы преподавать как приглашенные специалисты-практики. Здесь у нас есть два во многом противоположных примера. Это Анна Ривина, глава центра «Насилию-нет», которая как раз с прицелом на правозащитную деятельность читает курс по семейному праву, мне кажется, тоже очень полезный и для юристов, и для активистов, и для журналистов, и просто для людей, которые следят за проблемой домашнего насилия. Ну и курс Дмитрия Быкова, который к академическому миру имеет сейчас косвенное отношение. При этом я уверен, что, условно говоря, и журфак Вышки, и, может быть, даже какие-то филологические программы более высокого уровня были бы рады видеть Быкова в качестве приглашенного лектора, потому что всем понятно, что он очень эрудированный, очень харизматичный, очень знающий человек, и даже если он не доктор наук, это, в общем, не повод его не слушать в каких-то академических контекстах.

Вот это были три критерия. Кто решал, что курсы подходят под эти критерии? Ну, те, кто в июле встретился и начал все делать, несколько человек — на старте нас было пятеро

или шестеро. Мне кажется, получилось довольно неплохо. Самый, наверное, интересный кейс для меня — это история о том, как Вышка по до сих пор непонятным причинам отказала режиссеру Владимиру Мирзоеву в его программе, связанной с документальным кино, а мы просто с ним договорились о том, что мы можем делать это с теми же студентами и без Вышки. Он еще дополнительно набрал людей после конкурса — там сейчас всего около 18 человек, большому количеству он не смог бы просто преподавать в таком тьюторском формате. И мы договариваемся о площадке, где они смогут работать с актерами уже офлайн, потому что в его случае это необходимо. Это было очень классно, я очень большое профессиональное удовлетворение получил, когда мы это довольно быстро решили.

А. А. Тематика курсов будет определяться самими преподавателями, или руководство университета будет определять тематику и подыскивать под нее преподавателя?

К. М. У нас нет пока «руководства университета» в классическом понимании, у нас есть около 20 человек, которые имеют право голоса. Это история о том, что если кто-то предлагает и все считают, что это нормально, просто человек это делает, приглашает нового специалиста под конкретную тему, которая с его точки зрения должна быть представлена в нашей складывающейся программе. Если есть какие-то возражения, то тогда у нас есть такой инструмент, как голосование. У нас сейчас, видимо, по поводу так называемой «второй волны» курсов по нескольким

кандидатурам будет закрытое голосование, потому что есть некоторые возражения со стороны коллег насчет некоторых курсов. Но это нормальный рабочий процесс. Я уже, ответил, кажется, на ваш вопрос: оба сценария, и от человека к тематике, и от тематики к человеку, мы будем практиковать.

А. А. А что насчет студентов? Кто является «усредненным» студентом Свободного университета? Насколько наполненность виртуальных аудиторий соответствует тому, что вы ожидали?

К. М. Изначально, мне кажется, мы немного переусердствовали с рекламной проектом. То есть нам, конечно, это было очень приятно, но, получив больше пяти тысяч заявок, мы немного перенапряглись. У нас не было специально выделенного менеджмента, мы все делали руками. Лишь один студент-волонтер нам помогал на постоянной основе, но в целом преподаватели сами сортировали сотни заявок на свои курсы и довольно сильно устали, конечно — надо было все читать, принимать решения. В общем, был такой период нажима и штурма в начале сентября.

Постепенно число студентов, реально работающих на программах, сократилось на 10 или на 15 процентов. Это было ожидаемо. В целом группа достаточно стабильна и все вроде бы по-прежнему мотивированы, собираются получать образование, надеются на то, что будут новые курсы и какие-то летние школы, на которых можно будет знакомиться. Все преподаватели своими студентами довольны.

Есть три категории людей, которые можно назвать нашими «среднестатистическими студентами». Это, с одной стороны, очень мотивированные студенты из регионов, которым очень сильно не хватает хорошего образования, которые мечтают его получать, мечтают общаться с профессионалами. Мы таким людям отдаем некоторое преимущество, потому что понимаем, что им в некотором смысле слова «больше всего надо». Вторая категория — это наши бывшие студенты из Высшей школы экономики. Не обязательно те, которые уже были у нас, но и те, которые могли бы у нас быть, если бы мы там преподавали. Тут тоже не в Вышке дело, это могут быть и студенты «Шанинки», и студенты Санкт-Петербургского университета, и студенты МГУ и т.д. Короче, студенты каких-то известных центральных университетов, которые умеют и любят учиться и которые хотят делать это еще лучше. Их тоже довольно много, в разных программах они в разном объеме представлены. Наверное, половина заявок была от них. И третья категория людей — это взрослые люди с какими-то необыкновенными биографиями, в отношении которых преподаватели по каким-то причинам решили, что вот такие люди должны быть в этой программе, потому что они написали какое-то яркое мотивационное письмо и объяснили, почему это все важно для них.

А. А. Какие формы работы применяются в Свободном университете? Это классическая лекционно-семинарская форма, или же упор делается на самостоятельную работу студентов?

К. М. Та повестка, с которой мы выходили, заключалась в том, что лекции — формат в целом не очень востребованный и часто устаревший. Сейчас кому-то, как, скажем, тому же Быкову, удобнее работать больше в жанре монологов, таких докладов ближе к классическим лекциям, плюс вопросы. Он просто готов на своих слушателей выливать очень много информации, так что это, наверное, тоже людей как-то интригует и вовлекает по-прежнему. В основном же мы работаем в семинарском формате. То есть имеется группа, в среднем около 20 человек, которая осуществляет проработку темы, заявленной на неделю в рамках курса так, чтобы люди могли в ней разобраться, сделать для себя какие-то выводы, высказаться о ней, задать вопросы, получить комментарии от преподавателя и от своих одногруппников. В целом мы пока в эту сторону специально не развивались, но вообще на старте мы, конечно, договаривались, что мы будем делать специальные методологические семинары, посвященные тому, как преподавать для современных студентов, какие здесь есть у нас навыки и чем мы можем друг другу как преподаватели помочь.

А. А. Вы упомянули такой актуальный вопрос, как монетизация. Как все-таки планируете его решать?

К. М. Есть четыре формы монетизации, мы их все будем использовать в разной последовательности и, видимо, в разном объеме. Первая форма — это краудфандинг. Мы попросим российское общество нас поддержать. Понятно, что это будет некий информационный повод,

типа того, что «вот мы делаем новые курсы, работаем с таким-то количеством студентов, вот отзывы студентов, вот наши преподаватели, и если у вас есть сто рублей на развитие независимого образования в России, вы можете нам помочь». Пока у нас нет какого-то маркетинга в этом вопросе — он был бы слишком дорог. Но мы посмотрим на эту ситуацию и, может быть, какую-то серьезную часть наших расходов этот крауд-фандинг покроет, особенно если мы будем по-прежнему привлекать хороших преподавателей, иметь хорошую прессу и хороших студентов — это все машина, которая едет сама, если уж она поехала.

Вторая модель монетизации — это открытие дополнительных платных курсов. Для нас важно, и все это понимают, делать этот проект бесплатным для студентов. Платные же курсы будут ориентированы на более взрослых людей, которые понимают, что они вполне могут платить деньги за какие-то дополнительные форматы образования. То есть рядом со Свободным университетом могут быть какие-то программы дополнительного образования — у юристов очень высокий на это спрос, с учетом нашего состава. Может, кто-то еще подтянется. И эти курсы, уже отдельно существующие, могут продаваться на рынке дополнительного образования.

Третья форма — это какая-то спонсорская поддержка. Мы рассчитываем на то, что найдутся все-таки спонсоры, но тут есть сложный политический вопрос. Я не уверен, что в России нам кто-то готов давать деньги, но в целом я лично ничего плохого не вижу в том, чтобы Евро-

союз, например, помог Свободному университету, и я могу об этом и публично, и в каком-то частном порядке просить. С точки зрения российского государства это все ужасно, это все надо немедленно запретить, но мы будем строить нашу работу так, что у нас не будет юридического лица на территории РФ. Никаких платных услуг на территории России мы от лица Свободного университета тоже оказывать не будем. У нас будет юридическое лицо на территории Евросоюза, и оно будет решать вопросы, связанные с работой со спонсорами.

Ну а четвертый сценарий — это сотрудничество с какой-то институцией. Тут можно мечтать о том, что мы найдем какого-то партнера, который будет не только лицензировать часть наших курсов, но и еще нам чем-то помогать, но в реальности то, что сейчас делается — это какие-то маленькие образовательные проекты, готовые платить символические деньги нашим преподавателям за то, что они делают циклы каких-то публичных выступлений на их площадках. Мы ведем сейчас переговоры с тремя такими структурами. Короче, это партнерские взаимоотношения с другими образовательными проектами, в том числе коммерческими. В том числе крупными и обладающими большими ресурсами.

А. А. Как вы считаете — с какими проблемами, помимо внешнего давления, может столкнуться Свободный университет? Возможно, вы прогнозируете какой-то кризис роста или еще что-то?

К. М. Я даже сейчас уже вижу кризис роста, другое дело, что мне он

был более-менее очевиден еще в июле. Было ясно, что, когда мы так лихо запустимся, дальше начнется какая-то рутинная работа. У меня в этом смысле не самые лучшие качества, наверное, мне больше нравится что-то придумывать и что-то запускать, чем потом изо дня в день повторять какие-то рутинные действия, связанные с организацией совещаний и проработкой каких-то формальных концепций дальнейшего развития. Но это было изначально понятно, и я думаю, что мы будем все эти трудности преодолевать и что у нас все-таки есть хорошие шансы на то, чтобы создать институт, который зависит не от того, чем занимаюсь я или кто-то из наших коллег, а институт, который просто нужен людям и который сами люди готовы развивать, с разных сторон поддерживать.

25 октября состоится наша первая конференция, посвященная наследию очень рано скончавшегося антрополога и философа-анархиста Дэвида Грэбера. Тут есть некоторая преемственность — он очень ценил свободу, и для нас это такой тотемный символ этой свободы. Мы будем делать на площадке Сахаровского центра однодневную, но вполне неплохую, как мне кажется, по проектным данным конференцию. И мне страшно нравится то, что сейчас эта конференция делается практически без моего участия, хотя я в сентябре этим всем активно занимался и убеждал коллег, что ее надо сделать.

Если масштабирование будет происходить таким образом, что всем не надо заниматься всем, а просто есть люди, которым интересно де-

лать какой-то проект или тему, связанную с нами и с нашей общей деятельностью, то мы будем постепенно выходить на более сложный уровень, где будет еще больше проблем, и это будет тоже интересно.

А. А. Вопрос, связанный с основной тематикой нашего журнала: какие исторические курсы предлагает Свободный университет? Какие ученые-историки с вами работают?

К. М. Так получилось, что среди первых 19 преподавателей историков как таковых не было — т.е. не историков идей, не историков культуры, а именно историков в каком-то более классическом смысле слова. Но это, конечно, не тенденция и не дискриминация историков. Думаю, что уже сейчас мы будем сотрудничать с Павлом Кудюкиным. Он — наш друг по университетско-профсоюзному движению, которое представлено в нашем проекте, и при этом он автор довольно любопытного курса, посвященного использованию исторических фактов и аргументов при принятии социальных и политических решений. Мы также надеемся на Сергея Абашина, тоже известного свободолюбивого историка. У меня были очень хорошие отношения и с Вольным историческим обществом, в частности, с Никитой Соколовым. Не знаю, насколько он сейчас активен, но надеюсь, что там тоже все в порядке, и когда мы будем уже более системно расширяться, наверное, в следующем семестре, я думаю, что историческая линия в университете будет достаточно сильной. В том числе потому, что у людей, мне кажется, довольно большой интерес к этой теме. То есть, может быть,

на пятилетнюю или четырехлетнюю программу по истории не многие решаются пойти учиться, но вот разобратся серьезно в таких вопросах, как генезис современных национальных государств, или постколониальная проблематика, или какая-нибудь история повседневности, и еще миллион таких тем многие хотели бы. И мы видели, как это работало в Вышке, где был и есть очень сильный центр изучения Второй мировой войны, и огромное количество студентов, которые историками не являются, с огромным удовольствием записывались на его курсы по выбору, и на курсы по выбору специалистов

по другим темам. И историческое знание в таком как бы не окончательном с точки зрения выбора своей судьбы, но серьезном академическом формате, мне кажется, сейчас в высшей степени востребовано в контексте того общего хаоса и кризиса идентичности, который мы наблюдаем в современном мире. Многим умным людям интересно разобраться с тем, как мы оказались здесь. Поэтому я думаю, что следующей весной у нас будет пять исторических курсов, которыми мы сможем гордиться, и мы будем целенаправленно над этим работать.

А. А. Спасибо за уделенное время!

COVID В НАШЕЙ ЖИЗНИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Анкета историков

Анкету провел А. Стыкалин при участии А. Арсентьева

«Историческая экспертиза» обратилась к ряду историков с просьбой рассказать, что изменилось в их жизни и профессиональной деятельности с началом пандемии COVID.

Ключевые слова: COVID в современном мире, историческое сообщество, формы коммуникации в современном гуманитарном знании.

Сведения об авторах: Стыкалин Александр Сергеевич¹, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); Арсентьев Александр Федорович², научный методист Федерального государственного управления культуры Центральный музей Великой Отечественной войны (Москва).

Контактная информация: ¹zhurslav@gmail.com; ²alexivn1992@gmail.com.

COVID IN OUR LIVES AND PROFESSIONAL ACTIVITIES.
Questionnaire of historians

Historical Expertise asked a number of historians to tell what has changed in their lives and professional activities since the start of the Covid pandemic.

Key words: Covid in the modern world, historical community, forms of communication in modern humanitarian knowledge.

About the authors: Stykalin Aleksandr S.¹, candidate of historical sciences, coordinating researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow); Arsentiev Alexander F.², Scientific Methodologist of the Federal State Administration of Culture Central Museum of the Great Patriotic War (Moscow).

Contact information: ¹zhurslav@gmail.com; ²alexivn1992@gmail.com.

Таньшина Наталия Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории ШАГИ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского педагогического государственного университета

Как сказалась пандемия ковида на вашей профессиональной деятельности с точки зрения доступа к литературе, архивным источникам, возможности поездок за рубеж, общения с коллегами? Заставила ли она вас перестраивать привычные вам методы работы?

Пандемия сказалась на всех нас, чем бы мы ни занимались. Может быть, за исключением пенсионеров, живущих в деревне, которые сидят в своих избушках или виллах, кто как, безвылазно. Вот для них что пандемия, что не пандемия — образ жизни тот же, кроме возможности заболеть. С точки зрения науки, конечно, все поездки за рубеж отменились, а этим летом и осенью были запланированы конференции в Канаде, Польше, планировалась работа в национальных архивах, Национальной библиотеке Франции — все это, увы, не состоялось. Да и многое еще не состоится, например, в начале апреля запланирована большая конференция в Париже, посвященная 200-летию со дня смерти Наполеона Бонапарта, но я не уверена, что границы будут открыты и я смогу туда полететь.

Что касается российских конференций, то сначала их дружно отменяли, потом потихонечку начали перестраиваться. Часть конференций с весны были перенесены на осень и прошли в привычном, «доковидном» формате (в Севастополе и Ялте, например), а осенью — зимой все

дружно начали проводить конференции в онлайн-режиме. Например, за три недели ноября — декабря приняла участие в пяти конференциях, выступила с лекциями перед школьниками и в рамках историографического семинара в БФУ им. Канта. Как-то от коллеги услышала, что один вуз не будет проводить онлайн-конференцию, потому что это «профанация». Меня такой подход возмутил, поскольку, активно участвуя в онлайн-конференциях, никакой профанации я не заметила. Да и в чем она может быть? Те же доклады, те же презентации, дискуссии, вопросы. Перерывы на чай-кофе тоже имеются, каждый у себя дома. Более того, к онлайн-конференции, на мой взгляд, надо готовиться более основательно с точки зрения презентации, подачи материала, потому что все должно быть предельно четко и понятно. Конечно, онлайн-конференция не заменит живого общения с коллегами, особенно после официальных заседаний, но, на мой взгляд, это гораздо лучше, чем не проводить конференции вообще.

Конечно, закрытие архивов и библиотек — это главная проблема. Я занимаюсь французским XIX в., и очень многие нужные мне источники оцифрованы. Но современные книги моих коллег, особенно зарубежных — нет, их можно взять только в библиотеке, не говоря уже об архивных документах. Кроме того, всю пандемию я провела за пределами

Москвы, а многие нужные книги остались в Москве — всю же библиотеку не перевезешь... Но, в принципе, я всегда так работаю в последние годы, т. е. в этом плане ковид не особенно что-то изменил.

Еще один момент, я его называю «болдинским синдромом». Когда началась пандемия, все стали мечтать и писать в соцсетях, как плодотворно они проведут время, сколько всего напишут, опубликуют, сколько знаний приобретут. Конечно, надо иметь силу воли, чтобы все это «планов громадьё» реализовать в непростых условиях, а с другой стороны, и коллеги-преподаватели меня поймут, разве у нас стало больше свободного времени, ведь занятия никто не отменял, и тут мы переходим к следующему вопросу: дистанционное преподавание и его интенсивность.

Поскольку вы сочетаете научную деятельность с преподавательской, что вы можете сказать о последствиях пандемии для нашей высшей школы? Что изменилось в вашем общении со студентами, магистрантами, аспирантами? Насколько эффективна работа с молодежью по удаленной связи?

Сразу скажу, что в разных вузах ситуация сложилась разная, и кто-то оказался не готов работать в таких условиях. По рассказам коллег я знаю, что в некоторых вузах какие-то преподаватели просто говорили: «У меня плохой Интернет, я буду на даче и т.д.». И занятия свелись к отправлению студентами письменных работ по электронной почте. Конечно, это нельзя назвать полноценной учебой. Кроме того, пандемия,

на мой взгляд, показала полную неготовность Министерства науки и высшего образования к работе онлайн. Несмотря на то, что на протяжении многих лет разрабатывались всякие платформы типа Moodle, оказалось, что на практике их толком никто не применял, и все эти наработки-разработки оказались, простите, что мертвому припарки. Многие преподаватели оказались в ситуации один на один с проблемой и сами должны были искать выходы.

В РАНХиГС, где я преподаю, все было налажено в этом плане очень быстро, оперативно и грамотно. Нам предложили выбрать платформу, «Zoom» или «Teams», хотя, понятно, большинство из нас до этого в этих системах не работали и слов таких не знали. Несмотря на то, что специального инструктажа у нас не было, освоились быстро, администрация Академии составила электронные группы студентов в этих программах, я, со своей стороны, попросила старост групп создать чаты для работы. То есть ни одного занятия у нас не пропало. Что интересно, в начале семестра на первой лекции по Новой истории я студентам начала рассказывать о том, что начало Нового времени было связано с эпидемиями, и о том, что история человечества — это в том числе история болезней. Мне тогда первокурсники сказали: «Зачем вы нам про болезни рассказываете?» Прошел месяц, и мы все оказались в карантине... Нагрузка у меня во втором семестре солидная, более 20 часов в неделю, поэтому опыт онлайн-преподавания сформировался. И студенты с этим справились отлично, и я им очень благодарна за работу! Кстати, они

в конце семестра тоже так писали: «С Вами было хорошо работать!» И это первый курс! У меня было 6 групп первокурсников, и у нас были семинары. Система — балльная, т. е. за каждый семинар студенты получают баллы, и только активность на всех семинарах дает возможность получить высокую оценку. Группы — большие, по 20 человек. И получилось так, что наши занятия напоминали настоящие дискуссионные клубы: чтобы все смогли выступить, были докладчики, содокладчики, оппоненты, студенты активно задавали вопросы, полемизировали, кто-то писал вопросы в чат, кто-то там писал дополнения — т. е. вовлеченность была почти стопроцентная, причем посещаемость всегда сто процентов. Ребята готовили интересные презентации, некоторые — просто шедевры. И так — на протяжении всего семестра. При этом я со своей стороны никаких «педагогических приемов» не использовала, просто студенты были мотивированы на учебу и результат. На 3-м курсе у меня были лекции и семинары, и там я работу построила иначе. Семинары происходили в классической форме, в виде семинаров-дискуссий, а лекции я строила так: благо у меня есть много выступлений на ТВ и радио по изучаемому курсу, на каждую лекцию я давала посмотреть какой-то материал со своим участием. Как правило, на 45 минут. То есть первую половину пары студенты смотрели и слушали «лекцию», а вторую половину пары мы обсуждали лекцию, и студенты активно задавали вопросы. С аспирантами занятия происходили в виде дискуссий по определенной теме.

Что касается курсовых и дипломных работ, то тут формат особо не изменился, поскольку, как правило, связь между студентом и преподавателем, обмен текстами, вопросы, все это давно происходит посредством электронной почты и телефонных разговоров. Онлайн-защиты курсовых и выпускных работ прошли тоже успешно, поскольку ребята к такому формату привыкли. Мы сами, преподаватели и научные сотрудники, в таком же формате защищали свои научные работы.

То есть такой формат, как вынужденную меру, я принимаю. Я не принимаю формат, когда все предлагается свести именно к отправлению студентами преподавателю каких-то материалов, тестов и заданий, а потом замечательная программа сама все посчитает и выставит баллы. То есть живое общение и собственно процесс обучения, обмена знаниями и, самое главное, воспитания будущих историков за счет эмоциональной вовлеченности, обучения приемам и этике научной дискуссии как раз в таком формате отсутствует. Или это просто какое-то заочное обучение, или профанация.

Конечно, для первокурсников, которые поступили в прошлом году в университет и теперь уже второй семестр учатся онлайн, а скорее всего, и третий будет таким же, это проблема в том плане, что они не чувствуют атмосферы университетской жизни, реального общения, и этого, конечно, никакой дистант дать не может. И опять-таки, я говорю исключительно о гуманитариях, а в точных и естественных науках онлайн-обучение порой просто невозможно. И, конечно, дистант больше психологически выматывает. Устаешь го-

раздо больше, хотя вроде бы время на дорогу не тратится. А ведь еще есть отчетность, и в разных вузах она разная: где-то достаточно отправлять скриншоты занятий, а где-то требуют выкладывать в систему записи лекций и семинарских занятий, а если их много, то на это уходит огромное количество времени. То есть получается, будто преподавателям вдруг перестали доверять, требуя всю эту отчетность. Хотя у проверяющих есть прекрасная возможность присоединиться к любой группе и прослушать хоть все преподаваемые курсы!

После того, как ковид уйдет из нашей жизни, останется ли что-то в нашей практике из опыта, приобретенного в 2020 г.? Может быть, мы научились более эффективно пользоваться удаленной связью, и это расширит наши возможности участия в конференциях далеко за пределами России?

Конечно, пандемия нас многому научила, и я уже думала над этим во-

просом. Например, у меня лекции традиционные, классические: я была не большим поклонником презентаций, и главным моим техническим средством был мел или маркер: на доске я всегда писала очень много. И теперь я думаю, особенно после огромного количества презентаций, подготовленных для конференций, что грамотная презентация, не замещающая лекцию, а помогающая воспринимать полуторачасовой материал, очень нужна. Думаю, студенты от классических лекций немного отвыкли. Что касается конференций, согласна, что онлайн-формат расширяет возможности, и это касается не только зарубежных конференций, но и российских. Страна у нас большая, билеты и гостиницы дорогие, гранты есть не всегда, организаторы редко когда оплачивают. Конечно, прелесть конференции заключается в научном общении с коллегами в каком-нибудь замечательном историческом месте, но если такой возможности нет, лучше уж присоединиться онлайн, чем никак.

Миллер Алексей Ильич — доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Как сказались пандемия ковида на вашей профессиональной деятельности с точки зрения доступа к литературе, архивным источникам, возможности поездок за рубеж, общения с коллегами? Заставила ли она вас перестраивать привычные вам методы работы?

Безусловно, пришлось перестраивать все, и пострадали все. Отменилась масса различных поездок, в том числе и длительных — архивы и библиотеки же не только в России есть. У многих «полетели» стажировки. Я уезжал из Хельсинки в марте последним поездом, который уходил на Санкт-Петербург, когда уже начался карантин, не закончив половины стажировки. Но самая трудная ситуация сложилась у тех людей, у кого были дедлайны, т.е. у тех, кто пишет свои дипломные работы и диссертации, потому что у них же «часы тикают», и перенести визит в архив не получается, т.е. рухнет весь план работы. И это, конечно, очень часто просто катастрофа. Поэтому я считаю, что в этом смысле мы очень сильно пострадали. Тут уж нечего говорить.

Поскольку вы сочетаете научную деятельность с преподавательской, что вы можете сказать о последствиях пандемии для нашей высшей школы? Что изменилось в вашем общении со студентами, магистрантами, аспирантами? Насколько эффективна работа с молодежью по удаленной связи?

Я считаю, что тут тоже мы понесли колоссальные потери, потому что

все-таки не может быть на уровне уже как минимум магистерской программы дистанционного обучения как полноценной замены личному контакту. Личное общение со студентами — магистрантами, аспирантами — очень важно. И я могу сравнивать. Скажем, у нас нынешний второй курс магистратуры отучился первый год в нормальном режиме, а сейчас доучивается уже в рамках карантина. Нам с ними работать легче, потому что мы этих людей знаем, мы их уже чувствуем, у нас с ними есть живой контакт. А вот первый курс, у которого сейчас закончился первый семестр, для меня в очень большой степени абстракция — при том, что у нас первые два месяца занятий еще прошли без карантина. Все-таки, как только можно будет вернуться в нормальный режим, нужно возвращаться в нормальный режим.

Сложнее ситуация с бакалаврами. Там, конечно, будет шире применяться онлайн-обучение. Эта тенденция сохранится. Мы за это время на истфаке ЕУ СПб записали онлайн-курс — и для бакалавриата, и для магистратуры — по междисциплинарным подходам. И очевидно, что Министерство образования делает ставку на распространение таких курсов. Оно их распространяет бесплатно, и в этом смысле это все-таки лучше, чем то, как пыталась Высшая школа экономики продавать свои курсы по несколько сотен тысяч рублей. Но в целом надо возвращаться в нормальный режим.

После того, как ковид уйдет из нашей жизни, останется ли что-то в нашей практике из опыта, приобретенного в 2020 г.? Может быть, мы научились более эффективно пользоваться удаленной связью, и это расширит наши возможности участия в конференциях далеко за пределами России?

Отвечая на ваш вопрос, нужно сказать, что последние мероприятия, которые я проводил офлайн — живьем, — были в ноябре 2020-го. Это была школа для молодых исследователей, потом были курсы повышения квалификации в нашем Центре по изучению культурной памяти и символической политики, и потом мы в конце месяца проводили живьем конференцию по памяти о Второй мировой войне. Но все три мероприятия проводились в смешанном режиме — т.е. те, кто хотел и мог приехать, те приезжали, а кто не мог приехать — те подключались дистанционно. И как следствие, мы видим, с одной стороны, какие-то новые возможности, которые действительно открылись, потому что собрать какую-нибудь интересную международную панель стало намного легче, если ты делаешь это в «Zoom». Но вместе с тем, конечно, возникает проблема, потому что, когда ты совмещаешь онлайн и офлайн, ты понимаешь, что потеряли люди, которые не приехали. Потому что конференция — это, помимо сессии, еще и кофе-брейки, где все друг с другом разговаривают, и ужины после трудового дня, где все могут еще раз по-человечески пообщаться. Ценность нормального человеческого контакта в этом смешанном формате особенно очевидна. И его нам ничто

не заменит. Поэтому, с одной стороны, конечно, мы научились более или менее эффективно использовать эти онлайн-формы. Многочисленные совещания проводятся онлайн, и я думаю, что это как раз эффективная вещь. Можно быстро организовывать мини-конференции, посадить 4–5 специалистов на дискуссию, записать и выложить на «Youtube». Но тут возникает серьезный вопрос: как придумать такую поисковую машину, которая будет не только позволять тебе найти что-то, если ты знаешь, что ты ищешь, но и делать так, чтобы ты видел, что та или иная панель состоялась, и ты ее можешь посмотреть и послушать. И еще одна, конечно, большая проблема — это проблема перевода. Последний раз, буквально вчера, я пытался послушать одну англоязычную дискуссию, и выяснилось, что там уже наложили голос переводчиков на запись, и это оказалось для человека, который хочет слушать английский текст, очень непродуктивно. А переводчик, разумеется, переводит с искажениями, и ничего не получается. Наверное, компьютерщики должны придумать, как отключать какую-то звуковую дорожку и оставлять другую — мы ведь можем выбирать, на каком языке смотреть фильм на компьютере.

Мне кажется, что эти проблемы связаны с тем, что это все-таки очень недавно началось, что теперь маленькая компания «Zoom» превратилась в гиганта — она, может быть, стоила несколько миллионов, а стала стоить сотни миллионов, а скорее, уже миллиарды. И понятно, что если они хотят дальше развиваться, то им нужно придумать, как включать ту или иную звуковую дорожку, и много всяких

других вещей. Я уверен, что все это на самом деле легко сделать, только руки у людей не доходят — пока они просто «обслуживали планету», и у них удачно все получилось, потому что сбоев почти нет, «Zoom» не падает, не рушится. Есть, конечно, и другие платформы. В общем, нам многое еще предстоит увидеть и мы, конечно, этими онлайн-формами и дальше будем пользоваться. Это ужасно интересная и важная проблематика, потому что поиск баланса между онлайн- и офлайн-формами — это, с одной стороны, действительно поиск оптимального, наиболее эффективного общения и обучения, но, с другой стороны, это еще и площадка столкновения интересов. И эти интересы далеко не всегда связаны с тем, чтобы это обучение было наиболее эффективным. Это могут быть интересы, связанные с какими-то совершенно иными вещами.

В последние пару недель стало хорошо понятно, что добавляется еще одно очень важное измерение, потому что мы видим, что интернет-гиганты, которые, собственно, доминируют в интернет-пространстве, они совесть-то потеряли, и страх Божий потеряли — т.е. отключают кого хотят и как хотят, ни закона, ни управы на них нет. Ладно Трамп — его не жалко. Гораздо больше тревожит то, что уже происходит, и теперь будет происходить самым интенсивным образом суверенизация Интернета в разных странах — с учетом того, что наши отношения с теми ребятами, которые находятся в Америке, плохие, и лучше в обозримом будущем не станут. Мы видим, как они глушат китайцев, вот это вот все. То есть это пространство столкновения

интересов — в том числе и геополитических. И как это отразится на нас? Сможем ли мы полагаться на программу «Zoom», владельцы которой находятся в Калифорнии, или нам нужна своя программа? В общем, это масса различных вопросов, которые нам даже в голову не приходили полтора года назад. И это вопросы, с которыми мы будем жить.

Есть еще один важный вопрос: если у нас пандемия, карантин становится нормой жизни, то что мы должны сделать с нашими библиотеками и архивами, чтобы они не стали какой-то труднодостижимой роскошью? Потому что сейчас запись что в ГА РФ, что в РГАДА, что в РГИА — это проблема: там просто какой-то закон джунглей действует. Все это ужасно. У меня сейчас есть аспирант, который делает очень интересную архивную работу, и ему в архиве РГАДА говорят, что он может посещать его раз в пять дней, и не чаще — а при этом он командировочный, он из Питера приезжает. Понятно, что все эти нормы, все эти правила, которые ввели архивы, они ввели, полагая, что это на три месяца. Но теперь мы понимаем, что это не на три месяца. И, например, как сейчас будут поступать архивы, если посетитель говорит, что привит, и показывает сертификат? То есть появилась масса всяких новых правил и вопросов по части этих правил.

Это другой мир, другая жизнь, и важно просто не потерять какие-то самые главные вещи. И главное — не позволять крикунам сбивать обсуждение этих серьезных вопросов. Вот буквально два дня назад губернатор Сахалина сказал: давай-

те введем людям, которые сделали прививку, специальные бейджики, чтобы они могли не носить маску. И какие-то идиоты в Интернете завопили, что наши деды погибали, чтобы нам не нашивали желтые шестиконечные звезды, а теперь они нам будут их снова нашивать. Если реагировать на такие вот идиотические выкрики, то тогда, понятное дело, трудно будет всерьез это обсуждать. Но вопрос о том, как будет сертифицироваться прививка, как

она будет признаваться, не станем ли мы зависимы в наших передвижениях между странами от этого фактора, является сейчас одним из важнейших. Мы уже забыли, что такое выездные визы, въездные визы у многих из нас есть, и длинные, а тут выяснится, что, помимо этого, нужны какие-то новые специальные разрешения на пересечение границы. Пандемия все очень сильно поменяла.

Сень Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Как сказались пандемия ковида на вашей профессиональной деятельности с точки зрения доступа к литературе, архивным источникам, возможности поездок за рубеж, общения с коллегами? Заставила ли она вас перестраивать привычные вам методы работы?

Начну с ответа на вторую часть вопроса: нет, организация занятия наукой не претерпела лично для меня особенных изменений. Еще раньше я старался планировать *время*, необходимое для изучения литературы, для обработки источников и написания текстов. Поэтому «приснопамятные» дедлайны почти никогда не составляли и не составляют для меня существенной проблемы. И все же интуитивно чувствую — время, каким-то странным образом, все же стало все ускоряться... и его «вдруг» стало больше. В прошлом году мною было написано (и дописано!) несколько больших и «трудных» текстов (завершение которых позволило закончить работу над новой книгой). В целом замечу, что общения с коллегами меньше не стало, напротив, мне доставляет удовольствие принимать участие в zoom-конференциях. К слову, регулярно именно там «встречаюсь» со старыми знакомыми, причем с теми, с кем лично не виделся уже давно. Довелось принять участие в одной действительно международной zoom-конференции, в город проведения которой я точно бы не выбрался в иных условиях. Наконец, весьма быстро решились мои вопросы копирования документов

в двух российских архивах — одном федеральном и одном государственном. Такие вот немного странные и «быстрые» времена... когда понимаешь, что планирование и *чувствование* времени — на руку научному поиску...

Поскольку вы сочетаете научную деятельность с преподавательской, что вы можете сказать о последствиях пандемии для нашей высшей школы? Что изменилось в вашем общении со студентами, магистрантами, аспирантами? Насколько эффективна работа с молодежью по удаленной связи?

Сравнивая свои впечатления от перехода в онлайн (имея в виду образовательный процесс) с мнением многих других коллег по ЮФУ, могу сказать: во-первых, многие как раз обеспокоены утратой тех смыслов коммуникации, которые составляли базовую часть *научения* молодежи, предполагающего сомнение — осмысление — обсуждение. Во-вторых, связь со студентами — в ходе чтения лекций и проведения практических занятий — становится все более односторонней: многие студенты крайне неохотно вступают, например, в визуальный контакт, упорно «прячась» за так называемыми аватарками. Искреннее и неизбывное для преподавателя профессиональное желание *видеть* в аудитории своих студентов теперь вынужденно «подпитывается» настоятельными просьбами к ним почаще включать камеры. Но главное: заметную имен-

но в вузовском пространстве утрату исключительно функциональной для гуманитариев связки — «глаза в глаза» — считаю одной из главных потерь нашего общения в эту новую (неожиданно подумалось — «надцифровую»!) эпоху...

После того, как ковид уйдет из нашей жизни, останется ли что-то в нашей практике из опыта, приобретенного в 2020 г.? Может быть, мы научились более эффективно пользоваться удаленной связью, и это расширит наши возможности участия в конференциях далеко за пределами России?

Пожалуй, разделю оптимизм, отчетливо звучащий во второй части данного вопроса. Действительно, теперешние непростые (в эпидемиологическом смысле) условия профес-

сиональной коммуникации привели к активизации участия многих российских ученых в научных форумах различного уровня, включая международный. Вдруг подумалось, что теперь уже не сошлешься на отсутствие командировки — вынужденно отклоняя то или иное предложение участвовать в конференции (что, кстати, раньше действительно препятствовало расширению контактов). Напротив, таких предложений стало много и даже очень много, порождая дискомфорт иного рода — что выбрать и каким образом *быстрее* подготовить качественное сообщение. А еще — руководство просит каким-то образом подтверждать *личное* участие в таких мероприятиях, например, в zoom-конференциях, видеозапись которых, я невольно обратил внимание, ведется не всегда. Но это — уже совсем другая история...

Кочегаров Кирилл Александрович — с.н.с. Института славяноведения РАН, к.и.н. (Москва)

Как сказалась пандемия ковида на вашей профессиональной деятельности с точки зрения доступа к литературе, архивным источникам, возможности поездок за рубеж, общения с коллегами? Заставила ли она вас перестраивать привычные вам методы работы?

Введенный в марте полный «локдаун» заставил временно отложить разработку отдельных сюжетов, источниковый и историографический материал для которых не был до конца собран. В целом это не стало большой проблемой, потому что к этому времени у меня был накоплен задел на других направлениях, за разработку которых я и взялся, сидя на весенне-летнем карантине. Результатом стала в том числе и подготовка нескольких статей «сверх плана». Более того, благодаря оцифровке и доступности ряда польских архивных фондов через сервис szukajwarchiwach.pl я смог удаленно работать с оцифрованными архивными делами из необходимого мне фонда Радзивиллов (Главный архив древних актов в Варшаве), скачивая их на жесткий диск компьютера для последующего просмотра и изучения. Не стало огромным препятствием и полное закрытие библиотечных фондов: во-первых, благодаря накопленному личному запасу оцифрованных или оффотографированных изданий, во-вторых, благодаря политике библиотек; в частности, РГБ по моей индивидуальной просьбе открыла мне удаленный доступ к ряду книг, чтение электронных копий которых ранее было возможно только на ком-

пьютерах читального зала. Возможно, проблемы отсутствия прямого доступа в архивы и библиотеки стали бы более ощутимыми, если бы карантин продлился до конца года. Но их открытие в сентябре и работа до конца года позволили наверстать упущенное в плане сбора материала, несмотря на ограниченный график работы. Более того, мне удалось совершить две короткие научные командировки в Санкт-Петербург и полностью выполнить намеченный там план работ (здесь нельзя не поблагодарить администрацию архивов за внимательное отношение к нуждам иногородних исследователей, особенно это касается Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН). Конечно, необходимость предварительной записи, особенно в архив, и возможность работать только половину дня ограничили скорость обработки заказываемых мной дел (иногда просто можно забыть записаться на следующие дни, спохватившись, когда мест уже нет), но в целом особых проблем не создали: я перестроил свой график и посещал архив чаще, чем в «допандемийные» дни (при том что срок каждого пребывания в читальном зале сократился). Я, впрочем, вполне отдаю себе отчет в том, что для иногородних исследователей ограниченный график работы архивов — огромная проблема, заставившая отказаться в этом году от поездок в Москву.

С точки зрения конференций и выездов за рубеж потери были более существенны. Несколько международных конференций за границей,

в которых я собирался участвовать, были отменены или перенесены на неопределенный срок; пришлось отказаться и от двухнедельной командировки в Варшаву по гранту. Часть мероприятий, в которых я участвовал, были переведены в онлайн-формат, на одну конференцию (в Волгоград) мне в период сентябрьско-октябрьского ослабления ограничительных мер удалось даже съездить «живьем». В целом, как мне кажется, онлайн-конференции и семинары «Zoom» могут вполне адекватно решить поставленные задачи по обмену научной информацией и мнениями по актуальным вопросам исторической науки, однако лично мне этот формат не совсем комфортен: во-первых, по семейным обстоятельствам мне тяжело поддерживать онлайн-участие в мероприятии в течение нескольких часов, во-вторых, удаленный формат исключает живое неформальное общение с участниками мероприятия, которое в том числе и в научном плане часто бывает весьма продуктивным.

Резюмируя: в плане научной работы год не стал для меня провальным, а в целом вполне успешным, не лучше, но и не сильно хуже предыдущих, хотя ощутимые внешние обстоятельства (карантин, ограничительные меры) потребовали определенной перестройки научной деятельности (и в каком-то смысле повышения уровня самодисциплины и самоорганизации) для приспособления к новым условиям.

Поскольку вы сочетаете научную деятельность с преподавательской, что вы можете сказать о последствиях пандемии для нашей высшей

школы? Что изменилось в вашем общении со студентами, магистрантами, аспирантами? Насколько эффективна работа с молодежью по удаленной связи?

Я в данный момент не преподаю, не преподавал я и в предыдущий учебный год (2019/2020). Отзывы коллег-преподавателей о «дистанционке», которые я слышал, диаметрально противоположны: кто-то сокрушается, что студенты «на удаленке» менее внимательны и более расслаблены, что исчезла возможность живого общения и наставничества, кто-то радуется тому, что, преподавая из дома, он может лучше организовать свой день и свою работу, не тратя время на изматывающую дорогу до вуза и обратно ради одной-двух пар. Мои проблемы, касающиеся дистанционного образования, скорее были связаны с необходимостью терпеть в доме удаленное обучение двух старших детей.

После того, как ковид уйдет из нашей жизни, останется ли что-то в нашей практике из опыта, приобретенного в 2020 г.? Может быть, мы научились более эффективно пользоваться удаленной связью, и это расширит наши возможности участия в конференциях далеко за пределами России?

Безусловно, дистанционное проведение научных мероприятий сохранится и будет развиваться далее, в том числе и потому, что это позволяет сэкономить на проезде и размещении участников (и организации банкета!). Будет ли это безусловным благом? Не уверен. Как я уже отмечал, живое научное, в том числе кулуарное

общение порой полезней выслушивания читаемых докладов (особенно если материалы публикуются, что теперь весьма распространено), а конференций и до пандемии организовывалось великое множество, что, в свою очередь, порой отражалось на качестве представляемых на них материалов. Нужен ли нам дальнейший экстенсивный рост на этом направлении за счет платформ «Zoom» и прочего? Сомневаюсь, хотя с другой стороны — возможность с легко-

стью подключить любого докладчика удаленно, если он по уважительным причинам не смог приехать на очную конференцию, а его доклад слишком важен — несомненный плюс. Еще одним несомненным последствием пандемии, как мне кажется, станет ускорение оцифровки архивных и библиотечных фондов с открытием к ним удаленного доступа и, как следствие, дальнейшее падение посещаемости библиотек (об архивах такое сказать пока рано).

Хавкин Борис Львович — доктор исторических наук, профессор ИАИ РГГУ

Как сказались пандемия ковида на вашей профессиональной деятельности с точки зрения доступа к литературе, архивным источникам, возможности поездок в другие страны, общения с коллегами? Заставила ли она вас перестраивать привычные вам методы работы?

Ковид запер меня, заслуженного члена возрастной группы 65+, дома. Поездки отменились, доступ к источникам и литературе ограничен домашним архивом и библиотекой — папками с бумагами и завалами книг. Однако многое можно найти в Интернете, если знать, где и как искать.

Реальное общение с коллегами сузилось — виртуальное расширилось.

Поскольку вы сочетаете научную деятельность с преподавательской, что вы можете сказать о последствиях пандемии для нашей высшей школы? Что изменилось в вашем общении со студентами, магистрантами, аспирантами? Насколько эффективна работа с молодежью по удаленной связи?

В РГГУ «удаленка» налажена хорошо, но живого общения со студен-

тами, конечно, не хватает. «Удаленка» — это всего лишь один из способов организации образования и обучения. Но высшее образование — это на 80 % самообразование. «Удаленка» и Интернет представляют в плане самообразования неограниченные возможности.

После того, как ковид уйдет из нашей жизни, останется ли что-то в нашей практике из опыта, приобретенного в 2020 г.? Может быть, мы научились более эффективно пользоваться удаленной связью, и это расширит наши возможности участия в конференциях далеко за пределами одной страны?

Жизнь после ковида будет отличаться от «доковидой». Но хотелось бы поскорее вернуться к нормальной жизни. Я уже привык работать дома. Это очень удобно. Да и «производительность» научного труда растет. Удаленная связь по Интернету — это новое оружие. Важно овладеть им и использовать его в мирных целях развития образования и науки и расширения научного сотрудничества. При этом следует избегать излишней формализации и бюрократизации.

Касьянов Георгий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института истории Национальной академии наук Украины (Киев)

Как сказалась пандемия ковида на вашей профессиональной деятельности с точки зрения доступа к литературе, архивным источникам, возможности поездок за рубеж, общения с коллегами? Заставила ли она вас перестраивать привычные вам методы работы?

В 2020 г. мне пришлось отменить участие в десятке конференций и конгрессов — как в Европе и США, так и в России. С марта 2020-го все перемещения в пространстве ограничили Киевской, Черниговской и Львовской областями. Доступ к литературе и другим источникам почти не пострадал, поскольку я сейчас занимаюсь периодом после 1991 г. — почти все доступно в Интернете. Переход на онлайн-формы общения с коллегами (конференции и семинары) потребовал некоторого времени на адаптацию (особенно когда выступление надо было записать заранее). В некотором смысле такая форма общения даже оказалась более комфортной (можно отключить камеру, не соблюдать дресс-код, слушать выступления и заниматься какими-то другими делами), однако долго так продолжаться не может, энергетика живого общения очень важна.

Это же можно сказать и о творческом процессе. С одной стороны, самоизоляция способствовала большей сосредоточенности на исследованиях и написании текстов. С другой — нарушение привычных алгоритмов и ограничения в общении приводят к некой самоконсервации, на мой

взгляд, не полезной для творчества. Как оказалось, даже кабинетный ученый — существо социальное.

Поскольку вы сочетаете научную деятельность с преподавательской, что вы можете сказать о последствиях пандемии для нашей высшей школы? Что изменилось в вашем общении со студентами, магистрантами, аспирантами? Насколько эффективна работа с молодежью по удаленной связи?

Я десять лет преподавал онлайн-курсы в Берлине, предполагавшие как раз дистанционные формы работы, так что ничего особо нового я не узнал. Но и там были контактные сессии и не было «Zoom». Мой средний сын сейчас студент, он утверждает, что ему такой формат подходит, но мне кажется, что это скорее исключение. Все мои коллеги в вузах жалуются на дефицит непосредственного общения, хотя некоторые, по природе домоседы, очень довольны. Более подробно я не могу высказаться, поскольку уже не преподаю.

После того, как ковид уйдет из нашей жизни, останется ли что-то в нашей практике из опыта, приобретенного в 2020 г.? Может быть, мы научились более эффективно пользоваться удаленной связью, и это расширит наши возможности участия в конференциях далеко за пределами наших стран?

Я бы предпочел, чтобы все «новшества», связанные с пан- и инфодеми-

ей, стали бы все-таки дополнением к стандартному процессу обучения, общения, обмена информацией. Мы по роду деятельности и так ведем малоподвижный образ жизни, а 2020-й вообще превратил нас в подобие жены Лота. Конечно, жизнь заставила освоить формы общения, ранее бывшие скорее исключением, чем правилом. Я освоил «Zoom» и «Google Conference» в дополнение к «Скайпу», «Вайберу», мессенджеру и «Blue

jeans». Но мысль о том, что общение посредством пикселей и байтов станет главным способом профессиональной (да и других форм) коммуникации, как-то не вызывает энтузиазма. С нарастающим нетерпением я жду возвращения к нормальной академической жизни, где непосредственное общение с коллегами (к каковому я отношу и студентов) является одним из главных источников вдохновения и креативности.

Д. В. Панченко

К 150-ЛЕТИЮ М. И. РОСТОВЦЕВА (1870–1952)

В заметке предпринята попытка оценить современным взглядом наследие Михаила Ростовцева, выдающегося знатока истории Древнего Рима.

Ключевые слова: М. И. Ростовцев, история Древнего Рима, римское наследие, отечественная историография первой половины XX в. в общесторическом контексте, историческая наука русской эмиграции.

Сведения об авторе: Панченко Дмитрий Вадимович, кандидат исторических наук; доцент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук СПбГУ и Департамента истории Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: panchenko.dmitri@gmail.com.

D. V. Panchenko

TO THE 150TH ANNIVERSARY OF M. I. ROSTOVZEFF (1870–1952)

The note attempts to assess the legacy of Michael Rostovtzeff, an outstanding expert on the history of Ancient Rome.

Key words: M. I. Rostovtzeff, history of Ancient Rome, Roman heritage, Russian historiography of the first half of the 20th century in a general historical context, the historical science of the Russian emigration.

About the author: Panchenko Dmitri V., Ph.D, Saint Petersburg State University, Associate Professor; Higher School of Economics in Saint Petersburg, Associate Professor (St. Petersburg).

Contact information: panchenko.dmitri@gmail.com.

Ростовцева нередко называют великим историком. Мне трудно судить: как сравнивать исследователя клас-

сической древности со множеством именитых медиевистов, славистов, модернистов, работы которых я даже

не держал в руках? Но одно я знаю точно: наряду с Моммзеном Ростовцев остается самым авторитетным историком из тех, кто писал о Риме, а его книги «Рождение Римской Империи» (скромное сочинение, обращенное в 1918 г. к широкой публике) и «The Social and Economic History of the Roman Empire» (в русском переводе двухтомник «Общество и хозяйство в Римской империи») являются замечательными во всех отношениях.

Научное наследие Ростовцева огромно. Все, что я здесь скажу, будет непосредственно относиться лишь к «Социальной и экономической истории Римской империи». Эта книга, в которой справочный аппарат составляет, наверное, сотни тысяч знаков, является превосходным подтверждением того, что **в своем высшем проявлении история принадлежит литературе**. Там, где прослеживается и постигается судьба — человека, семьи, народа, политической формации, цивилизации, — это литература. У большого писателя и большого историка разный материал и их методы построения текста далеко не во всем сходны, но их общим интересом является **понимание хода жизни**. Перед читателем «Социальной и экономической истории Римской империи» открывается судьба — римского государства и особенно созидательных аспектов римской цивилизации; судьба, которую, в общем-то, можно обозначить двумя словами — **деградация и крушение**. И в центре этого процесса не посторонние варвары и не зловредные христиане (ведь и большинство лучших драм обходится без *deus ex machina*), а структурная эволюция хозяйства, обще-

ства и политических институтов. Как в хорошем литературном произведении и хорошем историческом труде, описание процесса развивается неторопливо, с вниманием ко всевозможным подробностям (ведь кто заранее знает, что окажется важным?), отнюдь не схематично (показательно, что критики Ростовцева часто оказываются неспособными адекватно изложить его концепцию). Полнота картины служит ее целостности, а не дробности. За всем этим стоит, понятно, заинтересованный личный взгляд автора. Эту черту любят связывать с ситуацией эмигранта. Думаю, это неточно. Опыт исторической драмы, которую на его глазах пережила Россия, обострил взгляд Ростовцева на ход истории, но он вовсе не стремится населять Римскую империю русскими реалиями. Не будь пролетарской революции в России, слово «пролетариат», возможно, встречалось бы реже в книге Ростовцева, но само место этого мотива преувеличивается ее критиками. Да, Ростовцев говорит о том, что формирование рядового состава армии из сельского пролетариата и населения областей, пограничных с врагами Рима, означает формирование этой армии из элементов, столь далеких от культурных и социальных традиций римского общества, что в ситуации их восхождения государство оказывается для них не столько отечеством, сколько добычей. Но ничуть не меньше он говорит об удушении поздней императорской властью свободной экономической жизни; ничуть не меньше на страницах его исследования звучат такие мотивы, как непомерное налоговое бремя, бесчисленные уполномоченные правительства,

принудительный рекрутский набор, конфискации, произвол и жестокость местных властей и представителей государства. Само восхождение армии, милитаризацию власти он объясняет тем, что эта власть была основана на узурпации.

Восприятие отрезка истории как судьбы, исторического эпизода как драмы кое в чем намечено уже у Геродота; у Фукидида оно отчетливо присутствует. Мне возразят, что существуют выдающиеся исторические труды, в которых подобное литературное начало отсутствует. Какая, например, драма или судьба в «Феодалном обществе» Марка Блока? Мне кажется, и там это есть,

хотя и в несколько ином виде; ведь и литературные произведения бывают разного рода. Разумеется, далее, личный заинтересованный взгляд, умение чувствовать живое и событийное не являются гарантией успеха исторического исследования — нужен еще и профессионализм. Но по этой части Ростовцева единодушно считают образцом. Некоторые даже готовы простить ему за это его «явно несостоятельные» теории. Наивные люди! Они оперируют ограниченным набором фактов, относящихся к короткому отрезку времени, и не видят понятное каждому сочинителю драмы или прозы: то, что кажется шагом вверх, через пару страниц может обернуться шагом в пропасть.

М. Ю. Эдельштейн

«МАТВЕЕВ — НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ, А ПРАВИЛО, ЛИШЬ ЧУТЬ ГРОТЕСКНО ЗАОСТРЕННОЕ»

Конкретная история с оправданием Холокоста преподавателем высшей школы показывает крупным планом общую ситуацию, сложившуюся в российских социальных и гуманитарных науках.

Ключевые слова: Холокост, ревизия Холокоста, реабилитация нацизма, историческая политика современной России.

Сведения об авторе: Эдельштейн Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова; научный директор Фонда Александра Печерского (Москва).

Контактная информация: edel72@gmail.com.

M. Yu. Edelshtejn

“MATVEEV IS NOT AN EXCEPTION, BUT A RULE, ONLY SLIGHTLY GROTESQUELY POINTED”

The specific story of the justification of the Holocaust by a high school teacher shows a close-up of the general situation in the Russian social sciences and humanities.

Key words: Holocaust, revision of the Holocaust, rehabilitation of Nazism, historical policy of today's Russia.

About the author: Edelstein Mikhail Yu., PhD in Philology, Senior Researcher at the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, Scientific Director of the Alexander Pechersky Foundation (Moscow).

Contact information: edel72@gmail.com.

Мне кажется, отрицание Холокоста — самая очевидная и, в общем-то, малоинтересная часть этой истории с Матвеевым. Важно понять, что у этого казуса есть второй план, и он, по-моему, гораздо важнее, поучительнее и печальнее.

Нам показали крупным планом на одном-единственном примере, что происходит в социальных и гуманитарных науках, если отойти на несколько метров в сторону от нашего уютного пятачка. Ни предмета, ни языка, ни методологии — ничего. Люди выучили несколько формул и кое-как их воспроизводят — без понимания, без всякого смысла, просто как заклинание. Обратите внимание, Матвеев несколько раз произносит словосочетание «архивные данные» — нет, мол, архивных данных про Холокост, про 6 млн погибших. Какие «архивные данные», какое житие твое? Что, этот человек когда-то работал в архивах с документами периода Второй мировой? В его работах есть архивные ссылки? Он вообще знает, как выглядит архив изнутри? Конечно, нет, но он усвоил, что положено упоминать архивы, так солиднее звучит.

При этом у Матвеева, как он сам пишет, более 300 научных работ, из них 17 монографий. За последние 5 лет он опубликовал 136 работ общим объемом 1315 печатных листов (впрочем, вероятно, он просто не знает, чем отличаются печатные листы и журнальные страницы). Последний по времени труд, указанный в его библиографии, — «Особенности перехода на удаленную работу в связи с пандемией и ее перспективы после снятия ограничительных мер». Все

прочее имеет к науке примерно такое же отношение. Но это не мешает ему быть членом двух докторских диссертационных советов и председателем редколлегии научного журнала.

Историк Игорь Петров обнаружил работу Матвеева 2015 г., где тот рассказывает, как евреи и англосаксы с самого начала 1920-х «грамотно вели» «Адольфа Алоизовича» через «сонм экстрасенсов» во главе с Алистером Кроули. Мало того — тут же выяснилось, что даже этот горячечный бред профессор списал (слово в слово, со всеми ошибками и опечатками) из блога какого-то неонациста. И еще раз мало того — Матвеев оказался не просто плагиатором, но и своего рода теоретиком плагиата. В другой работе он пишет, что некорректно называть плагиатом заимствование фрагментов чужих работ без ссылок на источник. Это, мол, просто ошибка, а плагиат — это только когда чужой текст воруют целиком.

То есть совершенная феерия, цирк пополам с зоопарком. На этом фоне вопрос, как Комитету по образованию Ленинградской области удалось пригласить отрицателя Холокоста на вебинар к Дню памяти жертв Холокоста, оказывается вполне второстепенным. Куда интереснее понять, каким образом вот это вот много лет преподавало в двух не последних питерских университетах, заседало в диссоветах, издавало журнал. Кто вообще решил, что военный инженер-радиоэлектронщик без знания иностранных языков должен читать курсы «Внешняя политика стран Северной Европы» или «Международный терроризм и мировое сообщество»? Как человек, путающий

рейх с вермахтом, полагающий, что Палестина расположена на Синайском полуострове, а Библия написана на древнегреческом, превратился в эксперта-международника?

А главное, если бы не эта цепочка случайностей — Матвеева пригласили выступить на вебинаре, он согласился, кто-то из участников возмутился и передал запись в прессу, — он так бы и преподавал, заседал, издавал. Как продолжают преподавать, заседать, издавать сотни, тысячи его двойников (я сейчас, разумеется, не про политические взгляды, а про научный уровень). Девять из десяти докладов на девяти из десяти конференций по социологии, политологии, экономике, философии, истории, литературоведению, психологии абсолютно матвеевopodobны. Этот случай не уникален, он типичен. Матвеев — не исключение, а правило, лишь чуть гротескно заостренное.

На самом деле это вопрос не о личностях, а об институтах. Об уни-

верситетах, которые на самом деле не университеты, а диссеродельные комбинаты. О коррумпированных диссертационных советах. О самозванных академиях (Матвеев числится академиком то ли трех, то ли четырех таких контор). О такого же качества журналах. И, главное, о мире, где все это живет, процветает и воспроизводится.

И последнее. Мне очень не нравятся активно звучащие в последние дни призывы обратиться в прокуратуру, возбудить против Матвеева дело и т. д. Судить за слова — плохая идея даже в Европе, где есть независимый суд и действующие экспертные институты. В нынешней же России это идея катастрофическая. Статья 354.1 («Реабилитация нацизма») должна быть как можно скорее выведена из Уголовного кодекса РФ, как и все прочие «идеологические» статьи. И никаких компромиссов — давайте оставим ее для таких, как Матвеев, а хороших людей трогать не будем — здесь быть не может.

Н. П. Таньшина

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ — 2020

В статье анализируется деятельность международной Школы молодых ученых, состоявшейся 9–13 ноября 2020 г., организованной Государственным академическим университетом гуманитарных наук — Институтом всеобщей истории РАН. В центре внимания статьи — анализ основных вопросов, рассмотренных в рамках Школы, связанных с проблематикой войн и революций Нового времени в исторической памяти, поднятых как в лекциях преподавателей Школы, ведущих российских и зарубежных историков, так и в выступлениях участников Школы.

Ключевые слова: Школа молодых ученых, Государственный академический университет гуманитарных наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, историческая память, революции и войны Нового времени.

Сведения об авторе: Таньшина Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва).

Контактная информация: horoshovo@mail.ru.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

N. P. Tanshina

SCHOOL OF YOUNG SCIENTISTS — 2020

The article analyzes the activities of the International School of Young Scientists, held on November 9–13, 2020, organized by the State Academic University of Humanities — the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. The focus of the article is the analysis of the key issues considered in the framework of School-related wars and revolutions of Modernity in the Memory studies, as raised in the lectures of teachers from leading Russian and foreign historians, and the participants of the School.

© Н. П. Таньшина, 2021

DOI 10.31754/2409-6105-2021-2-426-431

Key words: School of Young Scientists, State Academic University of Humanities, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Memory studies, Revolutions and Wars of Modernity.

About the author: Tanshina Nataliya P., Dr. Hab. (History), professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow).

Contact information: horoshovo@mail.ru.

Acknowledgements: The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Этот сложный пандемийный год стал настоящим испытанием для науки и образования, когда всем пришлось перестраиваться на дистанционный формат преподавания, обучения и приобретения, говоря канцелярским языком, «знаний, умений и навыков». Многие запланированные научные мероприятия сначала просто отменялись, а потом стали постепенно переводиться в онлайн-формат. Поэтому прошедшая с 9 по 13 ноября 2020 г. в Калужской области Школа молодых ученых стала редким в этом году мероприятием классического, «доковидного» формата.

«Историческая экспертиза» уже публиковала отчеты о работе двух предыдущих школ. Как и две первые, третья Школа молодых ученых была организована Государственным академическим университетом гуманитарных наук совместно с Институтом всеобщей истории РАН. В этом году Школа, как и прежде, была рассчитана на молодых историков, специализирующихся на изучении Новой истории стран Европы и Америки. Школа-2020 стала заключительной в трехлетнем цикле аналогичных мероприятий, организованных в рамках исследовательского проекта «Методы утверждения либеральных

ценностей в регионах традиционной культуры в Новое время», поддержанного грантом № 14.Z50.31.0045 Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

В 2018 г. Школа была посвящена эпохе революций 1750–1914 гг. в Западной Европе и Средиземноморье; в 2019 г. — феномену контрреволюции. В этом году Школа была посвящена широкому комплексу проблем, связанных с исторической памятью, и носила следующее название: «Войны и революции Нового времени в исторической памяти».

В свое время известный французский исследователь Пьер Нора противопоставлял «историю» и «память» как отрасли научного знания. «История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим». Революционные события и масштабные межгосударственные конфликты, происходившие в Новое время, оставили след в исторической памяти многих народов, войдя в сферу сакрального. В международный политический лексикон вошли появившиеся в этот период термины «тори» и «виги», «правые»

и «левые», «роялисты» и «республиканцы», «террор», «конституция», «права человека», «народная война», «шовинизм» и многие другие, ныне ставшие общепринятыми. В этот же период происходило формирование наций в странах Европы и Америки. События той эпохи до сих пор вызывают самый живой интерес у историков, политиков и у молодых исследователей, выступивших со своими докладами в рамках Школы.

Акцент был сделан на следующих проблемах: историческая память народов Европы и Америки о войнах и революциях XVII–XVIII вв.; влияние Революционной эпохи 1750–1850 гг. на историографические модели; Французская революция как матрица революционных событий в Европе и Средиземноморье XIX–XXI вв.; революции XIX в. в политике памяти европейских государств; формирование образа «Врага» политической пропагандой во времена войн и революций; мемориализация революционных событий в контексте формирования и эволюции национально-государственной идеологии.

Работа Школы, продолжавшейся на протяжении пяти дней, была организована по принципу научного семинара, или, я бы сказала, настоящего научного марафона. Каждый день первые две «пары» были отведены лекциям преподавателей Школы с обязательной дискуссией в конце, затем, после обеденного перерыва, представляли свои доклады участники Школы. В качестве участников Школы выступали как студенты, так и магистранты, аспиранты и даже уже остепененные молодые исследо-

ватели. Что касается преподавателей Школы, то это были как участники двух прошлых школ, так и новые коллеги.

После напутствия участникам, произнесенного руководителем Школы, д.и.н., заведующим кафедрой исторического регионоведения исторического факультета ГАУГН, главным научным сотрудником и руководителем лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» ИВИ РАН Александром Викторовичем Чудиновым, вводную, теоретическую лекцию на тему «Становление и развитие изучения исторической памяти как научного направления» прочитал д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории, заведующий НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи» Саратовского национально-исследовательского государственного университета А. В. Гладышев, активно разрабатывающий проблематику исторической памяти. Вторая лекция Андрея Владимировича была посвящена более узким сюжетам, а именно образу «казака» в исторической памяти французов.

Если А. В. Гладышев остановился на образе «ужасных казаков» в памяти французов, то А. В. Чудинов, ведущий российский исследователь Французской революции и наполеоновской эры, проблему исторической памяти осветил на примере Египетского похода Наполеона Бонапарта, его очень неоднозначных последствий и восприятия как в историческом, так и обыденном сознании, как со стороны французов, так и со стороны египтян.

Наполеоновская проблематика была продолжена и д.и.н., профессором кафедры всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС, ведущим научным сотрудником ГАУГН Н.П. Таньшиной, проанализировавшей проблемы исторической памяти на примере исторических личностей. Первая лекция была посвящена Наполеону Бонапарту в исторической памяти и политической культуре Франции сквозь призму «черной» и «золотой» легенд. В центре внимания второй лекции Наталии Петровны — канцлер Российской империи граф К.В. Нессельроде, сорок лет возглавлявший Министерство иностранных дел, и причины его непопулярности в исторической памяти и историографии.

В этом году к преподавательскому составу Школы присоединился д.и.н., профессор Тюменского государственного университета С.В. Кондратьев, известный специалист по Новой истории Англии. Первая лекция Сергея Витальевича была посвящена коммеморативным истокам Английской революции. В центре внимания второй лекции — один из самых ярких и противоречивых лидеров революции, до сих пор вызывающий споры среди историков, Оливер Кромвель.

Лекции еще одного преподавателя Школы, тоже дебютировавшего в этом году, д.и.н., заведующего кафедрой Новой и Новейшей истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета М.В. Белова были посвящены проблемам славяноведения и балканистики. Первая лекция была посвя-

щена судьбе метафоры «славянское братство». В своей второй лекции Михаил Валерьевич также сосредоточился на истории понятий: «Национальные революции» на Балканах: приключения идеологемы».

Завершил лекционную программу профессор ГАУГН, почетный профессор Университета Йорка Алан Форрест. Общеизвестный специалист по Французской революции и наполеоновской эпохе, А. Форрест прочел онлайн-лекцию на английском языке на тему: «Наполеоновские войны в национальной памяти европейцев».

Характерно, что все лекции были прочитаны по актуальной проблематике преподавателей Школы и стали апробацией монографий, как недавно опубликованных, так и готовящихся к печати.

Что касается выступлений участников Школы, то их проблематика была необычайно широка, как и география представленных университетов: Уральский федеральный университет, Тюменский государственный университет, Уральский государственный педагогический университет, Саратовский национально-исследовательский государственный университет, Северный (Арктический) федеральный университет, Томский государственный университет, Нижегородский государственный университет, ГАУГН, Саратовская государственная юридическая академия.

Среди участников были как новички, так и много ребят, принимавших участие в работе двух предыдущих школ,

что свидетельствует о популярности такого формата мероприятий. Это, например, Дарья Митюрева из Тюменского государственного университета, выступившая с докладом «Политическое прочтение “Республики” Жана Бодена в период Английской революции»; аспирантка и ассистент кафедры всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин Уральского государственного педагогического университета Алевтина Голотина («Битва народов в немецких коммеморативных практиках первой половины XIX века»); к.и.н., ассистент кафедры востоковедения Уральского федерального университета Татьяна Косых («Путешественники в красных мундирах: британские солдаты в Андалусии 1810–1812 гг.»); младший научный сотрудник ИВИ РАН и ГАУГН Дарья Зайцева («Черная легенда» о Ж.-Л. Тальене в историографии и в исторической памяти); магистрант ГАУГН Андрей Неменов («Англо-русская военная экспедиция в Голландию 1799 г.»); к.и.н., доцент Саратовской государственной юридической академии, старший научный сотрудник НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи» Саратовского национально-исследовательского государственного университета Владимир Еремин («Старый союзник / новый соперник: русская военная сила глазами британских публицистов The Edinburgh Review в 1802–1815 гг.»); младший научный сотрудник ГАУГН, младший научный сотрудник ИВИ РАН Валентина Болт («Русская память об оккупации Франции 1815–1818 гг.»); аспирантка ИВИ РАН, младший научный сотрудник ГАУГН Виктория

Верченкова («Французская пресса 1893 г. о столетии обороны Тулона»). Кстати, Виктория в этом году стала победительницей конкурса на стипендии «Фонда Наполеона», президентом которого является известный французский историк Тьерри Ленц, выступавший с лекциями в рамках прошлогодней Школы.

В результате победителей, по традиции, оказалось двое: по версии преподавателей и «учеников» Школы. В результате голосования участников Школы победа досталась к.и.н. Татьяне Косых. Преподаватели же выбрали победительницей студентку бакалавриата Саратовского национально-исследовательского государственного университета Арину Федосееву, выступившую с докладом на тему: «Английская оккупация Франции 1815–1818 гг.». Критериями оценки были не только сами выступления, но и проявленная активность в ходе обсуждения докладов. Все участники Школы получили сертификаты, а победители — одну из последних книг А. В. Чудинова «“Принц” и “царевубийца”. История Павла Строганова и Жильбера Ромма».

Поскольку формат Школы был «неформальным», общение и обмен мнениями были практически нелимитированными, и было отрудно слышать, как после лекций и семинаров ребята продолжали активно обсуждать поднимавшиеся проблемы. На мой взгляд, молодые исследователи получили не только новые знания по проблематике исторической памяти, но и бесценный опыт общения и обмена мнениями и, что самое важное, приобщения к «ремеслу историка», к жизни исторической

корпорации. И я точно знаю, что все покидали Школу с грустью от того, что эти пять дней интенсивной работы пролетели столь стремительно. Для меня же участие в работе Школы — это всегда настоящий праздник общения с коллегами и ребятами, а лекции коллег я слушала с не меньшим интересом, чем ученики Шко-

лы. Их успехи и неподдельный интерес к изучаемым сюжетам вселяют оптимизм и чувство уверенности относительно будущего российской исторической науки. Ребятам очень нравится учиться, познавать новое. А ведь историк, как писал Люсьен Февр, это не тот, кто знает, а тот — кто ищет...

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>